K25 5/16.

K25 16

СВЯТЫЕ

КИРИЛЛЪ И МЕѲОДІЙ

ПЕРВОУЧИТЕЛИ СЛАВЯНСКІЕ.

Д89/12

Сочиненіе

Ив. Малышевскаго.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, соб. домъ.
1886.

К25 5/16.

СВЯТЫЕ

КИРИЛЛЪ И МЕѲОДІЙ

ПЕРВОУЧИТЕЛИ СЛАВЯНСКІЕ.

Сочиненіе

Ив. Малышевскаго.

Многоуважаемому Д. И. Иловайскому от автора.

189/12

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, соб. домъ.
1886.

Изъ журнала „Труды Кіевской дух. Академіи“ за 1885 и 1886 г.

ГОСУД. РОСС. ИСТОРИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ
№ 10594
19.III-28
БИБЛІОТЕКА

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе I—II.

I. Константинъ въ Солуни и Царьградѣ.

Солунь, солунскіе греки и славяне. Родители св. братьевъ. Дѣтство и отрочество Константина. Видѣніе Софіи. Обученіе въ школѣ; неудачная забава; лучшій путь или вступленіе на подвигъ духовнаго самообразованія. Вліяніе твореній св. Григорія Богослова. Трудности, печали и надежды въ подвигѣ самообразованія. Ѳеоктистъ логоѳетъ: вызовъ Константина въ Царьград…

…въ. Знакомство (вѣроятное) …съ арабскимъ языкомъ. Возвращеніе въ Царьградъ и подвижническая жизнь до перехода на Олимпъ къ Меѳодію. Меѳодій въ отрочествѣ; качества природы и характера въ сравненіи съ братомъ. Меѳодій на славянскомъ княженіи. Переходъ на Олимпъ, жизнь св. братьевъ на Олимпѣ и значеніе ея по отношенію къ будущему служенію ихъ. (Стр. 18—38 и Приложеніе стр. 441—478).

Сохранить автограф

ПАСПОРТ

КНИГА ИМЕЕТ

№ списка и № порядковый	Количество страниц	Количество отдельных томов, выпусков, статей или № №	Таблиц	Карт	Иллюстраций	Дефекты	Печатных листов	Обрез
К925-5/16 10594 · 12 / 789	491						31	—

Изъ журнала „Труды Кіевской дух. Академіи“ за 1885 и 1886 г.

108

68m

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе I—II.

I. Константинъ въ Солуни и Царьградѣ.

Солунь, солунскіе греки и славяне. Родители св. братьевъ. Дѣтство и отрочество Константина. Видѣніе Софіи. Обученіе въ школѣ; неудачная забава; лучшій путь или вступленіе на подвигъ духовнаго самообразованія. Вліяніе твореній св. Григорія Богослова. Трудности, печали и надежды въ подвигѣ самообразованія. Ѳеоктистъ логоѳетъ; вызовъ Константина въ Царьградъ. Обученіе въ придворной школѣ; ...тели Левъ Философъ и Фотій. Отношенія ко двору и Ѳеоктисту. ... отъ брака ради высшаго духовнаго призванія. Константинъ ...зникъ, библіотекарь; учитель придворной школы или философъ; ...ба съ Фотіемъ. Преніе съ Аниіемъ. (Стр. 1—18).

...арацинская миссія Константина и соединеніе съ братомъ Меѳодіемъ на Олимпѣ.

Сарацинское посольство—отъ багдадскаго калифа или амермумны. Политическія и религіозныя отношенія калифата къ христіанамъ и греко-христіанской имперіи, какъ поводъ къ посольству. Вопросъ о вѣрѣ и о св. Троицѣ въ словахъ пословъ. Избраніе 24-лѣтняго Константина въ миссію; вѣроятность участія въ семъ Фотія. Призваніе въ ...олицу калифа. Застольныя бесѣды и пренія съ арабскими мудрецами: ...рты исторической дѣйствительности въ нихъ. Знакомство (вѣроятное) ...онстантина съ арабскимъ языкомъ. Возвращеніе въ Царьградъ и подвижническая жизнь до перехода на Олимпъ къ Меѳодію. Меѳодій въ отрочествѣ; качества природы и характера въ сравненіи съ братомъ. Меѳодій на славянскомъ княженіи. Переходъ на Олимпъ, жизнь св. братьевъ на Олимпѣ и значеніе ея по отношенію къ будущему служенію ихъ. (Стр. 18—38 и Приложеніе стр. 441—478).

III. Хазарская миссія.

Хазаре, ихъ владѣнія. Разноплеменность населенія. Отношенія ихъ къ Византіи и Багдадскому калифату. Разновѣріе и соперничество учителей вѣры, какъ поводъ къ посольству въ Царьградъ и просьбѣ о присылкѣ учителя. Вызовъ Константина и отправленіе обоихъ св. братьевъ въ миссію. Св. братья въ Херсонѣ. Изученіе Константиномъ еврейскаго языка и еврейскихъ книгъ, самарянскаго нарѣчія и книгъ. Русскій человѣкъ и русское евангеліе, какъ евангеліе готское. Изученіе Константиномъ языка гото-руссовъ и ихъ евангелія. Открытіе мощей св. Климента. Бесѣда съ хазарскимъ (босфорскимъ) воеводой; встрѣча съ уграми. Прибытіе къ хазарамъ. Застольныя бесѣды и пренія съ учителями изъ іудеевъ и мусульманъ. Запись Константиномъ и переводъ Меѳодіемъ преній. Обратный путь чрезъ тотъ же Крымъ. Проповѣдь въ Фуллахъ. Значеніе миссіи для христіанства у хазаръ и для будущей миссіи у славянъ. Возвращеніе въ Царьградъ. Константинъ—при церкви св. апостоловъ, Меѳодій—игуменъ въ Полихроніевомъ монастырѣ. Отношеніе св. братьевъ къ патріарху Фотію въ моментъ Хазарской миссіи и послѣ нея предъ отправленіемъ въ Моравскую миссію. (Стр. 39—81).

IV. Призывъ св. братьевъ въ Моравскую миссію и переводъ ими свящ. книгъ на славянскій языкъ.

Моравское государство, его политическія и церковныя отношенія Моравское посольство въ Царьградѣ и его просьба. Соборныя совѣщанія по поводу ея въ присутствіи Константина. Вопросы его о славянскихъ книгахъ. Переводъ богослужебныхъ чтеній изъ свящ. писанія. Мысль о богослуженіи на народномъ языкѣ, какъ важнѣйшая сторона этого подвига. Мысль эта, какъ мысль не моравлянъ или Византіи, а исключительно мысль Константина, усвоенная и братомъ его. Какъ пришелъ онъ къ этой мысли? Гдѣ и когда впервые возымѣлъ ее? Вѣроятность болѣе давняго существованія отрывочныхъ опытовъ перевода на славянскій языкъ молитвъ и проч. Вѣроятные помощники Константина въ переводѣ. Письмена Кириллицы, какъ письмена перевода. Языкъ византійскихъ славянъ, какъ языкъ перевода. Былъ ли переводъ освященъ утвержденіемъ со стороны константинопольской церкви? Въ какомъ званіи отправились св. братья въ Моравскую миссію? Какимъ путемъ они отправились туда и участвовали ли въ обращеніи къ вѣрѣ болгарскаго князя? (Стр. 83—137).

V. Дѣятельность Константина и Меѳодія въ Моравіи и Панноніи и по выходѣ отсюда до кончины св. Константина въ Римѣ.

Прибытіе св. братьевъ въ Моравію и учительская дѣятельность ихъ здѣсь, и ея плоды. Враги святого дѣла ихъ—латино-нѣмецкіе епископы, ученіе ихъ о треязычіи. Борьба съ ними Константина. Путешествіе въ Венецію для рукоположенія учениковъ. Пребываніе въ Панноніи у Коцѣла и ученики здѣсь. Мужественная защита Константиномъ славянскаго богослуженія предъ латинскимъ соборомъ въ Венеціи. Вызовъ св. братьевъ въ Римъ. Распри между Царьградомъ и Римомъ по дѣлу Фотія и новокрещенной Болгаріи, повліявшія на характеръ отношеній Рима къ дѣлу св. братьевъ. Прибытіе ихъ въ Римъ съ мощами св. Климента. Торжественная встрѣча ихъ папою, благосклонный пріемъ славянскихъ книгъ, посвященіе учениковъ св. братьевъ. Учительство Константина и уваженіе къ нему въ Римѣ; противники его—треязычники. Перемѣна въ отношеніяхъ Царьграда къ Риму во время пребыванія здѣсь св. братьевъ; царьградское и болгарское посольства въ Римѣ. Болѣзнь Константина въ Римѣ, постриженіе съ именемъ Кирилла, предсмертная молитва и завѣщаніе брату. Обстоятельства погребенія его и объясненіе ихъ. Предположеніе о твореніяхъ св. Кирилла. (Стр. 137—167).

VI. Дѣятельность св. Меѳодія въ Моравіи и Панноніи.

Отправленіе Меѳодія изъ Рима въ Панноніи, письма Адріана II къ Коцѣлу, также Ростиславу и Святополку. Новое путешествіе Меѳодія въ Римъ; Меѳодій—епископъ Панноніи и Моравіи. Паденіе моравскаго князя Ростислава; Святополкъ; усиленіе власти нѣмцевъ въ Моравіи и Панноніи, злоба нѣмецкаго духовенства противъ Меѳодія, судъ надъ нимъ, заточеніе, безучастность Рима къ его судьбѣ. Святополкъ—независимый моравскій князь и успѣхи его въ борьбѣ съ нѣмцами. Усилія нѣмецкихъ епископовъ удержать свою власть въ Моравіи и Панноніи. Записка ихъ и посольство въ Римъ. Неудача дѣла ихъ въ Римѣ. Легатъ папы Іоанна VIII, отправленный въ Германію и Панноніи, инструкція ему, письма папы къ королю Лудовику и тремъ нѣмецкимъ епископамъ въ защиту Меѳодія и въ огражденіе правъ моравско-паннонской церкви. Освобожденіе и возстановленіе іерархическихъ правъ Меѳодія. Прибытіе его въ Моравію, изгнаніе моравлянами нѣмецкихъ священниковъ. Дополнительныя поясненія: виды

папы въ утвержденіи моравско-паннонскаго архіепископства. Письмо его къ сербо-хорватскому князю Мутимиру. Письмо къ Меѳодію. Спокойная, просвѣтительная дѣятельность Меѳодія съ 874 г. Процвѣтаніе и расширеніе предѣловъ моравскаго государства. Дѣйствія Меѳодія въ просвѣщеніи христіанскою вѣрою надъ-вислянскаго князя, чешскаго князя и Чехіи. Судьба славянскаго христіанства въ Панноніи; вліяніе Меѳодія на хорвато-сербскую Далмацію. Новые козни и доносы въ Римъ на Меѳодія съ 879 г. Податливость Святополка внушеніямъ враговъ Меѳодія и недостатокъ сердечной преданности ему. Іоаннъ венеціанскій, посолъ Святополка въ Римѣ. Письма папы Іоанна VIII къ Меѳодію и Святополку и вызовъ перваго въ Римъ. Путешествіе Меѳодія въ Римъ. Нѣмецъ Вихингъ. Письмо папы Іоанна VIII въ оправданіе Меѳодія. Обстоятельства, повліявшія на образъ дѣйствій папы; отношенія папы къ франко-нѣмецкой имперіи, къ Византіи, къ Болгаріи и личныя—къ Меѳодію. Анализъ Меѳодіева дѣла въ Римѣ и постановленій папы по нему, выражаемыхъ письмомъ, особенно въ вопросахъ о символѣ вѣры, о славянскомъ богослуженіи и устройствѣ моравской церкви. Вихингъ-епископъ Нитры, но подъ властію Меѳодія. Церковныя отношенія далматинскихъ хорватовъ къ Византіи и Риму при Седеславѣ, Бранимирѣ и еп. Ѳеодосіѣ, совпадающія по времени съ дѣломъ Меѳодія въ Римѣ и связь ихъ съ послѣднимъ. Послѣднія сношенія папы Іоанна VIII съ Болгаріею. Возвращеніе Меѳодія въ Моравію. Было ли обнародовано принесенное имъ папское письмо къ Святополку? Недостатокъ вниманія его къ Меѳодію и попустительство латино-нѣмецкой партіи. Новыя козни ея во главѣ съ Вихингомъ противъ Меѳодія. Затруднительное положеніе папъ, письмо его къ Меѳодію, обличеніе лживости Вихинга и его союзниковъ на церковно-народномъ собраніи. Путешествіе Меѳодія въ Царьградъ; благосклонный пріемъ здѣсь. Оставленіе въ Царьградѣ двухъ учениковъ славянскихъ книгъ. Вѣроятность посѣщенія Меѳодіемъ Болгаріи. Возвращеніе въ Моравію. Переводъ всей Библіи, Номоканона и отеческихъ твореній. Нѣкоторое улучшеніе отношеній Святополка къ Меѳодію и къ славянской церкви. Вѣроятность посѣщенія Меѳодіемъ возвращенной Святополкомъ Паннонiи. Отлученіе Вихинга и его сторонниковъ. Свиданіе Меѳодія съ угорскимъ княземъ: достовѣрность и значеніе событія. Послѣдніе дни жизни Меѳодія; прощаніе съ учениками и народомъ, назначеніе Горазда преемникомъ. Кончина и погребеніе. (Стр. 167—329).

VII. Судьба славянской церкви въ Моравіи и Панноніи при ученикахъ св. Кирилла и Меѳодія.

Главные ученики св. братьевъ; Горазд, нареченный преемникъ Меѳодія, но не епископъ. Недостатокъ участія къ нему со стороны Святополка. Вихингъ на моравской архіепископіи. Письмо папы Стефана V къ Святополку и его Commonitorium легатамъ въ Моравіи. Критика по отношенію къ этимъ документамъ. Объясненіе дѣла Вихинга въ Римѣ, его и папскихъ легатовъ въ Моравіи. Житіе Климента Бѣлицкаго; критическія замѣчанія о немъ. Борьба учениковъ Меѳодія съ Вихингомъ и латино-нѣмецкимъ духовенствомъ. Вопросъ о filioque. Первое изгнаніе учениковъ Меѳодія; торжество Вихинга. Борьба Святополка съ Арнульфомъ; изгнаніе Вихинга; поворотъ Святополка въ пользу народной церкви, запоздалость его. Смерть Святополка и сужденія о немъ. Сыновья Святополка. Моймиръ. Вторженіе угровъ въ Панноніо. Вражда Арнульфа и нѣмцевъ къ Моравіи; союзники Арнульфа и враги Моравіи среди сосѣднихъ славянъ; ослабленіе моравскаго государства, попытка Моймира оградить его независимость; союзъ съ уграми. Забота о народной церкви въ Моравіи. Возстановленіе моравской іерархіи папою чрезъ его легатовъ въ Моравіи. Протесты нѣмецкой іерархіи и козни нѣмцевъ противъ Моравіи. Завоеваніе Моравіи уграми; упадокъ славяно-моравской церкви; второе разсѣяніе учениковъ св. братьевъ. Сохранность и живучесть дѣла славянскихъ первоучителей. (Стр. 329—429).

Приложеніе: Олимпъ, на которомъ жили свв. Константинъ и Меѳодій. (Стр. 430—479).

Дополненія и поправки. (Стр. 480—484).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемое сочиненіе принадлежитъ къ разряду тѣхъ изслѣдованій по исторіи святыхъ первоучителей славянскихъ, начало которымъ положено въ русской наукѣ достопамятнымъ изслѣдованіемъ А. В. Горскаго: „Житія св. Кирилла и Меѳодія“. Въ основѣ этихъ изслѣдованій лежитъ убѣжденіе въ достоинствѣ древнихъ, пространныхъ „Житій“ свв. Кирилла и Меѳодія, какъ начальнаго и основного источника для ихъ исторіи. На этой основѣ, при должномъ вниманіи къ другимъ источникамъ и къ трудамъ изслѣдователей, обработано настоящее сочиненіе о святыхъ первоучителяхъ славянскихъ, какъ сочиненіе *историческое*. Авторъ желалъ представить въ немъ возможно ясное, истинное и цѣлостное воспроизведеніе жизни и дѣятельности св. первоучителей, сосредоточенное на главномъ жизненномъ подвигѣ ихъ. Въ частности, авторъ старался яснѣе и тверже установить историческую значимость тѣхъ извѣстій „Житій“, какія оставались менѣе другихъ уясненными, или болѣе другихъ подпадали сомнѣніямъ и возраженіямъ относительно исторической достовѣрности ихъ. Ближайшая связь заключитель-

ныхъ извѣстій житія Меѳодія съ извѣстіями о судьбѣ славянской церкви въ Моравіи и Панноніи при его ученикахъ побуждала автора восполнить свой трудъ изложеніемъ и разборомъ этихъ извѣстій. Въ сознаніи мѣры своихъ научныхъ средствъ и той помощи, какую находилъ въ трудахъ другихъ изслѣдователей при обработкѣ настоящаго сочиненія, авторъ съ признательностію приметъ то, что, въ интересѣ научной истины, можетъ быть высказано людьми науки о недостаткахъ въ его трудѣ. Испытанія, причиняемыя русской мысли въ данное время печальными нестроеніями въ нѣкоторой части наиболѣе незрѣлыхъ славянъ, не могутъ ослабить научнаго интереса къ свѣтлымъ личностямъ славянскихъ первоучителей и къ тому главному подвигу ихъ, въ которомъ дана опора православно-христіанскому воспитанію и народно-самобытному развитію славянъ, и которымъ наиболѣе воспользовались мы — русскіе славяне.

I. Родиною св. Первоучителей славянскихъ былъ г. Солунь на южной окраинѣ Македоніи у берега солунскаго залива, сѣверозападной оконечности греческаго архипелага. Солунская равнина, орошаемая впадающими въ архипелагъ рѣками Стримономъ на востокъ и Вардаремъ на западъ отъ Солуня, въ теченіи ряда вѣковъ насѣлялась славянами, приходившими сюда изъ придунайской родины, наиболѣе памятной родины и нашихъ русскихъ славянъ [1]). Въ VI и VII в.в. христіанской эры славяне солунской равнины не одинъ разъ бывали въ борьбѣ съ греками и нѣсколько разъ (въ 597, 676, 769, 685—687 г.г.) упорно, но безуспѣшно осаждали Солунь, какія осады прославлены въ греческихъ сказаніяхъ о св. Димитріѣ, солунскомъ патронѣ, память котораго праздновалъ св. Меѳодій и въ Моравіи. Въ послѣдней четверти VII в., по поводу новаго прилива славянъ изъ придунайской Болгаріи на солунскую равнину, греческое правительство старается подчинить ихъ то оружіемъ, то договорами, часть ихъ переселяетъ въ Малую Азію на при-

[1]) О Солуни и о Солунской равнинѣ съ указаніемъ и на славянскія поселенія въ ней—у Іоанна Каменіата въ его сказаніи: Εἰς τὴν ἅλωσιν τῆς Θεσσαλονίκης (Patrol. Graecae, edit. Migne, T. 109, p. 526 и далѣе). Каменіатъ, солунскій уроженецъ, описывая послѣдовавшее при немъ взятіе и опустошеніе Солуни арабами въ 904 г., предпосылаетъ нѣсколько замѣчаній о прошлой исторіи Солуня и о состояніи его и окрестной страны въ ближайшее предъ указаннымъ событіемъ время. Говоря о плодородіи Солунской равнины, удобной для земледѣлія, Каменіатъ даетъ видѣть одну изъ причинъ, по которымъ солунская равнина издавна привлекала къ себѣ съ сѣвера славянъ, наклонныхъ особенно къ земледѣльческому труду.

брежье Геллеспонта, остальнымъ даетъ устроится поселеніями особенно по р. Стримону, подчиняя управленію стримонскаго стратега, жившаго въ г. Серресѣ на востокъ отъ Стримона. Ближайшихъ къ Солуню славянъ находимъ потомъ въ зависимости отъ г. Солуня, а въ средѣ ихъ съ VII в. и далѣе встрѣчаемъ племя Дреговичей. Съ конца VII в. славяне солунской равнины, за рѣдкими перерывами, живутъ уже въ мирѣ съ греками, такъ что въ IX в., вѣкѣ св. братьевъ солунскихъ, едва ли былъ другой уголокъ въ греко-славянскомъ мірѣ, гдѣ отношенія мирнаго и добраго сосѣдства между греками и славянами были столь давними и привычными, какъ въ солунской области и вообще Македоніи [1]). Сближаясь съ греками, здѣшніе славяне перенимали отъ нихъ начатки гражданственности, культуры и самой вѣры, роднились съ греками, поступали на службу имперіи, гдѣ начиная съ V в. и далѣе видимъ не мало лицъ славянскаго происхожденія на разныхъ постахъ служеб-

---

[1]) Договоры славянъ Солунской области съ византійскимъ правительствомъ, безъ сомнѣнія, имѣвшіе вліяніе на установленіе отношеній мирнаго сосѣдства между ними и солунскими греками, упоминаются со времени Іустиніана II (685—692), о которомъ въ хроникѣ Константинопольскаго патріарха Никифора (Patrologiae Graecae, ed. Migne, T. 100, p. 936) говорится что онъ πολλά τῶν ἐκεῖσε (т. е. около Солуни) Σκλαβηνῶν γένη τὰ μεν πολέμῳ τὰ δὲ ὁμολογίᾳ παρελαβῶν и проч. Θеофилъ сигріанскій въ своей хроникѣ почти также выражается о способахъ подчиненія императоромъ Іустиніаномъ II славянъ, сосѣднихъ съ Солунемъ. Μέχρι δὲ Θεσσαλονίκης ἐδραμών, πολλὰ πλήθη τῶν Σκλάβων τὰ μὲν πολέμῳ, τὰ δὲ προσρυέντα παρελαβών... Ibid. T. 108, p. 739. Іоаннъ Каменіатъ, въ цитованномъ выше сочиненіи, говоря о славянскихъ поселеніяхъ солунской равнины (τοῦ πεδίου) въ недалекое отъ него время, т. е. въ вѣкъ Константина и Меѳодія, замѣчаетъ что нѣкоторыя изъ разсѣлившихся здѣсь племенъ, такъ называемые Другувиты и Сагудаты (Δρουγουβιτάι τινες καὶ Σαγουδάτοι) платятъ дань городу, а другія—скиескому народу, невдалекѣ оттуда живущему, т. е. Болгарамъ. Далѣе Каменіатъ говоритъ о мирныхъ отношеніяхъ жившихъ въ солунской равнинѣ славянъ къ обѣимъ сторонамъ, т. е. къ городу и къ сосѣднему скиескому народу, обусловливаемыхъ выгодами торговли, промысла и проч. (Ibid. p. 534). Мирныя отношенія солунскихъ славянъ къ грекамъ нарушались въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ VIII и первыхъ IX в. только подъ вліяніемъ болгарскихъ вторженій въ предѣлы Македоніи. Исторія Болгаръ Иречка, Одесса, 1878 г. стр. 182—179.

ныхъ, даже высшихъ, и самомъ престолѣ императорскомъ. Многіе изъ славянъ, поступавшихъ на службу имперіи, селившихся въ городахъ,—разумѣемъ отдѣльныя лица и фамиліи, чрезъ это самое становились греками, огречивались,—привнося свѣжіе жизненные соки въ дряхлѣющій организмъ имперіи, чему не мало обязана она и своею долговѣчностію въ сравненіи съ западно-римскою имперіею, распавшеюся ранѣе. Это была начальная услуга славянъ христіанскому греко-востоку, по закону міроправящей правды Божіей, ждавшая воздаянія въ видѣ услуги со стороны грековъ самобытному развитію славянъ. Возможность такой услуги обусловливалась для грековъ тѣми же отношеніями долгаго и близкаго сосѣдства, которыя, скажемъ опять, едва-ли гдѣ-либо достигали такой выразительности, какъ у грековъ и славянъ солунскихъ. Солунскіе греки путемъ обыденныхъ сношеній съ славянскимъ населеніемъ, которое платило подать г. Солуню, питало его плодами своихъ земледѣльческихъ трудовъ и промысловъ, но оставалось при своемъ народномъ языкѣ славянскомъ, ознакомились съ этимъ языкомъ настолько, что могли чисто говорить послявянски, какъ свидѣтельствуетъ о томъ житіе Кирилла. Извѣстенъ былъ этотъ языкъ и въ благословенной семьѣ, давшей учителей славянскимъ народамъ.

То была семья Льва и Маріи, людей знатнаго происхожденія и высокаго положенія въ Солуни [1]). Левъ въ теченіи многихъ лѣтъ занималъ здѣсь должность „друнгарія подъ стратегомъ“, т. е. товарища или помощника областнаго военнаго начальника. Начало такой службы Льва въ Солуни приближалось ко времени бывшихъ войнъ съ имперіею сильнаго болгарскаго князя Крума, которому удалось было захватить сѣверную часть Македоніи, возвра-

[1]) Имя Маріи, не упоминаемое въ древнихъ житіяхъ, упоминается въ краткомъ житіи Кирилла позднѣйшаго происхожденія, цитуемомъ ниже.

щенную греками по смерти Крума, бывшей въ 815 г.[1]). Для управленія областями Македоніи въ виду бывшихъ и возможныхъ опасностей отъ болгаръ, уже властвовавшихъ надъ одноплеменными македонскимъ дунайскими славянами, требовались лица извѣстныя, опытныя, способныя удерживать въ мирныхъ отношеніяхъ къ имперіи славянскія населенія Македоніи. Левъ былъ извѣстенъ при дворѣ императорскомъ, какъ прямо заявляютъ о томъ житія Кирилла и Меѳодія. Житія не говорятъ съ полною опредѣленностію о томъ, кто были по происхожденію Левъ и Марія—греки или славяне. Поэтому и въ наукѣ вопросъ этотъ остается спорнымъ и рѣшается различно, болѣе или менѣе предвзято. Большинство склоняется признавать ихъ греками. Позднія извѣстія называютъ Льва славяниномъ, а Марію гречанкою[2]). Если Левъ и былъ славяниномъ по предкамъ, то, какъ человѣкъ государственной службы, подобно цѣлому ряду другихъ такихъ лицъ славянскаго происхожденія, былъ славяниномъ огреченнымъ, сознавалъ себя грекомъ. Не сказавъ намъ о происхожденіи Льва и Маріи, древнія житія Кирилла и Меѳодія предпочли отмѣтить другія качества ихъ, одинаково цѣнныя въ грекѣ и славянинѣ и въ каждомъ человѣкѣ-христіанинѣ; это—ихъ благовѣріе и благочестіе. Сохранить благовѣріе на важномъ постѣ государственной службы, также какъ и сохранить свой служебный постъ при благовѣріи, было не заурядnымъ дѣломъ въ данное время, когда при дворѣ тогдашняго императора Ѳеофила иконо-

---

[1]) Константинъ, младшій изъ семерыхъ дѣтей Льва, род. въ 827 г. Житіе какъ будто даетъ понять, что и всѣ семеро дѣтей Льва родились у него, какъ *уже друнгарія*, слѣд. онъ былъ имъ не менѣе 10 лѣтъ до 827 г. Если онъ оставался друнгаріемъ до своей кончины, послѣдовавшей чрезъ 14 лѣтъ по рожденіи послѣдняго сына, то, значитъ, занималъ эту должность не менѣе 24 лѣтъ.

[2]) Это слѣд. извѣстіе краткаго житія св. Кирилла, найденнаго г. Гильфердингомъ въ Призрѣнѣ въ сборникѣ XV—XVI в. (Извѣстія 2 Отд. Академ. наукъ Т. VI, вып. 5, стр. 383: „сіи преподобный отецъ нашъ Кириллъ рожденіемъ бысть отъ Селуна града, родомъ *съ сблгарина*, отъ благовѣрныхъ родителей родися, имя же отцу Левъ и матери же его бѣ Марія“. Гречанкою называетъ ее позднее аѳонское преданіе.

борца преобладали иконоборцы, недавно въ самой Солуни низложившіе съ каѳедры православнаго митрополита св. Іосифа, брата св. Ѳеодора Студита, и замѣстившіе ее иконоборцемъ [1]). Надо полагать, что только уваженіе къ заслугамъ и достоинствамъ солунскаго друнгаря заставляло дворъ такъ долго удерживать Льва на этомъ важномъ постѣ. Затѣмъ само собою понятно, что благовѣрные и благочестивые родители желали и способны были воспитать въ духѣ вѣры и благочестія и своихъ дѣтей, которыхъ у нихъ было семеро. Въ одномъ изъ старшихъ Меѳодіѣ и въ самомъ младшемъ Константинѣ они имѣли такихъ дѣтей, которымъ свыше суждено было особенное призваніе на великій подвигъ, стяжавшій имъ славу вѣковѣчную. Первымъ выступилъ на этотъ подвигъ младшій Константинъ. Первымъ стоитъ и древнее житіе его подлѣ житія Меѳодія. Потому и въ нашей рѣчи о св. братьяхъ первою будетъ рѣчь о Константинѣ.

По сказаніямъ о людяхъ особеннаго высшаго призванія, знаменія и проблески этого призванія обозначаются въ нихъ нерѣдко на самой зарѣ ихъ жизни, видятся затѣмъ на имъ особенно свойственномъ подвигѣ самовоспитанія, подготовляющемъ ихъ къ жизненному подвигу зрѣлыхъ лѣтъ. Константинъ, какъ сказано, самый младшій изъ дѣтей Льва и Маріи, родился въ 827 г. Дитя не хотѣло принять груди чужой матери-кормилицы и прильнуло только къ груди родной матери, которою и вскормлено. Это, говоритъ житіе, было по Божію смотрѣнію, чтобы добрая лѣторосль добраго корня вспоена была чистымъ молокомъ родной матери. Благочестіе родителей, тронутыхъ знаменіемъ, какъ далѣе повѣствуетъ

[1]) Св. Іосифъ, удаленный съ солунской каѳедры послѣ 809 г., подвергавшійся потомъ заточенію и тяжкимъ истязаніямъ, скончался ок. 830 г. Если не совсѣмъ ясно извѣстіе, что преемникомъ св. Іосифа былъ Іоаннъ или Янній иконоборецъ, впослѣдствіи патріархъ константинопольскій, то несомнѣнно, что съ 839 г. былъ солунскимъ митрополитомъ Левъ философъ, низложенный соборомъ 842 г. за сочувствіе иконоборству.

житіе, внушило имъ обѣтъ, по которому они проводили остальные годы жизни, какъ братъ и сестра, въ утѣшеніяхъ только родительской любви къ дѣтямъ, нѣжность которой обращена была особенно на послѣднее дитя, какъ послѣднее утѣшеніе. Опытъ показываетъ, что въ дѣтяхъ, особенно дѣтяхъ, отличенныхъ дарованіемъ и раннимъ развитіемъ, возбуждаются вопросы и стремленія, способные приводить въ раздумье и взрослыхъ. Константинъ въ возрастѣ семи лѣтъ уже думаетъ о мудрости, видитъ образъ ея и во снѣ и такъ разсказываетъ отцу и матери этотъ сонъ: „стратегъ, собравъ предо мною дѣвицъ со всего нашего города, сказалъ мнѣ: выбирай себѣ подругу. Я посмотрѣлъ и выбралъ одну, блиставшую красотой и дорогими одеждами; ее звали Софія, мудрость". Можно припомнить здѣсь, что въ Византіи, какъ потомъ въ Россіи, бывали примѣры выбора невѣсты молодому государю изъ собранныхъ на его осмотръ красивѣйшихъ дѣвицъ. Такъ именно выбралъ себѣ невѣсту тогдашній царь Ѳеофилъ въ лицѣ Ѳеодоры Пафлагонянки. Разсказы объ этомъ выборѣ, анекдотическая занимательность которыхъ увеличивалась связью съ исторіею мудрой Икасіи или Кассіи, были, можно думать, ходячими въ Византіи, такъ что занесены потомъ въ хроники и сказанія [1]). Можно бы ска-

---

[1]) Ѳеофилъ женился на Ѳеодорѣ въ 831 г. Это былъ второй бракъ его. О брачномъ выборѣ разсказывается такъ: мать царя (собственно мачиха) Ефросинія собрала изъ разныхъ областей одиннадцать красивѣйшихъ дѣвицъ и поставивъ ихъ въ палатѣ, называемой жемчужный триклиній, дала Ѳеофилу золотой перстень (по другимъ золотое яблоко), сказавъ: отдай той, которая понравится. Въ числѣ дѣвицъ были Икасія и Ѳеодора, стоявшія рядомъ. Казалось, царь наиболѣе плѣнился Икасіею, красивѣйшею изъ всѣхъ, но колебался въ выборѣ и наконецъ сказалъ: *не чрезъ жену ли произошло все злое?* Мудрая Икасія скромно возразила: *чрезъ жену же произошло и все доброе.* Недовольный возраженіемъ, царь отвернулся отъ Икасіи и отдалъ перстень Ѳеодорѣ. Икасія постриглась въ монахини, потомъ устроила женскій монастырь въ Константинополѣ близъ Студійскаго монастыря и извѣстна, какъ церковная писательница. Ея прекрасные церковные стихиры и пѣсни доселѣ сохраняются въ нашихъ церковныхъ книгахъ и обозначаются въ надписяхъ ея именемъ. Къ объясненію разсказа о выборѣ *семильѣтнимъ* Константиномъ, въ сонномъ видѣніи,

зать, что ходячій разсказъ о выборѣ царемъ невѣсты изъ красивѣйшихъ дѣвицъ слышался и въ домѣ солунскаго друнгарія, какъ лица извѣстнаго при дворѣ, что онъ послышался и мальчику Константину и далъ форму сонному видѣнію его, въ которомъ между тѣмъ отразилось дѣйствительное настроеніе мальчика, мечтавшаго о мудрости. Выслушавъ Константина, отецъ и мать объяснили ему мудрость словами Писанія, внушали имѣть ее подругою жизни и, видя, что мальчикъ самъ проситъ ученія, отдали его въ школу. Здѣсь Константинъ отличался успѣхами, удивлялъ своею памятью, остротою мысли. Въ досужее время школьники уходили на поле и забавлялись соколиною охотою. Ею тѣшился Константинъ и имѣлъ своего любимаго ястреба. На одной изъ такихъ охотъ пущенный имъ за птицей ястребъ унесенъ порывистымъ вѣтромъ и пропалъ. Мальчикъ такъ опечалился, что два дня ничего не ѣлъ. Это было, поясняетъ житіе, дѣломъ человѣколюбія Божія, ведшаго своего избранника отъ суеты мірской къ высшему подвигу. Послѣ двухдневной сильной печали Константинъ разсуждалъ: „таково житье наше, въ замѣнъ недолгой радости оно приноситъ долгую печаль. Отселѣ пойду другимъ лучшимъ путемъ, не тратя времени на праздныя утѣхи“. Мальчикъ весь отдался ученію, сидѣлъ дома за книгами. Съ точки зрѣнія психологической весь этотъ разсказъ даетъ предвидѣть въ

невѣсты Софіи можетъ служить и то, что, по тогдашнимъ законамъ, *съ семи* лѣтъ можно было уже совершать *обрученіе* женіховъ и невѣстъ, заранѣе пріискиваемыхъ родителями для своихъ дѣтей (*А. Лебедева*, Очерки внутренней Исторіи Византійско-Восточной церкви въ IX—XI в. Москва 1878. стр. 85). Очень естественно, что на седьмомъ году мальчика или дѣвочки въ семьѣ заходили на эту тему разговоры, слышанные и тѣми семилѣтними кандидатами въ женихи и кандидатками въ невѣсты, которыхъ они касались. Семилѣтній Константинъ въ сонномъ видѣніи также избираетъ себѣ невѣсту, которую родители, пораженные разсказомъ своего чуднаго отрока, и совѣтуютъ ему имѣть на всегда *подругою* жизни, сестрою. Но это была не обычная невѣста, а Софія, мудрость.

Константинѣ задатки такъ называемой цѣльной природы, цѣльной личности, способной всецѣло отдаваться преобладающему чувству, стремленію. Весь онъ отдавался радости въ своей забавѣ, весь и уже навсегда отдался тому духовному настроенію, которое между тѣмъ наиболѣе соотвѣтствовало и его природѣ. Житіе не говоритъ, чрезъ сколько лѣтъ по поступленіи Константина въ школу послѣдовала въ немъ такая рѣшительная и безповоротная перемѣна, которую онъ называетъ вступленіемъ на лучшій путь. Но оно даетъ понять, что съ этой поры Константинъ, если не оставилъ школы, которая, какъ начальная, могла уже и не удовлетворять даровитаго ученика, то восполнялъ школьное обученіе усидчивыми упражненіями дома, сталъ самъ учиться, начавъ такимъ образомъ подвигъ самообученія, самовоспитанія. Съ тревогою смотрѣла нѣжная мать на усиленныя занятія сына, порывавшагося къ ученію, но казавшагося ей безпомощнымъ. Тревога ея увеличилась, когда на 14 году жизни Константина отецъ его слегъ смертнымъ недугомъ. Съ плачемъ говорила она умиравшему Льву: „ни о чемъ я такъ не печалюсь, какъ объ этомъ младенцѣ, что съ нимъ будетъ“.—„Вѣрь мнѣ, жена, сказалъ Левъ; я имѣю надежду, что Богъ дастъ ему отца и устроителя такого, который устрояетъ всѣхъ христіанъ“. И сбылась эта надежда, говоритъ житіе. Безъ сомнѣнія эта надежда опиралась у отца и на томъ, что наблюдалъ и видѣлъ онъ въ своемъ сынѣ, въ его занятіяхъ, въ его нравственномъ направленіи. Замѣчательными чертами характеризуетъ житіе эти занятія Константина, ставшаго на подвигъ самообученія еще при жизни отца. Въ своей занятной комнатѣ начерталъ онъ на стѣнѣ крестъ, какъ знаменіе духовнаго подвига и терпѣнія въ немъ, а подъ крестомъ написалъ молитву своему любимому учителю св. Григорію Богослову, творенія котораго не читалъ только, но, какъ говоритъ житіе, изучалъ наизусть. „Святитель Божій Григорій! ты былъ тѣломъ человѣкъ, а духомъ ангелъ! уста твои, какъ уста серафимскія, прославили Бога похвалами; правовѣрныя же ученія твои

просвѣтили вселенную. Молю Тебя, пріими и меня, припадающаго къ тебѣ вѣрою и любовію, и будь мнѣ учитель и просвѣтитель"! Самъ собою выступаетъ здѣсь вопросъ, что̀ привлекло юнаго Константина къ изученію твореній св. Григорія, что̀ внушило особенную любовь его къ этому св. отцу, какъ избранному учителю? Случайностію мы ничего не объяснимъ. Не могло бы успокоить насъ и такое общее объясненіе, что св. Григорій былъ однимъ изъ тѣхъ великихъ учителей церкви, которые прославлены названіемъ вселенскихъ и были читаемы всѣми, стремившимися къ высшему христіанскому просвѣщенію. Почему изъ этихъ учителей наиболѣе возлюбленъ былъ Константиномъ именно Григорій? Это уяснится для насъ, если вспомнимъ объ особенномъ воспитательномъ значеніи извѣстныхъ твореній св. Григорія. Св. Григорій, отецъ и учитель церкви, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ первымъ христіанскимъ поэтомъ въ истинномъ смыслѣ слова. Получивъ отличное образованіе въ Кесаріи Каппадокійской, Александріи и Аѳинахъ, гдѣ изучалъ поэтовъ и философовъ классической Еллады, чтобы затѣмъ принести его на служеніе своему христіанскому просвѣщенію, наклонный по самой природѣ къ поэтическому творчеству, св. Григорій почерпалъ вдохновеніе для него въ высшихъ истинахъ христіанства. Извѣстно, что кромѣ богословскихъ и ораторскихъ твореній св. Григорія, имѣется свыше ста его поэтическихъ стихотворныхъ произведеній содержанія догматическаго или созерцательнаго, нравственнаго, историческаго, въ формѣ краткихъ поэмъ, гимновъ, похвалъ, молитвъ и размышленій, акростиховъ и гномъ. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній подъ заглавіемъ εἰς τὰ ἑμμετρα, т. е. *на мои стихи*, объясняя побужденія и цѣли своихъ стихотворныхъ трудовъ, онъ говоритъ, между прочимъ, что хотѣлъ бы ими показать, что въ христіанствѣ есть высшая поэзія, а главное—имѣлъ въ виду юношей: „въ моихъ стихотвореніяхъ, говоритъ онъ, я хотѣлъ дать юношамъ, которые особенно услаждаются изящ-

нымъ словомъ, какъ бы нѣкое пріятное врачевство, назиданіе, чрезъ привлекательное вести ихъ полезному, художественностію формы смягчать жесткость наставленій... Если не найдешь въ нихъ чего-либо бо́льшаго, то прими ихъ за игры и звуки лиры, а, если угодно, за забаву для школьниковъ, для дѣтей, но такую, которая не повредитъ ищущему хорошаго, прекраснаго" [1]). Необходимо думать, что согласно такому совѣту самаго Григорія, его поэтическія произведенія вошли у грековъ въ кругъ обученія домашняго и школьнаго, стали классическими въ греческой педагогіи. Въ нашихъ старинныхъ славяно-греческихъ и славяно-греко-латинскихъ букваряхъ именно и находимъ избранныя стихотворенія Григорія, въ видѣ образцовъ или христоматическихъ статей для чтенія и заучиванія на память. Заведено это было у насъ безъ сомнѣнія греками, которые учили въ нашихъ братскихъ школахъ, и рядъ которыхъ заключился извѣстными Лихудами, учившими въ московской славяно-греко-латинской Академіи [2]). Естественно полагать, что мысль о педагогическомъ значеніи твореній Григорія Богослова дошла къ этимъ позднѣйшимъ грекамъ по преданію отъ минувшихъ вѣковъ, восходя къ вѣку Константина. Но для Константина Григорій не остался, какъ для другихъ, только учебнымъ классикомъ. Духъ твореній Григорія нашелъ откликъ въ собственномъ душевномъ настроеніи юнаго ученика. Если вспомнимъ, что къ изученію твореній Григорія Константинъ приступилъ съ тѣмъ настроеніемъ, которое выражалось уже въ его сонномъ видѣніи Софіи, въ рѣшимости оставить суетныя земныя радости и стать на другой лучшій путь жизни, то поймемъ неотразимое впечатлѣніе, производимое на его душу такими въ частности произведеніями Григорія, какъ прекрасные стихи его:

---

[1]) Patr. Graec. Edit. Migne. T. 37. p. 1330—1332.

[2]) См. Букварь славяно-греко-латинскій. Москва. 1701 г.

„сонное видѣніе о крамѣ св. Анастасіи“, „о жизни человѣческой“, „разные пути жизни“ и тому подобные стихи и гимны св. Григорія. Разъ сосредоточившись на изученіи твореній Григорія, Константинъ изучалъ ихъ въ широкомъ объемѣ, переходя отъ поэтическихъ твореній къ богословскимъ, что̀ даетъ и понять самъ Константинъ, когда въ своей молитвѣ величаетъ своего учителя за его „*серафимскія похвалы* Богу“, т. е. *поэтическіе гимны*, и потомъ за правовѣрныя ученія, просвѣтившія вселенную. Но не легко доставалось Константину такое изученіе твореній Григорія. Унося за Григоріемъ въ его богословскія и поэтическія созерцанія, юный Константинъ не всегда могъ постигать глубину ихъ, уразумѣть ихъ, и впадалъ въ великое уныніе. Это уныніе, гораздо болѣе сильное, чѣмъ прежняя печаль объ улетѣвшемъ соколѣ, опять характеризуетъ намъ глубокую воспріимчивость юноши, цѣльность его духовной природы, вполнѣ отдавшейся овладѣвшему ею настроенію. Въ знаніяхъ, полученныхъ въ прежней начальной школѣ, не имѣлъ онъ ключа къ разъясненію смысла болѣе глубокихъ или трудныхъ мѣстъ въ твореніяхъ Григорія. Случился въ Солуни какой-то странствующій ученый книжникъ, про котораго услышалъ Константинъ, какъ про умѣющаго грамматику. Съ мольбою и поклономъ говорилъ ему Константинъ: „возьми меня въ ученіе, научи граматическому художеству“. Это художество нужно было Константину для уразумѣнія тѣхъ болѣе трудныхъ мѣстъ въ текстѣ и языкѣ твореній Григорія, которыя не входили въ обычный курсъ ученія, ограниченный выборомъ болѣе простаго и понятнаго, но не были обходимы Константиномъ, изучавшимъ всѣ творенія своего учителя. Но странникъ-грамотѣй предпочиталъ скрывать свой талантъ и отвѣчалъ Константину: не трудись, юноша, просить меня; я далъ зарокъ въ мои дни не научить никого этому художеству. Константинъ со слезами, но напрасно повторилъ свою просьбу, прибавляя: возьми мою долю наслѣдства,

достающагося мнѣ въ домѣ отца, только научи меня [1]). Готовность Константина пожертвовать всею долею наслѣдства своего для знанія, для самопросвѣщенія опять даетъ намъ видѣть высоту его духовнаго настроенія, даетъ видѣть, что въ просвѣщеніи онъ видѣлъ для себя *единое на потребу*. А встрѣча съ человѣкомъ, который по лѣности или себялюбію не желалъ подѣлиться съ нимъ своимъ знаніемъ, была хорошимъ опытомъ жизни для Константина, имѣвшаго быть учителемъ народовъ. Унывавшій предъ тѣмъ Константинъ не подпадаетъ большему унынію отъ неудачной просьбы у себялюбиваго грамотѣя, онъ дѣлается мужественнѣе и въ уединеніи своей занятной клѣти предается молитвѣ, крѣпясь чаяніемъ, что Богъ поможетъ исполниться желанію сердца его. Вмѣстѣ съ матерію онъ, безъ сомнѣнія, помнилъ и слово умирающаго отца, что самъ Богъ дастъ его сыну устроителя воспитанія его [2]). Теперь это сбылось.

---

[1]) Странствующіе учители, заводившіе частныя временныя школы, какъ и странствующіе проповѣдники, были явленіемъ довольно обычнымъ у грековъ какъ древней Византіи, такъ и въ позднѣйшее время. Городъ Солунь имѣлъ и своихъ мѣстныхъ учителей. Невѣроятно, чтобы не покровительствовалъ школамъ и школьному дѣлу и тогдашній солунскій митрополитъ Левъ Философъ (839—842 г.), по своей охотѣ занимавшійся школьнымъ обученіемъ и прежде и послѣ того, какъ былъ митрополитомъ (О немъ будетъ рѣчь ниже). При такихъ обстоятельствахъ Константину, повидимому, не представлялось труднымъ найти въ Солуни учителя грамматики, была возможность обратиться къ помощи митрополита, любителя школьнаго обученія, и не было надобности прибѣгать съ мольбой къ случайному, захожему учителю. А если такъ, то надобно предположить, что или семейныя преданія благовѣрія внушали уже 15-лѣтнему Константину недовѣріе къ мѣстнымъ учителямъ, дѣйствовавшимъ при митрополитѣ, не чуждомъ иконоборства, и къ самому митрополиту, или что тогда уже не было въ Солуни Льва, а другіе учители не удовлетворяли Константина въ тѣхъ болѣе спеціальныхъ познаніяхъ въ грамматикѣ, коихъ искалъ онъ для уясненія трудныхъ мѣстъ въ текстѣ твореній св. Григорія Богослова.

[2]) Бесѣда Константина съ захожимъ учителемъ имѣла мѣсто, очевидно, уже по смерти отца, послѣдовавшей чрезъ 14 лѣтъ по рожденіи Константина слѣдовательно въ 841 г.; ибо Константинъ предлагаетъ учителю свою долю *наслѣдства* въ отцовскомъ имуществѣ, о которомъ могъ говорить такимъ образомъ только по смерти отца.

Солунскій друнгарій былъ, какъ знаемъ, извѣстенъ при царскомъ дворѣ, извѣстенъ въ частности логоѳету Ѳеоктисту, одному изъ опекуновъ малолѣтняго царя. Слышалъ Ѳеоктистъ о Константинѣ, какъ юношѣ прекрасныхъ дарованій и нравовъ, о которомъ могла напомнить ему и мать послѣдняго по предсмертному намеку мужа[1]). И вотъ Ѳеоктистъ вызываетъ Константина ко двору, чтобы дать ему возможность продолжить образованіе, а въ послѣдствіи воспользоваться имъ въ дѣлѣ воспитанія малолѣтняго царя. Обрадовался такому призыву Константинъ, поспѣшно собрался въ дорогу, напутствуемый благословеніями матери, утѣшавшейся теперь за его судьбу. На пути въ Царьградъ онъ преклонилъ колѣна и горячо молился, чтобы въ предстоящемъ новомъ ученіи Богъ послалъ ему мудрость, а съ нею разумѣніе того, какъ благоугодить своему Творцу и достигнуть спасенія. Съ словомъ „аминь“ онъ всталъ и отправился въ Царьградъ. Это было не ранѣе 842 года, когда Константину исполнилось 15 лѣтъ.

То было замѣчательное время. 20 января 842 года скончался императоръ Ѳеофилъ, оставивъ престолъ 3-лѣтнему сыну Михаилу III подъ опекою матери Ѳеодоры и трехъ сановниковъ: логоѳета Ѳеоктиста, патриція Варды, брата императрицы и магистра Мануила. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ новаго правительства было возстановленіе иконопочитанія, предъ тѣмъ гонимаго при Ѳеофилѣ-иконоборцѣ. Патріархъ Іоаннъ, бывшій синкеллъ и учитель императора Ѳеофила, слывшій грамматикомъ, за свою книжность, но иконоборецъ, поощрившій своего питомца

[1]) Левъ говоритъ женѣ, что, какъ онъ вѣритъ и надѣется, Богъ дастъ Константину *отца и строителя такого*, который устроятъ всѣхъ христіанъ. Это не могло говориться о 3-лѣтнемъ царѣ, какимъ былъ тогда Михаилъ III, а о какомъ либо опредѣленномъ лицѣ, правящемъ дѣлами при царѣ. А такимъ, въ числѣ трехъ, былъ при императрицѣ Ѳеодорѣ и Михаилѣ логоѳетъ Ѳеоктистъ. Въ одномъ изъ позднихъ извѣстій говорится, что Ѳеоктистъ былъ и въ родствѣ съ семьею солунскаго друнгарія, такъ что умирающій Левъ могъ просить его быть и опекуномъ дѣтей.

къ преслѣдованію православныхъ, получившій отъ него и патріаршество,—теперь былъ низложенъ. На патріаршій престолъ возведенъ ученый монахъ Меѳодій, родомъ сициліецъ, строго православный и тяжко пострадавшій за иконопочитаніе и чтимый, какъ св. исповѣдникъ. Смѣщены и нѣкоторые другіе иконоборцы и замѣщены православными. Подъ предсѣдательствомъ новаго патріарха 19 февраля въ первое воскресеніе великаго поста состоялось въ великой патріаршей церкви торжество православія, на которомъ осуждено иконоборство, возстановлено иконопочитаніе и постановлено, чтобы торжество это праздновалось ежегодно въ тотъ же день, т. е. первое воскресеніе великаго поста. Умиреніе церкви отъ иконоборческихъ смутъ благопріятно повліяло на просвѣщеніе, грозившее упадкомъ при иконоборцахъ. Извѣстно, что первый иконоборный императоръ Левъ Исаврянинъ закрылъ было духовныя школы, не замѣнивъ другими, и съ тѣхъ поръ дѣло образованія долго было въ запущеніи и нѣсколько поднялось только при послѣднемъ иконоборномъ императорѣ отцѣ Михаила Ѳеофилѣ, который самъ имѣлъ образованіе, приближалъ къ себѣ и ученыхъ монаховъ, тѣхъ впрочемъ, которые сочувствовали или снисходили къ его вольнодумнымъ воззрѣніямъ. Въ послѣдніе годы жизни онъ оказалъ милость ученому Меѳодію, извлекъ его изъ тюрьмы, чтобы слышать объясненія его по занимавшимъ Ѳеофила труднымъ книжнымъ вопросамъ. Этотъ-то Меѳодій, теперь возвышенный на патріаршескій престолъ, и былъ достойнымъ представителемъ поднимающагося просвѣщенія, знавшій и нашего Константина. Покровителями образованія были Ѳеоктистъ и особенно Варда, устроившій высшее училище въ дворцѣ „Магнавра“. Призваны новые учители для него, памятные для насъ и какъ учители Константина [1]). Таковъ былъ учитель Левъ. Ученикъ Михаила Пселла старшаго, родственникъ патріарха

[1]) О высшей школѣ Варды и ея учителяхъ по философіи, геометріи, астрономіи, греческой литературѣ читать у г. Лебедева (тамъ же стр. 173).

Іоанна Грамматика, онъ слылъ человѣкомъ ученымъ, знатокомъ поэзіи, риторики, философіи, математики, и за свою ученость былъ въ чести у императора Ѳеофила. По волѣ Ѳеофила онъ въ 839 г. возведенъ былъ на митрополію въ г. Солунь, гдѣ, по свидѣтельству Кедрина, пользовался большимъ почетомъ за свою ученость. Въ 842 г. на соборѣ одновременно съ низложеніемъ иконоборнаго патріарха Іоанна низложенъ былъ съ солунской каѳедры и Левъ, какъ причастный къ иконоборству. Оставшись въ Константинополѣ, Левъ сталъ заниматься частнымъ обученіемъ дѣтей, но устраненный отъ этихъ занятій патр. Меѳодіемъ, ревнителемъ православія, онъ приглашенъ Вардою въ его училище, давъ, надо полагать, доказательства искренности своего обращенія. Гораздо знаменитѣе былъ другой учитель—Фотій. Человѣкъ знатнаго происхожденія, внукъ патріарха св. Тарасія, онъ видѣлъ страданіе за иконопочитаніе своего отца и матери и самъ въ молодости страдалъ за тоже и страданіями укрѣпленъ въ своей ревности по истинѣ вѣры православной. Необыкновенно даровитый и любознательный, онъ всесторонне образовалъ себя, изучая словесность, философію, правовѣденіе, медицину, исторію, но особенно богословіе и отеческую письменность. Памятникомъ необъятной учености его служитъ знаменитая „библіотека“ его. Самъ находя высшее наслажденіе въ научныхъ занятіяхъ и знаніяхъ, онъ любилъ дѣлиться своими знаніями, любилъ учительскія занятія, ревновалъ о распространеніи просвѣщенія. Онъ имѣлъ въ Царьградѣ свою школу, откуда призванъ въ учители высшей придворной школы, гдѣ суждено было учиться у него и Константину.

Было сказано, что Константинъ прибылъ въ Царьградъ не ранѣе 842 г. [1]). Говоря, что Константинъ вызванъ былъ,

[1]) Константинъ вызванъ по смерти отца, т. е. послѣ 841 г., а прибывъ въ Царьградъ засталъ здѣсь въ званіи учителя или ректора высшей придворной школы Льва философа, а послѣдній сталъ такимъ по удаленіи съ солунской каѳедры, бывшемъ въ 842 г.

чтобы учиться съ царемъ, „житіе“ затѣмъ не говоритъ, чтобы онъ дѣйствительно учился съ послѣднимъ. Этимъ житіе само поправляетъ неточность перваго сообщенія. Въ самомъ дѣлѣ Константинъ былъ на 12 лѣтъ старше Михаила (въ 842 г. ему было 3 года) и настолько развитѣе, что могъ быть не сверстникомъ его въ ученіи, а развѣ (и то современемъ)—помощникомъ другихъ учителей въ дѣлѣ обученія малолѣтняго царя, такъ сказать, гувернеромъ, воспитателемъ, какъ юноша прекрасныхъ нравственныхъ качествъ. Но между тѣмъ и самому Константину надлежало довершить свое образованіе въ высшей придворной школѣ. Здѣсь въ первые три мѣсяца онъ изучалъ грамматику, знанія которой такъ жаждалъ въ Солуни, а потомъ принялся за другіе предметы, изучалъ ариѳметику, геометрію, астрономію, музыку, Гомера, т. е. вообще древнюю поэзію, діалектику и философію, которая тогда раздѣлялась на внѣшнюю, обнимавшую вообще мірскія науки и особенно эллинскую философію, и внутреннюю, т. е. христіанское богословіе. Необходимо полагать, что въ первыхъ наукахъ онъ имѣлъ учителемъ Льва и другихъ, а въ философіи Фотія. Даровитый и прилежный ученикъ дѣлалъ быстрые успѣхи, превосходя ими всѣхъ сверстниковъ, отличался вмѣстѣ съ тѣмъ тихостію нрава, сосредоточенностію духовнаго настроенія, будучи однакоже общительнымъ для ученыхъ бесѣдъ, для полезнаго обмѣна мыслей и знаній. Въ эти-то годы ученія между учителемъ Фотіемъ и ученикомъ Константиномъ возникли тѣ близкія отношенія, которыя окончились тѣмъ, что учитель удостоилъ ученика искренней дружбы, видя и въ немъ любовь и дружбу къ себѣ. Объ этой дружбѣ Константина съ Фотіемъ свидѣтельствуетъ современникъ ихъ римскій библіотекарь Анастасій, выражаясь, что Константинъ былъ fortissimus amicus Фотія. Сильно полюбилъ Константина и логоѳетъ Ѳеоктистъ. Онъ приглашалъ его въ свой домъ, принималъ какъ друга дома, открылъ ему доступъ въ царскую палату для бесѣдъ съ царемъ, который

уже подросталъ и теперь именно нуждался въ умномъ и добромъ воспитателѣ. Логоѳетъ любилъ вести и философскія бесѣды съ Константиномъ. „Что такое философія“, спросилъ логоѳетъ молодаго философа? Константинъ отвѣчалъ: познаніе божескихъ и человѣческихъ вещей, насколько человѣкъ разумомъ можетъ приблизиться къ Богу и добродѣтелію уподобиться Творцу, создавшему его по Своему образу и подобію. Любя Константина, логоѳетъ думалъ устроить его судьбу: „я такъ полюбилъ тебя, философъ, за твой умъ и благонравіе, сказалъ онъ Константину, что хотѣлъ бы осчастливить тебя. Есть у меня крестница, дѣвица прекрасная, богатаго и знатнаго рода. Женись на ней и будешь въ большой чести у царя, достигнешь званія стратега“. Молодой философъ отвѣчалъ: твой даръ точно великъ для того, кто имѣетъ въ немъ нужду, а мнѣ ничего не нужно, кромѣ науки, чтобы просвѣтивъ ею мой разумъ, устремляться къ достиженію почести высшаго званія и духовнаго богатства. Константинъ обнаруживалъ наклонность скрыться въ уединеніи. Видимо онъ хотѣлъ слѣдовать примѣру самаго ранняго учителя своего Григорія Богослова, который по окончаніи ученія удалялся съ Василіемъ великимъ въ пустыню, чтобы тамъ созерцаніемъ и книжнымъ чтеніемъ удовлетворять высшимъ стремленіямъ духа. Но Константина удержали. Не хотѣлъ, должно быть, разстаться съ нимъ и отрокъ царь, теперь уже пришедшій въ возрастъ около 10 лѣтъ [1]). Логоѳетъ объяснилъ ему, что Константинъ не любитъ мірской жизни; мы однакоже, прибавилъ онъ, не отпустимъ его отъ нашего общества, поставимъ его въ священники и назначимъ патріаршимъ хартофилаксомъ и библіотекаремъ въ св. Софіи; этимъ быть

---

[1]) Такъ какъ въ слѣдъ затѣмъ Константинъ поставленъ въ священники что едва ли могло быть ранѣе 21—22 л., то Михаилу могло быть въ данное время около 10 лѣтъ и было уже въ пору слушать, такъ сказать, докладъ логоѳета о должности для Константина, какъ далѣе говоритъ о томъ „Житіе“.

можемъ удержимъ его здѣсь. Такъ и сдѣлано. Не долго пробылъ Константинъ на новой должности, скрылся въ уединеніе, въ монастырь на прибрежьѣ Мраморнаго моря. Нашли его едва чрезъ шесть мѣсяцевъ, но не могли заставить возвратиться на прежнюю должность, а упросили его принять на себя дожность учителя въ томъ же высшемъ училищѣ и учить философіи внѣшней и внутренней, т. е. эллинской и христіанской [1]). На это согласился Константинъ, и съ этой особенно поры за нимъ утвердилось названіе философа. Необходимо, что и теперь продолжались у Константина дружескія сношенія и бесѣды съ Фотіемъ, который, не смотря на то, что возвысился до званія важнаго государственнаго сановника, не оставлялъ и профессорскихъ занятій, въ которыхъ находилъ высокое наслажденіе, и продолжалъ держать свою частную школу, имѣвшую многихъ учениковъ. Молодой и старый профессоръ, вѣроятно, оказывали и взаимныя услуги въ общемъ дѣлѣ, скрѣплявшія ихъ дружбу.

II. Но скоро на молодаго профессора, достигшаго ок. 24 лѣтъ, стали возлагать особыя и все болѣе и болѣе важныя порученія. Первымъ было—преніе съ отставленнымъ патріархомъ Іоанномъ или Іанніемъ. Этотъ Янній или Іоаннъ Грамматикъ, слывшій въ свое время великимъ ученымъ,

---

[1]) Выраженія житія (въ разныхъ спискахъ его) учити философіи—*своя земца и странныс*, или—*и тоземца и странныя*, или—*тоземныя и странныя*, неудачно истолковывались такъ, будто Константинъ училъ философіи *туземцевъ и странныхъ* (т. е. пришлыхъ учениковъ). Безъ сомнѣнія, вѣрно толкованіе, предполагающее здѣсь неудачный переводъ названій философіи внѣшней и внутренней, т. е. духовной и свѣтской, принимаемое покойнымъ проф. Вороновымъ (Источники для Исторіи свв. Кирилла и Меѳодія. Кіевъ 1877, стр. 53) и др. Но къ комментаріямъ, подтверждающимъ такое толкованіе, слѣдуетъ прибавить наиболѣе подходящій, а именно терминъ о философіи, употребляемый св. Григоріемъ Богословомъ, бывшій по всей вѣроятности въ употребленіи и у воспитаннаго на его твореніяхъ Константина. Это: ἀμφοτέρης σοφίης, ξείνης καὶ ἡμετέρης (Patr. Graec. ib. p. 1255), т. е. философіи чужой, чужестранной (эллинской), и нашей, своей (христіанской).

нѣкогда синкеллъ и учитель императора Ѳеофила иконоборца, возведенный имъ въ 833 году на престолъ патріаршій, низложенный соборомъ 842 г., продолжалъ иконоборствовать и теперь. Вольнодумство соединялось въ немъ, какъ то нерѣдко бываетъ, съ суевѣріемъ, въ видѣ гаданія на водѣ, по полету птицъ, по внутренностямъ животныхъ и вѣры въ заклинанія, чему онъ выучился, вѣроятно, въ сочиненіяхъ древнихъ языческихъ прорицателей и за что и получилъ названіе Іаннія (2 Тим. 3, 8) и лекоманта. Тяжкое тѣлесное наказаніе, которому онъ подвергнутъ былъ по низложеніи съ патріаршества, еще болѣе ожесточило Іаннія. Наказаніе это, конечно, не было дѣломъ великодушія и христіанскаго незлобія; но и Іоаннъ забылъ о томъ, какъ самъ онъ, будучи въ силѣ при Ѳеофилѣ, жестоко преслѣдовалъ почитателей иконъ; по его внушенію мучены были напр. св. братья Ѳеодоръ и Ѳеофанъ начертанные. Только себя считалъ онъ обиженнымъ и въ ожесточеніи противъ православныхъ иконопочитателей доходилъ до дерзкаго кощунства надъ св. иконами [1]). Гордый своею ученостію и своимъ прошлымъ, онъ любилъ говорить: меня изгнали только насиліемъ, но не могли осилить меня преніемъ. Такими рѣчами нѣкогда сильный синкеллъ и патріархъ производилъ соблазнъ, тѣмъ болѣе опасный, что не смотря на послѣдовавшее возстановленіе иконопочитанія, противниковъ его было еще не мало, такъ что православные какъ бы сдерживались заново и повсюду украшать храмы св. иконами, остерегаясь дѣлать это и въ самомъ Софійскомъ храмѣ [2]). Надлежало пресѣчь соблазнъ,

---

1) Новѣйшіе историки, какъ Шлоссеръ, Папарригопуло, принимаютъ подъ свою защиту Іоанна не только за его ученость, но и за праводушіе, будто бы отличавшее его. Но что онъ много виновенъ былъ въ жестокостяхъ императора Ѳеофила по отношенію къ почитателямъ св. иконъ, это несомнѣнно и даетъ, конечно, невыгодное представленіе о нравственномъ характерѣ Іоанна. Свидѣтельство о кощунствѣ Іоанна приводится у Горскаго. Будучи уже въ изгнаніи, Іоаннъ велѣлъ своему діакону выколоть глаза на одной иконѣ.

2) У архим. Порфирія. Разсужденіе о 4 бесѣдахъ патріарха Фотія. Стр. 74—80.

чивимый закоснѣлымъ и неугомоннымъ Іанніемъ. Константинъ призванъ былъ держать съ нимъ преніе въ назначенномъ для сего собраніи. При видѣ молодаго философа Іоаннъ, старый иконоборецъ, поддался гордости и заговорилъ рѣзко къ нему и спутникамъ: „подножія моего вы не стоите, стоитъ ли мнѣ съ вами препираться“? Константинъ отвѣчалъ съ кротостію: не по людскому обычаю суда, а по Божію ученію. И ты и мы одинаково созданы изъ земли, имѣя душу отъ Бога; глядя на землю, изъ которой мы созданы, будемъ говорить безъ гордости. Кроткій тонъ рѣчи, кроткій видъ молодаго философа обезоружили, или точнѣе пристыдили стараго гордеца. Онъ предпочиталъ теперь уклониться отъ спора съ молодымъ, но полнымъ кроткаго самообладанія, противникомъ. Выражаясь свойственнымъ грекамъ образнымъ языкомъ, Янній сказалъ: „не въ пору искать цвѣтка осенью и старца вести на войну, будто юношу“. Самъ противъ себя говоришь, отвѣчалъ Константинъ. Въ какомъ возрастѣ сильнѣе человѣкъ духомъ, чѣмъ тѣломъ?—Въ старости, сказалъ Янній. А наша борьба съ тобою тѣлесная или духовная?—Духовная, согласился Янній. Если такъ, продолжалъ философъ, то ты долженъ быть сильнѣе насъ для этой борьбы. Вторично пристыженный, Янній уже не рѣшался входить въ долгій споръ и думалъ удержаться на ходячихъ возраженіяхъ, казавшихся остроумными иконоборцамъ. „Скажи мнѣ, юноша, почему это мы не кланяемся кресту, не лобызаемъ его, когда онъ не въ цѣломъ составѣ, а разобранъ на части, между тѣмъ иконѣ вы не стыдитесь воздавать честь и тогда, когда она представляетъ собою не цѣлое изображеніе, а только лице до персей“? Философъ отвѣчалъ просто: „крестъ состоитъ непремѣнно изъ 4 частей, и если одна изъ нихъ отнята, то остальное не имѣетъ вида креста. Въ иконѣ же именно лице и есть образъ того, кого она изображаетъ“. Янній продолжалъ: „кресту вы кланяетесь и такому, надъ которымъ нѣтъ никакой надписи, хотя бывали кресты и иные, съ инымъ назначеніемъ. Между тѣмъ, если на иконѣ

не будетъ подписи—кого она изображаетъ, то такой иконы не чествуете"? — „Всякій крестъ, отвѣчалъ Константинъ, имѣетъ одинъ видъ, какъ образъ креста Христова. А иконы не имѣютъ всѣ одного образа и надобно надписью означать, чей образъ на иконѣ". Янній: „Богъ чрезъ Моисея сказалъ: не сотвори себѣ ни всякаго подобія, а вы творите подобія и кланяетесь имъ". Константинъ: „если бы сказано было: никакого подобія, то ты былъ бы правъ; но сказано: ни всякаго, т. е. подобіе должно быть не всякое, а только достойное". Янній не пріискалъ новыхъ возраженій и замолчалъ. Не настаивалъ на преніи и Константинъ, ибо умолчаніемъ безпокойнаго старика достаточно достигалась цѣль прeнія. Теперь онъ не могъ соблазнять своимъ говоромъ, что съ нимъ не хотѣли спорить [1]).

Вслѣдъ затѣмъ представился Константину гораздо болѣе трудный подвигъ. Въ 851 г. прибыло въ Царьградъ посольство отъ сарацинъ съ вызовомъ на споръ о вѣрѣ и съ приглашеніемъ къ себѣ для этого ученаго мужа изъ Царьграда. Житіе не говоритъ, изъ какого мѣста прибыло посольство. Обыкновеннѣе полагаютъ, что посольство было отъ областнаго эмира г. Милитены, что въ Малой Арменіи, тогда подвластной Багдадскому калифу. Нѣтъ прямыхъ основаній для такого мнѣнія, составляющаго только догадку. Есть другое, кажущееся намъ болѣе вѣроятнымъ мнѣніе, что посольство было отъ самаго калифа или *амирмумны*, какъ титуловался калифъ въ качествѣ верховнаго владыки и главы правовѣрныхъ (мусульманъ) [2]). Сарацины Багдадскаго калифата были

---

[1]) Само собою понятно, что изложеніе преній Константина здѣсь, какъ и въ слѣдующихъ затѣмъ случаяхъ, принадлежитъ окончательно автору „Житія", который въ одномъ только случаѣ ссылается на современную запись преній Константина. Но необходимо думать, что характеристическія черты преній воспроизводятся въ этомъ изложеніи болѣе или менѣе близко къ дѣйствительности.

[2]) Горскій полагалъ, что Константинъ ходилъ къ милитенскому эмиру, указывая на извѣстныя выраженія житія „сила и богатство много *Амаврійно*, владыки сарацинска" и свидѣтельство продолжателя Константина Порфирогe-

грозными врагами Византійской имперіи и весьма часто гонителями христіанъ въ предѣлахъ калифата, мучителями и

нета, что милитенскій Амеръ (эмиръ) назывался въ народѣ *Амеріемъ*. Мнѣніе Горскаго усвоено большинствомъ изслѣдователей. Мы присоединяемся къ мнѣнію г. Голубинскаго, который утверждаетъ, что Константинъ ходилъ не къ милитенскому эмиру, а къ самому калифу или *амирмумнѣ*. Но какъ это мнѣніе высказано г. Голубинскимъ пока только въ видѣ положенія, то приведемъ находимыя нами основанія вѣрности этого мнѣнія. Напомнимъ прежде всего, что названіе *амирмумна* или *амермумна* было нарицательнымъ для калифовъ, какъ верховныхъ владыкъ (подобно тому какъ названіе эмира для областныхъ правителей или мелкихъ владѣльцевъ), и въ этомъ смыслѣ—обычнымъ у византійскихъ писателей, какъ то легко видѣть изъ многихъ мѣстъ у нихъ, а прямѣе всего изъ словъ Константина Порфирогенета, который говоритъ, что у сарацинъ три амермумны, т. е. верховные калифы: одинъ въ Сиріи, другой въ Африкѣ, третій въ Испаніи (Patr. Graec. edit. Migne. T. 113. p. 79—80). Имѣя это въ виду, укажемъ за тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ спискахъ житія читается не *Амеріино*, а *Амеріино, амерьміино*. Авторъ Четіи-Минейскаго житія св. Кирилла и Меѳодія (подъ 11 мая) говоритъ еще прямѣе, что Константинъ ходилъ „къ Амермумнѣ, князю сарацинскому, который жилъ тогда въ Самарѣ“. О Самарѣ рѣчь впереди. Теперь же замѣтимъ, что названіе *амермумна* или однозвучное съ нимъ, онъ, необходимо думать, также читалъ въ томъ спискѣ житія Кирилла, какимъ пользовался, но комментировалъ это названіе извѣстными ему сказаніями объ амморійскихъ мученикахъ, называющими сарацинскаго владыку *амермумною* и, по невѣденію, принялъ это названіе за собственное имя. Въ послѣднюю ошибку впадаетъ и г. Бильбасовъ („св. Кириллъ и Меѳодій“ въ „Нови“ № 11 стр. 437, примѣч. 15) и возражаетъ Четіи-Минеѣ тѣмъ, что калифъ Альмамунъ скончался еще въ 833 г. т. е. полагаетъ, что подъ амермумною Четіи-Минеи могъ бы разумѣться только Альмамунъ, который между тѣмъ скончался за долго до миссіи Константина. Послѣднее вѣрно, но вѣрно и то, что амермумною назывался какъ всякій калифъ, такъ и тотъ, къ которому ходилъ Константинъ, что слѣдъ этого названія и сохранился въ выраженіи „амерьміино“ и въ „амермумнѣ“ Четіи-Минеи. За тѣмъ довольно понятно, что гордая рѣчь сарацинскихъ мудрецовъ о своемъ *владыкѣ сарацинскомъ*, его силѣ и богатствѣ, хвастливыя указанія ихъ Константину на богатства, драгоцѣнности, великолѣпіе резиденціи этого владыки—все это идетъ не къ областному эмиру, а къ самому амирмумнѣ или калифу, также, какъ и присутствіе на его дворѣ ученыхъ и мудрецовъ арабскихъ, ведшихъ бесѣды съ Константиномъ. Вообще посольство, подобное тому, которое послужило поводомъ къ сарацинской миссіи Константина, могло быть только отъ самаго калифа. По всей вѣроятности оно находилось въ связи съ исторіею амморійскихъ мучениковъ (какъ предполагаетъ, кажется, и Четіи-Минея), мученичество которыхъ относится къ 845—846 г. А о посольствѣ въ Ассирію (Сирію), слѣд. къ самому калифу при Михаилѣ положительно упоминаетъ Фотій, въ предисловіи или письмѣ къ брату Тарасію о своей библіо-

тѣхъ, которые попадали въ плѣнъ къ нимъ во время войнъ съ имперіею. Но вмѣстѣ Багдадскіе калифы были покровителями наукъ и искусствъ, ревнителями образованія и для того собирали къ своему двору и ученыхъ христіанъ изъ грековъ и огреченныхъ сирійцевъ, думая возвыситься надъ христіанскою имперіею и самымъ образованіемъ, возвысить имъ мусульманство надъ христіанствомъ. Къ величайшему сожалѣнію, иконоборческія гоненія въ имперіи поощряли ихъ въ такихъ притязаніяхъ, представляя печальную картину религіозныхъ несогласій въ имперіи, какую съ другой стороны представляло старое сектантство среди христіанъ въ предѣлахъ калифата. Съ указаннымъ характеромъ представляются отношенія сарацинъ Багдадскаго калифата къ Визан-

---

текѣ, выражаясь, что онъ и самъ былъ *избранъ въ это посольство.* Какое это посольство, къ сожалѣнію, неизвѣстно. Кромѣ того, говоря, что былъ *избранъ*, Фотій не говоритъ, что дѣйствительно былъ въ посольствѣ. Не замѣненъ ли онъ тамъ Георгіемъ асикритомъ, который былъ спутникомъ Константина? Если Константинъ ходилъ къ калифу, то, должно бы думать, ходилъ въ Багдадъ на р. Тигръ. Но едвали должно быть оставлено безъ вниманія и показаніе Четіи-Минеи, что онъ ходилъ въ Самару. Г. Бильбасовъ и здѣсь неудачно возражаетъ Четіи-Минеи, что г. Самара неизвѣстенъ. Онъ упоминается не только въ сказаніяхъ объ амморійскихъ мученикахъ (откуда, вѣроятно, и взяла его Четіи-Минея), но въ отдѣльно отъ нихъ стоящемъ сказаніи о Петрѣ аѳонскомъ, бывшемъ въ плѣну въ Самарѣ (преосв. Порфирія, Востокъ христіанскій. Аѳонъ, Ч. III, стр. 117—127). Извѣстенъ онъ и по другимъ источникамъ (у Морери Le Grand Dictionnaire. 1790 г. подъ словомъ Samara, Asker). Этотъ городъ называется городомъ великимъ, твердымъ, укрѣпленнымъ, находившимся на р. Евфратѣ. Мѣстность его опредѣляютъ въ 12 миляхъ отъ Багдада, тамъ гдѣ теченія Тигра и Евфрата наиболѣе сближаются. Передаютъ отчасти и самую исторію этого города, бывшаго временною резиденціею багдадскихъ калифовъ Мутассема и Ватека. Преемникъ послѣдняго Муттаваккиль (847—861 г.), къ которому ходилъ Константинъ, переставъ жить въ Самарѣ, во неизвѣстно, когда именно, такъ что нельзя съ полною несомнѣнностію утверждать, сюда ли или въ Багдадъ ходилъ Константинъ. Вѣроятнѣе—въ Багдадъ. Но если часть своего пути онъ совершилъ по р. Евфрату, то могъ быть и въ Мелитенѣ и въ Самарѣ и отсюда направиться въ Багдадъ. О багдадскихъ калифахъ этого времени и отношеніи ихъ къ христіанству см. въ статьѣ: о внѣшнемъ состояніи церкви на Востокѣ во владѣніяхъ мусульманскихъ въ VII—XI в. Православн. Собесѣдн. 1865. Іюнь.

тійской имперіи и христіанству особенно ко времени знаменитаго Гарунъ-аль-Рашида (786—808), переходя и на время византійскихъ императоровъ Амморейской династіи, третьимъ и послѣднимъ представителемъ которой былъ Михаилъ III, современникъ Константина. Гарунъ-аль-Рашидъ, извѣстный своими сношеніями съ Карломъ Великимъ, былъ въ сношеніяхъ и съ византійскимъ императоромъ Никифоромъ, который посылалъ къ нему посломъ Михаила епископа сиккадскаго. Покровительствуя наукамъ, онъ желалъ имѣть на службѣ образованныхъ христіанъ, но нерѣдко принуждалъ ихъ къ исламу и казнилъ твердыхъ въ вѣрѣ. Преемникъ его Альмамунъ (813 — 833) приглашалъ къ себѣ изъ Царьграда извѣстнаго намъ Льва философа (будущаго учителя Константина), котораго однако не отпустилъ императоръ Ѳеофилъ. Сперва довольно благосклонный къ христіанамъ, онъ потомъ преслѣдовалъ ихъ по возбужденію мусульманскихъ фанатиковъ. Извѣстные при Альмамунѣ споры ихъ о томъ, сотворенъ или не сотворенъ алкоранъ, показываютъ и ихъ охоту къ религіознымъ спорамъ и высокое мнѣніе о своемъ коранѣ. Преемникъ его Муттасимъ Билла (833—842) завоевалъ родину императорской династіи Амморію во Фригіи, избилъ жителей и солдатъ, а плѣнныхъ офицеровъ и генераловъ въ числѣ 42 увелъ въ Багдадъ, по другимъ извѣстіямъ въ кр. Самару на Евфратѣ, гдѣ заключилъ ихъ въ тюрьмы, подсылалъ къ нимъ ученыхъ мусульманъ для совращенія въ исламъ. Но всѣ они оставались тверды въ вѣрѣ, семь лѣтъ томились въ тюрьмѣ и были замучены 6 марта 845 г., при его преемникѣ Гарунъ аль-Ватекѣ (842—847). Легче стало христіанамъ при слѣдующемъ калифѣ Джафаръ-аль-Муттавакилѣ (847—861). Онъ былъ въ сношеніяхъ съ императоромъ Михаиломъ, которыя велъ именно Фотій, въ качествѣ государственнаго секретаря. Христіане при этомъ калифѣ появились на важнѣйшихъ должностяхъ въ государствѣ, а при матери калифа они исключительно находились въ услуженіи. Но это раздражало мусульманъ и фанатики ислама грозили

калифу гнѣвомъ Божіимъ. Калифъ принужденъ былъ уступить. Христіанамъ запрещено занимать общественныя должности, совершать (общественные) священные обряды, показывать кресты и т. п., взималась двойная подать съ ихъ домовъ, на которыхъ для большаго отличія ставились изображенія бѣсовъ. Въ пору этого-то возбужденія мусульманскаго фанатизма прислано изъ калифата посольство въ Царьградъ съ вызовомъ на преніе о вѣрѣ. Послы отъ сарацинъ говорили: какъ это вы, христіане, признавая единаго Бога, вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣляете Его на три, говоря: Отецъ, Сынъ и Св. Духъ? Если можете объяснить это, то пришлите мужа, который бы держалъ рѣчь и преніе съ нами [1]). Царь

[1]) Естественно, что ученіе о св. Троицѣ, какъ для христіанъ, такъ и для мусульманскихъ учителей было первымъ существеннымъ различіемъ христіанства отъ ислама. О св. Петрѣ, епископѣ майюмскомъ, мученикѣ за вѣру во время калифа Валида II ибнъ-Егида (743—748), разсказывается слѣдующее: сдѣлавшись боленъ, онъ пригласилъ къ себѣ знакомыхъ ему знатныхъ арабовъ, бывшихъ съ нимъ въ дружественныхъ отношеніяхъ, какъ съ хартуларіемъ общественныхъ податей. Когда они пришли, онъ сказалъ имъ: „молю Бога, чтобы Онъ наградилъ васъ за посѣщеніе, ибо хотя вы и лишены свѣта вѣры, однако я почитаю васъ своими друзьями. Итакъ я желаю, чтобы вы были свидѣтелями этого послѣдняго моего завѣщанія: кто не вѣруетъ въ Отца, Сына и Св. Духа, въ Троицу въ единицѣ, единосущную и животворящую, тотъ слѣпотствуетъ душевными очами и достоинъ вѣчнаго наказанія, какъ и лжепророкъ вашъ Магометъ, предтеча антихриста. Почему, призывая во свидѣтели небо и землю, убѣждаю васъ оставить это безсмысленное баснословіе. Примите мой душевный совѣтъ, чтобы не потерпѣть вамъ одинаковой съ Магометомъ участи“. Арабы, хотя сильно были озлоблены увѣщаніями святителя, однакоже, почитая ихъ слѣдствіемъ болѣзненнаго разстройства ума его, совѣтовали ему успокоиться. Но онъ, собравшись съ силами, громко произнесъ анаѳему Магомету, его, исполненному басней, ученію и всѣмъ, которые вѣратъ ему. Тогда арабы схватили его и обезглавили. Этого мученика, замѣчаетъ лѣтописецъ Ѳеофанъ, прославилъ похвальнымъ словомъ современникъ его св. Іоаннъ Дамаскинъ. (О внѣшнемъ состояніи православной церкви на востокѣ, тамъ же, стр. 88—89). Что и сами ученые мусульмане имѣли охоту къ преніямъ о св. Троицѣ съ учеными Византіи, это показываетъ слѣд. мѣсто изъ одного персидскаго поэта, приводимое у Rambaud L'Empire Grec. en 10 Siècle. Constantin Porphyrogénéte. Paris. 1870. p. 83—84): „Я пойду въ Византію, я осную тамъ школу въ храмѣ византійскомъ. Я буду спорить съ кѣмъ либо изъ великихъ ученыхъ христіанскихъ о Св. Духѣ, Сынѣ и Отцѣ. Я увижу священниковъ, увлекающихся и привлекаемыхъ уроками епископа, епископа столько же ученаго, какъ и я“.

созвалъ совѣтъ, пригласилъ Константина философа и сказалъ: слышишь, философъ, что говорятъ скверные агаряне на нашу вѣру. Какъ ты слуга и исповѣдникъ св. Тройцы, то иди и стань противъ нихъ, и Богъ, совершитель всякаго дѣла, благословимый въ Тройцѣ, да подастъ тебѣ благодать и силу въ словѣ, какъ далъ силу Давиду на Голіаѳа, и возвратитъ тебя къ намъ, сподобивъ тебя царствія небеснаго. Философъ отвѣчалъ: „радъ я идти поборать за святую вѣру христіанскую: ибо что слаже мнѣ въ этомъ свѣтѣ, какъ не то, чтобы умереть за св. Тройцу и жить вѣчно“. И отправили Константина къ сарацинамъ, приставивъ спутникомъ къ нему Георгія асикрита, т. е. чиновника отъ государственнаго секретаріата. Житіе не напрасно отмѣчаетъ, что философу въ эту пору было 24 года. Выборъ 24-лѣтняго философа на столь важную и опасную миссію показываетъ, какое уже высокое понятіе имѣли о немъ въ царскомъ совѣтѣ. Далѣе, житіе, по византійскому обычаю, представляетъ говорящимъ и дѣйствующимъ на совѣтѣ царя. Конечно, онъ здѣсь былъ, говорилъ. Но этотъ императоръ былъ еще только 12-лѣтній, и слѣд. именемъ его дѣйствовали другіе. Если этими другими могли быть императрица мать Ѳеодора, Ѳеоктистъ, Варда, то несомнѣнно былъ и Фотій, какъ государственный секретарь, вѣдавшій дипломатическія сношенія. Онъ-то, конечно, напутствовалъ его совѣтами и далъ ему спутника изъ своего секретаріата.

По прибытіи Константина къ сарацинамъ, глазамъ его прежде всего представилось печальное (исторически извѣстное) зрѣлище—глумленія ихъ надъ христіанами въ видѣ бѣсовскихъ изображеній надъ дверями христіанскихъ домовъ. „Разумѣешь ли, философъ, что это за знаменія“? глумливо поспѣшили спросить его сарацины. „Вижу, отвѣчалъ онъ, демонскіе образы на домахъ, и думаю, что внутри домовъ этихъ живутъ христіане, съ которыми демоны не могутъ жить и бѣгутъ отъ нихъ вонъ. А гдѣ нѣтъ такихъ изображеній снаружи домовъ, тамъ демоны остаются внутри до-

мовъ съ тѣми, которые и живутъ въ нихъ. Въ древности на Востокѣ и въ другихъ мѣстахъ было въ обычаѣ вести ученыя бесѣды и споры за обѣдомъ: это были застольныя бесѣды. Собрались на застольную бесѣду мусульманскіе умники и книжники, знатоки геометріи и астрономіи и проч. и начали вопрошать философа: „не видишь ли, философъ, то великое чудо нашей вѣры: какъ пророкъ Божій Магометъ, принесшій намъ доброе откровеніе отъ Бога, обратилъ къ своей вѣрѣ многихъ людей и всѣ мы одинаково держимся его закона, ни въ чемъ не преступая его? А вы, имѣя законъ Христа, вашего пророка, держите его неодинаково, одинъ такъ, другой иначе, и какъ кто хочетъ, такъ держитъ и поступаетъ". Это былъ намекъ не только на слабости христіанъ, но и на религіозныя разногласія, очевидный примѣръ которыхъ былъ въ областяхъ калифата и въ сектантахъ, враждебныхъ прав. Византіи. Философъ отвѣчалъ: ученіе нашей Божественной вѣры подобно глубинѣ морской; многіе сходятъ въ эту глубину, и сильные умомъ, могущіе воспринимать разумное богатство этого ученія, счастливо переплываютъ глубину и возвращаются; а слабые, покушающіеся плыть на подгнившихъ кораблях, одни тонутъ, другіе устаютъ и облѣниваются. Ваше же ученіе похоже на узкій и мелкій ручей, который можетъ перескочить всякій малый, какъ большій. Ваше ученіе—ученіе людскихъ обычаевъ, обрядовъ, которые всякій можетъ выполнить. Никакихъ высшихъ духовныхъ заповѣдей не далъ вамъ Магометъ. Такъ, напр., не заповѣдалъ онъ вамъ воздержанія отъ страстей, гнѣва, похоти, напротивъ поблажаетъ чувственности. Къ какой пропасти ведетъ онъ васъ чрезъ это, разумные могутъ понять. Христово ученіе не таково: оно возводитъ человѣка отъ земли горѣ, къ небу, требуетъ подвиговъ вѣры и добродѣтели, оно учитъ, что Богъ поставилъ человѣка между ангелами, которымъ онъ подобенъ по духовной природѣ, и животными, съ которыми онъ сходенъ по тѣлесной природѣ, что поэтому отъ самого человѣка зависитъ то, под-

нимается ли онъ вверхъ къ подобно-ангельской жизни, или опускается внизъ къ жизни скотоподобной, чувственной". Мусульмане перешли къ ученію о св. Тройцѣ, говорили, что оно ведетъ къ многобожію, богохульно выражались о предвѣчномъ рожденіи Сына Божія, рожденіи Христа отъ Дѣвы. Исповѣдники вѣры, благоговѣя къ такимъ высочайшимъ тайнамъ вѣры, какъ ученіе о св. Тройцѣ и воплощеніи, обыкновенно не входили въ долгія разсудочныя толкованія о нихъ предъ невѣрующими, зная, что такія тайны требуютъ прежде всего вѣры, чтобы приблизиться и къ разуму. Лучшимъ почитали они просто исповѣдать эти тайны предъ невѣрующими. Такъ поступилъ и Константинъ. Это, сказалъ онъ, ученіе нашей вѣры, преданное св. мужами, отцами и пророками, которое мы благоговѣйно хранимъ. Въ трехъ ипостасяхъ мы исповѣдуемъ единое существо. А Слово воплотилось въ Дѣвѣ Духомъ святымъ и родилось для нашего спасенія. Есть и у вашего Магомета взятыя изъ пророчествъ выраженія о томъ[1]). „Если такъ, сказали противники, то гости еще". Бесѣда возобновилась. Мусульмане возразили: въ вашихъ книгахъ говорится, что должно молиться за враговъ, дѣлать добро и ненавидящимъ и не воздавать за обиды, между тѣмъ поступаете противно сему и поднимаете оружіе на враговъ. Философъ началъ вопросомъ: „если въ законѣ есть двѣ заповѣди, то кто совершеннѣе исполняетъ законъ: тотъ ли, кто хранитъ одну заповѣдь, или тотъ, кто хранитъ обѣ"?—„Тотъ, кто хранитъ обѣ", отвѣчали сарацины. Философъ: Богъ заповѣдалъ намъ молиться за обидящихъ васъ, и Онъ же сказалъ: нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друговъ

---

[1]) Какъ у древнихъ церковныхъ писателей, такъ и позднѣйшихъ византійскихъ было въ обычаѣ выискивать свидѣтельства въ пользу христіанства и у нехристіанскихъ писателей, философовъ, религіозныхъ учителей. Для характеристики Константина это мѣсто въ его преніи имѣетъ то значеніе, что можетъ указывать на подготовку его къ своей миссіи, между прочимъ, и чрезъ ознакомленіе съ священными книгами мусульманъ.

своихъ. И вотъ ради друзей своихъ мы и воинствуемъ, чтобы съ тѣлеснымъ плѣномъ не была плѣнена и душа ихъ". Памятная судьба амморейскихъ плѣнныхъ, потомъ мучениковъ за вѣру въ Багдадѣ, судьба и другихъ христіанъ подъ властію сарацинъ служила достаточнымъ поясненіемъ къ словамъ философа о тѣлесномъ и духовномъ плѣнѣ. Въ вашихъ книгахъ пишется, продолжали сарацины, что Христосъ далъ дань за Себя и другихъ [1]). Вы не дѣлаете, какъ Онъ; если уже не хотите за себя платить дань такому великому и сильному измаильскому народу, то платите за вашихъ братій и друзей. Мы просимъ немногаго, только одинъ златникъ, если станете платить, то будемъ хранить вѣчный миръ съ вами". Мы упоминали, что при тогдашнемъ калифѣ наложена была на христіанъ въ его владѣніяхъ двойная подать. Тяжела была христіанамъ, а инымъ, вѣроятно, и не посильна. И вотъ сарацинскіе законники глумливо предлагаютъ, чтобы подать за христіанъ калифата приплачивали христіане имперіи, какъ ихъ собратія. Это была довольно хитрая попытка ссылкою на Христа и христіанскую мораль придать благовидность политическимъ притязаніямъ калифата по отношенію къ христіанской имперіи. Константинъ, разумѣется, не былъ уполномоченъ и не могъ поблажать такимъ притязаніямъ. Но онъ умѣлъ отвѣтить на хитрый вопросъ, начавъ по обычаю самъ вопросомъ: „если кто, имѣя учителя и желая слѣдовать по его пути, встрѣтитъ другаго, который совратитъ его, то этотъ другой—другъ или врагъ послѣдователю перваго учителя"?—„Врагъ", отвѣчали ему. „Теперь скажите, когда Христосъ давалъ дань, чье было тогда владычество: измаильское или римское"?—„Римское", отвѣчали. „Итакъ,

---

[1]) Ссылка ученыхъ мусульманъ на мѣста Новаго Завѣта не представляется невозможною. Они знакомились съ хр. книгами также и въ тѣхъ видахъ, какъ въ прежнія времена знакомились съ ними ученые эллины-язычники.

заключилъ философъ, мы правы, когда платимъ дань только римскому царству". Извѣстно, что во время Константина византійскіе греки называли свое царство еще и ромейскимъ, а себя ромеями [1]). А приточное выраженіе объ встрѣчномъ учителѣ, совратителѣ и врагѣ, едвали не намекаетъ на присутствіе въ собраніи христіанъ, совращенныхъ въ мусульманство, какіе тогда бывали, и которымъ скорѣе всего и могли принадлежать ссылки на евангельскія изреченія. Это могло быть тонкое напоминаніе совращеннымъ о томъ, кого они оставили и кому предались. Бесѣда еще длилась. Арабскіе мудрецы пробовали испытывать философа вопросами изъ разныхъ художествъ, наукъ, и онъ съ успѣхомъ выдерживалъ преніе. „Откуда все это знаешь, философъ"? спросили они. Константинъ отвѣчалъ притчею: „нѣкій человѣкъ, зачерпнувъ воды въ морѣ, несъ ее въ мѣшкѣ (разумѣется,—кожаномъ, какъ на востокѣ) и, гордясь, говорилъ прохожимъ: видите ли воду, какой никто не имѣетъ кромѣ меня? Но тутъ пришелъ одинъ поморянинъ и замѣтилъ ему: не безумецъ ли ты? хвалишься водою въ загнившемъ мѣшкѣ: а у насъ цѣлая морская пучина ея. Похожи и вы на того самохвала. Вѣдь не отъ насъ-ли пошли всѣ науки и художества"? Имѣлъ право говорить такъ Константинъ! Начальнымъ развитіемъ своего образованія, наукъ и искусствъ у себя, арабы-мусульмане обязаны именно грекамъ, которыхъ мусульманскіе повелители собирали въ своихъ столицахъ и при дворѣ какъ изъ покоренныхъ ими областей греческой имперіи, такъ изъ плѣнныхъ грековъ Византіи, откуда еще и нарочито вызывали ихъ. Это, къ сожалѣнію, не довольно помнятъ и новые историки, которые, превознося арабское образованіе VIII и слѣдующихъ вѣковъ, сопоставляютъ съ нимъ варварство юныхъ христі-

---

[1]) Папа Николай I въ отвѣтѣ Михаилу III, назвавшему римскихъ латинянъ варварами, замѣтилъ, что напрасно же и византійцы называютъ себя ромеями и свою имперію ромейскою.

анскихъ народовъ, забывая о греко-востокѣ, какъ источникѣ и арабскаго образованія. Но возвратимся къ Константину. Арабскіе мудрецы пытались поразить его своими дивами. Между прочимъ они показали ему богатыя постройки, великолѣпные дворцы столицы, украшенные золотомъ, серебромъ, дорогими камнями и т. под. „Смотри, философъ, на эти чудеса, смотри какъ велика сила и богатство Амермніино (Амермумны), сарацинскаго повелителя“ [1]).—„Не дивно все это, сказалъ философъ; Богу должно воздать хвалу и славу, который создалъ все это и вдалъ людямъ на утѣху; Его все это, а не кого либо инаго“! То былъ, конечно, лучшій отвѣтъ величавшимся мудрецамъ сарацинскимъ. Чувство досады за неудавшійся споръ внушило болѣе фанатичнымъ изъ нихъ злобную мысль погубить философа отравою; но Богъ, сказавшій о своихъ избранныхъ: аще что смертное испіютъ, не вредитъ имъ, избавилъ и теперь своего избранника, и здравымъ возвратилъ въ свое отечество, заключаетъ „Житіе“ разсказъ о сарацинской миссіи Константина. Эта миссія имѣла значеніе и сама по себѣ, какъ мужественный подвигъ за честь христіанской вѣры и страны, выдержанный въ одномъ изъ центровъ мусульманской силы, въ виду возможной, при тогдашнемъ фанатизмѣ и неуваженіи мусульманъ къ международнымъ правамъ, опасности пожертвовать самою жизнію, на что и готовъ былъ Константинъ, когда говорилъ, отправляясь въ миссію: „радъ я и умереть за вѣру Христову“. Но она имѣла значеніе въ цѣломъ жизненномъ подвигѣ его. Многое видѣлъ онъ на своемъ длинномъ пути въ эту миссію и обратно. Ближе узналъ онъ мусульманство. Ближе узналъ онъ и состояніе христіанства на востокѣ. Какъ онъ бесѣдовалъ съ ара-

[1]) Показывать иностранцамъ богатства и великолѣпіе двора и столицы было въ обычаѣ на востокѣ и въ самой Византіи. Хвалиться этимъ арабы могли скорѣе всего въ такомъ городѣ, какъ Багдадъ или другой, но бывшій хотя бы временно резиденціею калифа. Но едва ли это возможно было въ Милитенѣ, мѣстопребываніи областнаго эмира.

бами? Могъ онъ бесѣдовать и чрезъ переводчиковъ изъ туземныхъ грековъ, могъ бесѣдовать и погречески, ибо греческій языкъ, безъ сомнѣнія, могъ быть извѣстенъ ученымъ арабамъ, почерпавшимъ свои знанія изъ греческихъ книгъ. Но столько же вѣроятно, что онъ зналъ и арабскій языкъ, которому можно было учиться и въ самомъ Константинополѣ, гдѣ живали арабы, имѣвшіе здѣсь и свою мечеть, гдѣ были и христіане изъ пришельцевъ или бѣглецовъ съ арабскаго востока. Трудность изученія одолѣвалась силою исключительныхъ дарованій Константина и исключительнаго, неутомимаго трудолюбія его [1]). Но вотъ что еще могъ видѣть и слышать онъ во время пребыванія своего въ областяхъ калифата. Извѣстно, что при второмъ калифѣ изъ аббасидовъ Абу-Джафарѣ-аль-Мансурѣ (754—775) въ Сиріи запрещено было христіанамъ учить дѣтей другой грамотѣ, кромѣ арабской, чтобы чрезъ греческій языкъ не роднились они съ подданными греческой имперіи. Поэтому православные сирійцы принуждены были перевести на арабскій языкъ всѣ свои богослужебныя книги и сами учители церкви стали проповѣдывать поарабски [2]). Итакъ, Константинъ видѣлъ въ предѣлахъ калифата христіанское богослуженіе арабское, видѣлъ церковныя книги въ переводѣ на арабскій языкъ; могъ видѣть и остатки сирскихъ переводовъ священныхъ книгъ и сирскихъ богослужебныхъ книгъ. Это наблюденіе было небезполезно будущему переводчику священныхъ книгъ на славянскій языкъ.

Съ самоотверженіемъ исполнивъ свой трудный и опасный подвигъ миссіи къ сарацинамъ, Константинъ не выжидалъ награды за него и не думалъ о ней. Недолго оста-

---

[1]) Извѣстно впрочемъ, что арабскій языкъ зналъ и Фотій, учитель Константина.

[2]) Извѣстно свидѣтельство объ этомъ іерусалимскаго патр. Досиѳея въ его сочиненіи: Περὶ τῶν ἐν Ἱεροσολυμ. πατριαρχ. Βιβλ. 6. стр. 629—630. Извѣстно подобное свидѣтельство и Мелетія, патр. александрійскаго (Мелетій Пигасъ, Кіевъ, 1872 г. стр. 141).

вался онъ и въ томъ званіи придворнаго профессора, какое занималъ до миссіи. Жизнь при дворѣ и близь двора была не по его настроенію. Онъ „отрекся сего житія“, какъ выражается начальный біографъ его, и, удалясь въ безмолвіе, живетъ отшельникомъ, внемля только самому себѣ, своимъ святымъ чувствамъ и думамъ. Знаемъ, какъ нестяжателенъ былъ онъ съ самой ранней молодости, когда за грамматическую науку готовъ былъ отдать всю долю своего наслѣдства. Онъ безъ сомнѣнія, и отдалъ ее, если уже не за науку, которой достигъ безъ затраты, то бѣднымъ и нищимъ. Въ полномъ величіи проявилась нестяжательность его и теперь. Не собиралъ и не берегъ онъ для себя ничего, того, что имѣлъ, не оставлялъ на завтрашній день, но раздавалъ нищимъ, полагая всю надежду въ Богѣ, Который печется о всѣхъ и на всякій день. Однажды, въ праздничный день, жившій при немъ преданный слуга затужилъ, что нѣтъ ничего у нихъ для стола на такой день. Философъ сказалъ ему: „Тотъ, Кто препиталъ израильтянъ въ пустынѣ, имѣетъ что дать въ пищу и намъ здѣсь. Иди, призови къ обѣду хоть пять нищихъ, надѣясь на Бога“. Настала обѣденная пора, пришелъ къ отшельнику какой-то человѣкъ съ большою ношею всякой яди, съ которою передалъ и девять золотыхъ монетъ. То была помощь отъ Бога, Своею благодатію подвинувшаго на жертву отшельнику сердце кого-либо изъ его почитателей, пожелавшаго ради праздничнаго дня утѣшить его даромъ не для него только, но и для благотворимыхъ имъ бѣдныхъ. Воздавъ хвалу Богу, Константинъ вскорѣ затѣмъ отправляется на Олимпъ къ брату Меѳодію, къ которому перейдемъ и мы.

Житіе Меѳодія немногое сообщаетъ о немъ за первую половину жизни его—жизни въ мірѣ. Но это немногое знаменательно. Лѣтами старше Константина, онъ еще прежде его сталъ утѣшеніемъ благочестивыхъ родителей, отличаясь прекрасными качествами души. За эти качества еще въ отрочествѣ онъ былъ любимъ всѣми въ Солуни, знавшими

благородную семью солунскаго друнгарія. Съ возрастомъ лѣтъ эти качества опредѣлялись ясвѣе и полнѣе. То были качества свѣтлаго, образованіемъ укрѣпленнаго, ума, кроткаго, но твердаго характера, благородства нравственнаго и глубокаго христіанскаго настроенія. Съ крѣпостію физическихъ силъ, отличавшею его отъ не крѣпкаго ими Константина, въ Меѳодіѣ соединялась величавая наружность, являвшая, по выраженію житія, и въ тѣлесномъ образѣ высокія качества его души. Промыслъ Божій, судившій св. братьямъ совокупно выступить на высокій подвигъ, надѣлилъ ихъ качествами, дарованіями такъ, что одинъ дополнялъ другаго, и братья, связуемые любовію, помогали другъ другу въ предстоявшемъ имъ призваніи и подвигѣ. Безъ сомнѣнія, взаимная любовь, взаимное пониманіе зачались у братьевъ еще въ домѣ родителей. Но затѣмъ имъ пришлось разстаться надолго, какъ бы для того, чтобы отдѣльно и самостоятельно совершить подвигъ самовоспитанія, и затѣмъ явиться каждому съ *своимъ* лично приращеннымъ талантомъ, лично выработаннымъ запасомъ духовнаго разума и силы для слiянія ихъ въ совмѣстномъ служеніи великому дѣлу. Въ разныя стороны, на разные пути выступили братья изъ дома родительскаго. Мы видѣли, какой уже путь прошелъ младшій братъ до той поры, когда направился къ горѣ Олимпу на соединеніе съ старшимъ братомъ. Меѳодій прошелъ другой путь, совсѣмъ различный, но ведшій его къ тойже цѣли. Молва о прекрасныхъ качествахъ старшаго сына солунскаго друнгарія, разносившаяся съ добрымъ именемъ отца по Солуни и всей солунской области, достигла Византіи и царскаго двора, гдѣ знали друнгарія Льва. Меѳодій назначенъ, какъ выражается житіе, *на славянское княженіе*, т. е. правителемъ славянской области. По всѣмъ вѣроятіямъ, это было скоро по смерти его отца, вслѣдъ за тѣмъ, какъ младшій братъ Константинъ вызванъ былъ въ Царьградъ на ученіе при царскомъ дворѣ. Это было въ 842 или 843 году. Мы знаемъ,

что царь Михаилъ былъ тогда дитятей 3—4 лѣтъ, а во главѣ управленія, при опекувшѣ матери находился въ числѣ 3-хъ высшихъ сановниковъ логоѳетъ Ѳеоктистъ. Этотъ другъ семьи солунскаго друнгарія вызвалъ, какъ знаемъ, Константина и взялъ его подъ свою опеку. Онъ же, вѣроятно, повліялъ и на назначеніе Меѳодія правителемъ славянской области. Указываютъ, что около этого времени въ Византіи заняты были устройствомъ отношеній къ имперіи славянъ, разселившихся на югъ отъ Солуни, славянъ ѳессалійскихъ и морейскихъ. Однихъ изъ этихъ послѣднихъ военачальникъ Ѳеоктистъ Врієнній силою оружія привелъ въ покорность власти и законамъ имперіи, другимъ предоставилъ ихъ общинное самоуправленіе съ обязательствомъ только платить подать имперіи. Эти дѣйствія Ѳеоктиста по отношенію къ морейскимъ славянамъ относятъ приблизительно къ 843 году [1]). Къ этому времени естественно отнести административныя распоряженія Ѳеоктиста и по отношенію къ славянамъ ближайшихъ областей, каково распоряженіе о назначеніи Меѳодія правителемъ словенской области. Меѳодій, конечно, имѣлъ уже и служебныя заслуги, состоя на военной службѣ и можетъ быть при солунскомъ стратегѣ, подъ начальствомъ котораго служилъ отецъ Меѳодія. Область, данная ему въ управленіе, была, по мнѣнію однихъ, въ славянской Ѳессаліи; по мнѣнію другихъ это была Славинія, сѣверо-восточная часть Македоніи [2]). Житіе его назидательно замѣчаетъ, что назначеніе Меѳодія на славянское княженіе состоялось по ус-

[1]) Архим. Арсенія, лѣтопись церковныхъ событій (Спб. 1880 г.) подъ 843 г. Впрочемъ Папарригопуло относитъ эти дѣйствія Ѳеоктиста къ болѣе позднему времени (Ἱστορία τοῦ ἑλληνικοῦ ἔθνους, III, 798), и наше предположеніе о связи съ ними назначенія Меѳодія можетъ быть *только предположеніемъ*.

[2]) На Ѳессалію указываютъ Шафарикъ, Дриновъ, Иречекъ (тамъ же стр. 150 и 187); на часть Македоніи—Гильфердингъ, Лавровскій и др. Въ пользу Ѳессаліи склоняетъ выраженіе „Житія“—„славянское княженіе“. Оно болѣе примѣнимо къ населенной славянами области въ Ѳессаліи, гдѣ еще въ концѣ VIII в. упоминается князь, слѣд. было княженіе (Иречекъ стр. 149), что едвали можно предполагать въ сѣверовосточной части Македоніи, давнѣе устроенной и введенной въ общій порядокъ управленія. Въ лицѣ Меѳодія греки

троенію Промысла, такъ сказать, въ прозрѣніи будущаго призванія Меѳодія, какъ учителя славянъ, которому надлежало исподоволь ознакомиться съ ихъ обычаями и прывыкнуть къ нимъ. Правленіе Меѳодія славянскою областію продолжалось, по житію, много лѣтъ, а по одному, болѣе опредѣленному, но позднему извѣстію, именно 10 лѣтъ [1]). Люди такой природы и такого духовнаго развитія, какъ Меѳодій и Константинъ, остаются съ лучшими своими качествами во всѣхъ возрастахъ, на всѣхъ положеніяхъ, они только возвышаются, укрѣпляются въ своихъ качествахъ. Если прежде въ Солуни Меѳодій прекрасными качествами души привлекалъ общую любовь къ себѣ, то онъ привлекалъ ее и теперь въ качествѣ правителя славянской области. Но теперь это была любовь управляемыхъ имъ славянъ, съ которыми онъ сближался въ интересахъ добраго управленія, изучалъ ихъ обычаи и нравы, освоивался съ ними, окончательно освоился и съ ихъ языкомъ, извѣстнымъ ему еще въ Солуни. Если же вспомнимъ, что Меѳодій, разумный и добрый правитель, былъ и человѣкомъ искренно и глубоко благочестивымъ, которому свойственно помышлять о духовномъ благѣ ввѣренныхъ его власти и попеченію людей, то мы признаемъ полную возможность возникновенія у Меѳодія еще въ эту пору его жизни мысли о христіанскомъ воспитаніи тѣхъ славянъ его области, которые были уже христіанами, и обращеніи къ христіанству другихъ, еще язычествующихъ. Словомъ, славянское княженіе Меѳодія подготовляло его къ его призванію; но послѣднее требовало еще особенной подготовки вдали отъ мірскихъ заботъ, житейскихъ дѣлъ, въ сосредоточенности духовнаго настроенія, въ трудѣ надъ высшимъ духовнымъ самоусовершеніемъ. Движимый своимъ духовнымъ настроеніемъ, Меѳодій, говоритъ житіе, усмотрѣлъ

дали ѳессалійскимъ славянамъ въ замѣнъ туземнаго князя,—князя отъ себя, не такого, который былъ для нихъ, какъ свой, зналъ ихъ языкъ, умѣлъ обращаться съ ними.

[1]) Прологъ XV в. (Кирилло-Меѳод. сборникъ стр. 45).

многообразіе житейской суеты, оставилъ земные призраки и пожеланія для небесныхъ созерцаній и, дождавшись удобной поры, отказался отъ княженія и пошелъ на гору Олимпъ, гдѣ живутъ св. отцы. Это могло быть около 852 года[1]). Извѣстны два или три Олимпа. Олимпъ, куда пошелъ Меѳодій, былъ Олимпъ малоазійскій, находившійся на берегу Мраморнаго моря, въ Виѳиніи. Здѣсь была киновія, въ данное время славившаяся своими подвижниками. Настоятелемъ ея былъ Николай (842—856), среди подвижниковъ ея славились нѣсколько ранѣе св. Платонъ исповѣдникъ, а въ данное время—Ѳеодоръ, какъ свѣтило Олимпа, Ѳеосикритъ и Евѳимій солунскій, подвизавшіеся здѣсь 15 лѣтъ съ 842 г.[2]). Олимпійскимъ инокамъ издавна былъ знакомъ и сосѣдній съ Солунью Аѳонъ, который начиналъ привлекать къ себѣ любителей подвижничества, куда хаживали и олимпійскіе иноки; знакомъ былъ имъ и Солунь. Извѣстны были имъ, безъ сомнѣнія, и славянскія поселенія по близости Аѳона, вторгавшіяся иногда и на самый Аѳонъ. Но олимпійскіе киновиты могли ихъ видѣть и въ Малой Азіи, гдѣ были ихъ поселенія на берегу Геллеспонта еще съ конца VII в.[3]). Итакъ, не напрасно Меѳодій избралъ

---

[1]) Въ этомъ приблизительно году пришелъ къ брату на Олимпъ возвратившійся изъ сарацинской миссіи Константинъ, которая имѣла мѣсто въ 851 г. Предполагать болѣе раннее поселеніе Меѳодія на Олимпѣ не допускаетъ свидѣтельство житія о его *многолѣтнемъ*, а по Прологу XV в. *десятилѣтнемъ* княженіи въ славянской области. Это десятилѣтіе приблизительно и составится, если принять кажущееся намъ вѣроятнымъ и высказанное выше предположеніе, что Ѳеокгистъ, ведшій ок. 843 г. дѣла съ морейскими славянами, тогда же распорядился и назначеніемъ Меѳодія на княженіе къ сосѣднимъ славянамъ Ѳессаліи.

[2]) Объ Олимпѣ въ Виѳиніи, какъ мѣстѣ отшельническаго подвижничества, упоминаетъ еще церк. историкъ Сократъ (I, гл. 13). О подвижникахъ на Олимпѣ въ IX вѣкѣ см. у преосв. Порфирія (Востокъ христіанскій. Аѳонъ. Ч. III, стр. 24 и слѣд. Кіевъ. 1877 г.), также у преосв. Сергія (Полный мѣсяцесловъ Востока. Т. II. Замѣтки, стр. 98—99. М. 1876 г.).

[3]) О хожденіяхъ олимпійскихъ иноковъ на Аѳонъ и съ Аѳона на Олимпъ, о сношеніяхъ и съ Солунью, о ранней извѣстности Аѳона и славянамъ см. у преосв. Порфирія, тамъ же. О славянахъ въ Малой Азіи, въ Виѳиніи—у Иречка

Олимпъ мѣстомъ своего начальнаго подвижничества; здѣсь онъ надѣялся найти добрыхъ собратій въ подвижничествѣ; здѣсь онъ былъ невдали отъ любезныхъ ему славянъ. Сюда пришелъ къ нему и Константинъ, какъ только свѣдалъ отъ брата о прибытіи его на Олимпъ [1]). Долго разлученные братья сошлись, чтобы подвизаться совмѣстно. Это было при игуменѣ Николаѣ. Принявъ постриженіе, Меѳодій ограничился состояніемъ простаго инока, не облеченнаго въ священный санъ. Константинъ, болѣе 10 лѣтъ уже нося священный санъ, съ молоду истинный подвижникъ по духу, оставался въ санѣ священника, не облекаясь въ одежду иноческую. Такъ прожили они нѣсколько лѣтъ въ подвигахъ молитвы и въ *книжныхъ* занятіяхъ, какъ то говорятъ житія. Эти книжныя занятія, соединяя братьевъ въ любви къ одному дѣлу, должны были получить чрезвычайно важное значеніе въ учительскихъ подвигахъ, какіе предстояло совершить имъ совмѣстно. Первымъ изъ такихъ совмѣстно совершенныхъ подвиговъ была Хазарская миссія.

Было гдѣ-то высказано и настойчиво защищалось предположеніе, будто подъ Олимпомъ слѣдуетъ разумѣть именно Аѳонъ; гдѣ пустынножительство извѣстно съ древнѣйшихъ временъ, чего неизвѣстно объ Олимпѣ. Спеціалистъ историкъ Аѳона преосв. Порфирій даетъ видѣть, что именно Олимпъ, а не Аѳонъ славился иноческомъ какъ въ болѣе раннее время, такъ въ ту пору, когда жили на Олимпѣ Константинъ и Меѳодій. Слава Аѳона, какъ мѣста подвижничества, началась нѣсколько позже. Прибавимъ, что на Олимпѣ процвѣтала и книжность, какъ видно напр. по сказанію о св. Павлѣ исповѣдникѣ.

[1]) Приходъ Константина къ Меѳодію на Олимпъ слѣдуетъ понимать такъ, что онъ послѣдовалъ тотчасъ по прибытіи сюда Меѳодія, извѣстившаго о томъ брата. Братья долго были разлучены. Теперь въ своемъ новомъ положеніи Меѳодій пожелалъ видѣться съ нимъ, что одинаково было желательно и Константину. Очень естественно, что и мать св. братьевъ, тогда еще живая, заповѣдала Меѳодію увидѣться съ братомъ, о которомъ она такъ печаловалась, когда онъ былъ юношей.

III. Хазаре, славные на юго-востокѣ нынѣшней Россіи въ VII—VIII вѣкахъ, въ полов. IX в. господствовали на пространствѣ отъ Каспійскаго моря и устьевъ Волги до Кавказа, Дона, Чернаго моря съ частію Тавриды или Крыма и на сѣверо-западѣ до Днѣпра и Кіева. Сами хазаре были тюрки разныхъ племенъ, но въ составѣ населеній, охваченномъ господствомъ ихъ, были и племена славянскія, какъ поляне, сѣверяне, радимичи, вятичи и, вѣроятно, славяне при-донскіе. Извѣстнѣйшими центрами хазарскихъ владѣній были Итиль, столица главнаго кагана при устьѣ Волги, крѣпость Саркеллъ при Донѣ и Босфоръ или Керчь, гдѣ властвовалъ вассальный каганъ, зависимый отъ главнаго, но простиравшій свою власть внутрь Тавриды и иногда свое вліяніе и на греческій Херсонъ. Различію населеній соотвѣтствовало различіе религіи, обусловленное также политическими отношеніями хазаръ и вѣротерпимостію ихъ хагановъ. Язычество оставалось господствующимъ въ массахъ населенія, въ томъ числѣ и среди подвластныхъ хазарамъ славянъ. Христіанство проникало сюда изъ черноморскаго прибрежья, Тавриды и Византійской имперіи то чрезъ плѣнныхъ христіанъ, то подъ вліяніемъ торговыхъ и политическихъ сношеній хазаръ съ имперіею, а также и родственныхъ союзовъ хагановъ съ императорами, изъ которыхъ Юстиніанъ II и Копронимъ были женаты на хазаркахъ. Въ подвластномъ хазарамъ Босфорѣ была христіанская епископія, существовавшая издавна, продолжала существовать и при хазарахъ въ VIII и IX вѣкахъ, но, конечно, для давнихъ мѣстныхъ христіанъ, а не для хазаръ, у которыхъ гораздо сильнѣе были другія двѣ новыя вѣры: мусульманство и іудейство. Мусульманство проникло въ Хазарію изъ багдадскаго калифата во время войнъ и потомъ союзовъ съ нимъ хазаръ и держалось особенно въ военномъ классѣ. Болѣе господственное положеніе среди хазаръ пріобрѣло іудейство, ставшее со времени кагана Булана въ послѣдней четверти

VIII вѣка религіею кагановъ и ихъ вельможъ. Хазарское іудейство, въ качествѣ религіи государственной, по крайней мѣрѣ религіи правительства, представляло собою исключительное явленіе. Такой успѣхъ іудейства можетъ быть объясненъ сильнымъ приливомъ іудеевъ въ Хазарію, послѣдовавшимъ почти одновременно изъ предѣловъ Византіи, Багдадскаго калифата (а частью при-Кавказья) вслѣдствіе поднявшихся тамъ и здѣсь преслѣдованій ихъ, а также политическими видами каганов, которые, колеблясь между христіанствомъ и мусульманствомъ, избрали іудейство, какъ религію, казавшуюся имъ нейтральною, примыкавшею къ обѣимъ, но не имѣвшею политической силы и не грозившею политическимъ вліяніемъ, какимъ могли грозить христіанская Византія и Багдадскій калифатъ. Принявъ іудейство, каганы оставались вѣротерпимыми, наклонные однако видѣть господство одной вѣры, какъ государственной. Неизбѣжна была борьба между представителями разныхъ вѣръ. Естественно однакоже, что іудеи стремились усилить и расширить господство своей вѣры среди хазаръ, что послѣ нихъ, наперекоръ имъ, стремились къ тому же мусульмане, сильные въ войскѣ и поощряемые славою мусульманства въ багдадскомъ калифатѣ, что наконецъ и христіане старались объ успѣхѣ своей вѣры среди хазаръ. Хазарскіе язычники не могли не приходить въ возбужденіе отъ такой борьбы учителей разныхъ вѣръ и настраивались къ вопросу о перемѣнѣ своей вѣры на одну изъ новыхъ. Плодомъ всего этого и было хазарское посольство къ императору Михаилу III. Отецъ Михаила Ѳеофилъ въ 835 г. оказалъ услугу хазарскому хану, прислалъ ему по его просьбѣ искуснаго строителя Петроиа (брата Варды) съ мастерами и матеріалами для постройки крѣпости Саркелла на р. Донѣ. Теперь хазары просятъ у Михаила присылки учителя. Это было, какъ думаютъ, ок. 858 года.

Хазарскіе послы говорили: „изначала вѣдаемъ мы только Единаго Бога, Который надъ всѣми, и Ему кланяемся на

востокъ, держимъ и свои старые обычаи, изъ которыхъ иные и студны. Теперь евреи склоняютъ насъ къ своей вѣрѣ и своимъ обрядамъ, а сарацины влекутъ въ другую сторону, понуждая насъ къ своей вѣрѣ, предлагая миръ и многіе дары и говоря, что наша вѣра лучше всѣхъ. Поэтому шлемъ къ вамъ, помня старую дружбу и любовь, и просимъ совѣта, ибо вы большой народъ, держите царства отъ Бога. Пришлите намъ ученаго мужа, который бы могъ переспорить евреевъ и сарациновъ, и тогда мы обратились бы къ вашей вѣрѣ". Такая рѣчь хазарскаго посольства даетъ заключать, что оно вызвано было по желанію представителей именно языческой партіи хазаръ, наиболѣе многочисленной, но такихъ представителей, которые были сильнѣе и развитѣе остальной массы язычниковъ и которыхъ прежде всего старались склонять на свою сторону іудеи и мусульмане. Мысль объ обращеніи къ Византіи съ просьбою объ учителѣ внушена была какъ тогдашними дружественными отношеніями кагановъ къ имперіи съ 835 г., такъ, безъ сомнѣнія, и болѣе вліятельными изъ греческихъ христіанъ, находившихся въ хазарской столицѣ. Царь взыскалъ Константина философа, вызвалъ его изъ Олимпа, передалъ ему рѣчь хазарскую и сказалъ: „иди, философъ, къ этимъ людямъ, дай имъ отвѣтъ и слово о св. Тройцѣ съ Ея помощію. Никто не можетъ сдѣлать сего такъ, какъ ты".—„Если велишь, царь, то я радъ идти туда пѣшъ и босъ и безъ всего, какъ ходили и апостолы, по заповѣди Христа; радъ и пострадать за вѣру христіанскую". Царь сказалъ: „еслибы ты самъ по себѣ это дѣлалъ, то такой поступокъ твой былъ бы похваленъ; но ради царской державы и ея чести иди съ почетомъ, съ царскою помощію". Съ Константиномъ пожелалъ идти и Меѳодій, готовый служить младшему брату съ послушаніемъ.

Св. братья отправились Чернымъ моремъ, высадились на берегъ Тавриды и прибыли въ Херсонъ. Здѣсь они оста-

новились на довольно долгое время, чтобы приготовиться къ дальнѣйшему пути и къ самому дѣлу своей миссіи. Въ Херсонѣ хорошо знали хазаръ, бывшихъ близкими сосѣдями его по своему босфорскому владѣнію. Бывали херсониты и въ союзѣ съ хазарами еще тогда, когда управлялись своими протеуонами или выборными начальниками. Упомянутый выше Петронъ, отправляясь строить хазарамъ крѣпость Саркеллъ, также останавливался въ Херсонѣ и отсюда бралъ мастеровъ и строительные матеріалы для своихъ работъ. Этотъ же Петронъ внушилъ императору Ѳеофилу замѣнить власть выборнаго начальника властію императорскаго стратега и самъ былъ первымъ стратегомъ Херсона. Теперь стратегомъ Херсона былъ Никифоръ, а архіепископомъ Георгій. Вѣроятно стратегъ и архіепископъ имѣли порученіе оказать нужную помощь въ снаряженіи св. братьевъ въ дальнѣйшій путь. Но Константинъ гораздо болѣе озаботился самъ приготовиться къ предстоявшему подвигу. Имѣя въ виду предстоящія состязанія о вѣрѣ съ іудеями, онъ постарался ознакомиться съ еврейскимъ языкомъ и еврейскими книгами. Еврейскій языкъ могъ быть не безъизвѣстенъ ему и прежде. Въ византійской имперіи живали евреи и теперь, бывали тамъ евреи изъ крещенныхъ, и замѣчательно, что одинъ изъ такихъ крещенныхъ евреевъ обращенъ былъ въ христіанство преп. Стефаномъ Новымъ, который жилъ нѣкоторое время на Олимпѣ, гдѣ потомъ жилъ нѣкоторое время и самъ новообращенный, прославившійся какъ святой съ именемъ Константина Синадскаго, что было въ концѣ VIII или нач. IX в. Эти преданія Олимпа, гдѣ нѣсколько лѣтъ прожили св. братья, занимаясь книжными трудами, могли настраивать любознательнаго и ревностнаго по вѣрѣ Константина къ изученію еврейскихъ книгъ въ ихъ подлинникахъ, чтобы при удобномъ случаѣ послужить обращенію евреевъ. А что подлинныя еврейскія книги были у византійскихъ евреевъ, были извѣстны и правительству во время Константина,

это не подлежитъ сомнѣнію [1]). Желаніе изучить еврейскія книги могло быть поощрено въ Константинѣ и его сарацинскою миссіею и спорами съ магометанами, въ которыхъ оказывалась надобность ссылаться на еврейскія книги. Въ Херсонѣ была возможность ближе ознакомиться съ еврейскимъ языкомъ, потому что здѣсь, какъ и въ другихъ торговыхъ городахъ сѣверо-черноморскаго прибрежья, издавна проживало не мало евреевъ. Константинъ, говоритъ житіе, научился тутъ жидовской бесѣдѣ, т. е. рѣчи, и жидовскимъ книгамъ. Какъ знатокъ основъ грамматики, бывшій профессоръ, Константинъ изучалъ еврейскій языкъ грамматически, вникая въ грамматическій составъ рѣчи, и уяснилъ для себя обычныя уже тогда восемь частей грамматики и въ складѣ еврейской рѣчи и чрезъ это сильнѣе уразумѣлъ смыслъ ея [2]). Жилъ въ Херсонѣ и еврей изъ самарянъ, который сталъ посѣщать Константина, вступалъ въ состязанія, принесъ показать ему и свои самарянскія книги, т. е. книги самарянскаго пятокнижія, конечно, и читалъ ихъ предъ Константиномъ [3]). Философъ, знакомый уже съ еврейскимъ языкомъ, къ которому приближался и языкъ самарянскихъ книгъ, попросилъ оставить книги самарянскія, затворился

---

[1]) Евреи въ южной Россіи и Кіевѣ (Труды Кіев. дух. Акад. 1878 г. іюнь). У Симеона Магистра есть разсказъ о Фотіѣ (приведемъ его ниже), что онъ пріобрѣлъ свою ученость при помощи еврея.

[2]) Припомнимъ, какъ усильно еще въ Солуни доискивался Константинъ знанія грамматики и затѣмъ въ Царьградѣ назегъ прежде всего на этотъ предметъ изученія. Съ тѣхъ именно поръ могъ уже сложиться у него навыкъ изучать языкъ научно-грамматически, что тѣмъ болѣе должно было имѣть мѣсто при изученіи чужого языка. А что въ IX в. уже существовали еврейскія грамматики, еврейскіе лексиконы, что между учеными евреями были тогда грамматика, лексикографы,—это признается изслѣдователями еврейской литературы. (Цитаты можно видѣть въ статьѣ Żydowska Literatura въ изд. Encyklopedyia Powszechna. Warszawa. 1868 г., у Бодянскаго—о происхожденіи слав. письм. стр. 350).

[3]) Есть нѣкоторыя основанія для предположенія, что крымскіе самаряне были если не караимы, то предтечи ихъ.

въ своей храминѣ, и съ молитвою приступивъ къ изученію ихъ, вспомоществуемый благодатію, уразумѣлъ ихъ чтеніе и сталъ читать безъ ошибки. Когда увидѣлъ это опять посѣтившій его самарянинъ, то въ удивленіи воскликнулъ: „поистинѣ тѣмъ, кои вѣруютъ во Христа, скоро даруется отъ Бога благодать разумѣнія". Бывшій при этомъ сынъ самарянина, по молодой воспріимчивости, принялъ св. вѣру, крестился, а за нимъ крестился и его отецъ. Вопреки сомнѣніямъ и возраженіямъ критиковъ житія, мы признаемъ достовѣрность этого свидѣтельства его объ изученіи, хотя и не такъ скоромъ, Константиномъ еврейскаго языка и книгъ, самарянскаго нарѣчія и книгъ, имѣя въ виду какъ предшествовавшую подготовку Константина къ подобному изученію, такъ силу дарованій этого исключительнаго человѣка, обладавшаго въ частности необыкновенною памятью, силу его воли въ стремленіи къ цѣли, наконецъ силу его молитвы и вѣры. Необыкновенная способность къ языкознанію, какъ особенное свойство личныхъ дарованій, имѣетъ примѣры въ исторіи и жизни и становится изумительною въ такихъ особенно личностяхъ, въ которыхъ кмѣется вмѣстѣ съ тѣмъ твердая научная подготовка къ тому, какая развивалась у Константина годами съ той поры, какъ онъ, 14-лѣтній юноша, съ плачемъ вымаливалъ у солунскаго странника знанія грамматики, готовый пожертвовать за это всею долею своего наслѣдства. Какихъ усилій духа не былъ онъ готовъ вызвать у себя теперь, когда такъ нуженъ былъ ему еврейскій языкъ на пути къ дѣлу, за которое готовъ былъ положить жизнь свою! Невозможное у людей, возможно у Бога, дающаго эту возможность и Своимъ избранникамъ, какъ въ ихъ природныхъ необыкновенныхъ дарованіяхъ, такъ и въ благодатной помощи [1]).

---

[1]) Объ Оригенѣ, знаменитомъ филологѣ своего времени, трудившемся надъ сличеніемъ еврейскаго текста Ветхаго Завѣта съ переводами 70-ти и другихъ (его „тетраплы" и „экзаплы") блаж. Іеронимъ свидѣтельствуетъ, что бывъ 26 лѣтъ, онъ (Оригенъ) началъ учиться еврейскому языку и изучилъ его

Но вотъ что далѣе говорится въ Житіи о занятіяхъ Константина въ Херсонѣ. „Нашелъ онъ евангеліе и псалтирь, писанныя русскими письменами, нашелъ и человѣка, говорящаго русскою бесѣдою, рѣчью, бесѣдовалъ съ нимъ, воспринялъ отъ него силу русской рѣчи, и примѣняя къ своей, т. е. греческой или славянской (ибо зналъ обѣ) рѣчи письмена русской, гласныя и согласныя, трудясь надъ этимъ съ молитвою къ Богу въ сердцѣ своемъ, скоро сталъ читать и

не въ нѣсколько мѣсяцевъ, а въ нѣсколько дней. Чтобы понять это чудо вспомнимъ не только о необыкновенныхъ дарованіяхъ Оригена, но и о необыкновенномъ образѣ занятій его. „Я, говоритъ онъ, не могу вечерять отъ занятія сличеніемъ рукописей, не могу дать покоя тѣлу моему и послѣ вечерянія: и въ эти времена я долженъ дѣлать филологическія розысканія, исправлять рукописи. И ночью не дается мнѣ поспать; большую часть ея похищаетъ филологія. Не говорю уже о томъ, что дѣлаю отъ ранняго утра до 9 и даже до 10 часа“ (по нашему до 3 по полудни). Филарета, архіеп. черниговскаго: Историческое ученіе объ отцахъ церкви I. стр. 211—212 Спб. 1859 г. Самъ Іеронимъ, также извѣстный необыкновеннымъ и неутомимымъ трудолюбіемъ, изучилъ у одного іудея еврейскій языкъ на 44 году жизни. По такимъ именно лицамъ, а не другимъ, слѣдуетъ судить и о Константинѣ, о которомъ Житіе говоритъ, что онъ такъ всецѣло отдавался овладѣвавшему имъ чувству, желанію, что способенъ, былъ два дня не ѣсть, замыкался въ своей кельѣ на подвигъ изученія того, что желалъ изучить. Затѣмъ, какъ само собою разумѣется, нѣтъ надобности понимать выраженія „Житія“ такъ, что изученіе еврейскаго языка и самарянскаго нарѣчія достигнуто Константиномъ въ нѣсколько часовъ или дней и изъза этого обращать разсказъ „Житія“ въ легенду. Выраженія Житія допускаютъ представленіе и о болѣе продолжительномъ времени. А на возраженіе, что Константину не нуженъ былъ еврейскій языкъ, на которомъ не говорили хазаре, который давно не былъ разговорнымъ и у іудеевъ, можетъ быть тотъ простой отвѣтъ, что ему языкъ еврейскій нуженъ былъ для знанія еврейскихъ книгъ, для преній съ іудейскими учителями, требовавшими ссылокъ на эти книги. Наконецъ, если примемъ то весьма вѣроятное предположеніе, что мысль о переводѣ священныхъ книгъ на славянскій языкъ уже до этого зачиналась у Константина и Меѳодія, то знакомство съ еврейскимъ языкомъ, какъ языкомъ Ветхаго Завѣта, было такою же потребностію для Константина, какою было оно для Оригена и Іеронима, начинавшихъ этимъ свои труды надъ текстомъ и переводомъ Священнаго Писанія.

объяснять и русское евангеліе, такъ что многіе удивлялись этому и хвалили Бога. Это загадочное мѣсто житія служило и доселѣ служитъ предметомъ многихъ споровъ въ наукѣ, перебирать которые здѣсь не въ пору. Ограничимся изложеніемъ нашего взгляда на дѣло или точнѣе того изъ существующихъ мнѣній объ этомъ предметѣ, которое считаемъ наиболѣе основательнымъ. Что Константинъ, какъ любитель книгъ, знанія и языкознанія, какъ уже опытный путешественникъ, наконецъ какъ христіанскій миссіонеръ, встрѣтивъ неизвѣстнаго ему русскаго человѣка христіанина и у него русское евангеліе, чрезвычайно заинтересовался языкомъ этого человѣка и евангелія и приложилъ все стараніе ознакомиться съ этимъ языкомъ,—это понятно само собою, и настолько, что послѣ сказаннаго выше не требуетъ другихъ поясненій. Но кто былъ этотъ загадочный русскій человѣкъ, что такое было его русское евангеліе? Еще съ III в. христіанской эры появляются у Чернаго моря пришельцы скандинавскаго сѣвера *Готы*, пріобрѣтаютъ громкую извѣстность своими нападеніями на имперію, въ IV в. при Германарихѣ основываютъ обширное государство, въ составѣ населеній котораго усматриваютъ также славянъ и финновъ. По распаденіи готскаго государства или точнѣе готскаго союза народовъ выдѣлившіяся двѣ вѣтви ихъ, удалясь на западъ, оглашаютъ своимъ именемъ исторію юго-западной Европы V—VII в.в. Но небольшія готскія владѣнія или поселенія оставались на берегахъ Чернаго моря. Таково Готское владѣніе въ Тавридѣ не подалеку отъ Херсона въ области Даури или Дори, какъ назвали Готы Тавръ (Ταῦρος) по своему скандинавскому произношенію. Другое готское поселеніе было у азовскаго Босфора сперва на Керченскомъ, потомъ Таманскомъ полуостровахъ, извѣстное своими сношеніями съ Византіею особенно со времени Юстиніана I. Было небольшое Готское владѣніе на югъ отъ устья Дуная въ городѣ и области Томи. Существованіе этихъ готскихъ владѣній въ теченіи ряда вѣковъ есть фактъ историческій, достаточно

выясненный и неоспоримый. Въ IX в. Готы доринскіе, сосѣдніе съ Херсонскою областію, находились въ полузависимыхъ отношеніяхъ къ имперіи и въ ближайшихъ отношеніяхъ къ Херсону, къ его правительственной власти. Босфорскіе Готы подпали зависимости отъ утвердившихся у Босфора хазаръ. Но съ этого вѣка, если не ранѣе, уже началось новое движеніе скандинавскихъ дружинниковъ или варяго-руссовъ въ предѣлы нынѣшней Россіи и одно изъ такихъ движеній направлялось старымъ, памятнымъ по преданію, восточнымъ путемъ, достигло азовско черноморскаго прибрежья, основало свое владѣніе на полуостровѣ Тамани у древней Фанагоріи, по близости отъ своихъ земляковъ и единоплеменниковъ босфорскихъ Готовъ. Подобно имъ они должны были признать нѣкоторую власть надъ собою хазаро-босфорскаго кагана или хакана, представителя власти великаго Итильскаго кагана, властвовавшаго отъ устьевъ Волги, Дона до Днѣпра и Кіева. Первое опредѣленное и общеизвѣстное свидѣтельство объ этихъ Руссахъ, подчиненныхъ кагану, относится къ 839 г., за 20 лѣтъ до хазарской миссіи Константина. Въ этомъ году дружинники изъ Руссовъ этихъ были въ Царьградѣ и просили императора Ѳеофила, отправлявшаго тогда посольство къ зап. императору Лудовику Благочестивому, дозволить имъ присоединиться къ посольству и дать грамоту къ западному императору для пропуска ихъ чрезъ его землю на родину. Современный западный лѣтописецъ говоритъ, что, присмотрѣвшись къ этимъ Руссамъ, видѣвшіе ихъ убѣдились, что они изъ того народа, который обыкновенно называютъ у насъ *свеонами*. Есть основанія полагать, что Руссы появились на азовско-черноморскомъ прибрежьѣ ранѣе этого времени, что отсюда еще въ первыхъ десятилѣтіяхъ IX в. они дѣлали разбойническіе и грабительскіе набѣги въ Тавриду и на южно-черноморскія окраины имперіи. Извѣстно свидѣтельство о такихъ набѣгахъ ихъ въ житіяхъ св. Стефана сурожскаго и св. Ге-

оргія амастридскаго [1]). Позже, во второй пол. IX в. и далѣе извѣстія о руссахъ на азовско-черноморскихъ прибрежьяхъ, на Волгѣ и берегахъ Каспійскаго моря становятся уже весьма многочисленны у византійскихъ и особенно у арабскихъ писателей. Оставляя эти свидѣтельства, добавимъ только, что руссы азовско-черноморскіе, проникая въ Тавриду къ такимъ же, какъ и босфорскіе, своимъ землякамъ и единоплеменникамъ Готамъ Доринскимъ, здѣсь и осѣдались. По единству языка и племени, названія готское и русское отождествлялись, также какъ названіе варяговъ [2]). Руссы, пришедшіе на черноморье, были язычники. Но Готы, съ которыми они здѣсь пососѣдились и стали сближаться, какъ съ единоплеменниками, были весьма уже давно христіанами. Извѣстенъ цѣлый рядъ именъ епископовъ на готскихъ или точнѣе греко-готскихъ епархіяхъ, особенно епархіи Готовъ доринскихъ, которая иногда соединялась въ одну греческо-готскую епархію херсонскаго архіепископа. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ греко-готскихъ епископовъ и христіанъ извѣстны въ ликѣ святыхъ и исповѣдниковъ, какъ напримѣръ Іоаннъ Готскій въ VIII в. [3]). Готы имѣли еще съ конца IV в. и богослуженіе и богослужебныя книги на своемъ языкѣ, въ пере-

---

[1]) Согласно съ г. Голубинскимъ относя эти набѣги къ означенному времени, полагаемъ, что это единственно возможное предположеніе, какое остается сдѣлать, придерживаясь, хотя и не совсѣмъ опредѣленныхъ, но довольно ясныхъ данныхъ для сего въ самыхъ житіяхъ, особенно въ житіи Стефана сурожскаго. Другія предположенія о времени набѣговъ—уже просто догадки, не имѣющія никакой видимой опоры.

[2]) Свидѣтельства и цитаты о томъ у г. Голубинскаго въ его „Исторіи Русской Церкви“.

[3]) О готской епархіи въ области Дори см. у Кеппена въ „Крымскомъ сборникѣ“, у Макарія въ „Исторіи христіанства въ Россіи до св. равноапостольнаго князя Владиміра, у архим. Арсенія въ статьѣ его „Готская епархія въ Крыму“, у г. Васильевскаго „Житіе Іоанна готскаго“ (Ж. М. Н. Пр. 1877 г.). Тамъ же и о босфорской епархіи.

водѣ Улфилы, сохранявшемся и при знаменитомъ готскомъ епископѣ Унилѣ, современникѣ Златоуста. Св. Іоаннъ Златоустъ, когда былъ Константинопольскимъ архіепископомъ, покровительствовалъ готскому богослуженію, далъ Готамъ особую церковь въ Константинополѣ, самъ посѣщалъ ее, слушалъ готское богослуженіе, говорилъ проповѣди, которыя переводчикомъ передавались на готскомъ языкѣ. Богослуженіе готское еще сохранялось у Готовъ и въ IX в. по свидѣтельству писателя этого вѣка Валафрида Страбона [1]). Естественно, что и нѣкоторые изъ Руссовъ принимали христіанство подъ вліяніемъ единоплеменныхъ Готовъ и что были и другіе случаи обращенія ихъ къ христіанству, какъ тотъ, о которомъ говорится въ житіи св. Стефана Сурожскаго. Для такихъ Руссовъ готское богослуженіе, готское евангеліе было, какъ свое, русское. Готъ или Руссъ христіанинъ принесъ Константину евангеліе, это безразлично,—по тожеству названій: готское и русское. Такъ понимая свидѣтельство житія о русскомъ человѣкѣ и русскомъ евангеліи, можемъ идти далѣе и *предполагать*, что встрѣча

---

[1]) Валафридъ Страбонъ (Walafridus Strabo) († 849 г.) говоритъ о богослуженіи на готскомъ языкѣ его времени: Studiosi illius (Goticae) gentis libros divinos in suae locutionis proprietatem transtulerunt, *quorum adhuc monumenta apud nonnullos habentur*, et *fidelium fratrum relatione dicimus, apud quasdam Scytharum gentes, maxime Tomitanos*, eadem locutione divina *hactenus* celebrari officia. Валафридъ Страбонъ, по однимъ извѣстіямъ, родомъ англо-саксъ, по другимъ свевъ или шваб., учился сперва въ С.-Галльскомъ монастырѣ, потомъ Фульденскомъ, гдѣ слушалъ уроки знаменитаго Рабана Мавра; былъ потомъ деканомъ киновіи С.-Галльскаго монастыря, а съ 842 г. аббатомъ монастыря Augiae divitis или Рейхенау въ Констанцкой епархіи, скончался въ 849 г. въ Галліи, куда ходилъ по какому-то порученію. Это былъ очень ученый, любознательный и свѣдущій человѣкъ. Въ числѣ его сочиненій замѣчателенъ историческій трудъ De ecclesiasticarum rerum exordiis et incrementis liber unus (Migne Patr. Lat. T. 114), гдѣ онъ высказываетъ также нѣсколько этнографическихъ и филологическихъ замѣчаній. Здѣсь кое-что говоритъ онъ о Готахъ, qui et Getae (какъ замѣчаетъ онъ), подъ которыми разумѣетъ именно готовъ Скандинаво-нѣмецкаго происхожденія, и приводитъ выписанное нами свидѣтельство о переводѣ ими свящ. книгъ на свой языкъ и готскомъ богослуженіи въ его время (Ibid. 926—927).

Константина съ этимъ человѣкомъ была не случайна, что онъ самъ „обрѣлъ“ сперва евангеліе, а потомъ „обрѣлъ и человѣка, глаголющаго тою бесѣдою“. Обрѣлъ потому, что искалъ, распрашивалъ, а искалъ и распрашивалъ потому, что, начитанный въ твореніяхъ древнихъ отцевъ, зналъ изъ Златоуста о готскомъ переводѣ свящ. книгъ и готскомъ богослуженіи и въ чувствѣ своего миссіонерскаго, народоучительскаго призванія хотѣлъ отыскать остатки этого перевода и богослуженія, чтобы воспользоваться ими для цѣлей своего призванія [1]). Къ вопросу о томъ, какое

---

[1]) О готскомъ переводѣ свящ. Писанія и готскомъ богослуженіи извѣстно было славянскимъ книжникамъ въ Сербіи XIV вѣка (преосв. Порфиріи въ соч. „Первое путешествіе въ аѳонскіе монастыри. Кіевъ, 1877 г., стр. 128 и д.). Извѣстіе это дошло къ нимъ путемъ книжныхъ преданій. Что удивительнаго, что этимъ же путемъ оно могло дойти и къ Константину, жившему гораздо ранѣе и начитанному несравненно болѣе сербскаго книжника? Если далекій отъ томитанцевъ Валафридъ Страбонъ могъ услышать отъ какихъ-то вѣрныхъ братій о готскомъ богослуженіи у томитанцевъ и другихъ сосѣднихъ скиѳскихъ народовъ, то не скорѣе ли и не лучше ли могъ слышать о томъ Константинъ еще до прибытія въ Херсонъ, слышать въ Царьградѣ, на Олимпѣ, а Меѳодій и въ той славянской области, гдѣ княжилъ? Что Константинъ запасался свѣдѣніями относительно мѣстъ, куда ходилъ, это, какъ само собою понятно при его любознательности, такъ видно еще изъ разсказа объ обрѣтеніи имъ мощей св. Климента въ Херсонѣ. Не херсониты первые разсказали ему объ этихъ мощахъ, ими позабытыхъ, а онъ первый сталъ распрашивать о нихъ, доискиваться ихъ и кончилъ тѣмъ, что „обрѣлъ ихъ“. Также, но легче, самъ онъ „обрѣлъ“ и русское т. е. готское евангеліе и человѣка, говорившаго языкомъ, сроднымъ языку евангелія. Довольно вѣроятно, что Константинъ еще на пути въ Херсонъ слыхалъ и о Руссахъ, ибо, по выраженію автора житія Георгія амастридскаго, уже „всѣ знали тогда“ объ этомъ народѣ. Новостію для Константина могло быть развѣ то, что обрѣтенный имъ русскій человѣкъ (если онъ былъ не готъ, а руссъ)—соплеменникъ готовъ, извѣстныхъ издавна, что русское и готское становились синонимами. Не входя здѣсь въ полемику съ другими толкованіями извѣстія „житія“ о русскомъ евангеліи и человѣкѣ, ограничимся слѣд. замѣчаніемъ: общій недостатокъ этихъ толкованій состоитъ въ томъ, что въ нихъ неизвѣстное доказывается еще болѣе неизвѣстнымъ, извѣстіе, загадочное само по себѣ, становится еще болѣе загадочнымъ, еще болѣе затемняется, такъ что лишается почти всякаго реальнаго значенія. (Не говоримъ о такихъ курьезныхъ толкованіяхъ, какъ то, будто русскія письмена, видѣнныя Константиномъ, были финскія, которыми воспользовался потомъ и Стефанъ пермскій для зырянъ). Иначе стоитъ

значеніе могла имѣть для главнаго подвига Константина и Меѳодія встрѣча въ Херсонѣ съ русскимъ человѣкомъ и русскимъ евангеліемъ, возвратимся въ своемъ мѣстѣ. А теперь, продолжая разсказъ житія, скажемъ еще объ одномъ дѣлѣ его въ Херсонѣ—открытіи мощей св. Климента, восполняя извѣстіе „Житія“ двумя другими древними сказаніями о семъ, каковы „слово о перенесеніи мощей св. Климента, писанное херсонскимъ грекомъ современникомъ и извѣстное въ древнемъ славянскомъ переводѣ, и такъ называемая Итальянская legenda: vita cum Traslatione S. Climentis, писанная на западѣ не позже XI или начала XII вѣка [1]).

Будучи въ Херсонѣ, говоритъ итальянская легенда, Константинъ, какъ любознательный испытатель, началъ отъ тамошнихъ жителей прилежно развѣдывать и тщательно испытывать о томъ, что до него дошло частію чрезъ письменное преданіе, частію по слуху о мощахъ блаж. Климента, о храмѣ, воздвигнутомъ ангельскими руками на гробѣ его. Всѣ объявили, что какъ пришельцы изъ разныхъ народовъ, а не тутошніе уроженцы, ни мало не вѣдаютъ, о чемъ онъ спрашиваетъ; ибо чудо морскаго отлива, знаменитое въ исторіи страданій упомянутаго первосвященника, давно уже прекратилось за грѣхъ и небреженіе жителей, а море прежнія свои мѣста покрыло волнами. Сверхъ того и отъ многихъ набѣговъ варваровъ храмъ оставленъ и разрушенъ, мѣстность та опустѣла и сдѣлалась необитаема. Да и самый гробъ св. мученика покрытъ былъ волнами. Такимъ отвѣтомъ весьма удивленный и крайне опечаленный, философъ обратился къ молитвамъ, да откроется

дѣло, если къ объясненію этого загадочнаго извѣстія мы отправляемся не отъ догадокъ или предположеній, а отъ *факта—извѣстнаго, историческаго,* каковъ фактъ существованія священныхъ книгъ и богослуженія на языкѣ готскомъ, языкѣ тѣхъ готовъ, остатки которыхъ еще держались въ IX в. въ Крыму, у Азовскаго Босфора и въ Томи, и которые были соплеменниками руссовъ-скандинавовъ. Извѣстіе житія перестаетъ быть загадочнымъ, становится яснымъ, получаетъ реальное значеніе.

[1]) Но основою легенды послужило сказаніе болѣе раннее.

ему свыше ради заслугъ св. Климента то, чего не могъ узнать отъ людей. Онъ пригласилъ м. Георгія вмѣстѣ съ соборнымъ клиромъ и народомъ, да молятся о томъ же. Сверхъ того, разсказывая дѣянія мученика или его чудеса, своими увѣщаніями весьма многихъ возбудилъ приступить къ отысканію столь драгоцѣннаго и столь долго пренебрегаемаго сокровища и съ помощію Божіею извлечь на свѣтъ. Въ этомъ разсказѣ для насъ наиболѣе замѣчательно свидѣтельство о любознательной испытательности Константина во время путешествія его, объ его начитанности въ церковно-историческихъ сказаніяхъ о св. мужахъ самыхъ древнихъ, каково сказаніе о св. Климентѣ, о слагавшейся у него, какъ путешественника и миссіонера, привычкѣ запасаться свѣдѣніями относительно предстоящихъ мѣстъ въ путешествіи, такъ, что онъ пришелъ въ Херсонъ съ такими свѣдѣніями о Климентѣ и его мощахъ, какихъ не оказалось и у самыхъ херсонитовъ [1]). По убѣжденію Константина, херсонскій архіерей Георгій, клиръ и нѣкоторые изъ народа, послѣ молитвъ, 30 января 861 г. [2]) утромъ отправляются съ нимъ на суднѣ при тихой погодѣ къ острову у берега моря, гдѣ, по преданію, сокрыты были мощи св. Климента. По долгомъ исканіи и раскапываніи земли, сопровождаемомъ церковными пѣснями, открыты были св. мощи при радостныхъ кликахъ и пѣніяхъ и торжественно съ церковнымъ пѣ-

---

[1]) Въ Четіи-Минеѣ говорится (подъ 25 ноября), будто херсонскій епископъ Георгій, побуждаемый св. братьями къ обрѣтенію мощей св. Климента, ѣздилъ сперва по этому дѣлу въ Царьградъ, откуда прибыли съ нимъ назначенные для этого дѣла патріархомъ Игнатіемъ и царемъ Михаиломъ „нарочитые мужи и весь клиросъ св. Софіи. Это извѣстіе Четіи-Минеи принято у насъ и нѣкоторыми изслѣдователями. Но источникъ, откуда взято это самой Четіи-Минеей, не извѣстенъ. Это просто догадка самаго автора Четіи-Минейнаго сказанія.

[2]) Этотъ годъ значится въ надписаніи „слова о перенесеніи мощей". Указаніе это не легко согласить съ мнѣніемъ о 858 г. хазарскаго посольства. Въ надписаніи есть ошибка въ означеніи тысячи; нѣтъ ли ошибки и въ означеніи единицы?

ніемъ несены на главахъ архіепископомъ и Константиномъ къ городу, откуда на встрѣчу имъ вышелъ стратегъ Никифоръ съ народомъ, и совершили поклоненіе св. мощамъ, и затѣмъ шествіе направилось къ городу, и какъ былъ вечеръ и отъ множества народа нельзя было и двигаться, то мощи положили на время въ предмѣстіи города на устроенномъ возвышеніи на мѣстѣ престола будущей церкви св. Климента и тутъ сказано было слово, потомъ перенесли ихъ въ церковь св. Созонта, гдѣ было опять служеніе, а затѣмъ перенесли въ церковь св. Леонтія. Здѣсь послѣдовало всенощное бдѣніе и служеніе, совершенное соборомъ, причемъ до полуночи пѣли монахи мужескаго монастыря, а съ полуночи монахини и благовѣрныя жены (діакониссы), какъ то было тогда въ обычаѣ въ Херсонѣ. На слѣдующій день архіепископъ съ соборомъ при стеченіи народа изъ всего города съ пѣніемъ носили св. мощи вокругъ города, и внесли въ соборную церковь, гдѣ было торжественное служеніе, заключившееся освященіемъ воды чрезъ св. мощи. По окончаніи торжества разошелся народъ по домамъ съ радостнымъ настроеніемъ, о чемъ всемъ и было потомъ составлено сказаніе.

Св. братья собирались уже въ хазарскій путь, какъ прошелъ слухъ, что къ христіанскому городу [1]) приблизился хазарскій воевода и что онъ приготовляется осаждать городъ.

---

[1]) Въ житіи городъ этотъ названъ только христіанскимъ городомъ, но не сказано, какой это городъ. Необходимо думать, что это какой либо *сосѣдній* съ Херсономъ городъ, или даже самый Херсонъ. Хазарскій воевода могъ прибыть сюда, безъ сомнѣнія, изъ босфоро-хазарскаго владѣнія, откуда хазаре не одинъ разъ стремились простереть свое вліяніе и на Херсонъ. То, что хазарскій воевода обнаруживаетъ непріязненныя намѣренія по отношенію къ имперскому городу въ ту пору, когда въ Хазаріи ожидалось посольство изъ Царьграда, не представляетъ собою явленія невозможнаго: оно въ характерѣ международныхъ отношеній у восточныхъ варваровъ. Но возможно и то, что необыкновенное движеніе въ городѣ, вызванное торжествомъ открытія и перенесенія мощей св. Климента, возбудило любопытство у хазарскаго воеводы, кочевавшаго съ своею военною ордою не вдалекѣ отъ Херсона, и онъ подошелъ къ городу, готовый при удобномъ случаѣ и ограбить его.

Узнавъ о томъ, Константинъ самъ отправился къ нему, какъ посолъ императорскій, бесѣдовалъ съ нимъ, предлагалъ учительныя слова и укрѣпилъ настолько, что онъ, обѣщавъ принять крещеніе, отступилъ отъ города, не сдѣлавъ ему никакого вреда. Наконецъ уже на пути въ Хазарію, когда, по обычаю, Константинъ былъ на молитвѣ, ему сказали о нападеніи бродячей, какъ волки, толпы Угровъ, грозившей убить путниковъ. Не устрашился Константинъ, кончилъ свою молитву на виду у самыхъ Угровъ, которые укротились видомъ молитвенника и оставили его и дружину его. Наконецъ, сѣвъ въ корабль, св. братья отправились въ хазарскій путь на Меотійское, т. е. Азовское море, достигли потомъ Каспійскихъ вратъ у Кавказскихъ горъ и прибыли въ столицу кагана [1]).

Восточные народы въ международныхъ сношеніяхъ, вообще въ сношеніяхъ съ людьми чужой земли, любятъ хитрить, лукавить. И теперь хазаре выслали на первую встрѣчу съ послами императора одного лукавца, вѣроятно изъ іудействующихъ хазаръ, который пытался вывѣдать, такъ сказать, искусство прибывшаго учителя. „Худой обычай у васъ, началъ онъ; ставите царей изъ разныхъ родовъ, а не изъ одного рода, какъ у насъ“. Вопросъ этотъ легко могли предложить хазаре, зная о частыхъ смѣнахъ династій въ Византіи и помня, что не очень давно была въ ней династія, родственная хазарамъ. Константинъ отвѣчалъ ссылкою на избраніе послѣ Саула царя Давида и его рода, что хазарину, знакомому съ іудействомъ, могло быть извѣстно. „Вы, продолжалъ хазаринъ, все учите изъ книгъ, съ книгами въ рукахъ, изъ нихъ берете слова; а мы не такъ, мы говоримъ отъ *своего разума*, такъ что наша мудрость въ насъ самихъ, а не въ книгахъ и мы книгами не хвалимся, какъ вы“ [2]). Константинъ: „если ты встрѣтишь че-

[1]) Каспійскія врата полагаютъ между Кизляромъ и Дербентомъ.

[2]) Арабскіе писатели говорятъ, что, по хазарскому постановленію, хазаре-іудеи судятъ на основаніи Торы, мусульмане на основаніи Корана, христіане

ловѣка какого и онъ скажетъ, что имѣю одежды и золото, повѣришь ли ты ему? Если нѣтъ, то тебѣ скажу; если ты проглотилъ всю мудрость, то отвѣчай, что знаешь о Моисеѣ, когда онъ жилъ, сколько родовъ прошло отъ него, сколько лѣтъ владѣлъ каждый родъ". Хвастливый іудействующій хазаринъ замолчалъ. Св. братья представились кагану и приглашены къ обѣду. „Какая твоя честь, спросили философа, чтобы по ней дать тебѣ и мѣсто за столомъ?"— „Мой дѣдъ, отвѣчалъ Константинъ, былъ великъ и славенъ, близокъ былъ къ царю, но по своей волѣ отвергъ данную ему славу, былъ изгнанъ, и зайдя въ чужую землю, обнищалъ и тутъ родилъ меня. Я, ища изначальной дѣдовской чести, другой и не считаю себя достойнымъ: я Адамовъ внукъ".— „Хорошо и вѣрно говоришь; будь гостемъ у насъ", сказали хазаре, и оказывали почетъ философу. Сѣли за столъ, началась застольная бесѣда. Каганъ, поднявъ чашу, возгласилъ: „во имя Бога единаго, Творца всей твари!" Константинъ поднялъ свою и сказалъ: „во имя Бога единаго, и Его Слова и Духа животворящаго". „Мы, отозвался каганъ, разсуждаемъ одинаково, хотя и держимся не одного: вы славите Тройцу, а мы единаго Бога, держась книгъ". Подъ книгами онъ разумѣлъ еврейскія книги ветхаго завѣта, ибо самъ придерживался еврейской вѣры.—„Нѣтъ! отвѣчалъ философъ, книги эти говорятъ о Богѣ, Его Словѣ и Духѣ такъ, что велятъ чтить Бога въ трехъ лицахъ св. Тройцы, какъ мы и чтимъ. И тутъ же привелъ въ подтвержденіе сего слова пророка Исаіи. Послѣ кагана первыми, какъ и слѣдовало ожидать, вступили въ преніе съ философомъ Іудеи, какъ учители въ вѣрѣ самаго кагана. Іудеи: скажи философъ, какъ это женщина можетъ родить Бога, можетъ вмѣстить во чрево свое Того, на ко-

---

по Евангелію, а язычники—по *закону разума*. Этимъ можетъ объясняться хвастливое выраженіе хазарина: мы говоримъ отъ своего разума. Но ссылки Константина въ бесѣдѣ съ нимъ на книги Ветхаго Завѣта даютъ заключать, что этотъ хазаринъ былъ вмѣстѣ и іудействующимъ, былъ знакомъ съ іудействомъ, или что такое знакомство предполагалъ въ немъ Константинъ.

тораго даже воззрѣть не возможно, не только что родить"? Философъ (указывая рукою на кагана и его перваго сановника): „если бы кто сказалъ, что этотъ первый совѣтникъ не можетъ принять въ свой домъ кагана и угостить его, а послѣдній рабъ можетъ принять и угостить, то какъ назвать такого человѣка—безумнымъ или разумнымъ"? Іудеи: „конечно безумнымъ, даже и очень". Философъ: „какое изъ всѣхъ видимыхъ тварей самое достойное и почтенное"? Іудеи: „человѣкъ, созданный по образу Божію". Философъ: „такъ неразумны тѣ, которые считаютъ невозможнымъ, чтобы Богъ вмѣстился въ человѣка,—Богъ, который вмѣщался въ купину, въ облако, бурю и дымъ, являлся Моисею, Іову. И кто, кромѣ самаго Бога, Творца человѣка могъ уврачевать болѣющаго человѣка и обновить истлѣвающій родъ человѣческій? А для сего нужно было, чтобы самъ Богъ принялъ на Себя образъ человѣческій, сталъ человѣкомъ, и исцѣлилъ болѣзни наши. Ибо и врачъ, врачуя больного, не прилагаетъ пластыря къ дереву, камню, а къ самому болящему". Въ пополненіе своего объясненія философъ привелъ Моисеевы слова по толкованію Акилы, что для насъ не совсѣмъ понятно, но, вѣроятно, имѣло значеніе доказательства ad hominem[1]). Собесѣдники разошлись, назначивъ день для новой бесѣды. Когда вновь сошлись и усѣлись,—философъ

---

1) Грекъ Акила, извѣстный при императорѣ Адріанѣ (117—138), принявшій хр. крещеніе, но ставшій въ христіанствѣ сторонникомъ іудейства или іудействующимъ христіаниномъ, перевелъ Ветхій Завѣтъ съ еврейскаго на греческій языкъ, причемъ старался затемнить пророчества о Христѣ. Тѣмъ не менѣе его переводомъ, какъ и другими древними переводами, пользовался Оригенъ въ своихъ „тетраплахъ и экзаплахъ". Возможно, что переводъ Акилы былъ извѣстенъ и у византійскихъ іудеевъ и іудействующихъ христіанъ, существовавшихъ въ Византіи, откуда могли они заходить и къ хазарамъ (Евреи въ южной Руси и Кіевѣ въ X—XII в. Труды Кіев. дух. Академіи 1878 г. іюнь и сентябрь). Ссылки Константина на Акилу, какъ прежде на Коранъ (въ сарацинской миссіи), напоминаютъ довольно извѣстный пріемъ христіанскихъ апологетовъ, ссылавшихся даже на языческихъ философовъ въ защиту христіанства. Ссылки эти свидѣтельствуютъ также о разносторонней эрудиціи Константина, о запасахъ научнаго матеріала, съ какимъ выступалъ онъ на ученыя пренія.

сказалъ: „я между вами одинъ, а васъ тутъ много; однако прошу каждаго говорить и спрашивать, какъ кто желаетъ и нуждается. Только бы говорить намъ искренно, какъ предъ Богомъ, видящимъ сердца всѣхъ". Выступили іудеи. „Какой законъ данъ прежде—Моусеевъ, или вашъ христіанскій?" Константинъ: „вы для чего это спрашиваете? для того-ль, что, по вашему, слѣдуетъ держаться того закона, который данъ прежде?" іудеи: „именно такъ! слѣдуетъ держаться закона, даннаго прежде". Константинъ: „а почему же вы не держитесь закона Ноева, который много старѣе закона Моусеева и не во всемъ сходенъ съ нимъ?" При этомъ философъ и указалъ на черты несходства двухъ законовъ. Іудеи пробовали возражать, что Ною данъ былъ завѣтъ, а не законъ, что—не одно и тоже. Философъ мѣстами писанія объяснилъ, что завѣтъ и законъ одно и то же, и что когда Богъ дастъ новый законъ, то этому закону и должно слѣдовать. Затѣмъ, то вызываемый вопросами іудеевъ, то увлекаемый собственною мыслію, философъ въ длинной бесѣдѣ привелъ цѣлый рядъ пророчествъ изъ Моусея, Исаіи, Іереміи, Малахіи, Михея, Захаріи, Даніила, предвозвѣстившихъ объ отмѣненіи стараго завѣта, дарованіи новаго, о пришествіи Мессіи Христа, помазаннаго, о Его рожденіи отъ Дѣвы, объ отверженіи іудеевъ, паденіи іудейскаго царства, призваніи всѣхъ народовъ и наступленіи царства Христова и т. д. Объясняя и исполненіе этихъ пророчествъ, философъ указалъ, въ частности, на пророчество Іакова объ оскудѣніи князя отъ Іуды т. е. паденіе іудейскаго царства съ пришествіемъ Мессіи, на пророчество Даніила о седминахъ и царствахъ, изъ коихъ въ желѣзномъ царствѣ, т. е. римскомъ, камень отсѣченный отъ горы, т. е. Мессія, разсыплетъ это идолопоклонническое царство, и въ замѣнъ его созиждется царство новое, христіанское, вѣчное, въ которомъ благословятся народы. Іудеи возразили, что они, какъ потомки Сима, составляютъ благословенное сѣмя въ родѣ человѣческомъ, согласно пророчественному благословенію Сима чрезъ Ноя. Философъ, объ-

яснивъ смыслъ Ноева благословенія, замѣтилъ, что отъ этого благословенія ничего уже не осталось у іудеевъ, но что исполнилось и исполняется надъ христіанами изъ народовъ потомства Іафета благословеніе, данное ему: да распространитъ Господь Іафета и внидетъ въ селенія Симовы. Это былъ намекъ на разсѣяніе и умаленіе іудеевъ какъ народа и на повсюдное распространеніе христіанства и возрастаніе христіанскихъ народовъ. Уклоняясь отъ состязанія о пророчествахъ, іудеи возразили: вы, христіане, надѣетесь на человѣка; а такихъ слово Божіе проклинаетъ. Философъ: „Давидъ былъ проклятъ или благословенъ?“ іудеи: „весьма благословенъ“. Философъ: „а онъ же говоритъ пророчественно: человѣкъ мира, на котораго мы уповаемъ. Этотъ человѣкъ не есть простой человѣкъ, а богочеловѣкъ Христосъ Богъ, на котораго мы и уповаемъ“. Много еще вопросовъ давали іудеи, и на всѣ ихъ вопросы мудро и остроумно отвѣчалъ философъ. Когда онъ кончилъ рѣчь, то каганъ съ нѣкоторыми изъ близкихъ воскликнулъ: „самъ Богъ послалъ тебя сюда въ ученіе наше! Силенъ ты въ книгахъ, усладилъ ты насъ своими рѣчами изъ книгъ. Мы мало свѣдущи въ книгахъ и готовы вѣрить, что сказываемое тобою открыто Богомъ. Но если хочешь успокоить наши души, то поговори еще съ нами притчами, когда сойдемся опять“.

Въ слѣдующій разъ бесѣду начали язычники и мусульмане:—„Покажи намъ, честный мужъ, притчами и разумомъ—какая вѣра лучше?“. Философъ: „двое супруговъ были въ великой чести и любви у царя; потомъ согрѣшили и были изгнаны изъ его земли. Въ мѣстѣ изгнанія жили они много лѣтъ, имѣли дѣтей въ нищетѣ и наконецъ созвали ихъ на общій совѣтъ о томъ, какимъ бы путемъ возвратить утерянный прежній чинъ у царя. Одинъ давалъ такой совѣтъ, другой—иной... Какому изъ этихъ совѣтовъ должно слѣдовать? Не лучшему ли?“ Хазаре: „Конечно, лучшему, но каждый считаетъ лучшимъ свой, также напр. какъ и вѣру. Іудеи хвалятъ свою, другіе—иную. Скажи же

намъ, какая вѣра лучше? Философъ: огонь искушаетъ золото и серебро, а человѣкъ умомъ отсѣкаетъ истину отъ лжи. Теперь продолжаю притчу: если человѣкъ заболѣлъ отъ того, что не въ мѣру поѣлъ меду или напился холодной воды, и одинъ врачъ, принявшись лечить его, посовѣтуетъ ли ему еще болѣе ѣсть меду или выйти на морозъ, а другой предложитъ ему вмѣсто меда горькое питье и дастъ согрѣться, то какой изъ такихъ совѣтовъ врачей былъ бы лучше? Хазаре: конечно, послѣдній: болѣзнь слѣдуетъ лѣчить врачевствомъ, противоположнымъ тому, отчего заболѣлъ человѣкъ. Философъ: „такое то врачевство и даетъ Богъ въ христіанскомъ законѣ падшему и недужному человѣку. Онъ палъ чрезъ гордость, сластолюбіе, утратилъ чрезъ это прежнюю высоту. Если такъ, то взойти на эту высоту онъ можетъ только путемъ смиренія, воздержанія, подвига. Горекъ и тяжелъ этотъ путь, но онъ ведетъ къ сладкой и блаженной жизни въ вѣчности". Очевидно въ „Житіи" переданъ, такъ сказать, основной мотивъ преній, направленный противъ Магометовой морали съ обольщеніями Магометова рая, мотивъ довольно обычный въ преніяхъ христіанъ съ мусульманами. Одинъ изъ мусульманъ пытался вступиться за Магомета, сталъ хвалить его, какъ пророка, замѣтивъ, что Магометъ говоритъ о Христѣ. Философъ: „ссылаюсь на кагана, который, зная еврейскія книги, знаетъ изъ пророка Даніила, что по Христѣ не будетъ новыхъ пророковъ. Тутъ вмѣшались въ бесѣду и іудеи, и съ крикомъ принялись бранить Магомета.—Тогда одинъ разумный хазаринъ изъ язычниковъ, глядя на іудеевъ, сказалъ: „гость этотъ опрокинулъ мусульманскую мудрость на одну сторону, а вашу на другую: тверда только вѣра христіанская; она для всѣхъ, и безъ нея нѣтъ ни для кого вѣчной жизни. Богу слава во вѣки!"—Да будетъ такъ! отозвались на это многіе. Философъ, обращаясь ко всѣмъ, съ слезами на глазахъ, сказалъ: „братія и отцы, други и чада! Богъ даетъ разумъ и потребный отвѣтъ на все: кто еще хочетъ спорить, пусть вы-

ступитъ на преніе, чтобы оспорить насъ или познать изъ пренія истину. А кто послушаетъ ея, пусть крестится во имя св. Троицы. Кто не захочетъ сего, то будетъ уже не мой грѣхъ, онъ самъ увидитъ это въ день судный, когда Ветхій деньми возсядетъ судить всѣмъ народамъ". Хазаре: „Мы не враги себѣ, но по немногу, кто можетъ, будемъ креститься. И крестилось тогда до 200 хазаръ. Каганъ позволилъ креститься всѣмъ, кто захочетъ, обѣщалъ подумать и самъ о крещеніи. Весьма благодарилъ онъ царя греческаго за Константина, а ему предлагалъ богатые дары. Но вмѣсто ихъ философъ выпросилъ у кагана свободу плѣнным греческимъ христіанамъ, которыхъ найдено и отпущено 20. Говоря о преніяхъ Константина въ Хазаріи, авторъ Житія замѣчаетъ, что онъ передалъ лишь немногое изъ этихъ преній, которыя пространно изложены въ книгѣ Константина и переведены Меѳодіемъ (съ греческаго) на славянскій языкъ, съ раздѣленіемъ ихъ на восемь частей или главъ. Эта замѣтка автора служила и служитъ предметомъ разныхъ толкованій. По однимъ Константинова *книга* (въ „Житіи"—книги) *преній* была сочиненіемъ его, напередъ изготовленнымъ для всякихъ вообще диспутовъ съ іудеями и агарянами, и она то стала однимъ изъ источниковъ для самой легенды о его хазарской миссіи. По другимъ, Константинъ записалъ свои преніи на греческомъ языкѣ уже послѣ самыхъ преній, а Меѳодій перевелъ ихъ на славянскій, чтобы оставить въ руководство славянамъ, подвластнымъ хазарамъ. Думаютъ и такъ, что книга или запись Константина имѣла видъ отчета патріарху о миссіи и преніяхъ въ ней. Нѣкоторые, ссылаясь на то, что книги преній не сохранилось ни въ греческомъ подлинникѣ ни въ славянскомъ переводѣ Меѳодія, наклонны думать, что ни того, ни другаго не существовало. Иные задаются еще вопросомъ: переводъ Меѳодіемъ Константинова греческаго подлинника преній не означаетъ ли, что Меѳодій зналъ славянскій языкъ лучше Константина? Надежнѣе, кажется намъ, будетъ понимать

замѣтку автора „Житія“ какъ можно проще, какъ можно ближе къ прямому смыслу ея, какимъ и примиряются толкованія ея. Совершенно естественно, что Константинъ *подготовлялся* къ преніямъ, запасся матеріаломъ для нихъ (напр. въ видѣ выбора текстовъ изъ Ветхаго Завѣта для бесѣды съ іудеями), обдумывалъ и отвѣты на возможные вопросы и возраженія въ предстоявшемъ преніи. Это сдѣлалъ бы каждый разумный миссіонеръ на его мѣстѣ. Но столько же понятно, что книга преній, о которой говоритъ „Житіе“, не могла быть лишь такою предварительною записью или готовымъ руководствомъ для преній. Теченіемъ живыхъ бесѣдъ пренія разнообразились и въ содержаніи и въ самой формѣ. Эти то живыя пренія, смѣнявшіяся въ живыхъ бесѣдахъ, и были записаны Константиномъ для памяти, для назиданія себѣ и другимъ, для пособія ему самому, для руководства другимъ въ подобныхъ случаяхъ. Такой записи требовалъ и самый случай преній, случай необычный, особенный. Это были пренія Константина, какъ посла-миссіонера, пренія въ большомъ, нарочитомъ собраніи, въ присутствіи государя страны. Какой разумный миссіонеръ на мѣстѣ Константина не пожелалъ бы записать эти пренія возможно полнѣе и обстоятельнѣе? Притомъ запись преній въ защиту христіанской вѣры была обычаемъ, имѣвшимъ за собой преданія глубокой древности, безъ сомнѣнія извѣстныя Константину. Въ актахъ мучениковъ, исповѣдниковъ христіанства (а Константинъ шелъ къ хазарамъ съ готовностію и на мученическій подвигъ, какъ самъ говорилъ) помѣщаются весьма часто пренія ихъ съ невѣрующими во всей ихъ полнотѣ, во всемъ процессѣ этихъ преній. Критика въ очень многихъ случаяхъ признала подлинность такихъ преній, занесенныхъ въ акты, какъ и самихъ актовъ. Совершенно естественно, скажемъ опять, что Константинъ хотѣлъ имѣть *актъ* своихъ преній въ Хазаріи. Затѣмъ само собою понятно, что этотъ актъ, эта подробная и обстоятельная запись о преніяхъ ео ipso служила и частію

отчета о миссіи, какой ему надлежало дать о ней въ Царьградѣ. Понятно, что эта запись или *книга преній* писана Константиномъ на греческомъ языкѣ, какъ родномъ языкѣ Константина, языкѣ правительства Византіи и церкви греческой, вѣроятно преобладавшемъ и въ устныхъ преніяхъ Константина въ Хазаріи[1]). Зачѣмъ Меѳодій перевелъ книгу этихъ преній на славянскій языкъ? Перевелъ ее, какъ памятникъ подвига брата, какъ назидательное чтеніе для новообращаемыхъ и новообращенныхъ юныхъ въ вѣрѣ славянъ, которое могло служить не только тамъ, гдѣ они могли соприкасаться съ іудеями и агарянами, но и повсюду, ибо оно служитъ къ уясненію истинъ вѣры христіанской. Гдѣ и когда онъ перевелъ эту книгу—вопросъ, конечно, очень интересный, но, къ сожалѣнію, подпадающій рѣшенію не такъ легко, какъ другіе. Едвали онъ могъ сдѣлать это въ Хазаріи, чтобы оставить тамошнимъ славянамъ (какъ думаетъ г. Гильфердингъ), допускать славянскую грамотность у которыхъ было бы слишкомъ смѣло, за неимѣніемъ для сего никакихъ основаній. Вѣроятно онъ сдѣлалъ это послѣ, по смерти брата, когда былъ уже моравскимъ архіепископомъ, какъ даетъ заключать и „Житіе“ Кирилла. Наконецъ, то обстоятельство, что до насъ не дошло ни греческаго подлинника ни славянскаго перевода книги преній, не даетъ основанія

---

[1]) Въ Хазаріи съ разноплеменностію и разновѣріемъ было, разумѣется, и разноязычіе. При этомъ естественно происходило и ознакомленіе представительныхъ людей одного языка съ языкомъ другихъ. Предполагать господство одного языка, въ частности языка славянскаго, по нашему мнѣнію, рискованно. Но довольно естественно предполагать нѣкоторое знакомство съ греческимъ языкомъ болѣе образованныхъ въ Хазаріи іудеевъ и даже мусульманъ и самихъ хазаръ. Константинъ ссылался предъ іудеями на Акилу, на его переводъ Ветхаго Завѣта, а это—греческій переводъ. А если мудрецы мусульманскіе, учители хазаръ, были изъ багдадскаго калифата, то они также могли быть знакомы съ греческимъ языкомъ. Но Константинъ въ состояніи былъ неразумѣющимъ или плохо разумѣющимъ греческій языкъ объяснять свои мысли и на другихъ языкахъ, въ томъ числѣ и славянскомъ, если онъ былъ въ нѣкоторомъ употребленіи при дворѣ кагана.

заподозривать существованіе того и другаго, какъ то дѣлаетъ г. Бильбасовъ. По какому праву станемъ мы отрицать прямое и ясное свидѣтельство о греческомъ подлинникѣ и славянскомъ переводѣ, представляемое „Житіемъ“, столько достовѣрнымъ во всѣхъ фактахъ историческихъ, имъ излагаемыхъ? Не облегчаетъ ли намъ самое „Житіе“ понять одну изъ причинъ утраты того и другого? Пренія въ *сокращенномъ* видѣ изложены въ самомъ „Житіи“, и это сокращенное изложеніе, распространившись какъ въ многочисленныхъ спискахъ „Житія“, такъ и въ отдѣльныхъ спискахъ или извлеченіяхъ изъ Житія (такіе списки и извлеченія извѣстны), сдѣлало менѣе нужнымъ, менѣе читаемымъ начальное пространное изложеніе. Но возвратимся къ св. братьямъ.

Съ радостью возвращались братья въ Царьградъ, Богъ хранилъ ихъ на пути и являлъ чрезъ нихъ знаменія Своей благодати. Такъ, по сказанію Житія, Константинъ на пути, для утоленія нестерпимой жажды, молитвою преложилъ соленую воду въ прѣсную. Въ Корсуни онъ предрекъ смерть херсонскому епископу Георгію. Тамъ же въ Крыму узналъ онъ про какой-то Фуллькій народецъ, который, будучи христіанскимъ, совершалъ однакоже языческія жертвы подъ однимъ великимъ дубомъ. „Это у насъ, говорили простецы Константину, обычай дѣдовскій; за жертвы подъ этимъ священнымъ дубомъ дается намъ дождь; безъ дуба и дождя не будетъ, а кто тронетъ его,—убьетъ того на смерть“.—„Братіе! сказалъ Константинъ, Богъ призвалъ и васъ, въ числѣ другихъ народовъ, къ спасенію, къ свѣту. Познайте же своего Творца и Спасителя. Вотъ Его евангеліе новаго завѣта, въ которомъ вы крестились. Вѣруйте ему; а дубъ велю вамъ срубить и сжечь“. Старѣйшина ихъ поклонился и поцѣловалъ евангеліе у Константина, другіе сдѣлали тоже. Затѣмъ всѣ съ пѣніемъ пошли за Константиномъ; онъ первый ударилъ топоромъ въ дубъ, за нимъ прочіе христіане; дубъ срубленъ и сожженъ. Въ ту же ночь Гос-

подъ послалъ обильный дождь. Всѣ утѣшились и прославили Бога [1]).

Хазарская миссія св. братьевъ для насъ достопамятна. Это была миссія на окраину русской земли, по которой прошли св. благовѣстники, какъ бы въ предвѣстіе приближающагося просвѣщенія ея свѣтомъ вѣры. И вѣрится, что въ этомъ своемъ странствіи они видѣли и славянъ, бывшихъ въ составѣ населеній хазарскаго царства, и, какъ хорошо знающіе славянскій языкъ, бесѣдовали съ ними и могли заронить въ нѣкоторыхъ изъ нихъ сѣмя св. вѣры. Необходимо признать и то, что несомнѣннымъ плодомъ миссіи св. братьевъ было ободреніе христіанъ хазарской державы, увеличившихся теперь въ числѣ, и огражденныхъ болѣе крѣпкимъ обязательствомъ вѣротерпимости, принятой на себя каганомъ подъ вліяніемъ видѣннаго и слышаннаго въ преніяхъ Константина, а затѣмъ пріостановка пропагандныхъ притязаній іудейства и мусульманства среди хазаръ, давшая возможность возрастающему христіанству достигнуть нѣкотораго равновѣсія своего положенія въ сравненіи съ положеніемъ іудеевъ и мусульманъ. Въ самомъ дѣлѣ, по сказанію объ этой миссіи, въ моментъ ея іудейству и мусульманству принадлежалъ значительный перевѣсъ. Но въ первыхъ десятилѣтіяхъ X в. гражданское положеніе христіанства въ Хазаріи представляется уравновѣшеннымъ съ положеніемъ первыхъ. По извѣстному свидѣтельству арабскаго писателя Массуди у хазаръ въ это время было установлено семь судей для людей разныхъ вѣръ: были два судіи для хазаръ іудействующихъ, судившіе по закону Моисееву, два для мусульманъ, судившіе по закону Магомета, два для христіанъ, судившіе

---

[1]) Городъ Фулла находятъ въ древнемъ Крыму и полагаютъ его не подалеку отъ Судака или Сурожа, извѣстна и епархія фуллъская, соединявшаяся иногда съ сурожскою (Макарія, Исторія христіанства въ Россіи до св. Владиміра; г. Василевскаго: Житіе Іоанна готскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1877 г.). Но какой народецъ, какое по національности населеніе слѣдуетъ разумѣть подъ названіемъ „Фуллъскій языкъ“, это остается спорнымъ.

на основаніи евангелія, и одинъ для язычниковъ, судившихся по естественному закону разума. Наконецъ хазарская миссія имѣла значеніе въ развитіи у св. братьевъ мысли о главномъ подвигѣ, имъ предстоявшемъ, какъ скажемъ о томъ нѣсколько далѣе.

По возвращеніи въ Царьградъ Константинъ и Меѳодій представились царю, конечно и патріарху съ отчетомъ о своей миссіи, о которой въ грамотѣ свидѣтельствовалъ и Каганъ, похваляя философа, благодаря за него и высказывая обѣщаніе подумать о крещеніи. Братья заслуживали наградъ. Но не ищущій наградъ и почестей Константинъ сталъ жить въ уединеніи и молитвѣ при церкви св. апостоловъ. Тѣмъ же духомъ смиренія проникнутъ былъ и св. Меѳодій. Царь и патріархъ убѣждали его принять поставленіе на одну изъ архіепископскихъ каѳедръ, для которыхъ нужны такіе люди; Меѳодій уклонился отъ такой чести и тогда поставили его игуменомъ въ монастырь Полихроніевъ, гдѣ было 70 иноковъ. Монастырь этотъ находился у азіатскаго берега Мраморнаго моря близъ г. Кизика не такъ далеко и отъ Олимпа. Въ послѣднія десятилѣтія VIII в. и въ началѣ IX в. здѣсь подвизался препод. Ѳеофанъ Сагріанскій, исповѣдникъ за иконопочитаніе отъ иконоборцевъ [1]). Меѳодій поставленъ на игуменство просто какъ монахъ безъ посвященія въ іерейство, что въ то время бывало, какъ видно на примѣрѣ патр. Игнатія, который до патріаршества былъ игуменомъ одного, потомъ другаго основанныхъ имъ монастырей въ санѣ простаго монаха, а не іеромонаха, и только по истеченіи извѣстнаго времени посвященъ былъ въ іерейство. Возвращеніе св. братьевъ изъ хазарской миссіи послѣдовало не ранѣе второй половины 861 года [2]).

---

[1]) Пр. Филарета, Историческое ученіе объ отцахъ церкви т. III, 265.

[2]) Въ словѣ о перенесеніи мощей св. Климента, совершенномъ Константиномъ въ Херсонѣ, говорится, что оно совершилось 30 января 861 г. (Кирилло-Меѳодіевскій сборникъ. М. 1865, стр. 319 и д.); а за тѣмъ св. братья отправились въ Хазарію. На это путешествіе, на пребываніе въ Хазаріи, а за тѣмъ на обратный путь слѣдуетъ положить около полугода.

Не долго жили св. братья въ своихъ смиренныхъ званіяхъ. Приспѣлъ вызовъ ихъ на новый величайшій подвигъ въ славянскія земли въ 862 г. Временемъ выступленія св. братьевъ на этотъ подвигъ начинаются тѣ обстоятельства ихъ жизни и дѣятельности, которыя служатъ предметомъ наиболѣе разнорѣчивыхъ толкованій, а для зап. писателей, латинскихъ и латино-славянскихъ, служатъ поводомъ къ искаженію характера ихъ дѣятельности, къ попыткамъ отнять ихъ у православнаго греко-славянскаго востока и сдѣлать сторонниками Рима. Не можемъ и мы обойти вопросовъ, поднимаемыхъ въ этихъ спорахъ о началѣ и характерѣ дѣятельности св. братьевъ въ эту важнѣйшую пору жизни ихъ.

Первый вопросъ здѣсь состоитъ въ томъ: въ какомъ отношеніи въ данную пору находились св. братья къ личности патріарха Фотія и къ начинавшемуся изъ-за его поставленія спору, который, осложняясь болѣе и болѣе, повелъ къ спору между церквами Царьграда и Рима и затѣмъ къ раздѣленію церквей? Фотій, бывшій придворный профессоръ и въ этомъ званіи учитель и другъ Константина, предъ поставленіемъ на патріаршество былъ протоасикритомъ, т. е. первымъ государственнымъ секретаремъ. Вступленіе его на патріаршій престолъ состоялось при весьма печальныхъ обстоятельствахъ. Императоръ Михаилъ, достигши совершеннолѣтія, предался распущенности, которой поблажалъ дядя его, правившій государствомъ въ званіи кесаря, умный и образованный государственный человѣкъ, но также испорченный нравственно. Михаилъ и Варда соединились противъ импер. Ѳеодоры, матери перваго и сестры послѣдняго, безъ сомнѣнія, поридавшей ихъ обоихъ, и кончилось тѣмъ, что Ѳеодора, сперва оттолкнутая сыномъ отъ власти, потомъ насильно пострижена въ монахини также, какъ и ея сестры [1]). Благочестивый патріархъ Игнатій не соглашался

[1]) Ѳеоктистъ, бывшій покровитель Константина, преданный благочестивой императрицѣ Ѳеодорѣ, былъ еще прежде погубленъ Вардою и Михаиломъ

на это постриженіе, совершившееся помимо его, порицалъ насиліе, обличалъ за распущенность и кровосмѣшеніе и Варду. По настоянію Варды Игнатій 26 ноября 857 г. удаленъ съ патріаршества и заточенъ въ монастырь на о. Танеринѣ. Чрезъ мѣсяцъ, 25 декабря Фотій изъ мірянина, быстро проведенный по степенямъ іерархическимъ, поставленъ патріархомъ на мѣсто Игнатія. Было бы съ нашей стороны малодушіемъ или фальшью игнорировать или смягчать печальный характеръ обстоятельствъ, предшествовавшихъ вступленію Фотія на патріаршество, характеръ лицъ, послужившихъ орудіемъ возведенія его на патріаршество, какъ Михаилъ и Варда. Но папистамъ, злорадно указывающимъ на это обстоятельство, чтобы порочить бывшаго учителя и друга Константина, мы напомнимъ о томъ, что было въ Римѣ въ концѣ IX и въ X вв., когда, по свидѣтельству латинскаго писателя Баронія, на престолѣ папскомъ сидѣли не люди, а чудовища и изверги рода человѣческаго; извѣстно, какъ и возводимы были на папскій престолъ такія чудовища. 50-лѣтній Фотій, имѣя заслуги страдальца за православіе во время иконоборства, достоинства знаменитаго учителя и ученаго, ревнителя просвѣщенія, изъ любви которому онъ продолжалъ держать свою школу и въ званіи протоасикрита,—Фотій былъ чистъ и въ дѣлѣ возведенія на престолъ патріаршій. Сейчасъ послѣ этого онъ далъ въ общее свѣденіе, диктованную мужествомъ, запись, которою объявлялъ съ клятвою, что онъ не повиненъ въ низложеніи Игнатія, что и теперь онъ считаетъ его невиннымъ, будетъ считать и потомъ, и какъ себѣ не позволитъ говорить что-либо противъ Игнатія, такъ не допуститъ до того и другихъ. Искренность такого заявленія свидѣтельствуется его письмами къ Вардѣ, исполненными горечи и мольбы за участь гонимыхъ сторонниковъ Игнатія. Быстрое возведеніе Фотія изъ мірянина не было явленіемъ безпримѣрнымъ. Примѣры такихъ избраній и при-

(Продолж. Амартола въ Patr. Graec. изд. Migne. T. 110, p. 1035 и д.). Безъ сомнѣнія, это было большимъ огорченіемъ для Константина и Меѳодія.

томъ очень счастливыхъ для церкви бывали и въ древности, бывали и въ ближайшее до Фотія время. Наконецъ не искалъ онъ патріаршества, а отказывался, предпочитая совсѣмъ удалиться отъ дѣлъ для любимыхъ занятій съ книгами или своими учениками, его любившими. Было жертвою съ его стороны для церкви принять престолъ при такихъ печальныхъ обстоятельствахъ, съ неизбѣжнымъ рискомъ подпасть нареканіямъ; но жертву эту онъ принесъ церкви, которой нуженъ былъ въ эту пору человѣкъ сильнаго разума и сильной воли. Вотъ почему большинство благомыслящихъ людей и епископовъ привѣтствовало вступленіе Фотія на престолъ, мирясь съ печальною случайностію, предшествовавшею его избранію. Естественно было ожидать этого и отъ св. братьевъ. Напрасно латинскіе писатели силятся утверждать, что уже самое возведеніе Фотія на престолъ, какъ дѣло насилія и узурпаторства, отклонило отъ него и отъ самаго двора сердца св. братьевъ, окончательно будто бы отвернувшихся отъ Фотія и Византіи, когда начался споръ ихъ съ Римомъ, поведшій, какъ выражаются паписты, къ схизмѣ. Въ историческихъ памятникахъ не найдено доселѣ ни одного намека на то, чтобы св. братья порицали возведеніе Фотія на патріаршество. Живя тогда въ своемъ олимпійскомъ уединеніи, они, безъ сомнѣнія, со скорбію слышали о поступкахъ Варды, о развившейся при его поблажкахъ распущенности и безобразномъ поведеніи императора, но искали утѣшенія въ молитвѣ о немъ, объ огражденіи мира и благосостоянія церкви, какъ то дѣлали въ подобныхъ случаяхъ смиренные отшельники. Переносясь въ этотъ Олимпъ въ моментъ страшныхъ безобразій, производимыхъ молодымъ кощунникомъ Михаиломъ и старымъ развратникомъ Вардою, мы еще болѣе удивляемся величію олимпійскихъ отшельниковъ, недосязаемому для вліяній дурной атмосферы столицы, и невольно припоминаемъ слова писанія о святыхъ, именуемыхъ останками духа Божія въ людскихъ обществахъ и молитвами которыхъ стоятъ общества въ грѣшномъ мірѣ человѣческомъ. Какъ

ни испорчена была духовная атмосфера Византіи, но видно, въ тайникахъ ея еще былъ духъ жизни, могшій выступить въ лицѣ такихъ смиренныхъ избранниковъ, какъ Константинъ и Меѳодій. И думаемъ, что, въ своей скорби о смутѣ въ церкви, они нашли утѣшеніе въ томъ, что на патріаршей каѳедрѣ ея явился Фотій, такъ близкій къ нимъ по духу любви къ просвѣщенію. Они служатъ церкви и при немъ и тѣмъ заявляютъ свое общеніе съ нимъ. Безъ сомнѣнія, онъ участвовалъ въ отправленіи ихъ въ хазарскую миссію, а по возвращеніи ихъ оттуда онъ съ царемъ, одобряя ихъ подвигъ, предлагаетъ Меѳодію архіепископскую каѳедру. Отказъ Меѳодія отъ этой каѳедры выставляютъ латинскіе писатели, какъ доказательство охлажденія къ Фотію обоихъ св. братьевъ, нежеланія служить при немъ, какъ незаконно занявшемъ каѳедру послѣ низложеннаго Игнатія. Здѣсь мы должны опять коснуться смуты этого времени по дѣлу Игнатія и Фотія. Фотій, какъ было упомянуто, далъ клятвенное увѣреніе, что считаетъ и будетъ считать Игнатія невиннымъ. Но нашлись приверженцы Игнатія, которые, собравшись на соборъ, или точнѣе на самочинное сборище въ церкви св. Ирины, провозгласили законнымъ патріархомъ Игнатія, осудили и предали анаѳемѣ Фотія и нѣкоторые бѣжали въ Римъ, чтобы тамъ у папы найти опору своему рѣшенію. Что было ему дѣлать?—Оставалось защищать свое достоинство, какъ патріарха. Императоръ и патріархъ вошли въ сношенія съ папою Николаемъ I, по обычаю іерархическаго общенія и въ надеждѣ на содѣйствіе его успокоенію церковной смуты въ Византіи. Извѣстно, какіе виды возъимѣлъ честолюбный папа по этому поводу. Но не о нихъ теперь, а лишь о томъ, что, по прибытіи папскихъ легатовъ, на весьма многочисленномъ соборѣ греческихъ іерарховъ съ участіемъ и легатовъ, Игнатій, допустившій своимъ приверженцамъ анаѳематствовать Фотія, былъ осужденъ, а Фотій признанъ соборно утвержденнымъ на своемъ престолѣ. Начавшаяся борьба между малою партіею Игнатія и большою

партіею Фотія, продолжалась и ожесточалась. Въ какомъ отношеніи стояли къ этой борьбѣ Константинъ и Меѳодій? Прежде всего они были выше борьбы партій и ничѣмъ не заявили своей принадлежности къ той или другой партіи, какъ партіи. Но съ большою вѣроятностію можно сказать, что Фотій и лица Фотіевой стороны были имъ болѣе сочувственны, чѣмъ противная сторона, а съ несомнѣнностію то, что св. братья пребывали въ общеніи съ Фотіемъ. Первый выводъ дается намъ мыслію объ извѣстномъ характерѣ партій Фотіевой и Игнатіевой. Партія, примкнувшая къ Фотію, стала слагаться еще при предмѣстникѣ Игнатія св. Меѳодіѣ исповѣдникѣ. Строго православный, св. Меѳодій былъ вмѣстѣ съ тѣмъ іерархъ высокаго просвѣщенія, покровительствовалъ просвѣщеннымъ лицамъ и старался выдвигать ихъ на іерархическія каѳедры, за что, между прочимъ, не долюбливали его въ кружкахъ монаховъ простецовъ [1]) Игнатій былъ строгій монахъ, но не далекаго образованія, окружалъ себя подобными ему аскетами, но простецами, ихъ выдвигалъ на видные посты, вытѣсняя просвѣщенныхъ людей, которымъ не довѣрялъ, по недовѣрію къ самому просвѣщенію. Когда сталъ патріархомъ Фотій, то противъ него, въ качествѣ приверженцевъ Игнатія, и возстали прежде всего и болѣе всего строгіе, но не высокіе по просвѣщенію лица изъ монаховъ, не взлюбившіе Фотія, какъ патріарха изъ недавнихъ мірянъ и ученаго. За то на сторону Фотія стали всѣ искренніе почитатели памяти св. Меѳодія исповѣдника, стали всѣ болѣе просвѣщенныя лица изъ іерархіи и самаго монашества, какихъ и сталъ онъ теперь выдвигать на важныя мѣста церковнаго служенія для пользы церкви. Естественно ожидать, что Константинъ и Меѳодій, какъ мужи просвѣщенные, скорѣе сочувствовали сторонѣ бывшаго патр. Меѳодія и теперешняго

[1]) Были и другія, также неосновательныя, причины нелюбви ихъ къ патр. Меѳодію, которую высказывали даже и монахи студиты. Подробнѣе объ этомъ и за тѣмъ вообще о партіяхъ Игнатія и Фотія—у г. Лебедева (Очерки внутренней исторіи византійско-восточной церкви стр. 94 и слѣд.).

Фотія, чѣмъ сторонѣ Игнатіанъ [1]). Если Меѳодій отказался отъ епископской каѳедры, предложенной ему царемъ, безъ сомнѣнія при участіи патр. Фотія, то ничто не даетъ основанія предполагать, что онъ сдѣлалъ это по недовольству Фотіемъ, а не просто по смиренію и по мысли о другомъ призваніи для себя. Впрочемъ онъ принялъ санъ игумена Полихроновскаго монастыря близъ Кизика, гдѣ, какъ извѣстно, епископомъ былъ недавно поставленный Фотіемъ ученый другъ его Амфилохій. Это игуменство Меѳодія въ Полихронѣ, находившемся въ сосѣдствѣ и подъ вѣдѣніемъ друга Фотіева, не есть ли указаніе дружныхъ отношеній Меѳодія къ Фотію и его другу? Константинъ же поселяется при церкви св. Апостоловъ, которая была именно въ ближайшемъ вѣдѣніи патріарха, на этотъ разъ Фотія, такъ что Константинъ, какъ священникъ, поступалъ чрезъ это какъ бы въ каѳедральный клиръ Фотія. Не ясное ли опять указаніе на то, что онъ не чуждался Фотія, радъ былъ жить вблизи его и, живя здѣсь, какъ говоритъ Житіе, „веселился о Богѣ“, находилъ свое положеніе отраднымъ [2]).

---

[1]) Въ отношеніяхъ Константина къ Игнатію, при молчаніи о томъ источниковъ, быть можетъ, не лишено значенія слѣдующее обстоятельство: Константинъ, какъ знаемъ, отказался отъ должности „библіотекаря у патріарха“, но за тѣмъ принялъ должность учителя въ высшей школѣ. Это было послѣ того, какъ онъ отказался и отъ предложенной ему женитьбы, слѣд. когда имѣлъ не менѣе 20 лѣтъ, слѣд. при патріархѣ Игнатіѣ. Не потому ли, между прочимъ, онъ отказался отъ службы у патріарха, что не встрѣчалъ сочувствія въ Игнатіи, не любившемъ ученыхъ и разгонявшемъ ихъ? Въ должности же учителя, которую принялъ, онъ находился подъ вѣдѣніемъ не патріарха, какъ не была подъ его вѣдѣніемъ и самая школа.

[2]) Церковь св. Апостоловъ была усыпальницею императоровъ и *патріарховъ*. При ней же была и самая *патріархія*, резиденція патріарха. Въ этой церкви сторонники Фотія собирались для защиты Фотія и въ первый разъ скоро послѣ того, когда Игнатіане въ февралѣ 858 г. въ церкви Ирины произнесли дерзкое осужденіе ему (другое извѣстіе, что мѣстомъ перваго собранія сторонниковъ Фотія была Влахернская церковь, представляется намъ менѣе надежнымъ); въ этой же церкви св. Апостоловъ (что уже несомнѣнно) состоялся и соборъ въ маѣ 861 г., осудившій Игнатіянъ и оправдавшій поставленіе

Есть еще одно обстоятельство, могущее вызывать недоумѣніе въ вопросѣ объ отношеніи св. братьевъ къ Фотію въ первые годы его патріаршества. Это неблаговоленіе Фотія къ Олимпу, прежнему мѣсту отшельничества св. братьевъ. Анастасій римскій библіотекарь говоритъ, что Фотій въ началѣ 60-хъ годовъ разогналъ съ Олимпа отшельниковъ и сжегъ ихъ кельи, на что, въ укоръ Фотію, указываетъ и Гергенротеръ [1]). Хотя Анастасій, какъ врагъ Фотія, могъ сказать и больше, чѣмъ было, но есть часть правды въ томъ, что онъ говоритъ. Между олимпійцами, какъ и между студитами, были упрямые сторонники Игнатія и недруги Фотія, къ числу которыхъ принадлежалъ и самъ настоятель писсадиновской киновіи на Олимпѣ Николай, какъ о томъ говоритъ ученикъ и жизнеописатель современнаго Николаю олимпійскаго подвижника Евѳимія солунскаго, епископъ Василій [2]). Но изъ греческихъ источниковъ мы не знаемъ, чтобы агитація противъ Фотія была *общею* на Олимпѣ, по крайней мѣрѣ столько сильною, какъ между студитами, не знаемъ и о сожженіи Фотіемъ олимпійскихъ келій, о чемъ бы не премнули записать греческіе недруги Фотія [3]). Поэтому мы не имѣемъ основанія думать, чтобы

Фотія (Παπαρρηγοπουλο Ἱστορία τοῦ ἑλληνικοῦ ἔθνους, III, стр. 812—813). При этой-то церкви, связанной съ исторіею защиты дѣла Фотія, поселяется Константинъ. Послѣ этого не можетъ смущать насъ то мѣсто въ „Житіи“ Константина, гдѣ говорится, что, возвратясь изъ хазарской миссіи, онъ „видѣлъ *царя*“, но не говорится, что онъ видѣлъ и патріарха, представлялся и патріарху Фотію. Тѣмъ, которые пользуются или наклонны пользоваться этимъ мѣстомъ Житія для мысли о разрывѣ между Константиномъ и Фотіемъ, посовѣтуемъ читать слѣдующія за тѣмъ слова: видѣвъ царя, живяше безъ молвы, моля Бога, *въ церкви св. Апостолъ сидя*. Отсюда ясно: представившись царю, Константинъ представился за тѣмъ и патріарху при его патріаршей церкви, въ его патріархіи, гдѣ и остался жить, конечно, съ согласія или по приглашенію патріарха, своего давняго друга.

[1]) Анастасій говоритъ объ этомъ въ своемъ предисловіи къ описанію собора 869 г. Patr. Latin. T. 129, edit. Migne, p. 12—15; Гергенротеръ въ своемъ соч. Photius 1, 350.

[2]) У преосвящ. Порфирія. Востокъ христіанскій. Аѳонъ. Ч. III, стр. 23—25.

[3]) Агитація извѣстной партіи монаховъ за Игнатія и противъ Фотія довольно напоминаетъ явленіе знакомое намъ въ нашей исторіи—агитацію из-

агитаціи *извѣстной партіи* Олимпійцевъ сочувствовали такія лица, какъ Константинъ и Меѳодій. Напротивъ фактъ агитаціи противъ Фотія на Олимпѣ не послужитъ ли теперь для насъ объясненіемъ того, почему св. братья, возвратясь изъ хазарской миссіи, уже не пошли на Олимпъ, не пошли какъ люди, „не любящіе молвы", смутъ. А то обстоятельство, что одинъ изъ нихъ, Константинъ, водворяется при церкви св. Апостоловъ, близь патріарха Фотія, а другой, Меѳодій, въ Полихронѣ близь друга Фотіева Амфилохія,—не даетъ ли уже прямаго основанія заключать, что они далеки были отъ сочувствія недругамъ Фотія? Кстати замѣтимъ, что въ числѣ новыхъ епископовъ, поставленныхъ Фотіемъ изъ людей просвѣщенныхъ, былъ Георгій Хартофилаксъ, поставленный именно на Никомидійскую митрополію въ Виѳиніи, гдѣ заслужилъ такую любовь, что Фотія благодарили за такого архипастыря (у Migne Patr. Graec. T. 102. p. 824—826). Этотъ Георгій, теперь хартофилаксъ, не одно ли и тоже лице съ Георгіемъ прежде—асикритомъ, служившимъ при Фотіѣ, какъ протоасикритъ, и бывшимъ спутникомъ Константина въ сарацинской миссіи? Если такъ, то это было бы примѣромъ дружныхъ отношеній Фотія къ лицамъ, близкимъ къ Константину.

Затѣмъ не можемъ обойти еще двухъ свидѣтельствъ, на которыя особенно налегаютъ западные писатели, какъ на опору своей мысли о разногласіи Константина и Мео-

---

вѣстной части кіевскихъ монаховъ за Исаію Копинскаго противъ Петра Могилы. Могила позволялъ себѣ довольно суровую расправу съ нѣкоторыми изъ нихъ; могло быть, что позволялъ себѣ такую расправу и Фотій, ибо суровость расправы была въ обычаяхъ вѣка Фотіева, какъ и вѣка Петра Могилы. Но какъ Петръ Могила имѣлъ горячихъ и достойнѣйшихъ почитателей и защитниковъ посреди самыхъ монаховъ изъ болѣе просвѣщенныхъ, такъ имѣлъ ихъ въ подобной же средѣ монашествующихъ и Фотій. Новымъ свидѣтельствомъ этого служитъ тотъ же жизнеописатель Евѳимія солунскаго епископъ Василій, говорящій о Фотіѣ, какъ ревнителѣ и исповѣдникѣ православія, какъ мужѣ высокопросвѣщенномъ и ревнителѣ просвѣщенія, лучами котораго (аллюзія на имя Фотій) онъ озарялъ многочисленныхъ своихъ учениковъ (у преосвящ. Порфирія ibid.).

дія съ Фотіемъ по поводу дѣла Игнатія. Первое изъ нихъ— это свидѣтельство тогоже библіотекаря Анастасія, современника Фотія и св. братьевъ, близко знавшаго ихъ. Въ своемъ предисловіи къ дѣяніямъ собора 869 г., осудившаго Фотія, онъ, усиливая обвиненія на него, разсказываетъ слѣдующее. „За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, тотъже Фотій проповѣдывалъ, что каждый человѣкъ состоитъ изъ двухъ душъ. Когда же Константинъ философъ, великой святости мужъ, искреннѣйшій его другъ, порицалъ Фотія, говоря: для чего, разсѣевая такое заблужденіе въ народѣ, ты погубилъ столько душъ?—послѣдній отвѣчалъ: не изъ желанія кого-либо оскорбить предлагалъ я сказанное, но для испытанія, что сталъ бы дѣлать патріархъ Игнатій, ежели бы въ его время появилась какая-либо ересь, выведенная посредствомъ силлогизмовъ философскихъ,—Игнатій, прогнавшій людей высокой мудрости; но я не зналъ, что такимъ ученіемъ могу поразить столько душъ“. На это Константинъ замѣтилъ: о мудрость міра, одуряющая и разрушительная! Ты бросалъ стрѣлы въ обильную толпу и не зналъ, что кто-нибудь изъ нея долженъ быть раненъ! Всѣмъ точно извѣстно, что какъ глаза, пораженные дымомъ, не могутъ видѣть далеко, какъ бы ни были они велики и открыты, такъ и очи твоей мудрости, какъ ни обширны и широки они, будучи однакоже всецѣло ослѣплены дымомъ жадности и зависти, не въ состояніи видѣть стези справедливости. Поэтому и вѣрно сказанное тобою, что ты не думалъ, чтобы ранилъ кого-либо своимъ ударомъ, когда, имѣя столь ослѣпленное упомянутыми страстями чувство противъ патріарха, и не предвидѣлъ, что произвелъ“ [1]). Другое свидѣтельство касательно ученія Фотія о двухъ душахъ въ человѣкѣ находится у близкаго къ его времени греческаго писателя Симеона Магистра. Въ своей хроникѣ подъ 858 годомъ онъ разсказываетъ: „въ одну ночь случилось большое землетря-

[1]) Patr. Latin. ib.

сеніе. Фотій по этому поводу взошолъ на амвонъ говорить проповѣдь и сказалъ, что землетрясенія происходятъ не отъ грѣховъ народа, а отъ излишка водъ. При томъ каждый человѣкъ одаренъ двумя душами, изъ которыхъ только одна грѣшна, а другая чиста отъ грѣха. Услышавши это, протоасикритъ, (первый секретарь или государственный секретарь) пришелъ къ царю и сказалъ: наши слуги пристаютъ къ намъ и говорятъ: мы думали, что одарены одною душею и для содержанія ея получали въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ по два модія (монеты). Теперь, такъ какъ патріархъ открыто учитъ, что каждый имѣетъ по двѣ души, необходимо, чтобы намъ прибавлено было еще по два модія. Императоръ разсмѣялся на это и сказалъ: „вотъ какъ учитъ (δογματίζει) этотъ хазароподобный (ὁ χαζαροπρόσωπος)“! Сейчасъ за тѣмъ призвавъ патріарха, императоръ съ гнѣвомъ спросилъ его: такъ то учишь ты, Марзука (Μαρζούκα),—учишь, что человѣкъ имѣетъ двѣ души? Фотій хитрыми объясненіями увѣрилъ царя, что онъ такъ не говорилъ, и что проповѣдь была о другихъ предметахъ, а не объ этомъ. Спрашивалъ за тѣмъ у него Григорій сиракузскій, что означаетъ слово *марзука*? Тотъ отвѣчалъ: μαρ—собака, ζου—тащи (влеки), χας—шкура (кожа); марзука—влекущій собачью шкуру[1]). Повидимому, достаточно привесть in extenso эти свидѣтельства Анастасія и Симеона и вспомнить, что оба они враги Фотія,—чтобы заподозрить правдивость ихъ свидѣтельствъ.

---

[1]) Patr. Graec. edit. Migne. T. 109, p. 735—736. Слово *хазаропросопосъ* буквально слѣдовало бы перевесть *хазарская рожа*. Языкъ составныхъ частей слова марзука не ясенъ: ζου, переводимое *влеки*, *тащи*, можетъ быть взято изъ готскаго, т. е. нѣмецкаго ziehen, zog, zug; въ передачѣ Симеона она переводится не ἕλκω тяну, а σύρω влеку, тащу, откуда σύρμα—влекущееся, длинное платье (откуда, можетъ быть, и наше—сермяга). Χας переводится χασσοκα—собственно кусокъ кожи, а переносно—пронырство, коэненность. Въ цѣломъ марзука, сверхъ буквальнаго значенія, можетъ означать—пронырливый, хитрый, что, какъ видно, и хотѣлъ сказать о Фотіѣ Симеонъ устами императора.

Но долгъ истины требуетъ разобрать ихъ [1]). И въ свидѣтельствахъ враговъ можетъ быть доля правды, до которой и слѣдуетъ добраться, во имя самой правды и для торжества правды [2]).

Начать съ того, что свидѣтельства эти не представляютъ того противурѣчія одного другому, какое здѣсь видятъ. Говорятъ, будто по свидѣтельству Анастасія выходитъ, что Фотій говорилъ о двухъ душахъ, когда былъ еще мірянином, а по Симеону,—когда былъ уже патріархомъ. Но Анастасій *прямо не говоритъ этого*, а своимъ выраженіемъ *ante aliquot annos*, т. е. *за нѣсколько лѣтъ до собора 869 г.*, даетъ заключать, что это было тогда, когда Фотій былъ уже патріархомъ (съ конца 857 г.). Симеонъ же прямо говоритъ, что соблазнительный случай этотъ имѣлъ мѣсто въ 858 году [3]). Установленіемъ этого года событія

---

[1]) Разбору этихъ свидѣтельствъ счелъ нужнымъ посвятить нѣсколько страницъ и П. А. Лавровскій въ своемъ обширномъ и ученомъ трудѣ *Кириллъ и Меѳодій*, какъ *православные проповѣдники у западныхъ славянъ, въ связи съ современною имъ исторіею церковныхъ несогласій между востокомъ и западомъ*. Харьковъ. 1863, стр. 202—207. Раздѣляя, какъ само собою понятно, взглядъ достопочтеннаго автора, проведенный въ этомъ изслѣдованіи, которымъ и пользуемся въ извѣстныхъ мѣстахъ, мы расходимся съ нимъ только въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ вопросахъ.

[2]) Долю правды въ словахъ Анастасія наклоненъ признать и г. Лавровскій.

[3]) Симеонъ ведетъ свое повѣствованіе по годамъ царствованій и считаетъ годы царствованія Михаила III съ 850 г., какъ это видно у него изъ 7-го года, къ которому онъ относитъ низложеніе Игнатія и избраніе Фотія, послѣдовавшія, какъ извѣстно, въ 857 году. (Не совсѣмъ понятна причина такого счисленія годовъ Михаила III у Симеона, но оно несомнѣнно, какъ уже было замѣчено г. Голубинскимъ). Сказавъ о низложеніи Игнатія и избраніи Фотія, Симеонъ переходитъ къ дѣйствіямъ Фотія въ томъ же году и *во второмъ послѣ него*, который у него есть 858 г, или 8 годъ Михаила, ибо далѣе за тѣмъ идетъ девятый (съ 850 г.). Подъ этимъ то *вторымъ* послѣ 857 г. Симеонъ и передаетъ свои разсказы о Фотіѣ. Упоминаніе о Григоріѣ сиракузскомъ (Авестѣ), который, по Симеону, спрашивалъ о значеніи слова марзука, въ качествѣ, какъ видимо хочетъ сказать Симеонъ, защитника Фотія предъ императоромъ, согласуется съ обстоятельствами: ибо Григорій именно былъ противникъ Игнатія, горячій сторонникъ Фотія, котораго и посвящалъ на патріаршество, и, какъ извѣстно, продолжалъ жить въ Царьградѣ и въ 858 году.

устраняется и другой оттѣнокъ противорѣчія, усматриваемый въ Анастасіевой передачѣ Фотіева отвѣта Константину: „я предлагалъ сказанное для испытанія, что сталъ бы дѣлать Игнатій, ежели бы въ его время появилась какая либо ересь, Игнатій, прогнавшій людей высокой мудрости". Нѣчто *подобное* и могъ говорить Фотій *въ данное* время, когда самъ только что сталъ патріархомъ, а Игнатій только что низложенъ, но не считалъ себя таковымъ, не считался таковымъ и у своихъ сторонниковъ, которые еще недавно въ февралѣ 858 г. провозгласили патріаршество Фотія незаконнымъ, а законнымъ или продолжающимся патріаршество Игнатія. Тутъ являлось какъ бы двупатріаршество, уничтоженное окончательно только соборомъ 861 г. Выясненіе этого обстоятельства, т. е. момента событія, поведетъ насъ, быть можетъ, и къ выясненію характера его. Но требуется выяснить еще одно обстоятельство. Приводя слова Симеона по латинскому переводу, г. Лавровскій начинаетъ цитату такъ: primus a secretis (*у хазаръ*) cum audisset и проч., самое—primus a secretis переводитъ: *посланный отъ хазаръ*, а отсюда указываетъ на анекдотическую забавность разсказа Симеона, какъ признакъ вымышленности его. Не знаемъ, откуда при словахъ primus a secretis взялась добавка *у хазаръ*. У Симеона пишется: τοῦτων ἀκούσας ὁ πρωτοασηκρῆτις, а въ латинскомъ текстѣ изданія стоитъ primus a secretis. Очевидно, здѣсь разумѣется протоасикритъ *греческій*, первый государственный секретарь, какимъ былъ до патріаршества самъ Фотій, а теперь кто-то другой, который, по своему сану, имѣлъ случай или даже счелъ нужнымъ доложить царю о толкахъ по поводу словъ патріарха. За тѣмъ и тѣ *слуги* (δοῦλοι ἡμῶν), которые, по словамъ протоасикрита, услышавъ въ проповѣди Фотія о двухъ душахъ въ человѣкѣ, требовали двойнаго жалованья, окажутся не рабами хазарскаго посольства, а просто городскою прислугою, прислугою самаго протоасикрита или даже придворною. И если о хазарскихъ рабахъ дѣйствительно не мыс-

лимо, чтобы они могли слышать проповѣдь Фотія и толковать между собою по поводу ея, то о прислугѣ протоасикрита или придворной это мыслимо. Фактъ не перестаетъ быть анекдотически-забавнымъ, но не такимъ, чтобы онъ былъ и невозможнымъ, и чтобы забавность его являлась eo ipso признакомъ вымышленности его. Еще замѣчаніе: невѣроятнымъ можетъ казаться, что Михаилъ III позволилъ себѣ употребить относительно Фотія такія выраженія, какъ *хазаропросопосъ и марзукасъ* [1]). Но отъ такого необузданнаго безобразника, какимъ часто бывалъ Михаилъ III, можно всего ожидать [2]).

Перейдемъ къ внутренней сторонѣ разсказа Анастасія и Симеона. Могъ ли умный и ученѣйшій Фотій учить о двухъ душахъ въ человѣкѣ, сказать это и въ проповѣди? Ученіе о душѣ и духѣ встрѣчается и у нѣкоторыхъ древнихъ учителей церкви, говорившихъ объ этомъ примѣнительно къ словамъ св. ап. Павла (1 Сол. 5, 23; Евр. 4, 12). Это ученіе не заключало мысли о двухчастности души *по существу*,—мысли, принадлежавшей, какъ извѣстно, еретику Аполлинарію, различавшему душу *животную и душу разумную*. Эта мысль осуждалась церковію. Фотій, безъ сомнѣнія,

---

[1]) Выраженіе хазаропросопосъ, бывъ отнесено къ протоасикриту, вѣроятно, и дало поводъ счесть послѣдняго за хазарскаго посла и перевначить смыслъ рѣчи у Симеона. Но совершенно очевидно, что хазаропросопосъ въ словахъ Михаила относится къ Фотію, также какъ и марзукасъ. Вопросъ только въ томъ, почему Михаилъ назвалъ Фотія хазаропросопосъ? Кто то ставилъ этотъ вопросъ такъ: не былъ ли Фотій по предкамъ изъ хазарскаго рода? Послѣднему вопросу нѣкоторый смыслъ можетъ придать, если угодно, то обстоятельство, что предки Фотія извѣстны со времени патр. Тарасія, предъ тѣмъ секретаря при дворѣ императрицы Ирины *хазарки*, когда хазаре могли бывать на службѣ и дослуживаться высшихъ постовъ, также какъ напр. армяне, славяне. Проще однакоже думать, что выраженіе хазаропросопосъ было чѣмъ то въ родѣ бранной клички. Но не сорвалась ли эта кличка у Михаила по случаю пребыванія хазарскаго посольства въ Царьградѣ, которое приблизительно падаетъ на 858 годъ? Разумѣется, всѣ эти разсужденія могутъ имѣть нѣкоторое значеніе только въ случаѣ признанія доли достовѣрности въ разсказѣ Симеона.

[2]) Извѣстно, какія кощунства позволялъ себѣ Михаилъ III предъ патр. Игнатіемъ, какъ обошелся онъ съ родною матерію и сестрами.

не могъ раздѣлять такой мысли. Но Фотій, когда былъ еще мірянином-профессоромъ, любилъ въ своихъ философско-богословскихъ бесѣдахъ увлекаться въ силлогистическія тонкости, въ критику; ею онъ возбуждалъ интересъ въ слушателяхъ, возбуждалъ ихъ мысль къ самодѣятельности. Въ своемъ сочиненіи „Амфилохія“ онъ говоритъ, что на урокахъ высказывалъ касательно извѣстнаго вопроса нѣсколько различныхъ мнѣній, оставляя право выбора за слушателями, и что онъ былъ благодаренъ тому, кто отыскивалъ лучшее и болѣе правильное рѣшеніе, чѣмъ какое давалъ онъ самъ. Привычку къ силлогистическимъ тонкостямъ довольно сохранялъ Фотій, когда былъ и патріархомъ, какъ то можно видѣть по его богословскимъ твореніямъ, письмамъ и самымъ проповѣдяхъ этого времени. Наконецъ самая возможность употребленія Фотіемъ выраженій, которыя могли быть истолкованы въ смыслѣ ученія о двухъ душахъ, подкрѣпляется тѣмъ, что въ его сочиненіяхъ попадаются такія выраженія: такъ напр. въ одномъ изъ своихъ вопросовъ къ Амфилохію онъ говоритъ: ἔχει γαρ αὐτῇ (т. е. душа) ἐν ἑαυτῇ καὶ τὸ λογικόν καὶ τὸ ζωτικὸν (Patr. Graec. edit. Migne, 101, p. 1062). Эти или подобныя выраженія могли быть употреблены и въ проповѣди, особенно въ живой импровизаціи, гдѣ можетъ прорваться какое либо неосторожное выраженіе. Все это, опять скажемъ, отнюдь не означаетъ, чтобы Фотій училъ о двухъ душахъ по существу; такого ученія никто не отыщетъ въ его сочиненіяхъ. Но враги Фотія могли отыскать его въ какихъ либо неосторожныхъ выраженіяхъ его живой проповѣднической рѣчи. Съ увѣренностію можно сказать, что это были Игнатіяне, которымъ принадлежитъ печальная честь и передачи этого случая потомству. Въ 858 г., послѣ своего февральскаго сборища, на которомъ они предали Фотія анаѳемѣ, они были въ самомъ разгарѣ своей ненависти къ нему. Естественно, что они подстерегали случаи въ чемъ либо оклеветать, обвинить его. Въ Византіи еще и теперь обви-

невіе въ ереси, въ неправомысліи было однимъ изъ наиболѣе искомыхъ, если хотѣли поразить противника. Трудно и представить, чтобы не задались этою мыслію и Игнатіяне, у которыхъ Фотій представляется всецѣло пропитаннымъ ученіемъ эллинскихъ языческихъ поэтовъ и философовъ. Съ другой стороны извѣстно, что Игнатіяне агитировали за Игнатія преимущественно въ простомъ народѣ, который дѣйствительно стоялъ за него. И вотъ, подхвативъ какое либо неосторожное выраженіе въ проповѣди Фотія, слышанной и малосвѣдущей толпою, они и дали ходъ толку, что новый патріархъ учитъ о двухъ душахъ. Откликомъ этого толка и былъ говоръ между городскою прислугою, насмѣшливая сторона котораго была уже плодомъ остроумія прислуги, если даже не самихъ Игнатіянъ. До какой чудовищности доходили выдумки Игнатіянъ о Фотіѣ и охота ихъ распространять эти выдумки, можно видѣть по росказнямъ того же Симеона Магистра. Съ сожалѣніемъ, но во имя правды слѣдуетъ сказать, что матеріалъ для этихъ росказней Симеонъ собиралъ преимущественно среди монаховъ-простецовъ, въ частности студитовъ и *олимпійцевъ*. Изъ той же, безъ сомнѣнія, среды дошли эти росказни до Анастасія библіотекаря, когда онъ былъ въ Константинополѣ на соборѣ 869 г., осудившемъ Фотія. Не напрасно по этому Фотій разгонялъ олимпійцевъ, какъ говоритъ тотъ же Анастасій[1]).

---

[1]) Симеонъ начинаетъ свой разсказъ о Фотіѣ зловѣщимъ пророчествомъ о немъ, еще дитяти, знаменитаго олимпійскаго подвижника св. Іоанникія, называемаго великимъ. Говоря за тѣмъ о воспитаніи Фотія, Симсонъ замѣчаетъ, что онъ гораздо болѣе любилъ и усвоивалъ знанія эллинскія, языческія, чѣмъ церковныя, что таинственный ключъ къ этимъ знаніямъ Фотій, цѣною отреченія отъ Христа, пріобрѣлъ при помощи еврея волхва, который въ свою очередь далъ ему стража и учителя мудрости. А кто былъ этотъ послѣдній, Симеонъ открываетъ въ другомъ разсказѣ, слышанномъ отъ престарѣлаго отшельника Іоанна, который бесѣдовалъ въ свое время съ игуменами Евѳиміемъ и Іосифомъ, подвергавшими преслѣдованію со стороны Фотія. Послѣ одной изъ такихъ бесѣдъ, разска-

Затѣмъ уясняется для насъ и разсказъ Анастасія о разговорѣ Константина съ Фотіемъ по поводу ученія о двухъ душахъ. Когда Константинъ и Меѳодій вызваны были изъ Олимпа въ Царьградъ, чтобы отправиться въ хазарскую миссію, то здѣсь, въ Царьградѣ, они застали движеніе, возбужденное игнатіянами, оглашавшими о еретическомъ ученіи Фотія о двухъ душахъ. Движеніе, судя по словамъ Анастасія, было сильное, что возможно, при извѣстной воспріимчивости византійцевъ, даже здѣшней толпы народной, къ религіознымъ спорамъ, которые въ ней очень легко выходили изъ церкви, школьной аудиторіи на улицу. Константинъ не могъ остаться равнодушнымъ къ такому обстоятельству. Возможно и то, что и нѣкоторые монахи изъ студитовъ и даже олимпійцевъ пытались зави-

зывалъ Іоаннъ, „я легъ спать, но прежде чѣмъ заснулъ, явился ко мнѣ огромный и страшный эѳіопъ, хотѣлъ схватить меня за горло и задушить. Я сдѣлалъ крестное знаменіе и, ободрившись, схватилъ его за руку и говорю: кто ты? какъ тебя зовутъ? кто послалъ тебя сюда? Я, отвѣчалъ онъ, сильный у велѝара, но подрученъ Фотію, имя же мое—Левуеа; я споспѣшникъ волхвовъ и чародѣевъ, въ особенности я другъ эллинамъ и тайному моему слугѣ и почитателю Фотію. И вотъ мой властитель послалъ меня отомстить за то, что здѣсь *вчера* (т. е. во вчерашней бесѣдѣ) *было говорено къ безчестію его* (*т. е. Фотія*) и постараться о томъ, чтобы ты, раскаявшись, принялъ (въ общеніе) его и отчуждился отъ Бога, чего успѣлъ уже достичь мой властитель относительно многихъ другихъ. Но ты оружіемъ креста обезсилилъ и поразилъ меня. Тогда, заканчиваетъ Іоаннъ, я честнымъ крестомъ прогналъ эѳіопа и онъ исчезъ (Тамъ же подъ №№ 29, 30 и 34). Достаточно этихъ выдержекъ изъ Симеона, чтобы понять источникъ росказней его о Фотіѣ, понять и разсказы Анастасія и его извѣстіе о томъ, что Фотій разгонялъ олимпійцевъ. Къ сожалѣнію, въ эти росказни вплетены такія почтенныя имена, какъ имена св. Іоанникія, Евѳимія (также жившаго и на Олимпѣ) и др., что даетъ и новѣйшимъ латинскимъ писателямъ средства къ нападкамъ на Фотія, къ извращенію и его отношеній къ св. братьямъ. Въ виду этого обстоятельства, въ виду того, что и они были изъ олимпійцевъ, необходимо было бы обстоятельнѣе разсказать объ олимпійскомъ монашествѣ въ вѣкъ Фотія и св. братьевъ, чтобы защитить и честь Фотія и подлинный характеръ его отношеній къ св. братьямъ и честь св. мужей изъ олимпійскихъ подвижниковъ, которыхъ хотятъ сдѣлать орудіемъ клеветы на Фотія и т. под. Надѣемся сдѣлать это въ отдѣльной статьѣ, въ видѣ дополненія къ настоящей рѣчи. Теперь замѣтимъ только, что если Фотій знавался съ евреемъ, то проще всего—въ интересѣ изученія еврейскихъ книгъ, какъ дѣлалъ и Константинъ.

нить Фотія предъ его другомъ, знаменитымъ философомъ. Константинъ, по праву друга, просилъ его объяснить сущность дѣла, источникъ волненія. Такъ ли началъ онъ свой разговоръ съ Фотіемъ по этому дѣлу, какъ описываетъ Анастасій со словъ Игнатіянъ, ручаться нельзя. Но что Фотій давалъ свое объясненіе не въ томъ смыслѣ, какъ передаетъ изъ того же источника Анастасій, это болѣе, чѣмъ вѣроятно. Фотій могъ сказать: я не говорилъ о двухъ душахъ, говорилъ совсѣмъ другое, выразился быть можетъ неосторожно, но мои слова дурно истолкованы невѣждами, враждующими на меня изъ за Игнатія, который разогналъ ученыхъ, окружалъ себя простецами и который для нихъ и теперь остается законнымъ патріархомъ. Не столько я, сколько они виновны въ томъ, что по своему невѣжеству вмѣсто того, чтобы просвѣщать народъ, возбуждаютъ волненіе въ немъ. *Подобное* объясненіе было достаточнымъ для Фотія. Но оно не было такимъ для Константина, мужа исключительно высокаго настроенія нравственнаго. По тому же праву друга, онъ счелъ умѣстнымъ смѣло и откровенно высказать Фотію, что и онъ поступилъ неосторожно и далъ поводъ къ народному соблазну. Полагаемъ, что рѣзкія выраженія его въ отвѣтѣ Фотію, передаваемыя Анастасіемъ, переданы приблизительно вѣрно. Но передавая эти выраженія, Анастасій не прибавляетъ, что послѣдствіемъ личныхъ объясненій Константина съ Фотіемъ былъ разрывъ между давними друзьями, что никакъ не опустилъ бы сказать Анастасій, если бы могли ему сказать тѣ монахи Игнатіяне, отъ которыхъ онъ взялъ свой разсказъ въ бытность въ Царьградѣ въ 869 г. Напротивъ, и теперь Анастасій не скрываетъ, что Константинъ былъ fortissimus amicus Фотія, не заслоняетъ этого выраженія упоминаніемъ, что fortissimus amicus отвернулся теперь отъ Фотія. Этого почти довольно, чтобы заключить, что описанныя объясненія между друзьями окончились счастливо, т. е. что Фотій принялъ замѣчаніе друга благодушно и съ благодарностію. Да и

могъ ли иначе принять замѣчаніе бывшаго ученика и давняго друга Фотій, который, будучи профессоромъ, съ благодарностію принималъ, если кто-либо изъ слушателей указывалъ ему лучшее рѣшеніе вопроса, чѣмъ то, какое онъ принималъ? Въ письмахъ Фотія также можно бы найти доказательства на то, что онъ способенъ былъ терпѣливо и благодушно принимать навѣты на него отъ недруговъ. Могъ ли не принять замѣчаніе отъ друга? Замѣчательно, что Симеонъ логоѳетъ, разсказывая объ этомъ же эпизодѣ изъ жизни Фотія, не упоминаетъ ни о Константинѣ, ни о его объясненіяхъ съ Фотіемъ. Видно, эти объясненія были на столько, такъ сказать, интимны между двумя друзьями, что могли, хотя и въ переиначенномъ видѣ, дойти до современника Анастасія, но уже не дошли до болѣе поздняго повѣствователя (X в.), какимъ былъ Симеонъ. Закончимъ напоминаніемъ, что, возвратясь изъ хазарской миссіи, Константинъ поселился при церкви св. Апостолъ, въ патріархіи, близъ Фотія, чтобы окончательно убѣдиться, что разрыва между имъ и св. братьями не происходило.

Въ начинавшемся тогда спорѣ Фотія съ папою Николаемъ I западные писатели пытаются также найти поводъ къ предположенію о разрывѣ Константина съ Фотіемъ, какъ виновникомъ схизмы, раздѣленія церквей. Но болѣе искренніе и благоразумные изъ самыхъ же западныхъ писателей сознаются, что споръ этотъ былъ тогда еще въ такомъ фазисѣ, что самый проницательный умъ не могъ бы предвидѣть, къ чему поведетъ, чѣмъ окончится споръ, не могъ именно предвидѣть, что споръ этотъ поведетъ къ раздѣленію церквей. Не говоримъ уже о томъ, что въ ученіи православія Константинъ обнаружилъ на западѣ полное согласіе съ Фотіемъ, о чемъ рѣчь—далѣе.

IV. Переходимъ къ самому главному подвигу св. братьевъ, подвигу ихъ, какъ славянскихъ первоучителей, начавшемуся въ 862 г. Девятый вѣкъ былъ вѣкомъ основанія нѣсколькихъ славянскихъ государствъ. Въ такія важныя

эпохи своей жизни, эпохи зарожденія народно-государственныхъ союзовъ, народы въ лицѣ своихъ представителей всегда и вездѣ приходятъ къ ощущенію потребности опредѣлить для себя религію, вѣру, какъ вѣру всего народа, государства. Для зарождающихся славянскихъ государствъ это было тѣмъ болѣе ощутительно, что они возникали подлѣ существующихъ уже христіанскихъ государствъ, въ которыхъ ихъ христіанство было вмѣстѣ съ тѣмъ знаменіемъ ихъ превосходной силы и образованія, культуры. Чувствовалась потребность примкнуть къ семьѣ существующихъ государствъ христіанскаго міра, чувствовалась ранѣе и живѣе тамъ, гдѣ славянскія государства были ближе къ христіанскимъ государствамъ. Въ вопросѣ о вѣрѣ чувствовался вопросъ о національной самобытности, самостоятельномъ существованіи, устройствѣ и развитіи. Въ вопросѣ о вѣрѣ, силою исторической судьбы, приходилось вождямъ славянскихъ государствъ обращаться къ двумъ центрамъ христіанскаго міра и политической силы: Риму съ нѣмецкою имперіею, или Византіи. Такъ стоялъ этотъ вопросъ особенно для юго-западныхъ и западныхъ славянъ, въ томъ числѣ для моравскихъ, упредившихъ другихъ основаніемъ государства. Моравское государство основалось по паденіи господства Аваръ, памятныхъ славянамъ жестокимъ гнетомъ надъ ними, разрушеннаго Карломъ великимъ въ 796 г. Естественно, что моравскіе славяне, увеличившіеся приливомъ придунайскихъ, подпали теперь власти западнаго императора [1]), который, ревнуя объ обращеніи язычниковъ всѣми мѣрами, даже силою оружія, учредилъ два латино-нѣмецкія епископства зальцбургское и пассавское, которымъ подчинилъ славянъ Моравіи и Панноніи. По ослабленіи Карловой монархіи, моравамъ при Моймірѣ (818—846) удалось основать свое государство, но въ полузависимости отъ нѣмецкой имперіи. Отъ нея чрезъ

[1]) Князья моравскіе признали господство франкскаго императора на сеймѣ въ Регенсбургѣ въ 803 г.

латино-нѣмецкое духовенство приняли они и крещеніе, вступя въ церковную область римскаго папы. При Ростиславѣ моравамъ удалось высвободиться по крайней мѣрѣ отъ полнаго политическаго подчиненія нѣмецкому государю, но приходилось упрочивать и ограждать эту независимость, угрожаемую сильными сосѣдями, съ запада нѣмцами, съ востока—Болгарами, владѣвшими частію Паннонiи. Они ищутъ политическаго союза съ Византіею. Но рядомъ съ этимъ чувствовалась потребность лучшаго наставленія въ вѣрѣ, болѣе самостоятельнаго устройства церкви, представляемой въ Моравіи латино-нѣмецкимъ духовенствомъ, которое было духовенствомъ чужой страны, опорою чужой политической силы и власти и въ то же время не могло и не хотѣло передавать вѣру славянъ на ихъ родномъ языкѣ, какъ варварскомъ и чужомъ для себя. Искомый политическій союзъ съ Византіею, какъ вмѣстѣ и вторымъ центромъ христіанства, направлялъ Моравовъ и къ церковному союзу съ нею, дававшему притомъ надежду получить помощь отъ нея въ вопросѣ о вѣрѣ и церкви. Въ 862 г. моравскій князь Ростиславъ (846—870), посовѣтовавшись съ своими родичами и боярами, прислалъ посольство къ царю Михаилу съ такою рѣчью: „люди наши отверглись поганства и держимъ мы теперь законъ христіанскій; но не имѣемъ учителя, который бы сказалъ намъ истинную вѣру христіанскую на нашемъ языкѣ, чтобы и другія страны, взирая на насъ, подобились намъ. Итакъ пришли къ намъ, царь, такого учителя и епископа, ибо отъ васъ добрый законъ исходитъ на всѣ страны“. Такъ передается рѣчь посольства въ Житіи Кирилла. Въ Житіи Меѳодія прибавляется къ ней слѣдующее: „прибыли къ намъ многіе учители христіанскіе изъ волоховъ (итальянцевъ), грековъ и нѣмцевъ и учатъ насъ различно. А мы, славяне—люди простые и не имѣемъ никого, кто бы насъ наставилъ на истину и понятно научилъ насъ“. Это значитъ, что въ Моравіи, кромѣ учителей, т. е. духовныхъ лицъ изъ итальянскихъ латинянъ и изъ нѣмцевъ,

были еще захожіе изъ Греціи. Различіе между латинскими учителями изъ волоховъ, т. е. итальянцевъ, и изъ нѣмцевъ могло состоять скорѣе всего въ томъ, что захожее латино-итальянское духовенство учило Моравянъ быть подъ властію папы или же граденско-венеціанскаго митрополита, а нѣмецкое—подъ властію нѣмецкихъ епископовъ. Ибо извѣстно, что тогдашнему папѣ Николаю еще приходилось вести борьбу съ нѣмецкими епископами за верховныя права своей власти, тогда еще оспариваемыя и на западѣ; извѣстно также, что въ средніе вѣка были очень нерѣдки примѣры вторженія іерархіи и духовенства одной области въ предѣлы другой, вторженія, поощряемаго интересами преобладанія и корысти, а такія вторженія латино-*итальянскаго* духовенства въ предѣлы Панноніи и Моравіи могли исходить скорѣе всего изъ граденско-венеціанской митрополіи [1]). Захожіе изъ Греціи учители, разногласившіе и съ тѣми и другими, были, какъ думаютъ, Павликіане, зашедшіе сюда изъ Ѳракіи и Болгаріи и, какъ извѣстно, наклон-

---

[1]) Граденская (Ecclesia Gradensis) или Граденско-Венеціанская митрополія образовалась чрезъ выдѣленіе изъ аквилейской архіепископіи. Ок. 568 г. Аквилейскій архіепископъ Павлинъ, угрожаемый нападеніями варваровъ, перенесъ свою каѳедру изъ Аквилеи въ Градо, городъ на островѣ въ 15 верстахъ отъ Аквилеи, принадлежавшій тогда къ греческой имперіи. Въ 628 г. Архіепископъ Фортунатъ перенесъ свою каѳедру обратно въ Аквилею, но епископы венетскихъ острововъ и истрійскіе, съ согласія греческаго равеннскаго экзарха, избрали для себя отдѣльнаго митрополита въ лицѣ Примигенія, такъ, что бывшій аквилейскій патріархатъ раздѣлился, хотя и не навсегда. Такъ какъ Граденско-Венеціанская епархія-митрополія обнимала немалую часть славянскихъ пріадриатическихъ земель и была изъ *итальянскихъ* епархій ближайшею къ Панноніи и Моравіи, и, какъ кажется, имѣла и притязанія на расширеніе своихъ предѣловъ къ сѣверу, то и представляется вѣроятнымъ, что учители изъ волоховъ, т. е. итальянцевъ, о которыхъ упоминается въ „Житіи“ св. Меѳодія, были изъ духовенства Граденско-Венеціанской епархіи. Еще при Святополкѣ въ началѣ 70-хъ годовъ IX в. важное положеніе занималъ священникъ Іоаннъ *венеціанецъ* (Маціевскаго—Исторія первобытной хр. церкви у Славянъ. Варшава. 1840 года, стр. 52), можетъ быть одинъ изъ тѣхъ, которые и прежде заходили сюда изъ венеціанской митрополіи. Объ Аквилейской и Граденско-Венеціанской епархіи см. Gfrörer, Byzantinische Geschichte. Band 1, Geschichte Venedigs. Graz. 1872 г.

ные къ пропагандѣ своего ученія. Но могли они быть и изъ православныхъ грековъ или огреченныхъ славянъ, попавшихъ въ Моравію изъ Болгаріи, какъ напр. чрезъ плѣнъ. По поводу посольства царь созвалъ соборъ или совѣтъ и, пригласивъ на него Константина, далъ ему выслушать рѣчь пословъ и сказалъ: „слышалъ, философъ, эту рѣчь; знаю, ты не такъ здоровъ, но этого дѣла никто другой не можетъ совершить такъ, какъ ты; дамъ тебѣ многіе дары; возьми брата твоего, игумена Меѳодія, и идите; ибо вы солуняне, а солуняне всѣ чисто говорятъ по-славянски". Константинъ отвѣчалъ: „я слабъ тѣломъ и болевъ, но радъ идти туда, если они (моравскіе славяне) имѣютъ буквы (т. е. книги) на своемъ языкѣ". Царь, продолжаетъ Житіе, сказалъ на это: „дѣдъ мой и отецъ мой и иные многіе, искавши этого, не обрѣли; какъ я могу обрѣсть"? Философъ сказалъ: „кто же можетъ писать бесѣду на водѣ или навлечь на себя еретическое имя"? Царь съ Вардою сказали: „если ты восхочешь (изобрѣсть буквы славянскія), то можетъ дать тебѣ это Богъ, дающій всѣмъ просимое съ вѣрою и отверзающій толкующимъ". Философъ согласился идти. По обычаю, онъ уединился на молитву съ братомъ Меѳодіемъ и съ другими споспѣшниками, которые были одного духа съ ними. И вскорѣ Богъ, слышащій молитвы рабовъ Своихъ, явилъ просимое, далъ Константину составить славянскія письмена, и онъ началъ писать евангельскія слова: искони бѣ Слово, и Слово бѣ у Бога, и Богъ бѣ Слово и проч. Царь возрадовался и прославилъ Бога съ своими совѣтниками. Константинъ и Меѳодій, съ новопереведенными священными книгами, отправились въ Моравію, а царь отправилъ съ ними дары и слѣдующую грамоту къ князю Ростиславу: „Богъ, хотящій всѣмъ въ разумъ придти и подвигнуться на высшее совершенство, вѣдавъ твою вѣру, совершилъ нынѣ въ лѣта наши то, что явилъ книги на вашемъ языкѣ, чего долго не дано было, а только въ первыя лѣта, чтобы и вы причтены были къ великимъ народамъ, которые славятъ Бога

на своемъ языкѣ. Итакъ посылаемъ къ вамъ того, кому Богъ явилъ ихъ, мужа честнаго и благовѣрнаго, весьма книжнаго и философа. Вы примете даръ большій и честнѣйшій всякаго золота и серебра, дорогаго каменія и богатства преходящаго. Постарайся съ помощію этого мужа спѣшно утвердать дѣло сіе и взыскать Бога всѣмъ сердцемъ и не отринь общаго спасенія; подвигни и другихъ на трудъ и на путь истинный, чтобы принять мзду свою въ вѣкъ настоящій и будущій за всѣ тѣ души христіанскія, хотящія вѣровать во Христа Бога нашего отъ нынѣ и до кончины (міра) и оставить память о себѣ послѣдующимъ родамъ подобно царю Константину великому".

Таково начало великаго подвига св. братьевъ, какъ славянскихъ первоучителей. Великость этого подвига заключается не столько въ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ, сколько въ переводѣ священныхъ книгъ, а еще болѣе въ самой мысли о переводѣ ихъ и въ мысли ввесть чтеніе ихъ на народномъ языкѣ въ богослуженіе, ввесть богослуженіе на народномъ языкѣ.

Кому принадлежитъ эта великая мысль? Говорятъ, будто мысль эта заключалась уже въ самой просьбѣ Моравлянъ. Житія этого не говорятъ, а говорятъ только, что Моравляне просили учителя, который *объяснилъ бы имъ истинную вѣру на народномъ языкѣ*. Они могли понимать возможность этого, могли просить этого, потому что *видѣли это уже практикующимся вокругъ ихъ, по близости отъ нихъ, но не для нихъ*. Соборъ франкфуртскій 794 года говоритъ: пусть никто не думаетъ, что Богу должно молиться только *на трехъ* языкахъ, ибо на всякомъ языкѣ Богъ можетъ быть призываемъ, а человѣкъ услышанъ Богомъ, если проситъ у Него того, что право. Соборъ ахенскій 802 г., майнцкій 813 г., турскій 813 г., ахенскій 847 года постановляли, чтобы епископы и священники проповѣдывали на вразумительномъ языкѣ, чтобы символъ вѣры и молитву они преподавали народу на *его языкѣ*, чтобы священники старались переводить и бесѣды св. отцовъ *на простонародный языкъ* и чрезъ

это всѣ народы могли бы удобнѣе уразумѣть то, что въ нихъ говорится. Въ постановленіи турскаго собора виды простонароднаго языка обозначаются такъ: *rustica romana lingua aut theotisca.* Терминомъ *theotisca* обозначался въ средніе вѣка *вообще нѣмецкій языкъ въ смыслѣ простонароднаго, но извѣстнаго и въ церковномъ употребленіи*, которое возводилось нѣкоторыми ко времени готовъ, какъ вызванное готскимъ переводомъ Священнаго Писанія[1]). Въ какой мѣрѣ выполнялись постановленія западныхъ соборовъ о проповѣди, катихизаціи, обученіи молитвамъ и чтеніи отеческихъ бесѣдъ на народномъ языкѣ,— сказать затрудняемся. Но, безъ всякаго сомнѣнія, они болѣе или менѣе выполнялись. Само собою понятно, что латино-нѣмецкое духовенство народнымъ языкомъ для своей проповѣди, катихизаціи и т. под. считало *только языкъ нѣмецкій*, но не славянскій. Послѣдній былъ для него языкомъ *чужимъ, варварскимъ*, въ сравненіи не съ латинскимъ только, но и нѣмецкимъ, былъ языкомъ не имѣвшимъ и такихъ задатковъ церковнаго употребленія, какіе имѣлъ послѣдній. Національно-политическое высокомѣріе и стремленіе къ національно-политическому преобладанію надъ славянами еще болѣе удерживали нѣмцевъ отъ проповѣди славянскому народу, обученія его христіанской вѣрѣ на народномъ языкѣ славянъ. И вотъ моравскіе славяне-христіане видѣли и слышали въ церквахъ, бывшихъ въ ихъ собственной землѣ или по близости отъ нея, среди нѣмецкихъ поселеній, наставленія въ вѣрѣ и обученіе молитвамъ на нѣмецкомъ языкѣ, но не слыхали на своемъ, не получали такимъ образомъ

---

[1]) Приведенныя постановленія латино-франко-нѣмецкихъ соборовъ выражены не всѣ сполна, а по частямъ въ постановленіяхъ того или другого изъ нихъ. Выписки и цитаты см. у г. Лавровскаго (тамъ же стр. 271—272). Замѣчанія о языкѣ theotisca и его церковномъ употребленіи см. у Валафрида Страбона въ цитованномъ выше сочиненіи его: De ecclesiasticarum rerum exordiis et incrementis liber unus, cap. VII, подъ заглавіемъ: Quo modo Theotisce domus Dei dicatur (у Migne Patr. Lat. T. 114. p. 926—927).

вразумительнаго для нихъ „сказыванія“ вѣры. Этого, и не болѣе этого желали они теперь для себя; о помощи въ этомъ дѣлѣ они и просятъ Византію, просятъ прислать учителя, который бы „сказалъ имъ истинную вѣру на своемъ ихъ языкѣ“. Да и совсѣмъ невѣроятно, чтобы грубый и невѣжественный народъ, какимъ были тогда моравляне, могъ додуматься до мысли о цѣломъ богослуженіи на народномъ языкѣ, при совершенной невиданности и неслыханности для него такого дѣла, невиданнаго и неслыханнаго теперь и у болѣе развитыхъ нѣмцевъ. Великія новыя мысли придумываются не массами народными, а отдѣльными людьми, людьми великаго ума, исключительнаго духа творческаго. Болѣе развитымъ изъ моравлянъ, съ Ростиславомъ во главѣ, было также доступно пониманіе, а слѣд. и желаніе того, чтобы у нихъ было свое національное духовенство, которое бы дѣлало для нихъ то, что дѣлало нѣмецкое духовенство для нѣмцевъ, т. е. „сказывало“, объясняло имъ вѣру, обучало молитвамъ на вразумительномъ народу языкѣ. Но до мысли о цѣломъ богослуженіи на народномъ языкѣ даже эти представительные моравляне, какъ люди своего вѣка, не могли додуматься, и, какъ еще разъ скажемъ, не выражаютъ этой мысли и въ своей просьбѣ, присланной въ Византію. Но здѣсь сдѣлали для нихъ гораздо болѣе, чѣмъ они просили.

Кому въ Византіи принадлежала мысль о переводѣ свящ. книгъ и о богослуженіи на славянскомъ языкѣ? Говорятъ, что такая мысль была мыслію современной Византіи, ея гражданскаго и церковнаго правительства Трудно согласиться и съ этимъ. Болѣе трехъ вѣковъ жили славяне не у предѣловъ только, но и въ самыхъ предѣлахъ имперіи, многіе изъ нихъ принимали христіанство, но до Кирилла и Меѳодія мы не видимъ, чтобы когда-либо и гдѣ-либо Византійское правительство думало вводить или вводило для нихъ славянское богослуженіе. За эти вѣка не встрѣчаемъ ни одного намека на то, чтобы въ столицѣ Византіи или

гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ существовала славянская церковь съ славянскимъ богослуженіемъ или даже только проповѣдію, имѣя между тѣмъ подобное свидѣтельство о церкви готской въ Царьградѣ въ вѣкъ св. Златоуста. Авторъ Житія Меѳодія, благоговѣйно задумывающійся надъ тѣмъ, что сдѣлали св. братья для славянскаго народа, имѣлъ право сказать: что до св. братьевъ *о немъ никто никомиже не бѣ ся попекль*. Правда, авторъ Житія Константина, въ отвѣтъ на слова его императору, что онъ радъ идти къ моравлянамъ, *аще имуть буквы въ свой языкъ*,—усвояетъ императору такое замѣчаніе: *„дѣдъ мой и отецъ мой и инѣи мнози, искавше того, не обрѣли суть“*. Повсюду уважая фактическія свидѣтельства „паннонскихъ житій“, какъ основнаго и наиболѣе достовѣрнаго источника, мы въ данномъ случаѣ находимъ основаніе усумниться въ точности передачи авторомъ „Житія“ словъ императора Михаила III. Дѣдъ Михаила III, Михаилъ II Травлъ былъ государь безпечный, а къ религіознымъ вопросамъ и дѣламъ индифферентный. Не по немъ было думать „объ обрѣтеніи славянскихъ книгъ, о переводѣ свящ. писанія и богослуженій на славянскій языкъ. Ѳеофилъ III иконоборецъ, хотя, по возбужденію отвнѣ, и казался заботливымъ о просвѣщеніи, но только о греческомъ; о просвѣщеніи для инородцевъ помышленія у него не было. Не мыслима какая-либо инціатива въ этомъ дѣлѣ и со стороны такого императора, какъ Михаилъ III. Ничѣмъ не оправдывается и выраженіе *инѣи мнози*, усвояемое императору. Вообще слова Михаила III Константину проще будетъ понимать въ такомъ смыслѣ: этого не было видано и слыхано ни при мнѣ, ни при отцѣ и дѣдѣ моихъ [1]). И дѣйствительно, послѣ древнихъ перево-

[1]) Своеобразная передача авторомъ Житія словъ императора была по всей вѣроятности намѣренною. Ему нужно было ссылкою на давность и общность мысли объ обрѣтеніи славянскихъ книгъ посильнѣе защитить дѣло св. братьевъ предъ современными греками, подобно тому, какъ другими пріемами защищали это дѣло черноризецъ Храбръ (предъ нарекателями) и авторъ Житія

довъ сирскаго, коптскаго, армянскаго, грузинскаго, готскаго, новыхъ переводовъ не дѣлалось на греко-востокѣ и самая мысль о томъ заглохла [1]). Воскресить ее, возвыситься до нея могъ только человѣкъ исключительнаго призванія и разума духовнаго. Здѣсь мы должны коснуться отношенія и самаго патр. Фотія къ дѣлу св. братьевъ, въ виду существующихъ мнѣній о характерѣ участія его въ этомъ дѣлѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Фотій, какъ патріархъ, былъ на соборѣ по поводу моравскаго посольства, что на этомъ соборѣ говорили съ Константиномъ не только Михаилъ и Варда (какъ упоминаетъ „Житіе“), но и Фотій. Нельзя сомнѣваться и въ томъ, что Фотій одобрилъ великую мысль Константина о переводѣ св. книгъ на славянскій языкъ, о богослуженіи на этомъ языкѣ, благословилъ святыхъ братьевъ на это св. дѣло и на ихъ служеніе въ Моравіи. Но далѣе этого мы остерегаемся идти въ предположеніяхъ о характерѣ участія Фотія въ ихъ дѣлѣ. Участіе это едва ли имѣло характеръ иниціативы, иначе сказать, мысль о славянскомъ богослуженіи едва ли была въ такой мѣрѣ мыслію Фотія, въ какой она была мыслію Константина и Меѳодія. Правда, въ приписываемомъ Фотію сочиненіи Opusculum contra Francos въ 19 пунктѣ франки порицаются и за то, что говорятъ, будто нельзя молиться Богу на другихъ языкахъ, кромѣ трехъ—еврейскаго, греческаго и латинскаго [2]). Но мы видѣли, что подобное ученіе порицалъ и на западѣ франкфуртскій соборъ 794 г., а между тѣмъ знаемъ, что тамъ ни теперь, ни послѣ не допускали

Климента Бѣлицкаго, оправдывающій Константина за переводъ свящ. книгъ тѣмъ, что послѣдній вынужденъ былъ къ тому крайнею тупостію Болгаръ (для которыхъ, по его мнѣнію, сдѣланъ переводъ). Замѣчаніе это уже сдѣлано было г. Голубинскимъ.

[1]) Выше мы упоминали о переводѣ церковныхъ службъ на арабскій языкъ въ предѣлахъ Калифата. Но это было дѣло вынужденное, облегченное при тѣмъ остатками древнихъ сирскихъ переводовъ.

[2]) Hergenröther, Monumenta Graeca ad Photium стр. 68.

мысли или не доходили до мысли о введеніи *всего* богослуженія на народномъ языкѣ, какую мысль принесли на западъ только св. Константинъ и Меѳодій. Допустимъ, что у Фотія мысль о возможности молиться Богу и на другихъ языкахъ, кромѣ трехъ, имѣла болѣе широкое значеніе, чѣмъ въ опредѣленіи франкфуртскаго собора, т. е. что Фотій допускалъ введеніе *всего* богослуженія на новыхъ народныхъ языкахъ, а не только болѣе употребительныхъ молитвъ, какъ допускалъ западный соборъ. Но отсюда еще не видно, чтобы онъ былъ такимъ иниціаторомъ этой мысли, какимъ былъ Константинъ, чтобы мысль *о славянскомъ* богослуженіи была доступна Фотію прежде, чѣмъ она заявлена Константиномъ [1]). Если бы мысль о славянскомъ богослуженіи занимала Фотія такъ близко и глубоко, какъ Константина и Меѳодія, то необходимо было бы ожидать, что Фотій въ своихъ письмахъ, посланіяхъ и сочиненіяхъ хоть разъ упомянетъ о великомъ дѣлѣ, совершенномъ св. братьями. Но въ многочисленныхъ письмахъ Фотія, между которыми есть письма въ Болгарію, Македонію, письма къ разнымъ архіереямъ, инокамъ, мірянамъ, нѣтъ ни одного письма къ Кириллу или Меѳодію, нѣтъ ни одного намека на нихъ. Нѣтъ подобнаго намека и въ такихъ посланіяхъ Фотія, гдѣ казалось бы онъ былъ совершенно къ мѣсту и къ дѣлу. Таково напр. весьма обширное посланіе его къ Борису болгарскому, какъ новокрещенному государю, которому весьма кстати было бы указать на могущественное средство къ утвержденію вѣры въ его народѣ чрезъ богослуженіе на народномъ языкѣ, приготовленное подвигомъ св. братьевъ. Нѣтъ такого упоминанія въ окружномъ посланіи его къ восточнымъ іерархамъ 866 г., въ которомъ

---

[1]) Сочиненіе Opusculum contra Francos если и принадлежитъ (не въ цѣломъ составѣ) Фотію, то писано не ранѣе того, какъ началась у него догматическая полемика съ латинянами, т. е. послѣ 866 г., когда мысль о славянскомъ богослуженіи, заявленная словомъ и дѣломъ св. братьями, подверглась нападенію на западѣ.

онъ по праву хвалится успѣхами византійской церкви въ обращеніи болгаръ и россовъ, выражаетъ надежду на умноженіе стада Христова, видя въ этомъ исполненіе слова апостольскаго: *во всю землю изыде вѣщаніе ихъ и въ концы вселенной глаголы ихъ*. Если сопоставимъ это повсюдное молчаніе Фотія о подвигѣ св. братьевъ съ молчаніемъ „Житій“ ихъ о ближайшемъ участіи Фотія въ ихъ подвигѣ, то невольно приходимъ къ заключенію, что мысль о переводѣ свящ. книгъ и богослуженіи на славянскомъ языкѣ была не такою для Фотія, какъ для Константина и Меѳодія. Фотій, при всей его учености, слишкомъ проникнутъ былъ мыслію о неизмѣримомъ превосходствѣ греческаго образованія и грековъ предъ негреками, а для болгаръ и славянъ у него почти вездѣ—выраженіе *варвары*, такъ что *самостоятельно* едва ли могъ онъ возвыситься до мысли *о цѣломъ* богослуженіи на варварскомъ языкѣ. Если онъ совмѣстилъ эту мысль съ своими эллинскими воззрѣніями, то не иначе, какъ воспринявъ и усвоивъ ее отъ такого исключительнаго человѣка, какимъ былъ давній другъ его Константинъ, усвоилъ тогда, когда послѣдній предъявилъ полную возможность осуществить ее. Такимъ образомъ мы остаемся при убѣжденіи, что мысль о переводѣ всѣхъ свящ. книгъ на славянскій языкъ, о введеніи *всего* богослуженія на этомъ языкѣ принадлежитъ исключительно и всецѣло Константину, имѣвшему перваго послѣдователя въ своемъ братѣ Меѳодіѣ.

Какъ пришелъ Константинъ къ своей великой мысли? Онъ пришелъ къ ней, какъ мужъ апостольскаго духа и духа вселенскихъ учителей, какъ миссіонеръ и притомъ миссіонеръ по призванію, требованія котораго опредѣлились для него примѣромъ св. апостоловъ и вселенскихъ учителей церкви и опытами собственной жизни и дѣятельности. Ранними подвигами самовоспитанія и самоотреченія Константинъ уготовалъ въ себѣ мужа особеннаго избранія и призванія. Призываемый затѣмъ на разныя служенія, онъ не съ

особенною охотою принимаетъ служенія обыкновенныя, рядовыя и скоро оставляетъ ихъ: онъ оставляетъ должности патр. библіотекаря, придворнаго профессора, не ищетъ потомъ и другихъ рядовыхъ должностей, легко достижимыхъ для него. Но съ какою радостію и беззавѣтною готовностію и самоотверженіемъ онъ принимаетъ призывы къ миссіонерству, къ апостольско-учительскому служенію! „Радъ туда идти пѣшь и босъ и безо всего, какъ ходили Христовы апостолы, говоритъ онъ на призывъ въ хазарскую миссію. „Радъ туда идти, хотя боленъ и разслабленъ тѣломъ", говоритъ онъ на призывъ въ Моравскую миссію. Въ апостольствѣ, въ миссіонерствѣ онъ чувствовалъ, сознавалъ и полагалъ всецѣлое, исключительное призваніе для себя. Принявъ *священство*, чтобы имѣть благодатное право учительства, Константинъ, истинный по духу монахъ и подвижникъ еще отъ юности, *не принимаетъ однакоже монашескаго постриженія*, налагавшаго (сверхъ священныхъ и для Константина обѣтовъ) извѣстныя условныя требованія монастырскаго положенія: не принимаетъ, безъ сомнѣнія, въ той мысли, какую онъ высказалъ и брату предъ смертію: ради горы (монастырской) не оставляй сего служенія; можешь и этимъ спастись. Не въ монашествѣ, а въ апостольствѣ, въ апостольскомъ учительствѣ онъ видѣлъ свой идеалъ, свое призваніе! Всецѣло сосредоточенный на этомъ призваніи, на этомъ служеніи всей жизни своей, онъ уносится въ вѣкъ апостольскій, беретъ образцемъ ея образъ служенія апостольскаго: „радъ идти туда (къ Сарацинамъ) пѣшь и босъ, безъ всего, *какъ ходили Христовы ученики*. Сладко мнѣ и умереть за св. вѣру Христову, за св. Тройцу! „Онъ уносится въ воспоминанія объ апостольскихъ путешествіяхъ для проповѣди іудеямъ, эллинамъ и варварамъ, словомъ, разнымъ народамъ; присутствіе какихъ воспоминаній видится у Константина и въ его рѣчахъ при защитѣ своего миссіонерскаго служенія на западѣ. Но уносясь въ такія воспоминанія, онъ не могъ не примѣчать, что подвиги апостольскаго служенія давно

уже сократились въ церкви, почти прервались, какой перерывъ замѣчается съ вѣка великихъ вселенскихъ учителей, изъ которыхъ св. Іоаннъ Златоустъ былъ, можно сказать, послѣднимъ виднымъ представителемъ и покровителемъ апостольства, въ смыслѣ нарочито миссіонерской дѣятельности, направленной въ частности на скиѳовъ и готовъ[1]). И вотъ Константинъ стремится воскресить въ своемъ служеніи упавшее въ церкви миссіонерство, воскресить въ духѣ апостольскомъ, въ духѣ такихъ великихъ учителей, какъ св. Іоаннъ Златоустъ. Отдавшись всецѣло такому призванію, Константинъ необходимо пришелъ къ мысли о проповѣди и чтеніи Слова Божія и богослуженіи на народныхъ языкахъ. Онъ находилъ основу этой мысли въ евангеліи, въ заповѣди Христовой о проповѣди всѣмъ народамъ и въ ученіи апостола языковъ, св. Павла, требующаго, чтобы въ церковныхъ собраніяхъ св. вѣра предлагалась и объяснялась, молитва возносилась на понятномъ языкѣ, чтобы и *простецы туземцы* могли понимать первую, участвовать въ послѣдней, чтобы не знающіе и не вѣрующіе могли просвѣщаться и назидаться въ христіанскихъ собраніяхъ[2]). Такимъ обра-

---

[1]) Извѣстно, что съ конца IV и начала V вѣка или съ вѣка Златоуста миссіонерская дѣятельность значительно ослабѣла въ церкви восточной, увлеченной въ борьбу съ ересями и др. жизненные, частію и политическіе интересы О ревности св. Іоанна Златоуста къ оживленію хр. миссіонерства, о дѣйствіяхъ и успѣхахъ его въ этой области извѣстны свидѣтельства какъ его самаго, такъ и церковныхъ историковъ, особенно блаж. Ѳеодорита. Затѣмъ уже весьма рѣдки свидѣтельства о хр. миссіяхъ и миссіонерахъ на Востокѣ, а ревнителей миссіонерства, *подобныхъ Златоусту,* уже не видится до самаго вѣка Константина.

[2]) Обильныя мѣста изъ Евангелія и Посланій апостола Павла въ защиту этой мысли онъ приводитъ особенно въ своей рѣчи предъ соборомъ латинскаго духовенства въ Венеціи. Въ частности онъ приводитъ выраженіе: „Если ты будешь благословлять духомъ (т. е. разумѣя только самъ); то стоящій *на мѣстѣ простолюдина* какъ скажетъ: аминь, при твоемъ благодареніи? Ибо онъ не понимаетъ, что ты говоришь (1 Кор. 14. 16). *Простолюдина* въ подлинникѣ— τοῦ ἰδιώτου, т. е. туземца: такъ называли образованные греки мѣстныхъ поселянъ изъ инородцевъ, надъ которыми господствовали нѣкогда властію, а потомъ образованіемъ.

зомъ мысль о словѣ Божіемъ и богослуженіи на народныхъ языкахъ была для Константина прежде всего мыслію евангельскою, апостольскою, была вдохновеніемъ, озарившимъ его при одушевленіи своимъ призваніемъ. Она прояснилась для него воспоминаніями о наслѣдникахъ апостольскаго духа, великихъ учителяхъ древней вселенской церкви, изъ коихъ наиболѣе извѣстенъ былъ Златоустъ, какъ покровитель проповѣди и богослуженія на народномъ языкѣ для готовъ [1]). Она укрѣпилась въ немъ во время его миссіонерскихъ путешествій къ сарацинамъ и хазарамъ, когда онъ могъ видѣть богослуженіе арабское, вѣроятно и сирское, слышалъ (если не видѣлъ) о богослуженіи армянскомъ, грузинскомъ и готскомъ, а въ памятникахъ послѣдняго, въ русскомъ (т. е. готскомъ) евангеліи и псалтири съ величайшею радостію увидѣлъ, быть можетъ, искомые имъ памятники этого богослуженія временъ Златоуста [2]). Видѣли все это или слышали объ этомъ и другіе, но относились къ этому равнодушно или поверхностно, какъ остаткамъ старины, не подлежавшей воспроизведенію въ новыхъ опытахъ, ушедшей въ давность, ибо, послѣ упомянутыхъ древнихъ переводовъ священныхъ книгъ и примѣровъ введенія богослуженія на мѣстныхъ народныхъ языкахъ, новыхъ подобныхъ примѣровъ не повторялось въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій. Не такъ относился Константинъ къ этимъ священнымъ памятникамъ старины, къ этимъ примѣрамъ народнаго богослуженія, возникшимъ въ лучшія времена вселенской церкви. Люди, подобные Константину, не говорятъ: то было давно, не при насъ, ни при нашихъ отцахъ и дѣдахъ, не

---

[1]) Словами св. Златоуста видимо пользовался Константинъ въ защитѣ своего дѣла предъ Венеціанскимъ соборомъ, какъ укажемъ ниже.

[2]) Объ армянскомъ и грузинскомъ богослуженіи Константинъ упоминаетъ въ той же защитительной рѣчи своей, а слышать о томъ и другомъ онъ могъ именно во время хазарской миссіи, проходя не далеко отъ при-кавказья. Армянское богослуженіе онъ могъ видѣть или слышать о немъ и въ другихъ мѣстахъ.

намъ возстановлять это, а говоритъ: то, что было хорошаго, лучшаго въ далекое отъ насъ время,—то можетъ быть и должно быть и при насъ. Вводила древняя вселенская церковь проповѣдь, чтеніе Слова Божія и богослуженіе на народныхъ языкахъ; можетъ быть, должно быть все это и въ наше время. И вотъ Константинъ съ живѣйшею радостію и ревностію изучаетъ встрѣчающіеся ему памятники Слова Божія и богослуженія на народныхъ языкахъ, становится глубокимъ языковѣдомъ и приходитъ къ мысли о переводѣ священныхъ книгъ и богослужебныхъ книгъ на новый языкъ, чтобы создать и богослуженіе на немъ,—языкъ славянскій.

Когда и гдѣ впервые возымѣлъ онъ эту вдохновенную мысль и приступилъ къ выполненію ея?

Вникая въ передаваемыя житіемъ Константина слова его, сказанныя предъ царемъ и соборомъ въ отвѣтъ на призывъ въ Моравскую миссію, нельзя не примѣтить, что въ это время мысль о переводѣ священныхъ и богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ была у него уже *готовою* и настолько опредѣлившеюся, что въ ней заключалась увѣренность не только въ необходимости этихъ книгъ, но и въ возможности дать ихъ моравлянамъ. „Хотя я слабъ и боленъ, говорилъ Константинъ, но радъ идти къ нимъ (моравлянамъ), если они имѣютъ *буквы*, т. е. книги, на своемъ языкѣ“ [1]). Никакъ нельзя думать, чтобы Константинъ *не зналъ*, что у моравлянъ нѣтъ книгъ на своемъ, т. е. славянскомъ языкѣ. Зналъ объ этомъ царь, знали и другіе на

---

[1]) *Буквы* означаетъ здѣсь не буквы въ нашемъ смыслѣ, не письмена, а именно *книги* отъ готскаго *boca*, нѣмецкаго *Buch*. Въ данномъ мѣстѣ житія буквы ясно отличаются отъ письменъ, какъ буквъ въ нашемъ смыслѣ. Въ житіи Меѳодія, писанномъ позже, слово буквы въ данномъ мѣстѣ уже замѣняется словомъ книги. Начальное значеніе слова буквы въ смыслѣ книги отразилось на томъ, что когда буквы стали означать письмена, то въ этомъ смыслѣ употреблялось и слово книги, какъ напр. въ Остромировомъ Евангеліи: „бѣ же и написаніе написано надъ нимъ *книгами* еллинскими и римскими и еврейскими: се есть царь Июдейскъ“ (Л. 191. Лук. 23, 38).

соборѣ, такъ что и не спрашивали у моравлянъ, имѣютъ ли они книги на своемъ языкѣ, а царь прямо замѣтилъ, что такихъ книгъ никѣмъ доселѣ не обрѣтено, т. е. не видано ихъ и не слыхано о нихъ. Могъ ли не знать Константинъ того, что знали всѣ тутъ бывшіе? [1]). Итакъ вопросъ о славянскихъ книгахъ поднятъ былъ Константиномъ съ другою цѣлію, къ раскрытію которой ведутъ слѣдующіе затѣмъ вопросы его. На замѣчаніе царя, что славянскихъ книгъ никто доселѣ не обрѣлъ,—что поэтому—какъ можетъ онъ, царь, обрѣсть эти книги,—Константинъ сказалъ: кто же можетъ бесѣду на водѣ писати или навлечь на себя еретическое имя? Первою частію своего вопроса Константинъ придаетъ настойчивость вопросу о книгахъ, ставитъ его условіемъ своего согласія на моравскую миссію. Если такъ, если Константинъ, уже выразивъ радостную готовность идти въ эту миссію и зная, что у моравлянъ нѣтъ славянскихъ книгъ, ставитъ вопросъ о нихъ условіемъ необходимымъ для миссіи,—то ясно, что онъ *самъ* желаетъ дать имъ эти книги, и не только желаетъ, но и увѣренъ, что можетъ дать ихъ; ясно, что переводъ свящ. книгъ на славянскій языкъ уже зрѣло обдуманъ имъ и въ извѣстной мѣрѣ подготовленъ [2]). Знаменательна и другая часть вопроса: кто можетъ

---

[1]) Когда Константинъ говоритъ—„если имѣютъ моравляне книги на своемъ языкѣ“, а царь замѣчаетъ, что такихъ книгъ никто доселѣ не обрѣлъ; то оба разумѣютъ не какія либо особенныя книги моравскія, а вообще книги *славянскія*. Названіе славянъ, какъ общее названіе для славянскихъ племенъ, было тогда уже употребительно въ Византіи. Что моравскій языкъ понимался какъ вообще языкъ славянскій, это видно и изъ словъ царя Константина: возьми брата Меѳодія и идите къ нимъ, ибо вы солуняне, а солуняне всѣ чисто говорятъ *пословенски*.

[2]) Въ выраженіи Константина—кто можетъ *бесѣду* на водѣ писати, бесѣда означаетъ бесѣду евангельскую, бесѣду свящ. книгъ, какъ видно изъ дальнѣйшихъ словъ: нача бесѣду писати евангельскую: „искони бѣ Слово“ и проч. Такимъ образомъ выраженіе Константина означаетъ: какъ быть учителемъ у моравлянъ, не имѣя при семъ священныхъ книгъ, писанныхъ на ихъ языкѣ, т. е. въ переводѣ на ихъ языкъ?

(т. е. рѣшится) навлечь на себя еретическое имя? Предполагаютъ (г. Лавровскій и др.), что Константинъ имѣлъ въ виду возможность подпасть нареканіямъ въ еретичествѣ на Западѣ, къ которому, въ церковномъ отношеніи, принадлежала Моравія,—подпасть въ томъ случаѣ, если рѣшится дать Моравлянамъ письменность и священныя и богослужебныя книги на народномъ славянскомъ языкѣ. Предположеніе вѣрное, но едвали не одностороннее. То, думаемъ, понятно, что Константинъ боялся упрека въ еретичествѣ не столько за новую народную письменность, сколько за мысль о новомъ переводѣ на народный языкъ священныхъ книгъ и богослуженіи на этомъ языкѣ. Важнѣе то, что подобная мысль была не совсѣмъ безопасною и на Востокѣ, среди византійскихъ грековъ. Если и послѣ того, какъ переводъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ былъ совершенъ св. братьями, освященъ ихъ именемъ, вошелъ въ употребленіе, все еще надобилось защищать и оправдывать это дѣло предъ нарекателями изъ грековъ, какъ защищали и оправдывали черноризецъ Храбръ, отчасти и авторъ житія Климента Бѣлицкаго: то удивительно ли и не болѣе ли естественно то, что Константинъ имѣлъ основанія опасаться въ самой Греціи за свою мысль о переводѣ,—еще новую и невыполненную? Даже въ концѣ XII в. александрійскій патріархъ Маркъ предлагалъ антіохійскому патріарху Вальсамону вопросъ: *безопасно ли* дозволять православнымъ сирійцамъ, арміянамъ и другимъ служить *на своихъ языкахъ*, или необходимо принуждать ихъ служить на греческомъ языкѣ? Вальсамонъ отвѣчалъ, что православные изъ другихъ народовъ *совсѣмъ не знающіе греческаго языка*, *могутъ* служить на своихъ языкахъ, подъ условіемъ точнаго перевода греческихъ богослужебныхъ книгъ [1]). Самая постановка этого вопроса даетъ видѣть, какія еще и въ это время могли быть недоразумѣнія или

[1]) У Ралли и Потли, IV, 452. Ἐρωτ.—Ἀπόκρ. 5.

опасенія относительно богослуженія на народныхъ языкахъ, кромѣ греческаго [1]). Вопросъ касался при томъ такихъ старыхъ языковъ, на которыхъ богослуженіе совершалось въ теченіи ряда вѣковъ. Не болѣе ли имѣли мѣста и опасенія и вопросъ относительно совершенно новаго языка и при томъ варварскаго, по взгляду грековъ? Здѣсь слѣдуетъ пояснить наконецъ и то, почему чтеніе слова Божія и богослуженіе на народныхъ языкахъ (кромѣ трехъ) считалось дѣломъ не безопаснымъ и даже *еретическимъ*, т. е. могущимъ вести къ ереси. Въ первые вѣка христіанства, не смотря на преобладающее значеніе языковъ греческаго и латинскаго, какъ языковъ церкви, слова Божія, церковнаго ученія, богослуженія, сохранялась неприкосновенно провозглашенная христіанствомъ мысль о равноправности всѣхъ народовъ въ дѣлѣ вѣры и церкви, безъ различія іудея, эллина, варвара или скиѳа, въ какой мысли заключалась и мысль о правѣ ихъ имѣть слово Божіе и богослуженіе на своемъ языкѣ. Эта мысль жива была и въ свѣтлый для церкви четвертый вѣкъ, перешла и въ пятый. Но съ этихъ поръ она начинаетъ дѣлаться опасною. Національность нѣсколькихъ мѣстныхъ церквей, имѣвшая печатію національный языкъ богослуженія, становится союзницею раскола и ереси. Тогда какъ ереси и расколы, волновавшіе *греко*-восточную церковь, исчезали между *греками*, уступая мѣсто укрѣплявшемуся единству православнаго сознанія и исповѣданія, что давало надежду на подобный исходъ и новыхъ ересей и расколовъ,—въ инородныхъ національныхъ церквахъ старыя и вновь возникавшія ереси продолжали держаться подъ знаменемъ національности, обозначаемой въ особенности

---

[1]) Если Вальсамонъ считалъ возможнымъ допускать богослуженіе на инородныхъ языкахъ, то, какъ справедливо замѣчаетъ г. Голубинскій (Исторія р. Церкви, II, стр. 286), потому, что былъ человѣкъ до нѣкоторой степени возвышавшійся надъ общимъ уровнемъ, и притомъ зналъ, что въ его собственномъ патріархатѣ терпится въ сельскомъ населеніи богослуженіе сирское, установившееся съ глубокой древности, также арабское.

народнымъ языкомъ богослуженія. Таковы церкви сиро-халдейская или Несторіанская, сиро-Іаковитская—монофизитская, коптская монофизитская, сиро-маронитская—монофелитская, армянская монофизитская. Одна грузинская, въ цѣломъ составѣ, устояла въ православіи, хотя и подпадала искушеніямъ союза съ армянскою. Правда, между христіанами указанныхъ и сосѣднихъ національностей были и православные, мѣстами и довольно многочисленные. Но теперь казалось опаснымъ и имъ оставлять богослуженіе на національныхъ языкахъ, могшее служить къ общенію и сближенію ихъ съ сектантами и еретиками, къ зараженію первыхъ ученіемъ послѣднихъ. На западѣ мысль объ употребленіи свящ. Писанія и о богослуженіи на народныхъ языкахъ, какъ о дѣлѣ еретическомъ, развилась въ связи съ воспоминаніемъ о готахъ, готскомъ переводѣ свящ. Писанія и готскомъ богослуженіи. Ибо извѣстно, что первый переводчикъ свящ. книгъ на готскій языкъ былъ аріанинъ (собственно полуаріанинъ) Улфила и что западные Готы принесли съ собой на западъ аріанство, подъ знаменемъ котораго они преслѣдовали православіе, причинили не мало смутъ и бѣдствій церкви, пока не возобладали здѣсь Франки, побѣдившіе на западѣ готское аріанство и давшіе торжество латино-римскому православію. Самыя готскія письмена считались поэтому аріанскими на западѣ, упустившемъ изъ виду, что Готы, оставшіеся на Востокѣ въ предѣлахъ Византійской имперіи, были со времени св. Василія и Іоанна Златоуста православными [1]). То обстоятельство, что на Западѣ Готы были *единственнымъ* новымъ народомъ, имѣвшимъ свящ. Писаніе и богослуженіе на своемъ языкѣ, и *въ то же время народомъ еретическимъ*, было причиною, что мысль объ опас-

[1]) Св. Іоаннъ Златоустъ возстановилъ и укрѣпилъ православіе у этихъ восточныхъ Готовъ преимущественно чрезъ епископа Унилу, чрезъ своихъ миссіонеровъ къ Готамъ и чрезъ готскую церковь въ Константинополѣ. О поддержаніи православія у Готовъ заботился и св. Василій. Думаютъ впрочемъ, что часть восточныхъ Готовъ оставалась съ самаго начала чуждою аріанской ереси.

ности и недозволенности новыхъ переводовъ свящ. Писанія и *всего* богослуженія на народныхъ языкахъ получила здѣсь болѣе строгое и крайнее выраженіе, формулировавшись въ *трезычную ересь*, не чуждую и греческому Востоку, но существовавшую здѣсь только въ видѣ мнѣнія, предразсудка [1]). Слѣдуетъ прибавить, что эта ересь, этотъ предразсудокъ находились въ связи съ развившимся съ V-го вѣка представленіемъ о пяти патріаршихъ каѳедрахъ, съ такимъ постепенно приданнымъ толкованіемъ ихъ правъ, что они составляютъ пятиглавое священноначаліе церкви вселенской, что вся она должна обниматься составомъ пяти патріарховъ, въ который должны входить всѣ помѣстныя, національныя церкви, завися отъ того или другаго изъ патріарховъ, какими на Востокѣ были, по крайней мѣрѣ хотѣли быть всегда греки, а на Западѣ латиняне. Византія съ ея титуломъ вселенскаго царя и патріарха, Римъ съ его притязаніями на верховное главенство истолковывали высшія церковно-іерархическія права преимущественно въ свою пользу, а съ тѣмъ вмѣстѣ въ пользу элементовъ, греческаго въ Византіи, латинскаго въ Римѣ. Развитіе національнаго характера въ церкви, выражавшееся въ частности въ народномъ языкѣ богослуженія, казалось не совмѣстимымъ съ такими притязаніями эллинизма и латинизма, казалось могущимъ угрожать отпаденіемъ помѣстной національной церкви въ расколъ и ересь. И какъ на Западѣ сейчасъ указанныя притязанія были сильнѣе; то здѣсь сильнѣе должна была развиться антипатія противъ національныхъ языковъ богослуженія.

---

[1]) Храбръ, защищавшій славянскія письмена и книги на Востокѣ предъ Греками (какъ ясно изъ всего сказанія его) говоритъ именно: друзіи же глаголютъ: чесому суть Словенска письмена? Ни того Богъ сотворилъ есть, нити (ниже) апостолы, ни суть (славянскія книги) исконна, якоже жидовскія, римскія и эллинскія... Мнятъ бо нѣцыи, яко Богъ самъ людемъ сотворилъ есть книги, невѣдяще, что глаголютъ оказаніи, и яко (будтобы) *тремі языкы* повелѣ Богъ книгамъ быти. Срезневскаго, Древнія письмена Славянскія. Ж. М. Н. Пр. 1848 г. № 7.

Итакъ, предупреждая возможные упреки въ еретичествѣ за свою мысль о славянскихъ книгахъ и славянскомъ богослуженіи, Константинъ имѣлъ въ виду Западъ, но, еще разъ скажемъ, не могъ не опасаться нареканій за свое дѣло и на Востокѣ, среди византійскихъ грековъ. Еще замѣчаніе: по житію Константина, на его вопросъ: кто можетъ бесѣду на водѣ писати или навлечь на себя еретическое имя, —царь и Варда отвѣчаютъ, что Богъ поможетъ ему обрѣсть, создать славянскія книги. Здѣсь недостаетъ отвѣта на вторую, весьма важную, часть вопроса Константина, выразившаго опасеніе въ навлеченіи на себя упрека въ еретичествѣ за славянскія книги. Невозможно, чтобы столь важный вопросъ оставленъ былъ безъ отвѣта. А если такъ, то, значитъ, на соборѣ было говорено болѣе того, что передаетъ Житіе, что отвѣтъ царя и Варды былъ уже заключительнымъ отвѣтомъ по выясненіи обстоятельствъ дѣла. Поэтому мы предполагаемъ, что Константинъ, настаивая на своей мысли о томъ, чтобы съ учительствомъ у моравлянъ соединить, какъ необходимое условіе, переводъ для нихъ священныхъ книгъ, введеніе богослуженія на славянскомъ языкѣ, напомнилъ, что переводы на народные языки допускались въ древней церкви, что если у нѣкоторыхъ народовъ богослуженіе на народномъ языкѣ связалось съ ересью, то это не примѣръ, что требуется только точный и вѣрный переводъ съ греческаго на славянскій языкъ для сохраненія чистоты вѣры у новообращенныхъ и т. под. *Подобными* объясненіями дѣла, наконецъ своимъ авторитетомъ, какъ „Философа, зѣло книжнаго и благовѣрнаго“, испытаннаго учителя-миссіонера, Константинъ достигъ того, что ему предоставлено, съ Божіею помощію, осуществить задуманное имъ великое дѣло [1]).

---

[1]) Вообще нельзя представить, чтобы соборныя совѣщанія о такомъ важномъ и новомъ дѣлѣ, какъ миссія на Западъ и новый переводъ священныхъ книгъ, ограничились обмѣномъ двухъ вопросовъ и отвѣтовъ между Константиномъ и царемъ. Необходимо допустить, что говорилось больше, говорили и ду-

Если совокупностію приведенныхъ указаній и соображеній можетъ быть, какъ мы думаемъ, констатированъ тотъ фактъ или выводъ, что на призывъ со стороны царя и собора въ моравскую миссію Константинъ явился уже съ готовою и рѣшительною мыслію о переводѣ свящ. книгъ на славянскій языкъ и богослуженіи на этомъ языкѣ, какъ его собственною, личною мыслію; то отсюда необходимо слѣдуетъ и тотъ выводъ, что эта свѣтлая мысль возникла у Константина *ранѣе* призыва въ моравскую миссію, *ранѣе и обдумана* имъ съ подготовкою и къ выполненію ея. Извѣстное сказаніе черноризца Храбра объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ Кирилломъ и Меѳодіемъ относитъ послѣднее къ 6363=855 году, къ какому году должно бы быть отнесено и начало перевода священныхъ книгъ, ради котораго изобрѣтены письмена (у Храбра говорится и о письменахъ и книгахъ славянскихъ). Свидѣтельство Храбра, писавшаго тогда, когда еще были живы, помнившіе святыхъ братьевъ, было бы весьма цѣннымъ, если бы не возбуждало сомнѣній своими хронологическими несообразностями [1]). Неза-

---

ховныя лица, напр. патр. Фотій, не могшій не быть на этихъ совѣщаніяхъ. Подобныя совѣщанія у грековъ не отличались лаконизмомъ. Надлежитъ поэтому думать, что авторъ Житія сдерживался передавать эти совѣщанія въ ихъ полнотѣ или просто не могъ, не имѣлъ цѣлію все передать. Выше мы говорили, что у него примѣтно желаніе представить дѣло о переводѣ священныхъ книгъ, какъ давно желанное, искомое царемъ и его предмѣстниками, чего въ дѣйствительности не бывало. Подобнымъ образомъ онъ поступаетъ и здѣсь и, едва намекнувъ объ опасеніяхъ Константина, внезапно ставитъ царя рѣшителемъ вопроса, въ смыслѣ обнадеженія Константина помощію Божіею, затѣмъ самое изобрѣтеніе письменъ и начало перевода свящ. книгъ представляетъ сразу давшимся Константину плодомъ его молитвы и чудесной помощи Божіей, чтобы тѣмъ убѣдительнѣе оправдать его, возвысить это дѣло, какъ святое. Въ дѣйствительности оно не могло происходить и сдѣлаться такъ легко и просто.

[1]) Сказаніе Храбра съ варіантами его—у Срезневскаго (Древнія письмена славянскія ib.) и у Бодянскаго (о времени происхожденія славянскихъ письменъ. М. 1855 г.). Главная хронологическая несообразность состоитъ въ томъ, что, исчисляя государей, при которыхъ изобрѣтены въ 855 г. письмена, сказаніе во всѣхъ спискахъ его помѣщаетъ Коцѣла князя Блатенскаго (другія имена показываются не одинаково въ разныхъ спискахъ), который могъ стать

висимо отъ этого свидѣтельства, ища времени, съ какого Константинъ могъ возъимѣть мысль о переводѣ свящ. книгъ на славянскій языкъ, останавливаемся на Олимпѣ, гдѣ поселился онъ съ братомъ послѣ того, какъ совершилъ въ 851 г. свой первый миссіонерскій подвигъ въ миссіи къ сарацинамъ. Св. братья провели на Олимпѣ нѣсколько лѣтъ, дѣля время между молитвою и *книжными занятіями*. Книжныя занятія у такихъ лицъ, каковъ особенно Константинъ, едва ли могли ограничиваться удовлетвореніемъ любознательности, вообще личной духовной потребности. Константинъ, рано воспитавшій въ себѣ, подъ наитіемъ благодати, призваніе къ народоучительству, къ апостольству, миссіонерству (ибо не напрасно такое призваніе рано и было подмѣчено въ немъ), вдохновлялся этимъ призваніемъ и въ своихъ книжныхъ занятіяхъ. Фотій зачитывался въ книгахъ для того, чтобы составить свою знаменитую библіотеку (μυροβίβλιον) и чтобы философствовать и богословствовать въ аудиторіи, на церковной каѳедрѣ и въ обширныхъ писаніяхъ. Константинъ, отказавшійся отъ библіотекарства и профессорства, могъ зачитываться въ священныхъ книгахъ преимущественно для цѣлей своего внутренняго, народоучительнаго, миссіонерскаго призванія. На кого должно было обращаться это призваніе? Въ частной жизни Константинъ былъ любящимъ бла-

---

княземъ только по смерти своего отца Привины († 861 г.). Могутъ быть такія объясненія этой несообразности: Коцѣлъ болѣе другихъ моравскихъ князей оказалъ вниманія св. братьямъ и болѣе другихъ и памятенъ былъ этимъ. Храбръ, писавшій въ X в. въ Болгаріи, зная о Коцѣлѣ, какъ особенномъ почитателѣ ихъ, не могъ отдѣлить его имени отъ ихъ дѣла въ самомъ началѣ его, а между тѣмъ не зналъ, когда именно сталъ княжить Коцѣлъ, такъ что просто ошибся, считая Коцѣла княжившимъ уже въ 855 г. Или: не держался ли Храбръ александрійской хронологіи, считая отъ сотворенія міра не 5508, а 5500 лѣтъ? Въ такомъ случаѣ у него 6363 годъ будетъ 863, т. е. будетъ совпадать съ годомъ изобрѣтенія письменъ и перевода свящ. книгъ, какой приблизительно опредѣляется по Паннонскимъ житіямъ. Еще одно объясненіе, будто сказаніе Храбра писано первоначально глаголицею, гдѣ счетное значеніе буквъ (годъ означенъ у Храбра буквами) не во всемъ тоже, что въ Кириллицѣ, не даетъ ничего опредѣленнаго.

готворителемъ меньшей братіи, такимъ благотворителемъ, какимъ способны быть весьма и весьма не многіе. Онъ не довольствовался тѣмъ, что дѣлился съ нищими всѣмъ, что имѣлъ, не оставляя для себя ничего на завтрашній день. Онъ любилъ самъ трапезовать съ меньшею братіею, съ нищими, слѣд. имѣть съ ними общеніе, назидательныя бесѣды. Такое свойство христіанской любви его необходимо должно было сказываться и на внушаемой ему призваніемъ учительской дѣятельности. Она должна была обращаться на наиболѣе нуждающуюся въ духовной пищѣ меньшую братію, на людей темныхъ, простыхъ. Наиболѣе многочисленнымъ классомъ такихъ людей въ ближайшихъ къ нему предѣлахъ византійской имперіи были не кто другой, какъ, славяне „простая чадь“ по выраженію моравлянъ о себѣ, вполнѣ идущему и къ византійскимъ славянамъ. Зналъ ихъ Константинъ на своей родинѣ, видѣлъ въ самой Византіи, вѣроятно, и близь Олимпа. Видѣлъ онъ и то, что объ этомъ народѣ „никто не имѣлъ попеченія“ (какъ выражается авторъ Житія Меѳодія), что въ немъ живетъ еще и язычество, что и христіанство его темно, ибо онъ не слышитъ ученія вѣры на понятномъ ему языкѣ. Никто, кромѣ славянъ, изъ христіанскихъ инородцевъ въ предѣлахъ византійской имперіи не могъ послужить для Константина болѣе осязательнымъ напоминаніемъ словъ апостола народовъ *о туземцѣ простолюдинѣ*, остающемся безъ назиданія въ церкви, безъ участія въ молитвѣ, если здѣсь ученіе и молитва совершаются на непонятномъ для него языкѣ. Итакъ, движимый своимъ внутреннимъ призваніемъ, Константинъ, какъ думается намъ, рано возъимѣлъ святую мысль послужить христіанскому просвѣщенію славянъ. Сочувствіе и поддержку этой мысли нашелъ онъ въ братѣ Меѳодіѣ, который пришелъ на Олимпъ послѣ *многолѣтняго* управленія славянскою областію, и въ бесѣдахъ съ которымъ онъ могъ многое слышать о духовномъ состояніи, о духовныхъ нуждахъ славянъ, болѣе прежняго освоиться и съ языкомъ славянъ. Именно на

Олимпѣ, думается намъ, послѣдовало у св. братьевъ то объединеніе мысли о своемъ народоучительномъ призваніи, которое видится у нихъ съ этого сокровеннаго, но довольно продолжительнаго, періода ихъ жизни, и мысль о такомъ учительствѣ опредѣлилась, какъ мысль *объ учительствѣ для славянъ*, и въ частности, какъ мысль дать имъ слово Божіе, священныя книги на ихъ языкѣ, что наконецъ эта мысль входила и въ книжныя занятія ихъ на Олимпѣ [1]). Этими соображеніями мы восполняемъ и то, что выше сказали о происхожденіи у Константина мысли о переводѣ свящ. книгъ на славянскій языкъ, какъ такой, которая не была мыслію ни моравлянъ, ни византійскаго правительства, а собственною, личною мыслію Константина, какъ мужа апостольскаго духа: восполняемъ такой выводъ тѣмъ, что мысль эта зачалась и вырабатывалась у него ранѣе призыва въ моравскую миссію и въ видахъ учительскаго служенія прежде всего византійскимъ славянамъ, извѣстнымъ ему ближе моравлянъ и др.

Есть извѣстіе о ранней миссіонерской дѣятельности среди славянъ византійскихъ, а именно въ мѣстности по р.

---

[1]) Аналогіями изъ жизни людей сходнаго настроенія и призванія могутъ поясняться проявленія ихъ дѣятельности. Вспомнимъ о нашемъ св. Стефанѣ пермскомъ. Уроженецъ г. Устюга, пограничнаго съ поселеніями инородцевъ зырянъ, съ молоду благочестиво настроенный, любившій читать священныя книги, онъ возчувствовалъ въ себѣ призваніе къ апостольству и сосредоточилъ его на зырянахъ, которыхъ часто видывалъ и бесѣдовалъ съ ними. Возревновавъ о просвѣщеніи ихъ, онъ готовится къ тому въ теченіи не менѣе 10 л., ближе изучаетъ языкъ ихъ, въ ростовскомъ монастырѣ св. Григорія Богослова прилежно изучаетъ книги, знакомится и съ греческимъ языкомъ, чтобы всѣмъ этимъ воспользоваться для просвѣщенія зырянъ и перевода на ихъ языкъ частей богослужебныхъ книгъ. Книжныя занятія св. Стефана въ монастырѣ Григорія Богослова не напоминаютъ ли, хотя въ маломъ видѣ, того, чѣмъ были одушевлены и книжныя занятія св. братьевъ на Олимпѣ? Для мысли объ Олимпѣ, какъ мѣстѣ начальной выработки у св. братьевъ мысли о переводѣ священныхъ книгъ на славянскій языкъ, представлено нѣсколько вѣскихъ соображеній, въ соч. г. Будиловича: *Нѣсколько мыслей о греко-славянскомъ характерѣ дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія.* Меѳодіевскій юбилейный сборникъ. Варшава. 1885 г.

Брегальницѣ (съ городомъ этого имени), на сѣверо-западѣ отъ Солуни. Оно находится въ такъ называемомъ „Успеніи св. Кирилла“ или краткомъ житіи его, списки котораго (найденныя Гильфердингомъ и Григоровичемъ) относятся къ XV в. Здѣсь послѣ краткой рѣчи о преніи Константина съ Анніемъ говорится: „потомъ же шедъ въ Брегальницу и обрѣтъ отъ словенска языка нѣколико крещенихъ, и елицѣхъ не обрѣтъ крещенихъ, онъ же крестивъ ихъ, приведе на православную вѣру и *написавъ имъ книгы словенскимъ языкомъ*. И сихъ, ихже обрати въ вѣру христіанску, *четыре тысящи* и пятьдесятъ“. Фактъ ранняго миссіонерства Константина среди византійскихъ славянъ самъ по себѣ былъ бы весьма правдоподобнымъ; онъ былъ бы весьма цѣннымъ для выясненія всего хода просвѣтительной дѣятельности его среди славянъ, какъ предпринятой рано. Къ сожалѣнію, „Успеніе“ или краткое житіе не такого рода источникъ, чтобы на него можно было положиться или ставить его наравнѣ съ пространными житіями св. братьевъ [1]). Поэтому мы предпочитаемъ держаться послѣднихъ, какъ при изложеніи извѣстій, фактовъ, такъ и при построеніи предположеній въ поясненіе послѣднихъ. Такимъ образомъ, не останавливаясь на брегальницкой миссіи, вспомнимъ еще о хазарской. Выше говорено было, что сарацинская и хазарская миссія, во время которыхъ Константинъ видѣлъ богослуженіе и богослужебныя книги на народныхъ языкахъ или слышалъ о томъ, могли не остаться безъ общаго вліянія на развитіе въ немъ мысли и о славянскихъ книгахъ, и о славянскомъ

---

[1]) Происхожденіе этого краткаго житія, какъ поздняго болгарскаго издѣлія, представляющаго сокращенную переработку пространнаго житія, достаточно выяснено критикою, съ поясненіемъ происхожденія и добавочнаго извѣстія о миссіи въ Брегальницѣ (Воронова, главнѣйшіе источники для исторіи св. Кирилла и Меѳодія, стр. 191—203). Тѣ, которые и теперь продолжаютъ довѣрять этому болгарскому сказанію (г. Бильбасовъ, Кириллъ и Меѳодій въ „Нови“), ничѣмъ не ослабили сдѣланныхъ уже указаній на ненадежный характеръ его, какъ источника.

богослуженіи. Теперь присовокупимъ, что именно хазарская миссія, въ которую отправились св. братья послѣ своей жизни на Олимпѣ, должна была оказать въ этомъ отношеніи еще особенное вліяніе. Хорошо знавшіе славянъ византійской имперіи, знавшіе, безъ сомнѣнія, о славянахъ Подунайской Болгаріи, слышавшіе, вѣроятно, о славянахъ приадріатики, Панноніи и Моравіи, св. братья во время хазарской миссіи узнали о славянахъ сѣверныхъ, славянахъ хазарской державы, что необходимо предполагать при извѣстной любознательности Константина. Такимъ образомъ хазарская миссія восполнила для него и Меѳодія представленіе о чрезвычайной распространенности славянскаго племени, о численномъ величіи славянскаго народа. А это должно было усилить ихъ ревность о хр. просвѣщеніи этого народа чрезъ сообщеніе ему Слова Божія на его языкѣ. Пребываніе въ Хазаріи открыло св. братьямъ и опасность, грозящую славянамъ на этой окраинѣ славянскаго міра отъ іудейства и мусульманства; а это должно было внушить такому пламенному ревнителю вѣры, какъ св. Константинъ, заботливость *о томъ*, чтобы предупредить подобную опасность, спасти для христіанства то, что̀ грозило стать добычею мусульманства и іудейства. Опасность сближенія съ мусульманами грозила и нѣкоторымъ изъ славянъ Византійской имперіи, что также едвали осталось не замѣтнымъ для св. братьевъ [1]). Далѣе, изъ хазарской миссіи Констан-

[1]) Въ одномъ, довольно оригинальномъ, изслѣдованіи подъ заглавіемъ: дѣятельность св. Константина (Кирилла) и Меѳодія среди ѳракійскихъ македонскихъ и болгарскихъ славянъ (Пигулевскаго, Кіевъ 1862 г.),—доказывается, что такъ называемая хазарская миссія св. братьевъ была не къ хазарамъ, а къ сейчасъ упомянутымъ славянамъ, между которыми были прозелиты ислама изъ болгаръ. Хазарскій ханъ, по мнѣнію автора, былъ ханъ или каганъ болгарскій, властвовавшій на Дунаѣ и во Ѳракіи. Мнѣніе это, конечно, не имѣетъ значенія, какъ не имѣютъ значенія и нѣкоторыя другія мнѣнія автора, напр. то, что подъ Олимпомъ слѣдуетъ разумѣть Аеонъ. (Послѣднее мнѣніе, повторенное г. Лебединцевымъ, усвоено и г. Бильбасовымъ). Но ссылки г. Пигулевскаго на зачатки ислама среди коренныхъ болгаръ не лишены значенія. Помимо этого извѣстно, что славяне южныхъ областей имперіи бывали въ концѣ VII и нач. VIII в. со-

тинъ вынесъ знакомство съ еврейскимъ языкомъ, съ подлиннымъ текстомъ священныхъ книгъ Ветхаго Завѣта, пріобрѣтенное въ Корсуни. Довольно вѣроятно, что изученіе еврейскихъ книгъ въ Корсуни предпринято Константиномъ въ видахъ не только предстоявшихъ ему преній съ іудеями, но и задуманнаго перевода свящ. книгъ на новый языкъ, что оно было довершеніемъ изученія, начатаго прежде [1]). Но если это можетъ быть только предположеніемъ, то несомнѣннымъ остается вліяніе пріобрѣтеннаго Константиномъ въ Корсуни знанія еврейской письменности и свящ. книгъ, въ смыслѣ усиленія научныхъ средствъ его для созданія славянской письменности и перевода свящ. книгъ. Изъ той же хазарской миссіи Константинъ вынесъ знакомство съ готскимъ переводомъ свящ. книгъ, который обрѣтенъ имъ у русскаго человѣка. Выше было замѣчено, что знакомство съ этимъ переводомъ, о которомъ Константинъ могъ читать или слышать и прежде, должно было послужить новымъ поощреніемъ ему въ его мысли о собственномъ переводѣ, оживляя представленіе о томъ времени Вселенской церкви, когда въ самой Византіи св. Златоустъ поддерживалъ готское богослуженіе. Теперь скажемъ болѣе: въ языкѣ гот-

---

юзниками сарацинъ, чрезъ что могли знакомиться и съ ихъ исламомъ. При Юстиніанѣ II въ 692 г. во время войны его съ арабами ок. 20,000 славянскаго войска, разселеннаго въ Опсикійской области у Пропонтиды, предалось на сторону арабовъ-магометанъ.

[1]) Въ одномъ проложномъ сказаніи о св. Кириллѣ говорится, что, взятый къ царскому двору на воспитаніе, онъ „четырми языки и философіи изучися: еллински, римски, сирски и жидовски (Кирилло-Меѳод. Сборникъ. М. 1865 г. стр. 225). На это свидѣтельство, конечно, нельзя положиться. Но возможность болѣе ранняго и притомъ не случайнаго, а намѣреннаго изученія Константиномъ еврейскаго языка, изученія, предпринятаго съ мыслью лучше изучить текстъ свящ. книгъ ради новаго перевода ихъ, подкрѣпляется примѣромъ такихъ древнихъ переводчиковъ и изслѣдователей текста св. Писанія, какъ Оригенъ, Іеронимъ, примѣръ которыхъ могъ имѣть въ виду Константинъ. А что христіанскій ученый могъ и въ вѣкъ Константина въ самой Византіи пользоваться услугами еврея для научныхъ цѣлей,—это можно видѣть изъ приведеннаго выше свидѣтельства о Фотіѣ.

ского перевода Константинъ, который онъ, по выраженію Житія, прикладалъ къ своей бесѣдѣ, т. е. сличалъ, сравнивалъ съ знакомыми ему языками, онъ, безъ сомнѣнія, открылъ *сродство съ языкомъ славянскимъ*, такое сродство, какого не могъ представить никакой другой языкъ изъ ему извѣстныхъ. Думаемъ, что это было радостнымъ открытіемъ для Константина, укрѣпляя его увѣренность въ возможности перевода славянскаго и давая надежду воспользоваться готскимъ переводомъ для перевода славянскаго, что онъ потомъ и сдѣлалъ. „Въ древнемъ переводѣ Евангелія, сдѣланномъ св. Кирилломъ и Меѳодіемъ, говоритъ одинъ изъ почтенныхъ изслѣдователей этого перевода, видны слѣды употребленія *готскаго перевода*, сдѣланнаго въ IV в. епископомъ Ульфилою. Извѣстно, что готы съ древнѣйшихъ временъ находились въ смежности и сношеніяхъ съ славянами,—до исхода II в. на Балтійскомъ морѣ въ нынѣшнихъ Остзейскихъ губерніяхъ, въ Польшѣ и Пруссіи, потомъ на югѣ въ нынѣшней Молдавіи и Валахіи и сопредѣльныхъ странахъ, наконецъ въ Мизіи или нынѣшней Болгаріи и части Сербіи, въ которую готы перешли въ концѣ IV ст. Здѣсь, въ Мизіи и въ послѣдствіи въ Далмаціи и Панноніи, готы смѣшались съ славянами, и христіанство, уже въ IV в. появившееся между обоими народами, тѣмъ болѣе ихъ сближало взаимно, въ средніе же времена остатки готовъ обитали въ Македоніи и Албаніи,—родинѣ и поприщѣ Кирилла и Меѳодія и сотрудниковъ ихъ. (Здѣсь у автора ссылки на Шафарика, Бодянскаго, Маціевскаго, преосвящ. Филарета). Сими данными объясняется какъ вообще *филологами признанное присутствіе въ славянскомъ языкѣ готскихъ словъ и на оборотъ въ готскомъ славянскихъ, такъ въ частности предполагаемое знакомство славянъ съ готскимъ переводомъ Библіи, и потому употребленіе его Кирилломъ въ своемъ переложеніи евангелія.* Весьма правдоподобная догадка Шафарика, что найденныя Кирилломъ въ Крыму евангеліе и псалтырь на русскомъ языкѣ (которому онъ тутъ же и научился), были на готскомъ (или варяго-

русскомъ) языкѣ, представляетъ новое основаніе къ тому, чтобъ св. Кириллъ *въ послѣдствіи* самъ воспользовался переводомъ Ульфилы[1]). Какъ бы то ни было: при сличеніи древняго славянскаго перевода и съ немногими, доселѣ уцѣлѣвшими, отрывками готскаго перевода въ серебряномъ упсальскомъ кодексѣ, по изданію Цана (Ulfilas, Gothishe Bibelübersetzung v. Zahn, Weissenfels, 1805), въ славянскомъ намъ открылось *очень много тѣхъ же самыхъ готскихъ словъ и выраженій и въ тѣхъ же мѣстахъ, какъ и въ переводѣ Ульфилы*[2]). Историческая часть этихъ указаній (филологическую представляемъ филологамъ) должна быть дополнена указаніями на готовъ въ Крыму и Азовско-черноморскомъ прибрежьѣ, гдѣ также славяне могли соприкасаться съ готами, на фактъ существованія готскаго языка, какъ языка живого, употребленія готскихъ богослужебныхъ книгъ у томитанъ и *другихъ скивскихъ народовъ* ок. половины IX в., подъ которыми должны быть разумѣемы славяне, на извѣстность въ это же время на азовско-черноморскомъ прибрежьи и въ Крыму руссовъ, какъ родичей готовъ, нашедшихъ ихъ языкъ, языкъ ихъ богослужебныхъ книгъ не только сроднымъ, какимъ ихъ былъ

---

[1]) Что найденныя Кирилломъ въ Корсуни евангеліе и псалтырь были готскія,—это для насъ не догадка, а несомнѣнная истина, какъ было уже сказано.

[2]) Невоструева, Записка о переводѣ евангелія на славянскій языкъ, сдѣланномъ св. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Кирилло-Меѳодіевскій сборникъ. Москва 1865 г. стр. 223—225. Припомнимъ тутъ еще ранѣе высказанное замѣчаніе покойнаго преосвященнаго Макарія: „нельзя не указать на то, что въ самомъ Ульфиловомъ переводѣ св. Писанія находятъ много словъ славянскихъ, тѣмъ *ясно предполагается тѣснѣйшее и долговременное общеніе славянъ съ готами, и притомъ въ отношеніи религіозномъ. Этотъ переводъ въ нѣкоторой степени могъ быть понятенъ тогда во время общественныхъ богослуженій и для славянъ, хотя не въ такой мѣрѣ,* какъ для готовъ, если предположить, что тѣ и другіе точно составляли одну духовную паству и вмѣстѣ собирались въ храмы (говорится о готской епархіи у Чернаго моря). Къ усиленію этой мысли служитъ и то *открытіе*, что съ другой стороны есть много словъ готскихъ не только въ древнихъ законахъ сербскихъ и нынѣшнемъ болгарскомъ нарѣчіи, но и въ самомъ славянскомъ переводѣ св. Писанія Кирилла и Меѳодія (Исторія христіанства въ Россіи до равноап. князя Владиміра стр. 79. Спб.

для сосѣднихъ съ готами славянъ, но и *родными* [1]). Думаемъ, что этими соображеніями достаточно констатируется фактъ вліянія обстоятельствъ хазарской миссіи св. братьевъ на укрѣпленіе въ нихъ мысли о славянскомъ переводѣ свящ. книгъ и славянскомъ богослуженіи, которая и оказывается вполнѣ готовою и созрѣвшею у Константина предъ призывомъ его въ Моравскую миссію.

Но прежде чѣмъ пойдемъ туда мыслію за св. братьями, необходимо дать возможные для насъ отвѣты на слѣдующіе вопросы:

1. Если мысль о переводѣ свящ. книгъ была у св. братьевъ и особенно у Константина мыслію давнею, зачавшеюся еще на Олимпѣ, то почему открыто выступаетъ онъ съ нею уже только при вызовѣ его въ моравскую миссію? Отвѣтъ на это почти весь заключается уже въ томъ, что доселѣ сказано. Не совсѣмъ безопасно и надежно было выступить съ этою смѣлою мыслію, не подготовивъ къ ней вліятельныя сферы въ Византіи, не возчувствовавъ большаго авторитета за собой и не дождавшись благопріятнаго повода къ тому. Послѣ хазарской миссіи Константинъ могъ возвышать свой голосъ смѣлѣе и авторитетнѣе, чѣмъ когда либо прежде, а моравская миссія была наилучшимъ поводомъ къ смѣлому и открытому заявленію этой мысли и къ полному осуществленію ея. Съ другой стороны только во время хазарской миссіи, особенно во время пребыванія въ Корсуни завершилась для Константина его *собственная подготовка* къ выполненію задуманнаго дѣла, необходимость которой онъ, безъ сомнѣнія, сознавалъ и которая должна была состоять въ прилежномъ и глубокомъ изученіи текста свящ. Писанія, въ подлинникахъ и переводахъ, и свойствъ языка славянскаго, сличае-

---

1846 г.). Мнѣніе преосвящ. Макарія, такъ заботливо выдвигающаго славянъ въ этомъ своемъ изслѣдованіи, весьма знаменательно. Онъ не отступалъ предъ требованіями *исторической истины*.

[1]) Къ приведеному выше свидѣтельству Валафрида о готскомъ языкѣ богослуженія и богослужебныхъ книгъ, какъ о языкѣ живомъ, у готовъ томитанскихъ,

мыхъ имъ съ свойствами другихъ знакомыхъ ему языковъ [1]).

2. Не могъ ли имѣть Константинъ, въ видѣ поощренія или пособія для своего перевода, какихъ либо прежнихъ,

---

присоединимъ здѣсь извѣстныя свидѣтельства посѣтившихъ Крымъ Рубрикиса (въ 1253 г.) и Іосафата Барборо (въ 1436 г.). Первый говоритъ, что между обитателями южнаго Крыма были многіе готы, которыхъ нарѣчіе есть нѣмецкое (Teutonicum). Второй выражается: готы говорятъ языкомъ нѣмецкимъ, въ чемъ я самъ удостовѣрялся, имѣлъ при себѣ слугу нѣмца, который свободно объяснялся съ ними на ихъ языкѣ, и они хорошо понимали другъ друга (оба приведены у преосв. Макарія, тамъ же). Эта устойчивость роднаго языка у небольшой группы народа, въ теченіи *ряда вѣковъ* жившей изолированно отъ общей скандинаво-нѣмецкой семьи, можетъ объясняться, по нашему мнѣнію, въ значительной степени тѣмъ, что языкъ этотъ въ болѣе давніе вѣка успѣлъ окрѣпнуть подъ вліяніемъ освятившаго его готскаго перевода Библіи и готскаго богослуженія, державшагося у нашихъ восточныхъ готовъ и тогда, когда оно было подавлено на западѣ, т. е. еще въ пол. IX в. Съ другой стороны если нѣмецъ XV в. понималъ Крымскихъ готовъ и былъ понимаемъ ими: то удивительно ли, что ихъ понимали и варяго-руссы IX в.? Можно *предполагать*, что они *на нѣкоторое время* и поддержали этотъ языкъ, и что въ тѣхъ варяжскихъ церквахъ св. Иліи Константинопольской и Кіевской, которыя упоминаются въ договорѣ Игоря, было именно богослуженіе готское, что константинопольская варяжская церковь была именно далекою преемницею готской церкви вѣка св. Іоанна Златоуста. Наконецъ, что касается мысли о понятности *до извѣстной степени* славянамъ, жившимъ въ сосѣдствѣ съ готами, языка послѣднихъ, какъ потомъ языка варяго-руссовъ, то, оставляя эту область филологамъ, ограничимся лишь слѣд. общими замѣчаніями. Степень эта опредѣлялась: а) *кореннымъ сродствомъ ихъ, какъ ближайшихъ* вѣтвей индо-европейской семьи языковъ. Въ древне-славянскомъ языкѣ можно найти множество словъ, отражающихъ это сродство, какъ напр. мужъ (mensch), господа, господарь (въ которомъ начальное слово—отъ haus домъ, стезя (steig), лядвія (lenden), берегъ, брегъ въ смыслѣ возвышеннаго мѣста (berg) и т. под. Валафридъ Страбонъ говоритъ, что хотя теотиски, т. е. тевтоны, родичи готовъ, приняли отъ грековъ чрезъ латинянъ слова vatter, mutter, но у нихъ есть свои слова: *atto* (отецъ) *amatodo* мать. Значитъ, у нѣмцевъ были еще и такія слова, сохранившіяся у славянъ изъ общаго корня, какъ отецъ; б) далѣе степень знакомства славянъ съ языкомъ готовъ опредѣлялась *большею или меньшею близостію и продолжительностію* сосѣдства, слѣд. въ разныхъ мѣстахъ была различна; в) единствомъ религіозныхъ отношеній тамъ, гдѣ *славяне-христіане* ранѣе стали жить и долѣе жили рядомъ съ готами христіанами, слыша готское богослуженіе, какъ напр. въ области Томи, или малой Скиѳіи.

[1]) Что отъ Константина требовалась нѣкоторая осторожность съ заявле-

зачаточныхъ и отрывочныхъ *опытовъ славянскаго перевода*? Отвѣтъ на это можетъ быть только предположительный. Слѣдуетъ предполагать, что византійскіе Славяне, въ немаломъ числѣ бывшіе христіанами еще до св. братьевъ, не совсѣмъ уже были равнодушны къ тому, чтобы имѣть *что нибудь* изъ христіанскаго ученія и богослуженія на своемъ языкѣ. Хотя, какъ говоритъ житіе Меѳодія, о славянскомъ народѣ до св. братьевъ никто не имѣлъ попеченія, т. е. такого попеченія, какое возымѣли о немъ св. братья; но *нѣкоторое попеченіе* о собратіяхъ могло явиться у лучшихъ изъ христіанскихъ славянъ тамъ особенно, гдѣ христіанство было у нихъ *давнимъ*. Едва ли можно думать, чтобы и греческіе и латин-

---

ніемъ своей мысли о книгахъ на славянскомъ языкѣ, это само собою слѣдуетъ изъ того, что говорено было выше о нападкахъ на эти книги среди Грековъ во время Храбра и о боязни Грековъ за связь иноязычныхъ переводовъ свящ. Писанія съ ересью. Но припомнимъ примѣры изъ нашей исторіи. Мы сами, получившіе переводъ свящ. книгъ на родномъ языкѣ, казалось, не должны бы опасаться новыхъ переводовъ какъ на инородческіе языки, такъ и на живой народный языкъ. Однакоже Стефанъ Пермскій подпадалъ нареканіямъ за пермскія письмена и книги. Св. м. Алексѣй сдѣлалъ въ 1355 г. новый переводъ Новаго Завѣта, однакоже, какъ необходимо думать, держалъ его *про себя*, келейно, и не отваживался вводить его въ общее употребленіе. Св. Тихонъ Задонскій перевелъ на русскій языкъ съ еврейскаго псалтырь, съ Греческаго Новый Завѣтъ, но и онъ держалъ этотъ трудъ про себя, не пытаясь даже предложить его для распространенія въ народѣ.—Затѣмъ извѣстно, сколько усилій и разносторонніхъ вліяній своихъ и *чужихъ* требовалось для того, чтобы въ новѣйшее время сдѣлать у насъ пріемлемою мысль о сообщеніи народу слова Божія на родномъ *русскомъ* языкѣ?... А мысль о томъ, чтобы чрезъ новый переводъ богослужебныхъ книгъ сдѣлать болѣе понятнымъ народу языкъ ихъ, въ которомъ не мало непонятнаго, и ввесть этотъ переводъ въ церковное употребленіе,—такая мысль и доселѣ не вмѣщается нами и кажется намъ опасною. Послѣ этого не найдемъ ли мы естественнымъ того, что и для Константина требовалось и *время* и подъемъ авторитета и счастливый, Провидѣніемъ данный, поводъ къ тому, чтобы смѣло и открыто выступить съ своею мыслію о новомъ переводѣ свящ. книгъ на варварскій языкъ? Что касается до продолжительности и условій подготовки къ дѣлу перевода, требовавшейся отъ самаго Константина, то опять напомнимъ, сколько времени и какъ подготовлялся къ подобному (но въ гораздо меньшихъ размѣрахъ) дѣлу нашъ св. Стефанъ Пермскій, сколько времени и какъ обработывались въ позднѣйшія и наши ученыя времена новыя исправленія славянскаго перевода и новые переводы св. писанія на русскій языкъ.

свіе пастыри тѣхъ пархій, гдѣ издавна и много было славянъ христіанъ (напр. въ Македоніи, Далмаціи) не позаботились сдѣлать то, что считали нужнымъ дѣлать на Западѣ для простонародія романскаго и нѣмецкаго, т. е. вводить или позволять вводить на славянскомъ языкѣ произношеніе молитвъ, символа вѣры, катихизическихъ наставленій и т. под. Так. обр. мы *предполагаемъ*, что переложенія на славянскій языкъ главнѣйшихъ, необходимыхъ молитвъ, символа вѣры, даже и катихизическихъ наставленій были у славянъ, и что они дѣлались и тамъ, гдѣ славяне были въ сосѣдствѣ съ готами, подъ вліяніемъ примѣра послѣднихъ. Такіе-то зачатки могъ собрать любознательный ревнитель народоучительства Константинъ и воспользоваться ими для своего перевода. Далѣе этого предположенія, по нашему убѣжденію, не возможно идти; невозможно т. е. предполагать существованія у славянъ до св. братьевъ въ какомъ бы то ни было видѣ цѣлостнаго перевода священныхъ или богослужебныхъ книгъ, какъ напр. Евангелія и Псалтыри [1]). Заслуга и слава такого перевода всецѣло и первично принадлежатъ св. братьямъ и никому другому.

---

[1]) Въ послѣдніе годы у насъ стали чаще и увѣреннѣе говорить о до-Кирилловскихъ переводахъ славяно-булгарскомъ, славяно-русскомъ, при чемъ главною и почти единственною опорою подобнаго утвержденія служитъ все тоже извѣстіе Житія Константина о русскомъ человѣкѣ, русскихъ письменахъ, евангеліи и псалтыри. При всемъ уваженіи къ ученымъ трудамъ представителей этихъ славяно-любивыхъ мнѣній, мы не можемъ забыть и старой пословицы: amicus Plato, amicus Socrates, sed magis amica veritas. Называть Русса времени Константина славяниномъ послѣ того, какъ мы изъ неопровержимыхъ, своихъ и чужихъ, свидѣтельствъ знаемъ, кто такіе были Руссы прежде, чѣмъ они ославянились (подобно булгарамъ на Дунаѣ), толковать русскія книги въ смыслѣ славянскихъ у автора „Житія", который знаетъ и употребляетъ названіе Славянъ, какъ *общее* для всѣхъ славянскихъ племенъ, и книги славянскія постоянно называетъ *только славянскими*,—это, по нашему мнѣнію, значитъ идти противъ очевидности. Выше мы замѣтили, что при объясненіи загадочнаго съ перваго раза свидѣтельства Житія о Русскихъ книгахъ необходимо идти отъ факта *достовѣрнаго*, *историческаго*, каковъ фактъ давняго существованія готскихъ книгъ, существованія ихъ и въ IX в. у Готовъ и сосѣднихъ Скиѳскихъ народовъ. Какой подобный фактъ можетъ быть найденъ въ иной точкѣ отправ-

3. Имѣлъ ли Константинъ помощниковъ въ своемъ трудѣ? Перваго и главнаго помощника онъ имѣлъ, разумѣется, въ братѣ Меѳодіѣ. Но житія св. братьевъ прямо даютъ заключать, что они имѣли и другихъ помощниковъ, споспѣшниковъ. Это тѣ „споспѣшники“, бывшіе „единаго духа“ съ братьями, съ которыми онъ молился, молясь и трудился, начавъ переводъ св. книгъ. То были, конечно, не многіе избранные, способные возвыситься до духа Кирилла и Меѳодія. Они могли быть изъ прежнихъ сподвижниковъ ихъ на Олимпѣ, сподвижниковъ Меѳодія въ Полихронѣ и друзей Константина въ Царь-градѣ, при церкви св. апостоловъ. Кружокъ такихъ споспѣшниковъ Константина былъ, конечно, небольшой, и то, что они были „тогоже духа“, какъ онъ, составляло нѣчто особенное, отличительное, не напрасно отмѣченное авторомъ „Житія“ [1]). Весьма

ленія для вывода о славянствѣ этихъ книгъ? Вѣдь о славянскихъ книгахъ, славянскомъ переводѣ и богослуженіи до Кирилла и Меѳодія, — не имѣется ни одного другаго свидѣтельства. Слѣдуетъ припомнить и то, что переводъ свящ. книгъ составляетъ такой крупный, реальный фактъ, что исторія успѣла сохранить большею частію точныя извѣстія о времени, мѣстѣ такого или другаго перевода, лицахъ, совершавшихъ его. Могла ли бы она не сохранить хоть какъ бы то ни было опредѣленнаго извѣстія о переводѣ до Кирилла и Меѳодія, если бы онъ существовалъ? Развѣ не единственное извѣстіе, которое иные готовы истолковать въ смыслѣ славянскаго перевода, это извѣстіе о Никитѣ ремессіанскомъ, который проповѣдывалъ *Бессамъ* на ихъ родномъ языкѣ, на которомъ было у нихъ и богослуженіе. Но кто были эти Бессы—это вопросъ. Одни считаютъ ихъ остаткомъ древнихъ ераклійцевъ, другіе славянами. А сербскій книжникъ XIV в. считаетъ Никиту „прозябшимъ отъ Готскихъ сѣменъ“ и прямо связываетъ его исторію съ исторіею Ѳеофила епископа Готскаго (въ Томи) и Ульфилы, переводчика св. Писанія для Дунайскихъ Готовъ (это сербское сказаніе у преосв. Порфирія: первое путешествіе въ Аѳонскіе монастыри. Ч. II... Кіевъ 1877 г. стр. 128—130). Такимъ образомъ и извѣстіе о Никитѣ Ремессіанскомъ не дастъ опоры для мысли о славянскомъ переводѣ до св. братьевъ. Наконецъ, если извѣстіе о русскихъ книгахъ въ Житіи Константина не будетъ принято въ смыслѣ готскихъ книгъ, то останется одинъ исходъ: признать его легендарнымъ или вставочнымъ, что и дѣлаютъ нѣкоторые. Съ своей стороны мы не видимъ такой печальной необходимости.

[1]) Если бы въ этомъ кружкѣ молившихся и трудившихся съ Константиномъ имѣло прямое и активное участіе такое лицо, какъ патр. Фотій, то едва ли жизнеописатель не зналъ бы и умолчалъ бы о томъ.

вѣроятно, что между этими споспѣшниками Константина были *образованныя лица изъ мѣстныхъ славянъ* или даже какое либо *духовное лице изъ моравлянъ*, могшее быть въ моравскомъ посольствѣ [1]).

4. Принявъ на себя св. трудъ перевода свящ. книгъ на славянскій языкъ и приступивъ къ нему съ молитвою, Константинъ, по Житію, началъ тѣмъ, что составилъ славянскія письмена, т. е. буквы въ нашемъ смыслѣ. На основаніи сказаннаго выше, мы полагаемъ, что мысль объ этихъ буквахъ, ихъ составѣ и формѣ, обдумывалась и прежде, вмѣстѣ съ мыслію о самомъ переводѣ, и теперь только выполнена. Вопросъ о письменахъ самъ по себѣ былъ бы не особенно важнымъ, но онъ получилъ особенную важность, какъ вопросъ о томъ, какія письмена составилъ Константинъ: Кириллицу или Глаголицу? Вопросъ осложнился вызовомъ ряда другихъ вопросовъ, какъ то: которая изъ нихъ древнѣе, первичнѣе, какое отношеніе ихъ къ другимъ письменамъ и между собою, гдѣ болѣе были распространены двѣ изъ славянскихъ письменностей—кирилловская и глаголитская и т. п.? Это вопросы славянской филологіи, гдѣ они доселѣ остаются предметомъ нескончаемыхъ споровъ. Имѣя въ виду то, что въ выводахъ ея представляется намъ болѣе яснымъ и надежнымъ, мы можемъ говорить о данномъ предметѣ, держась, по возможности, только въ области *историческихъ* соображеній.

а) Безспорнымъ фактомъ можетъ быть признано существованіе славянскихъ письменъ у славянъ въ язычествѣ [2]). Но при неизвѣстности самой формы этихъ письменъ (каковы

---

[1]) Участіе духовныхъ лицъ въ посольствахъ и даже участіе главное было тогда въ обычаѣ на Западѣ, очень нерѣдко и въ Византіи, какъ потомъ и у насъ на Руси. При Святополкѣ въ Моравіи Іоаннъ, священникъ Венеціанскій, исполнялъ посольскія порученія. А прежде здѣсь извѣстенъ священникъ Славомиръ, въ качествѣ государственнаго дѣятеля.

[2]) Наиболѣе опредѣленное и, такъ сказать, округленное изложеніе этого мнѣнія—у Срезневскаго. Древнія письмена славянскія, 1848 г.

напр. черты и рѣзы, упом. Храбромъ), нѣтъ и другихъ данныхъ для надежнаго предположенія о вліяніи этихъ письменъ на образованіе христіанскихъ славянскихъ письменъ. А Храбръ, выражаясь, что славяне, имѣвшіе въ поганствѣ свои черты и рѣзы, потомъ, ставъ христіанами, нуждались въ греческихъ и римскихъ письменахъ, потому что собственная рѣчь „бѣ неустроена", — выражаясь такъ, даетъ понять, что по крайней мѣрѣ эти черты и рѣзы не могли помочь устройству славянской рѣчи, что удобнѣе были для сего греческія и римскія письмена. Такимъ образомъ фактъ существованія славянскихъ языческихъ письменъ не даетъ ничего опредѣленнаго для рѣшенія вопроса о происхожденіи славяно-христіанскихъ письменъ, изъ коихъ глаголитскія хотѣлось нѣкоторымъ привесть въ связь съ рѣзами и чертами, что могло бы вести къ мысли о первичности или большей древности Глаголицы предъ Кириллицею. Попытки связать глаголицу съ сѣверными рунами, которые, какъ предполагалось-бы, занесены были къ славянамъ на югъ и юго-западъ Готами или руссами, также не привели ни къ какому опредѣленному результату.

б) Въ христіанствѣ, до Кирилла и Меѳодія, Славяне, говоритъ Храбръ, нуждались въ греческихъ и римскихъ письменахъ, слѣдовательно писали этими письменами. Это были, такъ сказать, *транскрипціи* славянскихъ словъ по гречески и по латыни, извѣстныя и позже. На этихъ письменахъ, конечно, существовали и тѣ переложенія на славянскій языкъ молитвъ, символа и т. под., о которыхъ говорено выше. Естественно предполагать, что всякій разумный составитель новыхъ, собственно славянскихъ, письменъ долженъ былъ бы взять во вниманіе такія греческія и латинскія транскрипціи на славянскомъ языкѣ. А такъ какъ Константинъ былъ грекъ, зналъ ближе и прежде всего Византійскихъ славянъ и составлялъ свои письмена въ Византіи, то естественно думать, что при этомъ онъ имѣлъ въ виду именно греческую транскрипцію славянскихъ словъ. Вѣро-

вѣно, что онъ и *самъ давно пользовался ею*, подготовляя свой переводъ, что ею пользовался и Меѳодій еще во время своего управленія славянскою областію въ какихъ либо особенныхъ случаяхъ своихъ сношеній съ управляемыми, своихъ распоряженій по управленію. Естественный выводъ отсюда тотъ, что *лучшіе опыты* готовой греческой транскрипціи славянской рѣчи, знакомые Константину и Меѳодію, или принадлежавшіе имъ самимъ, взяты матеріаломъ для устроенія собственныхъ славянскихъ письменъ. По этимъ опытамъ Константинъ могъ въ Корсуни „прикладать" славянскую бесѣду къ бесѣдѣ русской, греко-славянскія письмена къ русскимъ т. е. къ готскимъ и сличать ихъ, для сравненія не только вообще языковъ этихъ письменъ, но и для отысканія новаго матеріала для устроенія славянскихъ письменъ, какой нашелъ предъ тѣмъ въ еврейскихъ книгахъ.

в) Уже поэтому съ исторической точки зрѣнія представляется болѣе сообразнымъ, что Константинъ-Кириллъ составилъ именно Кириллицу. Кириллица есть въ большей части буквъ (24 буквы изъ 38) азбука *греческая*, слѣдовательно, все, сказанное въ предыдущей посылкѣ, склоняетъ ее именно признать дѣломъ Константина, какъ несомнѣннаго составителя славянскихъ письменъ. И въ глаголицѣ тѣже буквы, что въ Кириллицѣ, но онѣ другой формы, и хотя въ формѣ ихъ отыскиваютъ черты сходства съ греческимъ минускульнымъ и курсивнымъ письмомъ, но черты на столько не ясныя, что сходство неубѣдительно по крайней мѣрѣ для не спеціалиста, который однакоже въ правѣ довѣрять своимъ глазамъ [1]). Далѣе: въ Кириллицѣ недостающія для славянскихъ звуковъ буквы взяты, въ числѣ 4-хъ, изъ еврейскаго алфавита [2]): новое основаніе—усвоить ее

[1]) Обстоятельно выяснено это въ цитованной выше статьѣ г. Будиловича, помѣщенной въ Меѳодіевскомъ сборникѣ 1885 г. Варшава.

[2]) Остальныя 10 буквъ, если только всѣ онѣ принадлежатъ первому составителю, а не прибавлены нѣкоторыя изъ нихъ послѣ, устроены изъ элементовъ, представляемыхъ греческими буквами, съ нѣкоторыми измѣненіями и при-

именно Константину, какъ гебраисту [1]). Въ Глаголицѣ всего одна еврейская буква *ш* (могла быть взята уже изъ Кириллицы). Еще: несомнѣнно и ясно съ перваго взгляда каждому, что Кириллица *вообще гораздо совершеннѣе* Глаголицы. Естественно первую, а не послѣднюю приписывать такому умному и свѣдущему составителю письменъ, какъ Константинъ. Въ частности: гораздо большее совершенство Кириллицы въ сравненіи съ глаголицею состоитъ *въ ея гораздо большей простотѣ и ясности.* А эти весьма важныя требованія, безъ сомнѣнія, долженъ былъ понимать разумный и народолюбивый Константинъ, слагавшій славянскія письмена и книги для славянъ, бывшихъ тогда „простою чадію", простецами. Трудно допустить, чтобы онъ захотѣлъ, задумалъ устроить или предложить этимъ простецамъ такія мудреныя, крючковатыя, курчавыя и сложныя письмена, какъ глаголица, имѣя полную возможность устроить гораздо простѣйшія и вмѣстѣ изящнѣйшія письмена въ формѣ Кириллицы [2]). Еще: Константинъ составлялъ свои письмена для того, чтобы написать и преподать славянамъ простецамъ переводъ изъ свящ. книгъ; а перевелъ онъ прежде всего то, что было наиболѣе нужно, т. е. *церковно-богослужебныя чтенія изъ св. Писанія и потомъ главныя церковныя службы.* Этимъ *и ограничился переводъ, совершенный Константиномъ.* Болѣе сообразнымъ представляется, что для *такого рода славянскихъ книгъ* устроены имъ письмена болѣе четкія, ясныя, и, такъ сказать, представительныя, каковы устав-

---

бавками исключая самостоятельную *ж.* У г. Голубинскаго (Истор. р. церкви 11, 295—6) предложено наиболѣе простое объясненіе образованія Кириллицы. Буква б не взята ли съ небольшимъ измѣненіемъ изъ *готскаго,* гдѣ она фигурируетъ въ словѣ *буки* (boca), значущемъ *книги,* какъ называлъ книги и Кириллъ?

[1]) Что Константинъ не просто только зналъ еврейскій языкъ, но зналъ какъ филологъ и археологъ въ области гебраизма, это слѣдуетъ заключать въ частности изъ сказанія о *прочтеніи* и истолкованіи имъ древней надписи на чашѣ въ Софійской церкви.

[2]) Высказывалось, какъ помнится, предположеніе, что глаголитскія письмена были *первоначально* проще, но предположеніе это ничѣмъ не подкрѣплено.

ныя письмена Кириллицы, сходныя съ уставными или унціальными письменами греческими. Эти книги предстояло читать, служить и пѣть по нимъ простымъ священникамъ, чтецамъ и пѣвцамъ, читать и пѣть въ церкви, а еще прежде начинать учить чтенію ихъ, какъ ихъ, такъ и дѣтей. Глаголица далеко не такъ удобна для сего, и едвали могъ бы не видѣть, не понимать сего Константинъ. Говорятъ, что въ IX в. въ Византіи преобладало минускульно-курсивное (скорописное) письмо, а не уставное, унціальное, относящееся къ болѣе давнему времени, къ в. V—VII, что поэтому и Константинъ, составлявшій письмена славянскія „по чину греческому", долженъ былъ имѣть образцомъ первое, т. е. минускульно-курсивное, съ которымъ болѣе сходна глаголица. Но, какъ уже сказано, самое сходство это далекое, не рѣшительное. Съ другой стороны, по уцѣлѣвшимъ памятникамъ греческаго минускульнаго письма IX вѣка можно ли съ рѣшительностію утверждать, что тогда употреблялось *только* это послѣднее письмо? При преобладаніи минускульно-курсивнаго письма развѣ не могло сохраняться и старое уставное напр. въ заглавіяхъ книгъ или и въ цѣлыхъ книгахъ въ сельскихъ церквахъ? А тѣ переводы молитвъ, символа вѣры для славянъ, о которыхъ говорено выше, какъ весьма вѣроятно существовавшихъ до Константина, не сообразнѣе ли было писать именно уставнымъ письмомъ, какъ болѣе простымъ и яснымъ? Да и самые эти переводы молитвъ, символа для принимавшихъ христіанство славянъ, не восходили ли еще къ вѣку Юстиніана, славянина родомъ, извѣстнаго и нѣкоторою заботливостію о распространеніи христіанства среди инородцевъ, угасшею на долго послѣ него? А въ вѣкъ Юстиніана такіе переводы писались бы именно уставнымъ письмомъ. Между тѣмъ съ нашей точки зрѣнія на все дѣло Константина, какъ переводчика священныхъ книгъ и составителя славянскихъ письменъ, имѣетъ значеніе еще слѣдующее соображеніе: Константинъ самую мысль о переводѣ священныхъ книгъ

для введенія славянскаго богослуженія взялъ не изъ IX в., въ которомъ она до него была въ забытіи, а изъ вѣковъ прежнихъ, особенно изъ вѣка св. Іоанна Златоуста. Подъ вліяніемъ этой свѣтлой мысли не предпочелъ ли онъ взять изъ тойже древности и образъ или форму письменъ? Вѣдь онъ былъ—филологъ-археологъ, читавшій и древнія надписи. Въ свое время онъ былъ библіотекаремъ, могъ имѣть массу книгъ древняго письма, подобно другу своему Фотію, который, составляя свое μυροβίβλιον, безъ сомнѣнія, имѣлъ массу такихъ книгъ.

Въ числѣ *историческихъ* доказательствъ приводимыхъ въ пользу мысли о составленіи Константиномъ Глаголицы, а не Кирилицы, важнѣйшія, на нашъ взглядъ, слѣдующія: а) *древность глаголицы*. Глаголитскіе памятники извѣстны отъ болѣе давняго времени, начинаясь съ послѣднихъ десятилѣтій IX и затѣмъ съ X в., тогда какъ древнѣйшій Кирилловскій кодексъ, Остромирово евангеліе писанъ въ 1056—57 гг. b) Распространенность и православный характеръ ея. Доказываютъ, что Глаголица была извѣстна и у восточныхъ православныхъ славянъ, а не только у западныхъ латинянъ, что въ глаголитскихъ памятникахъ содержатся и отрывки православныхъ священныхъ книгъ и службъ; а это, въ связи съ первымъ доказательствомъ, и можетъ служить новымъ доказательствомъ, что она составлена греко-восточнымъ православнымъ учителемъ, каковъ Константинъ и, какъ таковая, получила распространеніе и среди юго-восточныхъ православныхъ славянъ; с) авторъ Ахридской легенды (т. е. краткаго греческаго житія Климента Бѣлицкаго) говоритъ, что Кириловскія письмена были усовершенствованы Климентомъ съ измѣненіемъ послѣднихъ: ἐσοφισατο δέ καὶ χαρακτῆρας ἑτέρους, πρὸς τὸ σαφέστερον ἢ ὁυς ἐξεῦρεν ὁ σοφὸς Κύριλλος[1]). Черноризецъ Храбръ также говоритъ, что Кирилловскія

[1]) Г. Вильбасова, Кириллъ и Меѳодій II, 305.

письмена устроялись и послѣ Кирилла: *аще ли кто речетъ, яко нѣсть устроилъ (Кириллъ письмена) добрѣ, понеже ся постраяютъ и еще, отвѣтъ речемъ симъ:* и гречески такожде многожды суть постраяли—Акула и Симмахъ и потомъ ини мнози; удобѣе бо есть послѣдже творити, неже первое сотворити. Эти свидѣтельства толкуются такъ, что измѣненію и усовершенствованію подверглась *Кириллова Глаголица*, измѣненная именно въ болѣе совершеную Кириллицу въ Болгаріи при царѣ Симеонѣ, а окончательно въ Россіи, почему всѣ древнѣйшіе памятники ея болгаро-русскаго происхожденія. Намъ дѣло представляется иначе. Древность глаголитскихъ памятниковъ, восходящая до X и конца IX в. (если только она вполнѣ доказана, что другіе слависты считаютъ еще спорнымъ), *сама по себѣ* только и говоритъ о *древности* Глаголицы, но не говоритъ о составленіи ея Кирилломъ, не говоритъ и о томъ, чтобы не существовало современныхъ древнѣйшимъ памятникамъ ея памятниковъ Кириллицы. Вѣдь кодексы послѣдней существовали до Остромирова евангелія и въ томъ случаѣ, если она создана Климентомъ при Симеонѣ. Если за время отъ Климента и Симеона до Остромирова евангелія, обнимающее болѣе ста лѣтъ, не сохранилоеь ни одного памятника Кириллицы, то почему же точно такимъ же образомъ не могло не сохраниться и за три-четыре десятилѣтія предыдущаго времени, т. е. отъ Кирилла и Меѳодія до Климента и Симеона? А если принять во вниманіе, что Кириллица, какъ письмо, вообще болѣе совершенная и удобная, была *въ большемъ* употребленіи: то не чаще ли должно было происходить то, что кодексы ея смѣнялись списками новыми, позднѣйшими, изъ которыхъ и достались намъ уцѣлѣвшіе? Затѣмъ распространенность Глаголицы и православный характеръ (части) глаголитскихъ памятниковъ опять и доказываютъ пока только то, что глаголица дѣйствительно была извѣстна, употребляема въ разныхъ славянскихъ земляхъ, была и у православныхъ сла-

нынъ юго-востока. Но отсюда прямо не слѣдуетъ, чтобы она именно была созданіемъ Кирилла, а не Кириллица, древніе памятники которой *вообще* православны и еще болѣе распространены. Затѣмъ, свидѣтельство *поздней* Охридской легенды, не чуждой баснословія и желанія возвеличить Болгарію, не всѣми одинаково толкуется, такъ что нѣкоторые считаютъ его неправильной передачей параллельнаго мѣста изъ пространнаго Житія Климента (легенда Болгарская), гдѣ говорится только о различныхъ способахъ обученія имъ дѣтей чтенію и письму [2]). А Храбръ въ приведенномъ мѣстѣ говоритъ объ исправленіи не письменъ, а перевода, какъ то видно изъ ссылки его на переводчиковъ Акилу и Симмаха, примѣромъ которыхъ онъ оправдываетъ продолженіе устроенія славянскихъ книгъ или письменъ. Наконецъ, доказательство составленія Константиномъ Глаголицы, заимствованное изъ мысли о господствѣ у Грековъ IX в. письма минускульно-курсивнаго, съ которымъ сходна глаголица, замѣненная въ Болгаріи Кириллицей,—само себя подрываетъ своимъ внутреннимъ противорѣчіемъ: развѣ господствовавшее въ вѣкъ Константина минускульно-курсивное письмо смѣнилось у грековъ уже при Симеонѣ Болгарскомъ († 927) опять древнимъ уставнымъ? Если же нѣтъ, то развѣ Симеонъ, хотя и греколюбецъ (по образованію), Климентъ Бѣлицкій и др. были ученѣе Константина и лучше его могли знать образцы стараго греческаго уставнаго письма, чтобы по нему передѣлывать глаголицу въ Кириллицу? Итакъ приведенныя историческія доказа-

---

[2]) Сдѣлаемъ здѣсь совсѣмъ не нужную для спеціалистовъ, но не лишнюю для другихъ (какъ показалъ намъ опытъ) оговорку: такъ называемые *Кіевскіе отрывки глаголицы* (снимки съ которыхъ дѣланы были нами для проф. Гейтлера для его изд. Die Albanesischen und Slavischen Schriften. Wien 1883 г.) отнюдь не кіевскаго, не русскаго происхожденія. Они достались музею здѣшней духовной академіи изъ Синая, а гдѣ они писаны и откуда туда попали, это неизвѣстно.

тельства о созданіи Константиномъ Глаголицы, а не Кириллицы не представляются убѣдительными. Но самая мысль о давности глаголитскихъ письменъ, восходящей даже къ вѣку Кирилла и Меѳодія, по видимому не лишена основанія, оставляя нерѣшеннымъ вопросъ о томъ: когда именно и гдѣ они возникли и стали письменами священныхъ книгъ славянскаго языка? Этого вопроса мы здѣсь не беремся рѣшать.

5. На какой славянскій языкъ перевелъ Константинъ богослужебныя чтенія св. Писанія и церковныя службы? Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ будемъ опять держаться въ области только историческихъ соображеній, но опираясь на тѣ изъ весьма разнообразныхъ мнѣній по этому предмету славистовъ-филологовъ, которыя представляются намъ наиболѣе основательными [1]).

Прежде всего представляется наиболѣе сообразнымъ то, что языкомъ Константинова перевода былъ языкъ *Византійскихъ Славянъ*, Славянъ Византійской имперіи, но именно славянъ *юго-восточной полосы* Балканскаго полуострова, ближайшей къ Солуни, Царьграду, Олимпу. Языкъ этотъ былъ наилучше извѣстенъ Константину, наилучше изученъ, усвоенъ имъ, потому что усвоеніе его началось у Константина съ отрочества и продолжалось потомъ, особенно на Олимпѣ при помощи Меѳодія. И какъ мы уже предположили, что Константинъ возымѣлъ мысль о переводѣ *ранѣе* Моравской миссіи и слѣдовательно готовился къ выполненію ея, то и приготовлялъ свой переводъ именно на языкъ наиболѣе ему извѣстный. Слѣдуетъ думать, что языкъ этотъ понимаемъ былъ Константиномъ не столько, какъ языкъ *мѣстныхъ славянъ*, македонскихъ, или ѳракій-

[1]) Это, по преимуществу мнѣнія Срезневскаго, профессоровъ Лапчанскаго, Будиловича, различающіяся въ частностяхъ, но формулирующіяся въ одну общую теорію (Меѳодіевскій сборникъ, ст. г. Будиловича: О греко-славянскомъ характерѣ дѣятельности К. и М. стр. 71—77), къ которой примыкаемъ здѣсь и мы, но формулируемъ ее нѣсколько иначе,—такъ, какъ представляется намъ сообразнымъ съ *исторической точки зрѣнія*.

скихъ, а болѣе какъ языкъ *славянскій вообще*. Для него, какъ ученаго языковѣда, любившаго сличать разнородные языки, общая основа славянскаго языка была и виднѣе и интереснѣе и значимѣе мѣстныхъ отличій. Выше было сказано, что въ Византіи, въ вѣкъ К. и М., уже существовало представленіе о *славянскомъ языкѣ*, какъ *общемъ языкѣ* славянскаго народа въ разныхъ племенахъ его. Предлагая св. братьямъ идти въ миссію къ моравлянамъ, царь говорилъ: „вы солуняне, а солуняне всѣ чисто говорятъ по словѣнски“! Царь имѣлъ представленіе о томъ, что солунскіе славяне, языкъ которыхъ хорошо усвоили св. братья, и моравляне — тѣ же славяне, что языкъ тѣхъ и другихъ есть *одинъ и тотъ же общій* славянскій языкъ. У Константина, видѣвшаго и слышавшаго славянъ въ разныхъ мѣстахъ, такое представленіе объ общемъ славянскомъ языкѣ, т. е. общей основѣ его, было, конечно, еще яснѣе, и теперь уяснилось еще болѣе когда онъ слышалъ рѣчи моравлянъ, бывшихъ въ посольствѣ, и бесѣдовалъ съ ними [1]). Необходимо допустить, что и моравскій князь съ своими боярами, проси у Византіи учителя, который сказалъ бы моравлянамъ вѣру на ихъ языкѣ, предполагалъ, что такой, знающій ихъ языкъ, учитель найдется въ Византіи, имѣющей у себя такъ много славянъ. Необходимо вообще допустить, что въ *тотъ вѣкъ* славяне разныхъ племенъ лучше понимали другъ друга, потому что общая основа языка удерживалась болѣе, чувствовалась, такъ сказать, свѣжѣе, и племенные языки не такъ еще обособились, какъ потомъ, съ ходомъ исторіи [2]). Говоря, что

[1]) На соборѣ по случаю Моравскаго посольства царь говорилъ Константину: „слышишь ли, философъ, рѣчь сію? т. е. посольскую рѣчь моравлянъ. Положимъ, что рѣчь говорилась чрезъ переводчика на греческомъ языкѣ: но кто былъ переводчикомъ? Скорѣе всего византійскій славянинъ, знавшій и греческій языкъ, или грекъ, знавшій языкъ византійскихъ славянъ. Необходимо думать, что Константинъ счелъ нужнымъ довольно побесѣдовать съ бывшими въ посольствѣ моравлянами, не особенно нуждаясь для сего и въ переводчикѣ.

[2]) Руссъ IX в. понималъ языкъ готскаго евангелія, языкъ готскій; нѣмецъ временъ Рубрикиуса и Барбаро могъ понимать гота крымскаго: не болѣе ли

языкъ Византійскихъ славянъ юго-востока Константинъ понималъ, какъ языкъ славянскій вообще, разумѣемъ не то, чтобы Константинъ *предустановлялъ или считалъ предустановленнымъ*, что языкъ этихъ Славянъ, въ качествѣ общаго языка, долженъ стать для всѣхъ славянъ языкомъ Слова Божія, богослуженія, письменности. Разумѣемъ то, что подобное представленіе о языкѣ юго-восточныхъ Славянъ *само собою*, необходимо слагалось въ Константинѣ, знавшемъ славянскій языкъ прежде всего и лучше всего, какъ языкъ юго-восточныхъ славянъ. Между тѣмъ языкъ этотъ *дѣйствительно* былъ языкомъ, болѣе отражавшимъ на себѣ черты общаго корня, общаго происхожденія языковъ или нарѣчій большинства славянскихъ племенъ. Ибо это языкъ послѣдней общей придунайской родины славянъ, откуда вышли и славяне Македонскіе и сами Моравляне, также какъ и часть Русскихъ. Въ данное время онъ былъ языкомъ наиболѣе сроднымъ съ языкомъ славянъ цѣлаго славяно-болгарскаго государства, сосѣдняго съ имперіею, что также едва ли могло остаться неизвѣстнымъ Константину. И если, скажемъ опять, онъ возымѣлъ мысль о переводѣ для славянъ священно-богослужебныхъ книгъ ранѣе Моравской миссіи; то естественно желалъ сдѣлать этотъ переводъ пригоднымъ для возможно большей части славянъ, слѣдовательно на такомъ языкѣ, который представлялся ему наиболѣе къ тому пригоднымъ, т. е. на языкѣ юго-восточныхъ славянъ, языкѣ понятномъ и Моравлянамъ, и почти тождественномъ съ языкомъ славянъ Болгарскихъ, языкѣ славянъ, встрѣчавшихся ему въ Хазарской миссіи и бывшихъ по происхожденію близкими родичами славянъ Дунайскихъ.

еще понимали другъ друга византійскій и моравскій славянинъ IX в? Кстати припомнить, что на Балканскомъ полуостровѣ еще въ IX в. извѣстны моравяне по Болгарской и Сербской р. Моравѣ. Эти южные моравяне отличны отъ сѣверныхъ, т. е. моравянъ Ростислава: но не были ли они ближайшими родичами, разошедшимися вѣтвями одного племени?

Но въ судьбѣ языка юго восточныхъ Славянъ было еще одно обстоятельство, которое должно было оказать вліяніе на выборъ этого языка для перевода. Это бо́льшая сравнительно развитость его, съ зачатками письменнаго и церковнаго употребленія. Если, по Храбру, Славяне, ставъ христіанами, нуждались въ греческихъ и римскихъ письменахъ, слѣдовательно и писали ими, то, значитъ, были у нихъ зачатки письменности, имѣвшіе у юго-восточныхъ славянъ видъ греческой транскрипціи славянскихъ словъ, въ какомъ видѣ существовали и упомянутыя выше переложенія молитвъ на славянскій языкъ. Подобные опыты не могли, хотя бы то очень не много, не повліять на бо́льшую развитость языка въ самыхъ этихъ опытахъ, какъ зачаткахъ литературнаго языка. Естественно предположить, что Константинъ взялъ для перевода языкъ, уже имѣвшій такіе зачатки письменности, примѣненные и къ религіозной цѣли въ переложеніи молитвъ. Возможно, наконецъ, и то, что самая *разговорная рѣчь* немногихъ болѣе развитыхъ и образованныхъ лицъ изъ славянъ юго-востока, ознакомившихся съ греческимъ языкомъ въ Солуни, Царьградѣ и близь его, представляла черты большей развитости, большей плодовитости, большаго „устроенія“ въ языкѣ ея. Ибо образованіе и въ частности знакомство съ языкомъ чужимъ, но болѣе развитымъ и устроеннымъ, неизбѣжно вліяетъ на развитіе роднаго языка. Такая рѣчь, если она существовала, тоже не могла быть неизвѣстною Константину и Меѳодію и вмѣстѣ съ зачаточными опытами греко-славянской письменности (транскрипціи) и переложенія молитвъ, могла вліять на избраніе юго-славянскаго языка для перевода[1]). При мысли

[1]) Мысль о разговорной рѣчи формулирована у г. Будиловича, какъ теорія „*о рѣчи славянскаго образованнаго общества* въ Царьградѣ и прилегающихъ къ нему на европейскомъ и азіатскомъ берегахъ Мраморнаго моря греко-славянскихъ городахъ, селеніяхъ, монастыряхъ,—рѣчь близкая діалектически къ говорамъ болгаро-македонскимъ, но и отличная отъ нихъ по уровню развитія“. Намъ кажется, что такая *широкая* формулировка этой теоріи (точнѣе—предположенія) еще преждевременна.

о языкѣ византійскихъ, юго-восточныхъ славянъ, какъ языкѣ Кириллова перевода, для насъ, съ исторической точки зрѣнія, не имѣетъ особеннаго значенія, при томъ и недоступное для насъ, точнѣйшее опредѣленіе языка этихъ славянъ, какъ языка той или другой мѣстности, тѣхъ или другихъ группъ славянскихъ поселеній юго-востока. Но представляя этотъ языкъ, какъ языкъ славянъ ближайшихъ къ Солуни и Царьграду, мы вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаемъ, что языкъ перевода не былъ мѣстнымъ языкомъ Болгарскихъ славянъ, какъ думаютъ многіе, ибо Константинъ дѣлалъ переводъ не спеціально для Болгаръ, у которыхъ и не былъ въ миссіи, а потомъ Болгарскіе книжники сочли нужнымъ измѣнять нѣчто въ этомъ переводѣ, приспособляя его къ своей мѣстной рѣчи. Далѣе, переводъ этотъ не былъ переводомъ на Моравскій языкъ, ибо хотѣлъ быть переводомъ вообще славянскимъ съ мыслію, что онъ пригоденъ и для моравлянъ, какъ Славянъ. Но это утвержденіе слѣдуетъ ограничить тѣмъ, что ближайшее назначеніе его *въ данную пору* для цѣлей Моравской миссіи должно было побудить Константина ознакомиться съ особенностями Моравской рѣчи и болѣе или менѣе къ ней приспособиться. Слѣдуетъ затѣмъ припомнить, что Константинъ въ Царьградѣ, до отправленія въ Моравію, перевелъ собственно только *священно-богослужебныя* книги, т. е. богослужебныя чтенія изъ священныхъ книгъ. А церковныя службы перевелъ уже въ Моравіи, какъ прямо говоритъ Житіе. Поэтому и моравизмы неизбѣжно должны были отразиться на послѣднемъ переводѣ болѣе, чѣмъ на первомъ[1]). Припомнимъ еще о присутствіи въ древне церковномъ славянскомъ языкѣ евангелія многихъ словъ изъ готскаго перевода Улфилы. Для насъ это служитъ довольно убѣдительнымъ признакомъ, что въ древнемъ церковно-славянскомъ пере-

[1]) Намъ кажется, что на это обстоятельство слѣдовало бы обратить вниманіе славистамъ филологамъ.

водѣ мы имѣемъ переводъ Константина, знавшаго готское евангеліе и псалтырь, знавшаго еще до Моравской миссіи и сличавшаго готскій языкъ съ славянскою рѣчью при своихъ подготовительныхъ работахъ къ переводу евангелія на славянскій языкъ, слѣдовательно и при самомъ переводѣ, совершенномъ въ Византіи, гдѣ онъ могъ знать также и о давнемъ знакомствѣ нѣкоторыхъ Славянъ съ готскимъ переводомъ и богослуженіемъ. При исправленіи перевода въ Болгаріи готизмы, если и могли быть устранены съ замѣной славянскою рѣчью, то все таки удержались, потому что не чужды были и мѣстнымъ славянамъ, какъ имѣвшимъ здѣсь сосѣдями Готовъ въ былое время, да и теперь[1]).

6. Былъ ли Константиновъ переводъ священно-богослужебныхъ книгъ освященъ утвержденіемъ со стороны Константинопольской церкви, ея соборно-іерархической власти? Выше мы признали, что мысль о переводѣ, заключавшая въ себѣ мысль и о введеніи славянскаго богослуженія, была *личною* мыслію Константина, *только принятою* на томъ соборѣ по случаю Моравскаго посольства, на которомъ впервые заявилъ о ней Константинъ. На соборѣ слѣдуетъ, какъ уже замѣчено, предполагать и присутствіе патріарха Фотія, хотя „Житіе“ и не упоминаетъ о томъ. Естественно предполагать присутствіе патріарха и въ томъ собраніи, въ которомъ вскорѣ затѣмъ представилъ Константинъ свой переводъ Евангелія. Но „Житіе“ и здѣсь не говоритъ о патріархѣ, выражаясь только: возвеселися же царь, и Бога прослави *„съ своими совѣтники“*. Въ числѣ этихъ совѣтниковъ естественно предполагать и патріарха. Но молчаніе о немъ Житія, которое, и какъ Житіе Меѳодія, въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ не умалчиваетъ о патріархѣ, должно сдерживать отъ рѣшимости предполагать *церковно-*

---

[1]) Изъ свидѣтельства Валафрида знаемъ уже, что въ первой половинѣ IX в. въ Томи держалось еще готское богослуженіе. У кого? Конечно, у готовъ, сосѣдями которыхъ были тутъ и славяне.

соборное освященіе совершеннаго Константиномъ перевода. Лично Фотій, какъ патріархъ и бывшій другъ Константина, могъ благословить его дѣло, благословить его затѣмъ и на миссію, но болѣе того со стороны патріарха и его патріаршаго Синода не было сдѣлано: не было, *въ собственномъ смыслѣ*, соборно-церковнаго утвержденія, освященія перевода. Этимъ можетъ отчасти объясняться то, что Фотій не вспомянулъ о переводѣ въ посланіи къ Болгарскому князю, что между Греками долго еще оставались „нарекатели“ на переводъ, что въ Болгаріи приняли этотъ переводъ не изъ Византіи, а изъ Моравіи, приняли притомъ *сами* Болгаре въ лицѣ князей, какъ сами потомъ приняли его и русскіе, что въ Болгаріи вскорѣ затѣмъ сочли позволительнымъ исправлять этотъ переводъ. Помимо другихъ возможныхъ причинъ такого отношенія къ переводу Византійскаго соборно-церковнаго представительства, въ лицѣ іерархіи, необходимо предполагать отсутствіе въ послѣдней возможности провѣрить вѣрность и достоинства перевода, при незнаніи ею славянскаго языка, котораго, по всей вѣроятности, не зналъ и Фотій[1]). А для повѣрки перевода требовалось не легкое и не случайное знакомство съ славянскимъ языкомъ, а основательное и глубокое, какое имѣли Константинъ, Меѳодій и немногіе избранные „споспѣшники“ ихъ въ Византіи. Такимъ образомъ если царскій соборъ, бывшій скорѣе государственнымъ совѣтомъ, чѣмъ соборомъ церковнымъ, одобрилъ переводъ Константина, то единственно полагаясь на его ученость, книжность и его глубокое благовѣріе. Этимъ

[1]) Какъ не легко усвоили славянскій языкъ и такіе греки, которые призывались къ тому самимъ положеніемъ своимъ, это видно на нашихъ древнихъ Кіевскихъ митрополитахъ, которые писали погречески и изъ которыхъ Никифоръ I, одинъ изъ учительныхъ митрополитовъ, выражался съ сожалѣніемъ въ своемъ посланіи къ русскому народу: „я какъ нѣмой среди васъ“. Первый епископъ, данный Болгарамъ, Іосифъ Грекъ, по всей вѣроятности, не зналъ славянскаго языка и не служилъ по славянски, ибо такое крупное явленіе не осталось бы неизвѣстнымъ; а извѣстно съ другой стороны, что славянское богослуженіе введено у Болгаръ позже.

довѣріемъ внушены и тѣ похвалы переводу, славянскимъ книгамъ, переводчику и создателю ихъ, похвалы его учительности и благовѣрію, какія занесены въ царскую грамоту Ростиславу. Но основной мотивъ грамоты, что чрезъ принятіе приготовленныхъ философомъ славянскихъ книгъ Моравляне причтутся къ великимъ народамъ, иже славятъ Бога своимъ языкомъ,—этотъ мотивъ внушенъ не кѣмъ либо другимъ, а самимъ Константиномъ. Эти выводы имѣютъ для насъ то общее значеніе, что все дѣло перевода священныхъ книгъ на Славянскій языкъ, съ мыслію о введеніи славянскаго богослуженія, *отъ начала до конца* принадлежитъ исключительно Константину съ его св. братомъ, какъ истиннымъ избранникамъ Божіимъ, посланнымъ славянскому народу въ потребное время.

7. Въ какомъ званіи отправились св. братья въ Моравскую миссію? Константинъ въ томъ же званіи священника, безъ иночества, а Меѳодій—въ иночествѣ, но безъ священства. Это обстоятельство, ясно усматриваемое въ обоихъ Житіяхъ, такъ полно и основательно выяснено г. Лавровскимъ, что совсѣмъ не требуется подкрѣплять достовѣрность его. Можетъ быть замѣчаніе развѣ только о томъ, почему не удовлетворена просьба къ царю Моравскаго князя, его посольства—прислать учителя - *епископа* [1]). Это можетъ объясняться нежеланіемъ Царьградскихъ властей чрезъ

[1]) Слова—„посли намъ, владыко, *епископа* и учителя таковаго“ повторяются одинаково во всѣхъ спискахъ Житія, и уже поэтому слова *епископа* нельзя считать вставочнымъ. Въ Четіи-Минеѣ прибавляется, что Кириллъ и былъ поставленъ во епископа патріархомъ Фотіемъ. Бодянскій много занимался опроверженіемъ этого Четіи-Минейнаго извѣстія, имѣвшаго, по его мнѣнію, источникомъ проложныя извѣстія. Но Четія-Минея въ своемъ жизнеописаніи Кирилла и Меѳодія находится въ гораздо большей зависимости отъ пространныхъ Житій, чѣмъ отъ проложныхъ, и добавки ея составляютъ здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, ея собственныя догадки, которыми она хочетъ пополнить извѣстія пространныхъ Житій и другихъ источниковъ. Мы видѣли примѣръ такой догадки въ извѣстіи Четіи-Минеи о путешествіи Херсонскаго архіепископа въ Царьградъ за разрѣшеніемъ и Софійскимъ клиромъ для открытія мощей святаго Климента.

поставленіе епископа для страны Римскаго патріархата усложнять свои столкновенія съ Римомъ, въ добрыхъ отношеніяхъ котораго къ Царьграду нуждались онѣ по дѣлу Фотія и Игнатія; можетъ объясняться и личнымъ благоразуміемъ Фотія, какъ канониста, понимавшаго, что такое поставленіе было бы не каноничнымъ. Но всего болѣе значило здѣсь *личное благоразуміе и смиреніе* св. братьевъ, особенно Константина, видѣвшаго свое призваніе прежде всего и болѣе всего въ учительствѣ, въ миссіонерствѣ, а не въ епископствѣ, вопросъ о которомъ былъ для него вопросомъ будущаго, зависящимъ отъ плодовъ предпринимаемой миссіи.

8. Какимъ путемъ отправились св. братья въ Моравію, участвовали ли они въ это или другое время въ обращеніи Болгарскаго князя? Начнемъ отвѣтомъ на послѣдній вопросъ, хотя это кажется не въ порядкѣ дѣла. Существуетъ мнѣніе, принимаемое многими, что св. братья или по крайней мѣрѣ одинъ изъ нихъ, Меѳодій, участвовалъ въ обращеніи Болгарскаго князя Бориса. Объ этомъ не говорятъ главные, основные, наиболѣе полные и наиболѣе достовѣрные историческіе источники, какъ пространныя Житія Кирилла и Меѳодія. Этого молчанія *обоихъ житій*, изъ которыхъ при томъ Житіе Константина такъ подробно говоритъ о миссіяхъ Сарацинской, Хазарской, не опускаетъ даже совершенно частныхъ фактовъ изъ жизни Константина, а оба Житія такъ обстоятельно говорятъ о Моравской миссіи св. братьевъ,—этого молчанія слишкомъ достаточно для того, чтобы не говорить объ участіи ихъ въ обращеніи Болгарскаго князя, не говорить о томъ, о чемъ не говорятъ *такія* Житія ихъ [1]). Другіе источники, въ которыхъ находятъ опору для мысли объ участіи св. братьевъ въ обращеніи Болгарскаго князя, источники позднѣйшіе, да-

[1]) Другія объясненія этого молчанія на столько натянуты, что для насъ не имѣютъ никакого значенія предъ неотразимою необходимостію понимать это молчаніе въ самомъ прямомъ смыслѣ.

леко не имѣющіе такого значенія для исторіи св. братьевъ, какъ пространныя житія, уничтожаютъ сами себя своими противурѣчіями [1]). Такъ біографъ св. Климента приписываетъ обращеніе Бориса Меѳодію, выражаясь, что великій Меѳодій еще давно сдѣлалъ его своимъ сыномъ и проч., относя это очевидно ко времени еще до Моравской миссіи св. братьевъ, забывая или не зная, что Борисъ крестился не ранѣе 865 г. Моравская легенда и легенда о св. Людмиллѣ приписываетъ обращеніе Болгаріи Константину съ Меѳодіемъ, совершившимъ его какъ бы на пути въ Моравію, а наша лѣтопись ведетъ св. братьевъ въ Болгарію уже изъ Моравіи. Что касается до позднихъ извѣстій Іоанна Скилицы, Кедрина и продолжателя Константина Багрянороднаго о Меѳодіѣ монахѣ и живописцѣ, если и не признать ихъ совсѣмъ легендарными, все же эти извѣстія не даютъ основанія отождествлять обоихъ Меѳодіевъ. Если что либо можно извлечь изъ всей совокупности этихъ позднихъ извѣстій объ участіи св. братьевъ въ обращеніи Болгарскаго князя, такъ это *нѣкоторое поясненіе* къ факту знакомства св. братьевъ съ Болгарами и въ частности такого знакомства съ ними Меѳодія, отыскиваемому другимъ путемъ, помимо этихъ позднихъ, смутныхъ и противурѣчивыхъ извѣстій, и относящемуся къ другому, довольно опредѣленному времени, о чемъ будетъ рѣчь ниже. Здѣсь же съ полною рѣшительностію необходимо стать на сторону пространныхъ Житій и признать, что св. братья *не участвовали* въ обращеніи Болгарскаго князя. Думаемъ, что они и шли въ Моравію не чрезъ Болгарію, бывшую тогда не въ мирныхъ отношеніяхъ къ Моравіи и въ союзныхъ съ нѣмцами, врагами Моравовъ [2]). Вѣроятно они шли юго-западнымъ путемъ. На пути въ Моравію они посѣтили свою престарѣлую мать,

---

[1]) Источники эти означены у г. Лавровскаго (Кириллъ и Меѳодій стр. 80 и слѣд. Харьковъ. 1863), а критическій разборъ общаго характера и значенія ихъ, какъ источниковъ—у Воронова въ цитованномъ выше сочиненіи.

[2]) Г. Голубинскаго, Исторія церкви Болгарской и проч. стр. 238, пр. 30.

чтобы проститься съ нею и взять ея материнское благословеніе на свой путь и свой подвигъ. Мать, благословляя сыновей, со слезами просила и обязала ихъ, чтобы тотъ изъ нихъ, кто останется въ живыхъ по смерти другого, взялъ тѣло почившаго брата и принесъ въ свой монастырь[1]). Очевидно и она и св. братья думали, что миссія ихъ временная и что, исполнивъ свой подвигъ, они возвратятся на родину. Но они предполагали, а Богъ располагалъ. Богъ судилъ имъ другую участь.

IV. По прибытіи въ Моравію св. братья были съ честію приняты княземъ въ его столицѣ Девинѣ или Велеградѣ. Славянская рѣчь прибывшихъ учителей, живая и глубокая сила учительнаго слова, кроткій и благочестивый духъ ихъ привлекли къ нимъ сердца князя и моравскихъ славянъ. Письмена и книги, принесенныя ими, были такою поражающею и восхищающею новостію, которая казалась даромъ неба. Ростиславъ собралъ учениковъ и далъ въ обученіе св. братьямъ и ихъ споспѣшникамъ. Продолжая начатый въ Царьградѣ переводъ, Константинъ съ Меѳодіемъ перевелъ кругъ богослужебныхъ книгъ и службъ, утрени, часовъ, вечерни, литургіи, обучилъ имъ моравскихъ учениковъ и открылъ славянское богослуженіе. И отверзлись, говоритъ Житіе, уши глухихъ къ слушанію книжныхъ словъ и службъ и у нѣмыхъ сталъ ясенъ языкъ. Вмѣсто проповѣди на языкѣ нѣмецкомъ и богослуженія на латинскомъ языкѣ, кото-

[1]) Объ этомъ трогательномъ обстоятельствѣ говорятъ и Житіе Константина и итальянская легенда. Послѣдняя передаетъ слова Меѳодія папѣ такъ: „достойнымъ и нужнымъ считаю внушить твоему святѣйшеству, что *при выходѣ изъ дома нашего на службу*, совершенную нами съ помощію Божіею, мать со слезами просила, что если одинъ изъ насъ, *прежде чѣмъ мы возвратимся*, умретъ, то чтобы другой, оставшійся въ живыхъ, привезъ тѣло усопшаго въ свой монастырь“. Но этимъ выраженіямъ слѣдуетъ судить, что прощальная бесѣда матери съ сыновьями имѣла мѣсто именно предъ отправленіемъ ихъ въ Моравію. Но гдѣ это было? Прежде всего представляется Солунь, гдѣ могла оставаться мать *въ домѣ* своемъ, гдѣ былъ и женскій монастырь. Если старушка была монахиней, то она могла бы жить и близъ Олимпа, гдѣ также были и женскіе монастыри. Но о монашествѣ матери св. братьевъ жизнеописатели, по всей вѣроятности, не умолчали бы.

рый, какъ непонятный, казался языкомъ нѣмыхъ для нѣмыхъ, народъ слышалъ проповѣдь и, что особенно было ново, неслыханно, слышалъ богослуженіе на родномъ языкѣ. По словамъ моравской легенды, св. братья не ограничились дѣятельностію въ одной столицѣ Моравіи. „Отсюда, говоритъ она, Константинъ съ своимъ братомъ ежедневно отправлялся далѣе, посѣщалъ города, мѣстечки (oppida) и села, оглашалъ слухъ невѣрующихъ словами жизни, поучалъ народъ воспринимать чрезъ крещеніе оставленіе грѣховъ, проповѣдуя, что безъ сего они не могутъ истинно спастись [1]). Ближайшею цѣлію учительскихъ хожденій св. братьевъ было, конечно, наученіе и утвержденіе уже крещенныхъ моравлянъ, какіе составляли большинство, но очень возможно, что многіе оставались еще не крещенные среди самыхъ христіанъ и тѣмъ болѣе поодаль отъ городовъ и въ мѣстностяхъ, гдѣ позднѣе утвердилось христіанство. Есть извѣстія, что св. Константинъ освятилъ въ это самое время и двѣ церкви для моравлянъ, а именно церковь св. Петра въ Оломуцѣ и церковь св. Климента въ Литомыслѣ [2]). Безъ сомнѣнія, уже теперь св. братья воспитали себѣ помощниковъ и споспѣшниковъ своему дѣлу въ добавокъ къ тѣмъ, какіе прибыли или возвратились съ ними изъ Царьграда и между коими особенную извѣстность пріобрѣли потомъ, Гораздъ, Наумъ, Лаврентій и Ангеляръ. Сорокъ мѣсяцевъ продолжалась дѣятельность св. братьевъ въ Моравіи, рѣчь о которой Житіе заканчиваетъ словами: Богъ веселился о семъ вельми, врагъ діаволъ постыдися. Росло Божіе ученіе въ Моравіи, но врагъ завистникъ, продолжаетъ Житіе, нашелъ орудія своей зависти и воздвигъ напасть на св. учителей. Но нашлись и между людьми враги святаго дѣла св. братьевъ. Это, по житію Кирилла, были латинскіе и фряжскіе, т. е. латино-нѣмецкіе архіереи и іереи. Они враждовали противъ этого дѣла, какъ представители нѣмецкаго коро-

[1]) Mähr. leg. стр. 19—20.

[2]) Разборъ этихъ извѣстій у П. Лавровскаго: Кириллъ и Меѳодій, стр. 263—268. Харьковъ. 1863 г.

левства Лудовика нѣмецкаго, имѣвшаго притязаніе на верховенство надъ славянскими княжествами, грозившее быть устраненнымъ чрезъ усиленіе чувства національной самобытности у славянъ при богослуженіи на родномъ языкѣ и имѣвшемъ явиться народномъ духовенствѣ. Враждовали они изъ боязни за свою власть и доходы, ибо въ среднихъ вѣкахъ, особенно на западѣ, епархія была почти тоже, что княжеское владѣніе прелата, дававшее ему право суда, дани и десятины, приходъ почти тоже, что имѣніе, дававшее также разные доходы, начиная съ десятинъ. Извѣстны очень многіе примѣры борьбы между прелатами того времени за границы епархій, за права своей власти надъ спорными церквами, монастырями и мѣстностями населеній, борьбы, очень нерѣдко переходившей въ драку, въ войну. Наконецъ введеніе богослуженія на народномъ языкѣ было для латино-нѣмецкихъ прелатовъ такимъ новшествомъ, которое никакъ не совмѣщалось съ ихъ давнею привычкою къ латинскому языку богослуженія, какъ священному и единственно законному языку церкви на западѣ, и казалось дерзостію, ересью, какъ надо полагать, съ той особенно поры, когда подавлено было на западѣ готское богослуженіе, считавшееся еретическимъ. Нападая на дѣло св. братьевъ, латино-нѣмецкіе прелаты говорили: „не славится Богъ о семъ. Если бы угодно Ему было это, не могъ ли бы Онъ сдѣлать, чтобы всѣ люди съ самаго начала славили Бога своею рѣчью и своими письменами, т. е. богослуженіемъ на народномъ языкѣ. Есть только три языка, которыми можно славить Бога: еврейскій, греческій и латинскій“. Боролся, говоритъ Житіе, св. Константинъ съ этими врагами, какъ Давидъ съ иноплеменниками, поражая ихъ словами Писанія. Слышалъ и видѣлъ онъ и другія суевѣрія и дурные языческіе обычаи, еще жившіе въ народѣ, отъ какихъ не только не умѣли отучить его латино-нѣмецкіе пастыри, заботливые болѣе о своей власти и доходахъ, чѣмъ о духовномъ благѣ чуждаго имъ по племени народа, но которымъ и сами потворствовали, какъ люди своего вѣка и чуждые высшаго духовнаго про-

свѣщенія. Эти суевѣрія и обычаи также изобличалъ св. Константинъ, давая чувствовать латино-нѣмецкимъ духовнымъ ихъ небрежность или грубость, несовмѣстимыя съ притязаніями на учительство [1]). Возстаніе латино-нѣмецкихъ епископовъ и іереевъ на св. братьевъ должно было послѣдовать съ 864 г., когда Ростиславъ, осиленный королемъ Лудовикомъ нѣмецкимъ, принужденъ былъ дать обязательство покорности и вѣрности ему, тяготѣвшее надъ Ростиславомъ два года. При такомъ печальномъ поворотѣ дѣлъ въ Моравіи, а слѣд. и положенія здѣсь св. братьевъ, имъ, исполнившимъ свое порученіе, въ пору казалось бы и возвратиться въ любимое уединеніе на родной Востокъ. Но не таковы они были. Не хотѣли они оставить своего дѣла, которому не могло быть теперь сильной поддержки у самаго моравскаго князя; они рѣшились продолжить, довершить его, сами найти поддержку для него. Потрудившись въ Моравіи сорокъ мѣсяцевъ, т. е. три года и четыре мѣсяца, св. братья, для утвержденія богослуженія на народномъ языкѣ, задумали дать моравскимъ славянамъ народное духовенство

[1]) Житіе говоритъ здѣсь въ частности объ обычаѣ разводовъ, который обличалъ Константинъ, внушая святость брачнаго союза. Можно припомнить тутъ, что какъ разъ въ эту пору на Западѣ получилъ громкую извѣстность разводъ короля Лотаря, отвергшаго жену Тіобергу для фаворитки Вальдрады. Королю *потворствовали* епископъ Гюнтеръ Кельнскій и Теотгадъ Трирскій, подпавшіе за это вмѣстѣ съ Лотаремъ осужденію папы Николая I. Примѣры съ верху соблазнительны. Въ житіи Ѳеодора Студита разсказывается, что когда императоръ Константинъ Копронимъ развелся съ своею женою Маріею и женился на придворной дѣвицѣ Ѳеодотѣ, то примѣру императора послѣдовали топархи Босфора и Готеіи и всѣ, власть имѣющіе. Въ числѣ другихъ возставали противъ соблазна *подъ-Олимпійскіе* подвижники самъ Ѳеодоръ и Платонъ. Потворство нѣмецкихъ епископовъ Лотарю, вѣроятно, имѣло подражателей и въ другихъ мѣстахъ, какъ скоро были здѣсь случаи разводовъ, если не изъ подражанія Лотарю, то вообще по грубости нравовъ того времени. Такимъ образомъ Константинъ, бывшій Олимпійскій подвижникъ, имѣлъ поводы говорить противъ разводовъ. Горскій, въ поясненіе этого мѣста Житія, указываетъ еще на состоявшееся при папѣ Іоаннѣ VIII *подтвержденіе* Равеннскаго собора относительно браковъ одному изъ славянскихъ князей Коцелу (Кирилло-Меѳодіевскій сборникъ стр. 22). А о дѣлѣ Лотаря и вообще о сильной привычкѣ къ разводамъ на Западѣ—см. въ письмахъ папы Николая I у Migne Patr. Lat. t. 119.

въ лицѣ воспитанныхъ ими учениковъ. Съ ними отправляются они въ Венецію въ надеждѣ испросить у граденско-венеціанскаго митрополита или патріарха посвященіе своихъ „стрижниковъ", т. е. приготовленныхъ для посвященія чтецовъ. Мы сказали, что дѣло раздѣленія церквей, только что начавшееся, еще далеко не было яснымъ, въ дальнѣйшемъ ходѣ и исходѣ своемъ. Граденско-венеціанскій митрополитъ-патріархъ былъ въ глазахъ ихъ канонически полноправнымъ пастыремъ своей епархіи. Какъ имѣвшій нѣкогда іерархическую власть надъ ближайшими славянами, имѣвшій и теперь ее надъ славянами Истрійскими, онъ казался и наиболѣе удобнымъ лицемъ въ латинской іерархіи, могущимъ совершить поставленіе. Онъ, казалось, могъ оградить ихъ и отъ нападокъ со стороны нѣмецкихъ епископовъ, какъ бы восхитившихъ часть изъ древнихъ предѣловъ граденско-венеціанской митрополіи. Наконецъ самая Венеція, хотя управлялась своимъ дожемъ, но находилась подъ нѣкоторымъ вліяніемъ Византіи, что также могло давать св. братьямъ надежду найти здѣсь благосклонный пріемъ [1]). На пути въ Венецію св. братья посѣтили Паннонію и здѣсь паннонскаго князька Коцела, княжившаго въ г. Мосбургѣ при озерѣ Блатно. Здѣсь св. братья остановились на немалое время. Коцелъ съ честію принялъ ихъ и удержалъ, полюбопытствовалъ видѣть и полюбилъ славянскія книги, самъ научился имъ, далъ св. братьямъ 50 учениковъ для обученія этимъ книгамъ и, много почтивъ, съ почетомъ проводилъ въ дальнѣй-

[1]) Обыкновенно говорятъ, что св. братья отправились *изъ Моравіи* по вызову папы Николая. Но Житіе Константина говоритъ о вызовѣ его папою въ Римъ *уже послѣ того,* какъ Константинъ (съ Меѳодіемъ) побывалъ въ Паннонія и, прійдя въ Венецію, выдержалъ здѣсь споръ съ здѣшнимъ духовенствомъ изъ за своихъ книгъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ „Житіе" выставляетъ цѣлію путешествія, предпринятаго Константиномъ *изъ Моравіи,*—именно посвященіе учениковъ: „иде, говоритъ Житіе, святить своихъ учениковъ". Такимъ образомъ мысль о посвященіи учениковъ предшествовала мысли о путешествіи въ Римъ, предшествовала *вызову* въ Римъ, слѣдовательно имѣла самостоятельное значеніе у Константина и предполагалась къ осуществленію въ Венеціи.

шій путь. Какъ прежде въ Хазаріи, такъ и теперь св. братья не взяли ни отъ Ростислава ни отъ Коцела ни золота, ни серебра, ни другой какой вещи, держась во всемъ евангельскаго слова о проповѣдникахъ, а только испросили у обоихъ князей свободу 900 плѣнныхъ. Эти плѣнные были, по всей вѣроятности, преимущественно изъ Болгаръ, которые предъ тѣмъ, въ качествѣ союзниковъ нѣмцевъ, находились въ войнѣ съ Моравлянами.

Въ Венеціи св. братья встрѣтили не то, чего ожидали. Здѣсь собрались на св. Константина латинскіе епископы, іереи и монахи, какъ „вороны на сокола“. Соборъ этотъ съ участіемъ *нѣсколькихъ* епископовъ былъ, видно, не случайный, а вызванный разнесшеюся молвою о неслыханномъ дотолѣ нововведеніи, учиненномъ восточными пришельцами — учителями въ Моравіи. Предсѣдательствовалъ на этомъ неразумномъ соборѣ, конечно, не кто другой, какъ венеціанскій митрополитъ — патріархъ Виталисъ Партиципаццо, уже знавшій о спорѣ между папой Николаемъ и Фотіемъ, между Римомъ и Византіей, что также могло не остаться безъ вліянія на не благосклонный пріемъ, оказанный Виталисомъ восточнымъ учителямъ, прибывшимъ изъ Моравіи [1]). Но главнымъ предметомъ нападокъ Венеціанскаго собора на Константина были его славянскія богослужебныя книги. „Скажи, говорили ему на соборѣ, зачѣмъ это ты подѣлалъ славянскія книги, которыхъ доселѣ не изобрѣтали ни апостолы, ни папа римскій, ни Григорій богословъ, ни Іеронимъ, ни Августинъ [1])? Мы знаемъ только три языка, на которыхъ

---

[1]) Виталисъ приглашаемъ былъ въ 863 г. папою Николаемъ I на соборъ въ Римъ по дѣлу Фотія. Папа писалъ, чтобы Виталисъ или самъ прибылъ или прислалъ своихъ епископовъ—суффрагановъ. Виталисъ въ письмѣ къ нему папы называется *градепскимъ патріархомъ*; градепско-венеціанскую каѳедру онъ занималъ до 873 г. въ которомъ умеръ (Patr. Latin. ap. Migne. T. 119, p. 867—8. Также: Gfrörer, Geschichte Venedigs p. 185—198).

[2]) Было говорено уже, что и западные соборы VIII и IX в. допускали, даже требовали, чтобы обученіе молитвамъ, символу вѣры совершалось для простонародія на народномъ языкѣ. Соборъ венеціанскій возражаетъ не противъ

можно славословить Бога въ *книгахъ*: это языки—еврейскій, греческій и римскій".—„Константинъ отвѣчалъ: не для всѣхъ ли отъ Бога дождь, не для всѣхъ ли солнце? Не всѣ ли равно дышемъ однимъ воздухомъ? Какъ же не стыдитесь вы допускать только три языка, а прочимъ народамъ велите быть глухими и слѣпыми? Хотите вы сдѣлать Бога немощнымъ или завистливымъ, т. е. будто Онъ не можетъ или не хочетъ дать людямъ славить Его роднымъ языкомъ? Мы напротивъ знаемъ много народовъ, которые имѣютъ грамоту и службу Божію на своемъ родномъ языкѣ, какъ-то: армяне, иверы (грузины), готѳы, хазары, арабы, египтяне и др. Убѣдитесь еще отъ Писанія. Давидъ говоритъ: Хвалите Бога вси языцы, похвалите Его вси людіе (116, 1). А въ Евангеліи св. Іоаннъ говоритъ, что всѣмъ вѣрующимъ дана власть или право быть чадами Божіими, слѣдовательно всѣмъ имъ дано право взывать къ Богу, какъ къ общему Отцу, на какомъ языкѣ кто можетъ. И Спаситель

этого, а противъ *всего богослуженія* на народномъ языкѣ, противъ *книгъ* богослужебныхъ, данныхъ Константиномъ славянамъ. Ссылки собора на апостоловъ и проч. обличаютъ наивное невѣжество членовъ собора. Въ частности, ссылки на Іеронима и Августина объясняются славою на западѣ этихъ латинскихъ отцовъ, изъ коихъ первый былъ и переводчикомъ свящ. Писанія на латинскій языкъ, а второй извѣстенъ и тѣмъ, что распредѣлялъ церковныя чтенія изъ свящ. Писанія для богослужебныхъ дней. Ссылка на Григорія Богослова также объясняется славою его, какъ восточнаго учителя, а можетъ быть и большею извѣстностію его писаній, имѣвшихъ и педагогическое значеніе. Но возражатели забыли о св. Златоустѣ, слова котораго мы приведемъ здѣсь, такъ какъ эти слова, по всей вѣроятности, имѣлъ въ виду Константинъ въ своемъ отвѣтѣ возражателямъ. Въ 399 г., въ недѣлю послѣ Пасхи, св. Златоустъ служилъ въ церкви Готовъ, которыхъ было много въ полкахъ импер. Аркадія, и приказалъ, чтобы во время службы, какъ чтенія изъ свящ. Писанія, такъ и проповѣдь были на готскомъ языкѣ. По окончаніи службы святитель сказалъ: „Желалъ бы я, чтобы здѣсь присутствовали Эллины, и, слыша, что здѣсь читалось, поняли, какова сила Распятаго... Вѣщанія рыбарей сіяютъ свѣтлѣе солнца, и не въ Іудеѣ только, а и у этихъ варваровъ на ихъ языкѣ, какъ вы слышали теперь: Скиѳы, Ѳраки, Сарматы, Мавры, Индѣйцы, и обитающіе на краю свѣта, любомудрствуютъ, переведши, каждый, на свой языкъ Слово Божіе". Chris. T. XII. p. 371—3.

сказалъ ученикамъ: идите, научите всѣ народы, слѣдовательно всѣ народы призваны знать ученіе Христово и исповѣдать Его своимъ языкомъ. Между знаменіями для вѣрующихъ Онъ поставилъ и то, что они будутъ говорить новыми языками, чтобы такимъ образомъ славился Христосъ на всѣхъ языкахъ, для всѣхъ и у всѣхъ народовъ. А вамъ, смѣло и строго выразился Константинъ, вамъ я готовъ бы сказать: горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что затворяете царство небесное человѣкамъ... вы взяли ключъ разумѣнія; сами не вошли, и входящимъ воспрепятствовали (Матѳ. 23, 13; Лук. 11, 52). Но послушайте еще св. Павла: если я прійду къ вамъ, братіе, и стану говорить на незнакомыхъ языкахъ, то какую принесу вамъ пользу, когда не изъяснюсь?... Если вы произносите невразумительныя слова, то какъ узнаютъ, что вы говорите? Вы будете говорить на вѣтеръ... И если я не разумѣю значенія словъ говорящаго, то я для него чужестранецъ и онъ для меня—чужестранецъ. Если ты будешь благословлять духомъ (т. е. про себя, на непонятномъ для народа языкѣ), то стоящій на мѣстѣ простолюдина, какъ скажетъ: аминь, при твоемъ благодареніи? Ибо онъ не понимаетъ, что ты говоришь. Въ церкви хочу лучше пять словъ сказать умомъ моимъ—на знакомомъ языкѣ, чтобъ и другихъ наставить, нежели тму словъ на незнакомомъ языкѣ (1 Кор. 14, 6, 9; 16, 19). Этими сильными обличеніями и вразумленіями Константинъ, повидимому, не успѣлъ одолѣть предразсудковъ латино-венеціанскаго духовенства. Послѣ этого не могло быть болѣе рѣчи и о посвященіи въ Венеціи его учениковъ. Св. братьямъ не оставалось другаго исхода, какъ искать защиты своему дѣлу въ Римѣ, гдѣ между тѣмъ папа Николай уже свѣдалъ о нихъ, и куда онъ и позвалъ ихъ. Это было до ноября 867 года.

Ко времени этого вызова отношенія между Царьградомъ и Римомъ значительно измѣнились. Папа Николай, далѣе своихъ предмѣстниковъ простершій притязанія на главенство или верховную власть своей каѳедры въ церкви, воспользовался дѣломъ Игнатія и Фотія, что-

бы выставить себя верховнымъ судьею въ церкви и потребовать отъ Византіи возвращенія Иллирійскихъ епархій съ Солунскою митрополіею, считавшеюся нѣкогда какъ бы намѣстничествомъ римскаго епископа. Неудовлетворенный въ этихъ притязаніяхъ, Николай созвалъ въ Римѣ въ 863 г. соборъ, на которомъ Фотій объявленъ лишеннымъ сана и отлученнымъ, объявлены такими рукополагавшіе и рукоположенные имъ другіе сторонники его и противники Игнатія. Въ отвѣтъ на это императоръ Михаилъ въ 864 г. написалъ рѣзкое и бранное письмо къ папѣ, на которое не замедлилъ тѣмъ же отвѣчать и папа, и затѣмъ отношенія между Царьградомъ и Римомъ прекратились на нѣсколько лѣтъ. Въ эту пору послѣдовало крещеніе Болгарскаго царя Бориса (853 или 856—888). Ко времени Бориса Болгаре, тюркскіе пришельцы изъ за Волги, господствовавшіе надъ придунайскими славянами уже около 170 лѣтъ, успѣли ославяниться и образовать сильное славянское государство. Подавленное или ослабленное съ приходомъ ихъ, какъ язычниковъ, христіанство, стало съ теченіемъ времени вновь распространяться уже среди славянъ и самихъ Болгаръ и особенно при воинственномъ Крумѣ чрезъ плѣнныхъ грековъ и славянъ, уводимыхъ въ Болгарію Крумомъ, а послѣ Крума чрезъ плѣнныхъ Болгаръ, принимавшихъ христіанство въ Царьградѣ и возвращенныхъ въ Болгарію. То и другое продолжалось и при Борисѣ. Но Борисъ, подготовленный къ христіанству указанными случайными проповѣдниками, находившійся то въ мирныхъ, то въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ Византіею на Востокѣ и нѣмецкимъ королевствомъ на западѣ, уже самъ пришелъ къ мысли о принятіи христіанства и насажденіи его въ Болгаріи. Виды на обращеніе его возымѣлъ нѣмецкій король Лудовикъ, привлекавшій его къ союзу съ собою во время своей войны съ Ростиславомъ Моравскимъ, въ какомъ союзѣ и застаемъ Бориса въ 863 г.[1]).

[1]) Подъ этимъ годомъ впервые упоминаетъ объ этомъ союзѣ Фульдская лѣтопись ар. Pertz. Т. I. Сн. Голубинскаго въ Исторіи церквей Болгарской и

Въ маѣ 864 г. Лудовикъ уже высказывалъ папѣ Николаю надежду, что Болгарскій царь хочетъ обратиться къ вѣрѣ, прибавляя, что многіе изъ его народа уже христіане, за что папа благодарилъ Бога. Въ августѣ предъ походомъ своимъ на Ростислава Моравскаго Лудовикъ имѣлъ переговоры съ послами Бориса въ Тульнѣ на Дунаѣ съ цѣлію обезпечить себя со стороны Болгаріи во время предстоящей войны. И по поводу этого въ Бертинской лѣтописи (Гинкмара) говорится опять, что Болгарскій царь обѣщалъ сдѣлаться христіаниномъ. Но не латино-нѣмецкому Западу, а Востоку дано было совершить обращеніе Болгарскаго князя. Въ концѣ 864 или въ первыхъ мѣсяцахъ 865 г. Борисъ, во время постигшаго Болгарію голода, сдѣлалъ вторженіе въ имперію, чтобы добыть хлѣба добычею; возможно, что это вторженіе было послѣдствіемъ и внушеній нѣмецкаго короля Лудовика, который, имѣя дѣло съ Ростиславомъ Моравскимъ, искавшимъ союза съ Византіею, желалъ затруднить для послѣдней помощь Моравіи: Греки неожиданно предложили Борису дары и миръ на выгодныхъ условіяхъ. Едва ли ошибемся, предположивъ, что добрымъ совѣтникомъ правительства въ дѣлѣ союза съ Борисомъ Болгарскимъ былъ патріархъ Фотій, старавшійся воспользоваться этимъ для успѣховъ христіанства въ Болгаріи. По заключеніи союза Борисъ принялъ крещеніе въ 865 г. подъ самымъ Константинополемъ, причемъ императоръ Михаилъ былъ его воспріемникомъ, давъ ему и свое имя, а патріархъ Фотій совершилъ крещеніе Бориса и преподалъ ему обширное письменное наставленіе въ вѣрѣ, исполненное глубокихъ и свѣтлыхъ мыслей, но едва ли достаточно вразумительное для новокрещеннаго князя. Къ сожалѣнію, замѣшательства въ Византіи и Болгаріи грозили разстроить заключенный полити-

---

проч. стр. 238. На этомъ сочиненіи, также на соч. г. Лавровскаго о Кириллѣ и Меѳодіѣ (Харьковъ 1862 г.) преимущественно и основано то, что говорится здѣсь и далѣе объ отношеніяхъ Бориса къ нѣмцамъ и Риму и времени крещенія его.

ческій и религіозный союзъ ихъ. Въ Болгаріи послѣдовало возстаніе язычниковъ противъ Бориса, которое онъ принужденъ былъ смирять силою и жестокою расправою. Затѣмъ въ Болгарію проникли разные учители, въ числѣ ихъ сектанты Павликіане, возмущавшіе юныхъ христіанъ. Между тѣмъ Борисъ, принявъ христіанство отъ Византіи, стремился оградить церковную самостоятельность страны, имѣть свою іерархію даже съ патріархомъ. Послѣдняго греки не могли ему дать; не поспѣшили они дать Болгаріи и епископовъ, а дали пока только священниковъ. Придворныя смуты мѣшали Византіи заняться устройствомъ Болгарской церкви. Варда, нѣкогда погубившій невиннаго Ѳеоктиста, самъ былъ убитъ по приказанію Михаила и наущенію Василія Македонянина (въ 866 г.), который объявленъ кесаремъ и соправителемъ императора. Охладѣвъ къ союзу съ Византіею, Борисъ въ августѣ отправляетъ посольство къ папѣ въ Римъ и къ Лудовику нѣмецкому въ Регенсбургъ съ просьбою прислать епископа и священниковъ. Сверхъ того Болгаре прислали папѣ свитокъ съ 106 вопросами, прося рѣшенія ихъ; въ числѣ ихъ былъ вопросъ и о томъ, могутъ ли Болгаре имѣть своего митрополита и даже патріарха. Папа скоро, а именно въ ноябрѣ 866 г. отправилъ въ Болгарію двухъ епископовъ Павла Авконскаго и Формоза портуэнскаго для принятія Болгаріи подъ власть папы, насажденія христіанства и поставленія священниковъ, передавъ чрезъ нихъ и отвѣты на 106 вопросовъ. Прибывъ въ Болгарію, папскіе епископы тотчатъ стали вытѣснять греческое духовенство и ученіе и обряды, а вводить латинское, какъ символъ съ filioque, отвергали мѵропомазаніе, совершаемое священниками, и вторично мѵропомазывали, предписывали постъ въ субботу, внушали отвергаться женатыхъ священниковъ, какъ недостойныхъ, и т. под. Лудовикъ нѣмецкій тоже прислалъ Борису епископа Емерика и съ нимъ священниковъ и діаконовъ, которыхъ однако отпустили назадъ, какъ уже ненужныхъ. Осенью 867 г. Бо-

рисъ вторично отправилъ посольство въ Римъ, прося, чтобы на мѣсто удаленныхъ греческихъ священниковъ присланы были священники изъ Рима, чтобы одинъ изъ бывшихъ легатовъ Формозъ поставленъ былъ въ санъ независимаго архіепископа Болгаріи. Папа отказалъ Борису въ Формозѣ, но избралъ много священниковъ для отправленія въ Болгарію, назначивъ къ нимъ двухъ епископовъ—Доминика тривенскаго и Гримоальда полимартіенскаго, которыхъ впрочемъ не успѣлъ отправить за своею смертію, и которые отправились въ Болгарію уже при преемникѣ его Адріанѣ II. Вмѣстѣ съ первыми своими легатами въ Болгарію Павломъ и Формозомъ папа отправилъ было посольство въ Константинополь изъ епископа Доната, священника Льва и діакона Марина съ письмами къ императору, императрицѣ Ѳеодорѣ, Евдокіи (женѣ Михаила), Вардѣ, Игнатію и Фотію и всѣмъ восточнымъ митрополитамъ и епископамъ съ повтореніемъ своихъ требованій, къ императору въ частности съ требованіемъ уничтожить послѣднее оскорбительное письмо къ нему, грозя въ противномъ случаѣ сжечь его на общее посрамленіе, а патріарховъ требуетъ къ себѣ на судъ. На границѣ Болгаріи и имперіи пограничный начальникъ Ѳеодоръ, по приказу изъ Византіи, поворотилъ пословъ назадъ, сказавъ: imperator noster vos necessarios jam non habet. Болгарское дѣло дало новое возбужденіе несогласію между Царьградомъ и Римомъ. При слухѣ о дѣйствіяхъ папскихъ легатовъ въ Болгаріи, Фотій разослалъ окружное посланіе съ изложеніемъ римскихъ нововведеній и дѣйствій въ Болгаріи и съ призывомъ на соборъ. Соборъ составился въ маѣ 867 г., и на немъ осуждены нововведенія римскія и папа преданъ отлученію и проклятію. Это чрезвычайно огорчило и раздражило папу. Въ октябрѣ онъ сообщалъ о томъ западнымъ епископамъ, особенно Гинкмару реймскому, и приглашалъ ихъ отразить обвиненія Грековъ, а короля Карла просилъ содѣйствовать въ томъ своимъ епископамъ. И вотъ въ моментъ этого крайняго напряженія несогласій между Римомъ и Царьгра-

домъ послѣдовалъ вызовъ въ Римъ Константина и Меѳодія. Оба житія св. братьевъ говорятъ, что папа самъ позвалъ ихъ въ Римъ, посылалъ звать и звалъ потому, что увѣдалъ о нихъ и, какъ говоритъ житіе Меѳодія, желалъ видѣть ихъ, яко ангела Божія. Итальянская легенда прибавляетъ, что папа Николай, съ большою радостію услышавъ о томъ, что ему донесено было о св. братьяхъ, повелѣлъ и своимъ письмомъ пригласилъ ихъ въ Римъ. А по моравской легендѣ, кромѣ радости, у папы возбудилось и удивленіе тому, что св. братья ввели службу на народномъ языкѣ. Намъ нѣтъ нужды отступать отъ прямаго смысла этихъ свидѣтельствъ. Папа, заслышавъ о св. братьяхъ, о ихъ апостольской дѣятельности, могъ желать видѣть ихъ именно какъ людей особенныхъ, достойныхъ его вниманія и полезныхъ для церкви вообще. Въ тоже время занятый планами объ утвержденіи р.-католическаго христіанства въ Моравіи и привлеченіи къ нему Болгаръ, отторгаемыхъ имъ отъ Византіи, онъ расчитывалъ руками св. братьевъ достичь осуществленія своихъ плановъ въ томъ или другомъ отношеніи, не предрѣшая пока вопроса о славянской службѣ, его удивлявшей, и предоставляя себѣ распорядиться ею потомъ. Сами св. братья не затруднялись послушать призыва папы. Естественно, что только у римскаго папы, главы латино-нѣмецкой іерархіи, приходилось имъ теперь искать защиты своему дѣлу отъ нападокъ со стороны послѣдней, тѣмъ болѣе, что и Моравскій князь въ борьбѣ своей съ нѣмцами нуждался въ союзѣ съ Римомъ, при невозможности въ данное время получить поддержку отъ Византіи. Несомнѣнно, что св. братья руководились и уваженіемъ къ авторитету римской каѳедры, какъ апостольской и первенствующей на западѣ, съ которою, при мирныхъ отношеніяхъ, почтительно сносились и восточные патріархи. А зашедшій въ послѣдніе годы разрывъ между Византіею и Римомъ могъ оставаться имъ и не вполнѣ извѣстнымъ. Да и вообще, занятые своимъ св. дѣломъ, они были выше всякихъ распрей и столкновеній

властолюбія, которыя все еще казались только временными и не достойными того, чтобы останавливать подвигъ св. братьевъ, посвященный высшему христіанскому благу народовъ и славѣ Божіей. Чистая совѣсть и бывшая съ ними святыня мощей св. Климента, какъ драгоцѣнный даръ Риму, давали имъ надежду на благосклонный пріемъ въ Римѣ. Впрочемъ св. братья не слишкомъ спѣшили въ Римъ, такъ что ихъ не дождался папа Николай, скончавшійся 11 ноября 867 г. Они прибыли уже при его преемникѣ Адріанѣ II, вступившемъ на престолъ чрезъ мѣсяцъ по смерти Николая, а именно 14 декабря, но прибыли уже въ 868 г. [1]). Услышавъ, что св. братья несутъ мощи св. Климента, папа вышелъ имъ на встрѣчу за городъ съ римскимъ клиромъ и народомъ, съ крестомъ и свѣчами. Торжественное внесеніе мощей въ городъ ознаменовано, по житію Константина, разными чудесами. Благосклонно принялъ папа отъ св. братьевъ и славянскія книги, освятилъ ихъ и положилъ въ церкви св. Маріи, называемой Фанти, т. е. S. Mariae ad praesepe (ясли), и по этимъ книгамъ пѣли литургію. Потомъ папа повелѣлъ епископамъ Формозу и Гаудерику посвятить славянскихъ учениковъ, приведенныхъ св. братьями, и были посвящены три священника и два анагноста (чтецы). По посвященіи, въ первый день пѣли славянскую литургію въ церкви св. Петра, гдѣ на алтарѣ положено было славянское евангеліе, въ другой — въ церкви св. Петрониллы,

---

[1]) Св. братья прибыли въ Моравію въ пол. 863 г.; въ Моравіи, по Житію Константина, пробыли 3 года и 4 мѣсяца, т. е. приблизительно до ноября 866 г. Итальянская легенда считаетъ не три года и 4 мѣсяца, а 4 года съ половиною до путешествія ихъ въ Римъ. Эти лишніе годъ и два мѣсяца, если принять ея свидѣтельство, должны падать на пребываніе св. братьевъ въ Панноніи, гдѣ, и по Житію Константина, должны были провесть не малое время, ибо учили 50 учениковъ, ввѣренныхъ имъ Коцеломъ, затѣмъ на путешествіе въ Венецію и пребываніе въ ней. Присоединяя эти годъ и два мѣсяца къ времени съ ноября 866 г., получаемъ конецъ 867 или начало 868 г., какъ время прибытія св. братьевъ въ Римъ. Послѣднее согласно съ другими данными для опредѣленія этого времени—у Горскаго и Лавровскаго.

въ третій—въ церкви св. Андрея; затѣмъ пѣли еще ночью литургію въ церкви учителя народовъ св. Ап. Павла надъ его гробомъ, при чемъ участвовали въ служеніи епископъ Арсеній, одинъ изъ седми кардиналовъ, и Анастасій библіотекарь. Радовались этому св. братья и славили Бога. Но чѣмъ объясняется такой благосклонный пріемъ славянскихъ книгъ и славянскаго богослуженія папою и другими въ Римѣ? Прежде всего тѣмъ, чѣмъ объясняется въ житіяхъ торжественная встрѣча св. братьевъ, сдѣланная ради несомой ими святыни мощей. Пріобрѣтеніе св. мощей, особенно мощей святыхъ мужей первыхъ временъ христіанства, считалось величайшимъ пріобрѣтеніемъ, достигаемымъ въ тѣ вѣка, какъ показываютъ многіе примѣры, цѣною великихъ усилій и жертвъ. Святыня мощей Климента, ученика апостольскаго, одного изъ первыхъ римскихъ епископовъ, открытая и принесенная братьями изъ дальней окраины Востока, была такимъ необыкновеннымъ даромъ для папы и Рима, который настраивалъ не только къ радостной признательности къ св. братьямъ, но внушалъ благоговѣніе къ нимъ, какъ ангеламъ Божіимъ по выраженію Житія, какъ св. избранникамъ, свыше удостоеннымъ открыть и принесть такую святыню, какъ орудіямъ благословенія Божія, посылаемаго городу въ святынѣ мощей. Мыслимо ли было не почтить и того плода трудовъ св. братьевъ, какимъ были ихъ славянскія книги, принесенныя вмѣстѣ съ святынею мощей? Затѣмъ и личными качествами своими св. братья не замедлили внушить къ себѣ общее уваженіе и даже удивленіе у лучшихъ людей въ Римѣ. Объ этомъ единогласно свидѣтельствуютъ отзывы всѣхъ болѣе древнихъ латинскихъ сказаній и отзывы отдѣльныхъ извѣстныхъ лицъ. Такъ Анастасій библіотекарь папскаго двора, извѣстный своею ученостію и значеніемъ въ церковныхъ дѣлахъ того времени, близко знакомый съ Константиномъ, называетъ его въ своемъ предисловіи къ собору 869 г. и въ письмѣ къ Карлу Лысому человѣкомъ великимъ, благочестивымъ, вы со-

кимъ учителемъ. Древнее славянское Житіе говоритъ, что къ Константину, какъ мудрецу, приходили многіе римляне слушать его бесѣды и объясненія по вопросамъ вѣры. Тоже говоритъ и современникъ Анастасій, прибавляя, что Константинъ имѣлъ обыкновеніе (solitus erat) объяснять на такихъ бесѣдахъ и творенія Діонисія Ареопагита, которыя изучалъ у него и самъ Анастасій, и потомъ въ 875 г. посылалъ въ переводѣ Карлу Лысому [1]). Приходилъ здѣсь къ нему на бесѣду даже еврей ученый, безъ сомнѣнія, услышавшій теперь о его странствіяхъ и преніяхъ съ евреями на далекомъ Востокѣ [2]). Вообще самая молва, ходившая теперь по Риму о далекихъ странствіяхъ и великихъ подвигахъ, совершенныхъ св. братьями, возбуждала общее любопытство и удивленіе къ нимъ, что все заставляло уважать и тотъ подвигъ ихъ, какимъ было созданое ими славянское богослуженіе. Но увы! Не смотря на всѣ эти знаки чествованія св. братьевъ и ихъ славянскихъ книгъ, нашлись въ латинскомъ духовенствѣ и противники ихъ, не могшіе одолѣть въ себѣ старыхъ предубѣжденій. Послышались въ Римѣ, какъ прежде въ Моравіи и Венеціи, толки болѣвшихъ треязычною ересью, будто богослуженіе можетъ быть отправляемо только на трехъ языкахъ Пилатовой надписи. Папа долженъ былъ предложить вопросъ на обсужденіе въ собраніи, гдѣ присутствовалъ и папа, куда призваны и св. братья для защиты своего дѣла. Константинъ въ своей защитѣ повторилъ то, что уже говорилъ въ Венеціи, и присовокупилъ, что славянскимъ богослуженіемъ онъ пріобрѣлъ Христу много народа. Папа и члены церковной коллегіи

[1]) О твореніяхъ Діонисія Ареопагита, переписанныхъ погречески и недавно переведенныхъ на латинскій ученымъ Іоанномъ Скоттомъ, говоритъ и папа Николай въ письмѣ къ Карлу Лысому отъ 867 г. (Patr. Latin. ap. Migne. T. 119 p. 1119). Видно, вопросъ объ этихъ твореніяхъ, ставшихъ извѣстными чрезъ переводъ Скота, занималъ въ данное время римскихъ богослововъ и книжниковъ.

[2]) Не съ этихъ ли поръ разнеслась между евреями, разсѣянными по Западу, вѣсть о Хазарскомъ іудействѣ?

(rectores ecclesiae), выслушавъ Константина, удивляясь его вѣрѣ и учености, послѣ тщательнаго разсужденія, постановили, что можно совершать славянское богослуженіе *въ тѣхъ странахъ* которыя онъ пріобрѣлъ Богу, а треязычниковъ папа осудилъ, даже проклялъ, повелѣвъ изречь сіе проклятіе одному епископу, который самъ предъ тѣмъ болѣлъ треязычною ересью. Скажемъ ли, какъ то обыкновенно говорятъ у насъ, что такое рѣшеніе папы и его коллегіи было неискреннимъ, вынужденнымъ? Зачѣмъ такъ? Не проще ли думать, что это рѣшеніе было въ умахъ папы и членовъ римской коллегіи проблескомъ свѣта, разсѣявшаго хотя на время мракъ предубѣжденія, было озареніемъ истины, услышанной отъ св. братьевъ, подъ неотразимымъ вліяніемъ которой они искренно говорили то, что говорили. Не устоитъ Римъ въ этой истинѣ, познанной чрезъ св. братьевъ, какъ не устоялъ онъ и въ другихъ истинахъ чистаго христіанства. Но то и будетъ роковымъ послѣдствіемъ сложившагося направленія римской церкви, отъ котораго можно было ей отрываться на время, но не навсегда, и при которомъ неизбѣжно было возвращеніе и старыхъ предубѣжденій, связанныхъ съ интересами исключительнаго господства римской церкви съ ея латынью, какъ символомъ этого господства, символомъ единообразія формъ церковной жизни, налагаемыхъ господствующимъ Римомъ. Уже теперь славянское богослуженіе разрѣшалось не вообще, а только для тѣхъ странъ, какія съ помощію его пріобрѣтены Богу св. братьями. Самая ограниченность разрѣшенія, хотя и искренняго, не давала надеждъ на твердость его въ будущемъ.

Около года прожили св. братья въ Римѣ. Въ эту пору произошли перемѣны въ Византіи и въ ея отношеніяхъ къ Риму. Императоръ Михаилъ, замышлявшій убить Василія Македонянина, убитъ былъ послѣднимъ 23 сентября 867 г. Ставъ самъ императоромъ, Василій 26 сентября устранилъ Фотія съ патріаршаго престола за то, какъ говорятъ, что патріархъ грозилъ не допустить его къ причастію, и

возвратилъ на престолъ Игнатія, торжественное возведеніе котораго и совершено 26 ноября. Вмѣстѣ съ тѣмъ Василій задумалъ уладить отношенія къ Риму. Въ сентябрѣ не задолго до вступленія Василія на престолъ отправленъ былъ въ Римъ Халкидонскій епископъ Захарія съ дѣяніями собора, бывшаго въ маѣ при Фотіѣ, для свѣденія Риму о состоявшемся на соборѣ осужденіи папы. Теперь Василій воротилъ Захарію съ дороги. Въ іюнѣ или іюлѣ 868 г. прибылъ въ Римъ отъ Василія посолъ съ извѣстіемъ еще отъ ноября прошлаго года о низложеніи Фотія и возведеніи Игнатія, столько угоднаго папѣ, а въ началѣ августа пришли въ Римъ и другіе послы отъ Василія и Игнатія съ дѣяніемъ бывшаго при Фотіѣ собора противъ папы, какъ побужденіемъ для папы принять участіе въ осужденіи Фотія и въ возстановленіи Игнатія. Папа удержалъ пословъ, поручилъ перевесть дѣянія собора на латинскій языкъ, чтобы подвергнуть ихъ обсужденію на соборѣ. Какъ приняли св. братья эти вѣсти, эти новыя смуты и соблазны, происходившіе, такъ сказать, на глазахъ ихъ, достигавшіе ихъ слуха,—неизвѣстно. Думаемъ, что и теперь они держали себя выше ихъ, и могли развѣ сожалѣть о судьбѣ, постигшей Фотія, нѣкогда учителя и друга Константина.

Кромѣ посольства изъ Царьграда было въ Римѣ во время пребыванія здѣсь св. братьевъ, и посольство Болгарское. Это было второе изъ упомянутыхъ выше болгарскихъ посольствъ въ Римѣ. Оно прибыло въ 868 году около того же времени, какъ прибыло и царьградское посольство. Во главѣ котораго стоялъ великокняжескій родственникъ боярин Петръ; съ этимъ-то посольствомъ возвратились и посланные папаю Николаемъ въ Болгарію епископы Формозъ и Павелъ, изъ коихъ первый по возвращеніи въ Римъ участвовалъ въ посвященіи учениковъ Константина и Меѳодія. Боярин Петръ былъ вообще весьма вліятельнымъ лицомъ въ Болгаріи и принималъ главное участіе во всѣхъ важнѣйшихъ сношеніяхъ Болгаръ съ Царьградомъ и Римомъ по дѣламъ церковнымъ. Совершен-

но естественно, что онъ свѣдалъ въ Римѣ и про св. братьевъ, о которыхъ былъ здѣсь общій говоръ, что занятый вопросами вѣры, онъ желалъ видѣть и видѣлъ дивныхъ учителей, съ которыми могъ говорить на родномъ языкѣ, что онъ видѣлъ посвященіе учениковъ ихъ, совершенное пріятелемъ болгарскаго князя, прибывшимъ въ Римъ вмѣстѣ съ Петромъ, Формозомъ, что затѣмъ слышалъ онъ и славянское богослуженіе, совершаемое въ нѣсколькихъ церквахъ, что слышали это и другіе Болгаре, бывшіе въ составѣ посольства. Также естественно, что и св. братья, знакомые съ единоплеменными болгарскимъ солунскими славянами, ревновавшіе о просвѣщеніи славянъ вообще, не опустили возможности сблизиться съ Болгарами, познакомить ихъ съ своими книгами и богослуженіемъ [1]). Необходимо думать, что это ознакомленіе, бывшее въ Римѣ, Болгаръ съ св. братьями и ихъ славянскими книгами не осталось безъ вліянія на послѣдующія отношенія Болгаръ къ Византіи, къ Риму и къ дѣлу св. братьевъ. Возможно предполагать, что вниманіе бывшихъ въ Римѣ Болгаръ къ св. братьямъ и къ ихъ дѣлу не осталось безъ вліянія и на папу, желавшаго своимъ покровительствомъ славянскому богослуженію расположить къ себѣ и Болгаръ для удержанія ихъ въ своей власти. Наконецъ и самые св. братья должны были найти утѣшеніе въ своемъ знакомствѣ съ Болгарами, дававшемъ надежду, что дѣло ихъ, затрудняемое на западѣ, найдетъ распространеніе и въ новообращенной славянской Болгаріи.

Когда были посвящены ученики Кирилла и Меѳодія, одобрено ихъ славянское богослуженіе, то этимъ и заканчивалось дѣло ихъ въ Римѣ. Но они остаются здѣсь еще

---

[1]) Если высказанное выше предположеніе, что освобожденные, *по просьбѣ Константина*, 900 плѣнныхъ въ Моравіи и Панноніи были преимущественно изъ Болгаръ, то это обстоятельство, ставъ теперь ближе извѣстнымъ болгарскому посольству, также внушало ему чувство признательности и почтительности къ виновнику освобожденія.

на нѣсколько мѣсяцевъ. Что ихъ удерживало здѣсь? Быть можетъ, собственное желаніе ихъ дождаться исхода происходившихъ на ихъ глазахъ сношеній Рима съ Царьградомъ и Болгаріей, а еще вѣроятнѣе—желаніе дождаться какихъ-либо болѣе положительныхъ рѣшеній объ устройствѣ церкви въ Моравіи и Панноніи, гдѣ остались у нихъ враги въ лицѣ нѣмецкой іерархіи. Но въ Римѣ не спѣшили сдѣлать что нибудь для св. братьевъ въ этомъ отношеніи. Гораздо болѣе заинтересованы были тамъ отношеніями къ Византіи и Болгаріи. Есть позднее извѣстіе, будто еще теперь Константинъ и Меѳодій поставлены были въ епископы; есть другое извѣстіе, что Константину предлагали епископство, но онъ отказался. Первое извѣстіе не оправдывается древними житіями ихъ и вообще лишено основаній. Послѣднее, также не имѣющее основанія въ житіяхъ, можетъ быть допущено, какъ вѣроятное, а отказъ Константина отъ епископства, если оно предлагалось ему, объясняется не только обычнымъ смиреніемъ его, но и болѣзненнымъ состояніемъ, постигшимъ его въ Римѣ.

Истомленный подвижническими и книжными трудами, далекими путешествіями, Константинъ еще предъ отправленіемъ изъ Царьграда въ Моравію говорилъ о себѣ, какъ утружденномъ и больномъ. Теперь послѣ около пятилѣтнихъ трудовъ онъ почувствовалъ себя сильно больнымъ и болѣлъ много дней. Въ болѣзни молитвенникъ утѣшенъ былъ небеснымъ видѣніемъ и въ духовной радости воспѣлъ: *о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень пойдемъ, возвеселися духъ мой, возрадовася сердце мое* (Пс. 121, 1). Поднявшись съ одра болѣзни, одѣвшись въ честныя ризы свои, пробылъ весь день въ духовномъ веселіи и говорилъ: „отселѣ я не слуга царю и никому другому на землѣ, а только Богу Вседержителю, какъ былъ я и всегда и есмь во вѣки, аминь“. Царь, упомянутый Константиномъ, есть безъ сомнѣнія царь Византійскій, и это упоминаніе о немъ даетъ видѣть, что и въ Моравіи и въ Римѣ Константинъ считалъ себя грекомъ цар-

ствующей Византіи, не смотря на все, что въ ней происходило при немъ и по удаленіи его оттуда, даетъ видѣть, что онъ считалъ себя совершающимъ службу, возложенную на него въ Византіи. Но выше всего ставилъ онъ эту службу, какъ службу Богу Вседержителю, слугою котораго былъ всегда и прежде всего. На слѣдующій день Константинъ облекся въ иночество съ именемъ Кирилла, при чемъ иноческое постриженіе могъ совершить для него скорѣе всего братъ Меѳодій, какъ бывшій игуменъ, теперь уже и священникъ. Въ иночествѣ онъ прожилъ еще 50 дней. Наступилъ часъ преставленія его. Простерши руки, Кириллъ со слезами молился: „Господи Боже мой, Создателю ангеловъ, неба, земли и всего, что есть въ нихъ! Ты всегда внемлешь боящимся Тебя и творящимъ волю Твою: внемли и моей смиренной молитвѣ. Сохрани вѣрное Тебѣ стадо, въ которому Ты приставилъ меня, недостойнаго раба Твоего. Избави его отъ поганскихъ злобъ и отъ навѣтовъ тѣхъ, которые держатся трязычной ереси. Возрасти церковь Твою множествомъ и повѣдающихъ Тебя и всѣхъ утверди въ единомысліи, вѣрѣ истинной, правомъ исповѣданіи и вдохни въ сердца ихъ слово Твоего усыновленія: Твой даръ они, и если Ты насъ недостойныхъ принялъ на проповѣданіе евангелія Твоего, то мы старались въ этомъ призваніи дѣлать доброе и угодное Тебѣ. Что Ты мнѣ далъ, то я передаю Тебѣ, какъ Твое. Устрой ихъ сильною десницею Твоей, покрой кровомъ крылъ Твоихъ, да всѣ восхваляютъ и славятъ имя Твое святое Отца, Сына и св. Духа, аминь“! А брата своего Меѳодія убѣждалъ не оставлять начатаго сообща дѣла для Славянъ и говорилъ ему: „мы, братъ, съ тобою были какъ пара воловъ,—и я, падая на грядѣ, кончаю свои дни. А ты любишь сильно гору (гдѣ въ монастырѣ жилъ Меѳодій); то, ради своей горы не оставляй нашего ученія: этимъ ты можешь еще лучше спастись“! Облобызавъ брата и учениковъ святымъ цѣлованіемъ, благословивъ Бога, избавителя и покровителя своего, Ки-

риллъ мирно почилъ о Господѣ 42 л. отъ роду, въ 14 день февраля 869 года.

По повелѣнію папы, погребальная служба надъ Кирилломъ должна была совершиться съ такимъ торжествомъ, какъ надъ самыми папами. На нее сошлись со свѣчами въ рукахъ не только греки, жившіе въ Римѣ, но и римляне. Но въ это время Меѳодій обратился къ папѣ съ такою просьбою: „когда мы выходили на наше служеніе, которое съ помощію Божіею и совершили, то мать взяла съ насъ обѣщаніе и клятву, чтобы тотъ изъ насъ братьевъ, кто переживетъ другого, взялъ тѣло усопшаго брата въ свой монастырь и тамъ похоронилъ". Папа внялъ просьбѣ, сказалъ положить тѣло Кирилла въ раку, забить ее желѣзными гвоздями, и такъ стояла она семь дней въ готовности къ пути съ Меѳодіемъ. Но римскіе епископы, поразсудивъ и потолковавъ между собою въ теченіи этихъ дней, собрались къ папѣ и сказали папѣ: „Такъ какъ его (Кирилла), ходившаго по столькимъ странамъ, Богъ привелъ сюда и здѣсь взялъ душу его, то здѣсь надлежитъ и похоронить его, какъ мужа достойнаго всякой чести". Папа сдался на этотъ совѣтъ и сказалъ: такъ теперь за его святую любовь похороню его въ церкви св. Петра въ моемъ гробѣ, хотя это и не въ обычаяхъ римскихъ. Приглашенный въ это собраніе, Меѳодій сказалъ: „если уже не послушали вы моей просьбы и не даете мнѣ тѣла брата, то пусть онъ положенъ будетъ въ церкви св. Климента, съ мощами котораго онъ пришелъ сюда". На это согласились и опять собрались епископы, черицы и всякіе люди, чтобы благочестно проводить раку съ тѣломъ почившаго въ церковь св. Климента. Когда хотѣли уже поставить раку въ назначенное для нея мѣсто, епископы сказали: „Отобьемъ гвозди раки и посмотримъ, цѣло ли тѣло, не взято ли что отъ него". Но какъ ни трудились, не могли отгвоздить раки, по Божію о семъ усмотрѣнію, замѣчаетъ „Житіе". И такъ вставили раку въ гробъ по правой сторонѣ алтаря въ церкви св. Кли-

мента. Скоро при гробѣ открылись чудеса, и римляне, видя это, стали еще болѣе почитать преподобнаго Кирилла, написали икону его надъ гробомъ, засвѣтили надъ нимъ неугасимую лампаду, хваля Бога, прославляющаго славящихъ его.

Сообщаемыя „Житіемъ“ обстоятельства погребенія Кирилла знаменательны. Они показываютъ, какое уваженіе возбудилъ къ себѣ въ столицѣ западно-христіанскаго міра смиренный Кириллъ своимъ высокимъ просвѣщеніемъ, своею святостію и славою своихъ апостольскихъ странствій и подвиговъ, другой примѣръ которыхъ едва ли могъ быть найденъ тогда въ современномъ христіанскомъ мірѣ. Ему, простому иноку, пришельцу изъ Греціи, устрояются похороны такіе, какъ самому папѣ, и папа хочетъ поставить гробъ его въ главномъ храмѣ Рима и западнаго христіанства, подлѣ гробовъ папъ, чтобы и самому почить подлѣ гроба св. мужа. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ правдивости разсказа объ этомъ Житія, который между тѣмъ находитъ оправданіе въ извѣстномъ свидѣтельствѣ современника и вліятельнаго при римской куріи Анастасія библіотекаря, въ своемъ отзывѣ о Кириллѣ, какъ мужѣ великой учености и великой святости, выражающаго общее представленіе, сложившееся о немъ въ средѣ всѣхъ, ближе знавшихъ тогда св. Кирилла въ Римѣ. Когда папа говорилъ: за его (Кирилла) святую любовь похороню его въ моемъ гробѣ, въ церкви св. Петра, то онъ разумѣлъ прежде всего христ. любовь, какую явилъ Кириллъ и въ подвигахъ своего служенія и святости и въ своихъ отношеніяхъ къ папѣ, и ко всѣмъ въ Римѣ, съ кѣмъ имѣлъ общеніе, велъ назидательныя бесѣды и т. под., ту широкую, всеобъемлющую любовь, какая вообще свойственна была св. Кириллу, какъ мужу духа Христова и апостольскаго. Но напрасно и даже неблагочестиво усиливаются нѣкоторые западные латинскіе и латино-славянскіе писатели съузить эту любовь, въ смыслѣ какой то исключительной любви къ Риму, *пристрастія* къ Риму, въ замѣнъ Византіи, ставшей будто бы уже не

любимою для Кирилла вслѣдствіе Фотіевой схизмы [1]). Нѣтъ никакого основанія къ такому эгоистическому толкованію любви Кирилла. Есть, напротивъ, основаніе прямо отвергать подобное толкованіе. Меѳодій просилъ не хоронить въ Римѣ почившаго брата его, а дать ему взять его и унесть въ свой монастырь, согласно клятвенному завѣту о томъ матери св. братьевъ. Само собою понятно, что Меѳодій говорилъ это согласно съ извѣстною ему мыслію почившаго брата, съ которымъ предъ его кончиною и вспоминалъ объ этомъ завѣтѣ. А это значитъ, что у Константина не было такого исключительнаго „прилѣпленія“ къ Риму, чтобы, вопреки завѣту матери, здѣсь предполагать для себя и мѣсто погребенія, что онъ и самъ желалъ быть похороненнымъ не въ Римѣ, а тамъ, гдѣ будетъ у Меѳодія свой монастырь, будетъ ли то монастырь въ Моравіи, Панноніи или тамъ, гдѣ прежде подвизались св. братья, т. е. подъ Олимпомъ. Понятно далѣе и настойчивое желаніе римскихъ епископовъ, чтобы тѣло Кирилла не было отдано брату, а погребено въ Римѣ. Гробы такихъ мужей, какъ св Кириллъ, ставшій знаменитостію, прославившій святымъ еще при жизни, считались тогда, какъ почти всегда и вездѣ, святынею, сокровищемъ для мѣста, города, удостоившагося имѣть ихъ. Возможно и то, что удержаніемъ въ Римѣ священныхъ останковъ святаго учителя славянскаго хотѣли привязать къ Риму новыя славянскія церкви Моравіи, Панноніи и др. Знаменательно и то, что Меѳодій, принужденный уступить требованію Римской куріи о погребеніи брата его въ Римѣ, не льстится предлагаемою честію похоронить брата въ самой каѳедральной церкви Рима, въ гробѣ самаго папы; а проситъ похоронить его въ церкви св. Климента, съ мощами котораго св. братья прибыли въ Римъ. Если послѣдняго мо-

---

[1]) Превратныя толкованія этими писателями факта погребенія Кирилла въ Римѣ достаточно разобраны и изобличены г. Лавровскимъ въ его соч. „Кириллъ и Меѳодій“... Харьковъ. 1864 г.

тива этой просьбы и было достаточно, то все же нельзя не предполагать въ ней и другихъ, такъ сказать, болѣе общихъ, но сокровенныхъ, мотивовъ. Здѣсь въ этой малой церкви Меѳодій могъ надѣяться имѣть болѣе свободный и удобный доступъ для молитвъ у гроба брата съ жившими въ Римѣ греками и славянскими учениками. Едва ли не питалъ онъ и той надежды, что изъ малой церкви Климента, легче чѣмъ изъ каѳедральной церкви, священные останки Кирилла могутъ быть *со временемъ*, при другихъ обстоятельствахъ, отпущены для перенесенія ихъ Меѳодіемъ *въ свой монастырь*, въ исполненіе завѣта матери. Римскіе епископы, по видимому, и теперь заподозривали Меѳодія или славянскихъ учениковъ св. братьевъ въ намѣреніи тайно похитить и унесть останки св. Кирилла. Они требуютъ *отвоздить* раку, чтобы посмотрѣть, цѣло ли тѣло почившаго и не взято ли что отъ него. Похищеніе мощей, также какъ и захватъ ихъ силою, напр. во время войны, въ видѣ военной добычи, были въ обычаѣ въ средніе вѣка, обусловливаясь представленіемъ о великой цѣнности такого сокровища, такой святыни. А въ останкахъ Кирилла чаялась уже чудодѣйственная святыня, какъ и это прямо даетъ видѣть житіе въ разсказѣ о чествованіи гроба римлянами, когда онъ поставленъ былъ въ церкви св. Климента. Въ данномъ случаѣ, предположеніе римскихъ епископовъ о возможности похищенія тѣла Кирилла или части отъ него, ведетъ къ мысли, что рѣчи объ останкахъ св. мужа не ограничились протестомъ Меѳодія, что и бывшіе въ Римѣ славянскіе ученики св. братьевъ высказывали сильное желаніе унесть ихъ въ Моравію или Панноніо [1]). Вмѣстѣ съ Меѳодіемъ они понимали, что гробъ

[1]) Рака св. Кирилла находилась въ первое время, конечно, тамъ, гдѣ онъ умеръ, гдѣ жилъ во время своего пребыванія въ Римѣ, жилъ не одинъ, а съ братомъ Меѳодіемъ и славянскими учениками. Семь дней находилась она въ рукахъ Меѳодія и славянскихъ учениковъ. У нихъ было время для повторительныхъ заявленій желанія увезть тѣло Кирилла въ Моравію или Панноніо. Но это же обстоятельство и вообще нахожденіе раки въ теченіи семи дней въ рукахъ Меѳодія и славянскихъ учениковъ и внушало римской куріи подозрѣнія въ возможности похищенія тѣла или части его изъ раки.

св. учителя былъ бы опорою для юной славянской церкви, какъ непрестанное напоминаніе о его ученіи, какъ источникъ благодатныхъ знаменій для нея. Въ такомъ случаѣ упорство римской куріи, не отдавшей славянамъ свящ. останковъ учителя, будетъ означать также нежеланіе ея, чтобы юная церковь славянская имѣла у себя на мѣстѣ такое напоминаніе о своемъ учителѣ, какъ учителѣ восточномъ, давшемъ ей въ славянскомъ богослуженіи и національномъ духовенствѣ опору ея самостоятельности. Было ли въ дѣйствительности основательно подозрѣніе римской куріи, т. е. доходили ли, если не Меѳодій, то славянскіе ученики его въ своемъ желаніи имѣть у себя на родинѣ останки Кирилла до рѣшимости похитить ихъ, сказать, конечно, нельзя. Извѣстенъ разсказъ позднѣйшей Моравской легенды о томъ, будто Меѳодій въ послѣдствіи похитилъ было гробъ Кирилла и везъ его въ Моравію, но принужденъ былъ съ одной стоянки возвратиться съ нимъ въ Римъ, потому что гробъ не двигался, а затѣмъ поднятая рука покойнаго указала на Римъ. Позднее происхожденіе легенды, возникшей во время господства латинства въ Моравіи, странности и хронологическія несообразности ея, лишаютъ ее значенія, въ смыслѣ историческаго свидѣтельства; но не лишенъ значенія общій смыслъ ея, указывающій на то, что Меѳодій и во время послѣдующихъ побывокъ своихъ въ Римѣ старался о перенесеніи гроба Кирилла въ Моравію, но не успѣлъ въ томъ вслѣдствіе упорства римской куріи, упорства эгоистическаго и расчетливаго, внушаемаго опасеніемъ, что въ святынѣ гроба Кирилла Мораво-Паннонская церковь найдетъ опору своей самостоятельности. Словомъ, почести, оказанныя Кириллу при его погребеніи въ Римѣ, не служили ручательствомъ за прочность добрыхъ отношеній Рима къ главному дѣлу славянскаго учителя и къ его славянской церкви. Это предчувствовалъ и самъ великій учитель, когда въ своей предсмертной молитвѣ не забылъ молиться и объ огражденіи своего новаго стада отъ козней приверженцевъ треязыч-

ной ереси. Эта молитва есть вмѣстѣ прекрасное произведеніе молитвеннаго творчества св. Кирилла.

Не оставилъ ли Кириллъ и другихъ своихъ твореній, какъ твореній учительскихъ"? Переводъ священно-богослужебныхъ книгъ есть достаточно великій подвигъ его учительства. Но можно ли думать, что великій учитель не восхотѣлъ оставить своимъ ученикамъ и другихъ, собственныхъ учительскихъ твореній? Подобная мысль сама по себѣ представляется уже не вѣроятною. А существованіе разныхъ учительныхъ писаній съ именемъ Константина философа или Кирилла славянскаго учителя не указываетъ ли на преданіе, что было *нѣчто* и въ письмени оставлено имъ, какъ памятникъ его учительства? Упомянемъ въ особенности о двухъ такого рода памятникахъ. Это, вопервыхъ, *азбуковая молитва* св. Константина философа:

Азъ словомъ симъ молюся Богу:
Боже всея твари Зиждителю,
Видимымъ и невидимымъ.
Господи, Духа посли живущаго,
Да вдохнетъ въ сердце ми слово,
Еже будетъ на успѣхъ всѣмъ,
Живущимъ въ заповѣдѣхъ Ти.
Зѣло бо есть свѣтильникъ жизни
Законъ Твой и свѣтъ стезямъ.
Иже ищетъ Евангельска слова
И проситъ дары своя пріяти.
Летитъ бо нынѣ къ и Славянско племя
Къ крещенію обратишася вси,
Люди твоя нарещися хотяще,
Милости Твоея, Боже, просятъ зѣло, и проч. [1]).

Критика имѣетъ полное основаніе приписывать эту молитву, въ настоящемъ видѣ ея, ученику св. братьевъ, Констан-

[1]) Молитва эта, извѣстная въ позднихъ спискахъ, издана у Бодянскаго (О происхожденіи слав. письменъ) и др.

тину Болгарскому, „имъ же и преложеніе бысть отъ греческаго языка въ Словенскъ тогоже сказанія евангельскаго“, т. е. продолженіе трудовъ по переводу евангелія, состоявшее или въ новомъ исправленіи его или въ большемъ приспособленіи его къ Болгаро-Славянскому нарѣчію. Важнѣйшимъ основаніемъ такого мнѣнія объ авторѣ азбуковой молитвы есть слѣдующее двухстишіе въ ней:

Шествую нынѣ по слѣду учителю,
Имени его и дѣлу послѣдуя.

Но почему же ученикъ не могъ слѣдовать имени и дѣлу учителя и въ самой молитвѣ, т. е. составить молитву по подобію и на основѣ извѣстной ему молитвы учителя? Константину не затрудняются приписывать усвоеніе извѣстныхъ названій буквамъ составленнаго имъ алфавита, такихъ названій, изъ сложенія которыхъ выходитъ мысль, какъ напр. азъ буки вѣди—я книги (отъ готск. boca, нѣм. Buch) знаю, рцы слово твердо и под. Если онъ хотѣлъ осмыслить названія буквъ, то могъ хотѣть освятить молитвеннымъ стихомъ какъ каждую букву, такъ всю азбуку. Вспомнимъ, что онъ приступалъ къ составленію азбуки *съ молитвою*, какъ приступалъ ко всякому дѣлу. Вспомнимъ наконецъ, что онъ имѣлъ первымъ учителемъ Григорія Богослова, воспитался прежде всего на его стихотворныхъ молитвенно-учительныхъ произведеніяхъ. А въ числѣ послѣднихъ есть именно азбуковое стихотвореніе:

Ἀρχὴν ἁπάντων καὶ τέλος ποιοῦ Θεὸν
Βίου τὸ κέρδος, ἐκβιοῦν καθ' ἡμέραν.
Γίνωσκε πάντα τῶν καλῶν τὰ δράμματα и проч. [1]).

Не естественно ли въ ученикѣ Григорія Богослова предположить наклонность къ подражанію учителю, какъ въ Константинѣ Болгарскомъ подражаніе Константину философу?

---

[1]) Patr. Graec. ap. Migne. T. 37. p. 907—910.

Существуетъ „написаніе о правой вѣрѣ, изученное Константиномъ блаженнымъ философомъ, учителемъ о Бозѣ словенскому языку", извѣстное въ одномъ только спискѣ болгарскаго сборника 1348 г.[1]).

Это написаніе или изложеніе вѣры начинается словами: „во имя Отца и Сына и Св. Духа. Константинъ *философъ* правовѣрно о истинномъ Бозѣ *учитель словенскій* исповѣдую подъ написанія"... А заключается такъ: Сице азъ вѣру исповѣдую и съ приснымъ моимъ братомъ Меѳодіемъ... и сію (вѣру) предаемъ мы своимъ ученикомъ, да такъ вѣруя спасутся". Изложеніе вѣры состоитъ изъ трехъ частей. Въ первой предлагается ученіе о св. Троицѣ, во второй о воплощеніи и въ третьей объ иконопочитаніи. Всѣ признаютъ высокое достоинство этого изложенія вѣры. Но принадлежность его Кириллу, признаваемая одними изслѣдователями, оспаривается другими[2]). Указываютъ на то, что исповѣданіе, судя по вступленію и заключенію, имѣетъ форму удостовѣрительныхъ изложеній вѣры, какія давались оффиціально. А въ такомъ изложеніи едва ли Константинъ могъ бы назвать самъ себя философомъ и учителемъ славянскимъ, и не назвалъ бы своего сана. Такія оффиціальныя изложенія вѣры давались каждымъ отъ своего лица отдѣльно, а не вмѣстѣ отъ двухъ, какъ здѣсь. Но, по нашему мнѣнію, нѣтъ необходимости видѣть въ „написаніи" оффиціально-удостовѣрительное изложеніе. Это именное *частное* его изложеніе, оставленное въ видѣ *завѣщанія* ученикамъ, какъ показываютъ начальныя слова: во имя Отца и Сына и Св. Духа, обычныя въ завѣщательныхъ наставленіяхъ, и—заключительныя, прямо указывающія на учениковъ, которымъ оставляется это за-

---

[1]) Изданное въ подлинникѣ Срезневскимъ въ его „Свѣденіяхъ и замѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ". Вып. IV, стр. 44—5.

[2]) Наиболѣе обстоятельныя возраженія противъ принадлежности Кириллу „написанія" высказаны Вороновымъ въ его соч. *Главнѣйшіе источники для исторіи св. Кирилла и Меѳодія.*

вѣщаніе. При такомъ болѣе прямомъ взглядѣ на характеръ „написанія“, уже теряютъ свое значеніе и другія возраженія противъ принадлежности его Кириллу, связанныя съ мыслію объ оффиціальномъ характерѣ этого изложенія вѣры, какъ даннаго будтобы предъ римскою церковью. Если Константинъ съ большею рѣшительностію и опредѣленностію излагаетъ ученіе о исхожденіи св. Духа, выражаясь—*отъ единаго Отца*, какое выраженіе въ такой опредѣлительной формѣ встрѣчаютъ еще только у Фотія, то вспомнимъ, что онъ проходилъ свое служеніе въ Моравіи въ виду нѣмецкой іерархіи, гдѣ Filioque въ данную пору особенно защищалось, какъ новый излюбленный догматъ, и гдѣ поэтому Константиномъ живо могла быть возчувствована надобность формулировать ученіе объ исхожденіи св. Духа съ полною опредѣленностію. Поводъ къ возраженіямъ находятъ еще въ слѣдующихъ словахъ „написанія“: „больша ли меньша нѣсть видѣти въ единосущнѣй Тройцѣ по существу или по Божеству, *да аріанское* неистовство угашу, отъ него же *и къ нему ми нынѣшняя брань*“. А въ другомъ мѣстѣ, въ трактатѣ о воплощеніи говорится: „аще ли же потреба есть и пространнее како о семъ объяти (объяснить) *за взникающая етера тщеглашенія нынѣ примышляющаяся*“,—и за тѣмъ пространно излагается ученіе о соединеніи во Христѣ двухъ естествъ и взаимномъ отношеніи между ними. Думаютъ, что это указываетъ на извѣстные въ XII в. въ Византіи споры и разглагольствія по поводу толкованія словъ: *Отецъ мой болій Мене есть*. Съ своей стороны замѣтимъ, что и Фотій занимался объясненіемъ этихъ словъ, что слѣд. и въ IX в. могли быть „тщеглашенія“ подобныя тѣмъ, на какія намекаетъ написаніе. Но главное не въ томъ: Константинъ писалъ свое завѣщательное наставленіе послѣ того, какъ наслышался среди нѣмцевъ и латинянъ на западѣ о тогдашнихъ ихъ тщеглашеніяхъ. Это тщеглашенія, бывшія отголоскомъ громкихъ споровъ Іоанна Скотта, Гикмара, Годешалка и др. и въ частности споровъ о filioque. Слѣдуетъ замѣтить, что

filioque явилось на западѣ, какъ оружіе противъ готскаго аріанства и испанскаго адопціанства, граничившаго съ тѣмъ же аріанствомъ, что поэтому восточныхъ противниковъ filioque на западѣ, по невѣжеству, наклонны были подозрѣвать въ аріанствѣ, что самое богослуженіе на народномъ языкѣ, введенное Кирилломъ, какъ напоминавшее богослуженіе готское, могло служить новымъ поводомъ для *нѣкоторыхъ* латинянъ запада попрекать его, какъ будтобы подражателя готовъ-аріанъ. Наконецъ прямое свидѣтельство Житія Меѳодія о томъ, что его преслѣдовали страдавшіе *Іопаторскою ересью* (т. е. ученіемъ о filioque) даетъ новое подкрѣпленіе мысли, что такія преслѣдованія касались въ свое время и Константина, что это именно и разумѣлъ онъ, когда говорилъ: „да аріанское неистовство угашу, отъ него же и къ нему ми нынѣшняя брань“. Неистовство это состояло въ попрекахъ со стороны іопаторовъ восточнымъ учителямъ въ сочувствіи аріанству за противленіе ихъ ученію. Не останавливаясь на другихъ, менѣе важныхъ возраженіяхъ противъ принадлежности Кириллу „написанія о правой вѣрѣ“, принимаемъ это написаніе, какъ доказательство и его вѣрности восточному православію и его заботливости о своихъ ученикахъ и даже о своемъ братѣ, которому оставлялъ онъ этотъ драгоцѣнный даръ вмѣстѣ съ завѣтомъ продолжать начатое совмѣстно служеніе.

V. Оставшись одинъ по смерти брата, Меѳодій думалъ теперь лишь о томъ, чтобы исполнить предсмертную просьбу брата и продолжать его подвигъ христіанскаго просвѣщенія славянъ. Въ Римѣ не спѣшили его отпустить. Вниманіе римскаго двора занято было теперь дѣлами съ Царьградомъ и Болгаріею. Первыя принимали благопріятный для Рима оборотъ, вслѣдствіе извѣстнаго уже намъ посольства изъ Царьграда съ примирительными предложеніями и съ дѣяніями собора 867 г., отдаваемыми на судъ Рима въ видахъ пріобрѣсть содѣйствіе его въ дѣлѣ низложенія Фотія. Послѣ перевода этихъ дѣяній на латинскій языкъ и обсужденія ихъ,

въ маѣ или началѣ іюня 869 г. составился въ Римѣ, въ церкви св. Петра соборъ въ присутствіи 30 епископовъ и на немъ прежде всего отвергнутъ Константинопольскій соборъ 867 г., дѣянія его, принесенныя изъ Царьграда, сожжены; Фотій осужденъ и отлученъ съ тѣмъ, что если онъ покорится соборному приговору, то можетъ быть принятъ въ общеніе съ церковью, какъ мірянинъ; а за этимъ рѣшено, что всѣ, подписавшіеся подъ опредѣленіями собора 867 г., могутъ быть снова приняты въ лоно церкви, только подъ условіемъ исправленія. Въ іюнѣ отправлено изъ Рима въ Царьградъ посольство съ опредѣленіями только-что оконченнаго римскаго собора и съ письмами отъ папы къ императору и Игнатію. Въ составѣ посольства, кромѣ двухъ епископовъ и діакона, находился и Анастасій библіотекарь, бывшій ученый собесѣдникъ и глубокій почитатель Константина, но теперь сильный врагъ Фотія [1]). Большія надежды возлагались въ Римѣ на это посольство. Папа въ письмахъ къ императору и Игнатію властно требовалъ, чтобы въ Константинополѣ составился большой соборъ подъ предсѣдательствомъ легатовъ его для умиренія церкви, согласно рѣшеніямъ римскаго собора, и признанія правъ римской каѳедры. Посольство дѣйствительно принято въ Царьградѣ съ честію и въ октябрѣ 869 г. составился соборъ, продолжавшійся до начала марта 870 г. на которомъ осужденъ Фотій

---

[1]) Въ посольствѣ были епископы: Донатъ, еп. Остійскій, Стефанъ, еп. нетійскій и діаконъ Маринъ, бывшій предъ тѣмъ въ Болгаріи, впослѣдствіи— папа этого имени. Анастасій библіотекарь прибылъ впрочемъ позже, собственно въ качествѣ посла, для переговоровъ по брачному дѣлу, между двумя императорскими домами: нѣмецкимъ и константинопольскимъ. Онъ однакоже принималъ участіе въ двухъ послѣднихъ засѣданіяхъ собора, о которомъ ниже, и какъ знатокъ греческаго языка, повѣрялъ переводъ папскихъ буллъ на греческій языкъ. Какъ знатокъ греческаго языка, онъ могъ свободно наговориться съ противниками Фотія въ Византіи, и здѣсь-то въ данное время собралъ приведенные нами выше разсказы ихъ о Фотіѣ. Болѣе обстоятельное изложеніе разсказываемыхъ событій даннаго времени можно видѣть въ цитованныхъ выше сочиненіяхъ г.г. Лавровскаго, Лебедева и др., а изъ грековъ у Папарригопуло IV. 325—340.

въ угоду Риму, но не въ угоду его рѣшено болгарское дѣло. Болгарское посольство, прибывшее съ бояриномъ Петромъ въ 868 г., оставалось въ Римѣ до начала 869 г., внушая опасенія папѣ. Болгарскій князь, недовольный отказомъ папы дать Болгаріи архіепископа въ лицѣ Формоза, отослалъ назадъ присланнаго вмѣсто его еп. Сильвестра, отправилъ и прежде присланнаго Доминика и рѣшительно требовалъ прислать Формоза или Марина или кого-либо изъ кардиналовъ. На это требованіе папа отвѣчалъ, что дастъ кого угодно, только не Формоза и не Марина. Когда съ этимъ отвѣтомъ возвратился изъ Рима въ Болгарію Петръ въ началѣ 870 г., то князь Борисъ-Михаилъ немедленно отправилъ его въ Царьградъ, чтобы тамъ отъ собора испросить разрѣшеніе вопроса, кому должна принадлежать Болгарія въ церковномъ отношеніи, римскому или константинопольскому патріарху, какой вопросъ и рѣшенъ въ пользу послѣдняго, не смотря на всѣ усилія воспрепятствовать тому со стороны папскихъ легатовъ. Но если дѣла съ Царьградомъ и Болгаріею, которыхъ свидѣтелемъ былъ въ Римѣ и Меѳодій, отвлекали вниманіе папы отъ Моравіи и Паннонія, то они же, особенно дѣла болгарскія, способны были благопріятно повліять на отношенія папы къ Моравско-Паннонской церкви. Не спѣша самъ отправлять къ ней Меѳодія, папа Адріанъ не отказался отправить его при первомъ запросѣ о томъ. Запросъ пришелъ изъ Паннонія отъ князя Коцела. Почему не отъ Ростислава? Въ ту пору, когда св. братья были въ Римѣ, Ростиславъ былъ въ упорной войнѣ съ нѣмцами, вторгшимися въ Моравію тремя сильными отрядами подъ начальствомъ трехъ сыновей короля и страшно опустошившими страну. Не до дѣлъ церковныхъ было въ эту пору Ростиславу. Не ранѣе какъ къ началу 870 г. удалось ему оправиться, отстоять свою самостоятельность и видѣть удаленіе нѣмцевъ изъ Моравіи, такъ что самъ король Людовикъ спѣшилъ заключить съ нимъ миръ на какихъ бы то ни было условіяхъ. Коцелъ, остававшійся во время этихъ

войнъ въ мирѣ съ нѣмцами, ободренный ослабленіемъ ихъ чрезъ войну съ Ростиславомъ, наконецъ болѣе Ростислава и Святополка отличавшійся благочестіемъ, имѣлъ теперь болѣе возможности позаботиться о возвращеніи Меѳодія и прислалъ посольство о томъ къ папѣ. Папа немедленно отправилъ Меѳодія съ письмомъ Коцелу и буллою на имя трехъ князей Ростислава, Святополка и Коцела. Въ письмѣ къ Коцелу папа говоритъ, что плетъ Меѳодія не къ нему только, а ко всѣмъ славянскимъ странамъ (Моравіи и Панноніи), плетъ его какъ учителя отъ Бога и отъ св. апостола Петра, перваго настольника и ключедержца царствія небеснаго. Въ буллѣ къ князьямъ папа воздаетъ славословіе Богу за то, что слышалъ о духовномъ дѣлѣ князей и ихъ странъ, и послѣ наставленій о вѣрѣ, оправдываемой дѣлами, хвалитъ за то, что князья просили учителя и не только у папы, но у благовѣрнаго царя Михаила, который и послалъ имъ блаж. Константина философа съ братомъ Меѳодіемъ, пока папа не успѣлъ этого сдѣлать [1]); хвалитъ св. братьевъ за то, что они, узнавъ о принадлежности Моравіи и Панноніи апостольскому престолу, ничего не сдѣлали противъ церковныхъ правилъ, а явились въ Римъ, неся мощи св. Климента. Теперь, выражая о всемъ этомъ радость, папа посылаетъ князьямъ Меѳодія, посвященнаго съ учениками, своего сына, испытаннаго и совершеннаго

[1]) Эти выраженія папской буллы какъ будто двусмысленны: началомъ своимъ они даютъ такую мысль, что Моравскіе князья просили у папы учителя *прежде*, чѣмъ обратились съ такою же просьбою въ Царьградъ къ царю Михаилу, слѣд. еще при папѣ Николаѣ и не ранѣе 862 или нач. 863 г. Если бы было такъ, то это значило бы, что или папа Николай не нашелъ удобнымъ удовлетворить просьбѣ князей, не желая идти на перекоръ притязаніямъ нѣмецкихъ епископовъ, или сами князья, отправивъ посольство въ Римъ съ просьбой объ учителѣ, потомъ раздумали и отправили другое посольство въ Царьградъ съ такою же просьбою. Но конечныя слова даннаго мѣста буллы—„дондеже *мы* не доспѣхомъ“—могутъ заключать и такую мысль, что посольство изъ Моравіи съ просьбою объ учителѣ имѣло мѣсто уже при самомъ папѣ Адріанѣ. Двусмысліе это всего проще устраняется тѣмъ, что, говоря *мы*, послѣдній говорилъ за себя и своего предмѣстника, говорилъ вообще отъ имени римской каѳедры.

въ разумѣ и правовѣріи, чтобы онъ училъ книгамъ славянскаго языка, какъ и просили князья, дозволяетъ совершать службу съ литургіею на славянскомъ языкѣ, какъ началъ Константинъ, съ тѣмъ однако, чтобы евангеліе и апостолъ читались сперва на латинскомъ языкѣ, а потомъ на славянскомъ, предаетъ осужденію и отлученію тѣхъ, которые дерзнули бы порицать славянскія книги и службу. Нельзя не видѣть въ этой буллѣ особой заботливости папы выставить права своей каѳедры, за которыя онъ въ эту же пору хлопоталъ въ Царьградѣ и Болгаріи, а также желанія ослабить значеніе того обстоятельства, что учители славянскіе присланы были первоначально изъ Царьграда, а не изъ Рима, будто бы только не поспѣвшаго этого сдѣлать [1]); видно наконецъ желаніе закрѣпить преданность князей римской каѳедры. Коцелъ принялъ Меѳодія съ великою радостію и честію, но затѣмъ въ томъ же году отправилъ его съ посольствомъ изъ 20 честныхъ мужей обратно въ Римъ для поставленія во епископа Панноніи на престолъ ап. Андроника, ученика ап. Павла. Эта ссылка показываетъ, что въ Паннонской церкви не только созрѣла мысль о своей самостоятельности и независимости отъ нѣмецкой іерархіи, но и найдено каноническое основаніе для сего въ преданіи объ ап. Андроникѣ, какъ учителѣ славянскаго народа, извѣстнаго нашему древнему лѣтописцу [2]). Папа исполнилъ

---

[1]) Объясненіе, что папа *не поспѣлъ* прислать учителя Моравланамъ, не было искреннимъ и правдивымъ. По первымъ запросамъ изъ Болгаріи сюда успѣвали быстро присылать одного за другимъ епископовъ и учителей. Тоже могли бы въ свое время сдѣлать и для Моравіи и Панноніи. Но тогда еще не находили въ Римѣ удобнымъ посылать имъ учителей въ виду притязаній нѣмецкихъ епископовъ или не видѣли надобности угождать первымъ въ ущербъ послѣднимъ, не опасаясь за отпаденіе Моравско-Паннонской церкви отъ Рима. Теперь обстоятельства измѣнились, и папѣ пришлось оправдывать римскую каѳедру въ неудовлетвореніи просьбъ Моравлянъ, обратившихся затѣмъ къ Востоку. Наиболѣе благовидное оправданіе и найдено въ томъ, что мы-де не поспѣли своевременно прислать учителя.

[2]) Каѳедра апостола Андроника была, по преданію, въ г. Сирміумѣ, въ древней Панноніи (близъ г. Митровицы, въ Славоніи). Но сирмійскіе епископы

просьбу Коцела, безъ сомнѣнія наученный опытомъ съ Болгаріею, и отправилъ Меѳодія даже съ правами архіепископа, дѣлавшими его независимымъ отъ нѣмецкой іерархіи. Прибывъ въ Панноніо, Меѳодій сталъ повсюду открывать славянское богослуженіе съ славянскими священниками, какихъ привелъ прежде изъ Рима и теперь вновь рукополагалъ. Народъ оставлялъ нѣмецкихъ священниковъ и церкви съ латинскимъ богослуженіемъ. Оставляемое народомъ, нѣмецкое духовенство принуждено было удалиться. Архипресвитеръ Рихбальдъ, не терпя униженія, выбрался со всѣмъ своимъ духовенствомъ въ Зальцбургъ. Въ Зальцбургѣ Рихбальдъ и товарищи занесли жалобу Зальцбургскому архіепископу. Послѣдній въ союзѣ съ своимъ нѣмецкимъ клиромъ съ ожесточеніемъ вооружился противъ Меѳодія, чрезъ котораго грозила уйти изъ подъ его власти Паннонская епархія съ ея доходами. Къ несчастію, политическая сила перешла теперь въ Моравіи и Панноніи опять на сторону нѣмцевъ. Скоро послѣ того, какъ Лудовикъ вынужденъ былъ заключить миръ съ Ростиславомъ, нѣмцамъ удалось воспользоваться ссорою между имъ и Святополкомъ, который, желая перенять власть у дяди, измѣннически схватилъ и выдалъ его нѣмцамъ, у которыхъ Ростиславъ преданъ суду, приговоренъ къ смерти и только по милости короля Лудовика казнь эта замѣнена тѣмъ, что Ростиславу выкололи глаза и заточили въ одинъ изъ нѣмецкихъ монастырей. Нѣмцы снова овладѣли Моравіею; старшій королевскій сынъ Карломанъ, какъ правитель восточной Марки, т. е. Австріи, вступилъ въ княжество, захватилъ замки и укрѣпленія, позабралъ княжескія сокровища, устроилъ управленіе на нѣмецкій ладъ и при выходѣ изъ Моравіи оставилъ въ ней

простирали свою власть и на часть Иллирія. Апостоличество каѳедры, т. е. непосредственное происхожденіе ея отъ одного изъ апостоловъ, считалось обыкновенно основаніемъ ея самостоятельности, автокефальности. Очень возможно, что преданіе объ ап. Андроникѣ стало извѣстнымъ въ Панноніи именно изъ объясненій Константина и Меѳодія.

двухъ нѣмецкихъ графовъ Энгельшалка и Вильгельма, раздавъ имъ здѣсь земли и поручивъ надзоръ за славянами и ихъ княземъ [1]). Такимъ образомъ Святополкъ оказался подручникомъ нѣмцевъ, предъ которыми сталъ еще слабѣе и прежде несвободный отъ нихъ Коцелъ. При такихъ обстоятельствахъ нѣмецкіе епископы властію нѣмецкаго короля потребовали и Меѳодія на судъ. Это были: зальцбургскій архіепископъ Адальвинъ и два суффрагана его: Германрихъ, епископъ пассавскій, и Ганнонъ, епископъ фрейзингенскій. Судъ происходилъ, какъ думаютъ, въ Пассавѣ, и Германрихъ пассавскій, злившійся на Меѳодія за Панновію, былъ главнымъ исполнителемъ замысла о захватѣ и приведеніи Меѳодія на судъ. На судѣ присутствовалъ и угодливый теперь нѣмцамъ князь Святополкъ. Едва показался Меѳодій въ дверяхъ, какъ Германрихъ бросился на него съ плетью, но былъ удержанъ епископами. Смѣло и съ достоинствомъ держалъ себя Меѳодій на этомъ беззаконномъ судѣ [2]). „Ты учишь въ нашей области“ (въ нашихъ епархіяхъ),—такъ начали свои обвиненія епископы“.—„Если бы я сознавалъ, что это ваша область, то я не ходилъ бы сюда; но это область римской каѳедры св. Петра [3]). И еще правду скажу вамъ: если вы, движимые гордостію и корыстію, вторгаетесь, вопреки канонамъ, въ чужіе предѣлы и къ тому еще препятствуете Божію ученію, то смотрите, чтобы, силясь пробить головою желѣзную гору, не выбили бы вы своихъ мозговъ“. „Гордо выражаешься, замѣтили епископы, накличешь бѣду на себя“. Меѳодій: „Не боюсь говорить правду и предъ царями, а вы дѣлайте

---

[1]) Pertz. 1. Annal. Fuldenses ad an. 870.

[2]) Въ житіи Меѳодія кратко излагается только сущность этого суда. Другія обстоятельства его извѣстны по письмамъ папы Іоанна VIII, о которыхъ—ниже.

[3]) Меѳодій могъ разумѣть то, что получивъ поставленіе и назначеніе на Моравско-Паннонскую архіепископію отъ римской каѳедры, считалъ свою епархію въ непосредственной зависимости отъ этой послѣдней.

со мною, что хотите. Я не лучше тѣхъ, которые за правду окончили жизнь въ мукахъ. Когда послѣ долгаго спора истощились нападки нѣмецкихъ епископовъ, измучившія и Меѳодія, князь Святополкъ глумливо сказалъ: „Не томите моего Меѳодія, онъ уже упрѣлъ, какъ при печи“ [1]). „Не такъ, государь, отозвался Меѳодій. Одного философа, шедшаго въ поту, встрѣтили люди и спросили: отъ чего ты такъ вспотѣлъ? Съ грубыми людьми велъ споръ, отвѣчалъ философъ“. Беззаконно начатый судъ надъ Меѳодіемъ, беззаконно и злостно окончился. Меѳодій лишенъ архіепископства и осужденъ на заточеніе. По произнесеніи приговора, епископы—судьи бросились на Меѳодія и начали наносить ему удары по лицу. Затѣмъ онъ закованъ въ кандалы и отправленъ подъ стражею въ Швабію, зимою во время снѣжной стужи и заключенъ въ тюрьму. Это было, вѣроятно, въ началѣ 871 г. Въ тюрьмѣ Меѳодій пробылъ два съ половиною года, терпя тяжкія насилія и истязанія.

Заступиться за Меѳодія прежде всего слѣдовало папѣ, который самъ поставилъ и своею властію послалъ его на архіепископство. Папа, безъ сомнѣнія, скоро узналъ о судьбѣ Меѳодія, но не спѣшилъ заступиться. Конечно, при настоящемъ положеніи дѣлъ въ Моравіи, не легко было и папѣ бороться съ нѣмецкою іерархіею, далеко не всегда

---

[1]) Въ житіи Меѳодія говорится: *„рече король изъ ница“*. Подъ королемъ одни разумѣютъ Карломана, другіе князя Святополка. Возможно, что на судѣ присутствовали тотъ и другой, на что какъ будто указывается и въ словахъ Меѳодія: Истину глаголю *предъ цесари* и не стыжуся. Цесари здѣсь значило бы вообще *государи*. Но выраженіе не томите *моего* Меѳодія—скорѣе можно относить къ Святополку, какъ ближайшему государю Меѳодія. Предательскій характеръ Святополка, недавняго губителя Ростислава, а въ данную пору угодника нѣмцевъ, довольно гармонируетъ съ глумливымъ характеромъ его заступничества за Меѳодія. Выраженіе *изъ ница* одни оставляютъ безъ объясненія, другіе толкуютъ въ смыслѣ *ласково*, что несогласно съ глумливымъ тономъ рѣчи. Не описка ли это слова изъ *Нитры*, ибо Святополкъ былъ княземъ Нитры. Не шло къ Святополку въ данное время слово *король*, ибо титулъ короля Святополкъ получилъ уже позже. Но авторъ Житія могъ назвать его королемъ именно по этому позднѣйшему званію его, о которомъ онъ зналъ въ свое время.

послушною Риму въ тѣ времена. Но папа могъ бы отозваться хотя словомъ участія къ страдальцу, своему поставленнику; но и съ этимъ словомъ медлилъ папа. Болѣе, чѣмъ судьба Меѳодія, интересовала теперь папу судьба его власти въ Болгаріи. Соборъ Константинопольскій 869—870 г., осудившій Фотія и возстановившій Игнатія въ интересахъ мира съ Римомъ, тѣмъ не менѣе не пошелъ на уступки крайнимъ притязаніямъ Рима, не въ его пользу рѣшилъ и вопросъ о Болгаріи, которая въ послѣднихъ засѣданіяхъ собора въ концѣ февраля и началѣ марта, согласно желанію самыхъ Болгаръ, бывшихъ здѣсь во главѣ съ тѣмъ же боярином Петромъ, признана принадлежащею къ области Константинопольскаго патріарха. Игнатій въ вопросѣ о Болгаріи оказался послѣдователемъ Фотія, прислалъ Болгарамъ архіепископа Іосифа, предоставивъ ему и Болгарамъ удалить латинскихъ священниковъ и замѣнять ихъ греческими. Съ извѣщеніемъ о рѣшеніяхъ собора въ срединѣ 871 года отправлено было изъ Царьграда въ Римъ посольство во главѣ съ архимандритомъ Ѳеогностомъ, съ подарками и письмами къ папѣ. Папа былъ разгнѣванъ; въ письмахъ отъ 10 ноября 871 г. требовалъ, чтобы Игнатій отказался отъ іерархической власти въ Болгаріи, отозвалъ своего архіепископа, предоставилъ Болгарію латинскому духовенству, грозя въ случаѣ непослушанія наказаніями по канонамъ, дѣлалъ Игнатію и другіе упреки. Въ Византіи не обратили вниманія на эти угрожающія рѣчи; а между тѣмъ умный и мужественный императоръ Василій успѣлъ усилить власть имперіи по адріатическому греко-славянскому прибрежью, въ Далмаціи, Хорватіи и внутри сербскихъ земель, куда также присланы греческіе священники, крестившіе здѣсь оставшихся еще по мѣстамъ язычниковъ, и подъ вліяніемъ Византіи учреждена даже была новая каѳедра для сербовъ въ г. Расѣ (близь нынѣшняго Новаго Базара). Все это приносило хлопоты и разочарованіе папѣ въ его надеждахъ на власть въ славянскихъ земляхъ и онъ предпочи-

талъ и въ отношеніи къ Моравіи не идти наперекоръ врагамъ Меѳодія латино-нѣмецкимъ епископамъ, какъ болѣе прямымъ союзникамъ Рима, державшимъ латинскую службу римской церкви. Такимъ образомъ папа Адріанъ не сказалъ слова въ защиту Меѳодія до самой кончины своей въ концѣ 871 г., не скоро заступился за него и новый папа Іоаннъ VIII, занявшій престолъ въ началѣ 872 года.

Судьба Меѳодія измѣнилась уже съ перемѣною политическаго положенія Моравіи. Святополкъ, достигшій княжеской власти цѣною предательства по отношенію къ Ростиславу и угодничества нѣмцамъ, скоро самъ подпалъ подозрѣнію у послѣднихъ и былъ заключенъ въ тюрьму. Въ тюрьмѣ онъ одумался. Между тѣмъ въ Моравіи поднялось народное возстаніе подъ предводительствомъ священника Славоміра, и нѣмцы, желая воспользоваться именемъ Святополка, какъ народнаго князя, выпустили его изъ тюрьмы и съ отрядомъ войска отправили его въ Моравію усмирять возстаніе. Святополкъ, какъ только вступилъ въ Моравію, тотъ часъ самъ сталъ во главѣ народнаго движенія и въ 873 г. успѣлъ осилить ихъ, свергнуть ихъ власть и принудить къ заключенію мира, который утвержденъ договоромъ въ маѣ или іюнѣ 874 г. въ Форхгеймѣ, гдѣ отъ лица Святополка присутствовалъ посолъ его священникъ Іоаннъ изъ Венеціи (presbiter ex Venetiis) [1]). Успѣхи Святополка не могли не внушать нѣмецко-баварскимъ епископамъ опасеній за ихъ церковную власть надъ Моравіею и Панноніею, возстановленіе которой, казалось, совершившимся послѣ заточенія Меѳодія. Теперь, когда Святополкъ, бывшій угодникъ нѣмцевъ и подобострастный свидѣтель ихъ беззакон-

---

[1]) Подробности и цитаты у гг. Бильбасова и Лавровскаго. Тамъ же. Священникъ Іоаннъ, какъ замѣчено было выше, могъ быть изъ Италіянско-Венеціанскаго духовенства, заходившаго въ Моравію и Панноніо еще до Константина и Меѳодія. Но возможно, что священники изъ Венеціанско-Гроденской епархіи прибывали и вновь уже по приходѣ Меѳодія изъ Рима.

наго суда надъ Меѳодіемъ, сталъ на другой путь, повелъ борьбу съ нѣмцами и стремился утвердить свою и своего государства независимость отъ нѣмцевъ, надлежало ожидать, что онъ не оставитъ безъ вниманія и церковныхъ отношеній своего государства, захочетъ устранить и церковную независимость его отъ нѣмецкой іерархіи, обратясь съ этою цѣлію въ Римъ, откуда уже данъ на Моравію и Паннонію независимый епископъ въ лицѣ Меѳодія. Нѣмецкіе епископы нашли нужнымъ предупредить дѣло собственнымъ обращеніемъ къ Риму, чтобы отъ него получить новое признаніе своихъ мнимыхъ правъ на Моравію и Паннонію, нарушенныхъ, какъ они думали, епископствомъ Меѳодія, а вмѣстѣ съ тѣмъ замять свой беззаконный поступокъ съ послѣднимъ. Съ этою цѣлью составлена была въ Зальцбургѣ въ 873 году записка объ обращеніи хорутанъ (Панноніи), имѣвшая видъ меморандума въ Римъ [1]). Въ запискѣ указаны въ хронологическомъ порядкѣ отношенія Зальцбургской каѳедры къ сосѣднимъ славянскимъ землямъ, распоряженія германскихъ королей Пипина, Карла, Лудовика, касающіяся ея, съ замѣчаніемъ, что всѣ эти распоряженія точно выполнялись „пока не явился какой-то грекъ Меѳодій со вновь изобрѣтенными славянскими письменами, который въ своей высокомѣрной мудрости вытѣснилъ латинскій языкъ, римское ученіе и древнеобычныя латинскія письмена, сдѣлалъ ненавистными одной части населенія той страны миссу, евангеліе и церковныя службы, служимыя по латыни“. Записка оканчиваетъ указаніемъ на давность правъ зальцбургской каѳедры въ Паннонiи, простирающуюся на 75 лѣтъ. „Съ того времени, когда по дарeнію и опредѣленію государя императора Карла, жители восточной Паннонiи стали управ-

[1]) Это извѣстная записка Зальцбургскаго анонима, изданная подъ заглавіемъ: Historia conversionis Carantanorum et de s. Methodii testimonium querulum (у Копитара въ Glagolita Closianus p. LXXII—LXXVI, Бильбасова—Кириллъ и Меѳодій I, 111—126).

ляться зальцбургскими архіепископами до настоящаго времени протекло 75 л., въ теченіе которыхъ ни одинъ епископъ, откуда бы онъ ни пришелъ, не имѣлъ духовной власти въ той пограничной землѣ, кромѣ зальцбургскихъ архіепископовъ, и ни одинъ пресвитеръ, пришедшій изъ чужой земли, не дерзалъ болѣе трехъ мѣсяцевъ исполнять тамъ свои требы, не представивъ предварительно епископу свой отпускъ изъ другаго діоцеза. Такъ это тамъ соблюдалось, пока не явилось новое ученіе Меѳодія философа". Записку эту составляли тѣ же епископы, которые совершали беззаконный судъ надъ Меѳодіемъ; составляли, надо полагать, съ участіемъ уже извѣстнаго намъ архипресвитера Рихбальда, который, послѣ открытія Меѳодіемъ славянскаго богослуженія въ церквахъ Панноніи, съ озлобленіемъ видѣлъ опустѣніе церквей латинскаго богослуженія и съ своимъ нѣмецкимъ духовенствомъ удалился въ Зальцбургъ, гдѣ занесъ жалобу на Меѳодія и его дѣло—въ выраженіяхъ сходныхъ съ тѣми, какія встрѣчаются теперь и въ запискѣ. А ѣздилъ въ Римъ съ этою запискою именно Ганнонъ, епископъ фрейзингенскій [1]). Составители записки не отважились коснуться въ ней имени св. Кирилла, быть можетъ зная о томъ почетѣ, какой оказанъ былъ ему въ самомъ Римѣ при его жизни и по смерти. За то довольно нагло поступаютъ они и теперь по отношенію къ Меѳодію, игнорируя его епископство, поставленіе въ Римѣ,—и называя его просто нѣкіимъ пришлецомъ грекомъ, надменнымъ своею мудростію; умалчиваютъ и о своемъ беззаконномъ судѣ надъ нимъ и истязаніяхъ, какимъ подвергали его. А Ганнонъ, спрошенный въ Римѣ о Меѳодіѣ, облыжно (mentiendo) отрекся отъ него, сказавъ, что вовсе не знаетъ его. Цѣлію записки и посольства Ганнона было, какъ сказано, возстановить и закрѣпить власть нѣмецко-баварской іерархіи надъ Моравіею и Панноніею, уви-

[1]) Это слѣдуетъ заключить изъ буллы папы Іоанна VIII къ этому епископу, о которой—ниже.

чтоживъ и приведя въ забвеніе все дѣло Кирилла и Меѳодія. Теперь цѣль эта не была достигнута. Въ Римѣ не отказались отъ мысли имѣть Моравію и Панноніо въ непосредственной зависимости отъ римской каѳедры; свѣдали между тѣмъ и о новомъ поворотѣ политическихъ отношеній въ Моравіи и о счастливой борьбѣ моравскаго князя съ нѣмцами и его политической силѣ и сочли благовременнымъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ въ интересахъ римской каѳедры. Съ другой стороны тотъ же слухъ о возрастающей политической силѣ моравскаго государства внушалъ Риму опасенія, что оно, подобно Болгаріи, можетъ выйти изъ подъ вліянія и церковной власти Рима, если папа останется союзникомъ нѣмецкой іерархіи въ ея враждебныхъ отношеніяхъ къ національной моравско-паннонской церкви, основанной трудами св. братьевъ, недавно признанной и самимъ Римомъ чрезъ поставленіе для нея отдѣльнаго епископа въ лицѣ Меѳодія. Совокупностію этихъ соображеній объясняется энергическое вмѣшательство папы Іоанна VIII въ дѣла моравско-паннонской церкви, послѣдовавшее какъ бы въ отвѣтъ на зальцбургское посольство и зальцбургскую записку, но уже послѣ того, какъ привезшій ее Ганнонъ отбылъ изъ Рима. Собирая доводы къ опроверженію выраженныхъ въ запискѣ притязаній зальцбургской каѳедры, въ Римѣ позаботились собрать болѣе точныя свѣденія о Меѳодіѣ и его участи, не добившись таковыхъ отъ Ганнона. Папа назначилъ легата въ Германію и Панноніо въ лицѣ Павла, епископа анконскаго. Въ посланіи или инструкціи къ легату, сохранившейся, къ сожалѣнію, только въ отрывкѣ, папа заботится однакоже всего болѣе о защитѣ правъ римской каѳедры на Панноніо, и еще не говоритъ о Меѳодіѣ. Права эти папа выводитъ изъ правъ римской каѳедры на Иллирикъ, въ церковной области котораго причисляетъ и Панноніо: „апостольскій престолъ издавна привыкъ совершать посвященія, опредѣленія и рѣшенія не только между Италіею и остальными областями запада, но и внутри предѣловъ всего

Иллирика"... По поводу ссылки зальцбургскаго меморандума на 75-лѣтнюю давность правъ зальцбургской каѳедры на Паннонію, папа замѣчаетъ: „если бы кто ссылался на число лѣтъ, тотъ пусть знаетъ, что извѣстный срокъ давности существуетъ только для христіанъ и христіанскихъ народовъ. Тамъ же, гдѣ къ спору о срокахъ примѣшивается свирѣпость язычниковъ и невѣрныхъ, никакое число лѣтъ не уничтожаетъ правъ церкви, такъ какъ церковь не знаетъ земнаго оружія и терпѣливо ожидаетъ отъ Господа, когда Ему будетъ угодно помиловать Свою церковь. Дѣйствительно, если въ подобныхъ случаяхъ обиліе годовъ имѣетъ значеніе, то Самъ Господь подлежитъ порицанію за то, что освободилъ сыновъ Израиля отъ тягостнаго рабства фараоновъ послѣ 430 лѣтъ. И Самъ Спаситель вѣдь освободилъ же человѣческій родъ отъ власти ада по прошествіи столькихъ тысячелѣтій" [1]). Папа изготовилъ посланіе и къ Германскому королю Людовику, которое имѣлъ доставить тотъже Павелъ Анконскій. Необходимо думать, что нѣмецкое духовенство хлопотало объ притязаніяхъ зальцбургской каѳедры и чрезъ Людовика, и папа счелъ нужнымъ разубѣдить и его въ незаконности этихъ притязаній и въ преимуществѣ правъ римской каѳедры на Паннонію. „Многія, разнообразныя и очевидныя указанія могли бы заставить твою мудрость признать, что паннонскій діоцезъ искони находится въ распоряженіи апостольскаго престола, если только тебѣ не чужда божеская справедливость. На

---

[1]) Смыслъ этихъ разсужденій папы о непримѣненіи сроковъ (для церковной власти) тамъ, гдѣ къ вопросу о нихъ примѣшивается свирѣпость язычниковъ и невѣрныхъ, слѣдующій: Паннонія имѣла христіанскую каѳедру отъ глубокой древности, находясь въ составѣ Иллирика въ непосредственной зависимости отъ Рима. Потомъ, чрезъ нашествіе варваровъ, древняя Паннонская епархія закрылась; но, хотя по отвоеваніи этой страны отъ варваровъ, она подчинена была Зальцбургской епископіи, но это не уничтожаетъ древнихъ и начальныхъ правъ римской каѳедры, которая не могла пользоваться ими только въ слѣдствіе бывшихъ нашествій варваровъ-язычниковъ. Яснѣе и рѣшительнѣе выражаетъ папа такіе доводы свои въ слѣдующемъ затѣмъ посланіи къ Людовику.

это указываютъ синодальные акты: это же подтверждается историческими документами. Только военныя смуты помѣшали нѣкоторое время апостольскому престолу посылать туда епископовъ,—въ справедливости чего сомнѣваются одни неучи. Права святой Римской церкви, которой мы Божіимъ соизволеніемъ служимъ, не отчуждаемы; ихъ не уничтожаетъ никакое время, никакое раздѣленіе государствъ не можетъ нанести ущерба тѣмъ правамъ. Наконецъ и досточтимое Римское право опредѣляетъ давность лишь сотнею лѣтъ". Но *еще прежде чѣмъ Павелъ отправился* съ этими посланіями въ Германію и Панноніо, въ Римѣ получены были точныя и подробныя извѣстія о Меѳодіѣ, судѣ надъ нимъ и заточеніи его [1]). Довольно вѣроятно, что эти извѣстія сообщены были, помимо справокъ и развѣдокъ со стороны папской канцеляріи, изъ самой Панноніи по просьбѣ Меѳодія или по старанію его учениковъ, быть можетъ при посредствѣ Коцела.—Это усилило раздраженіе папы, видѣвшаго въ беззаконномъ судѣ надъ Меѳодіемъ прямое оскорбленіе авторитета Римской каѳедры, а также и болѣе удобный поводъ осудить притязанія нѣмецкой іерархіи на Панноніо. Не будемъ однакоже, какъ то дѣлаютъ нѣкоторые, отрицать и того, что беззаконныя насилія надъ Меѳодіемъ и его страданія возбудили и искреннее участіе папы въ судьбѣ страдальца. Въ подробной инструкціи Павлу Анконскому папа выражается такъ: скажи имъ (баварскимъ епископамъ): я присланъ къ вамъ вовсе не для обсужденія вопроса о паннонскомъ діоцезѣ, послѣ предоставленія его

---

[1]) Такъ думаетъ г. Бильбасовъ и, кажется намъ, основательно, ибо въ посланіяхъ не упоминается о Меѳодіѣ. Но пріурочиваемое имъ къ этому мѣсту и времени посланіе къ Карломану (цитуемое ниже), писано, надо полагать, не теперь, а позже—въ 875 г. Вообще о всѣхъ посланіяхъ папы Іоанна VIII даннаго и слѣд. времени—см. у гг. Бильбасова, Лавровскаго, Воронова съ ссылками на начальныя изданія и критическими замѣчаніями о нихъ. Полный же и точный переводъ посланій, по которому здѣсь и далѣе мы приводимъ ихъ,—у г. Бильбасова. Нѣкоторая часть есть и у Миня. Patr. Lat. T. 126.

тому, который былъ вами лишенъ его въ продолженіи трехъ лѣтъ. Дѣйствительно, по церковнымъ канонамъ, епископъ не можетъ быть привлеченъ къ суду прежде настолованія его и исполненія имъ въ теченіи полутора года епископскихъ обязанностей. Если же Адальвинъ и Германрихъ захотятъ настаивать на судѣ надъ нашимъ епископомъ Меѳодіемъ, скажи имъ: вы безъ каноническаго приговора осудили епископа, посланнаго апостольскимъ престоломъ, бросили его въ тюрьму, били по щекамъ, отрѣшили отъ священнаго служенія и держали въ теченіи трехъ лѣтъ вдали отъ престола, *вопреки его воззваніямъ къ апостольскому престолу, которыя онъ присылалъ въ это трехлѣтіе*[1]). Вы сами не достойны явиться на судъ, котораго вы всячески избѣгаете, и теперь еще вы притворяетесь, что ищете справедливости, все же внѣ апостольскаго трибунала. Я присланъ сюда для того, чтобъ отрѣшить васъ отъ священнаго служенія на столь же продолжительное время, на какое вы лишили служенія достопочтеннаго мужа, и чтобъ предоставить ему спокойно пользоваться епископскими правами столько времени, сколько вы лишали его епископства. Если же имѣете что противъ него, приходите съ нимъ предъ апостольскій престолъ: обѣ стороны будутъ выслушаны и обѣимъ будетъ

---

[1]) Эти выраженія инструкціи ясно свидѣтельствуютъ, что жалобы на беззаконный судъ надъ Меѳодіемъ заносимы были въ Римъ непосредственно изъ Моравско-Паннонской епархіи. Жестокіе гонители Меѳодія, держа его въ тюрьмѣ, едва ли дали бы ему возможность лично послать жалобу папѣ. Посылали ее почитатели Меѳодія изъ Славянъ, въ томъ числѣ, вѣроятно, Коцелъ, которому потомъ и возвращенъ былъ Меѳодій изъ тюрьмы и которому нѣмецкіе епископы грозили бѣдой за участіе къ Меѳодію, какъ будетъ сказано ниже. Свидѣтельствомъ папы о трехлѣтнемъ періодѣ страданій Меѳодія подтверждается и сказаніе „Житія“ о пребываніи Меѳодія въ тюрьмѣ *два съ половиною года*. Разница на полгода сама собою объясняется тѣмъ, что въ „Житіи“ говорится только о срокѣ *пребыванія въ тюрьмѣ*, а у папы о всемъ періодѣ удаленія его съ каѳедры, обнимающемъ и время отъ захвата Меѳодія до суда надъ нимъ, потомъ время суда и отправки въ тюрьму. Затѣмъ выраженіе *три лѣта* могло быть употреблено и въ смыслѣ круглой цифры.

поставленъ приговоръ". Тремъ главнымъ судьямъ Меѳодія папа послалъ особыя бреве. Адальвину, зальцбургскому архіепископу, онъ приказываетъ возстановить Меѳодія въ архіепископскомъ санѣ, а двухъ его викаріевъ лишаетъ причастія и призываетъ въ Римъ на судъ. Германриху пассавскому папа пишетъ: „полагаемъ, что для оплакиванія твоей злобы недостало бы источника слезъ, какъ у пророка Іереміи. Своею лютою свирѣпостію ты превзошелъ злобу,— не говорю епископа, но всякаго мірянина, даже тирана, и уподобился хищному звѣрю, когда брата и епископа нашего Меѳодія терзалъ тюремными муками, держалъ его среди зимы, во время дождя, подъ открытымъ небомъ, отнялъ у него управленіе церковію, ему ввѣренной, и до того обезумѣлъ, что когда Меѳодій былъ приведенъ на соборъ епископовъ, ты бросился на него съ плетью, но былъ остановленъ другими... Епископскіе ли это поступки? Именемъ Бога всемогущаго и блаженныхъ апостоловъ Петра и Павла и нашею властію лишаемъ тебя права совершать таинства и отрѣшаемъ отъ общенія съ священствомъ, и если ты не явишься для отвѣта въ Римъ съ этимъ досточтимымъ епископомъ Павломъ, и съ самимъ святѣйшимъ братомъ нашимъ Меѳодіемъ, то будешь подвергнутъ наказанію, соотвѣтствующему твоимъ преступленіямъ". Еще рѣзче и энергичнѣе выражается папа въ письмѣ къ фрейзингенскому епископу Ганнону: „наглость твоя и дерзость превосходятъ не только облака, но и самое небо. Присвоивъ себѣ власть апостольскаго престола, ты, какъ какой нибудь патріархъ, позволилъ себѣ судить архіепископа и, что еще важнѣе, присвоилъ власть надъ братомъ своимъ архіепископомъ Меѳодіемъ, легатомъ апостольскаго престола, при чемъ дѣйствовалъ, какъ тиранъ и вовсе несогласно съ канонами, чѣмъ нанесъ оскорбленіе апостольскому престолу. Когда же Меѳодій просилъ, согласно святымъ канонамъ, предстать на судъ святаго апостольскаго престола, ты ему того не дозволилъ, но, согласившись съ своими сообщниками и привер-

женцами, ты произнесъ надъ нимъ какъ бы приговоръ, которымъ онъ былъ отрѣшенъ отъ священнодѣйствія и вверг-нутъ въ тюрьму. Мало того: называя себя слугою св. Петра, охраняющимъ его достояніе въ Германіи, ты не только не извѣстилъ насъ о страданіяхъ, которыя онъ претерпѣвалъ въ темницѣ, закованный въ цѣпи, твой братъ и соепископъ, легатъ нашего престола, высшее попеченіе о которомъ при-надлежитъ намъ, но когда ты былъ спрошенъ о немъ нашими въ Римѣ, ты облыжно утверждалъ, что вовсе не знаешь его, между тѣмъ какъ ты именно и есть виновникъ, под-стрекатель и творецъ всѣхъ его страданій. Вслѣдствіе всего этого обязанъ ты явиться въ Римъ безъ промедленія, въ противномъ же случаѣ, послѣ сентября, ты подвергнешься отлученію отъ церкви, доколѣ не явишься съ повинною". Таковы были энергическія мѣры, принятыя, папою Іоан-номъ VIII къ освобожденію Меѳодія и возстановленію его въ его званіи. Зналъ объ этихъ мѣрахъ и авторъ Житія Меѳодія. Сказавъ о судѣ надъ Меѳодіемъ и заточеніи его, онъ продолжаетъ: „доиде (слухъ о заточеніи Меѳодія нѣмец-кими епископами) къ апостолику, и увидавъ посла клятву на ня, да не поютъ мша, рекше службы, вси королеви епи-скопи, дондеже и (его—Меѳодія) держатъ" [1]).

---

[1]) Приведенныя письма папы Іоанна VIII къ нѣмецкимъ епископамъ открыты Э. Бишономъ въ 1879 г. въ британскомъ музеѣ. Вообще они составляютъ одно изъ наиболѣе цѣнныхъ открытій послѣдняго времени для исторіи св. братьевъ. Въ част-ности, они представляютъ собою новое блистательное подтвержденіе достовѣрности „пространныхъ Житій" К. и М., какъ историческаго источника. Письмами папы констатируется такой, весьма характерный фактъ изъ „Житія" Меѳодія,—фактъ заключенія его въ тюрьму, относительно котораго высказывались сомнѣ-нія, основанныя, между прочимъ, на предвзятомъ мнѣніи о легендарномъ ха-рактерѣ „Житій". Послѣ цѣлаго ряда другихъ открытій и указаній, начатыхъ Горскимъ, и болѣе и болѣе укрѣпляющихъ въ наукѣ достовѣрность „Житій", какъ историческаго источника,—теперь имѣется еще одно открытіе, еще одно научное доказательство въ пользу достовѣрности „Житій". Объ открытіи папскихъ писемъ, изданіяхъ ихъ съ критическими замѣчаніями см. у Воронова (Труды Кіевской дух. Академіи 1880 г.); Древняя и Новая Россія 1881 г. январь; г. Бильбасова (Кириллъ и Меѳодій „Новь" 1885 г. № 11, стр. 438—439 пр. 60)

„И тако и пустиша", продолжаетъ авторъ Житія, т. е. освободили Меѳодія изъ тюрьмы. Это освобожденіе, какъ послѣдствіе принятыхъ для сего папою мѣръ, произошло, какъ само собою понятно, послѣ того, какъ папскій легатъ Павелъ Анконскій съ письмами папы прибылъ въ Германію и Паннонію. Это, по ходу событій, могло быть *не ранѣе* самаго конца 873 или начала 874 г. Предполагаютъ еще, что освобожденіе Меѳодія находилось въ связи съ кончиною Зальцбургскаго архіепископа Адальвина въ маѣ 873 г. и обстоятельствами назначенія преемника его Теотмара, которому папа въ 874 году обѣщалъ и прислалъ митрополичій плащъ, за согласіе на уступку Панноніи, какъ епархіи Римскаго поставленника Меѳодія; предполагаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что освобожденіе Меѳодія послѣдовало не ранѣе *весны 874 г.* почти одновременно съ тѣмъ, когда (въ маѣ или іюнѣ 874 г.) заключенъ былъ въ Форхгеймѣ упомянутый миръ Святополка съ нѣмецкимъ королемъ, упрочившій торжество перваго, какъ независимаго государя Моравіи[1]). Полагаемъ, что при этомъ слѣдуетъ различать *время освобожденія Меѳодія* изъ тюрьмы отъ времени *дѣйствительнаго* возстановленія его въ епископствѣ. Освобожденіе его изъ тюрьмы могло восходить къ концу 873 или самому началу 874 г. и, какъ сказано, было прямымъ послѣдствіемъ посольства Павла анконскаго и принесенныхъ имъ упомянутыхъ папскихъ писемъ. Невѣроятно, чтобы епископы подъ угрозою или тягостію папскаго отлученія не согласились тотъ часъ же *покрайней мѣрѣ* на освобожденіе Меѳодія изъ тюрьмы, котораго при томъ папскій легатъ могъ добиться и помимо ихъ отъ свѣтской власти въ Германіи. Другое дѣло—

---

[1]) Оба эти предположенія сдѣланы г. Лавровскимъ (тамъ же стр. 354—355 и 363), первое въ согласіи съ мнѣніемъ г. Ракчія, второе въ согласіи съ мнѣніемъ Дюмлера. Но г. Лавровскій еще не имѣлъ въ виду упомянутыхъ писемъ Іоанна VIII, открытыхъ позже, и располагающихъ къ тому выводу, что освобожденіе Меѳодія изъ тюрьмы должно было послѣдовать тотчасъ по прибытіи Павла анконскаго въ Германію и прямо—въ слѣдствіе этихъ писемъ.

возстановленіе Меѳодія въ правахъ на епархію: тутъ требовались болѣе сложныя побужденія и вліянія, и дѣло могло состояться не иначе, какъ въ слѣдствіе особыхъ новыхъ соглашеній съ зальцбургскимъ архіепископомъ и свѣтскою властію въ Германіи, устрашенною могуществомъ Моравскаго князя, упрочившимся послѣ мира въ Форхгеймѣ. Говоря объ освобожденіи Меѳодія, авторъ Житія выражается: „и тако и пустиша, рекше Коцелу: аще сего имати у себе, не избудеши насъ добре“. Это свидѣтельство имѣетъ для насъ большое значеніе. Во первыхъ, оно даетъ основаніе для той уже высказанной мысли, что Коцелъ, какъ особенный почитатель Меѳодія, искреннѣе Святополка заинтересованный въ судьбѣ его, хлопоталъ въ Римѣ объ освобожденіи его, почему теперь, по освобожденіи, Меѳодій и отпускается именно къ Коцелу. Во-вторыхъ, оно подкрѣпляетъ предположеніе, что для нѣмецкихъ епископовъ освобожденіе Меѳодія изъ тюрьмы еще не означало возвращенія его на епископство, на епархію. Вынужденные освободить Меѳодія, они продолжаютъ интриговать противъ него, остаются при своей мысли—не допускать его къ возвращенію на епископство, грозятъ Коцелу мщеніемъ, если онъ приметъ Меѳодія къ себѣ, т. е. на епископство въ Панноніи. По поводу этой угрозы „Житіе“ замѣчаетъ: „но они (грозившіе епископы) не избыша святаго Петрова суда; четыре бо отъ нихъ епископи умроша“. У сторонниковъ возврѣнія на „Житіе“, какъ на легенду, подобное свидѣтельство его легко превратилось бы въ моральную сентенцію, не имѣющую реальнаго историческаго смысла, если бы оно не оправдывалось достовѣрными извѣстіями о смерти трехъ главныхъ недруговъ Меѳодія, послѣдовавшей именно около этого времени [1]). Именно только съ исчезновеніемъ глав-

[1]) На это оправданіе свидѣтельства житія впервые указалъ Горскій, обозначивъ и годы смерти епископовъ. Точнѣе годы эти означены у г. Бильбасова: Адальвинъ зальцбургскій ум. 14 мая 873 г., Германрихъ пассавскій

ныхъ враговъ Меѳодія, которые послѣдовательно одинъ за другимъ поперемерли съ 873 по 875 годъ, наставала для Меѳодія возможность вступить въ обладаніе епископскою властію. Въ ожиданіи дѣйствительнаго возстановленія на епископствѣ Меѳодій жилъ, надо полагать при дворѣ князя Коцела. Смерть Коцела, послѣдовавшая, какъ полагаютъ, въ 874 г., должна была вновь ухудшить положеніе Меѳодія въ Панноніи. Ибо теперь непосредственная власть надъ нею перешла къ Карломану и нѣмцамъ, такъ что въ 874 г. здѣсь образовалось графство или жупанство Дублебъ, область котораго состояла изъ нижней Панноніи и простиралась до самаго Блатенскаго озера, составляя часть Хорутаніи, подвластной Карломану [1]). При такомъ положеніи страны и церковная власть въ ней удерживалась за нѣмцами, такъ что въ 874 г. преемникъ Адальвина Теотмаръ освящалъ церковь въ Петтау, главномъ городѣ жупанства Дублеба [2]). При такой власти нѣмцевъ, Меѳодію не было мѣста въ Панноніи, и онъ долженъ былъ переселиться въ Моравію, переселиться вынужденно, *бѣжатъ*, какъ выражается о томъ безъименный лѣтописецъ [3]).

За то теперь вступились за Меѳодія Моравляне во главѣ съ княземъ Святополкомъ. Житіе говоритъ объ этомъ такъ: „прилучися же ся тогда, моравляне очушьше (возчув-

---

2 января 874 г., Ганнонъ фрейзингенскій 24 окт. 875. Имя и годъ смерти четвертаго епископа, какимъ, по Горскому, долженъ бы быть епископъ бриксійскій,—неизвѣстны. Годъ смерти Адальвина показывается не одинаково, но во всякомъ случаѣ не позже 874, въ которомъ преемникъ Теотмаръ уже получилъ митрополичій плащъ.

[1]) У г. Лавровскаго, Кириллъ и Меѳодій стр. 366—367.

[2]) Тамъ же. Правда, освященіе церкви нѣмецкой, бывшей церковію нѣмецкаго владѣтеля жупанства, графа Гозвина, естественно должно было совершиться нѣмецкимъ епископомъ. Но все таки это былъ такой актъ власти послѣдняго въ бывшей епархіи Меѳодія, которымъ заслонялась власть его, какъ законнаго епископа страны.

[3]) Лѣтописецъ выражается: Methodius ... tandem *fugatus* a Karentonis (т. е. изъ Панноніи) partibus intravit Moraviam. У Лавровскаго, тамъ же.

ствовавъ, познавши) нѣмецкія попы, иже живяху въ нихъ, не пріяюще имъ, но ковъ кующе на ня, изгнаша вся, а къ апостолику послаша: яко и первѣе отци наши отъ святаго Петра крещеніе пріяли, то даждь намъ Меѳодія архіепископа и учителя. Абіе же посла и (его) апостоликъ, и пріимъ и Святополкъ князь и всѣми Моравляны, и поручи ему всѣ церквы и стрижники во всѣхъ городахъ". Когда послѣ мира въ Форхгеймѣ, заключеннаго въ маѣ или іюнѣ 874 г., утвердившаго независимость Моравскаго государства, Моравляне, во главѣ съ своимъ умнымъ княземъ Святополкомъ, принялись за благоустройство государства; то не могли не обратить вниманія, на сколько вредно этому благоустройству и самой безопасности государства жившее среди нихъ нѣмецкое духовенство, которое, заявивъ себя враждебными дѣйствіями и кознями во время бывшей борьбы Моравлянъ съ нѣмцами, продолжало такія дѣйствія и козни и теперь. И когда Меѳодій, вынужденный, по смерти Коцела, оставить Паннонію, прибылъ въ Моравію, моравляне вспомнили о возможности имѣть свою іерархію, свое духовенство. Они изгоняютъ нѣмецкихъ священниковъ и посылаютъ къ папѣ съ просьбою дать имъ, т. е. утвердить для нихъ архіепископомъ и учителемъ Меѳодія. Это было не ранѣе второй половины 874 года и, вѣроятно, уже къ концу его [1]). Папа, къ этому времени уже, безъ сомнѣнія хорошо знавшій о могуществѣ Моравскаго князя, не могъ не исполнить просьбы, которая при томъ вполнѣ согласовалась съ собственными видами папы на верховную власть надъ Моравіею и Паннонією и съ прежними дѣйствіями его въ защиту Меѳодія. Безъ сомнѣнія, папа написалъ по этому

---

[1]) Съ просьбою къ папѣ Святополкъ могъ обратиться только послѣ форхгеймскаго мира, когда настало время, по улаженіи политическихъ отношеній государства, заняться церковными дѣлами, и когда по прибытіи Меѳодія въ Моравію, теперь независимую отъ нѣмцевъ, оживило у моравлянъ мысль о народной церкви. Снес. слѣд. примѣч.

случаю и посланіе къ Святополку, хотя оно и не сохранилось до насъ. Но удовлетворивъ Моравлянъ утвержденіемъ Меѳодія на архіепископствѣ, папа спѣшитъ воспользоваться этимъ въ видахъ той же собственной власти. Онъ хочетъ удержать за Меѳодіемъ и Паннонію, чтобы такимъ образомъ и ее вмѣстѣ съ Моравіею изъять изъ подъ власти нѣмецкой іерархіи и властвовать надъ обѣими странами именемъ Меѳодія, какъ римскаго поставленника, какъ бы легата римской каѳедры. Съ этою цѣлію онъ пишетъ въ 875 году посланіе верховному правителю Панноніи эрцгерцогу Карломану, въ которомъ говоритъ: „по возвращеніи и возстановленіи намъ (т. е. римскому папѣ) паннонскаго епископства, дозволяется *брату нашему* Меѳодію, который поставленъ туда отъ апостольской каѳедры, свободно по древнему обычаю исполнять все, что принадлежитъ епископу“. Въ томъ же году папа пишетъ посланіе и къ сербскохорватскому князю Мутиміру: „увѣщаваемъ тебя, чтобы ты, послѣдуя обычаю твоихъ предковъ, насколько можешь, постарался возвратиться къ діоцезу паннонскому, и, какъ туда, благодареніе Богу, уже поставленъ отъ каѳедры блаж. ап. Петра епископъ, то чтобы ты отдался подъ его пастырское попеченіе“. Не безъ основанія думаютъ, что этотъ призывъ князя пріадріатическихъ хорватовъ и сербовъ подъ власть паннонскаго епископа былъ со стороны папы расчитанъ въ видахъ отвлеченія послѣднихъ отъ союза съ Византіею и ея церковною властію [1]). Послѣ такого ряда папскихъ посланій въ пользу Меѳодія и моравско-паннонскаго епископства, за періодъ съ 873 по 875 годъ, можно ли ду-

---

[1]) Такъ думаетъ г. Лавровскій, у котораго и приведены подлинныя слова папскихъ посланій къ Карломану и Мутиміру. Тамъ же стр. 355—358. Эти посланія 875 года, связь которыхъ съ утвержденіемъ Меѳодія на моравско-паннонское архіепископство необходимо предполагается, ведутъ къ заключенію, что они писаны *вскорѣ* послѣ этого утвержденія, бывшаго послѣдствіемъ просьбы Святополка и моравлянъ, что слѣд. самая просьба эта состоялась къ концу 874 г. или даже къ началу 875 г. Посланіе къ Карломану есть и у Мани. Ibid.

мать, что папа въ это же время не писалъ и *лично* къ самому Меѳодію? Это было бы совсѣмъ несообразно. И дѣйствительно, есть извѣстіе, что папа Іоаннъ VIII писалъ письмо и къ Меѳодію чрезъ того же легата Павла, анконскаго епископа, съ которымъ присылалъ упомянутыя выше письма и къ нѣмецкимъ епископамъ въ 873 г. [1]). Письмо это не сохранилось; но извѣстна одна важная особенность, заключавшаяся въ этомъ письмѣ. Въ письмѣ къ Меѳодію 879 г. Іоаннъ VIII напоминаетъ ему, будто еще въ первомъ письмѣ, сообщенномъ чрезъ Павла анконскаго, т. е. въ письмѣ 873 г. онъ запрещалъ Меѳодію совершать славянское богослуженіе. Какъ ни страннымъ представляется это запрещеніе со стороны папы Іоанна VIII, который былъ архидіакономъ римской церкви при папѣ Адріанѣ и слѣд. видѣлъ и зналъ, что уже имъ разрѣшено было славянское богослуженіе, и который издаетъ такое запрещеніе одновременно съ тѣмъ, какъ порицаетъ и осуждаетъ враговъ и судей Меѳодія;—тѣмъ не менѣе подобный поступокъ со стороны Іоанна возможенъ. Вспомнимъ, что Іоаннъ имѣлъ предъ собою зальцбургскій меморандумъ, утверждавшій, что чрезъ славянское богослуженіе грекъ Меѳодій привелъ въ уничиже-

---

[1]) О письмѣ, писанномъ Іоанномъ VIII къ Меѳодію чрезъ Павла анконскаго, упоминаетъ самъ этотъ папа въ другомъ письмѣ своемъ къ Меѳодію, писанномъ въ 879 г. Но какъ въ послѣднемъ письмѣ не означенъ годъ перваго, то годъ этотъ изслѣдователи опредѣляютъ неодинаково, считая такимъ одни 873, другіе—878 годъ. Первое мнѣніе представляется болѣе основательнымъ—уже *a priori*: ибо, какъ сказано, невѣроятно, чтобы, пиша въ 873 г. нѣсколько писемъ по дѣлу Меѳодія, папа не написалъ и ему самому. Притомъ Павелъ анконскій въ 873—4 г. *несомнѣнно* былъ въ Германіи и Панноніи. А въ 878 году Павелъ ѣздилъ легатомъ въ Далмацію, Болгарію и Константинополь, *но не въ Моравію* и *Паннонію*, ѣздилъ притомъ не одинъ, а съ другимъ легатомъ епископомъ Евгеніемъ. Если бы въ это время легаты были и въ Моравіи (что вовсе неизвѣстно), съ письмомъ къ Меѳодію, то въ письмѣ 880 г. папа и сказалъ бы, что писалъ къ нему чрезъ Павла *и Евгенія*, а не чрезъ Павла только. Вообще предположенія, по которымъ первое письмо папы къ Меѳодію пріурочивается къ 878 г., мало основательны. См. у Воронова (тамъ же стр. 285—287).

ніе богослуженіе латинское, что, при всѣхъ рѣзкихъ порицаніяхъ жестокихъ судей Меѳодія, папа все таки предполагалъ какую-то вину и въ послѣднемъ, ибо обѣ стороны звалъ на судъ въ Римъ. *Такою* виною для папы могло быть не что иное, какъ предположеніе объ уничиженіи латинской службы чрезъ службу славянскую, изображенномъ преувеличенно врагами Меѳодія. И затѣмъ папа, какъ самъ въ сущности все таки сторонникъ ученія о большемъ достоинствѣ латинской службы, могъ чрезъ Павла Анконскаго *совѣтовать, внушать Меѳодію не вводить повсюду славянской службы въ замѣнъ латинской*, сдерживаться съ распространеніемъ ея, чтобы не давать повода и предлога къ жалобамъ и нападкамъ нѣмецкой іерархіи. Этимъ папа могъ надѣяться отнять у нѣмцевъ предлогъ къ возвращенію подъ ихъ власть Панноніи, которую хотѣлъ удержать въ непосредственной зависимости отъ Римской каѳедры при посредствѣ Меѳодія. Не безъ основанія предполагаютъ, что Павлу Анконскому въ вопросѣ о славянскомъ богослуженіи поручено было дѣйствовать, приспособляясь къ обстоятельствамъ, такъ что запрещеніе этого богослуженія, если и предполагалось, то вообще въ смыслѣ ограниченномъ, условномъ, было частною, условною мѣрою, а не формальнымъ приказаніемъ и распоряженіемъ [1]). Поэтому Меѳодій, успѣвшій разъяснить папскому легату необходимость для Славянъ и безвредность для римской церкви славянскаго богослуженія, а также то, что совершалъ и хочетъ совершать его только для Славянъ и въ славянскихъ церквахъ, не отмѣняя латинскаго богослуженія для нѣмцевъ въ ихъ собственныхъ церквахъ,—былъ оставленъ легатомъ при своемъ правѣ совершать славянское богослуженіе. Конечно, эта двойственность въ образѣ дѣйствій Римскаго папы, который съ одной стороны энергически защищалъ Меѳодія отъ нѣмецкой іерархіи, съ другой наклонялся заподозрѣвать самаго Меѳодія и какъ бы побаи-

[1]) Воронова, тамъ же.

ваться успѣховъ славянской церкви и славянскаго богослуженія, не обѣщала въ будущемъ Меѳодію ни спокойствія, ни постоянной прочной опоры въ папѣ. Но теперь, утвержденный на архіепископствѣ въ Моравіи, откуда предъ тѣмъ изгнано было нѣмецкое духовенство, Меѳодій, имѣя опору въ моравлянахъ и князѣ Святополкѣ, могъ *покрайней мѣрѣ нѣсколько лѣтъ* спокойно устраивать Моравскую церковь и распространять славянское богослуженіе по всей Моравіи, отчасти и за предѣлы ея.

На Моравскомъ архіепископствѣ Меѳодій прожилъ ок. 11 лѣтъ, считая съ конца 874 г.[1]). Не многія, но тѣмъ болѣе дорогія для насъ извѣстія о дѣятельности его за это время сообщаетъ Житіе. Сказавъ о принятіи Меѳодія княземъ Святополкомъ и моравлянами и о томъ, что князь поручилъ ему всѣ церкви и всѣхъ стрижниковъ, все духовенство во всѣхъ городахъ, Житіе продолжаетъ: „Отъ того же дни вельми начатъ расти Божіе ученіе и стижницы (начали) множитися во всѣхъ городахъ, и погани вѣровати въ истиннаго Бога, своихъ блудни отметающися. Тольми паче и моравская область пространитися начатъ во вся страны и враги своя побѣждати и съ непогрѣшеніемъ, яко и сами (моравляне) повѣдаютъ присно“. По такому свидѣтельству Жи-

---

[1]) Выше было объяснено, почему *дѣйствительное* вступленіе Меѳодія въ правѣ архіепископской власти въ Моравію могло послѣдовать не ранѣе второй половины 874 г.; даже къ концу этого года. Возраженіемъ противъ такого вывода можетъ служить то, что въ инструкціи папы Іоанна VIII отъ 873 г. легату Павлу, анконскому епископу наказывается послѣднему по освобожденіи Меѳодія изъ тюрьмы отправиться съ нимъ къ Святополку, что слѣд. Меѳодій, освобожденный въ концѣ 873 или начала 874 г. дѣйствительно отправился въ Моравію къ Святополку, а не въ Паннонію къ Коцелу, какъ обыкновенно говорили на основаніи „Житія“ Меѳодія (Древняя и Новая Россія 1881 г. Январь. Стр. 179). Если бы было такъ, то и настоящее архіепископство его въ Моравіи слѣдовало бы считать съ конца 873 или на начала 874 г. Но мы предпочитаемъ держаться свидѣтельства Житія, которое говоритъ, что моравляне просили папу *дать имъ* Меѳодія на епископство *уже послѣ того*, какъ Меѳодій, выпущенный изъ тюрьмы жилъ на свободѣ, но, конечно, еще не былъ дѣйствительнымъ архіепископомъ Моравіи.

тія, дѣятельность св. Меѳодія состояла прежде всего въ возвращеніи Божія ученія, т. е. христіанскаго просвѣщенія среди Моравскихъ христіанъ. Средствами для этого, какъ само собою понятно, служили катихизація, проповѣдь, богослуженіе на славянскомъ языкѣ, а для всего этого Меѳодій посѣщалъ разные города своей Моравской епархіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старался умножать священниковъ по городамъ Моравіи, чтобы дать въ нихъ народу учителей и совершителей славянскаго богослуженія. Послѣ недавняго изгнанія изъ Моравіи нѣмецкихъ священниковъ, не легко было Меѳодію приготовить и понаставлять достаточное число новыхъ священниковъ изъ среды самихъ Моравлянъ,—настолько достаточное, чтобы по всѣмъ городамъ и во всѣхъ церквахъ, какія были до того времени, вѣроятно и вновь строились, могли явиться священники, клирики и могло совершаться славянское богослуженіе. Въ теченіи 5—6 лѣтъ Меѳодій былъ единственнымъ епископомъ на всю Моравію и пастырско-учительскій и святительскій трудъ его былъ очень великъ. Необходимо думать, что князь и Моравляне, сами изгнавшіе предъ тѣмъ нѣмецкихъ священниковъ, сами же теперь старались помогать Меѳодію въ замѣнѣ изгнанныхъ чужеродныхъ священниковъ своими народными. Если прежде Ростиславъ и Коцелъ собирали и отдавали на обученіе св. братьямъ учениковъ изъ своихъ моравскихъ и паннонскихъ славянъ, то, безъ сомнѣнія, тоже дѣлалось въ Моравіи и теперь. Лучшіе изъ этихъ-то учениковъ, какъ прежнихъ, такъ и новыхъ, были вмѣстѣ съ тѣмъ и главными пособниками и споспѣшниками Меѳодія въ его пастырско-учительскихъ трудахъ, и нѣкоторые стали потомъ памятными и по именамъ, каковы Гораздъ, Наумъ, Савва, Лаврентій, Ангеляръ.

Житіе Меѳодія оказывается вѣрнымъ исторіи, когда говоритъ, что въ пору такой благоуспѣшной дѣятельности Меѳодія по возвращенію Божія ученія и устройству національной церкви въ Моравіи продолжало расти, распростра-

няться моравское государство. Могущественный Святополкъ частію оружіемъ, частію умною политикою разширилъ предѣлы своего государства, подчинивъ своей власти на западѣ Чеховъ, сѣверѣ Сербовъ лужицкихъ или Лужичанъ (въ нынѣшней Силезіи), на сѣверо-востокѣ Ляховъ или Поляковъ Малой или Краковской Польши, на юго-востокѣ—Словаковъ. Это разширеніе политическихъ предѣловъ Моравіи было вмѣстѣ съ тѣмъ расширеніемъ и предѣловъ Велико-Моравской епархіи Меѳодія, чрезъ что названные славянскіе народы сами собою ставились въ возможность усвоять христіанско-просвѣтительное вліяніе Меѳодія и его Моравско-славянской церкви. Къ этимъ-то народамъ и должно по преимуществу относить свидѣтельство Житія о томъ, что чрезъ служеніе Меѳодія „погани, т. е. язычники познавали истиннаго Бога". Опредѣленнѣе отмѣченъ въ Житіи одинъ фактъ такого вліянія Меѳодія, касающійся какого-то польскаго князя на Вислѣ. „Поганескъ князь, силенъ вельми, сѣдя въ Вислѣхъ, ругашеся христіаномъ и пакости дѣяше. Пославъ же, рече къ нему: добро ти ся крестити, сыну, волею своею на своей землѣ, да не плѣненъ нуждьми крещенъ будеши на чужей землѣ, и помянеши меня: еже и бысть". Послѣднія слова указываютъ, что этотъ неизвѣстный по имени князь вислицкій дѣйствительно былъ кѣмъ-то побѣжденъ, плѣненъ и въ плѣну принялъ крещеніе. Всего вѣроятнѣе, побѣжденъ и плѣненъ былъ онъ Святополкомъ, а крещеніе принялъ въ Моравіи отъ Меѳодія или его учениковъ. Вѣроятно также, въ связи съ этимъ обстоятельствомъ находится и слѣдующій разсказъ „Житія": Когда Святополкъ воевалъ *съ погаными* и не успѣвалъ въ войнѣ, такъ что война замедлилась, затянулась на долго, то Меѳодій, по случаю приближавшагося дня св. ап. Петра, послалъ сказать князю: „если дашь обѣтъ прибыть съ своими воинами ко мнѣ на день св. Петра на церковную службу; то вѣрую Богу моему, что Онъ вскорѣ предастъ тебѣ ихъ (поганыхъ): еже и бысть". Нѣкоторые изъ польскихъ изслѣдователей пола-

гаютъ, и, кажется намъ, основательно, что упоминаемая здѣсь война была войною съ тѣми же вислянскими язычниками, о сильномъ князѣ которыхъ говорилось выше. Указываютъ и на то, что Святополкъ, признавая надъ собой знаменія покровительства св. ап. Петра, жертвовалъ на церковь во имя св. Апостола въ Оломуцѣ и Брнѣ, и что въ 884 г. князь Святополкъ съ многочисленнымъ народомъ присутствовалъ на торжествѣ освященія новой церкви св. Петра и Павла, совершенномъ Меѳодіемъ. Вообще, согласно съ свидѣтельствомъ Житія, болѣе правдивые изъ польскихъ изслѣдователей признаютъ, что начало христіанства въ Краковской Польшѣ положено трудами св. Меѳодія и его учениковъ, съ введеніемъ при этомъ славянскаго богослуженія [1]).

Далѣе, къ числу тѣхъ „поганыхъ“ или язычниковъ, которые, по Житію Меѳодія, приведены были къ познанію истиннаго Бога стараніемъ моравскаго архипастыря въ описываемый пятилѣтній періодъ (874—879) его мирнаго служенія, слѣдуетъ отнести чешского князя Боривоя и жену его Людмиллу. О крещеніи Боривоя Меѳодіемъ говоритъ первый чешскій лѣтописецъ Косма пражскій, какое свидѣтельство повторяется и у послѣдующихъ чешскихъ лѣтописцевъ, признается за несомнѣнный фактъ чешскими и другими славянскими изслѣдователями. Моравская легенда такъ разсказываетъ объ обстоятельствахъ крещенія Боривоя и Людмиллы: въ домѣ Моравскаго князя Святополка былъ большой пиръ: хозяинъ, указывая гостямъ ихъ мѣста, посадилъ чешскаго князя Боривоя подъ столъ, говоря, что не пристойно язычнику сидѣть за столомъ, рядомъ съ христіанами. Теперь или вскорѣ потомъ Меѳодій началъ склонять Боривоя къ принятію св. крещенія, предсказывая ему, что онъ и его потомки будутъ знаменитыми государями. Бо-

[1]) Бѣлювскій, Monumenta Poloniae T. I. p. 118—119. Мацѣевскій— Исторія первобытной хр. церкви у славянъ p. 59. 60. 249—250.

ривой внялъ увѣщаніямъ и крестился. По возвращеніи его на родину крестилась и его супруга Людмилла. Долго еще они жили мирно и благочестиво и умерли, оставя въ своей благочестивой жизни примѣръ назиданія. Въ разсказѣ легенды можно предполагать намеки на историческую дѣйствительность. Вѣроятно сильный и воинственный моравскій князь, успѣвшій распространить моравскую державу на счетъ сосѣднихъ славяно-языческихъ странъ, подчинилъ своей силѣ и чешскаго князя, который являлся къ нему на съѣздъ и пиръ, въ качествѣ вассала, но которому Святополкъ давалъ чувствовать его неравенство предъ собою, какъ сильнымъ христіанскимъ княземъ. Рѣчь о вѣрѣ на пиру была здѣсь столько же умѣстною, какъ были умѣстными пренія о вѣрѣ, веденныя Константиномъ на обѣдахъ у хазарскаго кагана. Меѳодій, если присутствовалъ на пиру (присутствіе духовныхъ лицъ на княжескихъ и королевскихъ обѣдахъ, пирахъ было довольно обычнымъ явленіемъ въ средніе вѣка), могъ воспользоваться *поводомъ* для наставительной христіанской бесѣды съ чешскимъ княземъ и склонить его къ принятію крещенія, поставивъ ему на видъ и то, что, ставъ христіанскимъ княземъ, онъ вступитъ въ семью христіанскихъ государей, возвыситъ себя и свой княжескій родъ съ его потомствомъ. Само собою понятно, что въ слѣдъ за княземъ и княгинею, по ихъ примѣру, должны были принять христіанство и многіе изъ знатныхъ чеховъ, бывъ крещены Меѳодіемъ или его священниками, посланными для этого въ Чехію. Столько же понятно и вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что съ христіанствомъ перешли изъ Моравіи въ Чехію славянское богослуженіе и славянскія книги. По чешской легендѣ о св. Людмиллѣ и Вячеславѣ этотъ послѣдній, внукъ Борибоя и Людмиллы, изучалъ, кромѣ латинскихъ и греческихъ книгъ, такъ же и славянскія „по слѣду попову“.

Къ сожалѣнію, нѣтъ опредѣленныхъ извѣстій о пастырско-просвѣтительныхъ дѣйствіяхъ Меѳодія среди лужицкихъ

сербовъ, — дѣйствіяхъ, которыя однакоже *предполагаются* въ слѣдствіе присоединенія этихъ сербовъ къ державѣ Святополка, а слѣд. къ епархіальной области Меѳодія. Но есть косвенное, но довольно опредѣлительное извѣстіе о такихъ дѣйствіяхъ его среди Словаковъ, подпавшихъ власти Святополка, на востокѣ отъ Моравіи. Извѣстно, что въ 880 г. съ согласія Меѳодія, епископомъ для нихъ поставленъ былъ нѣмецъ Вихингъ съ каѳедрою въ главномъ городѣ страны Нитрѣ. Каѳедра учреждена, конечно, потому, что предъ этимъ здѣшніе Словаки, покоренные Святополкомъ, обращены были въ христіанство. Зальцбургскій архіепископъ Теотмаръ писалъ въ 900 году: Wichingum consecrauit (papa) in quandam *neophytam* gentem, quam ipse dux (Святополкъ) domuit bello et ex paganis *christianos* esse patravit [1]). Безъ сомнѣнія это обращеніе словаковъ-язычниковъ совершилось при участіи Меѳодія и его священниковъ.

Что касается до самой Панноніи, для которой впервые и поставленъ былъ Меѳодій епископомъ, то съ подпаденіемъ ея въ 874 г., по смерти Коцела, подъ власть нѣмцевъ Меѳодій сильно затрудненъ былъ въ законныхъ проявленіяхъ своей архипастырской попечительности объ этой странѣ. Но необходимо думать, что онъ, опираясь на папскія опредѣленія, которыми Паннонія предоставлялась его архипастырской власти, не отказывался отъ своихъ правъ на Паннонію и отъ долга заботиться о ней. Столько же вѣроятно, что славянскіе священники Меѳодіева постановленія, остававшіеся въ Панноніи, не забывали своего любимаго архипастыря, не отрекались отъ введеннаго имъ славянскаго богослуженія, хотя, при господствѣ нѣмцевъ и власти нѣмецкаго епископа, этимъ священникамъ приходилось бороться съ большими затрудненіями, опасностями, а можетъ быть и страдать за славянское богослуженіе, какъ страдалъ недавно и самъ Меѳодій. Лучшее время для Панноніи и сла-

[1]) Кирилло-Меѳодіевскій Сборникъ, стр. 56, прим. М. 1865 г.

вянскаго въ ней духовенства и богослуженія должно было настать съ 884 г., когда нѣмцы вынуждены были уступить ее могущественному Святополку, о чемъ рѣчь будетъ ниже.

Наконецъ съ большою вѣроятностію слѣдуетъ допустить, что вліяніе Меѳодія, какъ Моравско-Паннонскаго архипастыря, и его славянскаго богослуженія простиралось и на хорвато-сербскую Далмацію, по крайней мѣрѣ на сѣверную часть ея. Возможно, что имена Кирилла и Меѳодія, какъ славянскихъ учителей, стали извѣстны въ ней еще со времени перваго путешествія ихъ въ Моравію, которое, какъ мы полагаемъ, совершено было не чрезъ Болгарію, а западнымъ путемъ, и быть можетъ чрезъ Далмацію. Возможно и то, что Меѳодій бывалъ здѣсь и въ одинъ изъ своихъ переходовъ изъ Панноніи въ Римъ и обратно [1]). А послѣ того, какъ папа Іоаннъ VIII, помогшій Меѳодію освободиться изъ тюрьмы и возстановившій его на паннонскомъ архіепископствѣ, поспѣшилъ съ увѣщаніями хорвато-сербскому князю Мутиміру присоединить свою область къ паннонской епар-

---

[1]) Предположеніе это г. Лавровскій подкрѣпляетъ ссылкой на извѣстіе упомянутаго выше отрывка de conversione Carantanorum, гдѣ Меѳодій представляется прибывшимъ въ Моравію и Паннонію изъ Истріи и Далмаціи: supervenit quidam Sclavus ab Histriae et Dalmatiae partibus, nomine Methodius, qui adinvenit sclavicas literas et slavice celebravit divinum officium (тамъ же стр. 216, прим.). Представленіе о происхожденіи или приходѣ Меѳодія изъ предѣловъ Истріи и Далмаціи могло возникнуть не иначе, какъ въ слѣдствіе преданія, что Меѳодій дѣйствительно былъ тамъ, проходилъ эти страны на пути въ Паннонію и непосредственно по приходѣ сюда объявилъ публично славянскія книги и повсюду открывалъ по нимъ славянское богослуженіе. Это могло быть уже въ первое, и еще вѣроятнѣе во второе обратное путешествіе изъ Рима въ Паннонію въ 870 г., когда Меѳодій возвращался не только уполномоченный папою совершать богослуженіе по одобреннымъ въ Римѣ славянскимъ книгамъ, но и поставленный въ санъ Паннонскаго епископа, такъ что по приходѣ въ Паннонію могъ съ большею, чѣмъ прежде, свободою и публичностію повсюду открывать славянское богослуженіе. На пути изъ Рима въ Паннонію чрезъ Далмацію, Меѳодій могъ на нѣкоторое время и останавливаться здѣсь и ознакомить съ своими славянскими книгами князя и представительныхъ славянъ.

хіи, имѣющей своего архіепископа въ лицѣ Меѳодія, между послѣдними, т. е. Мутиміромъ и Меѳодіемъ естественно предполагать возникновеніе сношеній, хотя объ нихъ и неизвѣстно, естественно предполагать, что и Меѳодій, освѣдомленный о взглядѣ Рима на область Мутиміра, какъ на такую, которая принадлежала и должна принадлежать къ составу паннонскй епархіи, счелъ своимъ правомъ и долгомъ проявить такъ или иначе свое вліяніе на эту область. За всѣмъ тѣмъ самое родство и сосѣдство паннонскихъ или посавскихъ хорватовъ съ далматинскими или съ засавскими хорватами должны были повліять на переходъ къ послѣднимъ славянскихъ книгъ и славянскаго богослуженія. Это могло наступить даже съ 874 г., когда съ подпаденіемъ Паннонія подъ власть нѣмцевъ и нѣмецкаго духовенства здѣшніе славянскіе священники подвергались стѣсненіямъ и гоненіямъ за славянское богослуженіе, такъ что покрайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ располагались искать убѣжища, а такимъ естественно должна была представляться для нихъ не Моравія только, но и засавская Хорватія, какъ страна сосѣдняя, родственная и независимая.

Такимъ образомъ 5—6-лѣтній періодъ служенія Меѳодія, какъ моравско-паннонскаго архіепископа, обнимающій 874—879 годы, былъ плодовитъ дѣятельностію и ознаменованъ значительнымъ расширеніемъ сферы его вліянія, вліянія славянской церкви и славянскаго богослуженія.

Но оставались и сильные враги ихъ, сосредоточившіе свою вражду на личности св. Меѳодія. Новыя интриги ихъ поднимаются уже съ 879 г., въ видѣ новыхъ обвиненій на Меѳодія, занесенныхъ въ Римъ, и наговоровъ на него предъ самымъ княземъ Святополкомъ. Меѳодія обвиняли въ томъ, что онъ учитъ и исповѣдуетъ несогласно съ римскою церковію и совершаетъ божественную службу не на греческомъ или латинскомъ языкахъ, а на языкѣ славянскомъ. Существо перваго обвиненія выясняется изъ „Житія“ Меѳодія. Онъ замѣчаетъ, что врагами-обвинителями Меѳодія были тѣ, которые „болѣли *іоаторскою ересью*, т. е. ученіемъ о *filioque*.

Было сказано, что это ученіе, явившееся въ Испаніи въ смыслѣ догмата, усвоенное франко-нѣмецкою іерархіею, составляло теперь излюбленный догматъ послѣдней, почти навязанный ею Риму, откуда папа Николай I поручилъ именно франкскимъ богословамъ защищать filioque противъ обличеній со стороны Фотія и грековъ. Меѳодій, какъ православный грекъ, отвергалъ filioque, держался никео-цареградскаго символа, который былъ пѣтъ или читаемъ и на славянскомъ богослуженіи. Въ этомъ, безъ сомнѣнія, и видѣло латино-нѣмецкое духовенство несогласіе Меѳодія съ ученіемъ Римской церкви и за это, по неразумію, обвиняло Меѳодія въ ереси. Второе обвиненіе, касавшееся славянскаго богослуженія, было простымъ повтореніемъ тѣхъ нападокъ на него, которыя начались съ перваго появленія св. братьевъ въ Моравіи. Все это понятно само собою: но несовсѣмъ понятно то неожиданное обстоятельство, что самъ Святополкъ возымѣлъ какія-то сомнѣнія относительно правовѣрія Меѳодія, такъ что и самъ отправилъ къ папѣ своего посла пресвитера Іоанна венеціанскаго съ выраженіемъ своихъ колебаній и недоумѣній по этому предмету. Разъясненія этого обстоятельства необходимо искать въ характерѣ Святополка и тогдашнихъ политическихъ отношеній его. Государь воинственный и предпріимчивый, искусный, хотя и неразборчивый въ средствахъ, политикъ, Святополкъ не далекъ былъ въ пониманіи ученія вѣры и уже поэтому способенъ былъ придти въ недоразумѣнія отъ наговоровъ враговъ Меѳодія относительно правоты ученія его. Само собою понятно, что такіе наговоры могли идти только изъ среды враждебныхъ Меѳодію лицъ латино-нѣмецкаго духовенства при дворѣ Святополка. Откуда взялись такія лица при дворѣ моравскаго князя, по изгнаніи еще въ 874 г. изъ Моравіи нѣмецкихъ священниковъ? Какъ успѣли они пріобрѣсть такое вліяніе, такое довѣріе у князя, чтобы поколебать довѣріе его къ Меѳодію, котораго самъ онъ испросилъ у папы для Моравіи и затѣмъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ видѣлъ ревностное и плодо-

творное служеніе его моравской церкви и странѣ? Необходимо думать, что не всѣ чужестранные священники изгнаны были изъ Моравіи, что нѣкоторые изъ нихъ удержались, что въ частности они удержались и при дворѣ Святополка или вновь явились при немъ. Припомнимъ, что Святополкъ началъ свою политическую роль, какъ союзникъ нѣмцевъ противъ дяди Ростислава, котораго онъ погубилъ чрезъ нѣмцевъ, открывъ чрезъ это себѣ путь къ великокняжескому престолу. Побывавъ затѣмъ и самъ въ нѣмецкой тюрьмѣ, онъ, какъ было сказано, одумался, и сталъ изъ союзника врагомъ нѣмцевъ и защитникомъ политической независимости Моравіи. Но послѣ такого начала политической роли Святополка, связь его съ нѣмцами и вообще иностранцами не могла прекратиться. Ставъ независимымъ государемъ, Святополкъ предпочиталъ жить въ мирѣ съ сосѣдними нѣмецкими владѣтелями, какъ сосѣдями, сосѣдями все еще сильными. Будучи моравско-славянскимъ государемъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сознавалъ себя стоящимъ въ ряду *западно-европейскихъ* государей и князей, съ которыми неизбѣжны были политическія сношенія, переговоры. Около 879 г. застаемъ Святополка даже въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Карломану и его побочному сыну Арнульфу, Каринтійскому герцогу, у котораго онъ потомъ крестилъ сына, названнаго Святополкомъ въ честь крестнаго отца. Вообще въ качествѣ западно-европейскаго государя Святополкъ по видимому не считалъ нужнымъ сторониться отъ союзныхъ отношеній съ ближайшими для него представителями западно-европейской, латино-нѣмецкой цивилизаціи и государственности, думая расширять предѣлы своего государства болѣе на счетъ языческихъ, полуварварскихъ славянскихъ земель, какъ Чехія, Малая Польша. При такихъ отношеніяхъ Святополка къ латино-нѣмецкому западу, ему не только не лишними, но и нужными казались лица западной латинской и латино-нѣмецкой національности и образованности, нужны особенно, какъ дипломаты, полезные для переговоровъ и договоровъ, ко-

торые велись и писались на языкѣ латинскомъ, какъ наиболѣе общемъ языкѣ тогдашняго образованія, законодательства, дипломаціи на западѣ. Такъ въ 873 г. для переговоровъ съ королемъ Лудовикомъ въ Вормсѣ прибылъ сюда посломъ отъ Святополка нѣмецъ изъ плѣнныхъ Бертрамъ [1]). Въ 874 г. переговоры съ тѣмъ же Лудовикомъ въ Форхгеймѣ велъ отъ имени Святополка, въ числѣ другихъ, Іоаннъ венеціанскій священникъ. Этотъ же Іоаннъ, въ качествѣ придворнаго священника—дипломата является и въ 879 г., что указываетъ на прочность его значенія при дворѣ Святополка. Въ этомъ же году съ значеніемъ извѣстнаго при дворѣ его лица является нѣмецъ священникъ Вихингъ, о которомъ придется намъ еще довольно говорить впереди. Возможно, что кромѣ этихъ извѣстныхъ при дворѣ Святополка лицъ изъ итальянскаго и нѣмецкаго духовенства были и другіе, оставшіеся неизвѣстными, что Святополкъ продолжалъ видываться съ нѣмецкими епископами напр. во время съѣздовъ или переговоровъ съ нѣмецкими князьями, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ на средневѣковомъ западѣ рѣдко обходились безъ лицъ изъ высшаго или придворнаго духовенства. Но какъ скоро духовныя лица изъ латинянъ и особенно нѣмцевъ удерживались въ близости къ Святополку или успѣвали сближаться съ нимъ при благопріятныхъ случаяхъ, то понятно, что одною изъ главныхъ задачъ ихъ должна была стать интрига противъ Меѳодія. Вспомнимъ угрозу ихъ Коцелу по высвобожденіи Меѳодія изъ тюрьмы: „если примешь его, не избудешь бѣды отъ насъ“. Слышимая въ этой угрозѣ злоба противъ Меѳодія продолжала таиться въ сердцѣ тѣхъ, которые, наслѣдовавъ мѣста бывшихъ истязателей Меѳодія, наслѣдовали и эту злобу, въ тѣхъ же интересахъ властолюбія и корысти, которыми разжигалась она у первыхъ. Сильному Святополку враги Меѳодія

---

[1]) У г. Бильбасова въ ст. „Кириллъ и Меѳодій“, тамъ же стр. 420.

не могли грозить за пріемъ Меѳодія такъ, какъ грозили они слабому Коцелу. Но они могли вліять на Святополка другими способами. Оказывая ему услуги въ дѣлахъ политическихъ, дипломатическихъ, какъ знатоки латыни и представители латино-нѣмецкой цивилизаціи, къ которой повидимому имѣлъ уваженіе и Святополкъ, какъ государь славянскій, но вмѣстѣ и западно-европейскій, они умѣли льстить самолюбію и страстямъ его. Если Меѳодій не могъ воспитать Святополку нужныхъ или казавшихся нужными ему знатоковъ латино-нѣмецкой дипломаціи, ибо не этому посвящалъ онъ свое служеніе, то уже совсѣмъ не былъ онъ наклоненъ льстить самолюбію и страстямъ людскимъ. Какъ высоконравственный святитель и учитель, онъ напротивъ считалъ святымъ долгомъ говорить правду и обличать людскія беззаконія и страсти, которымъ поблажали враги его. Объ одномъ случаѣ такого обличенія со стороны Меѳодія и поблажки или лести со стороны латино-нѣмецкихъ духовныхъ упоминаетъ „Житіе“ Меѳодія. Нѣкто, человѣкъ богатый, княжескій совѣтникъ [1]) женился на своей купертѣ, т. е. ятровнѣ (невѣсткѣ, свояченицѣ). Меѳодій обличалъ обоихъ, но не могъ склонить къ прекращенію незаконнаго сожительства. Но другіе (какими были, какъ явно подразумѣвается здѣсь, латино-нѣмецкіе патеры), притворяясь служителями Божіими, развращали такихъ лицъ, льстя имъ ради ихъ имѣній. Видя это, строго-нравственный Меѳодій сказалъ слушавшимъ этихъ льстецовъ: „придетъ время, когда вамъ не помогутъ эти льстецы, и тогда вспомните мои слова, но будетъ поздо“. И внезапно, когда Богъ отступилъ отъ нихъ, постигла ихъ напасть, такъ что *не обрѣтеся и мѣсто ихъ* (Пс. 102 ст. 16). Люди страсти не любятъ обличителей — пророковъ. Можно *до извѣстной степени* дать вѣру позднѣйшимъ сказаніямъ о

---

[1]) Въ „Житіи“ сказано просто *совѣтникъ*. Но само собою понятно, что совѣтникъ этотъ былъ *княжескимъ* совѣтникомъ, т. е. членомъ *княжескаго совѣта, княжеской думы*.

томъ, что и самъ Святополкъ, при всѣхъ своихъ качествахъ умнаго и воинственнаго государя, былъ не чуждъ такихъ слабостей и страстей, угодливостію или поблажкою которымъ латино-нѣмецкіе прелаты или патеры успѣвали заискивать его расположеніе, довѣріе, подрывая вмѣстѣ съ тѣмъ его расположеніе и довѣріе къ строго нравственному Меѳодію. Моравская легенда выражается: „Святополкъ съ обычнымъ звѣрствомъ, напыщенный гордостію, сталъ управлять съ служителями сатаны, которые, подобно неистовымъ псамъ, будучи связаны съ нимъ одинаковыми мыслями, утверждали, что ученіе мужа Господня (Меѳодія) суетно, и старались истребить тѣхъ, кто вмѣстѣ съ нимъ призывалъ заблудшихъ на путь спасенія и милости“ [1]). Біографъ Климента Бѣлицкаго говоритъ: „тогда и Святополка (который управлялъ послѣ Ростислава Моравіею), человѣка грубаго и невѣжественнаго, обошедши коварствомъ, сдѣлали они (франки или нѣмцы) всецѣло участникомъ своего ученія. Да и какимъ образомъ онъ, рабъ женскихъ утѣхъ, не внималъ бы больше имъ, чѣмъ Меѳодію, отмѣчавшему гибельное для души зло въ каждомъ удовольствіи. Ибо, что изобрѣлъ Евномій, положившій начало аномейской ереси, для привлеченія большаго числа учениковъ, то придумалъ также безумный народъ франковъ, т. е. снисходить ко всѣмъ грѣхамъ. Святополкъ, извращенный ими, позволявшими ему все, не обращалъ уже вниманія на Меѳодія, даже относился къ нему, какъ къ непріятелю. И что уже ни говорилъ ему съ кротостію, какими и угрозами ни стращалъ князь Великій!“ [2]). Если и признать, что въ этихъ отзывахъ о характерѣ Святополка и его отношеній къ Меѳодію есть преувеличенія, то все же слѣдуетъ признать въ нихъ и долю правды, состоящей въ томъ, что при дворѣ Святополка и у него самаго лесть враговъ Меѳодія была опорою интриги ихъ противъ святого мужа. Меѳодій, державшійся никео-цареград-

[1]) У Добровскаго, Мор. лег. стр. 41—42.
[2]) Patr. Graec. edit. Migne. T. CXXVII, p. 1204.

скаго символа, отвергавшій, вѣроятно, и обличавшій новый франко-нѣмецкій догматъ filioque, выставляемъ былъ предъ Святополкомъ, какъ нарушающій единство исповѣданія вѣры, какъ еретикъ. Недалекій въ вопросахъ вѣры, вмѣстѣ съ тѣмъ наклонный довѣрять льстивымъ наговорамъ латино-нѣмецкихъ патеровъ, князь не желалъ, чтобы его государство прослыло зараженнымъ ересью, чтобы въ ученіи вѣры оно отрознялось отъ ученія сосѣднихъ христіанскихъ государствъ запада. Возможно, что льстивые наговорщики напоминали Святополку и о былomъ еретичествѣ готовъ и готскихъ государей, бывшемъ одною изъ причинъ упадка ихъ политической силы. Понятно, что Святополку желательно было очистить себя отъ подозрѣнія въ покровительствѣ ереси въ его государствѣ, успокоить свою совѣсть, а это и побуждало его обратиться съ вопросомъ о вѣрѣ Меѳодія туда, куда отправлены были доносы на него и латино-нѣмецкимъ духовенствомъ, т. е. въ Римъ. Что касается славянскаго богослуженія, бывшаго другимъ пунктомъ обвиненій, занесенныхъ на Меѳодія въ Римъ, то этотъ обвинительный пунктъ не могъ, конечно, быть поддерживаемъ Святополкомъ, который напротивъ, самъ долженъ былъ покровительствовать Славянскому богослуженію. Но едва ли и въ этомъ пунктѣ не удалось льстивымъ къ Святополку и враждебнымъ Меѳодію прелатамъ и патерамъ найти такую сторону, на которой могъ сойтись съ ними князь, дружившій тогда съ нѣмцами и имѣвшій на своемъ дворѣ латино-нѣмецкихъ священниковъ, какъ Іоаннъ венеціанскій и Вихингъ. Мы видѣли, что еще при первомъ разрѣшеніи Меѳодію Славянскаго богослуженія, данномъ папою Адріаномъ въ буллѣ его къ князьямъ Ростиславу, Святополку и Коцелу, говорилось, чтобы апостолъ и Евангеліе на литургіи читались сперва на латинскомъ языкѣ, потомъ на Славянскомъ. Самъ Меѳодій, если зналъ латинскій языкъ (что неизвѣстно, но вѣроятно), могъ выполнять это повелѣніе Римской каѳедры. Но не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что выполнять это

во всѣхъ церквахъ и при каждомъ богослуженіи Меѳодій не могъ. Это было и излишнимъ для Славянъ, имѣвшихъ священныя книги на своемъ языкѣ; а главное—не легко было Меѳодію *научить* читать и понимать по латыни своихъ ставленниковъ и священниковъ изъ Славянъ[1]). Очень и очень довольно было для него и того труда, чтобы научить ихъ тому, что прежде всего и болѣе всего нужно было имъ, т. е. читать по славянски и понимать читаемое. Такимъ образомъ повелѣніе Римскаго престола о чтеніи апостола и евангелія *сперва на латинскомъ* языкѣ мало выполнялось. Тутъ и могъ быть найденъ поводъ къ новому обвиненію Меѳодія за славянское, т. е. *исключительно Славянское* богослуженіе его, съ отсутствіемъ всякой латыни на немъ. Святополку это обстоятельство могло быть представлено не только какъ нарушеніе прямаго повелѣнія Рима, какъ отступленіе отъ общаго на Западѣ церковнаго обычая, но какъ и вредное для государства, какъ обстоятельство, грозящее отчужденіемъ Моравіи отъ общей на западѣ латинской, латино-нѣмецкой цивилизаціи, какъ потворство невѣжеству, знающему только свой, грубый и варварскій, языкъ, и не желающему знать языка болѣе образованнаго класса и общества въ сосѣднихъ государствахъ, у сосѣднихъ народовъ. Такія рѣчи могли слышаться особенно среди придворныхъ князя изъ латинянъ и нѣмцевъ или даже изъ знатныхъ моравлянъ, ознакомившихся съ латынью отъ первыхъ. Всѣмъ этимъ въ совокупности и выяснется то, кажущееся страннымъ, обстоятельство, что одновременно съ доносами на Меѳодія отъ латино-нѣмецкаго духовенства, прибылъ въ Римъ и посолъ отъ Святополка Іоанъ Венеціанскій съ выраженіемъ отъ его имени недоразумѣній и колебаній князя относительно правовѣрія Меѳодія. Въ отвѣтъ на доносы нѣмцевъ и на за-

---

[1]) Какъ не легко было это—можно заключить изъ того, что предъ кончиною Меѳодія между *ближайшими* учениками его знающимъ латинскій языкъ оказывался одинъ Горазд.

просъ Святополка Іоаннъ VIII въ іюлѣ 879 года прислалъ Меѳодію слѣдующее письмо:

„Іоаннъ епископъ, рабъ рабовъ Бога, досточтимому Меѳодію, архіепископу Паннонской церкви. Хотя ученіями твоей проповѣди ты долженъ бы вести къ спасенію и наставлять народъ Божій, ввѣренный тебѣ какъ бы духовному пастырю, однако мы слышали, что ты распространяешь не то ученіе, которое святая римская церковь приняла отъ самаго князя апостоловъ и которое она ежедневно проповѣдуетъ, и тѣмъ вводишь народъ въ заблужденіе. Поэтому мы симъ посланіемъ нашего посольства повелѣваемъ тебѣ нимало не медля позаботиться тотъ часъ явиться къ намъ, чтобы мы изъ твоихъ устъ услышали и узнали, такъ ли ты исповѣдуешь и такъ ли проповѣдуешь, какъ устно и письменно обѣщалъ ты вѣрить св. Римской церкви, или нѣтъ, такъ чтобы мы точно познали твое ученіе. Также слышали мы, что ты поешь литургію на варварскомъ, т. е. славянскомъ языкѣ. Потому мы уже нашимъ письмомъ, отосланнымъ къ тебѣ чрезъ Павла, епископа анконскаго, запрещали совершать Божественныя службы на этомъ языкѣ, но или на латинскомъ или на греческомъ, какъ то поетъ церковь Божія, разсѣянная по всему земному шару и распространенная у всѣхъ народовъ; проповѣдывать же или говорить поученія народу на славянскомъ языкѣ тебѣ дозволяется, такъ какъ псалмопѣвецъ увѣщеваетъ всѣ племена хвалить Бога, и Апостолъ говоритъ: всякъ языкъ да исповѣсть, яко Господь Іисусъ во славу Бога Отца“. Къ князю Святополку Іоаннъ VIII писалъ: „Іоаннъ, рабъ рабовъ Бога, Святополку Моравскому. Мы желаемъ извѣстить васъ, что мы, Божіею милостію, намѣстникъ князя апостоловъ, блаж. Петра, васъ, какъ любезнѣйшаго сына благочестивою любовію обнимаемъ и отеческою привязанностію любимъ и въ нашихъ непрестанныхъ молитвахъ поручаемъ васъ всѣхъ Господу Іисусу Христу, молясь постоянно за васъ, да всемогущій Господь, просвѣтившій сердце ваше и наставившій васъ на путь

истины, укрѣпитъ васъ въ добрыхъ дѣлахъ, и да удостоитъ довести васъ до конца въ правой вѣрѣ и притомъ изукрашеннаго добрыми дѣлами и невредимаго. Но *вы колеблетесь въ правой вѣрѣ*, какъ мы узнали то изъ донесенія пресвитера Іоанна, котораго вы къ намъ прислали [1]). Мы увѣщаваемъ вашу любовь, чтобы вы были тверды въ томъ и вѣрили въ то, что святая Римская церковь приняла отъ самаго апостольскаго князя, неизмѣнно сохранила и сохранитъ до конца вѣка; и эта церковь разсѣеваетъ ежедневно по всему міру слова святой вѣры и истинныя сѣмена проповѣди, чему какъ вамъ извѣстно, наши предшественники, святые представители апостольскаго престола, съ самаго начала учили отцевъ вашихъ. Если же кто, *вашъ ли епископъ*, или другой какой священникъ, дерзнетъ иначе поучать или иначе проповѣдывать, то со священнымъ рвеніемъ единодушно недомысленно отвергните ложное ученіе, но стойте и держите преданіе апостольскаго престола. Ибо мы очень удивились, услышавъ, что *Меѳодій*, *вашъ архіепископъ*, который былъ рукоположенъ и посланъ къ вамъ нашимъ предшественникомъ, именно папою Адріаномъ, *иначе учитъ*, чѣмъ онъ исповѣдывалъ устно и письменно предъ апостольскимъ престоломъ. Поэтому-то мы послали къ нему, чтобы онъ безостановочно прибылъ къ намъ, чтобы намъ услышать изъ его устъ, такъ ли онъ держитъ и вѣруетъ, какъ онъ исповѣдывалъ, или нѣтъ".

Меѳодій немедленно отправился въ Римъ, сопровождаемый вассаломъ моравскаго князя Семизисномъ и пресвитеромъ нѣмцемъ Вихингомъ. Пробывъ въ Римѣ въ одномъ изъ послѣднихъ мѣсяцевъ 879 г., Меѳодій оставался здѣсь не менѣе, если не болѣе полугода—до іюня 880 г. [2]). Уже

---

[1]) Вѣроятно, этотъ пресвитеръ Іоаннъ, какъ пресвитеръ *латинскій*, не былъ и самъ чуждъ тѣмъ наговорамъ противъ Меѳодія, плодомъ которыхъ были колебанія Святополка относительно чистоты вѣры послѣдняго.

[2]) О Семизисцѣ, какъ спутникѣ Меѳодія, говорится въ приводимомъ ниже посланіи папы къ Святополку. Тамъ же говорится и о присланномъ Свято-

вта продолжительная задержка Меѳодія въ Римѣ даетъ основаніе предполагать, что дѣло его велось здѣсь съ большими для него затрудненіями, съ большими колебаніями относительно его со стороны папы и Римской куріи. За то оно окончилось благопріятно для Меѳодія. Онъ возвратился въ свою епархію съ слѣдующимъ посланіемъ папы Іоанна VIII къ князю Святополку, даннымъ въ іюнѣ 880 года:

„Іоаннъ, епископъ, рабъ рабовъ Бога, любезному сыну Святополку, славному графу. Мы желаемъ, чтобы твое раченіе узнало, что когда братъ нашъ Меѳодій, достопочтенный епископъ святой моравской церкви, вмѣстѣ съ Семизисномъ, твоимъ вассаломъ, предстали къ порогу св. апостоловъ Петра и Павла и предъ наше папское лицо и произнесли ясную рѣчь, то мы узнали искренность твоей преданности и любовь всего твоего народа, которую вы питаете къ св. апостольскому престолу и къ нашему отеческому сердцу. Ибо, по воздѣйствію Божественной благодати, презрѣвъ другихъ князей міра сего, ты самъ, равно какъ и твои вѣрные вассалы, и все населеніе твоей земли, вѣрнѣйшею любовію избрали св. Петра, перваго изъ апостоловъ, и его намѣстника своими патронами, помощниками и заступниками во всѣхъ дѣлахъ, и склоняя свою главу предъ защитою его и его намѣстника, ты желаешь съ благочестивымъ рвеніемъ и при помощи Божіей остаться до конца дней самымъ вѣрнымъ сыномъ его. За такую-то великую вѣрность и преданность твою и твоего народа мы обнимаемъ тебя распростертыми объятіями нашего апо-

---

полкомъ для рукоположенія въ епископы Вихингѣ, безъ упоминанія впрочемъ о томъ, когда прибылъ Вихингъ: теперь ли вмѣстѣ съ Меѳодіемъ и Семизисномъ или прежде—съ пресвитеромъ Іоанномъ. Первое—вѣроятнѣе, по ходу рѣчи въ посланіи. Конецъ 879 г., какъ время прибытія Меѳодія, опредѣляется датою посланія 879 г. Посланіе это, вызвавшее Меѳодія въ Римъ, датировано *отъ іюня* 879 г. Посчитавъ время на доставку его въ Моравію, затѣмъ на сборы Меѳодія въ Римъ, хотя и немедленные, затѣмъ на самый путь его въ Римъ, подойдемъ къ концу 879 г., но едва ли далѣе ноября или даже октября, ибо папа требовалъ *скорѣйшаго* прибытія Меѳодія.

стольства, съ особенною любовію, какъ бы единственнаго сына, и принимаемъ тебя въ лоно нашей отеческой любви вмѣстѣ съ твоими вѣрными, какъ овецъ Господнихъ, намъ ввѣренныхъ, и мы желаемъ милостиво питать тебя хлѣбомъ жизни и въ нашихъ непрестанныхъ молитвахъ мы не перестаемъ поручать тебя Всемогущему Богу Господу, да защищаемый заслугами св. апостоловъ возможешь и въ семъ мірѣ одолѣть все вражеское и восторжествовать въ небесномъ царствѣ вмѣстѣ съ Господомъ нашимъ Христомъ.— Поэтому-то *испытывали мы этого Меѳодія*, вашего досточтимаго архіепископа, *поставивъ его предъ лицемъ братій нашихъ епископовъ*, такъ ли онъ вѣруетъ *въ символъ православной вѣры* и такъ-ли поетъ святую литургію, какъ извѣстно держитъ святая Римская церковь и какъ то распространено и предано св. отцами на шести вселенскихъ соборахъ, согласно евангельскимъ постановленіямъ Господа нашего Іисуса Христа. Меѳодій *же испозъдалъ*, что онъ вѣруетъ и поетъ согласно съ евангельскимъ и апостольскимъ ученіемъ, какъ то учитъ св. римская церковь и какъ то предано отцами. Мы же, *находя его православнымъ* во всѣхъ *церковныхъ ученіяхъ* и свѣдущимъ въ полезныхъ для церкви предметахъ, отсылаемъ его къ вамъ назадъ для дальнѣйшаго управленія предоставленною ему церковію, и мы приказываемъ вамъ принять его, какъ собственнаго вашего пастыря, съ почестями, должнымъ вниманіемъ и радостію, такъ какъ мы повелѣніемъ нашей апостольской власти *утвердили за нимъ привиллегію его архіепископства*, и опредѣлили, что это при помощи Божіей должно оставаться во вѣки ненарушимымъ, подобно тому какъ властію нашихъ предшественниковъ постановлены и утверждены права и привилегіи всѣхъ церквей Божіихъ, именно, чтобы Меѳодій старательно, какъ бы предъ очами Бога, исполнялъ свою духовную обязанность, сообразно каноническому преданію. Ибо народъ Божій ввѣренъ ему, и за ихъ души отдастъ онъ отчетъ Богу. Также и *пресвитера*, *именемъ Вцхинца*, *котораго ты прислалъ къ намъ*;

избравъ во епископы святой Нитранской церкви, мы рукоположили и повелѣваемъ, чтобы онъ во всемъ былъ послушенъ своему архіепископу, *какъ то учитъ святой канонъ*, и мы желаемъ, *чтобы ты съ согласія и по предусмотрительному выбору самаго архіепископа* прислалъ къ намъ въ удобное время и другого годнаго пресвитера или діакона, котораго мы могли бы такъ же точно поставить для другой церкви, для которой по твоему усмотрѣнію необходимо епископское попеченіе, такъ чтобы вашъ вышеозначенный архіепископъ могъ въ послѣдствіи, при помощи этихъ двухъ нами поставленныхъ епископовъ, посвящать, согласно апостольскому опредѣленію, и на другія мѣста, гдѣ епископы должны и могутъ жить съ почетомъ. Мы постановляемъ, что пресвитеры, діаконы и клирики всякихъ чиновъ славянскаго и другаго какого либо племени, живущіе въ предѣлахъ твоей области, *должны подчиняться и во всемъ повиноваться собрату нашему*, *вашему архіепископу*, такъ что они ничего не должны дѣлать безъ его вѣдома. *Если же упрямые и непослушные дерзнутъ произвести соблазнъ или расколъ*, и если они нисколько не исправятся послѣ перваго и втораго увѣщанія, то такіе въ силу нашего повелѣнія *и въ силу тѣхъ статей*, *которыя мы Меѳодію передали и вамъ послали*, *должны быть изгнаны изъ церкви и изъ предѣловъ вашихъ*, *какъ съятели плевелъ*.—Наконецъ, славянскія письмена, изобрѣтенныя нѣкоторымъ Константиномъ философомъ [1]), для того, чтобы ими воз-

[1]) A Constantino quodam Philosopho repertos. Это quodam понимаютъ различно. Одни переводятъ его въ смыслѣ *нѣкіимъ*, *нѣкоторымъ*, *какимъ-то*, и видятъ здѣсь намѣренно неуважительное отношеніе папы къ Константину, намѣренное игнорированіе славнаго имени его, будто бы мало извѣстнаго папѣ. Другіе (напр. г. Голубинскій) находятъ, что въ средневѣковой латыни quidam употреблялось въ смыслѣ не только *кто-то*, *неизвѣстный*, но и въ противоположномъ смыслѣ—*такой-то*, *извѣстный*. У третьихъ quodam есть нарѣчіе и означаетъ *нѣкогда*, какъ переводитъ г. Бильбасовъ. По мѣсту, гдѣ стоитъ здѣсь quodam, оно едва ли можетъ быть нарѣчіемъ. Но какъ ни переводить quodam, едва ли слѣдуетъ видѣть въ немъ намѣренно—не уважительное или уклончивое отношеніе Іоанна VIII къ памяти Константина, котораго онъ вѣроятно зналъ лично во время Адріана, какъ скажемъ далѣе.

глащались должныя хвалы Богу, мы справедливо похваляемъ, и мы приказываемъ, чтобы на этомъ языкѣ были излагаемы проповѣди и дѣянія Христа Господа нашего. Ибо *не на трехъ только*, но на всѣхъ языкахъ побуждаемся мы священною властію славословить Бога, властію, которая заповѣдуетъ сіе, говоря: *хвалите Господа вси языци и хвалите Его вси людіе.* И апостолы, исполненные св. Духа, *глаголаху всякими языками величія Божія.* Поэтому и Павелъ небесною трубою звучитъ, увѣщевая: *всякъ языкъ да исповѣсть, яко Господь нашъ Іисусъ Христосъ во славу Бога Отца.* Объ этихъ языкахъ поучаетъ и увѣщеваетъ онъ насъ довольно и очевидно въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ, да глаголя языками созидаемъ церковь. И для истинной вѣры и истиннаго ученія нисколько не служитъ препятствіемъ, поются ли литургіи на славянскомъ языкѣ, читаются ли св. Евангеліе и божественныя чтенія Ветхаго и Новаго Завѣта, *хорошо переведенныя и истолкованныя* на этомъ именно языкѣ: ибо Тотъ, Кто сотворилъ три главные языка, именно еврейскій, греческій и латинскій, Тотъ создалъ и всѣ другіе на хвалу и славу Себѣ. Однакоже мы повелѣваемъ, *чтобы во всѣхъ церквахъ вашей области, ради большаго уваженія, Евангеліе читалось на латинскомъ языкѣ и затѣмъ возвѣщалось переведенное на славянскій языкъ слуху народа, не понимающаго латинскихъ словъ, какъ то по видимому и бываетъ въ нѣкоторыхъ церквахъ (sicut in quibusdam ecclesiis fieri videtur).* И если тебѣ и твоимъ вельможамъ нравится болѣе слушать литургіи (missas) на латинскомъ языкѣ, то мы повелѣваемъ, чтобы для тебя священнодѣйствія литургіи совершались по латыни“ [1]).

Посланіе папы замѣчательно уже по общему характеру своему. Папа видимо старается высказать большое вниманіе и благоволеніе къ Моравскому князю и народу, а Меѳодія, обвиненнаго нѣмцами, заподозрѣваемаго и самимъ Святополкомъ, оправдываетъ, признаетъ православнымъ и своимъ собратомъ, утверждаетъ въ правахъ архіепископст-

[1]) Patr. Lat. ed. Migne. T. 126. p. 904—906.

ва, одобряетъ и его славянскія книги и славянское богослуженіе. Прежде чѣмъ войдемъ въ болѣе частный анализъ папскаго посланія, какъ результата разбора дѣла Меѳодіева въ Римѣ, остановимся на уясненіи обстоятельствъ, повліявшихъ на столько благопріятный исходъ этого дѣла на судѣ папы и римской куріи.

Обстоятельства эти заключались въ тогдашнихъ отношеніяхъ папы къ франко-нѣмецкой имперіи, къ Византіи и Болгаріи, наконецъ въ личныхъ отношеніяхъ Іоанна VIII къ Меѳодію. Еще съ 877 г. отношенія папы къ франконѣмецкой имперіи стали для него тягостными, угнетающими. По смерти нѣмецкаго короля Лудовика († 876 г.) наслѣдовавшій ему въ нѣмецкомъ королевствѣ старшій сынъ Карломанъ домогался получить императорскую корону отъ папы и въ 877 г. былъ съ войскомъ въ Италіи, гдѣ однакоже папа отказалъ ему въ этой коронѣ. Въ досадѣ на папу оставивъ Италію, Карломанъ предоставилъ своимъ намѣстникамъ графамъ Ламберту Сполетскому и Адальберту Тусційскому тѣснить папу въ собственныхъ владѣніяхъ его, что тѣ и дѣлали, такъ что Ламбертъ успѣлъ захватить едва не всю папскую область и самаго папу держалъ нѣкоторое время, какъ плѣнника, въ Ватиканѣ. Чтобы найти защиту отъ враждебныхъ ему итальянскихъ графовъ, папа вынужденъ былъ ѣздить во Францію. Почти безъ успѣха возвратясь оттуда въ 879 г., папа видѣлъ необходимость угождать нѣмцамъ и партіи ихъ въ Римѣ. Этимъ-то отчасти объясняется послѣдовавшее въ половинѣ того же 879 года строгое отношеніе его къ Меѳодію, обжалованному нѣмецкими епископами Карломановой державы. Угодливость эта мало помогла, ибо къ концу того же года, по смерти Карломана, папа уже предвидѣлъ необходимость короновать брата его Карла Толстаго (наслѣдовавшаго императорское достоинство въ 880 г.); а это значило предвидѣть продолженіе тягостнаго для Римской каѳедры и папской области преобладанія франко-нѣмецкой имперіи въ Италіи. Болѣе прежняго приходилось папѣ опа-

саться за сохраненіе Моравіи и Паннонiи въ непосредственной зависимости отъ Римской каѳедры, становилось труднѣе отражать незабытыя притязанія на нихъ нѣмецкихъ прелатовъ. При такомъ поворотѣ обстоятельствъ папѣ оказывалось нужнымъ обезпечить себѣ преданность могущественнаго государя моравскаго, недавняго врага и побѣдителя нѣмцевъ, теперь хотя и жившаго въ мирѣ съ ними, но способнаго начать и борьбу при первомъ случаѣ какихъ либо политическихъ столкновеній. Полезнымъ казалось Риму стать на сторонѣ національныхъ политическихъ церковныхъ интересовъ Моравіи, чтобы найти въ ней поддержку собственнымъ интересамъ Римской каѳедры, угрожаемымъ нѣмецкимъ преобладаніемъ. Прямѣе всего этими соображеніями Римской политики объясняется крайне благоволительный тонъ приведеннаго выше посланія папы Іоанна VIII къ Святополку отъ іюня 880 г., котораго онъ старается укрѣпить въ преданности къ Римской каѳедрѣ и увѣрить въ своей отеческой любви къ нему и моравскому народу. Но въ связи съ этимъ находилась и благосклонность папы къ Меѳодію, усматриваемая въ томъ же посланіи и неожиданная послѣ грозныхъ словъ, какими онъ вызывался на судъ въ Римъ въ письмѣ, писанномъ за годъ предъ симъ. Ибо хотя обвиненія на Меѳодія поддерживались отчасти Святополкомъ въ формѣ недоразумѣній князя относительно правовѣрія его; но было очень понятно, что источникъ этихъ недоразумѣній тамъ же, гдѣ былъ источникъ обвиненій, т. е. что они внушались нѣмецкимъ духовенствомъ. Беря подъ свою защиту Меѳодія, вопреки обвиненіямъ нѣмецкихъ прелатовъ, папа самаго Святополка направляетъ къ тому, чтобы онъ видѣлъ рѣшителя религіозныхъ недоумѣній не въ комъ другомъ, а въ одномъ папѣ, чтобы отъ папы получивъ Меѳодія на архіепископство въ Моравію, получивъ оправданіе его и новое утвержденіе въ правахъ архіепископской власти, моравскій государь всѣмъ этимъ чувствовалъ себя обязаннымъ Риму и не допускалъ проявляться какимъ либо притязаніямъ

на вліяніе и власть въ моравской епархіи со стороны мѣстной нѣмецкой іерархіи. Присутствіе этого мотива въ посланіи мы увидимъ далѣе, при анализѣ нѣкоторыхъ изъ частныхъ пунктовъ папскаго посланія. Теперь укажемъ еще на тогдашнія отношенія папы къ Византіи и Болгаріи.

Послѣ возстановленія на патріаршествѣ Игнатія въ замѣнъ низложеннаго Фотія, дружественныя отношенія между Римомъ и Византіею сохранялись недолго. Не было раздѣленія, но не было и полнаго согласія, дружества. Важнѣйшимъ поводомъ къ охлажденію, казалось, возстановлявшихся дружественныхъ отношеній былъ вопросъ о Болгаріи, оставшейси подъ церковною властію Византіи, согласно неожиданному для Рима рѣшенію собора 869—870 г. Папа Іоаннъ по примѣру своихъ предмѣстниковъ домогался взять ее отъ Византіи подъ свою церковную власть. Два раза писалъ онъ патр. Игнатію, увѣщавая его отказаться отъ Болгаріи, какъ принадлежащей будтобы къ Римскому діоцезу [1]). Увѣщанія оставались безуспѣшными, такъ что и самыя сношенія папы съ Византіею на нѣкоторое время прервались. Они возобновились съ 878 г. по почину изъ Византіи. Въ началѣ этого года императоръ Василій Македонянинъ обратился къ папѣ съ дружественнымъ письмомъ, въ которомъ просилъ его содѣйствія къ умиротворенію Константинопольской церкви [2]). Думаютъ, что такова именно и была цѣль письма, что нужда въ умиротвореніи Константинопольской церкви, при содѣйствіи Рима, чувствовалась императоромъ въ слѣдствіе продолжавшейся борьбы между Игнатіанами и болѣе многочисленными почитателями низложеннаго Фотія. Но позволительно предполагать и другіе болѣе реальные виды у императора, побуждавшіе его воз-

---

[1]) Эти первыя два письма папы Іоанна VIII къ Игнатію не сохранились, но объ нихъ упоминаетъ папа въ третьемъ письмѣ Игнатію, писанномъ въ 878 г., о которомъ—ниже.

[2]) Не сохранилось и этого письма Василія къ папѣ, но о немъ извѣстно изъ отвѣтнаго письма папы къ императору отъ 16 апр. 878 г.

становить доброе согласіе съ Римомъ. Это именно виды на возстановленіе Фотія въ патр. достоинствѣ. Здѣсь мы опять должны возвратиться къ личности этого замѣчательнѣйшаго іерарха. Низложенный съ патріаршества и заточенный въ монастырь при устьѣ Босфора, Фотій не могъ остаться въ забвеніи. Самъ императоръ почувствовалъ и свою несправедливость къ нему и потребность услугъ его, какъ человѣка высокаго просвѣщенія, сильнаго ума и характера. Уже въ 875 г. онъ вызвалъ Фотія изъ монастыря, назначилъ его предсѣдателемъ высшей школы въ дворцѣ Магнавра и поручилъ ему воспитаніе своихъ сыновей Александра, Льва и Стефана. Скоро послѣдовало и личное примиреніе Игнатія съ Фотіемъ, о чемъ потомъ публично на соборѣ 879 г. говорилъ послѣдній: „когда пришелъ къ намъ Игнатій, мы пали другъ другу въ ноги и просили прощенія другъ у друга“. Но не легко возстановлялось примиреніе между враждовавшими сторонниками бывшихъ соперниковъ. Между тѣмъ время давало предчувствовать приближеніе вопроса о патріаршествѣ. Игнатій былъ дряхлъ и слабъ и, отличаясь качествами благочестиваго аскета, оказывался не на уровнѣ своего положенія, какъ патріарха въ то тревожное время. Болѣе и болѣе становилось яснымъ, что преемство послѣ приближающагося къ кончинѣ Игнатія должно принадлежать не кому другому, какъ Фотію, какъ ради возстановленія его невинно оскорбленной чести, такъ еще болѣе ради пользы церкви, нуждавшейся въ томъ, что бы послѣ слабаго Игнатія сталъ во главѣ управленія мужъ такой испытанной силы и свѣтлаго ума, какими отличенъ былъ Фотій [1]). Необходимо было еще при жизни Игнатія подготовить возстановленіе Фотія чрезъ примиреніе Игнатіянъ съ его личностію, съ помощію авторитета Римской каѳедры, уважаемаго первыми, чрезъ примиреніе и

[1]) Фотія желали возстановить на патріаршествѣ еще при жизни Игнатія; но онъ самъ отклонилъ это. О томъ и другомъ онъ говорилъ публично на соборѣ 879 г.

послѣдней съ именемъ Фотія и съ его сторонниками. Такими-то соображеніями и видами мотивировались и тотъ почтительный тонъ и та общность выраженій относительно просимаго у папы содѣйствія къ умиренію константинопольской церкви, которые усматриваются въ письмѣ императора къ папѣ, на сколько можно судить о содержаніи его по отвѣтному письму послѣдняго. Папа едвали догадывался о болѣе положительныхъ, но затаенныхъ цѣляхъ начатыхъ съ нимъ сношеній Византіи, едвали догадывался, какую роль придется ему выполнить въ Византіи чрезъ своихъ легатовъ; но въ Византіи ясно понимали дѣло, къ которому готовились заранѣе, понимали и то, что Римъ, не смотря на свою непріязнь къ Фотію и фотіанамъ, волею или неволею окажется въ этомъ дѣлѣ уступчивымъ, сговорчивымъ, въ чемъ и не обманулись.

Письмо императора весьма обрадовало папу. Болѣе, чѣмъ когда либо нуждался онъ въ возстановленіи добрыхъ отношеній съ Византіею. Съ юга давно уже угрожали Италіи сарацины, наводившіе страхъ и на Римъ. Опустошительныя вторженія ихъ сдерживаемы были военно-морскою силою Византійскаго императора, который съ 877 г. овладѣлъ Баремъ, главнымъ городомъ южно-италійской Калабріи, и съ этого важнаго пункта могъ и охранять Италію отъ сарацинъ и давать чувствовать свою силу и папской Италіи. На сѣверѣ Италіи папа, какъ уже было сказано, испытывалъ угнетающее вліяніе итальянскихъ графовъ, намѣстниковъ или союзниковъ нѣмецкаго короля Карломана. Въ пору и на руку папѣ оказывался вызовъ къ союзу со стороны Византіи, могшій выручить его изъ стѣсненныхъ обстоятельствъ. Само собою понятно, что ободренный почтительнымъ и какъ бы просительнымъ тономъ письма императора, папа не преминулъ воспользоваться счастливымъ случаемъ, чтобы примѣнить къ дѣлу и свои планы и расчеты, возобновить свои притязанія, потерпѣвшія неудачу въ недавніе годы, въ частности притязанія на Болгарію.

Папа назначилъ двухъ легатовъ въ Византію: Павла, епископа анконскаго, испытаннаго въ посольскихъ дѣлахъ, и Евгенія, еп. Остійскаго, съ письмами къ императору Василію и патр. Игнатію отъ 16 апр. 878 г. Легатамъ поручалось также на пути въ Царьградъ посѣтить Далмацію, Болгарію, куда папа также и отъ того же числа написалъ письма къ князю Борису, извѣстному боярину его Петру и греко-болгарскому духовенству [1]). Что дѣлали легаты въ Далмаціи,—объ этомъ ниже. Теперь пока о Болгаріи, гдѣ легаты, надо полагать, пробыли довольно долго, чтобы лично проводить то, что было въ письмахъ. А письма эти, исполненныя то ласкательства и заискиванья, какъ письмо къ Борису, то упрековъ и угрозъ, какъ письмо къ болгарскому духовенству, имѣли цѣлію отторженіе Болгаріи отъ церковной подвластности Византіи и подчиненіе ея Риму. Легаты потерпѣли полную неудачу съ своею миссіею въ Болгаріи и, надо полагать, не безъ унынія направились отсюда въ Царьградъ. Здѣсь ожидало ихъ новое разочарованіе и тѣмъ большее, чѣмъ шире были виды ихъ миссіи, сказавшіеся въ письмахъ папы къ императору и патр. Игнатію. Въ письмѣ къ императору, папа, превознося авторитетъ и великое призваніе римскаго первосвященника, какъ преемника каѳедры св. Петра, выражаетъ увѣренность, что легаты возвратятъ миръ Константинопольской церкви, но, прибавляетъ папа, они имѣютъ также порученіе разслѣдовать, „что совершено въ ней противъ воли Божіей и *противъ преимуществъ римской каѳедры и вопреки обычаямъ, положеннымъ римскою церковію*“. Папа выражаетъ еще увѣренность, что „императоръ желаетъ если чего именно, такъ въ особенности увеличивать славу римской церкви“. Какое увеличеніе здѣсь разумѣлось,—ясно изъ письма папы къ патр. Игнатію, писаннаго уже нѣ такъ сдержанно, напротивъ строго, съ прямымъ заявленіемъ главнаго требованія отъ него со стороны папы, т. е. уступки Болгаріи. Напомнивъ о своихъ

[1]) Письма папы Іоанна VIII въ изд. Миня. Patr. Lat. T. 126, ep. 108—114.

прежнихъ двухъ письмахъ къ Игнатію по этому предмету, папа продолжаетъ: „но ты, закрывъ глаза, безразсудно попралъ опредѣленія св. отцевъ, своей благодѣтельницѣ римской церкви заплатилъ неблагодарностію, съ своимъ серпомъ вторгнулся въ ниву другого, присвоилъ себѣ *древнюю римскую епархію въ странѣ Болгарской*. Уже за это ты вполнѣ заслужилъ лишенія церковнаго общенія, но ради снисхожденія мы въ третій разъ обращаемся къ тебѣ письменно и увѣщеваемъ тебя: пошли тотъ часъ способныхъ мужей въ Болгарію, которые бы находящихся тамъ духовныхъ лицъ, рукоположенныхъ тобою или подчиненными тебѣ епископами, возвратили въ Константинополь, такъ чтобы въ теченіе тридцати дней ни одного епископа, ни одного духовнаго, посвященнаго тобою или твоими епископами, не оставалось уже въ странѣ Болгарской. Если же въ теченіи тридцати дней всѣ посвященные тобою, или подчиненными тебѣ епископами не покинутъ страны, и ты не откажешься отъ власти надъ страною, то спустя два мѣсяца, начиная счетъ отъ полученія этого письма, ты будешь отлученъ отъ евхаристіи и будешь оставаться въ такомъ положеніи столько времени, пока наконецъ не послушаешься нашихъ декретовъ. Если же, не смотря и на это, пребудешь упоренъ и непокорливъ, не сдѣлаешь требуемаго, то, по суду апостольскаго авторитета нашего, лишишься своего патріархата и общенія нашей любви и потеряешь всѣ права священства“. Каково же было разочарованіе легатовъ, когда, прибывъ въ Византію съ такимъ грознымъ письмомъ, расчитаннымъ на слабость Игнатія и на его чувство благодарности Риму за бывшую поддержку въ дѣлѣ съ Фотіемъ, легаты застали на патріаршествѣ не Игнатія, а самаго Фотія! Игнатій скончался 23 октября 879 г., скончался не только въ полномъ примиреніи съ Фотіемъ, но и въ сердечномъ довѣріи къ нему, ибо „его покровительству поручилъ своихъ искреннихъ“. Весьма знаменателенъ и назидателенъ такой исходъ личныхъ отношеній между Игнатіемъ и Фотіемъ; въ

особенности онъ долженъ бы служить вразумленіемъ для тѣхъ западныхъ писателей, которые, превознося папъ, какъ защитниковъ Игнатія и обличителей Фотія, забываютъ, что Игнатій скончался угрожаемый папскимъ отлученіемъ, но въ мирѣ и братскомъ общеніи съ Фотіемъ. На третій день послѣ похоронъ Игнатія Фотій объявленъ патріархомъ. Легаты, смущенные неожиданнымъ оборотомъ дѣлъ въ Царьградѣ, вынуждены были конечно спрятать папское письмо къ Игнатію, но вмѣстѣ съ тѣмъ волею или неволею, такъ или иначе должны были опредѣлить свое отношеніе къ Фотію. Сначала они отказывались войти въ общеніе съ нимъ. Но въ виду признанія его на патріаршествѣ огромнымъ большинствомъ представителей церкви, за исключеніемъ немногихъ упорныхъ, легаты рѣшились на уступку, на общеніе съ Фотіемъ. Необходимо думать, что Фотій самъ облегчилъ имъ этотъ первый шагъ въ начавшихся затѣмъ частныхъ бесѣдахъ съ ними, о которыхъ упоминалъ потомъ на соборѣ. Легатовъ удержали въ Царьградѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ царь и патріархъ приняли на себя войти чрезъ нарочитое посольство въ новое сношеніе съ Римомъ по случаю совершившагося переворота.

Возстановленіе Фотія на патріаршемъ престолѣ послѣ того, какъ надъ нимъ тяготѣло осужденіе собора 869—70 г., должно было ознаменоваться новымъ соборнымъ утвержденіемъ съ согласія и при участіи и Римской церкви. Этого требовали и честь патріарха и интересъ внутренняго умиренія Константинопольской церкви. Желаннымъ было и вообще возстановленіе мира и съ Римскою церковію. Въ политическомъ отношеніи миръ и даже союзъ между Византіею и Римомъ представлялся теперь особенно желаннымъ въ виду новыхъ почти одинаково опасныхъ для Византіи и Рима замысловъ враговъ христіанства Сарацинъ, которые въ маѣ 878 г. утвердились въ Сициліи, взяли Сиракузы, главный городъ греческихъ владѣній на островѣ, истребили, частію поплѣнили греческое войско, угрожая и южной Италіи. А надъ

папой Іоанномъ продолжалъ тяготѣть гнетъ враждебныхъ дѣйствій итальянскихъ графовъ, особенно Ламберта сполетскаго. Словомъ обѣ стороны—Византія и Римъ чувствовали себя въ положеніи, настоятельно располагавшемъ ихъ къ миру и союзу.

Посольство цареградское съ письмами къ папѣ отъ императора и Фотія прибыло въ Римъ въ апрѣлѣ 879 г., когда папа, недавно возвратившійся изъ Франціи, куда ѣздилъ искать защиты отъ итальянскихъ графовъ, чувствовалъ себя въ угнетенномъ положеніи. Императоръ говорилъ въ письмѣ объ общемъ желаніи, чтобы папа вступилъ въ общеніе съ Фотіемъ для умиренія Константинопольской церкви, и просилъ папу прислать легатовъ на соборъ, имѣющій собраться для утвержденія Фотія на патріаршествѣ. Фотій извѣщалъ, что вторичное вступленіе его на патріаршую каѳедру есть дѣло не столько личныхъ желаній его, сколько уступки требованію императора, желанію клира, народа и восточной церкви, что всѣ епископы стоятъ на его сторонѣ, кромѣ немногихъ недовольныхъ имъ. Фотій въ письмѣ своемъ коснулся и вопроса о символѣ вѣры, западная прибавка въ которомъ—filioque стояла на преградѣ къ возстановленію общенія его съ Фотіемъ, главнымъ обличителемъ этой прибавки при папѣ Николаѣ [1]). Письма императора и Фотія и сообщенный въ нихъ фактъ новаго избранія Фотія на патріаршество были неожиданностію, смутившею папу, конечно, столько же, какъ смутила она его легатовъ въ Царьградѣ. Но въ виду совершившагося факта, о которомъ при-

---

[1]) Письма императора Василія и Фотія къ папѣ Іоанну VIII не сохранились, но о содержаніи ихъ извѣстно изъ отвѣтныхъ писемъ имъ папы, писанныхъ въ августѣ 879 г. Что Фотій въ своемъ письмѣ ставилъ и вопросъ о символѣ, это ясно изъ слѣдующихъ словъ въ отвѣтномъ письмѣ папы: novit etiam tua fraternitas, quod quum nuper ad nos accessit, qui a te missus est, *et de sancto symbolo nos consuluit*, quomodo *nos invenit illud inconcussum, sicut nobis ab initio* traditum, conservare, neque aliquid addidisse vel detraxisse. Объ этомъ письмѣ—ниже.

томъ говорилось не столько съ просьбою о признаніи, сколько съ увѣренностію въ неизбѣжности этого признанія со стороны Рима, что оставалось дѣлать папѣ, какъ не рѣшиться на это признаніе, какъ уже рѣшились на то и папскіе легаты въ Византіи, вступивъ въ общеніе съ Фотіемъ? Однако же Іоаннъ VIII не такъ скоро собрался съ отвѣтомъ Византіи. Томимый затрудненіями съ разныхъ сторонъ, папа видѣлъ необходимость обсудить съ своими епископами и вопросы, выступавшіе въ дѣлахъ съ Византіею. То были вопросы не только о Фотіѣ, о прежде бывшихъ на него соборахъ въ Римѣ и Царьградѣ, о теперешнихъ противникахъ его игнатіянахъ, но еще вопросы о Болгаріи и наконецъ о символѣ, вопросъ о которомъ одновременно возбужденъ, но въ смыслѣ противоположномъ, изъ среды нѣмецкой іерархіи, занесшей жалобу на Меѳодія, между прочимъ, и по поводу символа, въ которомъ онъ не признаетъ filioque. Лишь въ августѣ 879 г. папа отправилъ легатомъ въ Царьградъ пресвитера кардинала Петра съ письмами къ императору и Фотію и съ порученіемъ участвовать вмѣстѣ съ двумя легатами, оставшимися въ Царьградѣ, въ предстоящемъ тамъ соборѣ. Въ обоихъ письмахъ папа соглашается признать Фотія патріархомъ, имѣть общеніе съ нимъ, но съ нѣкоторыми условіями, напр. если Фотій принесетъ раскаяніе въ прежнемъ незаконномъ вступленіи своемъ, откажется отъ Болгаріи, на что всего болѣе и налегаетъ. Свою услужливость онъ простеръ до того, что грозитъ и игнатіанамъ (которымъ также писалъ), если будутъ упорствовать въ непризнаніи Фотія. Какъ рѣшалъ папа вопросъ о символѣ, скажемъ нѣсколько ниже.

По прибытіи легата съ папскими письмами, составился соборъ, имѣвшій видъ вселенскаго, по участію въ немъ представителей всѣхъ важнѣйшихъ іерархическихъ престоловъ и по самой численности членовъ собора, коихъ было 383 ч. Видно, что въ Византіи готовились къ нему заранѣе, что дѣло Фотія возбуждало общій интересъ и сочувствіе,

что и самъ онъ умѣлъ распорядиться подготовленіями къ собору. На соборѣ были и епископы изъ русскаго Черноморья и изъ италійскихъ епархій [1]). Предъ авторитетомъ такого собора должны были склоняться легаты, и безъ того наклонные къ примирительному образу дѣйствій. Всѣхъ соборныхъ засѣданій было семь: первое 8 ноября 879 г., послѣднее 13 марта 880 г. Здѣсь не мѣсто подробно излагать ходъ соборныхъ совѣщаній. Отмѣтимъ главное. Въ первомъ засѣданіи, послѣ взаимныхъ привѣтствій и предъявленій папскими послами своихъ грамотъ, предсѣдательствовавшій Фотій въ своей рѣчи, а за нимъ и два греческіе митрополита высказали, что соборъ имѣетъ цѣлію прежде всего *оградить союзъ съ римскою церковію*, угрожаемый ненавистниками добра *и честь римскихъ первосвятителей*. Легатъ кардиналъ Петръ благодарилъ за это и тутъ же поднесъ Фотію присланные отъ папы въ даръ омофоръ, стихарь, фелонь и сандаліи: уже это показываетъ, какъ желали въ Римѣ союза съ Византіею и Фотіемъ. Во второмъ 17 ноября и въ третьемъ 19 ноября обсуждались вопросы объ умиреніи константинопольской церкви, объ игнатіанахъ и вторичномъ возведеніи Фотія на патріаршій престолъ, которое единодушно признано правильнымъ, съ порицаніемъ тѣхъ, которые уклонялись бы отъ общенія съ нимъ и съ должными похвалами самому Фотію. Съ своей стороны Фотій (во второмъ засѣданіи) засвидѣтельствовалъ о своемъ примиреніи съ Игнатіемъ еще при жизни его, но не нашелъ нужнымъ просить прощенія за свое первое патріаршество, какъ того требовалъ папа. Самые легаты не рѣшились домогаться этого отъ Фотія, безъ сомнѣнія, понявъ неумѣст-

[1]) Изъ Тавриды и Черноморья были епископы: Павелъ херсонскій, Лука босфорскій, Ваанесъ матрахскій (тмутараканскій) и Павелъ зихійскій (изъ при-кавказской Зихіи, страны позднѣйшихъ шапсуговъ, къ юго-востоку отъ Новороссійска). Изъ греческой Италіи были: Левъ митрополитъ регійскій, Маркъ архіеп. гидрунтскій, Димитрій еписк. скалакскій и Самуилъ еписк. острововъ Липарскихъ.

ность подобнаго притязанія, выясненную имъ, надо полагать, еще прежде Фотіемъ въ частныхъ бесѣдахъ съ ними. Такимъ образомъ совершилось торжественное возстановленіе Фотія въ патріар. достоинствѣ всѣмъ великимъ соборомъ, фактически совершившееся уже самымъ актомъ предсѣдательства его на соборѣ. Послѣдствіемъ этого необходимо явились раскаяніе и согласіе на общеніе съ Фотіемъ нѣкоторыхъ недовольныхъ имъ изъ епископовъ и мірянъ, которые и приняты въ общеніе въ четвертомъ засѣданіи собора 24 декабря. Такимъ образомъ возстановленъ былъ и внутренній миръ въ константинопольской церкви. Въ пятомъ засѣданіи 26 января наиболѣе важнымъ дѣяніемъ собора было новое торжественное признаніе никейскаго собора 787 г. *седмымъ вселенскимъ соборомъ.* Это было по истинѣ мудрымъ дѣяніемъ руководителя собора Фотія, направленнымъ какъ противъ франко-нѣмецкой іерархіи, недовольно уважавшей этотъ соборъ, такъ и въ защиту того авторитета вселенскихъ соборовъ вообще, которымъ ограждалась неприкосновенность никео-цареградскаго символа, символа вселенской церкви, въ виду посягательства на нее со стороны запада чрезъ прибавку filioque. Въ шестомъ засѣданіи собора 12 марта вопросъ объ этомъ поставленъ уже прямо. Императоръ, присутствовавшій въ засѣданіи, выразилъ желаніе, чтобы соборомъ торжественно провозглашено было „опредѣленіе вѣры церкви, *не какое либо новое или введенное тайно и притомъ людьми неуполномоченными на это,* а опредѣленіе, подтвержденное вселенскимъ соборомъ никейскимъ (первымъ) и послѣдующими вселенскими соборами". Отцы единогласно согласились съ этимъ, прочитанъ былъ никео-цареградскій символъ, и затѣмъ постановлено ничего не убавлять отъ него, *ничего въ немъ не прибавлять, ни измѣнять, ни извращать.* Совершенно очевидно, что это было направлено противъ западнаго filioque. Въ такомъ рѣшеніи собора участвовали и римскіе легаты. Долго зажившись въ Царьградѣ, болѣе и болѣе сблизившіеся съ

Фотіемъ, увлекаемые, надо полагать, его бесѣдами, вліяніемъ, они настолько усердствовали, что, повидимому, не особенно прошенные и безъ особенной нужды, еще разъ торжественно признали Фотія и изрекли анаѳему на его противниковъ. Послѣднее засѣданіе 13 марта завершилось подписями соборныхъ дѣяній членами собора. Къ актамъ собора, по желанію легатовъ, приложено и письмо папы Іоанна къ Фотію. Въ этомъ замѣчательномъ письмѣ папа говоритъ, что, *въ удовлетвореніе Фотію*, онъ заявляетъ, что не признаетъ прибавки къ символу, называетъ безумцами и подобными Іудѣ тѣхъ, которые дерзнули сдѣлать ее и нарушить неприкосновенность символа вселенской церкви. Со скорбію папа видитъ однако же необходимость терпѣть, пока остальные епископы западные склонятся къ единомыслію съ папою. Ибо хотя прибавка сдѣлана недавно, но лишь осторожно, терпѣливо и исподоволь слѣдуетъ увѣщевать тѣхъ, которые ее приняли. Папа проситъ *самаго Фотія* споборать ему въ дѣлѣ вразумленія лицъ, усвоившихъ эту богохульную новизну [1]). Рѣшеніе вопроса о символѣ и о filioque, состоявъ-

[1]) По чрезвычайной важности такого сужденія папы о символѣ и filioque для объясненія суда его и о вѣрѣ Меѳодія, приведемъ здѣсь слова папскаго письма въ подлинникѣ. Reverentiae tuae (Фотія) iterum significamus, ut de hac additione in Symbolo (ex Filio scilicet) *tibi satisfacimus*, quod *non solum* hoc *non dicimus*, sed etiam quod eos, qui principio hoc dicere sua insania ausi sunt, quasi transgressores divini verbi condemnamus, sicut theologiae Christi Domini eversores, et sanctorum Patrum, qui synodice convenientes sanctum Symbolum nobis tradiderunt, et una cum Juda illos collocamus... Arbitramur autem reverentiam tuam recte nosse, cum sis sapiens et doctrina praeditus, *quod dum, ut reliqui nostri episcopi nobiscum idem sentiant, totis viribus contendimus, non mediocrem id nobis molestiam affert.* Et revera rem adeo gravem cito commutare, nullus id facere posset, *licet brevi tempore ortum habuerit, nec multorum annorum spatio fuerit confirmata.* Et hac de causa ratione congruum nobis visum est, ne violenter aliquis cogatur a vobis additionem illam dimittere, quam ipse adjecisse Symbolo se noverit, sed potius mansuetudine aliqua hujusmodi homines admovere, *et paulatim* a blasphemia revocare... Tuam itaque decet fraternitatem neque *scandalum aliquod adversus nos pati, neque a reliquo Ecclesiae corpore proscindi, sed potius nobiscum fidei agones sustinere cum prudentia et longanimitate*; et alios,

шееся на соборѣ при участіи римскихъ легатовъ и въ согласіи съ мыслію самаго папы, засвидѣтельствованномъ его письмомъ, такъ важно для уясненія дѣла Меѳодія въ Римѣ, что мы восполнимъ изложеніе соборныхъ рѣшеній еще особенными свидѣтельствами изъ писемъ и сочиненій Фотія, писанныхъ скоро послѣ собора. Въ письмѣ къ Вальперту, патріарху (у Фотія архіепископу, митрополиту) аквилейскому онъ говоритъ: „приходившіе *въ наши времена*, притомъ не въ первый, а въ третій разъ, изъ древняго Рима, когда по надлежащему были спрошены о вѣрѣ, ничего противнаго или несогласнаго съ вѣрою, принятою во вселенной, не говорили: напротивъ, *ясно и безъ всякаго сомнѣнія проповѣдывали, вмѣстѣ съ нами*, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца; сего мало,—*когда собрался соборъ для церковныхъ дѣлъ, присланные оттуда мѣстоблюстители папы Іоанна*, какъ бы въ присутствіи его, какъ бы онъ самъ былъ вмѣстѣ съ нами, предлагали мысли о Св. Троицѣ, единомысленно и голосомъ и языкомъ и собственноручнымъ подписаніемъ запечатлѣли символъ вѣры, проповѣдуемый и хранимый во всей вселенной по слову Господню“. Это письмо къ Вальперту, заключающее въ себѣ обширныя разсужденія въ защиту догмата о Св. Духѣ и въ опроверженіе доводовъ западныхъ богослововъ за filioque, показываетъ также, что Фотій старался *исполнить просьбу папы* содѣйствовать ему въ дѣлѣ вразумленія послѣднихъ. Въ сочиненіи *о Св. Духѣ* Фотій говоритъ о папѣ Іоаннѣ VIII: „Іоаннъ мой (онъ мой какъ по другимъ причинамъ, такъ и потому, что онъ принималъ сердечное

---

qui ab veritate declinaverunt, ad illam aplectendam revocare, *ut pro his eandem nobiscum mercedem* recipias. Vale in Domino reverendissime et catholice frater! Patr. Lat. ed. Migne. T. 126. p. 994—996. Издатели писемъ Іоанна VIII ставятъ при этомъ письмѣ замѣчаніе, что оно подложно, выдумано Фотіемъ. Это одинъ изъ многочисленныхъ пріемовъ полемики папистовъ относительно обстоятельствъ и дѣяній собора 879—880 г., столько непріятнаго папизму. Эти пріемы и полемическіе доводы достаточно изобличены и опровергнуты. А приводимые въ слѣдъ за симъ отрывки изъ письма Фотія къ Вальперту и сочиненія его о св. Духѣ неотразимо ограждаютъ подлинность письма Іоанна VIII.

участіе въ моихъ дѣлахъ), сей, говорю, нашъ Іоаннъ, одаренный мужественнымъ умомъ и мужественнымъ благочестіемъ, мужественно ненавидѣвшій и гнавшій всякое нечестіе и всякую неправду, сильный и въ законодательствѣ церковномъ и въ благоразуміи политическомъ, приведшій въ порядокъ дѣла разстроенныя, сей, говорю, любезный первосвященникъ Рима, чрезъ своихъ благоговѣйныхъ и знаменитыхъ легатовъ Павла, Евгенія и Петра, пришедшихъ на соборъ нашъ, не иначе, какъ и церковь православная и его предшественники-первосвященники (разумѣются не ближайшіе, а болѣе давніе), принявъ символъ вѣры, и мыслями и священными руками помянутыхъ славныхъ и благочестивыхъ мужей подписалъ и запечатлѣлъ“ [1]).

Но если для Константинопольской церкви, вообще для церкви православной исходъ дѣлъ на соборѣ 879—880 г. былъ только счастливымъ и радостнымъ, то не такимъ былъ онъ для папскихъ легатовъ и папы. За свои услуги Фотію они надѣялись награды въ видѣ уступки Болгаріи. Легаты не одинъ разъ пытались поднять это дѣло на соборѣ, но соборъ благоразумно отклонялъ его, ссылаясь ради приличія на то, что дѣло это подлежитъ вѣденію императора. Очень вѣроятно и само собою понятно, что легаты докучали съ этимъ дѣломъ Фотію и въ частныхъ бесѣдахъ, и Фотій будтобы даже обѣщалъ походатайствовать о немъ у императора. Будтобы и самъ императоръ соглашался на уступку Болгаріи Риму [2]). Всего вѣроятнѣе, что Фотій и императоръ не хотѣли *теперь же отнимать надежду* у папы на пріобрѣтеніе Болгаріи, сознавая между тѣмъ несостоятельность такой надежды послѣ неудачи, постигшей легатовъ по этому дѣлу въ самой Болгаріи. Неумѣстность и

---

[1]) Историческое ученіе объ отцахъ церкви, Филарета, арх. черниговскаго Т. III. Стр. 332—334.

[2]) Объ этомъ въ письмѣ папы къ императору отъ 13 авг. 880 г., о которомъ—ниже.

незаконность притязанія могли до нѣкоторой степени оправдывать этотъ дипломатическій маневръ со стороны искусной въ политикѣ Византіи, чтобы тѣмъ болѣе расположить папу къ признанію дѣяній собора [1]).

По окончаніи собора отправлено было посольство въ Римъ съ письмами къ папѣ отъ императора и Фотія, извѣщавшими о дѣяніяхъ собора, съ самими дѣяніями, о которыхъ сообщили и возвратившіеся легаты. Что̀ узналъ папа изъ этихъ писемъ и сообщеній и какое вообще впечатлѣніе произвели они на него,—видно изъ отвѣтныхъ писемъ его къ императору и папѣ, изъ коихъ первое писано 13 августа 880 г. Въ письмѣ къ императору папа хвалитъ и благодаритъ его за ревность о благѣ церкви, почтеніе къ римской каѳедрѣ; въ частности, благодаритъ за то, что императоръ прислалъ флотъ для защиты римской области, возвратилъ Риму церковь Сергія и Вакха въ Царьградѣ и позволилъ папѣ имѣть Болгарію въ своей юрисдикціи [2]). Затѣмъ папа проситъ императора утѣшать и далѣе римскую церковь *своею помощію ей въ это бѣдственное для нея время.* Дѣянія собора папа принимаетъ, но съ оговоркою: „если, быть можетъ, легаты наши на этомъ соборѣ сдѣлали что либо противъ апостолическаго наставленія, то мы этого не примемъ и не признаемъ за этимъ какой либо твердости“. Въ письмѣ къ Фотію папа начинаетъ рѣчью о поборничествѣ и трудѣ его для охраненія цѣлости православной вѣры, мира и блага церкви, своемъ состраданіи къ константинопольской церкви, о помощи, оказанной ей чрезъ своихъ легатовъ на

---

[1]) Выражаются, что папа на соборѣ 879—880 г. потерпѣлъ самое рѣшительное пораженіе и сверхъ того *самымъ постыднымъ образомъ одураченъ* (Курцъ, цитуемый у г. Лебедева въ ст. Римскіе папы въ ихъ отношеніи къ церкви Византійской въ IX, X и XI в. Чтенія въ Общ. Люб. дух. просв. Декабрь. 1871 г.). Послѣднее выраженіе слишкомъ рѣзко. Но что въ вопросѣ о Болгаріи сознательно допущенъ дипломатическій маневръ обѣщаній, обнадеживаній съ увѣренностію въ несбыточности ихъ,—это, кажется, вѣрно.

[2]) Выражаясь *позволилъ*, папа хотѣлъ придать силу обязательности неопредѣленному *обѣщанію* императора.

бывшемъ соборѣ; но далѣе высказываетъ удивленіе, что на соборѣ дѣлалось не все такъ, какъ желалъ папа, полемизируетъ съ Фотіемъ по поводу его, исполненнаго достоинства выраженія въ письмѣ къ папѣ, что онъ (Фотій) не имѣлъ надобности просить прощенія за прошлое патріаршество. Напоминая Фотію о должной съ его стороны преданности папѣ, папа выражается: если ты постараешься оказывать почтеніе и усиленные знаки вѣрности св. римской церкви и нашей мѣрности (parvitatem), то мы обнимемъ тебя, какъ брата, и будемъ имѣть тебя, какъ любезнѣйшаго сосѣда. Заявляя о полученіи соборныхъ опредѣленій, папа оговаривается, что если на соборѣ легатами его сдѣлано что либо вопреки его апостолическому наставленію, то мы этого не примемъ, не признаемъ за этимъ твердости [1]). Слишкомъ ясно, что обѣ подобныя оговорки въ письмахъ папы намекали и на дѣло болгарское, устраненію котораго изъ соборныхъ совѣщаній не умѣли воспротивиться легаты. Папа сберегаетъ для себя возможность домогаться настоящей уступки Болгаріи подъ довольно робкою угрозою не во всемъ принять соборныя опредѣленія. Болѣе этого онъ и не могъ сдѣлать при тогдашнемъ крайне стѣсненномъ положеніи своемъ въ страхѣ предъ сарацинами и внутренними недругами въ Италіи и при сознаніи нужды въ помощи Византіи противъ первыхъ. Каково было въ данное время положеніе папы, видно изъ нѣсколькихъ писемъ его, писанныхъ въ 880 г. къ разнымъ лицамъ, начиная съ императоровъ Василія и Карла Толстаго. Письма эти полны не скорби только, а унынія и отчаянія, отъ которыхъ папа даже заболѣлъ. Надежда на императора Карла Толстаго, къ которому папа вопіялъ о помощи, оставалась все еще только

---

[1]) Въ над. Миня письма 96 и 97. Между прочимъ это выраженіе папы о легатахъ служитъ опорою для извѣстнаго толка западныхъ писателей о подкупѣ Фотіемъ папскихъ легатовъ. Этотъ и другіе толки ихъ о соборѣ довольно разобраны въ цитованныхъ выше сочиненіяхъ гг. Лавровскаго и Лебедева.

надеждою. Единственнымъ утѣшеніемъ для папы оставалась пока вѣсть о блистательной побѣдѣ, одержанной греческимъ флотомъ надъ сарацинами, сообщая о которой въ письмѣ къ Карлу отъ 880 г., папа возноситъ хвалы Богу[1]). При такихъ обстоятельствахъ могъ ли папа смѣлѣе заявлять Византіи свои притязанія и на Болгарію? Ему оставалось еще попытаться дѣйствовать на самую Болгарію и ея государя. Это потомъ и дѣлалъ онъ въ новыхъ письмахъ къ нему, письмахъ, исполненныхъ мольбы, страстности, даже лести и униженія. Эта страстность притязаній папы на Болгарію едва ли можетъ быть объяснена видами только церковныхъ интересовъ Рима. Папа, котораго и Фотій называлъ искуснымъ политикомъ, имѣлъ здѣсь виды политическіе. Видя возрастающее преобладаніе на положеніе Рима двухъ имперій—западной и восточной, видя враговъ въ старыхъ сосѣдяхъ въ Италіи, папа думалъ найти опору себѣ и римской каѳедрѣ въ *новыхъ сильныхъ государствахъ*, возникшихъ на границахъ обѣихъ имперій: моравскомъ государствѣ Святополка и болгарскомъ—Бориса. Отсюда-то страстное желаніе удержать подъ своею духовною властію первое, пріобрѣсть подъ свою власть послѣднее.

Но возвратимся къ дѣлу Меѳодія въ Римѣ, которое по времени близится съ дѣломъ собора 879—880 г. Въ об-

---

[1]) Сообщая эту утѣшительную вѣсть Карлу, папа такъ однако же изображаетъ свое положеніе: „но и теперь насъ самихъ эти измаильтяне и свои соотечественники тѣснятъ и преслѣдуютъ, такъ что намъ нельзя выйти за стѣны города, нельзя и тѣмъ, которые могли бы работать своими руками для пропитанія или исполнять свои христіанскія обязанности“. Въ другомъ письмѣ, писанномъ въ 881 г., но выражающемъ и настоящее и прежнее положеніе папы, онъ выражается: „ежедневно наши бѣдствія не уменьшаются, но растутъ и ширятся болѣе и болѣе. Настали для насъ такія скорби, стоны и печаль безконечная, что, увы! лучше кажется умереть, чѣмъ переносить все это“. Какъ велико было давленіе сарацинъ на Италію, показываетъ примѣръ неаполитанскаго епископа Аѳанасія, который заключилъ постыдный союзъ съ ними, причинившій, по словамъ папы, много бѣдствій христіанамъ. Папа не одинъ разъ увѣщевалъ его, грозилъ ему отлученіемъ, если не порветъ союза съ сарацинами, но безуспѣшно. Тамъ же, Письма 299, 300, 301, 318, 320, 321.

стоятельствахъ и послѣдствіяхъ собора мы находимъ данныя, помогающія намъ уяснить и дѣло Меѳодія въ Римѣ.

Было сказано, что Меѳодій, вызванный на судъ въ Римъ письмами папы къ нему и Святополку отъ іюня 879 г., прибылъ сюда въ томъ же году приблизительно въ м. октябрѣ или ноябрѣ и оставался до іюня 880 г., когда отправился изъ Рима обратно съ оправдательною буллою папы, писанною въ этомъ мѣсяцѣ. Такъ. образомъ онъ прибылъ въ Римъ тогда, когда папа *уже отправилъ* легатомъ въ Царьградъ кардинала пресвитера Петра съ извѣстными намъ письмами къ императору Василію и патр. Фотію, писанными *въ августѣ 879 г.* Затѣмъ Меѳодій оставался въ Римѣ *все время, когда въ Царьградѣ происходилъ соборъ 879—880 года* (съ 8 ноября 879 до 13 марта 880 г.), и папа съ большимъ интересомъ ожидалъ исхода дѣлъ на этомъ соборѣ; дождался сообщеній о соборѣ, принесенныхъ цареградскимъ посольствомъ, которое съ письмами императора и Фотія къ папѣ отправлено въ апрѣлѣ 880 г., такъ *что прибыло въ Римъ, по всей вѣроятности, не позже м. іюня, и слѣд. могло еще застать въ Римѣ и Меѳодія.* Вспомнимъ еще, что время, обнимаемое пребываніемъ Меѳодія въ Римѣ, совпадаетъ съ временемъ самыхъ тяжкихъ затрудненій и заботъ, скорбей и страховъ папы, угрожаемаго сарацинами и внутренними недругами, что то было время, когда папа ожидалъ отъ Византіи помощи противъ сарацинъ и уступки Болгаріи, и наконецъ дождался вѣстей изъ Византіи—то утѣшительныхъ—о помощи противъ сарацинъ, то смущающихъ, какими были неопредѣленныя обѣщанія относительно Болгаріи. Всю совокупность этихъ обстоятельствъ слѣдуетъ принять во вниманіе, чтобы выяснить ходъ и исходъ дѣла Меѳодія въ Римѣ. Въ общемъ исходъ этого дѣла былъ уже обозначенъ нами, съ указаніемъ на то, въ какой мѣрѣ вліяли на него виды папы по отношенію къ Моравіи. Здѣсь войдемъ въ частности, въ анализъ нѣкоторыхъ сторонъ и, такъ сказать, составныхъ частей этого дѣла. Такъ:

1. *Замедленіе дѣла* Меѳодія въ Римѣ, гдѣ онъ долженъ былъ пробыть для сего приблизительно *восемь* мѣсяцевъ, какъ само собою выясняется совпаденіемъ цѣлаго ряда заботъ и тревогъ у папы, отъ которыхъ онъ было даже заболѣлъ. Необходимо представлять, что папѣ пришлось разбирать и обсуждать дѣло въ борьбѣ съ колебаніями, съ противуположными вліяніями, среди нежданныхъ или неотразимыхъ проволочекъ и т. под.

2. Несомнѣнно, что папа разбиралъ и обсуждалъ дѣло Меѳодія *на соборѣ или синодѣ* изъ бывшихъ въ Римѣ епископовъ. Это говоритъ самъ онъ въ приведенномъ выше письмѣ къ Святополку отъ іюня 880 г.[1]). *Нарочитаго* собора папа не собиралъ для обсужденія дѣла Меѳодія. Въ Римѣ, какъ и Царьградѣ, не для каждаго дѣла созывались *нарочитые соборы*. Тамъ, какъ и здѣсь, всегда имѣлось на лицо извѣстное число епископовъ, пріѣзжавшихъ въ столицы патріархатовъ по дѣламъ своихъ церквей и под. и удерживаемыхъ здѣсь для участія въ папскихъ и патріаршихъ совѣтахъ, имѣвшихъ видъ постояннаго, хотя смѣнявшагося въ составѣ, синода, который въ Византіи называли σύνοδος ἐνδημοῦσα. Въ Римѣ къ составу его принадлежали и кардиналы изъ епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ. Въ такомъ-то синодѣ разбиралось и обсуждалось дѣло Меѳодія, и это слѣдуетъ разумѣть подъ выраженіемъ папы: coram positis fratribus nostribus episcopis. Созывать же нарочитый соборъ было не совсѣмъ въ пору при тогдашнемъ положеніи папы и Рима, бывшихъ едва не въ осадѣ или подъ страхомъ осады. Кромѣ того, въ дѣлѣ Меѳодія былъ такой вопросъ, съ которымъ выступать на большомъ соборѣ было не совсѣмъ удобно, какъ сейчасъ скажемъ. Было бы затѣмъ интересно дознаться, кто именно былъ на синодѣ или частномъ соборѣ, обсуждавшемъ дѣло Меѳодія, какіе были тутъ

[1]) Папа выражается, что онъ испытывалъ Меѳодія о вѣрѣ coram positis fratribus nostris episcopis.

епископы? Съ большою вѣроятностію слѣдуетъ допустить, что это были всѣ или въ значительной части—тѣже епископы, которые въ августѣ 879 г. обсуждали вопросъ объ участіи папы въ дѣлѣ возстановленія Фотія, вообще въ дѣлѣ предположеннаго въ Царьградѣ собора, вмѣстѣ съ папою составляли и подписали commonitorium (инструкцію) при отправленіи въ Царьградъ легата кардинала-пресвитера Петра. Это почти исключительно ближайшіе *италіянскіе епископы*, въ числѣ ихъ извѣстный намъ Доминикъ, епископъ тривіенскій, и Вальпертъ, епископъ портуенскій, вѣроятно, тотъ же, что былъ потомъ патріархомъ аквилейскимъ и переписывался съ Фотіемъ [1]). Изъ франко-нѣмецкихъ епископовъ здѣсь не встрѣчаемъ ни одного.

3. Самымъ важнымъ вопросомъ въ дѣлѣ Меѳодія былъ вопросъ о вѣрѣ его, т. е. о томъ, какъ онъ содержитъ символъ вѣры. Папа съ его синодомъ не могъ не заняться обсужденіемъ этого вопроса въ виду обвиненія взнесеннаго нѣмецкою іерархіею на Меѳодія, что онъ содержитъ символъ вѣры не такъ, какъ содержитъ западная церковь, и въ виду сомнѣнія относительно правоты вѣры Меѳодія, возбужденнаго обвинителями его въ самомъ Святополкѣ. Но понятно, какъ велико было затрудненіе папы и его синода при обсужденіи этого вопроса. Папа и его синодъ, безъ сомнѣнія, хорошо знали, что не далѣе, какъ за 12 л. предъ симъ самъ знаменитый папа Николай I призывалъ богослововъ франко-нѣмецкой іерархіи защитить новую прибавку противъ обличеній Фотія. Уже

---

[1]) Apud Migne, Patr. Lat. T. 126 p. 869—870. Съ довольною вѣроятностію можно предположить, что ближайшіе къ Риму епископы, участвовавшіе въ августовскомъ синодѣ 879 г., сошлись сюда и потому, что потѣснены были Ламбертомъ Сполетскимъ, захватывавшимъ папскую область, державшимъ въ осадѣ и Римъ, что сюда пригналъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и страхъ предъ сарацинами. А сошедшись въ Римъ, они не легко могли выйти изъ него: папа въ письмѣ къ императору Карлу Толстому отъ 880 г. жаловался, какъ мы видѣли, что за стѣны осажденнаго Рима нельзя выйти даже тѣмъ, которымъ это нужно по христіанскимъ обязанностямъ ихъ. Такимъ образомъ бывши въ Римѣ въ августѣ 879 г., они оставались здѣсь и въ 880 г.

это какъ бы обязывало папу и его синодъ стать на сторонѣ обвинителей Меѳодія, отрицающаго новую франконѣмецкую прибавку. Но противъ этихъ соображеній выступали другія, склонявшія къ иному рѣшенію вопроса. Папѣ Іоанну и его синоду пришлось рѣшать этотъ вопросъ послѣ того, когда, отвѣчая Фотію на письмо, въ которомъ онъ поставилъ вопросъ о символѣ вѣры, папа высказался за незаконность *новой и недавней* прибавки въ немъ, за *неприкосновенность* никео-цареградскаго символа, какъ символа вселенской церкви и вселенскихъ соборовъ, поручилъ высказаться въ этомъ же смыслѣ и своимъ легатамъ на цареградскомъ соборѣ, что тѣ и сдѣлали, предложивъ пріобщить къ дѣяніямъ собора и самое письмо папы. Сдѣлалъ все это папа Іоаннъ потому, конечно, что вызванъ былъ Фотіемъ вдуматься въ происхожденіе и характеръ новой прибавки тогда, когда папа крайне желалъ возстановить миръ и союзъ съ Византіею, какъ ради чести римской церкви, упрекаемой ею въ искаженіи символа, такъ и ради ожидаемыхъ отъ Византіи помощи противъ сарацинъ и уступки Болгаріи. Успѣхъ Фотія, вызвавшаго папу на такой отзывъ, на такую мысль о символѣ и о filioque въ немъ, былъ очень благовременнымъ и счастливымъ прецедентомъ для Меѳодія, явившагося въ Римъ, чтобы защищаться и оправдывать себя предъ папою и его синодомъ отъ обвиненія со стороны нѣмецкой іерархіи по поводу символа. Итакъ Фотій изъ Византіи заранѣе подалъ руку помощи Меѳодію въ Римъ на предстоявшемъ ему судѣ предъ папою и его синодомъ! Ни Фотій, ни Меѳодій, давно раздѣленные, конечно, и не предполагали такого стеченія обстоятельствъ, которое являлось какъ бы устроеніемъ Провидѣнія, не оставлявшаго своего избранника въ его тяжкомъ подвигѣ на уклонявшемся отъ православія западѣ. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Меѳодій, прибывъ въ Римъ, имѣлъ возможность узнать и узналъ о зашедшихъ сношеніяхъ между имъ и Византіею, между папою Іоанномъ

и Фотіемъ, возстановленнымъ на патріаршествѣ. Онъ могъ узнать объ этомъ отъ всегда живавшихъ здѣсь Грековъ, отъ лицъ изъ римской куріи, быть можетъ даже отъ самаго папы. Надо полагать, что уже вѣсть о возстановленіи Фотія на патріаршествѣ порадовала Меѳодія, помнившаго что это былъ учитель и другъ дорогаго брата его Константина, что Фотій благословилъ ихъ обоихъ при первомъ отправленіи въ Моравію. Столько же ободрительны были для Меѳодія свѣденія о характерѣ сношеній папы съ Византіею, выражавшемъ не только примирительное настроеніе папы къ Византіи и Фотію, но и согласіе въ вопросѣ о символѣ. Но поспѣшимъ признать и личный подвигъ Меѳодія въ защитѣ своего дѣла, въ защитѣ православнаго символа. Меѳодій, отдавшій всю жизнь подвигу учительства, апостольства, говорившій на судѣ предъ нѣмецкимъ королемъ и нѣмецкими епископами, что не стыдится говорить истину и предъ царями, не постыдился, не убоялся исповѣдать истинную вѣру, изложенную въ символѣ, и предъ папой и его синодомъ. Къ сожалѣнію неизвѣстно, какъ происходилъ процессъ Меѳодія и судъ о немъ на этомъ синодѣ. Все, что мы знаемъ объ этомъ, заключается въ свидѣтельствѣ папы Іоанна VIII въ письмѣ къ Святополку, свидѣтельствѣ, что Меѳодій былъ спрашиваемъ *папою предъ собранными епископами о томъ, такъ ли онъ вѣруетъ, такъ ли содержитъ символъ православной вѣры, и такъ ли поетъ его на священныхъ торжествахъ литургіи, какъ это передано и возвѣщено св. отцами на шести вселенскихъ соборахъ*, по евангельскому ученію Христа Господа нашего. *Меѳодій исповѣдалъ, что онъ держитъ и поетъ символъ, согласно евангельскому и апостольскому ученію, такъ, какъ учитъ и святая Римская церковь и какъ предано отцами*“. Очевидно, здѣсь изображается только сущность и результатъ дѣла. Процессъ же его на синодѣ, какъ само собою понятно, былъ болѣе сложнымъ, т. е. болѣе сложнымъ было то вопрошаніе или испытываніе Меѳодія о символѣ вѣры, о которомъ говоритъ папа. Такимъ оно

должно было явиться уже потому, что въ вопросѣ о символѣ были двѣ стороны, вліяли двоякія соображенія, склонявшія и къ рѣшеніямъ двоякаго рода: въ пользу ли нѣмецкой іерархіи, завинявшей Меѳодія въ отрицаніи той прибавки къ символу, которую она считала усвоенною и Римомъ со времени папы Николая I, или въ пользу Меѳодія, державшаго символъ неприкосновенно и согласно съ востокомъ, съ которымъ недавно согласился въ этомъ вопросѣ и самъ папа вопреки Николаю I. Неизбѣжны были и здѣсь со стороны папы та *осторожность*, сдержанность, медлительность въ рѣшеніи, которыя онъ въ письмѣ къ Фотію считалъ вообще необходимыми, чтобы *исподоволь* склонить къ оставленію прибавки людей, уже привыкшихъ къ ней, несмотря на недавность появленія ея. Такіе привыкшіе, единоплеменные съ нѣмецкою іерархіею, конечно, были и въ Римѣ и въ самомъ синодѣ папскомъ. По всей вѣроятности папа предоставилъ и самому Меѳодію защищать неприкосновенность символа вѣры въ такой мѣрѣ и убѣдительности, чтобы это подѣйствовало на колеблющихся, вразумило ихъ. Здѣсь имѣли мѣсто возраженія со стороны привыкшихъ къ filioque, ссылки на знаменитыхъ латинскихъ отцевъ, учившихъ или будто бы учившихъ о filioque, словомъ—такія возраженія и ссылки, которыхъ отголоски слышатся въ вопросахъ Вальперта, аквилейскаго патріарха, Фотію, отвѣчавшему на вопросы Вальперта въ извѣстномъ намъ письмѣ къ нему отъ 883 года [1]). Если

[1]) Фотій такъ, между прочимъ, говоритъ въ отвѣтномъ письмѣ къ Вальперту: „говорятъ Амвросій великій, Августинъ и Іеронимъ и нѣкоторые имъ единомысленные и стоящіе наравнѣ съ ними, стяжавшіе великое имя по добродѣтели и свѣтлости житія, во многихъ изъ своихъ сочиненій писали, что Духъ исходитъ отъ Сына. Довѣряя имъ, мы такъ говоримъ и мыслимъ, и не безчестимъ отцовъ уклоненіемъ въ еретичество". Но прежде всего имъ надобно представить явное для всѣхъ: если десять или двадцать какихъ нибудь отцевъ сказали это, а тысячи другихъ не говорили, то кто оскорбляетъ отцевъ? Все свое благочестіе основывающіе на немногихъ и представляющіе сихъ противурѣчащими вселенскимъ соборамъ и безчисленному множеству благочестивыхъ отцевъ, или же при-

такъ, то и опровергать и обличать эти возраженія и ссылки Меѳодію приходилось приблизительно такъ, какъ опровергалъ ихъ Фотій. Дѣло Меѳодія облегчалось, конечно, тѣмъ, что съ нимъ наклоненъ былъ соглашаться папа, уже согласившійся въ вопросѣ о символѣ съ Фотіемъ. Но вспомнимъ, что въ первый приходъ Меѳодія въ Римъ вмѣстѣ съ братомъ при папѣ Адріанѣ II, не смотря на то, что самъ этотъ папа уже одобрилъ славянскія книги, Константину еще надобилось самому защищать ихъ предъ нѣкоторыми изъ предубѣжденныхъ лицъ римскаго клира. Тоже было и теперь съ дѣломъ о символѣ. И вотъ одна изъ причинъ долгой затяжки дѣла Меѳодіева въ данное время. Меѳодій своими бесѣдами съ предубѣжденными въ пользу filioque помогалъ самому папѣ *исподоволь* направить дѣло къ благопріятному для обоихъ исходу. Выше сказано было, что въ синодѣ епископовъ, на которомъ разбиралось дѣло, были почти исключи-

---

нимающіе гораздо большее число свидѣтелей? Оскорбляетъ, говорятъ, отцовъ непризнающій исхожденія Духа и отъ Сына, потому что они такъ учили. Но говорящій такъ не оскорбляетъ ли большинство ихъ?—потому что они нигдѣ сего не допускали. Но если оскорбляетъ отцовъ говорящій противное имъ, то какъ не оскорбляетъ общаго Владыку извращающій Его рѣчь и вмѣсто Его представляющій иного учителя богословія"? Латинскіе издатели писемъ Іоанна VIII и въ частности того, крайне имъ непріятнаго, письма къ Фотію, въ которомъ первый соглашается съ послѣднимъ въ мнѣніи о filioque, усиливаясь выставить это письмо то подложнымъ, то искаженнымъ по умыслу Фотія, ссылаются, между прочимъ, на современнаго папѣ Іоанну VIII діакона римской церкви Іоанна. Этотъ Іоаннъ писалъ для папы біографію папы св. Григорія Двоеслова. Говоря здѣсь о его сочиненіяхъ, авторъ замѣчаетъ, что въ подлинныхъ сочиненіяхъ Григорія находится ученіе объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына, но что греки въ греческомъ переводѣ этихъ сочиненій испортили мѣста о св. Духѣ, переиначили въ смыслѣ своего ученія (Patr. Lat. ap. Migne. T. 126, p. 943—4). Опровергать такое нелѣпое обвиненіе не мѣсто здѣсь. Но фактъ, что римскій діаконъ Іоаннъ считалъ нужнымъ предъ папою Іоанномъ VIII защищать filioque ссылками на Григорія Двоеслова, какъ другіе ссылками на Августина, Іеронима и проч., для насъ интересенъ. Онъ показываетъ, что Іоанну VIII, при испытываніи Меѳодія относительно символа, приходилось бороться и съ нѣкоторыми клириками римской церкви, что тѣмъ болѣе приходилось бороться съ ними и Меѳодію, какъ прежде Константину надобилось защищать славянскія книги и послѣ того, какъ ихъ похвалилъ папа Адріанъ II.

тельно *итальянскіе* епископы, чувствовавшіе, какъ и папа, угнетающее вліяніе нѣмцевъ или нѣмецкой партіи въ Италіи: это обстоятельство помогло папѣ и Меѳодію отклонить ихъ отъ солидарности съ нѣмецкою іерархіею въ вопросѣ о символѣ filioque. Но открыто и прямо расходиться съ послѣднею и, оправдывая Меѳодія, держащаго символъ неприкосновенно, высказать порицаніе нѣмецко-франкской іерархіи, усвоившей filioque, было неудобно и небезопасно. Она, имѣвшая сторонниковъ своего мнѣнія и въ Римѣ, подняла бы протестъ, напомнила бы Іоанну VIII Николая I и т. под. И вотъ папа съ своимъ синодомъ нашелъ средній способъ выйти изъ затрудненія, формулировавъ приговоръ о вѣрѣ Меѳодія такъ, какъ онъ формулированъ въ письмѣ папы къ Святополку. Въ приговорѣ не осуждено filioque, уже довольно утвердившееся на западѣ. Ограничились тѣмъ, что, ссылаясь на символъ вселенскихъ соборовъ, указали на то, какъ и теперь содержитъ этотъ символъ римская церковь. А извѣстно, что символъ съ прибавкою filioque тогда *еще не былъ* введенъ въ богослуженіе въ Римской церкви, и наставленіе, данное по этому предмету еще папой Львомъ III, продолжало имѣть силу; потому папа и могъ сказать о Меѳодіѣ, что онъ содержитъ и поетъ символъ, какъ онъ преданъ вселенскими соборами, и какъ держится онъ въ римской церкви. Словомъ, папа Іоаннъ поступилъ подобно тому, какъ въ свое время поступилъ Левъ III: не осудилъ filioque, *какъ мнѣнія*, но оправдалъ церковное употребленіе символа безъ filioque, eo ipso оправдалъ и Меѳодія [1]). Ревнитель чистой христіанской истины, Меѳо-

[1]) Папа Левъ III, уступая импер. Карлу В., который чрезъ письмо и пословъ просилъ, чтобы принято было и въ Римѣ пѣніе символа съ filioque, не осудилъ этой прибавки, какъ *мнѣнія*, но не согласился внесть ее въ символъ *въ его церковномъ* употребленіи, ибо, говорилъ онъ, непозволительно дѣлать какія либо прибавленія тамъ, гдѣ запрещено: при томъ св. отцы, составлявшіе символъ, лучше знали, какое ученіе *тамъ должно помѣстить, и какое опустить*; наконецъ, въ символѣ выражены *не всѣ тайны вѣры*. На возраженіе пословъ, что если изъять изъ символа слово filioque, то оно подвергнется общему

дій едва ли остался *вполнѣ* доволенъ такимъ дипломатическимъ маневромъ папы въ вопрссѣ вѣры, но больше онъ не могъ домогаться или получить отъ папы, принужденнаго считаться съ обстоятельствами, подобно Льву III [1]). Оправдывая Меѳодія относительно символа вѣры, папа прибавляетъ, что „нашелъ его православнымъ и свѣдущимъ и во всѣхъ вообще церковныхъ ученіяхъ и полезныхъ для церкви предметахъ". Это было сказано для успокоенія Святополка, которому недругами Меѳодія вѣроятно наговорено было и многое другое, кромѣ того, что говорено о символѣ. Понятно, что и по этимъ наговорамъ Меѳодій успѣлъ оправдаться,

---

осужденію, какъ и самая мысль. папа отвѣчалъ: „если бы меня спросили объ этомъ ранѣе, нежели стали пѣть такой символъ, то я бы отвѣчалъ, что не должно дѣлать прибавленій. А теперь, *мнѣ кажется*, это можно сдѣлать такъ: пусть *по немногу выводится* при дворѣ (Карла В.) обычай пѣть такой символъ (т. е. съ filioque), *поелику въ нашей святой церкви онъ не поется*, и этотъ обычай, укрѣпившійся не приказаніемъ власти, *а своею новостію для слуха, выведется и у всѣхъ, какъ скоро выведется у васъ*, и такимъ образомъ достигнуто будетъ, насколько возможно, *и то и другое*: то, во что и теперь нѣкоторые, не знавъ того прежде, *справедливо вѣруютъ, сохранится для вѣры, и однако обычай пѣть непозволительное уничтожится безъ оскорбленія вѣры*". Имѣя такой примѣръ Льва III, Іоаннъ могъ съ покойною совѣстію поступить подобно ему. Латинскіе и латино-славянскіе писатели усиливаются утверждать, будто Меѳодій держался filioque, какъ будто бы уже совсѣмъ утвердившагося въ Римѣ; такъ толкуютъ они и слова папы, что Меѳодій содержитъ и поетъ символъ согласно съ римскою церковію. Эта отчаянная попытка отстоять латинство Меѳодія не заслуживаетъ опроверженія.

[1]) Впрочемъ Левъ III поступилъ все-таки смѣлѣе. Извѣстно, что по окончаніи переговоровъ съ послами Карла В. о прибавкѣ въ символѣ онъ велѣлъ начертать Никео-Цареградскій символъ (безъ filioque) на двухъ серебряныхъ доскахъ, на одной по гречески, на другой по латыни, и поставилъ ихъ въ церкви св. Петра съ надписью: Haec Leo posui amore ac tutela orthodoxae fidei. Эти доски существовали еще во время Петра Даміани въ XI в. Папа Іоаннъ VIII, конечно, видѣлъ ихъ. Онѣ должны были помочь ему и въ синодѣ при одобреніи символа, какой поетъ Меѳодій, и слѣд. къ оправданію его. А что папа еще во время своего отвѣта Фотію о символѣ вспоминалъ образъ сужденія по этому предмету Льва III, видно изъ того, что, объясняя Фотію необходимость *исподоволь, съ осторожностію* выводить *недавнюю*, но уже усвоенную нѣкоторыми прибавку, Іоаннъ VIII повторяетъ не только мысли, но отчасти и выраженія Льва III.

имѣлъ случай показать не только свое православіе, но и свое разумѣніе, подобающее архипастырю.

4. Возвращая Меѳодія оправданнымъ и вновь утвержденнымъ въ правахъ архіепископской власти, папа позаботился тверже оградить его власть и упрочить положеніе Моравской церкви, какъ независимой архіепископіи. „Мы постановляемъ, говоритъ папа, что пресвитеры, діаконы и клирики всякаго чина, изъ племени славянскаго или *какого либо другаго*, живущіе въ предѣлахъ твоей области, должны подчиняться и во всемъ повиноваться собрату нашему, вашему архіепископу, такъ что они не должны дѣлать ничего безъ его вѣдома; *упрямые же и непослушные, дерзающіе причинять какой либо соблазнъ или расколъ* (schisma), если послѣ перваго и втораго увѣщанія не исправятся, *должны быть изгоняемы изъ церквей и предѣловъ вашихъ, въ силу статей (capitulorum), которыя мы передали Меѳодію и вамъ переслали*“. Понятно, что эти непослушные и вчинатели соблазна и раскола были не кто другіе, какъ лица изъ *нѣмецкаго* духовенства, удержавшіяся въ Моравіи при общемъ изгнаніи его отсюда въ 874 году, или вновь вторгавшіяся послѣ изгнанія. Непослушными и вчинателями соблазна и раскола они становились чрезъ то, что, считая себя или поставленниками нѣмецкихъ епископовъ или просто зависящими отъ нихъ, какъ единоплеменниковъ, не покорялись власти Меѳодія, порицали введенное имъ пѣніе символа безъ filioque или не соглашались сами пѣть символъ одинаково съ Меѳодіемъ, не соглашались совершать и введенное имъ славянское богослуженіе. Понятно и то, что о такихъ непослушныхъ и вчинателяхъ соблазна и раскола сообщилъ папѣ Меѳодій и просилъ защиты своей власти, и папа счелъ для себя возможнымъ и обязательнымъ исполнить эту просьбу, воздержавшись только отъ поясненія свойствъ соблазна и раскола, вчинаемыхъ непослушными. Послѣднее было опять выраженіемъ той осторожности, какую папа считалъ потребною въ дѣлѣ о символѣ. Благоразумію самаго Меѳодія, сообщив-

шаго папѣ о свойствахъ соблазна и раскола, вчинаемаго непослушными, предоставлялось примѣнять въ отношеніи къ нимъ указанную мѣру. Безъ сомнѣнія, Меѳодій испросилъ у папы и *тѣ статьи* или правила, которыми ограждалась архипастырская власть его и имѣлъ утвердиться лучшій порядокъ въ духовенствѣ. Къ сожалѣнію, статьи эти не дошли до насъ. Возрастаніе предѣловъ и политическаго значенія Моравскаго государства требовало учрежденія новыхъ епархій, новыхъ епископій, требуемыхъ и самымъ значеніемъ діоцеза Меѳодія, какъ *архіепископіи*. Папа, согласно съ желаніемъ Святополка, посвящаетъ въ епископы избраннаго и присланнаго имъ для сего нѣмца Вихинга съ каѳедрою въ г. Нитрѣ на границѣ Моравіи и Каринтіи. Не безъ основанія думаютъ, что этотъ Вихингъ, извѣстный интригантъ и проходимецъ, отъ котораго *потомъ* отказались и сами нѣмцы, былъ *теперь* орудіемъ интриги ихъ противъ Меѳодія, съ которымъ или вслѣдъ за которымъ онъ прибылъ въ Римъ. Предполагаютъ въ частности, что Вихингъ былъ креатура побочнаго сына Карломанова, Арнульфа, герцога Каринтіи, въ настоящее время пользовавшагося дружбою Святополка, къ которому чрезъ Арнульфа успѣлъ вкрасться въ довѣріе и расположеніе и Вихингъ, получившій поэтому и каѳедру въ Нитрѣ на границѣ Моравіи и Каринтіи, такъ что епархія Вихинга простиралась и на часть Каринтіи. По всей вѣроятности, самъ Меѳодій, какъ то поясникъ ниже, не предлагалъ Вихинга въ епископы, но не хотѣлъ или не могъ противурѣчить волѣ Святополка. Поставивъ Вихинга въ епископы въ архіепископскій діоцезъ Меѳодія, папа предупреждаетъ Святополка, что новый епископъ, согласно священнымъ канонамъ, долженъ во всемъ повиноваться своему архіепископу. Затѣмъ папа выражаетъ желаніе, чтобы Святополкъ *съ согласія и по усмотрѣнію архіепископа Меѳодія*, прислалъ въ удобное время и другого надежнаго пресвитера или діакона для поставленія на епископ-

ство къ такой церкви, гдѣ признано будетъ умѣстнымъ учредить епископскую каѳедру, и обѣщаетъ посвятить его на епископство съ тѣмъ, что архіепископъ съ этими двумя епископами, въ силу апостолическаго опредѣленія папы, будетъ имѣть право поставлять епископовъ и для другихъ мѣстъ, гдѣ съ честію для церкви должны и могутъ быть епископы. Такимъ образомъ папа желалъ устроить цѣлую іерархію въ Моравской церкви, съ утвержденіемъ ея самостоятельности, какъ архіепископіи. Это согласовалось и съ видами папы, желавшаго, чтобы Моравская церковь не нуждалась во власти зальцбургской архіепископіи, но признавала надъ собой только власть папы. Но это согласовалось съ желаніями Меѳодія, заботившагося о благоустройствѣ и независимости Моравской церкви. То, что избраніе кандидата на второе епископство обусловливается у папы согласіемъ и благоразумнымъ усмотрѣніемъ Меѳодія, при молчаніи о такомъ согласіи относительно избранія Вихинга, даетъ именно заключить, что Меѳодій не участвовалъ въ такомъ избраніи, что поэтому папа и присоединяетъ напоминаніе о необходимости согласія Меѳодія при избраніи втораго епископа. Это напоминаніе или внушеніе Святополку показываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ довѣріе папы къ Меѳодію, вниманіе къ нему. Поэтому едвали справедливо высказываемое нѣкоторыми предположеніе, что папа при отправленіи Меѳодія былъ не совсѣмъ доволенъ имъ, и это будтобы заявилъ тѣмъ, что не далъ ему архіепископскаго палліума или плаща. Послѣднее обстоятельство объясняется для насъ проще. Во-первыхъ, плащи архіепископскіе или митрополичьи давались не всегда и не всѣмъ даже изъ достойныхъ. Они были и предметомъ искательствъ честолюбивыхъ іерарховъ, почти всегда оплачивались и не дешево. Меѳодій, смиренный, отказывавшійся нѣкогда и отъ епископства, нестяжательный и потому не запасливый въ деньгахъ, прожившій за восемь мѣсяцевъ своего пребыванія въ Римѣ и тѣ деньги, какія имѣлъ, не искалъ плаща, не хлопоталъ о немъ, не

обѣщалъ платы, потому и не получилъ плаща, о чемъ конечно и не тужилъ. Во вторыхъ, Меѳодій былъ пока болѣе *номинальнымъ*, чѣмъ *дѣйствительнымъ* архіепископомъ, имѣя подъ своею властію всего только одного епископа, да и то новопоставленнаго и еще не вступившаго въ управленіе. Большее право на плащъ Меѳодій могъ получить только со временемъ, когда бы имѣлось подъ его властію уже нѣсколько епископовъ. Понимая это, онъ еще менѣе наклоненъ былъ хлопотать о плащѣ; да и папа имѣлъ основаніе считать плащъ преждевременнымъ для Меѳодія.

5. Утверждая Меѳодія въ правахъ архіепископской власти, папа вновь одобрилъ и его славянскія книги и право совершать славянское богослуженіе. Іоаннъ VIII, конечно, видѣлъ славянскія книги св. братьевъ еще прежде, при папѣ Адріанѣ II, когда онъ былъ архидіакономъ. Но теперь, по поводу новыхъ обвиненій на Меѳодія изъ за этихъ книгъ, Меѳодій счелъ нужнымъ представить и представилъ ихъ папѣ. Представивъ книги, Меѳодій, какъ само собою понятно, защищалъ ихъ предъ папою и синодомъ, напоминалъ о томъ, что эти книги были одобрены папою Адріаномъ, признавшимъ право народовъ имѣть богослуженіе на своемъ языкѣ, напомнилъ и о почивавшемъ въ Римѣ братѣ своемъ, изобрѣвшемъ эти книги, получившемъ отъ папы одобреніе ихъ и дозволеніе совершать по нимъ славянское богослуженіе. Кромѣ самого папы, знавшаго обо всемъ этомъ, Меѳодій могъ сослаться и на другихъ свидѣтелей изъ членовъ папскаго синода, каковъ особенно *Гавдерикъ, епископъ велитренскій*, совершавшій съ еп. Формозомъ, по повелѣнію Адріана II, посвященіе въ іереи, діаконы и чтецы славянскихъ учениковъ Константина, хорошо знавшій Константина, слышавшій и славянское богослуженіе, совершенное тогда въ Римѣ новопоставленными Формозомъ и Гавдерикомъ славянскими священниками [1]). Естественно,

[1]) Гавдерикъ, какъ членъ папскаго синода, присутствовалъ въ томъ собраніи его въ августѣ 879 года, въ которомъ обсуждалось отправленіе въ

что и теперь въ синодѣ Іоанна VIII могли быть болѣющіе трезычною ересью, предубѣжденные противъ славянскихъ книгъ и вообще богослуженія на народныхъ языкахъ, какъ были такіе предубѣжденные при Адріанѣ II и Константинѣ. Меѳодію приходилось отвѣчать предубѣжденнымъ и повторять то, что и какъ говорилъ въ свое время Константинъ въ Моравіи, Венеціи и Римѣ. Папа слышалъ рѣчи Меѳодія, бывшія повтореніемъ рѣчей Константина, ибо оправдывая славянскія книги и славянское богослуженіе въ приведенномъ выше посланіи къ Святополку, онъ самъ мѣстами повторяетъ рѣчи Константина и ссылки его на тексты свящ. писанія. Папа заноситъ въ свое письмо и имя Константина, какъ изобрѣтателя славянскихъ письменъ, выражаясь: litteras denique sclavonicas, *a Constantino quodam philosopho* repertas, quibus *Deo laudes debite resonent, jure laudamus* [1]). *Но Меѳодію* надобилось еще удостовѣрять папу и синодъ *въ правильности и доброть перевода* въ славянскихъ книгахъ, т. е. перевода заключающихся въ нихъ чтеній изъ Ветхаго и Новаго Завѣта и церковныхъ службъ. Что онъ это дѣлалъ и успѣлъ въ этомъ, это слѣдуетъ заключать изъ словъ папы, который, похваляя славянскія книги, выражается: nec sanae fidei vel doctrinae aliquid obstat sive missas in eadem Sclavonica lingua canere, sive Sacrum Evangelium vel lectiones divinas

---

Царьградъ легата Петра, составлено и подписано commonitorium ему и двумъ легатамъ, остававшимся въ Царьградѣ. Выше мы замѣтили, что составъ синода ко времени прибытія Меѳодія въ Римъ и во время пребыванія его здѣсь, оставался если не въ цѣломъ, то въ значительной части—одинъ и тотъ же. Этого Гавдерика считали, иные и теперь считаютъ авторомъ такъ называемой Итальянской легенды (Vita cum translatione S. Clementis), въ которой весьма почтительно говорится и о Константинѣ. Новѣйшая критика (у г. Голубинскаго и др.) находитъ другаго автора *существующей легенды*, но не отрицаетъ, что этотъ послѣдній имѣлъ предшественникомъ въ своемъ трудѣ Гавдерика или точнѣе того діакона Іоанна, который писалъ жизнь Климента по мысли Гавдерика.

[1]) Выше были приведены разныя толкованія выраженія Constantino *quodam* philosopho. Настоящій анализъ обстоятельствъ, вызвавшихъ воспоминаніе о Константинѣ въ посланіи папы, еще болѣе склоняетъ къ пониманію quodam въ смыслѣ—*извѣстнымъ*.

Novi et Veteris testamenti *bene translatas et interpretatas legere.* Значитъ, папа былъ увѣренъ въ этихъ качествахъ славянскаго перевода, увѣренъ, конечно, изъ объясненій Меѳодія, причемъ однако же папѣ приходилось восполнить свою увѣренность довѣріемъ къ чистотѣ вѣры, къ разуму и просвѣщенію Меѳодія и Константина, подобно тому, какъ въ свое время довѣрили достоинству Константинова перевода въ Царьградѣ.

6. За всѣмъ тѣмъ, папа, одобривъ славянскія книги и славянское богослуженіе, присоединяетъ то важное условіе, чтобы *во всѣхъ церквахъ моравской земли*, ради большей важности (honorificentiam), евангеліе читалось сперва по латыни и потомъ возглашалось въ переводѣ на славянскій языкъ для народа, неразумѣющаго латинскихъ словъ, *какъ это повидимому и дѣлается въ нѣкоторыхъ* церквахъ (sicut in quibusdam ecclesiis fieri videtur). „И если, заканчиваетъ папа, тебѣ (Святополку) и твоимъ совѣтникамъ болѣе нравится слушать латинскія службы (missas), то повелѣваемъ, чтобы для тебя торжества службы (missarum solemnia) совершались по латыни". Отсюда видно, что *въ нѣкоторыхъ церквахъ* Моравіи и прежде на литургіи читалось евангеліе сперва по латыни, потомъ по славянски. Меѳодій допускалъ это изъ повиновенія приказанію еще папы Адріана, изъ уваженія къ священному языку римской церкви и всей западной и ради добраго мира съ нѣмецкою іерархіею и латино-нѣмецкимъ духовенствомъ, остававшимся въ Моравіи. Папа требуетъ, чтобы это дѣлалось теперь *во всѣхъ моравскихъ церквахъ*. Требованіе трудно выполнимое потому, что какъ было уже сказано выше, Меѳодій, не мало уже затрудненный обученіемъ славянской грамотѣ кандидатовъ на священныя степени, теперь вынуждался обучать ихъ и по латыни. Если онъ, какъ надо думать, не хотѣлъ прямо противорѣчить волѣ папы и наклоненъ былъ по возможности исполнить ее, то, вѣроятно, запасся и учителями для латыни

изъ итальянскаго духовенства, что въ свою очередь пролагало путь послѣднему и къ занятію мѣстъ при болѣе богатыхъ церквахъ въ Моравіи. Но еще страннѣе заключительное внушеніе папы Святополку. Ужели Святополку и его совѣтникамъ могло болѣе нравиться слушать службу на латинскомъ, чѣмъ на славянскомъ языкѣ? Необходимо думать, что такое представленіе о Святополкѣ и его дворѣ внушили папѣ бывшіе тогда же вмѣстѣ съ Меѳодіемъ въ Римѣ Іоаннъ венеціанскій и Вихингъ,—эти придворные священники Святополка, что такое внушеніе принято папою и членами его латинскаго синода тѣмъ довѣрчивѣе и охотнѣе, что согласовалось съ собственными симпатіями, ихъ въ существѣ латинскими, а не славянскими, что латинскій языкъ Евангелія имѣлъ въ глазахъ папы служить постояннымъ напоминаніемъ Моравіи о духовной зависимости ея отъ Рима и папы. А для Іоанна венеціанскаго и Вихинга удержаніе исключительно и преимущественно латинскаго богослуженія при дворѣ Святополка расчитано было на то, чтобы Меѳодій не часто служилъ или совсѣмъ не служилъ *при дворѣ государя*, чтобы Святополкъ не привыкалъ бывать на его службахъ, и Меѳодій вообще рѣже видывался съ Святополкомъ, былъ подальше отъ него, оставляя мѣсто вліянію и преобладанію ихъ самихъ и вообще латино-нѣмецкаго духовенства. Но быть не можетъ, чтобы Іоаннъ венеціанскій и Вихингъ, внушавшіе папѣ представленіе, что Святополку и его совѣтникамъ латинская служба нравится болѣе славянской, *совсѣмъ оболгали* своего государя и его дворъ и чтобы въ словахъ ихъ по этому предмету не было и доли правды. Если Вихингъ способенъ былъ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, на всякую ложь и клевету, то не имѣемъ права думать такъ о Іоаннѣ венеціанскомъ, такъ долго служившемъ при дворѣ Святополка. Полная ложь, еслибы она была здѣсь, могла бы быть изобличена спутникомъ Меѳодія Семизисномъ, вассаломъ Святополка, да и самимъ Меѳодіемъ. Итакъ, необходимо допустить *долю правды* въ

томъ, что говорилъ папа со словъ Іоанна венеціанскаго. Вихинга или чьихъ бы то ни было еще. Въ чемъ она заключалась? Выше было сказано, что Святополкъ въ данное время дружилъ съ нѣмцами, что удерживаніе имъ долгое время при себѣ священника Іоанна венеціанскаго въ качествѣ дипломата и затѣмъ приближеніе Вихинга показываютъ, что Святополкъ такъ или иначе нуждался въ услугахъ ихъ, что, считая себя въ ряду государей европейскихъ, онъ не желалъ рѣзко отособляться отъ нихъ въ условіяхъ тогдашней цивилизаціи, органомъ которой на западѣ почиталась латынь. Поэтому, стремясь къ развитію политическаго могущества Моравіи съ помощію независимой національной церкви и съ богослуженіемъ на національномъ языкѣ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ наклоненъ былъ не упразднять при своемъ дворѣ и богослуженія на языкѣ латинскомъ, какъ языкѣ общеевропейской цивилизаціи, образованія, что слышавъ много разъ прежде богослуженіе на этомъ языкѣ, онъ отчасти привыкъ къ нему и довольно понималъ его, что и теперь ему приходилось слыхивать латинскую службу напр. во время съѣздовъ съ нѣмецкими князьями пріятелями или давать имъ слушать ее у него при дворѣ, когда они бывали здѣсь. Наконецъ не очень набожному Святополку латинская служба могла нравиться и своею извѣстною краткостію, въ сравненіи съ греко-славянскою, быть можетъ, и музыкой при ней, которая въ IX в. уже заведена была почти повсюду на западѣ въ церковномъ богослуженіи. Все, что сказано о Святополкѣ, можетъ быть болѣе или менѣе примѣнено и къ его совѣтникамъ или придворнымъ. Онъ и они стояли, конечно, на сторонѣ славянской службы, какъ имѣющей господствовать въ цѣлой странѣ, существующей для всего народа. Но не находили нужнымъ или желательнымъ совсѣмъ удалять и службу латинскую, считали ее даже *умѣстною* при дворѣ, въ церквахъ придворныхъ или домовыхъ церквахъ моравской знати, умѣстною такъ, чтобы она существовала рядомъ съ славянскою. Это-то

обстоятельство, представленное папѣ *преувеличенно*, и дало ему поводъ сказать то, что сказалъ онъ въ заключеніе своего письма къ Святополку.

Итакъ исходъ дѣла Меѳодіева въ Римѣ, во многомъ благопріятный и счастливый для него, давалъ вмѣстѣ съ тѣмъ предчувствовать, что доблестный архипастырь и учитель, возвратясь въ Моравію, увидитъ здѣсь со временемъ новыя затрудненія своему служенію, новыя бѣды и огорченія.

Разборъ обстоятельствъ Меѳодіева дѣла въ Римѣ долженъ быть восполненъ замѣчаніями о совпадающемъ съ нимъ по времени дѣлѣ Далматскихъ хорватовъ или сербохорватовъ [2]) и о дальнѣйшемъ ходѣ дѣла болгарскаго, начало котораго объяснено было выше въ общей рѣчи объ отношеніяхъ Рима къ Византіи и Болгаріи, совпадающихъ по времени съ движеніемъ Меѳодіева дѣла въ Римѣ

Поселившись въ подвластной Византіи Далмаціи при имп. Ираклiѣ († 641 г.) въ сѣв. части ея, хорваты признали надъ собой верховную власть Византіи, имѣя и своихъ племенныхъ князей или жупановъ. При Ираклiѣ и своемъ князѣ Порунѣ Хорваты, дотолѣ язычники, приняли христіанство, бывъ крещены *латинскими* священниками, присланными, по распоряженію Ираклія, *изъ Рима*, одновременно съ тѣмъ, какъ крещены были и сербы, хотя и не всѣ [3]). Съ тѣхъ поръ хорваты, завися въ политическомъ отношеніи отъ Византіи, въ церковномъ отношеніи оставались

---

[1]) Выражаясь—*сербо-хорватовъ*, разумѣемъ не только близкое племенное родство хорватовъ съ сербами, но и то, что въ сосѣдствѣ съ хорватами и среди хорватовъ были поселенія изъ собственно сербскаго племени, — того племени, княземъ котораго былъ упомянутый выше Мунтимиръ.

[2]) Исторія поселенія хорватовъ въ Далмаціи, отношеній ихъ къ Византіи и христіанству передается у Константина Порфирогенета въ его соч. De administrando Imperio въ главахъ 29—31. Patr. Graec edit. Migne P. 249—288. Спец. г. Голубинскаго исторія славянскихъ церквей и проч. стран. 696 и далѣе; г. Лавровскаго, Кириллъ и Меѳодій стр. 499 и д. Харьковъ 1864 г.

подъ вѣдѣніемъ Рима, имѣя на всю Хорватію одного епископа. Послѣдній получилъ поставленіе въ Римѣ, а потомъ въ Сплѣтской или Спалатанской митрополіи, какъ ближайшей и бывшей главою латинско-далматинскихъ епархій, каѳедры которыхъ находились по прибрежнымъ городамъ Далмаціи, гдѣ преобладало латинское или романо-итальянское населеніе. Впрочемъ исторія хорватской епископіи и самаго христіанства у хорватовъ довольно темна. Извѣстно однакоже, что хорваты, не всегда оставаясь въ мирѣ съ Византіею или въ зависимости отъ нея, не всегда оставаясь въ пріязненныхъ отношеніяхъ къ далматскимъ латинянамъ, далеко не всѣ были и христіанами. Съ 870—872 г. и политическія и церковныя отношенія ихъ измѣняются. Угрожаемые нападеніями сарацинъ, хорваты вступаютъ въ болѣе тѣсный союзъ съ Византіею, подчиняются верховной власти сильнаго императора Василія Македонянина, который своимъ флотомъ защищалъ пріадріатику отъ сарацинъ и вообще стремился возстановить власть имперіи повсюду, гдѣ могъ, въ частности и въ Далмаціи, и здѣсь въ далматинской Хорватіи. Послѣ Демогоя или Демогая, княжившаго въ Хорватіи въ началѣ 70-хъ годовъ IX в., хорватскимъ княземъ сталъ Сдеславъ или *Седеславъ*, при содѣйствіи императора Василія Македонянина, котораго союзникомъ и какъ бы подручникомъ по этому самому и признавалъ себя Седеславъ. Но Василій Македонянинъ этимъ не ограничился. По просьбѣ самихъ хорватовъ, онъ *два раза* присылалъ *греческихъ* священниковъ, которые въ оба раза крестили здѣсь хорватовъ, еще оставшихся некрещенными или „погаными“, какъ назывались у славянъ некрещенные, по замѣчанію Константина Порфирогенета, сообщающаго и объ этихъ греческихъ миссіяхъ Василія въ Хорватіи. Такимъ образомъ Хорватія вступила теперь подъ верховную власть Византіи и въ церковномъ отношеніи. Это было очень непріятно Риму. Папа Іоаннъ VIII дѣлаетъ попытки къ возвращенію славянской Хорватіи подъ власть римской каѳедры, поощряемый успѣхами ея въ славянской Моравo-

Панноніи, которой архіепископъ Меѳодій былъ поставленникомъ Рима и признавалъ его верховную власть. Съ этою, повидимому, цѣлію папа сносился еще съ хорватскимъ жупаномъ Дагомаемъ, которому писалъ посланіе не задолго предъ тѣмъ, какъ писалъ и Мутиміру сербскому, привлекая его признать свою область принадлежащею къ паннонской архіепископіи Меѳодія [1]). Были сношенія у папы и съ княземъ Седеславомъ. Въ 878 г. извѣстные намъ папскіе легаты епископы Павелъ и Евгеній, отправленные въ Болгарію и Византію, посѣтили на пути и Хорватію, гдѣ, безъ сомнѣнія, дѣлали то, что дѣлали въ Болгаріи, т. е. склоняли Седеслава къ подчиненію власти папы. Въ 879 г., посылая новаго легата въ Болгарію, папа писалъ къ Седеславу, какъ возлюбленному сыну своему, прося его, ради любви къ св. ап. Петру и Павлу, патронамъ хорватскаго князя и народа, оказать содѣйствіе и помощь легату (въ пищѣ и одеждѣ), при его прохожденіи чрезъ Хорватію въ Болгарію къ князю Борису-Михаилу [2]). Седеславу не пришлось исполнить просьбу папы. Прибывшій въ Хорватію легатъ, по всей вѣроятности, засталъ уже здѣсь на княженіи Браниміра, который въ маѣ 879 г., убивъ Седеслава, самъ захватилъ княжескій или жупанскій престолъ [3]). Этотъ переворотъ повліялъ на перемѣну политическо-церковныхъ отношеній Хорватіи. Убійца союзника и подручника Византіи не могъ расчитывать на благосклонность императора Василія и на союзъ съ нимъ. Онъ ищетъ другого союзника и покровителя въ Римѣ, въ папѣ. Сообщника въ такомъ замыслѣ Браниміръ нашелъ въ нѣкоемъ діаконѣ Ѳеодосіѣ, избранномъ теперь на вакантную епископскую каѳедру г. Ноны или Нина, бывшаго вмѣстѣ съ тѣмъ и

---

[1]) Посланіе Іоанна VIII къ Дагомаю принадлежитъ къ числу новооткрытыхъ Бишономъ въ Британскомъ Музеѣ. 1. с.

[2]) Patr. Lat. T. 126. ep. 219. P. 833.

[3]) Дата посланія папы къ Седеславу означена только годомъ, безъ мѣсяца и дня. Но въ изданіи Миня оно стоитъ между письмами *отъ начала мая*.

столицею жупанства [1]). Нонская епископія и была собственно Хорватскою епископіею въ Далмаціи, тогда какъ другія каѳедры, во главѣ съ Спалатскою митрополіею были латинскими, романо-итальянскими. Какъ разъ въ пору такого поворота политико-церковныхъ отношеній Хорватіи прибылъ сюда извѣстный намъ Іоаннъ, пресвитеръ венеціанскій, бывшій на пути въ Римъ, въ качествѣ посла отъ Святополка моравскаго къ папѣ по дѣлу Меѳодія. Браниміръ и Ѳеодосій обратились къ посредству Іоанна для почина сношеній съ папою, котораго легатъ, везшій посланіе къ Седеславу, по всей вѣроятности, еще не дошелъ къ Хорватіи. Іоаннъ венеціанскій, какъ опытный дипломатъ, тѣмъ охотнѣе принялъ на себя посредничество въ Хорватскомъ дѣлѣ, что понималъ, какъ оно будетъ пріятно для папы. Браниміръ и Ѳеодосій вручили послу Святополка свои письма къ папѣ, съ изъявленіемъ своего желанія перейти подъ духовную власть Рима [2]). Съ восторгомъ принялъ папа эти письма и выслушалъ устныя сообщенія Іоанна Венеціанскаго. Немедленно затѣмъ, 21 мая, въ день вознесенія, папа торжественно отслужилъ литургію въ церкви св. Петра, при чемъ произнесъ благословеніе убійцѣ Браниміру и Хорватскому народу. Дѣломъ Хорватскимъ онъ занялся даже поспѣшнѣе, чѣмъ дѣломъ Моравскимъ, также доложеннымъ ему посломъ Святополка. Папа изготовилъ отвѣтныя письма къ Ѳеодосію (electo episcopo Nonensi) отъ 4 іюня и къ Браниміру отъ 7 іюня [3]). Ѳеодосію папы вы-

---

[1]) Было бы небезъинтересно знать, какимъ образомъ стала вакантною Нонская или Нинская каѳедра: въ слѣдствіе ли смерти бывшаго предъ тѣмъ епископа, или же въ слѣдствіе политическаго переворота—такъ, что Браниміръ, убивъ Седеслава, и задумавъ союзъ съ Византіею замѣнить союзомъ съ Римомъ, не нашелъ сочувствія въ бывшемъ епископѣ, низложилъ его и избралъ на его мѣсто Ѳеодосія, согласившагося на союзъ съ Римомъ. Источники не даютъ разъясненія этого обстоятельства.

[2]) Письма Браниміра и Ѳеодосія не сохранились; но объ нихъ извѣстно изъ отвѣтныхъ писемъ папы.

[3]) Оба письма въ Patr. Lat. Ibid. ep. 225 и 229.

сказываетъ свою великую радость по поводу того, что писалъ онъ къ папѣ, и что, въ добавокъ къ тому, устно передалъ отъ него пресвитеръ Іоаннъ; затѣмъ папа восхваляетъ добродѣтели Ѳеодосія и особенно почтеніе и преданность его римской церкви, отъ которой нѣкогда и предмѣстники его восприняли медоточные догматы божественнаго закона. Напоминая, что Римская апостольская каѳедра есть глава и учительница всѣхъ церквей, папа увѣщаваетъ Ѳеодосія не обращаться въ какую либо другую сторону за полученіемъ епископства и приглашаетъ его прибыть въ Римъ и принять посвященіе отъ папы. Въ письмѣ къ Браниміру папа еще усерднѣе расточаетъ и выраженія своей радости и свои похвалы князю, возжелавшему *возвратиться* въ лоно Римской церкви, отъ чистѣйшаго источника которой предки его пили медоточныя струи святаго ученія; сообщаетъ о торжественномъ служеніи 21 мая, при которомъ папа благословилъ князя и Хорватскій народъ, увѣряетъ въ своей отеческой любви и попечительности о князѣ и его народѣ, преподаетъ разныя наставленія князю относительно его обязанностей, въ частности — внушаетъ имѣть почтеніе къ священникамъ и служителямъ церкви и сохранить вѣрность Римской церкви и папѣ, обѣщая князю за все это избавленіе отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ и т. под. Кромѣ писемъ къ Ѳеодосію и Браниміру папа написалъ письмо и ко всему Хорватскому клиру и народу, съ тѣмиже выраженіями своей радости о возвращеніи его въ лоно Римской церкви и убѣжденіями пребыть вѣрными послѣдней [1]). Всѣ три письма папы повезъ въ Хорватію тотъ же Святополковъ посолъ пресвитеръ Іоаннъ, упрошенный, какъ надо полагать, папою послужить ему въ Хорватскомъ дѣлѣ потому, что онъ былъ испытаннымъ дипломатомъ и зналъ славянскій языкъ въ слѣдствіе долгаго пребыванія

---

[1]) Ibid. ep. 230.

при дворѣ Святополка [1]). Вслѣдствіе писемъ папы, привезенныхъ Іоанномъ Венеціанскимъ въ г. Нинъ Браниміру и Ѳеодосію, этотъ послѣдній отправился въ Римъ, для принятія посвященія отъ папы. Это было новою радостію для папы. Онъ посвятилъ Ѳеодосія на нинскую епископію и принялъ Хорватскую епархію или церковь подъ свою верховную власть, сдѣлавъ ее независимою отъ Латинской Сплѣтской митрополіи, что и согласовалось съ стремленіями къ національной самобытности и независимости славянской Хорватіи и ея церкви. Словомъ папа поступилъ такъ, какъ поступилъ относительно Меѳодія и моравской церкви, изъявъ ее изъ подъ зависимости Зальцбургской митрополіи и оставивъ подъ своею верховною властію. Ѳеодосій, прибывшій въ Римъ, по всей вѣроятности, еще въ 879 г., былъ посвященъ или еще въ этомъ же году или вначалѣ 880 г. Будучи уже въ санѣ епископскомъ, онъ отправленъ папою въ Хорватію и Болгарію и къ концу 880 г. вторично былъ въ Римѣ съ какимъ то писавіемъ къ папѣ отъ Браниміра и съ новыми увѣреніями со стороны послѣдняго въ преданности его римской церкви и папѣ [2]). Писаніе это (sicut nomine

---

[1]) Слѣдуетъ оговориться, что принимая пресвитера Іоанна, повезшаго въ Хорватію новыя три письма папы, за того же Іоанна пресвитера венеціанскаго, съ которымъ посылали прежде свои письма Браниміръ и Ѳеодосій, мы считаемъ это только *наиболѣе вѣроятнымъ*, а такую вѣроятность докажемъ ниже.

[2]) Второе письмо Браниміра къ папѣ также не существуетъ, какъ и первое. Но о немъ (2-мъ письмѣ) извѣстно изъ втораго отвѣтнаго письма папы къ Браниміру. Дата этого втораго письма не означена; но что оно писано именно *къ концу 880 г.*, слѣдуетъ заключать изъ того, что въ собраніи писемъ Іоанна VIII оно стоитъ въ числѣ *послѣднихъ* двухъ писемъ 880 г. и послѣ писемъ, имѣющихъ дату *отъ ноября* 880 г. (ар. Migne T. 126 p. 303. 304. 307 и 308). Съ принятіемъ такого времени для втораго письма папы къ Браниміру связывается предположеніе *о вторичномъ путешествіи Ѳеодосія въ Римъ уже въ санѣ епископскомъ*. Но это предположеніе необходимо слѣдуетъ еще изъ того, что во второмъ письмѣ папы къ Браниміру, отправленномъ съ возвращавшимся изъ Рима въ Хорватію Ѳеодосіемъ, упоминается о сношеніяхъ или даже личномъ свиданіи послѣдняго съ Борисомъ Болгарскимъ, обѣщавшимъ отправить своихъ пословъ въ Римъ *вмѣстѣ съ Ѳеодосіемъ*. Эти сношенія и это обѣщаніе имѣли мѣсто уже *тогда*, когда Ѳеодосій былъ *дѣйствительнымъ посвященнымъ* епископомъ, и послѣ того,

vestro scripta nobis mandastis, выражается папа) касалось, безъ сомнѣнія, новаго положенія Хорватской Церкви или Нинской епархіи, отдавшейся подъ непосредственную власть папы, съ устраненіемъ зависимости отъ Сплѣтской митрополіи. Для утвержденія и организаціи Нинской епархіи въ этомъ новомъ положеніи ея, папа, отправляя Ѳеодосія обратно въ Хорватію, написалъ второе письмо или посланіе къ Браниміру, обращенное также ко всему духовенству, княжескимъ совѣтникамъ и всему народу въ Хорватіи. Восхваляя преданность князя и хорватовъ римскому престолу, засвидѣтельствованную Ѳеодосіемъ, и довольно распространяясь о своей любви и т. под., папа требуетъ, чтобы Бранимиръ прислалъ нарочныхъ пословъ въ Римъ, которые бы, въ качествѣ представителей всей страны, лично посовѣтовались съ римскою каѳедрою о томъ, что писалъ князь, и предупреждаетъ, что, послѣ такого посольства изъ Хорватіи, папа пришлетъ въ нее и своего посла, чтобы принять отъ хорватскаго народа торжественное засвидѣтельствованіе вѣрности его римскому престолу. Было ли такое новое посольство изъ Хорватіи въ Римъ,—остается пока неизвѣстнымъ, ибо на данномъ письмѣ папы прерываются извѣстія о сношеніяхъ Хорватіи съ Римомъ за время папы Іоанна VIII. Нельзя пройти молчаніемъ того, повидимому, страннаго обстоятельства, что новыя отношенія, въ какія ставила себя далматинская, славянская Хорватія къ римской каѳедрѣ, не нравились латинской Далматской іерархіи, и особенно Сплѣтской митрополіи. Тотъ же Іоаннъ венеціанскій, который въ маѣ 879 г. привезъ въ Римъ радостныя для папы письма и рѣчи Браниміра и Ѳеодосія, а въ іюнѣ отправленъ былъ папою къ этимъ послѣднимъ для дальнѣйшаго

какъ въ 879 г. папа потерпѣлъ неудачу въ другихъ своихъ попыткахъ привлечь Бориса подъ свою власть. Отсюда ясно, что Ѳеодосій путешествовалъ въ Римъ дважды: разъ для посвященія, второй разъ по дѣламъ своей епархіи и съ отвѣтомъ отъ Болгарскаго князя, съ которымъ предъ тѣмъ сносился или видѣлся по порученію папы.

веденія дѣла по задуманному ими переходу подъ власть римской каѳедры, не порадовалъ папы подобными вѣстями относительно латинской іерархіи Далмаціи. Послѣдняя отдѣляла свои интересы отъ интересовъ далматскихъ славянъ, ихъ князя и епископа, и продолжала держаться союза съ Византіею и уклоняться отъ подчиненія Риму. Отправляясь въ іюнѣ 879 г. въ Далмацію, Іоаннъ венеціанскій получилъ отъ папы порученіе передать посланіе его къ латинскимъ епископамъ Далмаціи и Сплѣтскому архипресвитеру Іоанну, завѣдывавшему дѣлами митрополіи и, какъ видно, кандидату на митрополію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и лично переговорить съ ними по вопросу объ ихъ отношеніи къ римской каѳедрѣ. Въ посланіи папа горько укоряетъ епископовъ за ихъ отпаденіе отъ власти римской каѳедры, убѣждаетъ возвратиться къ повиновенію, принимать епископскія поставленія отъ нея, а не откуда либо со стороны, обѣщаетъ охотно совершать такія посвященія, а митрополиту—дать паллій,—въ случаѣ же упорства грозитъ отлученіемъ. „Если же, заключаетъ между прочимъ папа, отъ возвращенія къ намъ васъ удерживаетъ сомнѣніе или страхъ относительно грековъ или славянъ, то знайте, что мы готовы оказать вамъ помощь[1]). Это замѣчаніе папы всего проще объясняетъ побужденія, руководившія латинскою Далмаціею и ея латинскою іерархіею въ нежеланіи отдаться подъ власть Рима. Она чувствовала силу Византіи, нужную ей для защиты отъ сарацинъ, грозившихъ *прибрежнымъ и богатымъ городамъ* Далмаціи еще болѣе, чѣмъ славянамъ, жившимъ далѣе отъ городовъ. Она опасалась, что разрывъ съ Византіею и переходъ на сторону Рима, затѣянный Браниміромъ и Ѳеодосіемъ, не пройдетъ безнаказанно и для нихъ, не имѣетъ задатковъ прочности, какъ могущій вызвать неудовольствіе со стороны сильной Византіи, какъ задуманный притомъ только Браниміромъ, Ѳеодосіемъ съ приверженцами ихъ,

[1]) Patr. Lat. Ibid. ep. 234.

но не согласный съ настроеніемъ славянскаго народа, болѣе наклоннаго держаться союза съ греками и Византіею, а это внушало опасеніе латинской іерархіи Далмаціи, что если и она оторвется отъ Византіи, то утратитъ свое вліяніе на славянское населеніе Далмаціи. Наконецъ самой Сплѣтской митрополіи было досадно уже то, что папа беретъ изъ подъ ея власти или вліянія Нинскую епископію и подчиняетъ своей непосредственной власти. Итакъ латинская іерархія Далмаціи съ Сплѣтскою митрополіею во главѣ не вняла внушеніямъ папы, сообщеннымъ ей чрезъ Іоанна венеціанскаго. Избранный на Сплѣтскую митрополію получилъ потомъ посвященіе отъ Вальперта, Аквилейскаго патріарха, котораго за такой поступокъ и за его дружескія сношенія съ Фотіемъ считали на западѣ схизматикомъ. Понятно, что такое непокорное отношеніе латинской далматской іерархіи къ папѣ побуждало его еще болѣе дорожить почтительнымъ отношеніемъ къ нему Далматско-Хорватскаго князя и нинскаго епископа Ѳеодосія, на этотъ разъ главнаго представителя славянской, хорватской церкви въ Далмаціи. Папѣ выгодно было покровительствовать стремленіямъ къ національной самостоятельности и независимости хорватской церкви отъ латинской Сплѣтской митрополіи, заявленнымъ въ дѣйствіяхъ Ѳеодосія, пожелавшаго принять постановленіе не отъ этой митрополіи, а непосредственно отъ римской каѳедры. Какъ далеко простиралось это покровительство? Простиралось ли оно до содѣйствія учрежденію въ хорватской церкви національнаго духовенства изъ хорватскихъ славянъ и заимствованія изъ Моравіи и Панноніи славянскаго богослуженія, которое всего болѣе могло бы служить къ отособленію хорватской церкви отъ далматской латинской іерархіи и къ укрѣпленію въ ней національнаго характера? Источники не даютъ отвѣта на такой вопросъ. Въ письмахъ папы къ Браниміру и Ѳеодосію нѣтъ ни слова о славянскомъ богослуженіи. И какъ эти письма были отвѣтными на письма послѣднихъ, то молчаніе папы о сла-

вянскомъ богослуженіи могло бы быть истолковано такъ, что вопроса о немъ не возбуждали и Браниміръ съ Ѳеодосіемъ. Къ сожалѣнію, неизвѣстно, къ какой національности принадлежалъ Ѳеодосій. Едва ли могъ быть онъ грекомъ, ибо, будучи таковымъ, не участвовалъ бы въ замыслѣ Браниміра оторваться отъ союза съ греческою Византіею. Едвали былъ онъ и мѣстнымъ латинянниномъ, ибо былъ не заодно съ латинскимъ духовенствомъ Далмаціи. Вѣроятнѣе всего онъ былъ славянинъ-хорватъ, какъ и подобало быть избраннику *на собственно хорватскую* каѳедру г. Нина. У болгаръ, кромѣ греческаго духовенства, былъ уже въ эту пору епископъ изъ славянъ, каковъ Сергій, упоминаемый папою Іоанномъ въ одномъ изъ писемъ его къ Борису[1]). Но если Ѳеодосій былъ славянинъ, стремившійся притомъ къ отособленію своей епархіи или, что тоже, хорватской церкви отъ латинской іерархіи въ Далмаціи, то естественно ожидать, что онъ не оставался равнодушнымъ къ успѣхамъ славянской церкви и славянскаго богослуженія въ недалекой Моравско-Паннонской епархіи Меѳодія. Естественно, что и Браниміръ, слыша о національномъ духовенствѣ и славянскомъ богослуженіи во владѣніяхъ могущественнаго и славнаго Святополка, наклоненъ былъ имѣть и видѣть тоже у себя. Такія желанія со стороны Браниміра и Ѳеодосія тѣмъ болѣе естественны, что, какъ было выше замѣчено, славянское богослуженіе само собою распространялось изъ Паннонской Хорватіи въ Далматинскую. Въ ту пору, когда Іоаннъ венеціанскій въ началѣ мая 879 г. былъ въ столицѣ Браниміра и Ѳеодосія на пути въ Римъ еще съ цѣлію предложить папѣ вопросъ о Меѳодіѣ, его вѣрѣ и его славянскомъ богослуженіи, Браниміръ и Ѳеодосій не могли поднять вопроса о славянскомъ богослуженіи для Хорватіи, тѣмъ болѣе, что заняты были вопросами, касавшимися прежде всего ихъ самихъ, не могли знать и того, какъ отнесся бы къ вопросу

[1]) Patr. Latin. Ibid. ep. 108.

о славянскомъ богослуженіи папа, союза съ которымъ искали. Иное положеніе вещей настало съ половины 880 г. когда самъ папа, оправдавъ Меѳодія, вновь одобрилъ и его славянскія книги и славянское богослуженіе. Очень вѣроятно, что объ обстоятельствахъ всего Меѳодіева дѣла Браниміръ и Ѳеодосій узнали не только отъ Іоанна венеціанскаго, но и самаго Меѳодія. Если для Іоанна венеціанскаго путь изъ Моравіи въ Италію и Римъ лежалъ *чрезъ Хорватію*, гдѣ онъ и останавливался въ стольномъ городѣ ея Нинѣ, то такой же путь былъ въ Римъ и для Меѳодія. А если такъ, то онъ былъ здѣсь и во время своего путешествія въ Римъ въ ноябрѣ или октябрѣ 879 г., былъ и на обратномъ пути изъ Рима въ Моравію *послѣ половины* іюня 880 года. Въ первый разъ онъ волею или не волею долженъ былъ сдерживаться говорить предъ Браниміромъ и Ѳеодосіемъ о славянскомъ богослуженіи, ибо ему предстояло еще судиться и отвѣчать за него въ Римѣ. Но и эту сдержанность слѣдуетъ понимать ограниченно,—и уже потому, что Меѳодій шелъ съ твердою мыслію—отстоять славянское богослуженіе. Зато гораздо смѣлѣе могъ говорить о немъ на обратномъ пути послѣ того, какъ подъ вліяніемъ его разсужденій и убѣжденій самъ папа и римская курія склонились къ новому признанію законности и дозволенности славянскаго богослуженія. Весьма возможно, что Ѳеодосій, ходившій въ Римъ для поставленія въ концѣ 879 или нач. 880 г., видывался съ Меѳодіемъ въ самомъ Римѣ, былъ свидѣтелемъ поворота и самаго папы и римской курія въ пользу Меѳодія и его славянскаго богослуженія. То, что онъ видѣлъ въ Римѣ, передалъ онъ и Браниміру, узнавшему объ этомъ и отъ Меѳодія на обратномъ пути его изъ Рима. Если все это очень вѣроятно, потому что вполнѣ естественно и сообразно съ обстоятельствами, то и молчаніе о славянскомъ Богослуженіи въ письмахъ папы къ Браниміру и Ѳеодосію получаетъ свое объясненіе. Въ первыхъ письмахъ, писанныхъ въ Іюнѣ 879 г., не было и повода говорить о немъ. Въ послѣднемъ

письмѣ, писанномъ *къ концу 880 года*, во время *вторичнаго* пребыванія въ Римѣ хорватскаго епископа Ѳеодосія, когда вопросъ о славянскомъ богослуженіи былъ уже рѣшенъ въ благопріятномъ смыслѣ для Моравіи, позволительно предполагать намѣренное уклоненіе со стороны папы отъ вопроса о славянскомъ богослуженіи для Хорватіи [1]). Этимъ письмомъ папа, какъ уже знаемъ, требовалъ, чтобы Браниміръ прислалъ способныхъ пословъ, которые бы, въ качествѣ представителей отъ всей Хорватіи, посовѣтовались съ римскою каѳедрою относительно того, о чемъ писалъ папѣ Браниміръ и о чемъ лично заявлялъ находившійся тогда въ Римѣ Ѳеодосій. Это имѣло быть совѣтованіе, конечно, не о чемъ либо другомъ, какъ объ устройствѣ хорватской церкви въ ея новомъ положеніи. Здѣсь-то, въ числѣ другихъ вопросовъ, и могъ разумѣться вопросъ о національномъ духовенствѣ и славянскомъ богослуженіи въ Хорватіи, о которомъ по всей вѣроятности хлопоталъ и Ѳеодосій, имѣя въ виду недавній примѣръ Меѳодія. Если этотъ вопросъ не обозначенъ въ письмѣ папы, то потому, что папа предпочиталъ говорить о дѣлахъ Хорватіи, подлежащихъ совѣтованію, только въ *общихъ* выраженіяхъ, что лично онъ не особенно интересовался имъ и что теперь важнѣе были для папы другіе вопросы, каковъ особенно вопросъ объ обезпеченіи вѣрности ему Хорватіи и хорватской церкви. Правда, самый этотъ вопросъ или интересъ и могъ именно предрасполагать папу къ покровительству славянскому богослуженію въ Хорватіи, которое въ данный моментъ являлось наибольше желаннымъ и дорогимъ для хорватскаго народа. Поэтому есть вѣроятность въ томъ, что когда состоялось предполагаемое совѣтованіе представителей Хорватіи предъ римскою каѳедрою, и на немъ поднятъ былъ вопросъ о славянскомъ богослуженіи, то папа волею или неволею дозволилъ

[1]) Соображенія о времени этого письма и о вторичномъ путешествіи Ѳеодосія въ Римъ предложены нами выше — въ примѣчаніи.

это послѣднее для Хорватіи, какъ дозволилъ недавно предъ тѣмъ для Моравіи. Во всякомъ случаѣ то несомнѣнно, что съ послѣднихъ десятилѣтій IX в. Славянское богослуженіе существовало въ Хорватіи, ибо въ началѣ X в. оно оказывается столько распространеннымъ здѣсь, что вызываетъ преслѣдованіе съ осужденіемъ самаго *имени Меѳодія, какъ лица, отъ котораго хорваты приняли это нововведеніе.* Но рѣчь объ этомъ впереди. Дополнимъ прерванную рѣчь о Болгаріи.

Мы остановились на тѣхъ сношеніяхъ папы Іоанна VIII съ Болгаріею, направленныхъ къ отторженію ея отъ греческой Византіи подъ власть Рима, которыя имѣли мѣсто въ 878—879 гг., одновременно съ сношеніями папы съ самою Византіею. Было упомянуто и о неудачномъ исходѣ такихъ притязаній папы какъ въ самой Болгаріи, такъ и въ Византіи, гдѣ на соборѣ 879—880 г. вопросъ о Болгаріи былъ устраненъ, какъ устранены и другія притязанія папы. Сберегши для себя возможность не утвердить опредѣленій собора въ томъ, что окажется въ нихъ несогласнымъ съ этими притязаніями, папа въ концѣ 880 или началѣ 881 г. посылалъ въ Царьградъ новаго легата діакона Марина, который своими гордыми рѣчами до того раздражилъ императора, что былъ заключенъ на мѣсяцъ въ тюрьму, такъ что, возвратясь въ Римъ, принесъ вѣсть только объ окончательной неудачѣ папскихъ притязаній въ Царьградѣ. При такихъ обстоятельствахъ папѣ оставалось—помимо Византіи изыскивать пути къ достиженію власти надъ Болгаріею. Путь къ этому папа думалъ найти и въ Хорватіи, и съ этой именно стороны восполнимъ здѣсь сказанное выше объ отношеніяхъ папы къ Болгаріи. Еще съ половины 879 г. папа сталъ пользоваться хорватскимъ дѣломъ, какъ средствомъ для проведенія своей политики и относительно Болгаріи. Тотъ же Іоаннъ пресвитеръ, посолъ Святополка, который явился посредникомъ въ хорватскомъ дѣлѣ, упрошенъ былъ сослужить папѣ и въ дѣлѣ болгарскомъ. Отправленный въ іюнѣ 879 г. съ письмами отъ папы въ Хорватію, онъ при-

нялъ порученіе отвезти письмо папы и донести рѣчи его и къ Михаилу-Борису Болгарскому, что опять объясняется извѣстностію его, какъ дипломата, и знакомствомъ его съ славянскимъ языкомъ, наконецъ и тѣмъ, что онъ могъ выставить предъ Борисомъ примѣръ Браниміра, перешедшаго отъ Византіи къ Риму. Браниміръ приглашаемъ былъ папою оказать содѣйствіе Іоанну въ его путешествіи къ болгарскому князю [1]). Въ письмѣ къ послѣднему папа повторялъ увѣренія въ своей любви, увѣщанія возвратиться подъ власть римскаго престола, и просилъ Бориса согласиться на присылку въ Болгарію особаго, нарочнаго легата отъ папы для переговоровъ съ княземъ. Рекомендуя вручителя письма Іоанна пресвитера, папа проситъ, чтобы чрезъ него же князь прислалъ и письменный отвѣтъ папѣ [2]). Миссія Іоанна не имѣла успѣха. Борисъ не далъ папѣ письменнаго отвѣта и вообще не изъявилъ готовности перейти отъ Византіи подъ власть римской каѳедры. Но чтобъ не совсѣмъ огорчать папу, онъ скоро затѣмъ въ томъ же 879 г. чрезъ какого-то Функтика прислалъ ему подарки, какъ знакъ почтенія. Папа поспѣшилъ отвѣтить новымъ письмомъ, въ ко-

---

[1]) Папа писалъ: ut quia hunc ipsum Ioannem presbyterum, *tibi et nobis verum fidelem in omnibus esse cognoscimus*, dedimus illi nostram apostolicam epistolam deferendam regi Bulgarorum. Ideo petimus, ut pro amore Sancti Petri et nostro cum tua ipse licentia legationem hanc nostram sine tarditate perficiat. Patr. Lat. ib. ep. 229. Подчеркнутыя выраженія ясно указываютъ, что этотъ пресвитеръ Іоаннъ былъ не кто другой, какъ именно Іоаннъ венеціанскій. Ибо: до этого времени папа не присылалъ легата къ Браниміру, слѣд. не было другого пресвитера Іоанна, который бы успѣлъ обозначиться, какъ извѣстный одинаково и папѣ и Браниміру и истинно вѣрный тому и другому. Такимъ былъ только Іоаннъ венеціанскій, въ маѣ 879 г. явившійся въ Римъ съ посредничествомъ въ дѣлѣ Браниміра и Ѳеодосія. Только о Іоаннѣ венеціанскомъ, какъ вновѣ прибывшемъ и вновѣ послужившемъ папѣ и Браниміру, папа могъ выразиться *cognoscimus*. Вообще папа ни въ письмѣ къ Браниміру, ни въ письмѣ къ Михаилу Болгарскому не называетъ Іоанна—*presbyterum nostrum*, какъ выразился бы онъ о легатѣ изъ *римскаго* духовенства, а называетъ только presbyterum venerabilem, nostrum fidelem или *communem fidelem*.

[2]) Patr. lat. Ibid. ep. 231.

торомъ расточаетъ выраженія радости за такое вниманіе и благодарности за подарки, но съ горечью говоритъ о продолжающемся нежеланіи Бориса подчиниться римской церкви, главѣ и учительницѣ всѣхъ церквей, и предпочтеніи имъ союза съ греками, которые не имѣютъ никакого права на болгарскій діоцезъ. Папа умоляетъ князя возвратиться въ лоно римской церкви, обѣщая принять его съ распростертыми объятіями. Борисъ не отвѣчалъ на это письмо. Не успѣвъ затѣмъ достигнуть возврата Болгаріи хлопотами въ Византіи, папа въ 880 г. обратился къ посредству хорватскаго епископа Ѳеодосія, вѣроятно и Браниміра въ той, безъ сомнѣнія, надеждѣ, что живой примѣръ ихъ, какъ отпавшихъ отъ Византіи подъ власть Рима, подѣйствуетъ на Бориса. И Ѳеодосій дѣйствительно сносился, можетъ быть, и лично видѣлся съ Борисомъ, побывавъ у него въ качествѣ посла отъ папы, и будто бы получилъ обѣщаніе, что Борисъ отправитъ своихъ пословъ въ Римъ вмѣстѣ съ Ѳеодосіемъ, собиравшимся туда въ послѣдніе мѣсяцы 880 г. Это обрадовало папу, но не надолго. Обѣщанное (будто бы) посольство не являлось. И папа опять писалъ Борису съ выраженіемъ своего удивленія и сожалѣнія, что князь не исполняетъ обѣщанія[1]). Послѣднее письмо папы къ Борису, о которомъ папа еще разъ то съ угрозою, то съ любовію призывалъ его возвратиться въ лоно римской церкви, писано папою уже въ 882 г., въ которомъ († 15 дек.) и скончался Іоаннъ, не дождавшись отвѣта отъ Бориса. Итакъ Болгарія отстояла свою независимость отъ Рима и тѣмъ спасла для себя возможность имѣть Слово Божіе и богослуженіе на народномъ языкѣ. А подвластныя Риму или союзныя съ нимъ Моравія и Хорватія, хотя и получили отъ Рима дозволеніе на это, первая несомнѣнно, вторая — вѣроятно, но такое дозволеніе, какъ болѣе или менѣе невольное, не вполнѣ искреннее, не обезпечивало прочной сохранности

[1]) Ibid. ep. 236 и 308.

славянскаго богослуженія не только въ малой и слабой Хорватіи, но и въ сильной Велико-Моравской державѣ, гдѣ еще придется терпѣть изъ за него и самому Меѳодію; къ которому теперь возвращаемся.

Лѣтомъ 880 г. Меѳодій возвратился изъ Рима въ Моравію не только оправданный, но и облеченный новыми полномочіями относительно правъ своей архіепископской власти и устройства моравской церкви, съ одобреніемъ для нея и славянскаго богослуженія. Самое посланіе папское къ Святополку, говорившее о всемъ этомъ, вручено было Меѳодію для передачи его Святополку. Меѳодій не замедлилъ явиться къ послѣднему и передалъ ему это посланіе[1]). Святополкъ лично могъ успокоиться. Но требовалось, чтобы папское посланіе приведено было въ *общую* извѣстность, требовалось потому, что самый фактъ вызова Меѳодія на судъ, долгое отсутствіе его изъ Моравіи пораждали смущающіе толки въ народѣ, поджигаемые врагами Меѳодія изъ нѣмецкаго духовенства. Знаетъ объ этомъ и „Житіе“ Меѳодія, описывая тогдашнее настроеніе народа, но смѣшиваетъ моменты такого настроенія, останавливаясь болѣе на томъ моментѣ, который наступилъ нѣсколько позже, какъ сейчасъ скажемъ. Понятно однакоже, что самъ Меѳодій не могъ обнародовать папскаго посланія безъ согласія Святополка, къ которому оно адресовано, и въ рукахъ котораго оставалось. Но Святополкъ не распорядился обнародовать посланіе, и, конечно, потому что находилъ это или неудобнымъ или не нужнымъ или вообще не хотѣлъ озабочиваться этимъ дѣломъ, болѣе занятый дѣлами политическими[2]). Возможно, что отъ обнародованія посланія от-

[1]) Что Меѳодій самъ получилъ на руки папское посланіе и тотчасъ вручилъ его Святополку, объ этомъ говорится въ письмѣ папы къ Меѳодію отъ 23 марта 881 г., о которомъ—ниже.

[2]) Неудобнымъ обнародованіе посланія могло казаться потому, что въ немъ нѣкоторымъ образомъ изобличался самъ Святополкъ, усумнившійся было

клонили Святополка люди, которымъ оно въ извѣстныхъ пунктахъ было непріятно, какъ то они сейчасъ обнаружатъ. Во всякомъ случаѣ такой поступокъ со стороны Святополка былъ или ошибкою или недостаткомъ вниманія къ Меѳодію. Съ своей стороны и папа сдѣлалъ ошибку, не давъ *особой* буллы Меѳодію, которую онъ могъ бы обнародовать въ успокоеніе народа, смущеннаго фактомъ суда надъ Меѳодіемъ, тянувшагося такъ долго. При такихъ обстоятельствахъ врагамъ Меѳодія оставалась возможность поддерживать смущеніе, вчинать новыя интриги. Злѣйшаго врага встрѣтилъ Меѳодій въ томъ самомъ Вихингѣ, который вмѣстѣ съ нимъ возвратился изъ Рима въ санѣ епископа, обязаннаго послушаніемъ своему архіепископу. Баварецъ Вихингъ, еще въ священствѣ бывшій врагомъ Меѳодія и славянскаго богослуженія, хитрый и честолюбивый интриганъ, вкравшійся въ довѣріе къ Святополку, обманывавшій и прямодушнаго Меѳодія, достигшій всѣмъ этимъ епископства, теперь, по возвращеніи изъ Рима, не думалъ мириться съ тѣмъ подчиненнымъ положеніемъ, какое назначалось для него въ папскомъ посланіи по отношенію къ Меѳодію, какъ архіепископу. Опору своей интригѣ онъ находилъ, къ сожалѣнію, въ продолжавшейся близости своей къ Святополку, которому умѣлъ льстить и казаться нужнымъ при тогдашнихъ кумовскихъ и дружественныхъ отношеніяхъ Святополка къ Арнульфу, покровителю Вихинга. Только этимъ обстоятельствомъ можно объяснять расчетъ Вихинга на безнаказанность за то, что онъ теперь затѣялъ. Думаемъ, что онъ-то постарался отклонить или отдалить обнародованіе папскаго посланія, столько нужное для торжественнаго возстановленія чести бывшаго подъ судомъ Меѳодія и для

относительно вѣры Меѳодія, отчасти ограничивались и права Святополка въ избраніи епископовъ, которое обусловливалось *усмотрѣніемъ* Меѳодія. Не нужнымъ обнародованіе посланія Святополкъ могъ считать потому, что считалъ его предназначеннымъ только для себя.

успокоенія народа. Но Вихингъ сдѣлалъ болѣе. Онъ отважился на подлогъ, впрочемъ довольно обычный въ средневѣковой практикѣ юридической, дипломатической и под. Онъ сочинилъ подложное посланіе папы къ Святополку, гдѣ Меѳодій обвинялся во многомъ, запрещалось славянское богослуженіе и сверхъ того говорилось, что папа *секретно* поручилъ Вихингу и даже взялъ съ него клятвенное обѣщаніе—наблюдать за Меѳодіемъ. Должно быть онъ расчитывалъ или на нѣкоторое довѣріе къ подлогу со стороны самого Святополка или на равнодушіе его къ такому оскорбленію Меѳодія. Молва о посланіи папы противъ Меѳодія пущена въ народъ. Смущеніе относительно Меѳодія, не улегшееся въ народѣ, не слышавшемъ прежняго оправдательнаго посланія, теперь еще усилилось. Этотъ-то особенно моментъ тяжкаго смущенія моравлянъ описанъ въ „Житіи“. Оно говоритъ, что по внушенію врага, завистника рода человѣческаго, нѣкоторые возстали на Меѳодія, какъ Даѳанъ и Авиронъ на Моусея. Возставшіе были изъ тѣхъ, которые болѣли іопаторскою ересью, т. е. изъ нѣмцевъ съ Вихингомъ во главѣ. Дѣйствуя одни явно, другіе *тайно*, они старались отвлечь слабыхъ съ праваго пути на свою сторону и говорили: „намъ папа далъ власть, а сего (Меѳодія) велитъ изгнать вмѣстѣ съ его ученіемъ“. Смущаемый такими толками, „народъ опасался, что добрый пастырь и учитель покинетъ его, т. е. будетъ принужденъ покинуть, жалѣлъ о немъ и скорбѣлъ. Но были и слабые, которыхъ уносилъ за собою хитрый врагъ, какъ вѣтеръ листья“. Эти слабые были, конечно, не изъ другой какой либо среды, какъ изъ среды придворныхъ Святополка, подобно ему, дружившихъ съ нѣмцами, любившихъ латинскую миссу болѣе славянской литургіи, любившихъ льстивыхъ патеровъ болѣе, чѣмъ правдиваго Меѳодія, обличавшаго дурныя страсти ихъ.

Праводушный Меѳодій былъ удивленъ толками о крайне неблагопріятномъ для него посланіи папы къ Святополку,

пущенными Вихингомъ. По своему прямодушію, онъ не могъ и думать, что послѣдній отважился на такой постыдный поступокъ, какъ подлогъ. Онъ написалъ папѣ письмо съ выраженіемъ своихъ недоумѣній и сѣтованій на такую неожиданную немилость. Удивленъ былъ и папа и поспѣшилъ отвѣтить слѣдующимъ письмомъ отъ 23 марта 881 г., озаглавленнымъ: Methodio archiepiscopo, *pro fide*.

„Одобряя попечительность твоего пастырскаго служенія, которую ты выказываешь въ уловленіи душъ вѣрныхъ Господу Богу нашему, и усматривая въ тебѣ самаго ревностнаго исповѣдника истиннаго ученія, мы много радуемся о Господѣ и не престаемъ восхвалять и благодарить Его, Который все болѣе и болѣе возжигаетъ ревность твою къ Своимъ заповѣдямъ, и ради споспѣшествованія Его святой церкви милостиво спасаетъ тебя отъ всѣхъ бѣдствій. Изъ твоего же письма мы узнали о различныхъ твоихъ приключеніяхъ и случайностяхъ; съ какимъ участіемъ мы сочувствуемъ тебѣ, можешь познать изъ того, какъ мы, когда ты предстоялъ предъ нами, увѣщевали тебя слѣдовать ученію римской церкви сообразно преданію св. отцевъ, наставляли тебя какъ въ *символѣ*, такъ въ истинной вѣрѣ, которой ты долженъ поучать и которую долженъ проповѣдывать, и тоже самое мы высказывали въ нашемъ апостольскомъ посланіи къ славному князю Святополку, которое ты, какъ увѣряешь, передалъ ему, *и никакое другое посланіе отъ насъ къ нему не было писано, и мы ни открыто, ни тайно не приказывали тому епископу и не предписывали ему дѣлать что либо иное, чѣмъ ты дѣлаешь. Еще менѣе заслуживаетъ вѣроятія то, будто бы мы взяли съ того епископа клятву, такъ какъ мы даже въ разговорѣ ничего не говорили ему объ этомъ дѣлѣ.* Поэтому да уничтожится это сомнѣніе въ тебѣ и, съ Божіею помощію и согласно съ евангельскимъ и апостольскимъ ученіемъ, внушай всѣмъ вѣрующимъ исповѣданіе истинной вѣры, чтобы ты отъ труда твоего рвенія принесъ обильный плодъ Господу Іисусу Христу, и ты, вознагражденный Его

благодатію, получилъ бы справедливое воздаяніе. Вообще же *не печалься о другихъ искушеніяхъ, которымъ ты такъ или иначе подпалъ*, но скорѣе пріими ихъ, по слову Апостола, съ радостію, ибо если Богъ за тебя, то никто не можетъ быть противъ тебя. *Но когда ты, при помощи Божіей, возвратишься сюда, то мы желаемъ, по старательномъ выслушаніи обоихъ*, привести съ Божіею помощію къ справедливому концу все то, что было сдѣлано противузаконно, и все, что вышеупомянутый епископъ, вопреки своей обязанности, учинилъ противъ тебя; и мы не преминемъ уничтожить его непокорность приговоромъ нашего суда" [1]).

По полученіи такого письма Меѳодій счелъ благовременнымъ устроить торжественное оправданіе себя. Точнѣе сказать, такого торжественнаго оправданія пожелалъ народъ въ согласіи съ мыслію Меѳодія, какъ слѣдуетъ заключить изъ разсказа „Житія". „Собрался весь народъ моравскій и потребовалъ прочитать предъ нимъ папское письмо, желая слышать,—правда ли, что Меѳодія велѣно изгнать (изъ Моравіи). Прочитавъ письмо, нашли въ немъ написанное такъ: братъ нашъ, святый Меѳодій, есть правовѣренъ и дѣлаетъ апостольское дѣло и въ руки его отданы Богомъ и апостольскимъ престоломъ всѣ славянскія страны, такъ что кого онъ проклянетъ, тотъ проклятъ, кого освятитъ, тотъ освященъ. И разсѣялись враги Меѳодія со стыдомъ, какъ мгла". Мы уже замѣтили, что „Житіе", разсказывая о всемъ этомъ дѣлѣ Меѳодія по памяти, или по устному преданію, смѣшиваетъ моменты въ ходѣ этого дѣла. Но, всматриваясь въ описаніе его въ Житіи, можемъ открыть нѣкоторыя характеристическія черты, схваченныя преданіемъ и не проникшія въ оффиціальные источники. Такъ изъ описанія Житія слѣдуетъ заключать, что по мысли Меѳодія или еще вѣрнѣе по мысли его славянскихъ священниковъ, скорбѣвшихъ изъ-за него, въ народномъ собраніи потребовано было, чтобы лица, разглашавшія о дру-

[1]) Ibid. ep. 319.

гомъ, непріязненномъ Меѳодію, папскомъ посланіи, переданномъ будтобы чрезъ Вихинга, предъявили и прочли это посланіе въ собраніи. Когда они не могли этого сдѣлать, то прочтено другое подлинное посланіе, содержаніе котораго въ общихъ чертахъ и передаетъ „Житіе“. Но какое это посланіе? То ли первое, которое папа писалъ къ Святополку въ іюнѣ 880 г., или второе, писанное къ Меѳодію отъ 23 марта 881 г.? Судя по тѣмъ чертамъ читаннаго въ собраніи посланія, какія передаетъ „Житіе“, слѣдуетъ думать, что читано было именно *первое*. Ибо въ этомъ именно посланіи опредѣлительно и обстоятельно говорится о правовѣріи Меѳодія, о порученіи ему въ управленіе всѣхъ церквей и всего духовенства во всей Моравіи и предоставляется ему право карать непокорныхъ своимъ архипастырскимъ судомъ и, въ случаѣ упорства ихъ, отлучать и изгонять ихъ изъ церкви и самой Моравіи. Къ тому же второе посланіе или точнѣе письмо писано папою къ Меѳодію лично *pro fide* и не подлежало обнародованію, имѣя, такъ сказать, конфиденціальный характеръ. А первое, написанное къ Святополку, было именно чисто оффиціальнымъ документомъ, открыто извѣстительнымъ и оправдательнымъ посланіемъ, обращеннымъ къ Святополку, какъ государю страны, главѣ народа съ рѣчью въ посланіи и объ этомъ послѣднемъ. Необходимо думать, что Меѳодій самъ упросилъ Святополка дать папское посланіе для обнародованія и тѣмъ исправить упущеніе, допущенное прежде и открывшее возможность выдумать другое, подложное посланіе, обусловленную именно неизвѣстностію, неоглашеніемъ перваго посланія. А Святополкъ имѣлъ благоразуміе понять свою прежнюю ошибку или невнимательность и согласился на просьбу Меѳодія. Далѣе: изъ разсказа Житія слѣдуетъ заключать, что въ собраніи не только *присутствовали* нѣкоторые изъ сейчасъ упомянутыхъ клевретовъ и разглашателей выдумки Вихинга (самъ онъ, разумѣется, не былъ въ собраніи), но что они, если не всѣ, то нѣкоторые, если не вполнѣ, то отчасти *сами вѣрили вы-*

думкъ Вихинга, вѣрили въ существованіе посланія, которымъ похвалялся Вихингъ. Они надѣялись, что кто либо изъ приближенныхъ Вихинга или придворныхъ Святополка дѣйствительно предъявитъ посланіе. Отсюда то и двойной стыдъ, охватившій противниковъ Меѳодія въ концѣ собранія, какъ замѣчаетъ Житіе. А изъ всего этого слѣдуетъ заключать, что Вихингъ обманулъ, одурачилъ и самыхъ нѣмцевъ изъ священниковъ и мірянъ. Извѣстно, что *потомъ* разгадали его и сами нѣмцы, отрекшіеся отъ него, какъ проходимца и интригана. Но то было *потомъ*, а теперь Вихингъ былъ еще силою и оставался силою.

Здѣсь необходимо войти въ анализъ самаго папскаго письма къ Меѳодію отъ 23 марта, которое писано по поводу дерзкаго подлога Вихинга и возбуждаетъ довольно важныя недоразумѣнія. Почему это письмо писано только *pro fide*, конфиденціально, а не въ формѣ настоящей буллы, подлежащей обнародованію? Почему, говоря о вѣрѣ и *символѣ*, о своихъ *наставленіяхъ* Меѳодію, данныхъ предъ тѣмъ въ Римѣ, папа выражается съ видимою осторожностію, сдержанностію, ограничиваясь *общими* выраженіями? Почему не выражаетъ онъ *прямаго* осужденія Вихингу, не грозитъ ему *строгимъ судомъ* за дерзкій подлогъ, оскорбительный и для самаго папы, напротивъ избѣгаетъ даже назвать Вихинга по имени? Почему, въ виду исключительной виновности Вихинга, несомнѣнности его дерзкаго и преступнаго подлога, папа требуетъ, чтобы явился въ Римъ для суда по этому беззаконному дѣлу и самъ невинный Меѳодій вмѣстѣ съ Вихингомъ? Точнѣе сказать, папа собственно не *требуетъ* чтобы Меѳодій съ Вихингомъ явились въ Римъ, а какъ бы *выжидаетъ* этого, и выжидаетъ неохотно, какъ бы предпочитая, чтобы это не состоялось [1]). Въ этой же мысли онъ старается успокоить

[1]) Папа выражается: *tamen cum Deo duce reversus fueris*... Прямаго же вызова въ Римъ нѣтъ. Слѣдуетъ думать, что такой вызовъ, но *въ нерѣшительной формѣ*, переданъ былъ устно посланцу Меѳодія, носившему его жалобливое письмо къ папѣ и возвращавшемуся съ отвѣтнымъ письмомъ папы. Что

Меѳодія наставленіями о терпѣніи, о заступничествѣ отъ Бога, въ надеждѣ, какъ видится, что незлобивый Меѳодій на этомъ и покончитъ свое дѣло съ Вихингомъ, въ чемъ и не ошибся. Разбирая папское письмо отъ 23 марта, нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей рѣзко порицаютъ Іоанна VIII, видятъ въ образѣ дѣйствій его по данному случаю— неискренность, эгоистическое равнодушіе къ участи Меѳодія и даже тайное сочувствіе сторонѣ Вихинга, какъ латинянина, и т. под. На этотъ разъ мы наклонны заступиться за папу Іоанна VIII—какъ для того, чтобы остаться справедливыми къ нему, такъ и для выясненія обстоятельствъ самаго дѣла. Въ дѣлѣ Меѳодія съ Вихингомъ была для папы сторона *опасная*. Это вопросъ о символѣ, осторожный намекъ о которомъ есть и въ письмѣ папы. Мы уже знаемъ, какъ папа разсуждалъ объ этомъ вопросѣ въ своемъ письмѣ къ Фотію, настойчиво совѣтуя осторожность, сдержанность въ дѣйствованіи на тѣхъ, которые *уже привыкли* къ прибавкѣ filioque, хотя и недавней. Мы видѣли черты этой осторожности, сдержанности въ папскомъ посланіи къ Святополку, въ томъ мѣстѣ посланія, гдѣ папа говоритъ о вѣрѣ Меѳодія и символѣ, который онъ содержитъ и поетъ на богослуженіи. Безъ сомнѣнія, въ тѣхъ устныхъ наставленіяхъ Меѳодію о символѣ, на которыя намекаетъ папа въ письмѣ отъ 23 марта, онъ и ему совѣтовалъ ту же осторожность, сдержанность, то есть: предоставляя ему пѣть символъ безъ filioque, совѣтовалъ не особенно выставляться съ этимъ отличіемъ предъ сосѣднею нѣмецкою іерархіею или нѣмецкимъ духовенствомъ въ собственной епархіи его, не давать поводовъ къ спорамъ или пререканіямъ по этому предмету. Папа не могъ надѣяться, чтобы отъ символа съ filioque легко и скоро, безъ затрудненій и борьбы, отказалась та франко-

---

вызовъ былъ нерѣшительный, — слѣдуетъ заключать и изъ того, что ни Меѳодій, ни Вихингъ, какъ извѣстно, *не отправлялись* въ Римъ, т. е. считали возможнымъ или болѣе удобнымъ не послушать вызова.

нѣмецкая іерархія, которая уже усвоила filioque и со времени папы Николая I могла приписывать себѣ честь услуги самому Риму въ защитѣ filioque. А если такъ, то необходимо думать, что и Вихингъ, хотя и подвластный Меѳодію епископъ, но епископъ изъ нѣмцевъ, считавшій себя собратомъ болѣе нѣмецкихъ іерарховъ, чѣмъ Меѳодія,—что и онъ оставленъ былъ папою при свободѣ пѣть символъ такъ, какъ пѣли всѣ первые,—и это-то можно бы подразумѣвать въ тѣхъ частныхъ разговорахъ папы съ Вихингомъ, на которые намекаетъ папа въ письмѣ къ Меѳодію. Но если бы Вихингъ и не былъ оставленъ при такой свободѣ, то онъ самъ, какъ человѣкъ мятежный, способенъ былъ усвоить себѣ эту свободу, это право, чтобы этимъ на первыхъ же порахъ заявить свою независимость предъ Меѳодіемъ, которому не хотѣлъ покориться, въ качествѣ епископа изъ нѣмцевъ, и чтобы не отрозниться отъ болѣе сродной ему нѣмецкой іерархіи, державшей символъ съ filioque. Усвоивъ же такое право, Вихингъ уже считалъ себя въ правѣ и порицать Меѳодія за употребленіе имъ символа безъ filioque, наблюдать за нимъ, а за тѣмъ и говорить о соблазнѣ, незаконности такого употребленія съ точки зрѣнія нѣмецкой іерархіи. Могъ онъ усвоить себѣ право наблюдать и за тѣмъ: строго ли выполняетъ Меѳодій правило, чтобы во всѣхъ церквахъ на служеніи евангеліе читалось сперва по латыни, потомъ уже по славянски, правило, какъ мы замѣтили выше, трудно выполнимое для Меѳодія при его славянскихъ священникахъ. На всемъ этомъ Вихингъ и основалъ свою интригу противъ Меѳодія. Какъ человѣкъ лживый, онъ оформилъ ее ложью, подлогомъ, выдумавъ подложное посланіе, будто бы обвинявшее Меѳодія, и секретное порученіе, будто бы уполномочивавшее его наблюдать за Меѳодіемъ. Но независимо отъ этой формы, этого пріема интриги, основа ей была такова, что въ ней Вихингъ чувствовалъ себя сильнымъ. Онъ зналъ, что имѣетъ за собой нѣмецкую іерархію, которая готова самому папѣ пригрозить за символъ безъ filioque,

поемый тамъ, гдѣ при нѣмецкихъ епископахъ уже пѣли съ filioque, что обвиненіе Меѳодія въ упущеніи относительно чтенія латинскаго евангелія (упущеніе неизбѣжное) будетъ поддержано и латино-нѣмецкою іерархіею, что наконецъ эта іерархія, и безъ того недовольная на папу за устраненіе ея отъ власти надъ Моравіею и Панноніею, и злившаяся на Меѳодія, не откажется взять сторону Вихинга противъ Меѳодія и самаго папы въ Римѣ. И есть нѣкоторое основаніе думать, что нѣмецкая іерархія дѣйствительно не осталась безучастною къ дѣлу Меѳодія въ самый годъ разбора его дѣла въ Римѣ, что зальцбургскій епископъ Теотмаръ или Дитмаръ, преемникъ Адальвина, гонителя Меѳодія, въ 880 г. ѣздившій въ Римъ за мощами св. Викентія, интриговалъ здѣсь и противъ Меѳодія [1]). Если теперь вспомнимъ, въ какомъ тяжеломъ, почти отчаянномъ положеніи чувствовалъ себя папа Іоаннъ VIII въ 880 г., когда онъ вопилъ о помощи къ франко-нѣмецкимъ государямъ и епископамъ [2]), то намъ еще болѣе уяснится робкій, сдержанный образъ дѣйствій его въ дѣлѣ Меѳодія съ Вихингомъ. Не въ пору было папѣ даже о Вихингѣ говорить такъ грозно, какъ грозно говорилъ онъ въ 873 г. въ посланіяхъ къ епископамъ зальцбургскому, фрейзингенскому и пассавскому. Не въ пору было производить открытый судъ между Меѳодіемъ и Вихингомъ, судъ, въ которомъ неизбѣжно зашелъ бы вопросъ о символѣ, опасный для папы гораздо болѣе, чѣмъ для Вихинга, грозившій вооружить противъ папы всю франко-нѣмецкую іерархію. Понималъ это хитрый Вихингъ и не особенно боялся папскаго суда. Но понималъ это и прямодушный Меѳодій. Бывши въ Римѣ, онъ насмотрѣлся на крайне тяжелое и стѣсненное положеніе папы и не желалъ причинять ему новыхъ хлопотъ и безпокойствъ, да и не ожидалъ особенно

[1]) Обстоятельство это указано и, кажется намъ, удачно понято г. Бильбасовымъ въ цитованной выше статьѣ его о св. Кириллѣ и Меѳодіѣ.

[2]) Выше мы цитовали нѣкоторыя изъ такихъ писемъ. Есть тамъ же и другія, въ которыхъ папа проситъ епископовъ хлопотать за него предъ государями.

энергической и сильной защиты со стороны папы на новомъ судѣ въ Римѣ и потому предпочелъ не идти на этотъ судъ. Нѣсколько далѣе увидимъ, что онъ не оставитъ безнаказаннымъ мятежнаго Вихинга, но теперь онъ послѣдовалъ совѣту папы, который, самъ подавляемый тяжестію огорченій со всѣхъ сторонъ, внушалъ и Меѳодію искать утѣшенія въ терпѣніи, что впрочемъ еще болѣе согласовалось съ собственнымъ характеромъ Меѳодія, испытаннаго скорбями и страданіями, и незлобиваго. Между тѣмъ послѣдовало обстоятельство, которое само собою отвлекло Меѳодія отъ дѣла съ Вихингомъ и отъ мысли о путешествіи въ Римъ для суда съ Вихингомъ.

Это—путешествіе Меѳодія въ Царьградъ. Разсказавъ объ интригѣ противъ Меѳодія чрезъ подложное письмо папы, „Житіе“ его продолжаетъ: „не до сего же токмо злоба ихъ (враговъ Меѳодія) ста, но рѣша глаголюще: яко цесарь (греческій) ся нань (на него) гнѣваетъ, да аще его обрящетъ, нѣсть ему живота имѣти. Да и о томъ не хотя похулить своего раба, Богъ милостивый вложи въ сердце цесарю, яко же есть присно въ руцѣ Божіи цесарево сердце,— и посла книги (писаніе, письмо) къ нему: яко, отче честный, вельми тебе желаю видѣти, то добро сотвори, трудися до насъ (придти), да тя видимъ, дондеже еси на семъ свѣтѣ, и молитву твою примемъ. Абіе же шедшу ему тамо, пріятъ его цесарь съ честію великою и радостію и ученіе его похвали. Удержа отъ ученикъ его попа и діакона съ книгами. Всю же волю его сотвори, елико хотѣ, и не ослушавъ ни при чесомъ же, облюбль и одаривъ вельми, проводи его паки славно до своего стола. Такожде и патріархъ“. И это мѣсто „Житія“, какъ многія другія, подпадало разнымъ толкованіямъ, не останавливаясь на которыхъ предложимъ то, какое представляется намъ наиболѣе согласнымъ съ прямымъ смысломъ разсказа Житія и сообразнымъ съ обстоятельствами.

1. Совершенно вѣроятнымъ представляется намъ свидѣтельство Житія о новомъ пріемѣ интриги недруговъ Меѳодія, въ видѣ говора о гнѣвѣ императора Василія на Меѳодія. Что дало поводъ или просто случай пустить такой говоръ, неизвѣстно, но надо полагать, что поводъ или случай существовалъ, нужно же было къ чему либо привязать этотъ говоръ, на что либо или на кого либо ссылаться выдумщикамъ подобнаго слуха. Въ разсказѣ „Житія“, думаемъ, и открывается для насъ этотъ поводъ или случай. Здѣсь говорится о посольствѣ и письмѣ императора къ Меѳодію. Думаемъ, что это было посольство и къ Святополку. А это посольство могло быть вызвано слѣдующими обстоятельствами. Мы знаемъ, что въ 879—880 г. Византія утратила Далматинскую Хорватію, отдавшуюся подъ церковную власть Рима. Это обстоятельство, какъ само собою понятно, было очень непріятно императору Василію, который могъ приписывать себѣ честь не только присоединителя Хорватіи (на вассальныхъ отношеніяхъ), но просвѣтителя, ибо два раза посылалъ туда миссіонеровъ. Не могли быть пріятны Византіи и даже не причинять ей нѣкотораго безпокойства крайне усиленныя старанія Рима объ отторженіи отъ нея и Болгаріи, хорошо извѣстныя въ Византіи. Въ 881 г. послѣ возврата изъ Царьграда въ Римъ папскаго легата Марина, за свои гордыя и наглыя рѣчи просидѣвшаго мѣсяцъ въ тюрьмѣ въ Царьградѣ, здѣсь могли ожидать всего отъ раздраженной римской куріи. Недавній союзникъ Фотія, папа Іоаннъ теперь, болѣе чѣмъ прежде, переполнялъ свои искусительныя письма въ Болгарію рѣзкими выходками противъ грековъ. Если въ Византіи не могли серіозно бояться за Болгарію, ибо Борисъ оставался вѣренъ союзу съ нею, то, повторяемъ, не могли остаться и равнодушными къ неустающимъ усиліямъ римскаго двора соблазнить Бориса и Болгарію на свою сторону. Такимъ образомъ хорватское и болгарское дѣло составляло теперь настоятельные вопросы для византійской политики. А это въ свою очередь выдви-

гало для нея общій вопросъ объ отношеніи Византіи къ новымъ славянскимъ странамъ и церквамъ. Естественно предполагать живой интересъ къ этому вопросу прежде всего въ императорѣ Василіѣ, какъ императорѣ, стремившемся къ поднятію могущества и политическихъ вліяній Византіи, и какъ славянинѣ (хотя и огреченномъ), наклонномъ искать такихъ вліяній особенно на міръ славянскій. Естественно предполагать этотъ интересъ и у Фотія, который былъ не тѣмъ, чѣмъ былъ Игнатій, былъ въ мірѣ государственнымъ секретаремъ-дипломатомъ, а во время перваго патріаршества считавшій славою константинопольской церкви участіе ея въ просвѣщеніи вѣрою и пріобрѣтеніи церкви новыхъ варварскихъ народовъ. Могли ли Василій и Фотій, въ виду отпаденія къ Риму Хорватіи и усиленныхъ попытокъ его переманить къ себѣ и Болгарію, не вспомнить о Моравіи, той Моравіи, которой Византія уступила лучшихъ изъ своихъ избранниковъ, въ лицѣ Константина и Меѳодія, которую поэтому считала обязанною своимъ христіанскимъ просвѣщеніемъ Византіи, въ надеждѣ безъ сомнѣнія имѣть ее своею союзницею въ политическомъ и церковномъ отношеніяхъ. Правда, Моравія оставалась теперь въ церковной зависимости отъ Рима, гдѣ почилъ св. Константинъ, рукоположенъ Меѳодій, самъ признававшій свою зависимость отъ Рима. Но было извѣстно, было убѣжденіе, что онъ, какъ и его св. братъ, оставались вѣрными восточному православію и ввели въ Моравской церкви греческія церковныя службы и книги—только въ славянскомъ переводѣ. Послѣ дѣлъ хорватскаго и болгарскаго естественно зарождалось желаніе у императора и Фотія возобновить на долго прерванныя сношенія съ славянскою Моравіею. Естественно было уже простое желаніе узнать о состояніи тамошней страны и церкви, о судьбѣ остающагося тамъ греческаго архіепископа и учителя Меѳодія, дорогаго Фотію по воспоминаніямъ о братѣ его, другѣ Фотія. Но за этимъ могла таиться надежда призыва Моравіи къ союзу съ Византіею, въ противовѣсъ цер-

ковной политикѣ Рима, отвлекшаго отъ нея Хорватію и силившагося отвлечь Болгарію. Весьма вѣроятное свиданіе съ Меѳодіемъ греческаго посольства, бывшаго въ Римѣ между половиною апрѣля и половиною іюня 880 г., когда здѣсь былъ и Меѳодій, могло быть ближайшимъ поводомъ къ напоминанію о немъ для императора и Фотія, могшихъ изъ разсказовъ Меѳодія, переданныхъ возвратившимся посольствомъ, узнать многое о немъ, о его подвигахъ и страданіяхъ. Видѣть такого мужа, великаго учителя и страдальца, было наконецъ утѣшительно, отрадно. Фотій, какъ свѣдущій канонистъ, не счелъ себя въ правѣ вызывать въ Царьградъ Меѳодія, архіепископа чужого діоцеза. Но императоръ могъ это сдѣлать, снесясь одновременно и съ Святополкомъ, какъ государемъ страны, и съ Меѳодіемъ. Посольство императора, какъ само собою разумѣется, явилось сперва ко двору Святополка. И здѣсь-то зашли рѣчи о Меѳодіѣ, въ которыхъ заявлялось желаніе императора видѣть Меѳодія въ Царьградѣ, быть можетъ съ оттѣнкомъ сожалѣній, сѣтованій на то, что Меѳодій, Грекъ и греческій учитель, какъ бы забылъ Византію и, бывши не одинъ разъ въ Римѣ, не потрудился когда либо посѣтить и Византію. Такія-то рѣчи, подхваченныя недругами Меѳодія, въ какихъ, видится, никогда не было недостатка при дворѣ Святополка, намѣренно истолкованы, перевраны въ смыслѣ гнѣва императора на Меѳодія. А вымышленный гнѣвъ этотъ, какъ это бываетъ въ вымыслѣ, въ лжи, выросъ до того, что Меѳодію будтобы грозитъ смерть отъ императора, если онъ попадется ему въ руки. Присутствіе духа и языка злобнаго клеветника Вихинга слышится въ такомъ говорѣ о гнѣвѣ императора на Меѳодія. Цѣль говора состояла въ нанесеніи новаго оскорбленія и униженія Меѳодію, въ причиненіи ему новаго безпокойства и страха, для подрыва въ немъ духа, энергіи, съ расчетомъ, что это доведетъ Меѳодія до оставленія своего поста, который затѣмъ достанется Вихингу. А надобно думать, что слухъ о гнѣвѣ греческаго

царя, еслибъ онъ былъ справедливъ, дѣйствительно способенъ былъ бы глубоко огорчить Меѳодія, добраго грека, мыслившаго одинаково съ братомъ, который и предъ смертію вспоминалъ о царѣ, называлъ себя бывшимъ слугою его. Можетъ быть слухъ о гнѣвѣ императора на нѣкоторое время и потревожилъ Меѳодія. Но тѣмъ большею отрадою для него было получить письмо императора, милостивое и почтительное, приглашавшее его въ Царьградъ. Преклонныя лѣта, ослабленіе отъ трудовъ и страданій не удержали Меѳодія отъ готовности совершить путешествіе въ Царьградъ, на родной Востокъ, гдѣ былъ прахъ его отца и матери, гдѣ многое было для него памятно и привлекательно.

2. Путешествіе это имѣло мѣсто, судя по ходу событій, въ 881 или 882 г., спустя около 20 л. послѣ отбытія Меѳодія изъ Царьграда и приблизительно на 70 г. жизни его [1]). Меѳодій отправился не одинъ, а съ нѣсколькими изъ своихъ учениковъ—священниковъ, діаконовъ, клириковъ. Это требовалось и его саномъ и преклонностію его лѣтъ и дальностію путешествія. Но само собою понятно, что онъ хотѣлъ показать своимъ ученикамъ изъ моравлянъ славный Царьградъ, съ его великолѣпіемъ, съ его величественными храмами и т. под., что все это желательно было видѣть и моравлянамъ, такъ что охотниковъ сопутствовать Меѳодію въ Царьградъ было довольно. Естественно было у Меѳодія желаніе показать и своихъ учениковъ въ Царьградѣ, какъ плодъ трудовъ почившаго св. брата и своихъ. Меѳодій взялъ съ собою и экземпляры славянскихъ книгъ, конечно, для того, чтобы показать и ихъ въ Царьградѣ и совершить тамъ по нимъ бого-

---

[1]) По „Житію“ путешествіе въ Царьградъ имѣло мѣсто по окончаніи дѣла съ подложнымъ письмомъ папы Іоанна, а оно окончилось подъ вліяніемъ папскаго письма къ Меѳодію отъ 23 марта 881 г., которое могло быть получено не ранѣе конца апрѣля или начала мая. Это слѣд. самый ранній срокъ для путешествія Меѳодія. Самымъ позднимъ слѣдуетъ положить конецъ 882 г., когда началась у Святополка новая война съ нѣмцами, во время которой—уже не удобно было путешествовать.

служеніе или дать совершить его моравскимъ священникамъ и діаконамъ изъ его свиты. Императоръ принялъ Меѳодія съ великою радостію и съ большимъ почетомъ, похвалилъ *и его ученіе*. Эта похвала относилась и къ вѣроисповѣдному ученію Меѳодія, въ которомъ онъ былъ вѣренъ православію, и къ ученію на славянскомъ языкѣ, т. е. къ проповѣди, къ чтенію, пѣнію на славянскомъ языкѣ. Императоръ попросилъ Меѳодія и Меѳодій согласился оставить въ Царьградѣ изъ своихъ учениковъ одного священника и одного діакона, *также и книги*. Для чего это нужно было императору? Конечно, не для одного любопытства. Славянскіе священникъ, діаконъ и книги для чего нибудь *нужны* были императору. Нужны были, разумѣется, не для него лично, ибо хотя онъ былъ родомъ славянинъ, но давно огреченный, хотя быть можетъ и не совсѣмъ забылъ славянскій языкъ, но обыкновенно говорилъ по гречески и слушалъ греческую службу. Слѣдовательно славянскіе священнослужители и книги нужны были ему *для другихъ*. Выше упоминали мы, какое видное мѣсто въ политикѣ Василія занимали отношенія къ славянскимъ странамъ и народамъ, что по отношенію къ нѣкоторымъ изъ нихъ Василій могъ считать просвѣтителемъ. Такія отношенія къ славянскимъ странамъ и народамъ должны были усилить вниманіе Василія и къ славянамъ внутри имперіи, въ самой столицѣ, гдѣ ихъ было довольно. Между тѣмъ Василій извѣстенъ какъ весьма усердный строитель и обновитель церквей какъ въ столицѣ, такъ и внѣ ея. Очень возможно, что одну изъ нихъ онъ далъ славянамъ въ самомъ Царьградѣ, или сами славяне выпросили у него для себя такую церковь въ столицѣ и желали слышать въ ней богослуженіе на родномъ языкѣ, слыша и зная, что такое богослуженіе совершается въ Моравіи и Панноніи, зная о существованіи священныхъ книгъ на славянскомъ языкѣ еще со времени Константина. Тѣ „споспѣшники“ Константина, бывшіе „единаго духа съ нимъ“, которые участвовали въ его молитвахъ среди трудовъ надъ переводомъ священныхъ

книгъ, могли быть еще живы въ Царьградѣ. Понятно, съ какимъ живымъ участіемъ распрашивали они у Меѳодія о славномъ и святомъ братѣ, его подвигахъ, его дальнѣйшихъ трудахъ по переводу богослужебныхъ книгъ и самомъ богослуженіи славянскомъ. Эти-то споспѣшники могли быть причастны мысли о предоставленіи славянамъ особой церкви въ столицѣ и возможности слушать въ ней славянское богослуженіе. Меѳодій же могъ отнестись къ этой мысли не иначе, какъ только съ полнымъ одобреніемъ и сочувствіемъ. Такимъ образомъ фактъ оставленія Меѳодіемъ славянскихъ священника, діакона и книгъ, освѣщаемый соображеніями, приводитъ насъ къ выводу, что съ этого времени въ Царьградѣ имѣлась у славянъ *своя церковь съ богослуженіемъ на славянскомъ языкѣ*, какъ имѣлась встрѣчаемая потомъ церковь варяжская св. Иліи, какъ была во время Златоуста церковь готская. Здѣсь у этой славянской церкви могло начаться и *списываніе* священныхъ книгъ на славянскомъ языкѣ, по крайней мѣрѣ списываніе молитвъ и др. предметовъ катихизическаго наставленія въ вѣрѣ. То была подготовка священной и мірской грамотности и для Руси, имѣвшей принять вѣру изъ Царьграда! Такъ знаменательнымъ представляется съ нашей точки зрѣнія пребываніе Меѳодія въ Царьградѣ въ 881—882 г.!

3. Путешествіе Меѳодія въ Царьградъ не осталось, думаемъ, безслѣднымъ и для Болгаріи. Много выше мы говорили, что путешествіе св. братьевъ изъ Царьграда въ Моравію въ 862—3 году совершено не чрезъ Болгарію, бывшую тогда въ немирныхъ отношеніяхъ къ Византіи, а юго-западнымъ, нѣсколько окольнымъ путемъ, что Константинъ и Меѳодій не участвовали въ обращеніи Бориса въ христіанство. Было затѣмъ сказано, что первое знакомство болгаръ съ св. братьями могло послѣдовать въ Римѣ въ 869 г., когда здѣсь было болгарское посольство съ бояриномъ Петромъ во главѣ. Теперь присовокупимъ, что во время своего путешествія изъ Моравіи въ

Царьградъ или обратно Меѳодій по всей вѣроятности проходилъ чрезъ Болгарію, потому что это былъ самый прямой путь, и Болгарія находилась въ мирныхъ и дружныхъ отношеніяхъ къ Византіи. А если такъ, то онъ и видался съ Борисомъ, теперь уже славнымъ просвѣтителемъ своего народа и княземъ весьма благочестивымъ. Извѣстны преданія болгарскихъ легендъ о просвѣщеніи Бориса Меѳодіемъ. Критика основательно не довѣряетъ этимъ преданіямъ въ томъ видѣ, какъ они говорятъ о просвѣщеніи перваго послѣднимъ. Но отрицая то, чего не было и не могло быть, можно не отрицать присутствія въ преданіи доли исторической истины, поддающейся историческому выясненію. Весьма вѣроятный фактъ свиданія Бориса съ Меѳодіемъ во время его путешествія въ Царьградъ или обратно могъ дать основу упомянутому преданію [1]). Допуская этотъ фактъ, необходимо должны мы признать и нѣкоторое значеніе за нимъ. Послѣднее могло состоять прямѣе всего въ ознакомленіи Бориса съ славянскими книгами, славянскимъ богослуженіемъ. Были ли они въ Болгаріи до этого времени, т. е. до 881 года? Что его не было до 866 г., когда Болгарія отъ Византіи обратилась къ Риму, это должно признать почти несомнѣннымъ. Устраняя греческое духовенство, Болгаре просили у папы латинскихъ священниковъ. Если бы болгаре имѣли тогда славянскія книги, то они просили бы не объ этомъ, а о томъ, чтобы Римъ прислалъ епископовъ для поставленія имъ священниковъ изъ ихъ собственной среды. Что болгаре не пріобрѣли славянскихъ богослужебныхъ книгъ въ тотъ около трехлѣтній періодъ, когда они

[1]) Прежде, въ *числѣ другихъ* доказательствъ невѣрности позднѣйшаго преданія объ участіи св. братьевъ или одного изъ нихъ въ обращеніи Бориса къ хр. вѣрѣ мы приводили и то, что объ этомъ не говорятъ древнія наиболѣе достовѣрныя житія Кирилла и Меѳодія. Могутъ возразить: житіе Меѳодія не говоритъ и о свиданіи Бориса съ Меѳодіемъ на пути его въ Царьградъ или обратно, однакоже это свиданіе мы считаемъ вѣроятнымъ. Но молчаніе о такомъ крупномъ фактѣ, какъ *обращеніе князя* и молчаніе о случайномъ свиданіи— вещи неодинаковыя.

находились подъ церковною властію Рима, это также понятно, ибо не откуда было пріобрѣсть имъ ихъ, да и не имѣется никакихъ извѣстій о томъ[1]). Въ концѣ этого періода они могли однакоже *узнать* объ этихъ книгахъ, могли, какъ сказано, узнать чрезъ своихъ пословъ, по всей вѣроятности, видѣвшихся съ св. братьями въ Римѣ. И затѣмъ можно уже предполагать, что съ означеннаго момента мысль о славянскихъ книгахъ и славянскомъ богослуженіи получила ходъ въ Болгаріи, хотя въ дѣйствительности осуществлялась не легко, по самой трудности такого осуществленія. Несомнѣнно притомъ, что въ Болгаріи и послѣ 870 г. греки рѣшительно преобладали въ высшей іерархіи, какъ это слѣдуетъ заключать изъ писемъ папы Іоанна VIII къ Игнатію въ 878 г. и въ Болгарію въ этомъ и слѣдующихъ годахъ, въ которыхъ папа говоритъ только о греческихъ епископахъ и упоминаетъ только объ одномъ епископѣ славянинѣ Сергіѣ. Въ низшемъ духовенствѣ могли быть и безъ сомнѣнія были славяне, но едвали они могли быть распространителями славянскихъ книгъ. Священники эти могли обучать молитвамъ и начаткамъ вѣроученія по славянски, могли даже имѣть нѣкоторыя чтенія изъ священныхъ книгъ на славянскомъ языкѣ, но едвали могли совершать все богослуженіе по славянски. За то со времени предполагаемаго посѣщенія Болгаріи и Бориса Меѳодіемъ въ 881 или 882 г. мысль о славянскихъ книгахъ должна была оживиться въ Болгаріи. Меѳодій могъ сообщить Борису о томъ, какъ самъ императоръ принялъ эти книги, какъ распространено славянское богослуженіе въ Моравіи. Послѣднее могъ знать Борисъ и прежде, но теперь узналъ лучше, а главное могъ посовѣтоваться касательно пріобрѣтенія ихъ. Усиленіе мысли о славянскомъ богослуженіи, съ начатками осуществленія ея, совершившееся въ данное время было подготовкою къ тому *повсюдному* введенію славянскаго богослуженія въ Болгаріи, которое наступило послѣ, по

---

[1]) Оба эти замѣчанія сдѣланы были въ свое время еще г. Голубинскимъ. Исторія Слав. Церквей, стр. 254. примѣч. 63.

прибытіи въ Болгарію учениковъ Меѳодія. Наконецъ, что касается сербовъ (собственной Сербіи, Босніи и Герцеговины), которымъ императоръ Василій македонянинъ, также какъ и хорватамъ, посылалъ миссіонеровъ, довершившихъ крещеніе этихъ сербовъ, и которые остались вѣрны Византіи и православію, то о проникновеніи къ нимъ славянскаго богослуженія въ такую раннюю пору трудно дѣлать предположенія. Императоръ, если продолжалъ заботиться о ихъ вѣрѣ, то могъ и покровительствовать этому дѣлу, или по крайней мѣрѣ не препятствовать. Но путь къ ознакомленію православныхъ сербовъ съ славянскими книгами открывался ближе изъ Болгаріи, но еще въ будущемъ.

4. Разсказъ о пребываніи Меѳодія въ Царьградѣ заключается тѣмъ, что царь исполнилъ всѣ желанія и просьбы Меѳодія и ни въ чемъ не отказалъ, что, облюбивъ и щедро одаривъ его, царь съ великою честію проводилъ его, т. е. отправилъ до своего стола (архіепископскаго въ Моравіи). „Такожде и патріархъ“, лаконически заканчиваетъ Житіе. Какія желанія и просьбы могъ предъявить царю Меѳодій? Конечно, не о подаркахъ, до которыхъ не былъ охотникъ; не о средствахъ для благополучнаго путешествія обратно, ибо они сами собой разумѣются со стороны императора, пригласившаго Меѳодія въ Царьградъ. Желанія и просьбы могли относиться лишь къ тому, что было болѣе всего дорого и важно для Меѳодія, т. е. къ дѣламъ его служенія. Могъ, конечно, просить Меѳодій и церковныхъ принадлежностей для служенія и т. под. Но еще важнѣе этого было испросить содѣйствіе императора къ улучшенію труднаго положенія Меѳодія въ Моравіи среди недруговъ, интриговавшихъ противъ него при дворѣ Святополка. Меѳодій могъ просить императора напомнить Святополку о бывшихъ отношеніяхъ Моравіи къ Византіи, къ греческой церкви, уважать ученіе православія, проповѣдуемое Меѳодіемъ, оберегать моравскую церковь отъ ея латино-нѣмецкихъ недруговъ. И мы увидимъ, что по возвращеніи изъ Царьграда

Меѳодій чувствовалъ себя въ лучшихъ отношеніяхъ къ Святополку, хотя на это повліяли и политическія перемѣны въ самой Моравіи. Наконецъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что и Фотій оказалъ дружбу, участіе и вниманіе къ Меѳодію во время свиданій съ нимъ въ Царьградѣ. Но лаконизмъ, съ какимъ выражается о томъ авторъ Житія, едва ли есть простая случайность, и требовалъ бы предположительнаго выясненія, отъ котораго впрочемъ воздерживаемся. Важнѣе для насъ здѣсь другія предположенія, кажущіяся намъ очень вѣроятными. Такъ нельзя не предполагать, что однимъ изъ наиболѣе важныхъ предметовъ въ бесѣдахъ Фотія съ Меѳодіемъ была рѣчь о символѣ. Фотій, вторично выступившій на защиту Никео-Цареградскаго символа предъ папою и слѣд. и предъ всѣмъ западомъ, безъ сомнѣнія, радъ былъ слышать, что защитникомъ и исповѣдникомъ его является и Меѳодій, вопреки нападкамъ нѣмецкой іерархіи. Изъ бесѣдъ съ Фотіемъ Меѳодій могъ вынести болѣе твердую рѣшимость быть не только исповѣдникомъ православнаго символа, но и обличителемъ исказителей его, какимъ его затѣмъ увидимъ. Не менѣе вѣроятно, что Меѳодій получилъ теперь отъ Фотія лучшіе греческіе экземпляры *всего кодекса* священныхъ книгъ и другихъ (напр. Номоканона), къ переводу которыхъ приступилъ немедленно по возвращеніи изъ Царьграда.

Обратное путешествіе Меѳодія изъ Царьграда въ Римъ совершилось не безъ затрудненій. Ибо не напрасно авторъ Житія *именно къ рѣчи объ этомъ путешествіи* присоединяетъ слѣдующее описаніе бѣдъ и опасностей, испытанныхъ Меѳодіемъ во время его путешествій. „На всѣхъ же путехъ въ многи напасти впадаше отъ непріязни, по пустынямъ въ разбойники, по морю въ волны вѣтрены, по рѣкамъ въ *сирти* внезапны [1]), яко ся скончати на немъ апостольскому

[1]) Сирти, пишется сyрти, отъ греч. σύρτις, συρτὸς, означаетъ и песчаные наносы, причиняемые водоворотами, и вообще водовороты.

словеси: бѣды отъ разбойникъ, бѣды въ морѣ, бѣды въ рѣкахъ, бѣды отъ лжебратіи, въ трудѣхъ и подвиженіяхъ, въ забвеніи множицею, въ алканіи и жаждѣ и въ прочихъ печалѣхъ, яже апостолъ поминаетъ (2 Кор. II, 25. 26). Описаніе это способно наводить на мысль, что оно сдѣлано спутникомъ Меѳодія въ его путешествіяхъ или со словъ такого спутника.

По возвращеніи Меѳодія изъ Константинополя въ Моравію, св. первоучитель славянскій, по разсказу „Житія“ его, приступилъ къ довершенію такого подвига, какимъ началось общее служеніе ей обоихъ св. братьевъ, какъ славянскихъ первоучителей;—это подвигъ перевода священныхъ книгъ. Житіе говоритъ объ этомъ такъ: „Потомъ же отвергъ ся молвы, и печаль свою на Бога возложь, прежде же отъ ученикъ своихъ посаждь два попа, скорописца зѣло, преложи въ борзѣ вся книги исполнь, развѣ Маккавей, отъ греческа языка въ словеньскъ, шестію мѣсяцъ, наченъ отъ марта мѣсяца до двою десяте и шести дней октября мѣсяца. Скончавъ же, достойную похвалу и славу Богу воздасть, дающему таковую благодать и поспѣхъ. И святое возношеніе тайное (литургію) съ клиросомъ своимъ вознесъ, сотвори память св. Димитрія. Псалтырь бо бѣ токмо и евангеліе съ апостоломъ и избранными службами церковными съ Философомъ преложилъ первѣе. Тогда же и номоканонъ, рекше закону правило, и отеческія книги преложи“.

Драгоцѣнное и знаменательное сказаніе! Значеніе его опредѣляется для насъ такъ:

1. Сказаніе свидѣтельствуетъ прежде всего о томъ, какъ вѣренъ былъ Меѳодій вдохновенной мысли св. брата своего о преподаніи славянамъ богослуженія и слова Божія на родномъ языкѣ,—вѣренъ, не смотря на все, что онъ претерпѣлъ и выстрадалъ отъ противниковъ этой мысли на западѣ. Оно даетъ видѣть, въ какой полнотѣ опредѣлялся въ сознаніи Меѳодія подвигъ довершенія этой общей ему съ братомъ мысли: послѣ перваго перевода избранныхъ церковныхъ чтеній, со-

вершеннаго св. братьями 20 лѣтъ тому назадъ, теперь Меѳодій переводитъ *всю Библію*, весь кодексъ священныхъ книгъ; послѣ прежняго перевода главнѣйшихъ богослужебныхъ книгъ и службъ, теперь переводятся номоканонъ, какъ основаніе правильнаго церковнаго устройства и управленія, затѣмъ избранныя отеческія писанія, какъ освѣщающія и уясняющія для христіанъ истинное разумѣніе и исповѣданіе вѣры, какъ руководящіе образцы христіанской учительности. Словомъ, Меѳодій пожелалъ дать и далъ Моравской церкви все, что требовалось для полноты средствъ ея существованія и преспѣянія, какъ христіанской народной церкви.

2. Знаменательно и то, что Меѳодій предпринялъ послѣдній великій подвигъ свой именно послѣ путешествія въ Царьградъ и возвращенія оттуда въ Моравію. Естественно думать, что самое это путешествіе оживило въ немъ воспоминанія о начальномъ подвигѣ перевода священныхъ книгъ, совершенномъ св. братомъ его и имъ самимъ предъ отправленіемъ въ Моравскую миссію, и ободрило на довершеніе этого подвига. Естественно думать, что изъ Царьграда онъ принесъ лучшіе списки и священныхъ книгъ и номоканона и отеческихъ писаній, чтобы совершить въ Моравіи переводъ ихъ, что въ пріобрѣтеніи такихъ списковъ оказали ему помощь царь Василій и патріархъ Фотій. Предположеніе это было уже высказано нами выше. Здѣсь присовокупимъ, что такая связь завершительнаго подвига Меѳодія съ непосредственно предшествовавшимъ этому подвигу пребываніемъ его въ Царьградѣ сама собою свидѣтельствуетъ, что онъ оставался вѣренъ союзу съ Греко-Восточною-церковію, что онъ хотѣлъ просвѣщать и устраивать свою Моравскую церковь именно при помощи и по образу первой. Такъ онъ поступалъ не только какъ грекъ, какъ греческій учитель въ Моравіи, но и какъ мужъ высокаго духовнаго разума. Съ греческаго, а не латинскаго языка онъ переводилъ библію, не потому только, что первый былъ родной языкъ его, но и потому, что языкъ этотъ былъ подлиннымъ языкомъ священ-

ныхъ книгъ Новаго Завѣта, что и для священныхъ книгъ Ветхаго Завѣта греческій текстъ ихъ освященъ былъ церковнымъ употребленіемъ на всемъ Востокѣ, въ противоположность Западу, гдѣ латинская Библія въ переводѣ блаж. Іеронима, представляла, въ книгахъ Ветхаго Завѣта, переводъ болѣе съ еврейскаго, чѣмъ съ греческаго. Переводя греческій номоканонъ, онъ также имѣлъ предъ собою подлинный текстъ соборныхъ каноновъ вселенской церкви въ сводѣ ихъ, сдѣланномъ на востокѣ, и не искалъ такого свода на западѣ. Само собою подразумѣвается, что и тѣ отеческія творенія, какія перевелъ Меѳодій, были твореніями отцевъ греческихъ, а не латинскихъ.

3. Какія именно библейскія книги переведены были Меѳодіемъ? Житіе говоритъ: „вся книги исполнь, развѣ Маккавей“. Но что слѣдуетъ разумѣть подъ выраженіемъ „вся книги исполнь“? Вопросъ этотъ имѣетъ значеніе только по отношенію къ книгамъ Ветхаго Завѣта, въ которомъ есть *каноническія и неканоническія*, въ числѣ послѣднихъ и книги Маккавейскія. Выраженіе „вся книги исполнь, развѣ Маккавей“ могло бы вести къ заключенію, что Меѳодіемъ переведены были всѣ не только каноническія, но и неканоническія книги, исключая Маккавейскихъ. Въ такомъ случаѣ оставленіе безъ перевода этихъ послѣднихъ книгъ пришлось бы объяснять просто случайностію, случайною причиною. А такою случайною причиною могли бы быть или недостатокъ надежнаго списка этихъ книгъ, не найденнаго Меѳодіемъ и въ Царьградѣ, или недостатокъ времени, при спѣшности труда надъ переводомъ. Но едва ли можно успокоиться на такомъ объясненіи дѣла. Вѣрнѣе представляется намъ мнѣніе преосвящ. Филарета (архіеп. Черниговскаго), что „Житіе“, говоря о книгахъ Маккавейскихъ, какъ оставленныхъ безъ перевода, даетъ разумѣть тоже и о прочихъ *неканоническихъ книгахъ*. Мнѣніе это преосвящ. Филаретъ основываетъ особенно на свидѣтельствѣ Іоанна экзарха Болгарскаго, знаменитаго сподвижника въ книжныхъ трудахъ царя Симеона, (892—927), слѣд. не-

далекаго по времени жизни отъ Меѳодія, о которомъ этотъ Іоаннъ говоритъ: „Великій Божій архіепископъ Меѳодій, братъ сего (Кирилла), преложи вся *уставныя* книги 60 отъ Еллинска языка въ Словенскъ“. А подъ 60 уставными книгами экзархъ разумѣлъ именно *60 каноническихъ книгъ* (33 Ветхаго и 27 Новаго Завѣта), какъ разумѣли и другіе, на свидѣтельства которыхъ ссылается здѣсь преосвященный Филаретъ. Въ числѣ свидѣтельствъ, что только каноническія книги считались въ канонѣ священныхъ книгъ, важны приводимыя здѣсь свидѣтельства Іоанна Дамаскина, творенія котораго переводилъ экзархъ, и статья о священныхъ книгахъ св. Григорія Богослова, встрѣчающаяся между статьями изборника 1073 г., начальное составленіе котораго принадлежитъ времени Іоанна экзарха и царя Симеона[1]). Статья Григорія Богослова есть одно изъ его стихотвореній, озаглавленное въ подлинникѣ: περὶ τῶν γνησίων βιβλίων τῆς Θεοπνεύστου Γραφῆς. Здѣсь исчисляются *только каноническія* книги, а въ заключеніе говорится: ἔι τι δὲ τούτων ἐκτος οὐκ ἐν γνησίαις[2]). Авторитетъ св. Григорія Богослова, безъ сомнѣнія, былъ столько же великъ для Меѳодія, какъ и для Константина, воспитавшагося на твореніяхъ св. Григорія Богослова, въ томъ числѣ твореніяхъ стихотворныхъ. Поэтому очень вѣроятно, что слѣдуя сужденію св. Григорія Богослова, сужденію, вообще преобладавшему у греческихъ богослововъ и учителей и позднѣйшаго времени, Меѳодій представлялъ составъ истинныхъ книгъ богодухновеннаго писанія не иначе, какъ въ составѣ только каноническихъ книгъ, слѣдовательно предпочелъ ограничиться переводомъ только этихъ книгъ.

---

[1]) Изслѣдованіе преосв. Филарета: „Кириллъ и Меѳодій, славянскіе просвѣтители“ въ Кирилло-Меѳодіевскомъ сборникѣ м. 1865 г. стр. 72—75. Изложенное здѣсь мнѣніе преосвящ. Филарета было въ свое время оспариваемо, но, какъ намъ кажется, доводы преосвященнаго сильнѣе возраженій противъ него.

[2]) У Миня, Patr. Graec. T. 37, p. 71—73.

4. Переводъ священныхъ книгъ совершенъ Меѳодіемъ въ теченіи *шести* или *семи мѣсяцевъ* отъ марта до 26 октября. Для подобнаго труда это короткое время въ сравненіи съ тѣмъ, какое, повидимому, требовалось бы для подобнаго труда[1]). Тѣмъ не менѣе свидѣтельство „Житія“ о такомъ краткомъ времени переводнаго труда можетъ и должно быть понимаемо въ прямомъ смыслѣ, и не для чего прибѣгать здѣсь къ предположеніямъ о легендарномъ характерѣ этого свидѣтельства, какъ и другихъ свидѣтельствъ о переводѣ свящ. книгъ св. братьями. Припомнимъ прежде всего, что объемъ переводнаго труда значительно сокращенъ былъ для Меѳодія, имѣвшаго въ готовѣ переводъ *церковныхъ чтеній* изъ Библіи, совершенный братомъ его. А эти чтенія обнимали почти *весь текстъ книгъ Новаго Завѣта*, такъ что вновѣ оставалось перевесть только всю книгу апокалипсисъ, не входившую въ церковныя чтенія, и только весьма не многое изъ другихъ книгъ Новаго Завѣта. Далѣе церковныя чтенія изъ Ветхаго Завѣта обнимали всю *псалтырь* и можетъ быть отрывки изъ другихъ книгъ, составляющіе такъ называемый *парамійникъ* или *парамійныя чтенія*. Затѣмъ, какъ уже сказано, Меѳодій ограничился переводомъ лишь каноническихъ книгъ Ветхаго Завѣта, не включивъ въ составъ перевода книгъ неканоническихъ. Псалтырь, парамійныя чтенія и книги неканоническія взятыя вмѣстѣ, составятъ *около пятой части* всего кодекса книгъ Ветхаго Завѣта, на какую часть сокращался для Меѳодія и объемъ переводнаго труда. Слѣдуетъ далѣе припомнить, что Меѳодій въ переводахъ брата имѣлъ не только часть готоваго перевода, но и образецъ для соб-

---

[1]) Извѣстно, что напр. Лютеръ на переводъ Библіи затратилъ гораздо большее время. Скрываясь въ замкѣ Вартбургѣ около года (въ 1521 г.), онъ совершилъ здѣсь переводъ только Новаго Завѣта; переводъ книгъ Ветхаго Завѣта продолжался болѣе и довершенъ былъ послѣ при участіи и сотрудникахъ Лютера. Въ наши времена для исправленій перевода или для перевода на русскій языкъ также требовалось время, болѣе продолжительное въ сравненіи съ тѣмъ, какое посвятилъ своему труду Меѳодій.

ственнаго перевода, что въ теченіи своего 20-лѣтняго служенія въ Моравіи при братѣ и по его кончинѣ онъ пріобрѣлъ совершенное знакомство съ языкомъ славянскимъ, его свойствами, особенностями, имѣлъ довольно выработанную церковно-славянскую терминологію, а съ духомъ и свойствами греческаго языка онъ былъ еще глубже знакомъ, какъ грекъ. Наконецъ естественно предполагать, что онъ и прежде *подготовлялся* къ совершенію всего перевода, имѣлъ поводы читать и объяснять непереведенныя книги св. Писанія своимъ ученикамъ, особенно изъ священниковъ и другихъ членовъ клира, а читая и объясняя, по необходимости дѣлалъ это съ помощію перевода, слѣдовательно упражнялся въ немъ, и если даже не записывалъ отрывочныхъ опытовъ такого перевода, то имѣлъ въ памяти запасъ такихъ опытовъ собственнаго перевода, которымъ и воспользовался, когда наконецъ приступилъ къ послѣдовательному переводу всего канона библейскихъ книгъ, совершенному въ теченіи шести-семи мѣсяцевъ. Но если подобными соображеніями для насъ въ значительной степени уясняется возможность совершенія перевода въ такой короткій срокъ, служащая къ оправданію свидѣтельства о томъ „Житія“; то все-таки трудъ Меѳодія, совершенный въ шесть-семь мѣсяцевъ, представляется трудомъ большимъ. Вспомнимъ, что онъ трудился *одинъ*, имѣя помощниковъ болѣе для переписки перевода, чѣмъ для самаго перевода, трудился въ лѣтахъ *преклонныхъ*, истомленный въ физическихъ силахъ вынесенными страданіями, далекими странствіями, напастями и бѣдами, о которыхъ говоритъ „Житіе“ предъ разсказомъ о новомъ трудѣ его по переводу священныхъ книгъ. И если, скажемъ далѣе, Меѳодій совершилъ свой большой трудъ въ такой сравнительно недолгій срокъ, то значитъ онъ хотѣлъ *ускорить* свой трудъ. Къ такой мысли даетъ основаніе Житіе, замѣчая, что, приступивъ къ переводу, Меѳодій посадилъ для переписки его два попа *борзописца зѣло и въ борзѣ* преложилъ вся книги исполнь. Что побуждало

Меѳодія ускорять свою работу, спѣшить съ довершеніемъ перевода? Къ разъясненію этого можетъ служить сейчасъ упомянутое замѣчаніе Житія о тяготахъ и лишеніяхъ, бѣдахъ и печаляхъ, испытанныхъ Меѳодіемъ, послѣдствія которыхъ на преклонномъ лѣтами труженикѣ и страдальцѣ должны были сказаться чувствомъ приближающагося оскудѣнія силъ, близости окончанія многотруднаго житія его. И вотъ Меѳодій возъимѣлъ рѣшимость вести свой трудъ по переводу *ускоренно*, чтобы успѣть *исполнь* докончить его, пока еще живъ и въ силахъ трудиться[1]). Трудъ его по этому самому былъ трудъ напряженный, усиленный, глубоко сосредоточенный, для котораго онъ, по выраженію „Житія", „отвергся всякой молвы", всякихъ другихъ заботъ о себѣ, всякихъ сторонніхъ попеченій, трудъ, которому онъ отдалъ всѣ дни и часы, всѣ свои силы, укрѣпляясь только надеждою на Бога и „на Него возложивъ печаль свою". Такъ именно трудясь, онъ и возмогъ совершить свой трудъ въ шесть-семь мѣсяцевъ и дождался радости видѣть оконченнымъ и переписаннымъ свой переводъ къ дню святаго Димитрія 26 октября. И то была величайшая радость, постижимая только для великихъ труженіковъ! Въ благоговѣйной радости святой труженикъ воздалъ похвалу и

---

[1]) Можетъ быть вопросъ: почему Меѳодій *ранѣе* не приступилъ къ выполненію своего труда, чтобы не возчувствовать потомъ необходимости вести его ускоренно, съ напряженіемъ? Конечно не потому, что до настоящаго времени онъ не имѣлъ мысли о полномъ переводѣ Библіи. Мысль эта, безъ сомнѣнія, давно была присуща ему, какъ и его брату. Но припомнимъ, что святымъ братьямъ, а потомъ одному Меѳодію долго приходилось защищать и тѣ переводы, которые были ими сдѣланы въ началѣ. Затѣмъ труды по архипастырству въ Моравіи, соединенные съ великими напастями, продолжали отдалять время для полнаго перевода Библіи. Между тѣмъ для этого перевода требовались и лучшіе греческіе списки библейскихъ книгъ, полученные Меѳодіемъ, по всей вѣроятности, уже во время послѣдняго пребыванія его въ Византіи, требовалось и болѣе глубокое изученіе славянскаго языка, съ особенностями его въ моравскомъ нарѣчіи, ибо переводъ *всей Библіи*, особенно книгъ *Ветхаго Завѣта*, представлялъ большія трудности, чѣмъ переводъ Новаго Завѣта въ его церковныхъ чтеніяхъ.

славу Богу, дающему такую благодать и *поспѣхъ* въ трудѣ; торжественно съ своимъ славянскимъ клиромъ совершилъ божественную литургію и службу въ память св. Димитрія Солунскаго. Эта память напомнила ему родной Солунь, гдѣ онъ нѣкогда праздновалъ ее съ св. братомъ, съ отцемъ и матерію, гдѣ впервые засвѣтилась въ его душѣ заря его благодатнаго призванія.

5. На какой славянскій языкъ переведена была Меѳодіемъ Библія? Много выше мы предположили, что переводъ церковныхъ чтеній изъ Евангелія и Апостола, совершенный св. Константиномъ въ Царьградѣ, совершенъ былъ — на языкъ юго-восточныхъ славянъ, какъ ближайшій къ языку и солунскихъ славянъ, знакомый тогда Константину и Меѳодію болѣе другихъ славянскихъ языковъ или нарѣчій и представлявшій черты языка или нарѣчія нѣсколько уже развитаго, съ начатками христіанской письменности на немъ (въ видѣ греческой транскрипціи). Въ слѣдъ затѣмъ мы предположили, что переводъ главныхъ церковныхъ службъ, совершенный въ Моравіи, долженъ былъ отражать черты славяно-моравскаго языка или нарѣчія. Теперь переводъ всей остальной Библіи, совершенный Меѳодіемъ въ Моравіи послѣ того, какъ онъ прожилъ здѣсь около 20 лѣтъ, и вполнѣ освоился съ славяно-моравскимъ языкомъ, долженъ былъ еще болѣе отразить на себѣ особенности этого языка, такъ что могъ быть названъ переводомъ на славяно-моравскій языкъ. Въ отношеніи къ этому-то переводу можно признать вѣрнымъ замѣчаніе, что онъ не сохранился, не дошелъ къ намъ, потому что въ самой Моравіи затерялся отъ преслѣдованій на славянскія книги и славянское богослуженіе, смѣнившіяся латинскими книгами и латинскимъ богослуженіемъ, а въ Болгаріи, куда онъ перешелъ подлинникомъ изъ Моравіи, былъ исправленъ приспособительно къ славяно-болгарскому языку[1]). Вообще если бы предпо-

[1]) Нѣкоторые изслѣдователи изъ филологовъ хотѣли найти въ рукописяхъ подлинный языкъ перевода св. братьевъ и приходили къ весьма разнообразнымъ

ложеніе о неодинаковости, по крайней мѣрѣ о неполной тожественности языка переводовъ, совершенныхъ св. братьями въ три разные моменты и при различныхъ условіяхъ, было признано правдоподобнымъ; то оно могло бы послужить къ объясненію и судьбы этихъ переводовъ, какъ въ Моравіи, Чехіи, такъ и другихъ славянскихъ земляхъ.

6. Не оставимъ безъ вниманія того, что говоритъ „Житіе“ о переписке Меѳодіева перевода. Предположивъ совершить переводъ *въ борзѣ*, ускоренно, Меѳодій и для переписки его посадилъ двухъ поповъ *борзописцевъ зѣло*. Это, конечно, слѣдуетъ понимать не такъ, что Меѳодій сперва самъ писалъ переводъ, а писцы переписывали набѣло, а такъ, что онъ только диктовалъ переводъ для переписки. Ибо, если бы было первое, то по всей вѣроятности не осталось бы неупомянутымъ въ Житіи *при рѣчи о переписк* перевода. Да и вообще Меѳодію, бывшему въ преклонныхъ лѣтахъ и ослабѣвшему физически, не въ пору было самому писать весь переводъ. Объ Оригенѣ извѣстно, что во время своихъ филологическихъ и экзегетическихъ трудовъ надъ текстомъ священнаго писанія онъ имѣлъ *семь переписчиковъ* для записыванія его словъ или диктовокъ, и еще семь другихъ, переписывавшихъ тоже *набѣло для общаю употребленія*.

выводамъ или предположеніямъ по этому предмету, указаннымъ нами выше. Другіе, выходя съ исторической точки зрѣнія, утверждаютъ, что поиски для открытія подлиннаго языка перевода св. братьевъ—напрасны и безнадежны, ибо переводъ дошелъ къ намъ уже въ передѣлкахъ болгарской, сербской и проч. Наше предположеніе нѣсколько отлично отъ обоихъ упомянутыхъ. Начальный Константиновъ переводъ довольно сохранился въ болгарской редакціи перевода; но Меѳодіевъ, какъ подпавшій большимъ исправленіямъ и передѣлкамъ въ Болгаріи, въ слѣдствіе бывшаго преобладанія въ немъ моравизмовъ, можетъ считаться утраченнымъ. Къ случайнымъ остаткамъ моравизма въ переводахъ обоихъ св. братьевъ относятъ взятые изъ западныхъ языковъ церковные термины, бывшіе у насъ въ употребленіи въ древнее время и отчасти уцѣлѣвшіе, каковы напримѣръ: комканіе (причащеніе отъ communicatio), алтарь отъ altare, цѣсарь, сокращенное потомъ въ царь, а также церковь—уже отъ нѣмецкаго kirche. Говорятъ, что эти термины заимствованы моравами изъ западныхъ языковъ, болгарами отъ моравовъ, а затѣмъ нами отъ тѣхъ или другихъ.

Тоже, конечно, слѣдуетъ предполагать и о переписчикахъ Меѳодія, изъ коихъ одинъ записывалъ диктуемый имъ переводъ, а другой переписывалъ набѣло послѣ того, какъ начальная, такъ сказать, черновая запись была выслушана Меѳодіемъ, провѣрена, исправлена. Трудъ Меѳодія былъ проще труда Оригена, и уже потому для начальной записи довольно было одного переписчика. Но бѣловыхъ списковъ требовалось бы конечно болѣе одного, чтобы ими могли пользоваться многіе. Но понятно, что найти многихъ переписчиковъ, да еще такихъ, которые бы борзо писали, Меѳодію было гораздо труднѣе, чѣмъ Оригену. Впрочемъ и одинъ переписчикъ, какъ *борзописецъ*, могъ успѣвать два раза переписывать сданную ему часть начальной, черновой записи, пока изготовлялась другая, слѣдующая часть ея, или тотъ же переписчикъ, который начально записывалъ диктовку Меѳодія, переписывалъ одинъ экземпляръ ея и набѣло. Какою грамотою переписывался переводъ Меѳодія? Для тѣхъ филологовъ, которые видятъ въ глаголицѣ *скоропись*, въ сравненіи съ кириллицею, выраженіе Житія о *борзописцахъ*, переписывавшихъ переводъ Меѳодія, могло бы служить поводомъ къ предположенію, что они писали глаголицею, какъ скорописью, что такая скоропись, хотя и трудная для чтенія, умѣстна была для списковъ библейскихъ книгъ, назначаемыхъ не для церковнаго, а для домашняго чтенія, слѣдовательно для чтенія *немногихъ лицъ* изъ болѣе грамотныхъ и образованныхъ. Мы не увлекаемся къ подобному предположенію, находя болѣе сообразнымъ и вѣроятнымъ, что и Меѳодіевъ переводъ переписывался тою же Кириллицею, какъ и начальный переводъ Константина, можетъ быть только съ нѣкоторыми начатками Кириллицы скорописной.

Наконецъ списокъ или списки библейскихъ книгъ, вышедшіе изъ рукъ переписчиковъ Меѳодіева перевода, представляли собою не одинъ цѣльный кодексъ или томъ, какъ теперь Библія у насъ, а нѣсколько такихъ томовъ. Ибо при тогдашнемъ образѣ письма, томъ, соединявшій всѣ книги, былъ бы

чрезмѣрно огромнымъ. Долго и потомъ въ древнее время видимъ, что книги Священнаго Писанія переписывались по нѣсколькимъ частямъ или отдѣламъ, какъ напр. Пятокнижіе, другія историческія книги, пророки и проч. Это обстоятельство имѣло послѣдствіемъ то, что одни отдѣлы книгъ переписывались чаще, другіе рѣже, одни сохранились болѣе, другіе менѣе. Естественно предполагать, что послѣ первой переписки переведенныхъ Меѳодіемъ библейскихъ книгъ, совершенной на его глазахъ, происходила въ Моравіи и новая переписка ихъ по всѣмъ или нѣкоторымъ отдѣламъ ихъ. Къ сожалѣнію не имѣется никакихъ извѣстій о томъ за все время Святополка, ни за послѣдующее время—до паденія моравской державы, положившаго конецъ и славянской книжности въ ней.

7. Послѣ перевода священныхъ книгъ Меѳодій перевелъ еще номоканонъ и нѣкорыя отеческія творенія. Было уже сказано, что греческіе подлинники номоканона и отеческихъ твореній онъ, въ лучшихъ спискахъ, могъ пріобрѣсть именно въ Царьградѣ, во время недавняго тамъ пребыванія. Мысль о переводѣ номоканона сама собою являлась у Меѳодія, какъ перваго архипастыря и устроителя самостоятельности моравской. Но весьма вѣроятно, что она была предметомъ и цареградскихъ бесѣдъ Меѳодія съ Фотіемъ, который въ данное время подготовлялъ свой номоканонъ, изданный имъ въ 883 г. Номоканонъ 883 г. есть послѣдняя, принадлежащая Фотію и наиболѣе полная редакція номоканона, бывшаго въ употребленіи гораздо ранѣе. Но кромѣ этого номоканона существовало и другое собраніе каноновъ (Συναγωγή κανόνων) Іоанна Схоластика, т. е. бывшаго адвоката или апокрисіарія антіохійской патріархіи при Константинопольскомъ дворѣ, потомъ Константинопольскаго патріарха (566—577). Собраніе это, по самому времени составленія его, было неполное, заключая только сводъ каноновъ апостольскихъ, четырехъ вселенскихъ и шести помѣстныхъ соборовъ и правилъ св.

Василія в., но также было во всеобщемъ употребленіи въ Греческой церкви одновременно съ номоканономъ, получившимъ въ послѣдней редакціи названіе Фотіева. Въ древнихъ славяно-русскихъ памятникахъ существуютъ оба номоканона, переводы которыхъ достались намъ отъ Болгаріи, продолжавшей переводы св. братьевъ, первоучителей славянскихъ. Отсюда возникаетъ вопросъ: какой номоканонъ переведенъ былъ Меѳодіемъ? Тотъ ли, который, существуя до 883 года, въ этомъ году былъ заново и полнѣе редактированъ Фотіемъ и сталъ извѣстенъ подъ именемъ Фотіева, или же номоканонъ Іоанна Схоластика? Большинство изслѣдователей полагаетъ, что Меѳодіемъ переведенъ былъ именно номоканонъ Іоанна Схоластика, существующій у насъ въ найболѣе древнемъ спискѣ XIII в., но по содержанію, составу и языку относимый къ самому началу славянской письменности. Это мнѣніе представляется довольно основательнымъ, но неизбѣжно возбуждаетъ слѣдующій вопросъ: когда Меѳодій былъ въ Царьградѣ въ 881—2 году, и здѣсь видывался и бесѣдовалъ съ Фотіемъ; то онъ, безъсомнѣнія, могъ узнать, что Фотій готовитъ новую болѣе полную редакцію номоканона,—ту, которая затѣмъ и вышла въ 883 году, и которая и въ прежней редакціи своей, существовавшей до 883 года, была *полнѣе* номоканона Іоанна Схоластика: почему же Меѳодій не избралъ перваго болѣе полнаго номоканона, а избралъ послѣдній, не полный? Не естественно ли предполагать, что и Фотій могъ рекомендовать Меѳодію для перевода тотъ номоканонъ, который самъ предпочелъ для своей новой редакціи, а не номоканонъ Іоанна Схоластика? И если было такъ, то почему Меѳодій не послѣдовалъ мнѣнію Фотія? Вообще почему Меѳодій предпочелъ избрат для перевода не тотъ номоканонъ, который предпочиталъ Фотій, избравшій его для своей новой редакціи, а другой—т. е. Схоластиковъ? Намъ кажется, что вопросъ этотъ не лишенъ значенія, и допускаетъ тотъ или другой, хотя и

предположительный отвѣтъ, отъ котораго впрочемъ мы воздерживаемся[1]).

Наконецъ, что касается „отеческихъ книгъ", избранныхъ Меѳодіемъ для перевода, то это, безъ сомнѣнія, были книги или избранныя творенія тѣхъ отцевъ, надъ переводами которыхъ трудились потомъ въ Болгаріи ученики св. Кирилла и Меѳодія, каковы особенно св. Григорій Богословъ, изъ отрочества любимый первымъ, св. Іоаннъ Златоустъ и другіе знаменитѣйшіе отцы. Надлежитъ думать, что при трудахъ по переводу отеческихъ книгъ Меѳодій имѣлъ себѣ въ своихъ ученикахъ пособниковъ уже не по одной перепискѣ перевода, а и по самому переводу, что упражненія въ переводѣ, происходившія на глазахъ и подъ руководствомъ Меѳодія, были для нихъ прекраснымъ подготовленіемъ къ дальнѣйшимъ этого рода трудамъ, совершеннымъ ими потомъ въ Болгаріи. Эти ученики и пособники Меѳодія были тѣ начальники хора (τοῦ χοροῦ κορυφαῖοι), о которыхъ говоритъ біографъ Климента и которые не одинъ разъ названы нами выше[2]). Такимъ образомъ труды св. Меѳодія по переводу

[1]) Съ мыслію о переводѣ Меѳодіемъ номоканона Іоанна Схоластика почти неразлучна мысль, что номоканонъ Фотіевъ былъ переведенъ въ Болгаріи, но еще *при жизни Меѳодія*. Ибо въ древнемъ славянскомъ переводѣ Фотіева номоканона недостаетъ того, что внесено въ этотъ номоканонъ самимъ Фотіемъ при послѣдней редакціи его *въ 883 году*, а именно правилъ соборовъ, бывшихъ при самомъ Фотіѣ: такъ называемаго двукратнаго 861 г. и собора 879 г. А это должно бы означать, что номоканонъ Фотіевъ переведенъ въ Болгаріи *до 883 г.* Если принять это предположеніе, то это значило бы, что въ Болгаріи начались *самостоятельные* переводы необходимыхъ книгъ съ греческаго не только до *прибытія сюда учениковъ Меѳодія изъ Моравіи, но даже при жизни Меѳодія*, скончавшагося 6 апр. 885 г.

[2]) Ссылаясь на извѣстіе біографа Климента о „начальникахъ хора" Горазда, Климентѣ, Наумѣ, Ангеларѣ и Саввѣ, преосвящ. Филаретъ (Кирилло-Меѳодіевскій Сборникъ, стр. 77) говоритъ: „отселѣ понятно, что въ переводѣ греческихъ книгъ на языкъ славянскій просвѣтители славянъ не были предоставлены самимъ себѣ, но имъ помогали избранные изъ учениковъ. Это тѣмъ болѣе несомнѣнно, что ученики, слѣдуя мыслямъ учителей, и по кончинѣ ихъ продолжали заниматься святымъ дѣломъ учителей своихъ". Это замѣчаніе представляется наиболѣе вѣрнымъ относительно пособничества учениковъ св. братьевъ при послѣднихъ переводныхъ трудахъ преклоннаго лѣтами Меѳодія.

Библіи, номоканона и отеческихъ книгъ, вмѣстѣ съ трудами св. брата его, легли въ основу христіанско-славянскаго просвѣщенія и славянской книжности.

8. Въ заключеніе всего сказаннаго о переводѣ Меѳодіемъ Библіи, номоканона и отеческихъ книгъ выскажемъ предположеніе о *годѣ*, въ которомъ совершенъ этотъ переводъ. По „Житію", Меѳодій приступилъ къ переводу по возвращеніи изъ Царьграда въ Моравію. А это возвращеніе, по высказаннымъ въ своемъ мѣстѣ соображеніямъ о началѣ и продолжительности путешествія Меѳодія въ Царьградъ и обратно, могло послѣдовать не ранѣе, какъ около половины 882 г. Слѣдовательно переводъ Библіи, совершенный начиная съ *марта* по 26 октября, могъ быть совершенъ въ 883 году. Въ остальные мѣсяцы 883 и первые 884 г. совершены остальные переводы[1]).

Путешествіе Меѳодія въ Царьградъ и совершенный имъ по возвращеніи изъ Царьграда переводъ библейскихъ и церковныхъ книгъ—событія столько важныя и особенныя въ жизни и дѣятельности Меѳодія, что необходимо возбуждаютъ вопросъ о томъ: не повліяли ли они на улучшеніе отношеній Святополка къ моравскому архипастырю, доселѣ не всегда безупречныхъ? Намъ представляется это весьма вѣроятнымъ. Если путешествіе Меѳодія въ Царьградъ предпринято было, какъ само собою подразумѣвается, не безъ вѣдома и согласія Святополка, то само собою подразумѣвается и то, что возвратившійся Меѳодій счелъ долгомъ явиться къ Святополку, чтобы дать ему отчетъ о своемъ пребываніи въ Царьградѣ при дворѣ императора. Святополкъ узналъ отъ Меѳодія о томъ, какой почетъ оказанъ былъ ему императоромъ—почетъ, который не могъ быть не лестнымъ и для Святополка, какъ государя страны, гдѣ архіепископствовалъ Меѳодій. Узналъ Святополкъ и о томъ, какъ щедро одарилъ императоръ моравскаго архіепископа, съ какою го-

[1]) Впрочемъ одно проложное сказаніе (Fontes rerum Boem. T 1. p. 70) относитъ переводъ Библіи къ 884 г.

тóвностію исполнилъ всѣ его просьбы, касавшіяся, какъ было пояснено, не другого чего либо, а именно нуждъ моравской церкви. Уже этого было достаточно, чтобы внушить Святополку бóльшее вниманіе и уваженіе къ Меѳодію. Но довольно вѣроятно, что послѣдній имѣлъ съ собой и принесъ Святополку и письмо отъ императора съ выраженіемъ дружественныхъ отношеній къ славному моравскому государю и съ просьбою оказывать покровительство Меѳодію и защиту отъ его враговъ изъ нѣмцевъ, а наконецъ съ какими либо предупрежденіями о томъ дѣлѣ, къ которому имѣлъ приступить Меѳодій по возвращеніи въ Моравію, т. е. новомъ переводѣ свящ. книгъ [1]). Затѣмъ само собою подразумѣвается, что переводъ Библіи, номоканона и Отеческихъ твореній, совершенный Меѳодіемъ по возвращеніи изъ Царьграда, не могъ остаться неизвѣстнымъ Святополку. Трудно представить, чтобы Меѳодій не счелъ долгомъ сказать ему объ этомъ трудѣ своемъ, представить ему экземпляръ перевода всей Библіи или части ея, чтобы онъ не сообщилъ ему о переводѣ Номоканона, имѣвшаго быть основою церковнаго законодательста въ государствѣ Святополка. Если „Житіе“ молчитъ объ этомъ, то или потому, что дѣло это, т. е. представленіе перевода государю, казалось обыкновеннымъ или потому, что Святополкъ, занятый гораздо болѣе войною и политикою, чѣмъ славянскою книжностію, не заявилъ ничѣмъ *особеннымъ* своей заинтересованности къ переводному труду Меѳодія, не бывъ въ этомъ отношеніи похожъ на Ростислава и Коцела. Но во всякомъ

[1]) Въ письмѣ къ Ростиславу, писанномъ при первомъ отправленіи св. братьевъ въ Моравію, императоръ Михаилъ считалъ себя въ правѣ давать наставленія моравскому князю о значеніи труда Константина по переводу священныхъ книгъ и т. под. Теперь императоръ Василій могъ считать себя въ правѣ обращаться съ просьбою или совѣтомъ къ Святополку, во первыхъ какъ императоръ, во вторыхъ, какъ благотворитель моравскаго архіепископа и слѣд. моравской церкви. Частнымъ поводомъ къ письму могло быть и то, что императоръ удержалъ у себя священника и діакона изъ спутниковъ Меѳодія, т. е. удержалъ *подданныхъ* моравскаго государя. Надо полагать, что онъ счелъ своею обязанностію объясниться съ Святополкомъ по этому обстоятельству, и именно чрезъ письмо.

случаѣ Святополкъ не могъ не почувствовать по крайней мѣрѣ *большаго уваженія къ Меѳодію*, совершившему такой великій трудъ на пользу моравской церкви и моравскаго народа.

Между тѣмъ, вскорѣ по возвращеніи Меѳодія изъ Царьграда послѣдовала важная перемѣна и въ политическихъ отношеніяхъ Святополка. Дотолѣ пріятель Арнульфа, герцога Каринтіи (Хорутаніи) и Паннониі, Святополкъ теперь находился въ ссорѣ съ нимъ, готовился къ войнѣ, которая и началась въ исходѣ 882 г.. Ближайшимъ поводомъ къ ссорѣ и войнѣ послужили междоусобія нѣмецкихъ графовъ Арибо и сыновей графа Энгельшалка, споривших изъ-за владѣнія Восточной Маркою (Австріею). Первый былъ признанъ въ правахъ владѣнія императоромъ Карломъ III Толстымъ, на сторонѣ послѣднихъ былъ Арнульфъ. Святополкъ вступился за Арибо по пріязни къ нему и непріязни къ сыновьямъ Энгельшалка, который, вмѣстѣ съ графомъ Вильгельмомъ, былъ въ свое время врагомъ Моравіи и Святополка. Арнульфъ и Святополкъ становились врагами, и послѣдній уже подозрѣвалъ перваго и въ томъ, что онъ содѣйствовалъ болгарамъ при ихъ вторженіи въ Моравію въ 883 году [1]). Вообще Святополкъ хотѣлъ воспользоваться раздорами нѣмцевъ въ интересахъ Моравіи съ видами на возвращеніе ей Паннониі, захваченной ими по смерти Коцела. Въ 883 г. Святополкъ, разбивъ нѣмецкое войско, жестоко расправился съ нѣкоторыми изъ нѣмецкихъ графовъ; а въ 884 г. вторгся далѣе въ Паннонію, нанесъ новое жестокое пораженіе нѣмцамъ и большое опустошеніе странѣ, наведя страхъ на самаго Арнульфа. Прибывшій въ Восточную Марку императоръ Карлъ Толстый, теперь уже обладатель всей Германіи, пожелалъ возстановить миръ и пригласилъ Свято-

[1]) По фульденской лѣт., Святополкъ посылалъ сказать Арнульфу, между прочимъ, слѣдующее: tui homines in vitam meam, nec minus in regnum meum, dolose cum Bulgaris conciliaverunt. Pertz, I, p. 400—401.

полка для переговоровъ въ Кенигштеттенъ. По Кенигштеттенскому миру, императоръ уступилъ Святополку нижнюю Панноніо (кромѣ графства Дудлейба), на что въ 885 г. долженъ былъ согласиться и Арнульфъ, доселѣ владѣвшій ею. Можно предполагать, что на независимый и смѣлый образъ дѣйствій Святополка съ 882 г. повліяли недавнія дружественныя сношенія съ нимъ византійскаго императора по поводу путешествія Меѳодія въ Царьградъ, придавшія моравскому государю самоувѣренность и напомнившія то время, когда Ростиславъ въ борьбѣ съ нѣмцами искалъ союза съ Византіею, и когда прибывшіе изъ нея Константинъ и Меѳодій являлись какъ бы и представителями такого союза. Но съ большею увѣренностію ставимъ мы слѣдующія предположенія: предположеніе *о посѣщеніи Меѳодіемъ Панноніи въ слѣдъ за возсоединеніемъ ея съ Моравіею по Кенигштеттенскому миру 884 г.* Меѳодію дорога была Панноніа по воспоминаніямъ о Коцелѣ, о начальномъ служеніи своемъ въ ней въ званіи епископа. Со времени захвата ея нѣмцами въ 874 г. около десяти лѣтъ не видѣлъ ея Меѳодій и за это время дѣло Меѳодія и славянства, безъ сомнѣнія, много здѣсь пострадало: славянское духовенство было въ загонѣ, славянское богослуженіе подорвано (хотя, конечно, и не уничтожено). А въ минувшую войну она потерпѣла жестокое разореніе и бѣдствія отъ самой этой войны. Можно ли думать, чтобы добрый пастырь не пожелалъ посѣтить этой области своего діоцеза, чтобы увидѣть нынѣшнее состояніе ея, ободрить славянское духовенство, въ которомъ конечно были еще ученики его и св. брата его, нѣкогда данные имъ въ обученіе Коцеломъ, возстановить упадавшее славянское богослуженіе и вообще церковный порядокъ и наконецъ утѣшить свою паству послѣ испытанныхъ ею страданій? Все это онъ и дѣлалъ, когда посѣтилъ Панноніо [1]).

---

[1]) Правда, „Житіе“ не говоритъ объ этомъ посѣщеніи Панноніи Меѳодіемъ, но оно не говоритъ о нѣкоторыхъ другихъ очень важныхъ обстоятель-

Съ обстоятельствами *весьма вѣроятнаго* посѣщенія Меѳодіемъ Паннонiи находилось, какъ полагаемъ, въ связи еще одно обстоятельство, несомнѣнно извѣстное, но не вполнѣ уясняемое безъ этой связи: это осужденіе или отлученіе Вихинга. Объ этомъ обстоятельствѣ имѣются два свидѣтельства: одно въ письмѣ папы Стефана V къ Святополку отъ 885 г., другое въ житіи Климента Бѣлицкаго[1]). Изъ письма папы Стефана слѣдуетъ заключать, что отлученіе послѣдовало *незадолго до кончины Меѳодія*. Слѣдовательно не ранѣе 2 пол. 884 г. или нач. 885 г.[2]). Вихингъ давно заслуживалъ строгой духовной кары, какъ лжецъ и клеветникъ на своего архіепископа,

---

ствахъ его жизни, которыя однакоже *несомнѣнно извѣстны*, какъ напр. о путешествіи его въ Римъ въ 879—880 г. Мы, конечно, не можемъ довольно уяснить себѣ, почему Житіе умалчиваетъ о тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ жизнеописуемаго. Но умолчаніе это едвали во всѣхъ случаяхъ было только случайнымъ; въ нѣкоторыхъ оно могло быть и намѣреннымъ, сознательнымъ, такъ что авторъ „Житія“ находилъ *неудобнымъ* говорить о томъ или другомъ обстоятельствѣ. Такъ онъ могъ находить неудобнымъ говорить о путешествіи Меѳодія въ Римъ въ 879—880 г. потому, что тутъ пришлось бы говорить о небезупречномъ образѣ дѣйствій самаго Святополка, причастнаго обвиненіямъ въ неправовѣріи Меѳодія, занесеннымъ въ Римъ. О посѣщеніи Меѳодіемъ Паннонiи въ 884 г. жизнеописатель могъ не говорить потому, что пришлось бы говорить о встрѣченной здѣсь Меѳодіемъ картинѣ страшнаго разоренія, нанесеннаго странѣ при вторженіяхъ въ нее Святополка во время войны 883—884 г.

[1]) О письмѣ папы Стефана V, подлинность котораго прежде отрицалась а теперь признается большинствомъ изслѣдователей, будетъ рѣчь въ другомъ мѣстѣ. Въ письмѣ не говорится *прямо* объ анаѳемѣ на Вихинга, а какъ бы только объ анаѳемѣ на исповѣдующихъ filioque; но прямо говорится объ этомъ въ Житіи Климента: „и нѣкоего Вихинга, нанесеннаго ересію и усиливавшагося и другихъ напоить, Меѳодій предалъ сатанѣ съ скопищемъ безумствующихъ единомышленниковъ его (Вихинга). Ap. Migne. Patr. Graec. t. 126, p. 1208. Да и само собою понятно, что Меѳодій могъ произносить отлученіе не на всю западную церковь или нѣмецкую іерархію, усвоившую нопаторскую ересь, а на тѣхъ, которые принадлежали къ его архіепископскому діоцезу и здѣсь именно усиливались утвердить символъ съ filioque, что только и могъ дѣлать Вихингъ съ своими единомышленниками и сообщниками.

[2]) Письмо папы представляетъ Меѳодія еще живымъ, слѣд. писано тогда, когда еще не знали въ Римѣ о смерти Меѳодія; о проклятіи, произнесенномъ Меѳодіемъ на искажающихъ символъ, письмо говоритъ, какъ о дѣлѣ недавнемъ слѣд. имѣвшемъ мѣсто незадолго до кончины Меѳодія. Подробнѣе скажется объ этомъ въ другомъ мѣстѣ при рѣчи о письмѣ папы Стефана.

изобличенный еще въ 881 г. Какъ уже знаемъ, папа Іоаннъ VIII предполагалъ произвести въ Римѣ судъ между имъ и Меѳодіемъ, для чего вызывалъ обоихъ въ Римъ. Судъ этотъ не состоялся, и Вихингъ оставался безнаказаннымъ. Почему же теперь Меѳодій счелъ нужнымъ и нашелъ для себя возможнымъ произнесть отлученіе на Вихинга и его сообщниковъ? Поводомъ къ тому были, какъ думаемъ, обстоятельства, открывшіяся при посѣщеніи Меѳодіемъ возсоединенной съ Моравіею Панноніи. Опираясь на Арнульфа, которому она доселѣ была подвластна, Вихингъ, интригантъ и заклятый врагъ Меѳодія и славянства, какъ само собою понятно, не опустилъ возможности вторгаться въ церковныя дѣла Панноніи, злоупотребляя своею властію, какъ нитранскаго епископа. Самъ или чрезъ своихъ сообщниковъ онъ старался подорвать въ ней власть Меѳодія, вытѣснять славянское духовенство, подрывать славянское богослуженіе, вводить символъ съ filioque и т. п. Послѣднее обстоятельство болѣе всего давало Меѳодію право произнесть проклятіе на Вихинга и его сообщниковъ или агентовъ въ Панноніи. Ибо это было проклятіе за ересь, за ея распространеніе и для защиты православнаго символа, при чемъ Меѳодій могъ ссылаться и на то, что самъ Римъ при папѣ Іоаннѣ VIII высказался въ защиту православнаго символа. Такимъ образомъ не чувство гнѣва или мести, чуждое кроткой душѣ Меѳодія, побудило его наконецъ изречь отлученіе Вихингу и его сообщникамъ, а ревность по вѣрѣ и о благѣ славянской церкви въ Панноніи, гдѣ усиливался сѣять ересь и причинялъ смуты Вихингъ во время нахожденія Панноніи подъ властію Арнульфа, и гдѣ теперь Меѳодій лично увидѣлъ слѣды этихъ дѣяній Вихинга. Но чувствуя необходимость строгой кары послѣднему и его сообщникамъ, Меѳодій теперь именно чувствовалъ для себя и возможнымъ употребить ее. Прежде Вихингъ имѣлъ опору въ Святополкѣ, при посредствѣ дружнаго съ нимъ Арнульфа. Но война 883—884 г. разстроила дружбу послѣднихъ. Неизвѣстно, какъ держалъ себя Ви-

хингъ во время этой войны. Можетъ быть, какъ опытный интриганъ, онъ двоедушничалъ, но во всякомъ случаѣ не могъ пользоваться прежнимъ расположеніемъ Святополка, непріязнь котораго къ Арнульфу должна была перейти и на Вихинга, какъ его креатуру. Понятно, теперь Меѳодій не встрѣчалъ со стороны Святополка препятствій къ проявленію законныхъ правъ своей архіепископской власти по отношенію къ Вихингу и его сообщникамъ, вполнѣ заслужившимъ постигшую ихъ духовную кару своими дѣйствіями въ Панноніи, на которыя Меѳодій, безъ сомнѣнія, не преминулъ указать Святополку. Вообще, задумавъ и потомъ успѣвъ возвратить подъ свою власть Паннонію, Святополкъ долженъ былъ сознать, что политическое объединеніе Панноніи съ Моравіею можетъ только укрѣпиться чрезъ объединеніе церковное подъ властію общаго моравско-паннонскаго архіепископа, подъ вліяніемъ народнаго славянскаго духовенства и славянскаго богослуженія. Такимъ образомъ борьба съ нѣмцами и дѣло паннонское, оживляя въ Святополкѣ сознаніе тожества политическихъ интересовъ его государства съ интересами Славянской церкви, представителемъ которыхъ былъ Меѳодій, должны были повліять на скрѣпленіе добрыхъ отношеній между моравскими государемъ и архіепископомъ. Признаки большаго сближенія между ними нѣкоторые изслѣдователи не безъ основанія видятъ въ томъ обстоятельствѣ, что 29 іюня 884 г. Святополкъ присутствовалъ на торжествѣ освященія церкви св. ап. Петра и Павла въ г. Брнѣ, совершеннаго Меѳодіемъ при несмѣтномъ собраніи народа, что Святополкъ бывалъ даже жертвователемъ на храмы, созидаемые и освящаемые Меѳодіемъ [1]).

---

[1]) Свидѣтельство объ освященіи церкви въ Брнѣ, уже упомянутое нами выше, находится въ донесеніи райградскаго препозита (благочиннаго) пражскому епископу Северу отъ 1062 г., съ поясненіемъ, что оно выписано первымъ изъ старой церковной книги въ слѣдующихъ словахъ: Anno ab incarnatione Domini nostri Iesu Christi 884 consecrata est haec (Brunensis) ecclesia in honorem beatorum Petri et Pauli, principum Apostolorum Dei per reverendissimum

Къ концу жизни Меѳодія „Житіе“ относитъ одно интересное событіе, эпизодическій разсказъ о которомъ и есть предпослѣдній изъ разсказовъ Житія, переходящаго затѣмъ къ разсказу о послѣднихъ дняхъ и кончинѣ Меѳодія. „Пришедшу же на страны дунайскія королю Угорскому, восхотѣ и (его—Меѳодія) видѣти. И нѣкіимъ глаголющимъ и помышляющимъ, яко не избудетъ его безъ муки, иде къ нему. Онъ же, яко достоитъ владыцѣ, тако и пріятъ честно и славно съ веселіемъ, и побесѣдовавъ съ нимъ, якоже достояше тацѣма мужева бесѣды глаголати, отпусти его, съ любовію и облобызавъ, съ дары великими, рекъ ему: помяни мя, честный отче, въ святыхъ молитвахъ твоихъ присно“.

Большинство изслѣдователей заподозриваетъ или совсѣмъ отвергаетъ достовѣрность этого разсказа Житія. Указываютъ на хронологическую несообразность разсказываемаго событія. Говорятъ: первое появленіе угровъ у Дуная и притомъ еще только у *нижняго* Дуная относится къ 885 г., а дальнѣйшее движеніе ихъ въ придунайскія страны—къ предѣламъ Болгаріи, Панноніи и Моравіи относится еще къ *болѣе позднему времени*, а именно къ періоду съ 889 по 907 годъ, въ которомъ они окончательно завоевали послѣднія двѣ страны. Такимъ образомъ при жизни Меѳодія, скончавшагося 6 апр. 885 года, угровъ еще не бывало въ той

---

in Christo Patrem Methodium, archiepiscopum Moravensem, ipso eorum festi die dicato, ac prima ejus dos in Brne et Luze confirmabatur scripti tenore, coram Zvatopleh, duce glorioso, et populo illegibili (См. у г. Лавровскаго, Кириллъ и Меѳодій, стр. 448—449). Было упомянуто также, что свидѣтельство это приводятъ въ связь съ разсказомъ Меѳодіева Житія о томъ, что во время одной войны Святополка *съ погаными*, Меѳодій увѣщевалъ его прибыть съ войскомъ къ литургіи въ день св. Петра, обѣщая побѣду, „еже и бысть“. Думаемъ, что Житіе и запись говорятъ не объ одномъ и томъ же обстоятельствѣ, а двухъ обстоятельствахъ, сходныхъ въ одномъ, но различныхъ въ другомъ отношеніи. Въ первомъ случаѣ (въ разсказѣ Житія) Меѳодій долженъ былъ увѣщевать Святополка—прибыть къ литургіи на день св. Петра; во второмъ (въ извѣстіи записи) Святополкъ, повидимому, самъ пожелалъ прибыть на праздникъ, соединившійся съ торжествомъ освященія новой церкви, построенной при его содѣйствіи.

придунайской и близкой къ Моравіи странѣ, куда будто бы ходилъ Меѳодій по приглашенію угорскаго *короля*, пожелавшаго видѣть его. Да и не было и не могло быть во время Меѳодія никакого *короля* у угровъ, какимъ сталъ у нихъ уже только христіанскій князь Стефанъ, жившій вѣкомъ позже. Невѣроятнымъ представляется изображаемое въ разсказѣ христіанское обращеніе угорскаго короля съ Меѳодіемъ въ такое время, когда угры были еще дикою, языческою ордою. По этимъ и другимъ соображеніямъ въ разсказѣ Житія видятъ легенду поздвѣйшаго происхожденія, вставочность которой изобличается самимъ мѣстомъ ея въ Житіи. Легендарный разсказъ этотъ стоитъ къ концу, отрывочно и безъ связи съ другими разсказами Житія [1]). Но были и есть изслѣдователи, считавшіе разсказъ Житія правдоподобнымъ и даже достовѣрнымъ, причемъ нѣкоторые старались и защитить его отъ возраженій, выяснить кажущіяся несообразности въ немъ, но измѣняя въ томъ или другомъ характеристическія черты его [2]). Съ своей стороны

[1]) Въ такомъ смыслѣ стали формулироваться возраженія противъ достовѣрности разсказа еще со времени А. Горскаго, защитника общей достовѣрности Житій Константина и Меѳодія. Впрочемъ Горскій выражается еще нѣсколько сдержанно, замѣчая, что данное сказаніе изъ Житія Меѳодія не имѣетъ „такой несомнѣнности, какую имѣютъ прочія части повѣствованія“ (Житія Кирилла и Меѳодія въ Кирилло-Меѳод. Сборникѣ стр. 40. пр. 37). Другіе выражаются уже рѣшительнѣе. Г. Бильбасовъ прямо говоритъ: съ именемъ Меѳодія легенды связываютъ разсказъ о посѣщеніи имъ венгерскаго короля въ землѣ придунайской, разсказъ, въ которомъ Меѳодій *не могъ быть дѣйствующимъ лицемъ* (Ст. „Кириллъ и Меѳодій“ въ „Нови“ ib. стр. 432). Вороновъ, „признавая разсказъ *вполнѣ легендарнымъ*, старается только выяснить вліянія, подъ коими образовался онъ въ позднѣйшее время“. (Главнѣйшіе источники для исторіи свв. Кирилла и Меѳодія, стр. 95—96. Тутъ же ссылки и на другихъ изслѣдователей, признающихъ этотъ разсказъ болѣе или менѣе невѣроятнымъ). Въ слѣдствіе такого недовѣрія къ разсказу нѣкоторые изслѣдователи Житій св. Кирилла и Меѳодія, какъ напр. преосв. Филаретъ (статья его въ „Кирилло-Меѳодіевскомъ Сборникѣ“), совсѣмъ опускали этотъ разсказъ, даже не подвергая его критическому разбору.

[2]) За достовѣрность разсказа высказались Шафарикъ, Рачкій, Палацкій (Fontes rerum Boemic. I, p. 51). Дюмлеръ (Geschichte des Ostfränkischen Reiches, Band. II. p. 440. Berlin. 1865 г.), г. Голубинскій (св. Константинъ и Меѳодій, первоучители славянскіе. Москва. 1885. стр. 41).

мы здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, стоимъ за полную достовѣрность Житія въ данномъ разсказѣ его и полагаемъ, что, при надлежащемъ освѣщеніи, разсказъ этотъ откроетъ намъ очень интересное и характеристическое явленіе въ жизни Меѳодія, имѣвшее мѣсто незадолго до его кончины. Въ разъясненіяхъ по этому предмету необходимо коснуться, хотя въ общихъ чертахъ, и самой исторіи угровъ, ихъ разселеній и передвиженій до того момента, когда послѣдовало разсказываемое Житіемъ событіе, пріурочиваемое имъ къ *концу жизни Меѳодія*, т. е. *къ одному изъ послѣднихъ годовъ или мѣсяцевъ его жизни* [1]).

1. Угры, народъ финскаго происхожденія съ примѣсью тюркскаго, выселились изъ своей родины—сѣвернаго пріуралья на юго-западъ въ предѣлы Россіи, между Дономъ и Днѣпромъ, въ мѣстности, приблизительно опредѣляемой предѣлами губерній тамбовской, харьковской и смежныхъ. Это переселеніе относятъ одни къ концу VII вѣка, другіе, съ бо́льшею вѣроятностію, къ началу IX в. А мѣстность, гдѣ были главнѣйшія населенія ихъ, извѣстна *потомъ* у византійцевъ (Константина Порфирогенета) подъ названіемъ *Лебедіи*, произшедшимъ будтобы отъ славнаго воеводы угорскаго Лебедіаса, современника Меѳодія [2]). Въ новыхъ мѣ-

---

[1]) Капитальнымъ изслѣдованіемъ, касающимся начальной исторіи угровъ, долженъ быть признанъ въ нашей исторической литературѣ трудъ К. Я. Грота: „Моравія и Мадьяры съ пол. IX до начала X в. Спб. 1881 г.“ Обширный запасъ источниковъ и притомъ весьма разносторонникъ, критическій разборъ извѣстій, ими сообщаемыхъ, даютъ убѣдительность сужденіямъ и выводамъ автора, вообще интереснымъ и цѣннымъ. Несовсѣмъ понятно намъ только одно обстоятельство въ названномъ трудѣ. Собирая отовсюду и подвергая обстоятельному разбору извѣстія объ уграхъ, объ ихъ разселеніяхъ на югѣ Россіи и въ придунайскихъ странахъ, ихъ отношеніяхъ къ хазарамъ, славянамъ, и проч., приводя въ частности извѣстіе „Житія Константина“ объ уграхъ, авторъ совсѣмъ умалчиваетъ объ извѣстіи, сообщаемомъ въ Житіи Меѳодія. Если это не случайный пропускъ, то онъ можетъ давать предположеніе о недовѣріи автора къ послѣднему извѣстію.

[2]) Извѣстія Константина Порфирогенета о Лебедіи и Лебедіасѣ приводятся ниже.

стахъ своихъ поселеній угры оказались въ сосѣдствѣ съ хазарскими владѣніями и поселеніями славянъ, и—отсюда ранняя связь ихъ съ хозарами и славянами и полузависимыя отношенія къ первымъ, какъ сильнѣйшимъ и имѣвшимъ у себя начатки государственнаго устройства. Угры участвуютъ въ войнахъ хазаръ, въ качествѣ ихъ союзниковъ, подручниковъ и по собственной, свойственной кочевникамъ, наклонности къ хищническимъ набѣгамъ, какіе дѣлали они иногда и на самыхъ хазаръ, также и на славянъ. Довольно долго (по словамъ Порфирогенета именно до упомянутаго Лебедіаса) угры, раздѣленные на особыя орды или поколѣнія, не представляли политическаго союза, не имѣли общихъ вождей или князей [1]). По такому характеру своего быта и по тойже, свойственной кочевникамъ, наклонности къ передвиженіямъ и хищническимъ набѣгамъ, отдѣльныя орды или отряды угровъ, отрываясь отъ другихъ, увлекаются въ болѣе далекія передвиженія и достигаютъ Дуная еще въ концѣ 40-хъ годовъ IX в. Извѣстія о томъ встрѣчаются въ хроникахъ продолжателя Георгія Амартола и Льва грамматика (или вѣрнѣе Симеона Логоѳета), въ разсказѣ о дѣлѣ 12 тысячъ македонскихъ грековъ (или греко-славянъ) съ болгарами въ 838—839 г. Находясь съ 814 г. въ плѣну у болгаръ, македонцы рѣшились, съ помощію византійскаго правительства, силою переправиться чрезъ Дунай на родину, отразили болгаръ, хотѣвшихъ помѣшать имъ, а болгаре призвали къ себѣ на помощь угровъ (называемыхъ здѣсь также гуннами и турками), которые впрочемъ, какъ хищные кочевники, готовы были не мѣшать македонцамъ подъ условіемъ отдачи имъ послѣдними своихъ имуществъ, но встрѣтили отказъ и затѣмъ пораженіе [2]). Важное зна-

[1]) Противорѣчащее этому арабское извѣстіе Ибнъ-Дасты (цитуемое у К. Я. Грота) относится къ позднѣйшему времени, когда и по словамъ Порфирогенета у угровъ уже возникли главные воеводы.

[2]) Разсказъ этотъ, не чуждый нѣкоторой запутанности въ отдѣльныхъ чертахъ, со всею обстоятельностію разобранъ въ упомянутомъ сочиненіи К. Я.

ченіе этого извѣстія состоитъ для насъ въ томъ, что оно говоритъ о раннемъ появленіи небольшой орды угровъ въ *придунайской странѣ*, и именно *еще въ 838—839 г.*, даже вмѣшательствѣ ихъ въ дѣла народовъ этихъ странъ, вообще о знакомствѣ съ ними. Чрезъ 20 съ небольшимъ лѣтъ встрѣчаемъ другое еще болѣе важное для насъ извѣстіе объ уграхъ въ Крыму. Это извѣстіе „Житія" Константина [1]). Сказавъ о посѣщеніи Константиномъ, на пути изъ Херсона въ Хазарію, хазарскаго воеводы, который собирался осаждать какой-то христіанскій городъ въ Крыму, но, внявъ словамъ Константина, оставилъ свое намѣреніе и даже обѣщалъ креститься, Житіе продолжаетъ: „возвратися же философъ въ свой путь и въ первый часъ молитву творящу ему, нападоша нань Угри, яко волчески вьюще и хотяще и (его) убити. Онъ же не ужасеся, ни остави своея молитвы, во куріе елейсонъ токмо зовый, бѣ бо окончилъ уже службу. Они же узрѣвше, по Божію повелѣнію, укротиша и начаша кланятися ему, и слышавше учительныя словеса изъ устъ его, отпустиша и (его) *со всею дружиною*". Эти Угры могли попасть въ Крымъ не иначе, какъ въ качествѣ союзниковъ или подручниковъ хазаръ, можетъ быть въ качествѣ вспомогательнаго отряда при отрядѣ хазарскаго воеводы, на возвратѣ отъ котораго именно и встрѣтилъ ихъ Константинъ. Благосклонный пріемъ послѣдняго хазарскимъ воеводой необходимо повліялъ и на укрощеніе ихъ предъ Константиномъ, какъ скоро они свѣдали, что это посолъ отъ императора къ хазарскому кагану, почтительно

Грота (стр. 220—234), съ поясненіями (на основаніи изслѣдованій профессора г. Васильевскаго) и относительно хроники Льва Грамматика, какъ собственно хроники Симеона Логоѳета.

[1]) Выше говоря объ обстоятельствахъ хазарской миссіи Константина, мы только въ короткѣ повторили разсказъ Житія о встрѣчѣ его съ уграми въ Крыму, не имѣя тогда повода останавливаться на немъ долѣе, ибо этотъ разсказъ не подпадаетъ такимъ возраженіямъ относительно достовѣрности его, какъ разсказъ Житія Меѳодія о посѣщеніи имъ угорскаго князя въ странѣ придунайской.

принятый хазарскимъ воеводой, и затѣмъ услышали учительное слово св. мужа, способное, какъ показываютъ примѣры, вліять и на варваровъ. Вмѣстѣ съ Константиномъ, безъ всякаго сомнѣнія, видѣлъ этихъ угровъ находившійся съ нимъ въ миссіи Меѳодій и конечно сохранилъ въ своей памяти эту встрѣчу и этотъ кроткій пріемъ Константина и дружины его уграми, какъ сохранилъ и бывшія потомъ пренія св. брата у хазарскаго кагана. И такъ ок. 861 г., года хазарской миссіи св. братьевъ, были угры, которые благодаря своему сосѣдству и общенію съ хазарами, имѣли случай видѣть и слышать христіанскаго учителя, видѣть его именно въ лицѣ Константина, съ которымъ былъ и его братъ. Еще чрезъ 20 съ небольшимъ лѣтъ въ судьбѣ угровъ произошла важная перемѣна. Нахлынувшая изъ-за Дона новая орда азіатскихъ кочевниковъ печенѣговъ, устремилась на угровъ, которыя принуждены были оставить Лебедію и двинуться далѣе за Днѣпръ къ низовьямъ его и Дуная и здѣсь поселились въ мѣстности, получившей названіе *Ателъ-Кузу*, между низовьями этихъ рѣкъ, а опредѣленнѣе между Бугомъ и Серетомъ въ нынѣшней Бессарабіи и частію Молдавіи. Вообще признается что это переселеніе угровъ въ Ателъ-кузу послѣдовало не позже 884—885 г.[1]). Существуетъ полная возможность полагать и

[1]) Изслѣдователи выражаются вообще *около 884* или *885* г. (*Дриновъ*, „Южные славяне и Византія въ X в.“ стр. 7; *Иречекъ*, „Исторія Болгаръ“, перев. Бруна и Палаузова, стр. 201; *Бестужевъ-Рюминъ*, Русск. Ист. 68). А г. Гротъ, указывая въ одномъ мѣстѣ на 885 г., какъ приблизительный, въ другомъ оговаривается такъ: „переселеніе угровъ въ страну, называемую Константиномъ (Порфирогенетомъ) Ателькузу, должно быть отнесено по нашему мнѣнію, *къ 80-мъ годамъ IX в. Для болѣе точнаго опредѣленія времени рѣшительно нѣтъ данныхъ*“. Съ *конца 80-хъ и началъ 90-хъ гг.* Угры на столько извѣстны въ Византіи и на Западѣ, что царь Левъ Философъ призываетъ ихъ на войну противъ Болгаръ, а западный императоръ Арнульфъ—противъ Святополка, что объ нихъ говорятъ западные анналисты, напр. Регино подъ 889 г. Такую извѣстность угры могли пріобрѣсть не иначе, какъ поселившись въ близости отъ Дуная *ранѣе конца 80-хъ гг.*, но ранѣе *не намного*, потому что о нихъ говорятъ (Левъ Философъ и Регино) какъ о народѣ, *недавно* здѣсь появившемся.

то, что передовая волна этого движенія угровъ, по свойственной кочевникамъ легкости передвиженій, подвинулась *тогдаже* и далѣе Атель-Кузы,—въ страны у средняго теченія Дуная къ предѣламъ Паннонiи. Основательно слѣдующее замѣчаніе К. Я. Грота: „отдѣльные отряды угровъ, *вскорѣ по прибытіи ихъ въ придонскую степь, продолжали движеніе на югъ и юго-западъ*, располагаясь своими вѣжами то тутъ, то тамъ, гдѣ позволяли обстоятельства и природныя условія, и совершая въ тоже время грабительскіе набѣги въ разныя стороны. Отъ того-то они такъ рано (въ первой полов. IX в.) появляются уже на нижнемъ Дунаѣ и за тѣмъ на Крымскомъ полуостровѣ". Если такъ было въ полов. IX в. и нѣсколько позже, то такъ было и теперь въ 80-хъ годахъ тогоже вѣка. Если въ половинѣ IX в. угры изъ придонской степи являлись уже на нижнемъ Дунаѣ, то нѣсколькими десятками лѣтъ позже они могли быть на *среднемъ теченіи его*. Могло быть это и независимо отъ натиска на нихъ печенѣговъ 884—885 г.; еще болѣе могло быть въ слѣдствіе этого натиска, послѣдовавшаго въ это время или къ этому времени. Имѣя за плечами печенѣговъ, угры не чувствовали себя безопасными отъ нихъ и въ Атель-Кузу (изъ которой чрезъ нѣсколько лѣтъ дѣйствительно выгнали ихъ печенѣги) и должны были развѣдывать о странахъ для дальнѣйшаго передвиженія, т. е. о странахъ у средняго Дуная, а слѣдовательно и побывать здѣсь, чтобы повидѣть эти страны, повидѣть людей или населеніе ихъ. Такимъ образомъ существуетъ полная возможность допустить нахожденіе угорскаго вождя съ своимъ отрядомъ въ той придунайской странѣ по близости отъ паннонско-моравскаго діоцеза, о которой говоритъ Житіе Меѳодія по поводу посѣщенія имъ угорскаго князя. Но если при полной вѣроятности такого нахожденія имѣется *положительное свидѣтельство* о томъ такого древняго, близкаго къ событію источника, какъ Житіе, источника во всѣхъ другихъ случаяхъ достовѣрнаго, то не только не можетъ быть мѣста сомнѣнію относительно достовѣрности свидѣтельства, но это свидѣтель-

ство должно быть принято какъ весьма важное *восполненіе* другихъ свидѣтельствъ, какъ свидѣтельство, имѣющее самостоятельное значеніе, какъ свидѣтельство первой руки [1]).

2. Названіе *король*, усвояемое Житіемъ угорскому вождю или князю, и христіанское обращеніе его съ Меѳодіемъ также не могутъ служить основаніемъ къ сомнѣнію въ достовѣрности разсказа. Шафарикъ, защищая разсказъ, высказалъ предположеніе, что слово король могло быть въ спискахъ Житія позднѣйшею поправкою слова князь, которая, предполагается, могла быть сдѣлана тогда, когда угорскіе государи въ Панноніи пріобрѣли титулъ королевскій (со времени св. Стефана, современника нашего св. Владиміра). Это дѣйствительно могло быть, какъ бывало и въ другихъ подобныхъ случаяхъ. Но, думается намъ, можетъ быть и другое предположеніе. Житіе Меѳодія называетъ въ одномъ мѣстѣ королемъ и Святополка, который въ дѣйствительности имъ не былъ или, если былъ, то не тогда, когда Житіе усвояетъ ему этотъ титулъ. Наши книжники Кіевскаго періода иногда прилагаютъ выраженія царь, цѣсарь, царскій и къ князьямъ русскимъ этого періода. А Иларіонъ называетъ св. Владиміра *каганомъ*, по хазарски. Авторъ

---

[1]) Почти всѣ свидѣтельства объ уграхъ до водворенія ихъ въ Панноніи имѣютъ характеръ *случайныхъ*, выступающихъ по какому либо поводу. Такъ свидѣтельство объ участіи ихъ въ дѣлѣ македонцевъ съ болгарами въ 838—839 г сообщается по поводу разсказа о молодыхъ лѣтахъ и воспитаніи императора Василія Македонянина, находившагося въ числѣ тѣхъ македонцевъ. Объ уграхъ въ Крыму говорится по поводу хазарской миссіи Константина и встрѣчи его съ уграми. Менѣе зависимъ отъ случайныхъ поводовъ разсказъ Константина Порф. о переселеніи угровъ въ Ателькузу. Но онъ говоритъ только то, что имѣлъ случай узнать и слышать. Могъ онъ не знать о передвиженіи угровъ и далѣе Ателькузы, послѣдовавшемъ приблизительно въ одно и тоже время, какъ и приходъ въ Ателькузу. А авторъ Житія имѣлъ *свой поводъ* сказать объ угорскомъ князѣ, зашедшемъ съ своею ордою далѣе Ателькузы еще при жизни Меѳодія.

Житія Меѳодія, бывшій или живавшій на *западѣ*, могъ назвать угорскаго князя королемъ, по западному термину, какъ высшему для обозначенія государя. Скажемъ болѣе: онъ видимо *хотѣлъ* почтить и возвеличить угорскаго князя за его весьма благосклонное, почтительное, христіанское обращеніе съ Меѳодіемъ и разумныя бесѣды съ нимъ. Самое же это христіанское обращеніе, закончившееся даже прошеніемъ молитвъ Меѳодія, также не представляетъ чего либо со всѣмъ необычнаго. Припомнимъ, какъ обошлись съ Константиномъ угры въ Крыму, когда они могли быть болѣе дики, чѣмъ теперь. Припомнимъ обращеніе монгольскихъ хановъ съ нѣкоторыми изъ нашихъ святителей, у которыхъ они просили и молитвъ, а также литовскихъ *языческихъ* князей съ христіанами и хр. пастырями. Язычники вообще вѣротерпимы и наклонны оказывать почтеніе къ служителямъ другихъ религій, въ слѣдствіе свойственнаго язычеству представленія, что всѣ религіи отъ Бога, что божества всѣхъ странъ и народовъ имѣютъ свою силу, слѣд. имѣютъ силу и молитвы ихъ служителей. Такимъ образомъ и угорскій князь, будучи язычникомъ, но княземъ разумнымъ, какимъ представляетъ его Житіе, могъ обойтись съ Меѳодіемъ такъ, какъ обошелся, тѣмъ болѣе, что увидѣлъ въ немъ мужа святаго, и услышалъ его мудрое слово. Думаемъ, что совокупность представленныхъ соображеній относительно хронологической постановки и характера разсказа Житія о посѣщеніи Меѳодіемъ угорскаго князя въ придунайской странѣ даетъ намъ полное право повторить замѣчаніе Дюмлера: der Glaubwürdigkeit dieser Nachricht steht nichts im Wege.

3. Но какъ скоро утверждена достовѣрность разсказа, то требуется, на сколько возможно, уяснить самое событіе, по его значенію въ жизни Меѳодія. По „Житію“ угорскій князь, прибывъ въ придунайскую страну, *восхотѣлъ видѣть* Меѳодія. Чѣмъ или кѣмъ могло быть внушено подобное желаніе, и какъ, отъ кого, при какихъ обстоятельствахъ угор-

скій князь могъ *узнать* о Меѳодіѣ? Высказывалось предположеніе, что угры, княземъ которыхъ онъ былъ, были какіе нибудь плѣнные угры[1]). Предположеніе—произвольное, для котораго не видится опоры ни въ самомъ разсказѣ, ни въ другихъ данныхъ. Житіе не говоритъ ни о князѣ, какъ о плѣнникѣ, ни вообще о плѣнныхъ уграхъ; напротивъ оно представляетъ этого князя имѣющимъ независимое положеніе и нѣкоторое величіе, подобающее народному „владыкѣ“, такъ что удостоиваетъ назвать его королемъ. Не для просьбы за плѣнныхъ и не для другой какой либо надобности онъ хочетъ видѣть Меѳодія, а для того, что послѣдовало при свиданіи, т. е. для разумной *бесѣды* съ Меѳодіемъ. Припомнимъ сказанное выше о событіяхъ *въ Панноніи въ 883—884 г.* Въ 883 г. Святополкъ разбилъ нѣмецкое войско въ Панноніи у лѣваго берега Дуная, что въ 884 г. также побѣдоносно воевалъ съ ними въ нижней Панноніи, которую затѣмъ и пріобрѣлъ по Кенигштеттенскому миру 884 г. Это слѣдовательно было время, когда военная слава славяно-моравскаго государя огласилась по всему среднему Дунаю. Естественно, что она дошла и до угорскаго воеводы, въ это именно время прибывшаго въ дунайскую страну. Естественно, что онъ желалъ знать о столь воинственномъ и славномъ государѣ, къ странѣ котораго приблизился, что поэтому онъ распрашивалъ, разузнавалъ о немъ,—и безъ сомнѣнія не отъ кого другого, какъ отъ славянъ подунайскихъ, сосѣднихъ съ паннонскими, или этихъ послѣднихъ. Но разузнавая о Святополкѣ, угорскій воевода необходимо узналъ и о Меѳодіѣ, который также пользовался славою у здѣшнихъ славянъ, какъ общій ихъ учитель, пастырь, просвѣтитель. Слава эта особенно оживилась въ Панноніи теперь, когда она возвратилась подъ его власть, т. е. въ 884 г. Наконецъ, если принять то, весьма вѣроятное предположеніе, что Меѳодій къ концу этого года или въ началѣ 885 г. *лично посѣтилъ Паннонію*,

[1]) Таково мнѣніе г. Рачкія, Палацкаго.

то для насъ окончательно уяснится то обстоятельство, что находившійся невдалекѣ отъ нея угорскій воевода узналъ о немъ, пожелалъ видѣть его и имѣть бесѣду съ нимъ [1]).

Былъ ли въ данное время у приблизившихся къ Дунаю угровъ такой вождь, который бы могъ желать видѣть Меѳодія, бесѣдовать съ нимъ и вообще принять его такъ, какъ описываетъ Житіе? Такого вождя открываетъ намъ Константинъ Порфирогенетъ въ лицѣ упомянутаго выше *Лебедіаса* или *Лебедя*, разсказывая о прежнемъ жительствѣ угровъ въ Лебедіи и переселеніи ихъ въ Атель-Кузу къ нижнему Дунаю. „Народъ турковъ [2]) обиталъ близъ Хазаріи, въ мѣстности *Лебедіи* (Λεβεδία), называемой такъ по имени перваго ихъ воеводы, котораго звали по имени *Лебедемъ* (Λεβεδίας), а по достоинству воеводой (Βοέβοδος), какъ и его преемниковъ. Въ этой вышеозначенной мѣстности, Лебедіи была рѣка Хιδμάς, называемая также Χιγγολούς [3]). Этихъ турковъ было семь племенъ, никогда они не имѣли царя (ἄρχοντα) ни своего, ни чужого, но были у нихъ какіе-то воеводы, изъ которыхъ первымъ былъ упомянутый Лебедь. Съ хазарами они жили

---

[1]) Предположеніе о посѣщеніи Меѳодіемъ Панноніи въ 884—5 г. мы высказали *независимо* отъ извѣстія о посѣщеніи имъ угорскаго вождя. Но самое это извѣстіе, какъ *несомнѣнное*, даетъ новое, твердое основаніе упомянутому предположенію; ибо идти въ Дунайскую страну для свиданія съ угорскимъ вождемъ Меѳодій могъ *не иначе, какъ чрезъ Паннонію*.

[2]) Константинъ, какъ и нѣкоторые другіе византійцы, называетъ угровъ турками.

[3]) Вѣроятно объясненіе К. Я. Грота, что Χιγγολούς значитъ здѣсь Ингулъ или Ингулецъ, до котораго отдѣльные отряды угровъ могли заходить даже вскорѣ по прибытіи въ придонскія степи и Лебедію, по свойственной кочевникамъ наклонности къ передвиженіямъ и хищническимъ набѣгамъ. Имена *Лебедія* и *Лебедіасъ* очевидно славянскія и напоминаютъ однородныя географическія названія въ той полосѣ Россіи, какая принимается за Лебедію Порфирогенета, какъ то: *Лебедянь* (на Дону) въ тамбовской губ., г. *Лебединъ* въ харьковской, Лебединъ лѣсъ (нынѣ черный лѣсъ) въ екатеринославской и проч. (у К. Я. Грота ib. стр. 216). Какъ *славянское* имя, Лебедіасъ Порфирогенета можетъ быть переводимо просто *Лебедь*. Это было такое же прозвище, ставшее именемъ, какъ орелъ, соколъ, воробей, волкъ, туръ и под.

три года, участвуя во всѣхъ ихъ войнахъ. Хаганъ царь хазарскій за храбрость и содѣйствіе турковъ далъ въ жены ихъ первому воеводѣ Лебедю хазарку знатнаго происхожденія, чтобы онъ имѣлъ отъ нея потомство. Случилось однако, что Лебедь дѣтей отъ хазарки не имѣлъ.—Печенѣги, побѣжденные въ войнѣ съ хазарами, принуждены были оставить свою землю и занять землю турковъ. Въ возникшей между тѣми и другими войнѣ турки были разбиты и раздѣлились на двѣ части. Одна часть, направившись на востокъ, заселила часть Персіи, другая же часть, направившись къ западу, поселилась вмѣстѣ съ своимъ воеводой и вождемъ Лебедемъ, въ странѣ, называемой Ателькузу, гдѣ живутъ печенѣги Чрезъ нѣсколько времени хаганъ, царь хазарскій просилъ турковъ прислать къ нему хеландіи (χελάνδια) съ ихъ первымъ воеводой. Лебедь, прибывъ къ хагану хазарскому, спросилъ немедленно о причинѣ, побудившей послать за нимъ. Хаганъ отвѣчалъ, что мы призывали тебя для того, чтобы сдѣлать тебя—человѣка знатнаго происхожденія, разумнаго и энергическаго, считающагося первымъ у турковъ, —сдѣлать царемъ (ἄρχοντα) твоего народа, съ тѣмъ условіемъ, чтобы ты былъ подчиненъ и подвластенъ намъ. Лебедь отвѣчалъ хагану, что онъ высоко цѣнитъ его расположеніе, уважаетъ его желаніе и изъявляетъ ему свою великую благодарность, но, сказалъ онъ затѣмъ, такъ какъ я неспособенъ къ такой власти, то не могу согласиться принять ее, а есть кромѣ меня еще воевода, по имени Σαλμούζης (варіантъ Ἀλμούτζης), у котораго есть сынъ Арпадъ. Пусть лучше изъ нихъ станетъ царемъ Салмуцъ или его сынъ Арпадъ и будетъ подвластенъ тебѣ. Эти слова понравились хагану, и онъ послалъ съ нимъ своихъ людей къ туркамъ. Когда они переговорили объ этомъ, турки рѣшили, что лучше быть царемъ Арпаду, чѣмъ его отцу, такъ какъ онъ болѣе достоинъ, замѣчателенъ умомъ, совѣтомъ и мужествомъ и способнѣе къ такой власти. И они сдѣлали его царемъ, по обычаю и закону (ζάχανον) хазаръ,

поднявъ его на щитѣ. Далѣе говорится, что чрезъ *нѣсколько времени* послѣ сего, турки, т. е. угры были опять побѣждены и преслѣдуемы печенѣгами, и въ бѣгствѣ ища земли для поселенія, прибыли въ Великую Моравію и, прогнавъ ея жителей, расположились въ этой землѣ, гдѣ живутъ и до сихъ поръ [1]).

Характеристическія черты личности Лебедя въ этомъ разсказѣ Порфирогенета замѣчательно подходятъ къ чертамъ угорскаго короля или вождя въ разсказѣ Житія Меѳодія. Лебедь былъ не только *современникомъ* Меѳодія, но, какъ одинъ изъ главныхъ вождей у венгровъ при ихъ переселеніи изъ Лебедіи въ Ателькузу у Нижняго Дуная, находился *здѣсь ок. 884—5 г.*, когда совершилось это переселеніе и когда состоялось посѣщеніе Меѳодіемъ угорскаго вождя въ придунайской странѣ, относимое Житіемъ къ *самому концу* его жизни. Моментъ и мѣсто нахожденія Лебедя такъ сближаются съ моментомъ и мѣстомъ, когда и куда ходилъ Меѳодій для свиданія съ угорскимъ вождемъ, что для полнаго совпаденія обоихъ моментовъ и мѣстъ остается присовокупить, что или Лебедь изъ нижняго Дуная имѣлъ поводъ и случай подвинуться нѣсколько далѣе — къ среднему Дунаю, или Меѳодій не затруднился идти и къ нижнему Дунаю. Далѣе, Лебедь издавна, еще въ Лебедіи былъ въ особенно близкихъ отношеніяхъ къ хазарскому кагану, въ дружбѣ съ нимъ, бывалъ у него при дворѣ, гдѣ и женился на хазаркѣ, сосватанной каганомъ, бывалъ въ походахъ, какъ союзникъ его, продолжалъ сношенія съ каганомъ изъ Ателькузы или придунайской страны. Представляется вполнѣ сообразнымъ, что такой давній и близкій пріятель кагана бывалъ свидѣтелемъ того, что происходило замѣчательнаго при дворѣ кагана, или могъ знать и слышать о томъ отъ кагана, такъ что могъ быть свидѣтелемъ хазарской миссіи

---

[1]) De Administ. Imperio гл. 38 въ Patr. Graec. edit. Migne. p. 318—319

Константина и Меѳодія, или слыхать о ней и о нихъ въ послѣдующее время, могъ быть въ числѣ тѣхъ, болѣе близкихъ съ хазарами угровъ, которые видѣли и почтили Константина и Меѳодія въ Крыму. Еще: близкій съ хазарами, ихъ каганомъ, Лебедіасъ Порфирогенета былъ близокъ и съ славянами. На это указываютъ какъ его славянское имя Лебедіасъ, т. е. Лебедь, такъ и по славянски выраженное званіе *воеводы*, повторяемыя Порфирогенетомъ. Справедливо полагаютъ, что Порфирогенетъ и все извѣстіе о Лебедѣ заимствовалъ отъ придунайскихъ славянъ. Значитъ, среди нихъ долго ходили разсказы о Лебедѣ, какъ воеводѣ славномъ и сочувственномъ славянамъ. Сближеніе его съ славянами послѣдовало въ Лебедіи,—и это было сближеніе съ русскими славянами, продолжалось и на Дунаѣ, гдѣ славянскія поселенія начинались у самаго устья его, въ лицѣ нашихъ угличей и тиверцевъ, и простирались далѣе по нижнему и среднему Дунаю. Если и среди угличей и тиверцевъ, по всей вѣроятности, были уже христіане, то далѣе по Дунаю до самой Моравіи христіанство почти вездѣ было уже воспринято славянами. И вотъ отъ этихъ-то славянъ-христіанъ Лебедь могъ услышать о св. Меѳодіѣ, какъ о св. мужѣ и великомъ учителѣ, могъ даже услышать, что онъ вмѣстѣ съ братомъ былъ нѣкогда и у дружныхъ съ уграми хазаръ[1]). Эти-то сообщенія и разсказы и могли внушить послѣднему желаніе видѣть Меѳодія и слышать его бесѣду. Наконецъ, Лебедь Порфирогенета и угорскій король Житія сходны и по нѣкоторымъ, чисто личнымъ, качествамъ. Первый характеризуется какъ храбрый, разумный, мужественный или энергичный, выдававшійся своими качествами настолько, что каганъ и хазаре считали его

[1]) Въ такъ называемой „Итальянской легендѣ“ говорится, что поводомъ для Ростислава моравскаго къ просьбѣ о присылкѣ изъ Византіи учителя было то, что князь услышалъ quod factum fuerat a philosopho (Constantino) in provincia Cazarorum. Если автору легенды казалось это возможнымъ, то намъ кажется болѣе возможнымъ, что о хазарской миссіи, могъ слышать угорскій воевода, близкій пріятель хазарскаго кагана.

достойнѣйшимъ быть *царемъ* угровъ. Второй автору Житія казался также достойнымъ званія *короля*, какъ онъ и называетъ его, и говоритъ о царскомъ пріемѣ имъ Меѳодія, о разумныхъ бесѣдахъ его съ послѣднимъ. При всемъ значеніи данныхъ, располагающихъ къ отожествленію Лебедя съ угорскимъ вождемъ Житія, мы не увлечемся до рѣшительнаго признанія этого тожества, за отсутствіемъ *прямыхъ* свидѣтельствъ объ этомъ. Могъ быть въ данное время на Дунаѣ, кромѣ Лебедя, и другой угорскій вождь, болѣе или менѣе сходный съ нимъ по положенію и качествамъ. Мы настаиваемъ только на *вѣроятности* этого тожества. Но для уясненія обстоятельствъ событія намъ достаточно того общаго вывода, что у угровъ въ данное время былъ воевода, такой какъ Лебедь, пріятель хазаръ, знакомецъ славянъ, который могъ, находясь въ придунайской странѣ, узнать о Меѳодіѣ и пожелать видѣть его.

4. Житіе говоритъ, что когда Меѳодій отъ прибывшаго въ придунайскую страну угорскаго короля получилъ приглашеніе посѣтить его, то окружавшіе Меѳодія совѣтовали ему не идти къ этому королю, говоря: не избудешь отъ него безъ муки. Говорившіе такъ еще не могли знать о характерѣ угорскаго вождя, думали о немъ такъ, какъ вообще приходилось думать о вождѣ дикаго, языческаго народа. Но Меѳодій рѣшился идти немедленно. Такъ поступилъ онъ какъ мужественный исповѣдникъ вѣры, подражавшій св. брату, который не боялся идти къ сарацинскому калифу и хазарскому хану, говоря, что готовъ и умереть за св. Троицу. Но вполнѣ вѣроятно, что приглашеніе угорскаго вождя напомнило Меѳодію о первой встрѣчѣ его св. брата съ уграми въ Крыму, когда эти дикари укротились предъ нимъ и почтительно обошлись съ нимъ, что происходило на глазахъ Меѳодія. Не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что Меѳодій, старавшійся обратить надвислянскаго князя, ругавшагося христіанамъ, обратившій къ вѣрѣ и Боривоя Чешскаго, шелъ къ угорскому вождю съ святою мыслію привлечь и его къ Христовой вѣрѣ, на что давало

надежду уже самое желаніе угорскаго вождя видѣть Меѳодія и приглашеніе его на свиданіе. Къ сожалѣнію, Житіе говоритъ лишь въ общихъ чертахъ объ этомъ свиданіи, но и эти черты такъ знаменательны, что мы еще разъ припомнимъ ихъ для заключительной характеристики событія. „Онъ же, т. е. угорскій король, яко достоитъ владыцѣ, тако и пріятъ честно и славно съ веселіемъ. И побесѣдовавъ съ нимъ, якоже достояше тацѣма мужева бесѣды творити, и отпусти его, съ любовію и облобызавъ, съ дары съ великими, рекъ ему: помяни мя, честный отче, въ святыхъ молитвахъ твоихъ присно“. Если дошедшая къ угорскому вождю слава о Меѳодіѣ предрасполагала его къ такому пріему послѣдняго; то видно также, что угорскій вождь нашелъ въ Меѳодіѣ то, чего искалъ, для чего и приглашалъ его къ себѣ. Онъ увидѣлъ мужа, внушающаго глубокое почтеніе и мудраго учителя. Бесѣды его съ Меѳодіемъ были, конечно, прежде всего и болѣе всего бесѣды о Богѣ истинномъ, о вѣрѣ истинной, подобно бесѣдамъ Константина у хазарскаго кагана. Если угорскій вождь былъ Лебедь или другой, подобно ему, знакомый съ хазарами и разновѣріемъ у нихъ, то вопросъ объ истинной вѣрѣ имѣлъ и для него живой интересъ, тѣмъ болѣе, что онъ теперь приблизился къ странамъ, гдѣ повсюду господствовала новая для него христіанская вѣра. Угорскій вождь, былъ ли то Лебедь или другой, подобно ему, издавна и теперь знакомый и близкій съ славянами, могъ вести бесѣды съ Меѳодіемъ и на славянскомъ языкѣ. А для Меѳодія готовою опорою для такихъ бесѣдъ была та книга „Прѣній“, веденныхъ его братомъ у хазарскаго кагана, которую Меѳодій перевелъ на славянскій языкъ. Но теперь, безъ всякаго сомнѣнія, Меѳодій имѣлъ и возможность и побужденія сказать, а если имѣлъ, то, безъ сомнѣнія, и сказалъ угорскому вождю болѣе того, что говорилъ Константинъ предъ хазарскимъ каганомъ. Константинъ говорилъ о христіанской вѣрѣ, христіанскомъ законѣ, какъ о вѣрѣ и законѣ греческаго царства, откуда и самъ пришелъ, какъ посолъ императора. Ме-

ѳодій говорилъ о христіанствѣ, какъ вѣрѣ уже почти всего хр. запада, его имперіи, вѣрѣ цѣлыхъ странъ и народовъ на западѣ, въ частности — странъ подунайскихъ, какъ о вѣрѣ на глазахъ Меѳодія или при его участіи принятой или принимаемой новыми, дотолѣ не христіанскими народами, какъ болгаре, моравяне, чехи, надвислянскіе ляхи, князей которыхъ онъ зналъ, а иныхъ самъ обратилъ къ вѣрѣ. Не преминулъ онъ сказать о Святополкѣ, государѣ славномъ, побѣдоносномъ и вмѣстѣ христіанинѣ. Такимъ убѣждающимъ характеромъ бесѣдъ Меѳодія объяснится для насъ то сильное впечатлѣніе ихъ на угорскаго вождя, о которомъ даетъ знать „Житіе“, когда говоритъ, что послѣ этихъ бесѣдъ угорскій король отпустилъ Меѳодія съ любовію, облобызавъ его, одаривъ великими дарами, и просилъ его молитвъ, сказавъ: помяни мя, отче честный, въ святыхъ молитвахъ твоихъ. Если прежде, въ устраненіе возраженій противъ достовѣрности этого разсказа, мы замѣчали, что вѣротерпимое и благосклонное отношеніе къ христіанскому учителю и пастырю и даже прошеніе молитвъ его возможны и въ языческомъ государѣ,—то теперь, въ виду *особеннаго*, именно *христіанскаго* характера дѣйствій и словъ угорскаго князя при прощаніи съ Меѳодіемъ, не можемъ не признать весьма вѣроятнымъ, что Меѳодій дѣйствительно успѣлъ расположить угорскаго вождя къ вѣрѣ христіанской. Теперь онъ не былъ крещенъ, иначе Житіе сказало бы объ этомъ. Въ исторіи обращенія языческихъ государей видимъ не одинъ примѣръ, что между начальнымъ предрасположеніемъ къ вѣрѣ и конечнымъ принятіемъ ея чрезъ крещеніе проходятъ иногда цѣлые годы. Былъ ли угорскій вождь крещенъ послѣ,—остается неизвѣстнымъ, но также неизвѣстною остается намъ и судьба того воеводы Лебедя, въ которомъ, какъ замѣчено, есть вѣроятность предполагать лице тожественное съ угорскимъ вождемъ „Житія“. Извѣстія Порфирогенета о Лебедѣ прерываются на разсказѣ о путешествіи его къ хазарскому кагану, предлагавшему ему цар-

ское званіе у угровъ, но въ зависимости отъ кагана, отказѣ Лебедя отъ сего и предложеніи вмѣсто себя Альмуца или Арпада, возвращеніи отъ кагана съ послами послѣдняго, при участіи которыхъ и состоялось провозглашеніе Арпада верховнымъ вождемъ или царемъ угровъ. Необходимо думать, что путешествіе Лебедя къ кагану и дальнѣйшія затѣмъ событія происходили *послѣ* пребыванія Меѳодія у вождя угорскаго въ придунайской странѣ [1]) Если этотъ вождь былъ именно Лебедь, то отказъ его отъ власти надъ уграми, помимо того объясненія, какое дается на это въ разсказѣ Порфирогенета, не объясняется ли еще и тѣмъ, что по предрасположенію къ хр. вѣрѣ онъ устранился отъ политической дѣятельности въ среду христіанъ изъ мѣстныхъ придунайскихъ славянъ, съ которыми еще болѣе сошелся послѣ свиданія съ Меѳодіемъ. Это, конечно, только предположенія. Но надежнѣе общій выводъ изъ всего разбора разсказа Житія о свиданіи Меѳодія съ угорскимъ королемъ въ придунайской странѣ. Изслѣдователи, признающіе э тотъ разсказъ легендарнымъ, допускаютъ однакоже, что онъ могъ быть „составленъ подъ вліяніемъ несомнѣннаго факта славянскихъ вліяній на религіозную и общественную жизнь венгровъ“ [2]). Съ большою увѣренностью скажемъ съ своей стороны, что эти вліянія *начались при Меѳодіи*, при его непосредственномъ участіи, по его непосредственному вліянію на посѣщеннаго имъ угорскаго вождя въ придунайской странѣ, былъ ли то Лебедь или другой, подобный ему. Если бы вліяніе Меѳодія, вообще вліяніе славянскаго христіанства на угровъ продолжилось и продолжалось безпрепятственно; то угры могли бы пріобщиться къ славянскому

[1]) Свиданіе Меѳодія съ угорскимъ княземъ, относимое Житіемъ къ самому концу жизни перваго, происходило въ 884 или нач. 885 г., совпадая съ появленіемъ угровъ у Дуная съ воеводой Лебедемъ. А поѣздка Лебедя къ хазарскому Кагану и дальнѣйшія затѣмъ событія послѣдовали уже послѣ того, какъ угры съ своимъ воеводой *нѣкоторое время* прожили въ Ателькузѣ.

[2]) У Воронова, тамъ же.

христіанству и ославянились, какъ ославянились болгаре на Дунаѣ, такіе же азіатцы и завоеватели, какъ угры. Но Меѳодій вскорѣ скончался, а въ судьбѣ угровъ и ихъ отношеній къ славянамъ наступили явленія, недавшія развиться и окрѣпнуть славянскимъ вліяніямъ на угровъ, подорвавшія дѣло Меѳодія и существованіе народной славянской церкви въ самой Моравіи.

Въ послѣдніе годы жизни Меѳодію предстояло совершить еще одно дѣло, имѣвшее послужить къ упроченію самостоятельности славянской церкви въ Моравіи: это устройство народной *высшей* іерархіи ея чрезъ учрежденіе епископскихъ каѳедръ съ епископами изъ моравскихъ славянъ. Мы видѣли, что папа Іоаннъ VIII въ письмѣ къ Святополку отъ 16 іюня 880 г. рекомендовалъ ему избрать, *по усмотрѣнію Меѳодія*, достойнаго священника или діакона и прислать въ Римъ для поставленія его во епископа на вторую епископскую каѳедру, какая должна быть открыта въ моравско-паннонскомъ архіепископскомъ діоцезѣ сверхъ нитранской, на которую тогда былъ поставленъ Вихингъ. Папа присовокупилъ, что послѣ этого Меѳодій съ двумя подчиненными ему епископами уже самъ поставитъ еще нѣсколькихъ епископовъ на другія каѳедры, какія могутъ быть учреждаемы въ городахъ діоцеза. Было замѣчено, что такое распоряженіе папы состоялось не иначе, какъ по ходатайству или представленію Меѳодія. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Меѳодій желалъ осуществить такое распоряженіе папы. Злокозненный характеръ Вихинга, открывшійся тотъ часъ по прибытіи его на свою каѳедру, могъ на нѣкоторое время затруднить Меѳодія въ исполненіи мысли о новыхъ епископствахъ, но не отклонить отъ нея. Напротивъ онъ давалъ чувствовать еще бо́льшую потребность имѣть вѣрнаго и послушнаго епископа изъ своихъ моравскихъ учениковъ съ надеждою подготовить учрежденіе и другихъ славянскихъ епископствъ. Несомнѣнно и то, что между своими учениками Меѳодій имѣлъ достойныхъ канди-

датовъ на епископство, ибо такими явились нѣкоторые изъ нихъ впослѣдствіи по кончинѣ Меѳодія. Почему же Меѳодій не сдѣлалъ того, чего желалъ, хотя послѣ папскаго распоряженія о епископствахъ еще около пяти лѣтъ жилъ и архіепископствовалъ въ Моравіи? Должно быть, онъ не находилъ содѣйствія себѣ въ этомъ дѣлѣ отъ тѣхъ, отъ кого это требовалось. Что изъ Рима нельзя было ожидать напоминаній Святополку о присылкѣ изъ Моравіи кандидата на новое епископство въ ней, это легко понять, припомнивъ тогдашнія превратности на самой римской каѳедрѣ. Папа Іоаннъ VIII, почти всю жизнь угнетаемый врагами и невзгодами, оставался въ такомъ же угнетенномъ положеніи и въ послѣдніе годы ея, такъ что въ своихъ письмахъ къ разнымъ лицамъ на западѣ, писанныхъ въ 882 г., по прежнему вопилъ о помощи, ибо, какъ выражался онъ, обиды и бѣды, претерпѣваемыя имъ и римскою церковію отъ сарацинъ и нечестивыхъ христіанъ, такъ велики, что онъ не въ состояніи изобразить никакими словами[1]). Въ декабрѣ этого года онъ умеръ и, какъ полагаютъ, насильственною смертію. Имя этого папы, подпадающаго разнымъ упрекамъ у западныхъ историковъ, опороченное извѣстною легендою о паписсѣ, въ дѣйствительности заслуживаетъ лучшей памяти какъ за наклонность къ миру съ востокомъ, за согласіе съ нимъ относительно православнаго символа вѣры, такъ и за покровительство славяно-моравской церкви, хотя бы и не вполнѣ искреннее, но все-таки бывшее ей полезнымъ и почти окончившееся съ кончиною Іоанна VIII. Преемники его Маринъ I (882—883) и Адріанъ III (883—885), непріязненно настроенные по отношенію къ востоку, повидимому не были наклонны покровительствовать и Меѳодію съ его славяно-моравскою церковію, оставались безучастны къ ней хотя впрочемъ самая кратковременность ихъ управленія смягчаетъ эту вину ихъ. Важнѣе то обстоятельство, что

[1]) Таковы напр. письма его 160 и 165 въ Patr. Lat. T. 126.

самъ Святополкъ ничего не сдѣлалъ для устройства новыхъ славянскихъ епископствъ въ Моравіи. Въ 882—884 г. этому могли служить помѣхою войны его съ нѣмцами, но едва ли только ими объясняется бездѣйствіе Святополка по устройству славянскихъ епископствъ въ своей державѣ. Онъ не позаботился о нихъ и потомъ, по смерти Меѳодія, не смотря на свое могущество, усилившееся съ 884 г. Это обстоятельство придаетъ новое правдоподобіе извѣстнымъ намъ свидѣтельствамъ о небезупречномъ характерѣ Святополка и его отношеній къ Меѳодію, отношеній, хотя и улучшившихся по возвращеніи Меѳодія изъ Царьграда, но не перешедшихъ въ отношенія полной внимательности къ нуждамъ Меѳодія, какъ архіепископа, и къ нуждамъ моравской церкви, какъ славянской. Впрочемъ утѣшеніемъ Меѳодію было извѣстное намъ присутствіе Святополка на торжествѣ освященія церкви св. ап. Петра и Павла въ Брнѣ 29 іюня 884 г. Здѣсь-то Меѳодій имѣлъ возможность говорить съ Святополкомъ о нуждахъ своей церкви, просить большаго вниманія къ ней и облегчить свое сердце нѣкоторою надеждою на такое вниманіе, нужное ей тѣмъ болѣе, что скоро предстояло ей лишиться своего архипастыря, въ которомъ была главная сила, главная опора ея.

О послѣднихъ дняхъ жизни Меѳодія и его блаженной кончинѣ Житіе разсказываетъ такъ:

Тако же вся вины отсѣкъ отъ вся страны (со всѣхъ сторонъ) и уста многорѣчивыхъ загради, теченіе же соверши, вѣру соблюдъ, чая праведнаго вѣнца, понеже тако угодивъ Богу, возлюбленъ бысть, приближатися начатъ время покой пріяти отъ страсти и многихъ трудовъ мзду. Вопросиша же его и рѣкоша: кого чуеши, учителю и отче честный, въ ученицѣхъ своихъ, дабы отъ ученія твоего тебѣ настольникъ былъ? Показа же имъ единаго отъ извѣстныхъ ученикъ своихъ, нарицаемаго Горазда, глаголя: съ (сей) есть вашея земля, свободь мужъ, наученъ же добрѣ въ латинскія книги, правовѣренъ, то буди Божія воля и ваша любы, якоже и моя.

Собравшемся же имъ въ цвѣтную недѣлю всѣмъ людемъ, вшедъ въ церковь и немогій, каза въ благодѣти цесаря и князя и клирики и люди вся, и рече: стрезете мене, дѣти, до третіяго дне, якоже и бысть. Свитающу третьему дни, прочее рече: въ руцѣ Твои, Господи, душу мою влагаю. На рукахъ же іерейскихъ почивъ s̄ день мѣсяца апрѣля, въ г̄ индикта, въ s̄—кое и т̄ и чг̄—іе лѣто отъ твари всего міра. (885 г. отъ Р. Х.). Усуждь же свои ученицы, достойны чести сотворивше, и службу церковную латински и гречески и словенски сътребиша, и положиша и въ соборнѣй церкви. И приложися къ отцамъ своимъ, и патріархомъ и пророкомъ и апостоломъ, учителемъ и мученикомъ. Людіе же, безчисленный народъ, собрався провожаху, плачущеся добраго учителя и пастыря, мужескъ полъ и женскъ, маліи и велиціи, богатіи и убозіи, свободніи и рабы, вдовица и сирота, странніи и тоземци, недужніи и здравіи, всѣ бывшаго всяческо всѣмъ, да вся пріобрѣлъ [1]).

Итакъ св. Меѳодій, подобно избранному апостолу народовъ и св. брату своему, скончевалъ свой великій жизненный подвигъ, въ полнотѣ вѣры въ его истину и святость, сопутствуемой блаженнымъ предощущеніемъ воздаянія у Господа, въ руцѣ котораго передавалъ духъ. Но воздаяніемъ ему была также любовь и преданность учениковъ, желавшихъ знать волю его о преемникѣ его служенія, ученія, чтобы съ этимъ преемникомъ продолжать дѣло самаго великаго учителя. Меѳодій указываетъ на Горазда, какъ природнаго моравлянина, человѣка свободнаго сословія, знающаго хорошо и латинскія книги и правовѣрнаго. Это отчетливое обозначеніе качествъ Горазда даетъ предполагать въ немъ болѣе ранняго избранника Меѳодія, у котораго онъ, по всей вѣроятности, имѣлся въ виду кандидатомъ на второе епископство въ Моравіи, открытіе котораго предполагалось въ слѣдъ за открытіемъ епископства

[1]) 1 Коринѳ. IX, 22.

нитранскаго въ 880 г., но не состоялось при жизни Меѳодія. Теперь, избирая Горазда въ преемника себѣ самому, Меѳодій заявлялъ опредѣлившуюся у него мысль создать именно народную высшую іерархію въ Моравіи, въ которой вслѣдъ за Гораздомъ заняли бы мѣста и другіе избранные ученики первоучителя моравской церкви. Имѣя въ Гораздѣ и въ нихъ ручательство вѣрности тому *православному ученію*, которое самъ проповѣдывалъ, но котораго онъ не надѣялся отъ Вихинга и подобныхъ ему, Меѳодій признавалъ особенную важность и того качества въ Гораздѣ, что онъ хорошо зналъ латинскій языкъ и латинскія книги. Это знаніе надобилось преемнику Меѳодія и для сношеній съ Римомъ, и для чтенія евангелій по латыни (прежде чтенія по славянски) на славянской литургіи, для поддержанія съ послѣднею цѣлію знанія латыни и въ старшемъ клирѣ, наконецъ вообще для положенія Горазда, какъ первосвятителя страны, связанной политическими и церковными отношеніями съ латинскимъ западомъ. Имѣя знатоковъ латыни въ своемъ моравскомъ духовенствѣ, Святополкъ могъ бы не нуждаться въ услугахъ такихъ лицъ, какъ Іоаннъ Венеціанскій или Вихингъ. Итакъ все обдумалъ, все, что могъ, сдѣлалъ Меѳодій для обезпеченія дальнѣйшаго существованія моравской церкви, соображаясь съ условіями этого существованія въ тогдашнее трудное для юной моравской церкви время. Разнесшаяся вѣсть о приближающейся кончинѣ любимаго учителя, архипастыря собрала много духовенства и народа въ соборную церковь Велеграда въ цвѣтную недѣлю 4 апрѣля. Уже изнемогавшій Меѳодій самъ однакоже пришелъ въ церковь, чтобы въ послѣдній разъ помолиться въ ней и проститься со всѣми. Въ прощальныхъ благословеніяхъ онъ помянулъ и царя греческаго, подобно св. брату своему, который также помянулъ его предъ своею кончиною, называя себя бывшимъ слугой его. Такъ оба св. братья до самой кончины своей чувствовали себя, заявляли себя служителями православнаго греко-востока въ странахъ латино-нѣмецкаго

запада. Для Меѳодія благословеніе, посылаемое царю греческому, и было благодареніемъ за тѣ знаки любви и благосклонности, какіе явилъ онъ Меѳодію въ послѣдніе годы жизни его, для блага и моравской церкви [1]). Благословлялъ онъ моравскаго князя Святополка, котораго впрочемъ не видимъ ни на прощаніи съ Меѳодіемъ, ни потомъ на его похоронахъ. Благословлялъ весь собравшійся клиръ и народъ, благословлялъ, безъ сомнѣнія, среди вздоховъ общей скорби, оглашавшихъ соборную церковь. Благословивъ всѣхъ, святой старецъ сказалъ: постерегите меня, дѣти до третьяго дня. Въ этомъ прозрѣніи дня кончины, даруемаго только великимъ праведникамъ, Меѳодій доживалъ послѣдніе дни съ единою мыслію о Господѣ, ясною и живою до послѣдняго дыханія, когда на разсвѣтѣ третьяго дня во вторникъ страстной недѣли, на рукахъ своихъ священниковъ, онъ почилъ о Господѣ со словами: въ руцѣ Твои, Господи, влагаю духъ мой! Ученики почившаго святителя разсудили совершить похороны его съ особенною торжественностію. Заупокойная служба совершена на языкахъ латинскомъ, греческомъ и славянскомъ, какъ языкахъ церкви Римской, отъ которой онъ получилъ посвященіе и былъ въ іерархической зависимости, церкви греческой, которой принадлежалъ по происхожденію и воспитанію, и церкви моравской, въ которой былъ учителемъ и святителемъ. Латинскую службу совершалъ, конечно, самъ Гораздъ, какъ „добре паученный латинскимъ книгамъ“, но совершалъ безъ сомнѣнія, не одинъ, а въ сослуженіи другихъ священниковъ и клириковъ, знавшихъ латинскую службу или еще со вре-

---

[1]) Житіе выражается: *каза въ благодѣти цьсаря и проч.* Само собою понятно, что Меѳодій благословлялъ не западнаго цесаря или императора Карла Толстаго, который хотя тогда былъ въ мирѣ съ Святополкомъ, но не имѣлъ никакого отношенія къ Меѳодію, не имѣлъ, такъ сказать, права на его благословеніе, а византійскаго императора Василія македонянина, какъ царя православнаго, греческаго и не такъ давно оказавшаго столько любви и участія къ Меѳодію въ Царьградѣ.

мени до прибытія въ Моравію св. братьевъ, когда она здѣсь господствовала, или наученныхъ ей во время святительства Меѳодія, когда, въ слѣдствіе извѣстныхъ намъ повелѣній папскихъ, требовалось, на сколько возможно, поддержизать знаніе латыни въ нѣкоторой части моравскаго клира, для чтенія евангелій по латыни и даже совершенія всей латинской службы при дворѣ Святополка. На греческомъ языкѣ могли совершать службу священники и клирики какъ изъ моравлянъ, наученныхъ этому языку св. Константиномъ и Меѳодіемъ, такъ, весьма вѣроятно, изъ грековъ, прибывшихъ съ ними въ качествѣ „споспѣшниковъ“ ихъ въ ихъ трудахъ[1]). Наконецъ самою торжественною, надо полагать, была славянская служба, совершенная въ сослуженіи всего бывшаго на лице священства, клира изъ моравлянъ и всего собранія народа, съ предстоятельствомъ въ служеніи Горазда, какъ „настольника“ почившаго учителя. Выраженіе „Житія“ о многочисленности собравшагося на похороны народа, людей всѣхъ званій, состояній, возрастовъ, не только туземцевъ, но *и странныхъ*, т. е. прибывшихъ изъ разныхъ, особенно ближайшихъ, мѣстностей моравской епархіи, эти выраженія должны быть понимаемы не въ смыслѣ фразы, а въ прямомъ смыслѣ, въ виду повсюдной въ ней извѣстности Меѳодія, какъ единственнаго и притомъ необычайнаго архипастыря и учителя моравской церкви, въ которой онъ былъ „всѣмъ вся“, въ виду заранѣе разнесшейся вѣсти о приготовленіяхъ его къ своей кончинѣ, чрезъ назначеніе преемника, и бывшаго торжественнаго прощанія его съ народомъ за три дня до кончины. Тоже должно сказать о всеобщемъ плачѣ народа на проводахъ его къ гробу къ церкви соборной, гдѣ онъ похороненъ. Не предчувствовали моравляне и самые ученики почившаго учителя, что они оплаки-

---

[1]) Возможно, что какой либо грекъ прибылъ съ Меѳодіемъ и во время возвращенія его изъ Царьграда въ 881—2 г., какъ нужный Меѳодію въ дѣлѣ переводовъ, какими занялся онъ по возвращеніи въ Моравію.

ваютъ и печальную участь своей страны и церкви, ожидавшую ихъ вскорѣ по его кончинѣ! Но тяжкимъ было для нихъ и самое чувство теперешней осиротѣлости, облегченія котораго они искали въ молитвенномъ упованіи на заступничество угодника Божія, сказавшемся въ словахъ молитвы, съ какими обращается къ нему отъ имени всѣхъ учениковъ его и всего стада, всего народа моравскаго благочестивый жизнеописатель въ концѣ своего жизнеописанія. „Тыже, свыше, святая и честная главо, молитвами твоими призирай *на ны*, желающая тебе, избавляй отъ всякія напасти ученики своя, и ученіе пространяя и ереси прогоня, да достойно званія нашего живя здѣ, станемъ съ тобою, *твое* стадо одесную страну Христа Бога нашего, вѣчную жизнь пріемлюще отъ Него. Тому бо есть слава и честь во вѣки вѣковъ. Аминь“! Думается, что эти слова и все то, что передается выше о бесѣдѣ Меѳодія съ учениками при назначеніи Горазда настольникомъ своего ученія, о прощаніи святителя съ учениками и всѣми людьми, съ заповѣдію постеречь его до третьяго дня, о кончинѣ на рукахъ іерейскихъ въ разсвѣтъ третьяго дня, о погребальныхъ службахъ и проводахъ ко гробу при всеобщемъ плачѣ народа,—думается и какъ бы видится, что все это передано жизнеописателемъ, какъ *непосредственнымъ свидѣтелемъ и участникомъ событій*, какъ однимъ изъ *его учениковъ, изъ его духовнаго стада*[1]).

Судьба Славянской Церкви въ Моравіи и Панноніи при ученикахъ свв. Кирилла и Меѳодія.

VI. На ученикахъ свв. первоучителей славянскихъ исполнилось евангельское слово: *ученикъ не выше учителя: если Меня гнали, будутъ гнать и васъ.* Если Константинъ терпѣлъ отъ враговъ славянской церкви и славянскаго богослуженія, если Меѳодія преслѣдовали, истязали, томили въ заключеніи, то что могло ожидать учениковъ св. первоучителей? Что могло ожидать и устроенную ими славянскую церковь въ Моравіи и Панноніи? Громкій плачъ учениковъ и паствы св. Меѳодія на похоронахъ любимаго учителя и пастыря былъ плачемъ не только о великой утратѣ, но вмѣстѣ какъ бы и о своей предчувствуемой участи, также—участи всего великаго дѣла, которое создано для Моравіи и Панноніи трудами св. первоучителей и которое сдалъ на руки ученикамъ почившій учитель и архипастырь.

По кончинѣ св. Меѳодія, ученикамъ его, во главѣ съ Гораздомъ, котораго онъ назначилъ „настольникомъ своего ученія“, преемникомъ своего архипастырскаго служенія, предстояло позаботиться прежде всего о томъ, чтобы достичь исполненія воли учителя, то есть: чтобы Горазд былъ признанъ въ качествѣ преемника Меѳодія, получилъ посвященіе въ санъ епископа или архіепископа Моравско-Паннонской церкви и въ этомъ санѣ могъ бы продолжать дѣло учителя вмѣстѣ съ другими сучениками своими, въ числѣ которыхъ выдающими были Климентъ, Наумъ, Ангеляръ Лаврентій и Савва, по извѣстію о томъ такъ называемаго простран-

наго „Житія св. Климента". Необходимо думать, что Горазд съ избранными изъ учениковъ, вскорѣ по кончинѣ Меѳодія, явился къ Святополку, чтобы передать ему прощальное, предсмертное благословеніе почившаго архипастыря, сообщить о послѣдней волѣ его относительно своего преемника и просить для себя, какъ назначеннаго таковымъ, покровительства со стороны Святополка, а съ тѣмъ вмѣстѣ и содѣйствія къ достиженію посвященія на Моравско-Паннонское архіепископство. Но Святополкъ, не одинъ разъ колебавшійся въ своихъ отношеніяхъ къ Меѳодію при его жизни, не почтившій его своимъ посѣщеніемъ въ предсмертные дни или своимъ присутствіемъ на его похоронахъ, не показалъ, надо полагать, особенной заботливости и о томъ, чтобы привесть въ исполненіе волю его о преемникѣ [1]). Конечно, онъ не могъ отказать Горазду въ томъ, чтобы онъ съ соучениками принялъ въ свое завѣдываніе дѣла моравской каѳедры и церкви: этого требовалъ простой порядокъ и самый интересъ князя. Но сдѣлалъ ли онъ что нибудь для доставленія Горазду епископскаго посвященія? Посвященіе это должно было совершиться не иначе, какъ съ согласія и утвержденія Рима, отъ коего зависѣла въ іерархическомъ отношеніи моравская церковь, совершиться или въ самомъ Римѣ, куда Святополкъ и долженъ былъ бы отправить Горазда, подобно тому какъ Коцелъ отправлялъ Меѳодія, или же, если въ Моравіи, то чрезъ нарочито присланныхъ для сего изъ Рима легатовъ-епископовъ, какъ

[1]) Отсутствіе Святополка на похоронахъ Меѳодія могло быть, конечно, и случайнымъ, но едва ли было таковымъ. Святополкъ, послѣ счастливо оконченной въ 884 г. войны, оставался, такъ сказать, на мирномъ положеніи, не предпринималъ новыхъ походовъ въ этомъ и въ 885 гг., слѣд. жилъ или въ стольномъ Велеградѣ, гдѣ доживалъ послѣдніе мѣсяцы и дни и умеръ Меѳодій, или недалеко отъ Велеграда. А кончина Меѳодія не была внезапною, неожиданною; о приближеніи ея могъ знать Святополкъ, слѣд. могъ прибыть если не для прощанія съ Меѳодіемъ, то на его похороны, тѣмъ болѣе, что печальное торжество это совершалось при великомъ стеченіи народа не только изъ мѣстнаго населенія, но и пришлаго.

совершено посвященіе моравскихъ епископовъ потомъ при сынѣ и преемникѣ Святополка Моймирѣ, о чемъ рѣчь—ниже. Святополкъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ лучше поставленъ, чѣмъ въ свое время Коцелъ и потомъ Моймиръ, и потому скорѣе и удобнѣе могъ бы сдѣлать то, что сдѣлали послѣдніе. Но, по всей вѣроятности, онъ не принялъ на себя заботы о доставленіи тѣмъ или другимъ способомъ епископскаго посвященія Горазду, такъ что этотъ достойнѣйшій ученикъ и избранникъ Меѳодія не получилъ посвященія [1]). Вмѣсто

[1]) Нѣкоторые изслѣдователи, называя Горазда архіепископомъ моравскимъ, представляютъ дѣло такъ, будто онъ сталъ имъ по смерти Меѳодія, бывъ имъ самимъ посвященъ въ архіерейскій санъ. Такъ думалъ преосв. Филаретъ („Святые южныхъ славянъ“ подъ 27 іюля), ссылаясь особенно на греческій списокъ болгарскихъ архіепископовъ, изданный у Дю-Канжа (Familiae aug. Byzant. cap. 28, p. 174), гдѣ говорится: Γοράσδος χειροτονηθεὶς παρὰ Μεθοδίου. Такъ думаетъ и г. Лавровскій (Кириллъ и Меѳодій, Харьковъ. 1863 г. стр. 453), ссылаясь на то же свидѣтельство. Но свидѣтельство Дю-Канжева списка въ данномъ случаѣ не заслуживаетъ довѣрія, потому что это списокъ поздній, составленный, какъ справедливо полагаютъ, не ранѣе половины XII в. (г. Голубинскаго, Краткій очеркъ Исторіи прав. церквей Болгарской и проч. стр. 38) и представляетъ явныя ошибки въ извѣстіяхъ о первыхъ болгарскихъ архіепископахъ, къ которымъ онъ причисляетъ и самого Меѳодія, выражаясь, что онъ поставленъ въ епископы Панноніи *папою Николаемъ, преемникомъ Адріана*. Не слѣдуетъ забывать, что ни въ Житіи Меѳодія, ни въ Житіи Климента не говорится, чтобы Меѳодій *посвятилъ* Горазда въ *епископа*, а это необходимо сказано было бы, если бы такъ было. Оба житія называютъ Горазда пока только ученикомъ Меѳодія, назначеннымъ въ *преемники* Меѳодію, но о епископскомъ посвященіи, о хиротоніи, вообще объ епископскомъ санѣ Горазда при Меѳодіи не говорятъ. Да и странно думать, чтобы Меѳодій *самъ одинъ* совершилъ посвященіе Горазда: подобные примѣры, если и были, то чрезвычайно рѣдко, какъ явленія совершенно исключительныя. Не слѣдуетъ забывать еще, что папа Іоаннъ VIII, посвятивъ въ 880 г. Вихинга въ епископа г. Нитры, въ качествѣ суффрагана или подчиненнаго Меѳодію епископа, предоставлялъ *себѣ* поставленіе *втораго* такого же епископа для Моравско-Паннонской архіепископіи, съ тѣмъ, что уже *потомъ* съ *двумя* епископами Меѳодій будетъ имѣть возможность поставлять и другихъ епископовъ на новыя каѳедры, какія могли бы открыться. Но поставленіе второго епископа не состоялось ни при жизни папы Іоанна, ни при его преемникахъ; а единственный викарій Меѳодія Вихингъ былъ во враждѣ съ нимъ. Поэтому не съ кѣмъ было Меѳодію посвящать Горазда въ епископа. Что касается до извѣстія чешской Легенды о свв. Людмилѣ и Вячеславѣ, упоминающаго о семи епископахъ—викаріяхъ Меѳодія (Fontes rerum Bohemicorum, edit. Palacky, p. 201), на которое также ссылается преосв. Филаретъ, то оно давно и справедливо признано ошибочнымъ.

Горазда явился другой претендентъ на моравское архіепископство—Вихингъ, врагъ Меѳодія и славянской церкви. Какъ это случилось?

Къ разъясненію этого обстоятельства, къ разъясненію всего вообще положенія Моравско-Паннонской церкви въ первое время по кончинѣ Меѳодія могутъ привесть насъ прежде всего два важные документа: это письмо папы Стефана V (по оффиціальному римскому счету Стефана VI) къ Святополку и Commonitorium того же папы, т. е. инструкція, данная имъ епископу Доминику и пресвитерамъ Іоанну и Стефану, отправляющимся къ славянамъ (въ Моравію). Остановимся сперва на письмѣ и представимъ содержаніе его. Папа начинаетъ похвалою королю (regi) Святополку за его ревность по вѣрѣ и преданность апостолу Петру и его намѣстнику, расточаетъ увѣренія въ своей отеческой любви къ моравскому государю и постоянныхъ молитвахъ къ Богу о временномъ благоденствіи и вѣчномъ спасеніи его, излагаетъ ученіе о главенствѣ папы, выражаясь, что только неразумный можетъ хулить вѣру св. Петра. Восхваляя затѣмъ Святополка, что онъ, не блуждая по другимъ мѣстамъ, *пожелалъ получить наставленія* въ вѣрѣ отъ самой римской церкви, папа излагаетъ ученіе о св. Тройцѣ и *особенно распространяется въ ученіи объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына,* настойчиво защищаетъ это ученіе ссылками на разныя мѣста свящ. Писанія. Эти догматы, продолжаетъ папа, ты долженъ исповѣдывать устами и вѣровать имъ сердцемъ, но не изслѣдывать и не испытывать выше своихъ силъ, потому что божественное величіе, подобно лучу солнца, ослѣпляетъ земной умъ; ты долженъ только вѣрно держаться того, чему учитъ римская церковь. „Въ этомъ ученіи, говоритъ далѣе папа, мы нашли *Вихинга, достопочтеннаго епископа* и возлюбленнѣйшаго собрата нашего хорошо *наставленнымъ и потому отпустили его къ вамъ для управленія ввѣренною ему отъ Бога церковію, поелику*

узнали, что онъ весьма преданъ тебѣ и во всемъ печется о тебѣ. Его, какъ духовнаго отца и нарочитаго своего пастыря, примите, держите и любите..., и пусть онъ имѣетъ попеченіе о всѣхъ церковныхъ дѣлахъ у васъ"... Затѣмъ послѣ наставленій о постѣ, въ особенности о постѣ въ субботу, папа говоритъ о Меѳодіи: „мы весьма удивились, услышавъ, что Меѳодій преданъ лжеученію (superstitioni), а не назиданію, враждѣ, а не миру; и если это такъ, какъ мы слышали, то лжеученіе его мы совершенно отвергаемъ (superstitionem ejus penitus abdicamus). *Анаѳема за презрѣніе католической вѣры падетъ на главу того, кто объявилъ ее;* ты же и народъ твой, по суду св. Духа, будете невинны, если только ненарушимо будете содержать вѣру, которую проповѣдываетъ римская церковь. А божественныя службы и св. таинства и священнодѣйствія литургіи, *которыя тотъ же Меѳодій осмѣлился совершать на языкѣ славянскомъ*, чего впредь не дѣлать онъ клятвенно обѣщался на священнѣйшихъ мощахъ блаженнаго Петра, ни коимъ образомъ впредь никто да не дерзнетъ совершать, отвращаясь его клятвопреступленія. Ибо Божіею и нашею апостольскою властію мы запрещаемъ это подъ страхомъ узъ проклятія, за исключеніемъ того, что служитъ къ назиданію простого и неразумѣющаго (по латыни) народа, — чтобы изложеніе евангелія или апостола людьми знающими возвѣщалось на томъ (народномъ) языкѣ. На это мы даемъ разрѣшеніе и къ этому увѣщеваемъ и убѣждаемъ, чтобы это было, какъ можно чаще; да всякъ языкъ хвалитъ Бога и исповѣстся Ему. А упорныхъ и непослушныхъ, производящихъ вражду и соблазнъ, если не исправятся послѣ перваго и второго увѣщанія, предписываемъ извергать изъ нѣдръ церкви, чтобы одна больная овца не заразила всего стада, предписываемъ обуздывать нашею властію и далеко изгонять изъ вашихъ предѣловъ".

Исторія вопроса объ этомъ письмѣ вкороткѣ такова. Письмо это нашелъ ученый Ваттенбахъ, бреслав-

скій архиварій въ 1847 г., въ рукописи библіотеки Цистеріанскаго монастыря св. Креста, въ нижней Австріи, недалеко отъ Вѣны. По изслѣдованію Ваттенбаха, рукопись принадлежитъ X — XI столѣтію. Ваттенбахъ первый же издалъ и подвергъ критическому разбору письмо въ своемъ изслѣдованіи: Beiträge zur Geschichte der christlichen Kirche in Mähren und Böhmen, Wien. 1849 г. Съ тѣхъ поръ письмо не одинъ разъ переиздавалось, но еще болѣе служило предметомъ споровъ, въ особенности по вопросу о подлинности его. Вопросъ этотъ возбуждался преимущественно слѣдующими двумя обстоятельствами: Стефанъ V могъ стать папою не *ранѣе августа 885 г.*, по смерти своего предмѣстника Адріана III, умершаго въ этомъ мѣсяцѣ (по инымъ въ іюлѣ), между тѣмъ въ письмѣ говорится о Меѳодіи, какъ *живомъ*, тогда какъ онъ, по „Житію“ его, скончался *6 апрѣля 885 г.*, т. е. не менѣе какъ за четыре мѣсяца до вступленія Стефана на престолъ. Стефанъ V рѣзко осуждаетъ Меѳодія и запрещаетъ славянское богослуженіе, что́ стоитъ въ противорѣчіи съ образомъ дѣйствій по отношенію къ Меѳодію и славянскому богослуженію недавнихъ предмѣстниковъ Стефана, Адріана II и особенно Іоанна VIII. Отсюда возникалъ вопросъ: не есть ли письмо фальсификація или подлогъ со стороны Вихинга, за которымъ извѣстенъ примѣръ подлога и прежде, и въ пользу котораго направлено это письмо. Ваттенбахъ, хотя и предполагалъ возможность подлога письма со стороны Вихинга, призналъ однакоже письмо *подлиннымъ*. Та несообразность, что письмо предполагаетъ Меѳодія еще живымъ, не существовала для Ваттенбаха: онъ не придавалъ значенія свидѣтельству „Житія“ Меѳодія о годѣ смерти его и по своему опредѣлилъ какъ годъ письма, такъ и годъ смерти Меѳодія. На томъ основаніи, что папа пишетъ Святополку — *regi королю*, и что въ лѣтописи Регино Святополкъ называется королемъ впервые подъ 890 годомъ, Ваттенбахъ заключалъ, что письмо писано не ранѣе 890 г., а затѣмъ и

смерть Меѳодія, котораго оно предполагаетъ еще живымъ, послѣдовала позже этого года, а именно около 892 г. [1]).

Ваттенбахъ, ученый протестантъ, дѣлалъ свои заключенія о письмѣ безпристрастно, хотя и не во всемъ вѣрно. Иначе отнеслись къ этому документу католическіе ученые. Усиливаясь удержать за папами славу покровителей св. первоучителей славянскихъ и ихъ славянской церкви, они не были наклонны признать подлинность письма, такъ рѣзко осуждающаго св. Меѳодія и славянское богослуженіе. Пользуясь представлявшимися въ письмѣ поводами къ заподозрѣнію его подлинности, они вообще отвергали ее, склоняясь преимущество къ мысли, что письмо — подлогъ Вихинга [2]). Мнѣніе о письмѣ, какъ подлогѣ Вихинга, принято было и нѣкоторыми изъ русскихъ изслѣдователей, хотя, какъ само собою понятно, независимо отъ мотивовъ, вліявшихъ на такое мнѣніе у писателей католическихъ. Но высказаны и другіе взгляды на письмо со стороны русскихъ изслѣдователей. Такъ г. Бильбасовъ, первый переиздавшій у насъ это письмо въ полномъ видѣ, признаетъ его подлиннымъ, и ту несообразность, что письмо говоритъ о Меѳодіѣ, какъ о живомъ, пытается устранить предположеніемъ о порчѣ текста письма въ сохранившейся рукописи его. „Манускриптъ письма, говоритъ онъ, крайне испорченъ; очень возможно, что переписчикъ списывалъ съ дурнаго экземпляра, не могъ дешифрировать сокращеній, не могъ разобрать окончаній глаголовъ и не зная самъ, жилъ ли Меѳодій при папѣ Стефанѣ, поставилъ ихъ въ настоящемъ времени; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что предъ именемъ Меѳодія ни разу не встрѣчается *quondam*, которое могло бы наставить

[1]) Регино называетъ Святополка rex въ разсказѣ о договорѣ его съ Арнульфомъ, который состоялся въ 890 г. и по которому послѣдній уступилъ первому герцогство Богемское. Anno dominicae incarnationis 890. Arnolfus rex concessit *Zuendiboldo*, *Morahensium Sclavorum regi*, ducatum Bohemiensium Ap. Pertz, 1, 601.

[2]) Болѣе обстоятельное изложеніе и разборъ мнѣній этихъ католическихъ писателей см. у г. Лавровскаго: Кириллъ и Меѳодій, Харьковъ 1863 г. стр. 18—27.

переписчика; позже предъ этимъ именемъ поставленъ крестъ". Считая письмо писаннымъ послѣ смерти, г. Бильбасовъ, подобно Виттенбаху, пріурочиваетъ написаніе письма къ 890 г.[1]). Иначе, и еще прежде, высказался г. Лавровскій. Разобравъ и отвергнувъ усиленныя доказательства католическихъ писателей о подложности письма, ученый изслѣдователь пришелъ съ своей стороны къ слѣдующему выводу: письмо несомнѣнно подлинное, но писано папою Стефаномъ тотчасъ по вступленіи его на престолъ, когда въ Римѣ еще не знали о кончинѣ Меѳодія, послѣдовавшей всего за четыре мѣсяца до вступленія Стефана на престолъ: срокъ этотъ слишкомъ не великъ для того, чтобы извѣстіе о ней могло придти въ Римъ. Что касается до рѣзкихъ рѣчей папы о Меѳодіи и славянскомъ богослуженіи, которое запрещаетъ папа, то это не стоитъ въ особенномъ противорѣчіи ни съ отношеніями прежнихъ папъ къ дѣлу славянскихъ первоучителей, всегда неискренними, ни тѣмъ болѣе съ личнымъ характеромъ папы Стефана[2]). Въ такомъ состояніи вопросъ о письмѣ папы Стефана находился до 1879 г., когда привзошло новое важное обстоятельство въ исторіи этого вопроса. Въ 1879 г. англійскій ученый Бишопъ привелъ въ извѣстность ученому міру хранящійся въ Британскомъ музеѣ *Сборникъ папскихъ писемъ* (съ которымъ впрочемъ еще прежде ознакомился покойный Пертцъ, знаменитый основатель изданія „Monumenta Germaniae") и передалъ его для изданія редакторамъ „Monumenta". Одинъ изъ послѣднихъ, Эвальдъ, подвергъ сборникъ спеціальному, историко-критическому изслѣдованію, которое вмѣстѣ съ извлеченіями всего существеннаго содержанія издалъ въ

---

[1]) Изложивъ такой взглядъ на письмо въ своемъ ученомъ трудѣ „Кириллъ и Меѳодій по документальнымъ источникамъ" стр. 26—32 (Спб. 1868 г.), г. Бильбасовъ продолжаетъ держаться того же взгляда въ новомъ своемъ сочиненіи: „Кириллъ и Меѳодій, славянскіе первоучители". Новь. 1885 г. № 11, стр. 434 и примѣч. 80-е на стр. 440.

[2]) Кириллъ и Меѳодій, Харьковъ 1863 г. стр. 18—27.

Neues Archiv der Geselschaft für ältere deutsche Geschichtskunde, подъ заглавіемъ: Die päpstliche Briefe der Brittischen Sammlung. Въ сборникѣ оказалось до 500 папскихъ писемъ, въ томъ числѣ много дотолѣ неизвѣстныхъ и неизданныхъ, въ частности—неизвѣстныхъ и неизданныхъ писемъ папъ Іоанна VIII и Стефана V (послѣднихъ 26), и въ числѣ послѣднихъ оказались письма, касающіяся св. Меѳодія и моравской церкви [1]). Письма эти обратили на себя усиленное вниманіе ученыхъ изслѣдователей исторіи славянскихъ первоучителей, такъ что имѣются уже нарочитыя изслѣдованія по этому предмету, изъ коихъ болѣе раннимъ было изслѣдованіе ученаго іезуита изъ русскихъ Мартынова: Saint Méthode, apôtre des Slaves et les lettres des souverains pontifes conservées au Britisch Museum. Paris. 1880 г. Въ числѣ писемъ папы Стефана есть упомянутый Коммониторіумъ или инструкція, данная имъ епископу Доминику, пресвитерамъ Іоанну и Стефану, отправляющимся къ славянамъ [2]). Въ Коммониторіумѣ, документѣ несомнѣнно подлинномъ, папа въ одномъ мѣстѣ прямо ссылается на свое письмо къ Святополку, а въ нѣсколькихъ мѣстахъ выражается буквально сходно съ письмомъ [3]). Этимъ подтвердилась *подлинность* письма настолько рѣшительно, что признана и такими изслѣдователями, которые предъ тѣмъ отрицали ее. Но теперь возникли новые вопросы о времени изданія письма папою. Эвальдъ полагаетъ, что Коммониторіумъ писанъ въ 887 или 888 г. на томъ особенно основаніи, что онъ помѣщенъ въ Сборникѣ на послѣднемъ мѣстѣ въ

---

[1]) Изъ русскихъ сообщеній о Сборникѣ болѣе подробное—у Воронова, въ его ст. „Научное движеніе по вопросу о свв. Кириллѣ и Меѳодіи". Труды Кіев. д. Академіи 1881 г. Августъ.

[2]) Commonitorium Dominico episcopo, Iohanni et Stephano presbyteris euntibus ad sclavitos (Sclavos).

[3]) Отрывки инструкціи, перепечатанные по изданію ихъ у Эвальда въ соч. Мартынова, въ изданіи Starine na swiet izdaje Jugoslavenska akademia znanosti i umïetnosti, Knjiga XII. U Zagrebu. 1880 г. p. 220—221, у Воронова (ibid.), будутъ приведены въ своемъ мѣстѣ.

ряду документовъ изъ регистра писемъ папы Стефана, многіе изъ которыхъ относятся именно къ 887 г. Съ тѣмъ вмѣстѣ и письмо папы къ Святополку, какъ писанное *нѣсколько прежде*, писано *не ранѣе 887 г.* И какъ оно предполагаетъ Меѳодія еще живымъ, слѣдовательно писано *ранѣе смерти его*, то и смерть Меѳодія слѣдуетъ относить не къ 885 г., какъ обыкновенно полагаютъ на основаніи „Житія“ его, а къ тому же 887 или 888 году. Къ иному выводу пришелъ Мартыновъ. Съ признаніемъ подлинности письма папы Стефана къ Святополку, онъ не счелъ возможнымъ и необходимымъ отвергать авторитетное свидѣтельство „Житія“ Меѳодія о времени его кончины 6 апр. 885 г. То затрудненіе, которое встрѣчалось другимъ въ рѣчи письма о Меѳодіи, какъ живомъ, Мартыновъ призналъ несуществующимъ. Вчитываясь въ письмо, онъ нашелъ, что письмо предполагаетъ Меѳодія уже умершимъ, а не живымъ, говоритъ о немъ, не какъ о живомъ, а какъ умершемъ. Хотя такое объясненіе являлось совершенно неожиданнымъ открытіемъ послѣ того, какъ письмо читалось и изслѣдывалось цѣлымъ рядомъ ученыхъ, читавшихъ его выраженія о Меѳодіи, какъ еще живомъ, а не умершемъ; тѣмъ не менѣе новое объясненіе Мартынова принято было и нѣкоторыми другими, въ томъ числѣ и русскими, изслѣдователями, какъ наиболѣе успокоительное [1]). На этомъ пока и остановилась исторія критики относительно письма папы Стефана V къ Святополку. Наше мнѣніе о письмѣ состоитъ въ слѣдующемъ: 1., письмо несомнѣнно *подлинное*, какимъ признавалось оно нѣкоторыми изслѣдователями еще до открытія „Коммониторіума“, а по открытіи послѣдняго признается большинствомъ изслѣдователей [2]).

---

[1]) Мнѣніе Мартынова принято Вороновымъ (ibid.), Гротомъ (Моравія и Мадьяры, стр. 133) и др.

[2]) Впрочемъ и теперь есть сомнѣвающіеся въ подлинности письма и наклонные считать его подлогомъ Вихинга. Святые Константинъ и Меѳодій, первоучители славянскіе г. Голубинскаго. М. 1885 г. стр. 68.

2., Письмо предполагаетъ Меѳодія *еще живымъ*, а не умершимъ: такъ поняли выраженія письма и Ваттенбахъ, первый открывшій письмо, и Эвальдъ, первый подвергшій его новому критическому изслѣдованію въ связи съ Коммониторіумомъ; такъ поняло эти выраженія и большинство другихъ изслѣдователей. Иначе и нельзя понять этихъ выраженій, если понимать ихъ *въ прямомъ* смыслѣ, а не переиначивать этого смысла произвольными объясненіями и толкованіями, какъ это дѣлаетъ о. Мартыновъ, какъ бы подражая пріемамъ латинскихъ толкователей текстовъ Св. Писанія, получающихъ, благодаря такимъ толкованіямъ, иногда смыслъ прямо противоположный прямому смыслу текста[1]). Что касается до того предположенія, сдѣланнаго г. Бильбасовымъ въ виду неотразимости прямого смысла выраженій письма, что въ испорченномъ манускриптѣ письма выраженія, стоявшія въ прошедшемъ времени, замѣнены невѣдущимъ переписчикомъ выраженіями въ настоящемъ, то это предположеніе есть, конечно, одно изъ довольно легкихъ и удобныхъ средствъ устранять затрудненія въ случаяхъ, подобныхъ настоящему; за то, само по себѣ, оно не имѣетъ доказательной силы, такъ что прибѣгать къ нему позволительно только въ тѣхъ крайнихъ случаяхъ, когда настоитъ полная невозможность устранить затрудненіе или недоразумѣніе болѣе вѣроятнымъ объясненіемъ, чего въ данномъ случаѣ не существуетъ. 3., Съ признаніемъ подлинности письма и прямого смысла выраженій его о Меѳодіи, какъ еще живомъ, ни коимъ образомъ не слѣдуетъ подвергать сомнѣнію безусловно авторитетное свидѣтельство Житія его о годѣ, мѣсяцѣ и днѣ кончины св. Ме-

[1]) Въ письмѣ говорится: Methodium namque superstitioni, non aedificationi, contentioni, non paci *insistentem audientes plurimum mirati sumus*; *et si ita est* ut audivimus, superstitionem ejus penitus abdicamus... Говоря объ анаѳемѣ, наложенной Меѳодіемъ на противящихся его ученію, папа выражается: Anathema vero pro contemnenda catholica fide, *qui indixit in caput ejus redundabit*. Выражаясь такъ, папа, конечно, предполагаетъ, что глава, на которую онъ хочетъ возвратить и разлить анаѳему, еще жива.

ѳодія, относить ее къ 892 или 887—880 гг. А потому и письмо папы Стефана V, какъ предполагающее Меѳодія еще живымъ, не можетъ быть относимо ни къ 890 г., какъ относятъ его Ваттенбахъ, Бильбасовъ и нѣкоторые другіе, ни къ 887 году, какъ относитъ его Эвальдъ [1]). Невозможно, чтобы до этихъ годовъ въ Римѣ не знали о кончинѣ Меѳодія, послѣдовавшей въ апр. 885 г. 4., Отсюда необходимо заклю-

---

[1]) Ваттенбахъ, за нимъ г. Бильбасовъ и нѣкоторые другіе относятъ письмо папы къ 890 г. на томъ, какъ было уже замѣчено, основаніи, что въ письмѣ Святополкъ названъ *rex*, а такъ называетъ его Регино въ своей лѣтописи въ первый разъ подъ 890 г. Но довольно странно встрѣчать подобное разсужденіе у людей, знакомыхъ съ средневѣковыми анналистами. Послѣдніе далеко не всегда прилагаютъ названіе rex только къ дѣйствительнымъ королямъ, какъ нѣмецкіе, французскіе и др. Очень часто они даютъ названіе rex и такимъ вождямъ и князьямъ разноплеменныхъ народовъ, которыхъ обыкновенно называютъ dux, princeps. Примѣровъ такого употребленія слова rex можно бы набрать *цѣлые десятки* въ анналахъ, изд. въ 1 томѣ у Пертца. Въ частности, анналисты даютъ названіе rex нерѣдко и такимъ незначительнымъ, въ сравненіи съ Святополкомъ Моравскимъ, князьямъ, какъ князья прибалтійскихъ славянъ—Оботридовъ и Вильцевъ (Pertz. 1, стр. 210. 309 и др.). Если Регино называетъ Святополка rex въ первый разъ подъ 890 г., то не слѣдуетъ забывать, что *до этого* года Регино ни разу не упоминаетъ о Святополкѣ, что извѣстіе 890 г. есть вообще *первое* извѣстіе его о Святополкѣ. Съ другой стороны Фульденская лѣтопись *и послѣ 890 г.* называетъ Святополка *не rex, а dux* (см. напр. извѣстія ея подъ 890, 892, 893, 894 и др. годами), а иногда выражается *regnum Zuentibaldi ducis* (подъ 893 г.). Изъ всего этого видно, что анналисты *не строго* держатся одного какого-либо правила въ употребленіи названій *rex* и *dux, princeps*. Такимъ образомъ изъ названія rex для Святополка въ письмѣ папы Стефана и у Регино подъ 890 г. еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобы письмо писано было не ранѣе 890 г. Присовокупимъ еще слѣдующій, надѣемся, вѣскій комментарій къ названію rex въ письмѣ папы къ Святополку: извѣстное письмо папы Григорія VII къ нашему кіевскому в. князю Изяславу отъ 1075 г. надписывается Demetrio (хр. имя князя) *regi* Ruscorum *et reginae* uxori ejus (Histor. Russiae Monumenta ed. Turgenevio, T. 1. Спб. 1841 г., № 1). Нашъ Изяславъ оффиціально не былъ королемъ, однакоже называется королемъ въ письмахъ Григорія VII. Тоже должно сказать и о названіи rex въ письмѣ Стефана къ Святополку. Можно дѣлать предположенія о томъ, почему папа хотѣлъ почтить Святополка, называя его rex, но нѣтъ основанія полагать, что папа могъ такъ называть Святополка не ранѣе 890 г., подъ которымъ такъ называетъ его Регино, *впервые* притомъ и говорящій о Святополкѣ подъ этимъ годомъ. Что касается до мнѣнія Эвальда о 887 годѣ, какъ годѣ письма, то шаткость основаній такого мнѣнія довольно разъяснена Вороновымъ (тамъ же).

чить, что письмо писано въ такое сравнительно недолгое время по кончинѣ Меѳодія, когда папа дѣйствительно могъ не знать о ней и предполагать его живымъ. Необходимо признать, что оно писано папою тотчасъ по вступленіи его на престолъ, которое могло послѣдовать въ августѣ или ни какъ не позже сентября 885 г. [1]). 5., Такъ какъ письмо писано, какъ это совершенно очевидно, вслѣдствіе жалобъ и доносовъ Вихинга на Меѳодія, направлено въ пользу Вихинга, съ нимъ и отправлено, то необходимо признать, что Вихингъ находился въ Римѣ *нѣкоторое время до написанія письма* въ хлопотахъ по своему дѣлу, а отправился въ Римъ еще ранѣе того, когда Меѳодій былъ еще живъ, такъ что и *Вихингъ могъ говорить въ Римѣ о немъ, какъ о живомъ.* Примыкая въ послѣднихъ двухъ выводахъ относительно письма къ выводамъ о немъ г. Лавровскаго, попытаемся пополнить ихъ, такъ сказать, болѣе округленнымъ представленіемъ обстоятельствъ поѣздки Вихинга въ Римъ, имѣвшей послѣдствіемъ выраженный письмомъ папы суровый судъ его о Меѳодіи и его дѣлѣ.

Припомнимъ, что Вихингъ, креатура Арнульфа, при содѣйствіи его и своей ловкости и лести, вошедшій въ довѣріе къ Святополку, былъ, по желанію послѣдняго, поставленъ въ 880 г. въ Римѣ папою Іоанномъ VIII въ епископа г. Нитры, въ званіи суффрагана или подчиненнаго Меѳодію епископа Моравско-Паннонской архіепископіи. Врагъ Меѳодія и славянскаго богослуженія, Вихингъ вслѣдъ затѣмъ началъ свои интриги противъ Меѳодія, не останавливаясь и предъ такими средствами, какъ ложь, клевета и подлогъ. Хотя такія интриги Вихинга, по жалобѣ на нихъ

---

[1]) Надобно сознаться, что данныхъ для *совершенно точнаго* опредѣленія момента вступленія папы Стефана на престолъ пока не имѣется. Едва ли можетъ считаться твердо установленнымъ и время смерти его предмѣстника Адріана III. Болѣе точное опредѣленіе этихъ моментовъ послужило бы къ установленію того наиболѣе равнаго момента, въ какой могло явиться письмо Стефана V.

со стороны Меѳодія, были изобличены и осуждены самимъ папою, но Вихингъ остался безнаказаннымъ, благодаря извѣстнымъ намъ обстоятельствамъ самаго папы и недостатка вниманія къ дѣлу со стороны Святополка, который, продолжая дружить съ Арнульфомъ, не трогалъ и покровительствуемаго имъ Вихинга. Но во время извѣстной намъ ссоры Святополка съ Арнульфомъ и войны 883—884 г., Вихингъ долженъ былъ утратить опору въ Святополкѣ, послѣ чего Меѳодій могъ безпрепятственнѣе подвергнуть его давно заслуженной карѣ—отлученію. Было высказано кажущееся намъ весьма вѣроятнымъ предположеніе, что Меѳодій подвергъ этой карѣ Вихинга и его сторонниковъ изъ нѣмецкаго духовенства послѣ того, какъ посѣтилъ Паннонію, отнятую отъ нѣмцевъ Святополкомъ и возвращенную подъ архіепископскую власть Меѳодія вслѣдствіе войны 884 г., что эта кара была ближайшимъ образомъ вызвана тѣмъ самовольнымъ вмѣшательствомъ Вихинга въ церковныя дѣла Панноніи, на какое способенъ былъ отважиться послѣдній во время господства надъ нею нѣмцевъ и слѣды котораго засталъ Меѳодій, когда посѣтилъ Паннонію, что наконецъ вмѣшательство Вихинга, наказанное отлученіемъ, по необходимости должно было выражаться въ навязываніи паннонскимъ христіанамъ-славянамъ символа съ filioque и въ преслѣдованіи славянскаго богослуженія, почему Меѳодій, подвергая Вихинга заслуженной карѣ, могъ ссылаться не только на свои архіепископскія права, но и на судъ Рима, признавшаго Меѳодія и исповѣдуемый имъ символъ (безъ filioque) православнымъ и дозволившаго славянское богослуженіе. Кара отлученія или анаѳемы на Вихинга объявлена была Меѳодіемъ уже не задолго до кончины его, какъ слѣдуетъ заключать по времени, въ какое онъ могъ посѣтить Паннонію и возвратиться изъ нея и какъ видно изъ самаго письма папы Стефана, говорящаго объ анаѳемѣ, какъ дѣлѣ недавнемъ: она объявлена или въ самомъ концѣ 884 г. или въ началѣ 885 г. Понятно все раздраженіе Вихинга послѣ этой

анаѳемы. Если прежде онъ враждовалъ и злобствовалъ противъ Меѳодія, то теперь не было мѣры его раздраженію и злобѣ. Онъ способенъ былъ на все, чтобы отомстить Меѳодію и сразить его, а съ тѣмъ вмѣстѣ возвратить власть, какой лишилъ его Меѳодій. Таковы всегда бываютъ люди, подобные Вихингу, когда поддаются чувству ненависти и мщенія и борются за свою власть. Свой замыселъ новой борьбы съ Меѳодіемъ Вихингъ могъ проводить не иначе, какъ начавъ изъ Рима. Туда онъ и отправился,—еще при жизни Меѳодія, ибо чувство раздраженія и мщенія и позорное состояніе подъ гнетомъ анаѳемы, не дозволяли ему надолго отлагать своей поѣздки; онъ могъ замедлить съ нею развѣ настолько, сколько требовалось для сборовъ въ дальнюю дорогу и собранія денегъ на дорогу, на содержаніе и на хлопоты по своему дѣлу въ Римѣ, ибо въ Римъ ѣхать безъ добраго запаса денегъ тогда было неудобно. Такимъ образомъ мы полагаемъ, что Вихингъ прибылъ въ Римъ еще до апрѣля 885 г., когда здѣсь папою былъ Адріанъ III. Вихингъ, безъ сомнѣнія, зналъ, что идетъ въ Римъ въ удобную для себя пору въ томъ именно смыслѣ, что здѣсь давно уже не было въ живыхъ папы Іоанна VIII, грозившаго ему судомъ за интриги противъ Меѳодія и за извѣстный подлогъ, зналъ быть можетъ и то, что уже при преемникѣ Іоанна Маринѣ политика римская кое-въ чемъ измѣнилась, и именно въ смыслѣ благопріятномъ для плановъ Вихинга. Дѣйствительно папа Маринъ въ своихъ отношеніяхъ къ православному греко-востоку хотѣлъ слѣдовать не Іоанну VIII, а Николаю I, врагу Фотія, горячему защитнику латино-западнаго Filioque[1]) Преемникъ Марина Адріанъ колебался

[1]) Извѣстно, что папа Маринъ, тотчасъ по вступленіи на престолъ, отвергнулъ Константинопольскій соборъ 879—880 г. и предалъ Фотія отлученію. Извѣстно, что папа Стефанъ V, говоря о Маринѣ, относилъ къ особеннымъ достоинствамъ его то, что онъ „мыслилъ и чувствовалъ одинаково съ папою Николаемъ I“ (Mansi, Plena Collectio Conciliorum, T. XVIII, 11. Baron., Annales ad an. 885).

въ своихъ отношеніяхъ къ Востоку, былъ вообще безхарактеренъ; притомъ, кратковременное управленіе этого папы, продолжавшееся всего 1 годъ 3 мѣсяца и 19 дней, было несчастно: Римъ страдалъ тогда отъ саранчи, опустошавшей окрестныя поля и сады, отъ засухи и голода. Политическія отношенія папы были также стѣсненны. Подобно Іоанну, онъ видѣлъ необходимость ѣхать къ императору Карлу и, ввѣривъ на время своего отсутствія защиту Рима послу Карла епископу Іоанну, дѣйствительно отправился въ путь, но недоѣзжая р. По, внезапно скончался въ С. Цезаріо или Viul-Zacharia въ августѣ, по инымъ въ іюлѣ 885 г. Въ Римѣ представители клира и народа, собравшись для избранія новаго папы, согласились, что въ виду бѣдствій, тяготѣющихъ надъ городомъ, какъ знаменій гнѣва Божія, слѣдуетъ избрать папою мужа благочестиваго, богоугоднаго, и такимъ найденъ пресвитеръ Стефанъ, который и сталъ папою, подъ именемъ Стефана V (оффиціально—VI), что было въ томъ же августѣ или не позже сентября 885 г. Понятно, что Вихингъ, прибывшій въ Римъ еще при Адріанѣ въ одинъ изъ послѣднихъ мѣсяцевъ правленія его, долженъ былъ на нѣкоторое время разочароваться въ расчетахъ на скорый ходъ своего дѣла въ Римѣ. Риму и Адріану III было не до Вихинга. Тяжкія были заботы у нихъ и о себѣ. Тяжкимъ положеніемъ Рима и папы въ первые мѣсяцы пребыванія здѣсь Вихинга можетъ объясняться то, почему онъ долго не успѣвалъ заинтересовать папу и римскую курію своимъ дѣломъ, объясняется быть можетъ и отсутствіе такихъ сношеній Рима съ далекою Моравіею, плодомъ которыхъ было бы полученіе извѣстій о кончинѣ Меѳодія[1]). Съ вступленіемъ на папство Стефана V положеніе Вихинга измѣнялось въ самомъ желанномъ для него смыслѣ. Во-первыхъ папа этотъ былъ гораздо энергичнѣе своего пред-

[1]) О папахъ Адріанѣ и Стефанѣ V (VI) и ихъ времени см. въ Patr. Latin. edit. Migne, T. 126, p. 971—974; T. 128, p. 1398 и далѣе.

мѣстника, наклонный притомъ прибѣгать къ строгимъ духовнымъ мѣрамъ, какъ анаѳема [1]). Вовторыхъ, онъ былъ почитателемъ Марина и Николая I, слѣд. ревнителемъ того римскаго ученія о Filioque, которое такъ горячо отстаивалъ противъ Фотія Николай, призывая и франкскую іерархію на защиту этого ученія. Если онъ хвалилъ Марина особенно за то, что тотъ чувствовалъ и мыслилъ одинаково съ Николаемъ I, то, конечно, и самъ чувствовалъ и мыслилъ одинаково съ послѣднимъ. Такой папа былъ какъ разъ въ пору для Вихинга. Прождавъ въ Римѣ уже не малое время, истратившись за это время [2]), поощряемый обнаружившимся образомъ мыслей и дѣйствій новаго папы, Вихингъ, безъ сомнѣнія, не замедлилъ представить свое дѣло этому папѣ *немедленно* по вступленіи его на престолъ. Наиболѣе удобнымъ и сильнымъ средствомъ настроить папу въ свою пользу и противъ Меѳодія служилъ для Вихинга доносъ, что Меѳодій презираетъ римско-католическую вѣру и церковь, поетъ символъ безъ Filioque и налагаетъ анаѳему на тѣхъ, которые держатъ символъ съ Filioque, какъ Вихингъ и латино-нѣмецкое духовенство въ Моравіи и Панноніи. Одного этого было слишкомъ достаточно для Вихинга, чтобы папу, почитателя Марина и Николая (но не Іоанна VIII), всецѣло настроить въ свою пользу и противъ Меѳодія, и папа съ свойственною ему ревностію и энергіею тоже *не замедлилъ*

---

[1]) Древнее сказаніе римское о папѣ Стефанѣ съ великими похвалами изображаетъ ревностную дѣятельность этого папы, проявленную имъ тотчасъ по вступленіи на престолъ. А что онъ наклоненъ былъ принимать строгія духовныя мѣры, видно напр. изъ того, что въ своей проповѣди, говоренной скоро по вступленіи на престолъ, онъ грозитъ какимъ-то суевѣрамъ отлученіемъ отъ причастія, и въ случаѣ противленія—анаѳемой. Patr. Lat. T. 128, p. 1398—1403.

[2]) Изъ того же древняго сказанія о папѣ Стефанѣ видно, что по вступленіи на каѳедру онъ засталъ крайнюю во всемъ скудость и нужду какъ въ папскомъ дворѣ, такъ и въ городѣ, бывшую послѣдствіемъ ряда бѣдствій, тяготѣвшихъ надъ Римомъ въ предшествовавшее время. Понятно, что и Вихингу, при такихъ обстоятельствахъ Рима, жилось тяжело въ Римѣ, что средства его истощались и онъ долженъ былъ *спѣшить* съ достиженіемъ рѣшенія по своему дѣлу, какъ скоро стало это возможнымъ при новомъ папѣ.

принять ту рѣшительную мѣру въ защиту римскаго ученія, Вихинга и противъ Меѳодія, какою явилось письмо его къ моравскому государю. Сопоставленіемъ этихъ обстоятельствъ и выясняется фактъ изданія письма папою въ *самомъ началѣ* его правленія, фактъ необходимо предполагаемый словами письма о Меѳодіи, какъ еще живомъ, какимъ считалъ его папа, потому что въ около 4-хъ-мѣсячный срокъ, истекшій отъ кончины Меѳодія, еще не успѣла дойти изъ Моравіи въ Римъ вѣсть о его кончинѣ. Что это было не только возможно, но было даже довольно обыкновенно при тогдашнихъ способахъ сообщеній и сношеній, на это есть не одинъ примѣръ [1]). Возможенъ только вопросъ: если папа, когда писалъ свое письмо, не зналъ еще о смерти Меѳодія; то ужели не зналъ о ней Вихингъ? Могъ и онъ не знать, и — по тѣмъ же причинамъ, по которымъ не зналъ и папа. Но если Вихингъ успѣлъ получить извѣстіе о смерти Меѳодія, то могъ промолчать о томъ, ибо ему даже выгоднѣе было получить осужденіе на Меѳодія, какъ живаго, а не умершаго [2]).

---

[1]) Убѣдительный примѣръ приводитъ по этому поводу г. Лавровскій. „Не забудемъ, говоритъ онъ, что самъ папа Николай I, не взирая на свое неусыпное вниманіе къ тому, что дѣлалось въ Константинополѣ, не смотря на правильность, непрерывность и скорость сношеній Италіи съ Византіей, на бо́льшую близость, при морскомъ пути, обѣихъ столицъ другъ къ другу, Рима и Царьграда, чѣмъ Велеградъ и Римъ, все-таки писалъ письмо къ Вардѣ (отъ ноября 866 г.), когда уже прошло *больше полугода* послѣ его смерти". Кириллъ и Меѳодій, стр. 22. Подобныхъ примѣровъ можно бы собрать и еще.

[2]) Можно бы предполагать, что оставшіеся въ Моравіи сторонники Вихинга изъ нѣмецкаго духовенства имѣли интересъ въ томъ, чтобы извѣстить его о смерти Меѳодія. Но отъ этого могли удерживать ихъ какъ ожиданіе болѣе скораго возвращенія самого Вихинга изъ Рима, такъ и затрудненія далекаго пути въ Римъ и хлопотливаго сбора въ этотъ путь, особенно въ тогдашнее неспокойное время. Если же Вихингъ успѣлъ получить извѣстіе о кончинѣ Меѳодія, то возможность умолчанія о ней представляется допустимою по извѣстному характеру Вихинга; способный на ложь, на подлогъ, онъ, конечно, способенъ былъ и не сказать о смерти Меѳодія, чтобы получить осужденіе его, какъ живаго, парализировать въ глазахъ его почитателей значеніе анаѳемы, наложенной на него Меѳодіемъ, и перевесть ее на голову самого Меѳодія, какъ еще живаго. Это могло казаться ему болѣе выгоднымъ съ канонической точки зрѣнія на анаѳему.

Выяснивъ обстоятельства изданія папою Стефаномъ письма къ Святополку, остановимся на нѣкоторыхъ особенностяхъ письма. Начиная письмо, папа обращается къ нему съ выраженіемъ *regi Sclavorum*. Было уже замѣчено, что названіе rex и въ анналахъ и въ папскихъ письмахъ прилагалось иногда и къ такимъ князьямъ и державцамъ, которые формально не были облечены этимъ высшимъ титуломъ. Если въ анналахъ это могло быть и случайностію, то въ папскихъ посланіяхъ оно должно быть понимаемо въ извѣстныхъ случаяхъ не иначе, какъ выраженіе особеннаго вниманія папы къ князю, которому онъ пишетъ, обусловливаемое выдающимся могуществомъ и политическимъ значеніемъ князя, особыми видами на него со стороны Рима и т. под. Такъ, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ понимать и названіе rex въ письмѣ Стефана къ Святополку [1]). Теперь онъ былъ сильнѣе и славнѣе, чѣмъ въ то время, когда писывалъ къ нему папа Іоаннъ VIII, называвшій его только dux, comes. Послѣ блистательныхъ побѣдъ надъ нѣмцами въ войнѣ 883—884 г., самъ императоръ принялъ участіе въ заключеніи мира съ торжествующимъ Святополкомъ, и держава послѣдняго расширилась присоединеніемъ нижней Панноніи. Очень хорошо могъ знать обо всемъ этомъ папа отъ того же Вихинга, по внушенію котораго писалъ къ Святополку, и счелъ умѣстнымъ и полезнымъ почтить его, польстить ему названіемъ rex. При все еще продолжавшихся стѣсненныхъ обстоятельствахъ Рима въ данное время, когда папы принуждены были отовсюду искать себѣ защиты отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, папѣ Стефану въ пору было заискивать доброе расположеніе къ себѣ сильнаго и славнаго Моравскаго государя, чтобы при случаѣ расчиты-

---

[1]) Названіе rex стоитъ не въ регистральномъ только заголовкѣ письма папы (Epistola Stephani papae ad Zuentopolcum regem), но въ самомъ обращеніи къ Святополку, начинающемъ письмо: Stephanus episcopus, servus servorum Dei, Zuentopolco regi Sclavorum.

вать и на его помощь. Самое письмо папа начинаетъ, какъ уже сказано, похвалою Святополку за его ревность по вѣрѣ и преданность ап. Петру и его намѣстнику, выражаясь, что онъ *слышалъ* о такой ревности и преданности Святополка, заключаетъ о ней и изъ того, что послѣдній, не блуждая по другимъ мѣстамъ, пожелалъ обратиться къ римской церкви. Если слышалъ папа это о Святополкѣ, то слышалъ, конечно, отъ Вихинга. Въ интересахъ Вихинга было—увѣрять въ этомъ папу, чтобы представить преданность Святополка римской церкви плодомъ собственныхъ стараній, собственныхъ внушеній моравскому государю и въ свою очередь получить ту сильную рекомендацію папы, какая и дается потомъ въ письмѣ въ пользу Вихинга. Можетъ быть вопросъ о томъ, насколько правдивъ былъ Вихингъ въ своихъ увѣреніяхъ о Святополкѣ предъ папою? Иначе сказать: то, что *услышалъ* папа о *Святополкѣ и услышалъ, безъ сомнѣнія, отъ Вихинга*,—передавалъ ли этотъ послѣдній *съ вѣдома Святополка, по его порученію?* Что Вихингъ могъ и *преувеличить* что либо въ своихъ рѣчахъ о Святополкѣ, это вѣроятно и согласно съ характеромъ Вихинга. Но столько же вѣроятно, что свои сообщенія папѣ онъ дѣлалъ *не безъ вѣдома Святополка*, что слѣдовательно и въ *Римъ онъ отправился съ вѣдома его*, что слѣдовательно онъ *видѣлся или сносился съ Святополкомъ предъ отправленіемъ въ Римъ*. Обстоятельнѣе выяснимъ этотъ необходимо предполагаемый нами фактъ — въ послѣдствіи, когда будемъ говорить объ отношеніи Святополка къ спору Вихинга съ учениками Меѳодія. А теперь продолжимъ анализъ папскаго письма. Послѣ похвалъ Святополку и увѣреній его въ своей любви и проч., папа усиленно защищаетъ истинность вѣры ап. Петра и римской церкви, хулить которую можетъ только безумный, и затѣмъ излагаетъ самое ученіе этой вѣры, ученіе о св. Тройцѣ, особенно же ученіе о Filioque. Очевидно, папа предполагалъ существованіе въ моравской церкви ученія, противнаго авторитету и ученію римской церкви,

Предполагалъ это папа, конечно, на основаніи доноса Вихинга о Меѳодіи, какъ исповѣдникѣ православнаго символа, который онъ преподалъ своей церкви, подвергнувъ отлученію самаго Вихинга за противленіе этому символу и вообще всему дѣлу славяно-моравской церкви. Нѣсколько выше мы уже замѣтили, какое значеніе долженъ былъ получить доносъ Вихинга въ глазахъ папы Стефана, почитателя Николая I, слѣдовательно горячаго защитника Filioque. Возревновавъ сразить противное сему ученіе Меѳодія въ Моравіи, папа чувствовалъ себя въ нѣкоторомъ затрудненіи въ виду того, безъ сомнѣнія, извѣстнаго ему факта, что еще не такъ давно, какъ бы сама римская церковь въ лицѣ папы Іоанна VIII высказалась за согласіе съ Востокомъ и Меѳодіемъ въ ученіи о символѣ и незаконности въ немъ Filioque. Въ глазахъ папы Стефана это былъ скандальный фактъ, которымъ какъ бы компрометировался авторитетъ римской церкви, а Меѳодій оправдывался въ своемъ ученіи и въ своихъ дѣйствіяхъ противъ несогласныхъ съ нимъ. Требовалось заслонить этотъ фактъ, требовалось усиленно выступить на защиту авторитета римской церкви и ученія о Filioque, какъ истиннаго ученія. Папа благоразумно умалчиваетъ о томъ, что было при Іоаннѣ по вопросу о символѣ, даже не упоминаетъ о символѣ въ своей защитѣ Filioque; за то усиливаетъ и удлиняетъ эту защиту обильнымъ подборомъ мѣстъ св. Писанія, заканчивая внушеніемъ Святополку — не испытывать и неизслѣдовать такихъ догматовъ, а вѣрить согласно съ ученіемъ римской церкви, теперь излагаемымъ папою. Затѣмъ естественно должна была слѣдовать и слѣдуетъ въ письмѣ папы полная защита и Вихинга, котораго онъ представляетъ хорошо наставленнымъ въ ученіи римской церкви, заботливымъ доброжелателемъ Святополка, и усиленно рекомендуетъ принять его на управленіе ввѣренною ему церковію, ибо онъ, замѣчаетъ папа, имѣетъ попеченіе о всѣхъ церковныхъ дѣлахъ у васъ. Надлежало бы ожидать, что папа отъ рѣчей о Filioque и Вихингѣ непосредственно пе-

рейдетъ къ рѣчи о Меѳодіи, противникѣ Filioque, осудившемъ за него и Вихинга. Но рѣчь папы прерывается довольно длиннымъ наставленіемъ о постѣ, которое, по всей вѣроятности, вызвано какими либо сообщеніями того же Вихинга о недоразумѣніяхъ и затрудненіяхъ Святополка по этому предмету, который и счелъ нужнымъ разрѣшить папа прежде, чѣмъ направить свои рѣчи на Меѳодія [1]). Напомнимъ эти замѣчательныя рѣчи. „Мы весьма удивились, пишетъ папа, услышавъ, что Меѳодій преданъ лжеученію (superstitioni), а не назиданію, враждѣ, а не миру; если это такъ, какъ мы слышали, то лжеученіе его мы совершенно отвергаемъ. Анаѳема же за презрѣніе католической вѣры падетъ на главу того, кто объявилъ ее; ты же и народъ твой, по суду Духа Святаго, будете невинны, если только будете ненарушимо содержать вѣру, которую проповѣдуетъ римская церковь". Нѣтъ сомнѣнія, что удивленіе папы—притворное, ибо онъ зналъ, что Меѳодій и не могъ учить иначе, чѣмъ онъ училъ. Притворнымъ удивленіемъ папа хочетъ прикрыть то горькое сознаніе, что сама римская церковь при папахъ Адріанѣ II и Іоаннѣ VIII оправдала ученіе Меѳодія и признала его правовѣрнымъ. Замѣчательно, что папа воздерживается отъ болѣе прямаго поясненія, въ чемъ именно состоитъ суевѣріе или лжеученіе Меѳодія, ибо это мнимое лжеученіе состояло собственно въ томъ, что Меѳодій держится *символа* безъ Filioque. А говорить о символѣ было совсѣмъ неудобно для папы. О лжеученіи Меѳодія папа предоставлялъ Святополку заключать изъ того, что выше изложилъ о римскомъ ученіи касательно исхожденія Св. Духа. Искреннѣе, кажется, былъ

---

[1]) Пространныя наставленія папы о постахъ несомнѣнно предполагаютъ существованіе недоразумѣній по этому вопросу, сообщенныхъ папѣ Вихингомъ отъ имени Святополка. Недоразумѣнія эти вызывались различіемъ въ уставахъ или обычаяхъ относительно поста между греческою и римскою церковію. Вспомнимъ кстати вопросы болгаръ папѣ-Николаю.

папа, когда удивлялся тому слуху, т. е. наговору о Меѳодіи, что послѣдній преданъ враждѣ, а не миру. Въ свое время мы упоминали, что папа Іоаннъ VIII, соглашаясь съ Востокомъ относительно незаконности прибавки въ символѣ Filioque, находилъ однакоже нужнымъ не поднимать споровъ изъ за нея съ тѣми, которые уже привыкли къ ней, а ждать отъ времени устраненія этой привычки. Меѳодій, по самому положенію своему, вынужденъ былъ бороться съ послѣдователями новаго франко-нѣмецкаго догмата, который они хотѣли навязать и моравской церкви, какъ это дѣлалъ Вихингъ, подвергнутый за это отлученію. На взглядъ папы, такой образъ дѣйствій Меѳодія, обжалованный Вихингомъ, казался возмутительнымъ, оскорбляющимъ авторитетъ римской церкви, стоявшей теперь за Filioque, и способнымъ навлечь среди нѣмецкой іерархіи нареканія на самый Римъ, гдѣ Меѳодій поставленъ на архіепископство и признанъ былъ правовѣрнымъ. И вотъ осуждая такой образъ дѣйствій Меѳодія, папа спѣшитъ снять наложенную имъ на Вихинга и др. послѣдователей Filioque анаѳему, и перенесть ее на самаго Меѳодія, перенесть съ больной головы на здоровую. Идя далѣе, папа осуждаетъ Меѳодія за то, что онъ осмѣлился совершать божественныя службы и таинства на славянскомъ языкѣ, чего впредь не дѣлать онъ клятвенно обѣщался на священныхъ мощахъ блаж. Петра. Эта ссылка на клятвенное обѣщаніе Меѳодія впредь не совершать божественныхъ службъ на славянскомъ языкѣ была уже прямо *сознательною ложью* со стороны папы. Она гармонируетъ съ тѣми чертами сознательнаго умолчанія въ одномъ, притворства въ другомъ, какія мы видѣли въ прежнихъ тирадахъ письма. Ложь эта представлялась необходимою для папы. Будучи послѣдователемъ папы Николая, но не Адріана II и не Іоанна VIII, онъ не раздѣлялъ мыслей этихъ послѣднихъ о славянскомъ богослуженіи, какъ не раздѣлялъ мысли Іоанна о символѣ. Богослуженіе славянское по книгамъ переведеннымъ съ книгъ греческихъ,

заключавшихъ въ себѣ и символъ безъ Filioque и греческія установленія о постахъ, различныя отъ латинскихъ, вообще восточное, православное ученіе, съ которымъ начинало расходиться ученіе римской церкви, было въ глазахъ Стефана, почитателя сильно враждебныхъ Востоку Николая и Марина, великою несообразностію и даже преступленіемъ въ средѣ моравской церкви, подвластной Риму. Но какъ опорочить и подорвать существованіе этого богослуженія въ моравской церкви, не только имѣвшее уже двадцатилѣтнюю давность, но и признанное законнымъ въ самомъ Римѣ при Адріанѣ II и Іоаннѣ VIII? Не оставалось другаго средства, какъ промолчавъ о послѣднемъ обстоятельствѣ, о всей исторіи этого дѣла, представить совершеніе славянскаго богослуженія дѣломъ самоизмышленія и самоволія Меѳодія, который дурно понялъ прежнія папскія постановленія по этому предмету, злоупотребилъ ими, былъ обличаемъ за это въ Римѣ, при чемъ взято съ него страшное клятвенное обѣщаніе на мощахъ св. Петра — *впредь* не совершать славянскаго богослуженія, — обѣщаніе опять дерзко имъ нарушенное. Какъ могъ позволить себѣ подобную мистификацію и ложь папа Стефанъ, изображаемый біографами его, какъ человѣкъ благочестивый? Онъ могъ позволить ее въ духѣ той pia fraus, которая имѣла широкое приложеніе въ средніе вѣка не только въ легендахъ, сказаніяхъ, но и въ писаніяхъ документальнаго свойства, какъ и въ дѣйствіяхъ людей, бывъ оправдываема мыслію о пользѣ вѣры и церкви. Если Вихингъ въ чисто эгоистическихъ интересахъ, хотя и прикрываемыхъ интересами латино-нѣмецкой церкви, не затруднялся въ свое время сочинить цѣлое подложное письмо отъ имени папы Іоанна VIII, то не затруднялся и папа Стефанъ *присочинить ложь* въ своемъ настоящемъ посланіи къ Святополку, — ложь, казавшуюся необходимою въ интересахъ римской каѳедры и латино-нѣмецкой церкви въ Моравіи. Но какъ могъ думать папа или Вихингъ, подъ вліяніемъ коего писано посланіе, что лжи

этой повѣритъ Святополкъ, знавшій, что предмѣстники Стефана Адріанъ и Іоаннъ VIII разрѣшали Меѳодію славянское богослуженіе, что не опротестуетъ этой лжи самъ Меѳодій, предполагаемый еще живымъ? Но именно здѣсь и имѣлось въ виду авторитетнымъ (хотя и лживымъ) увѣреніемъ со стороны папы навлечь предъ Святополкомъ подозрѣніе на Меѳодія, представить его человѣкомъ лживымъ, утаившимъ предъ государемъ о своемъ клятвенномъ обѣщаніи въ Римѣ, которое очевидно выставлялось здѣсь какимъ-то послѣднимъ актомъ въ отношеніяхъ папъ къ дѣлу Меѳодія во время пребыванія его въ Римѣ. Предполагалось, что Святополкъ послѣднему слову изъ Рима, т. е. посланію папы Стефана, повѣрить болѣе, чѣмъ прежнимъ папскимъ посланіямъ, что быть можетъ не особенно станетъ входить въ разборъ противорѣчія между этими документами, тѣмъ болѣе, что уже не одинъ разъ оказывался не особенно участливымъ къ нападкамъ и обвиненіямъ на Меѳодія, что̀ хорошо зналъ Вихингъ и могъ объяснить папѣ. При такихъ расчетахъ не казался опаснымъ и протестъ Меѳодія противъ лжи въ папскомъ посланіи. Вихингъ съ папскимъ посланіемъ въ рукахъ надѣялся осилить его предъ Святополкомъ. Если же предположить, что о смерти Меѳодія не зналъ только папа, а самъ Вихингъ уже успѣлъ получить извѣстіе о ней и только промолчалъ, чтобы получить перенесеніе наложенной на него анаѳемы на самаго Меѳодія, какъ еще живаго; то это обстоятельство придавало уже полную смѣлость Вихингу выставлять предъ папою безсиліе возможнаго протеста со стороны Меѳодія. Какъ бы то ни было, остается во всякомъ случаѣ несомнѣннымъ, что въ посланіи папы Стефана Меѳодій *сознательно* оклеветанъ и оболганъ, какъ клятвопреступникъ, давшій клятвенное обѣщаніе не совершать службъ на славянскомъ языкѣ, и не смотря на это дерзающій совершать ихъ. Цѣль клеветы ясно сказывается въ слѣдующемъ повелѣніи папскаго посланія: „никто впредь ни коимъ образомъ да не дерзнетъ совершать

ихъ (славянскихъ службъ), отвращаясь его (Меѳодія) клятвопреступленія. Ибо Божіею и нашею апостольскою властію мы запрещаемъ это подъ страхомъ узъ проклятія". Папа разрѣшаетъ только и даже совѣтуетъ изложеніе т. е. объясненіе евангелія и апостола на славянскомъ языкѣ простому народу, не понимающему богослужебнаго латинскаго языка, т. е. дозволяетъ то, что дѣлалось и должно было дѣлаться въ другихъ національныхъ церквахъ на западѣ. Конечно, не къ кому другому, какъ только къ ученикамъ и послѣдователямъ Меѳодія, обжалованныхъ Вихингомъ наравнѣ съ послѣднимъ, относятся заключительныя слова папскаго посланія: „а упорныхъ и непослушныхъ, производящихъ вражду и соблазнъ, если не исправятся послѣ перваго и втораго увѣщанія, предписываемъ извергать изъ нѣдръ церкви, чтобы одна больная овца не заразила всего стада, предписываемъ обуздывать ихъ нашею властію и далеко изгонять изъ вашихъ предѣловъ".

Остается отвѣтить на два вопроса, невольно возбуждаемые всею совокупностію рѣчей въ папскомъ посланіи: почему папа Стефанъ не вызываетъ Меѳодія на судъ въ Римъ, какъ то дѣлалъ папа Іоаннъ VIII по поводу перваго доноса Вихинга на Меѳодія? Почему онъ не предъявляетъ Святополку рѣшительнаго требованія—низложить Меѳодія съ архіепископства, какъ бы слѣдовало ожидать послѣ перенесенія на него анаѳемы? На первый вопросъ можетъ быть слѣд. отвѣтъ: пала или не считалъ удобнымъ вызывать Меѳодія въ Римъ, чтобы не услышать отъ него изобличенія того образа дѣйствій папы, который такъ несогласенъ былъ съ образомъ дѣйствій папъ Адріана и Іоанна, или полагалъ, что Меѳодій не послушаетъ папскаго вызова, какъ не послушалъ онъ послѣдняго вызова папы Іоанна VIII. Возможно даже, что папа предполагалъ въ Меѳодіи наклонность совсѣмъ порвать связь съ римскимъ престоломъ [1]).

[1]) Въ своемъ мѣстѣ мы высказали предположеніе, что путешествіе Меѳодія въ Царьградъ ок. 881, гдѣ онъ видѣлся и бесѣдовалъ съ царемъ и патріар-

На второй вопросъ находимъ возможнымъ отвѣчать такъ, что папа *не отваживался* рѣшительно требовать низложенія Меѳодія, не будучи увѣренъ, то Святополкъ исполнилъ бы такое слишкомъ уже рѣшительное требованіе, выраженное безъ предварительнаго суда надъ Меѳодіемъ, о преступленіяхъ котораго папа, какъ самъ выражается, еще только *слышалъ*. Требовать низложенія Меѳодія на основаніи только слуховъ или доносовъ о его винахъ — было бы не совсѣмъ въ порядкѣ. И вотъ папа ограничился заочнымъ осужденіемъ этихъ винъ, если они таковы (si ita est ut audivimus, выражается папа), предоставляя Святополку поступить съ Меѳодіемъ, какъ онъ заслужилъ, или лучше, предоставляя Вихингу—личнымъ вліяніемъ на Святополка достичь низложенія Меѳодія, завиняемаго папою, и принятія на его мѣсто Вихинга, усердно рекомендуемаго папою.

Съ папскимъ письмомъ въ рукахъ торжествующій Вихингъ возвратился изъ Рима въ Моравію приблизительно въ концѣ сентября или началѣ октября 885 г. когда св. первоучитель уже давно почивалъ о Господѣ [1]). Зналъ или

хомъ Фотіемъ, должно было повліять на тотъ болѣе рѣшительный образъ дѣйствій Меѳодія въ отношеніи къ противникамъ восточнаго православія, который выразился наконецъ въ отлученіи Вихинга. Г. Знаменскій въ своей прекрасной рѣчи 6 апрѣля 1885 г. (Прав. Собесѣдникъ 1885 г. апрѣль стр. 399—400) дѣлаетъ болѣе смѣлое предположеніе, что послѣ 881 года Меѳодій совсѣмъ прервалъ свою связь съ Римомъ и началъ завязывать новую связь своей церкви съ Византіей: „не такое ли значеніе имѣло, говоритъ онъ, и путешествіе его въ Византію? и не отсюда ли всѣ громы папской буллы Стефана, столь неожиданные послѣ ласковости къ Меѳодію прежнихъ папъ?“ Если бы могло быть принято это смѣлое предположеніе, то оно дѣйствительно лучше всего объяснило бы и полный успѣхъ новаго доноса Вихинга, и папскіе громы на Меѳодія, и даже такія выраженія папской буллы, какъ обзываніе безумнымъ того, кто хулитъ римскую церковь, какъ упреки Меѳодію за презрѣніе р.-католической вѣры и за наклонность къ враждѣ, а не миру, наконецъ — похвалы Святополку за то, что онъ, *не блуждая по другимъ мѣстамъ*, пожелалъ обратиться къ римской церкви.

[1]) Выше были изложены соображенія, заставляющія предполагать, что папа писалъ къ Святополку тотчасъ по вступленіи на престолъ *въ августѣ 885 г.*; тѣ же соображенія заставляютъ думать, что Вихингъ, получивъ папское письмо,

не зналъ предъ тѣмъ Вихингъ о его кончинѣ, но эта кончина сдѣлала положеніе Вихинга вдвойнѣ выгоднымъ. Онъ имѣлъ въ рукахъ папскій судъ, папскую анаѳему на Меѳодія, произнесенные на него, какъ еще живого, слѣд. имѣвшіе большую каноническую силу, чѣмъ еслибы они произнесены были на Меѳодія, какъ на умершаго. А кончина Меѳодія избавляла Вихинга отъ обличеній и протестовъ со сторонъ послѣдняго на этотъ неправедный судъ. Смѣло явился теперь Вихингъ къ Святополку съ льстивымъ письмомъ къ нему папы Стефана. Какъ принялъ Святополкъ письмо и Вихинга? Выше, на основаніи нѣкоторыхъ выраженій папскаго письма, мы предположили, что Вихингъ отправился въ Римъ не безъ вѣдома Святополка, что онъ сносился или видѣлся съ нимъ предъ поѣздкой въ Римъ. Выяснимъ теперь обстоятельнѣе этотъ необходимо предполагаемый нами фактъ. Подвергнутый Меѳодіемъ заслуженной карѣ отлученія, Вихингъ, какъ сказано, способенъ былъ сдѣлать все, чтобы поправить свое положеніе, снять съ себя позоръ анаѳемы, отомстить Меѳодію, возвратить прежнюю власть и даже занять мѣсто Меѳодія, если не при жизни его, то по его смерти, которая казалась уже недалекою, ибо Меѳодій былъ въ преклонныхъ лѣтахъ. Съ этими замыслами онъ и предпринялъ поѣздку въ Римъ. Но такой опытный дѣлецъ-интриганъ, какъ Вихингъ, не могъ не позаботиться о томъ, чтобы заручиться хотя бы нѣкоторою поддержкою своего дѣла и со стороны моравскаго государя, не только не лишнею, но и очень важною, и чтобы не обезпечить хотя бы до нѣкоторой степени признаніе Святополкомъ того, что̀ успѣетъ выхлопотать для себя въ Римѣ. Вообще при тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находился Вихингъ, отъѣзжать на неопредѣленное время въ Римъ изъ предѣловъ моравской державы, не сказавшись ея государю,

---

немедленно отправился съ нимъ обратно въ Моравію, слѣд. могъ прибыть сюда въ концѣ сентября или началѣ октября.

не разъ бывавшему въ сношеніяхъ съ Римомъ, оказывалось для Вихинга совсѣмъ неудобнымъ. Не легко было однакоже Вихингу, такъ сказать, подойти къ Святополку. Въ негодованіи на Арнульфа во время войны 882—884 г. Святополкъ, конечно, не оказывалъ прежняго расположенія и къ Вихингу, креатурѣ Арнульфа, что, какъ было замѣчено нами въ своемъ мѣстѣ, облегчало и для Меѳодія возможность наложить на Вихинга заслуженную кару. Правда война къ концу 884 г. закончилась миромъ въ Кенигштеттенѣ [1]). Но то былъ пока миръ или договоръ между Святополкомъ и императоромъ Карломъ, въ которомъ лично Арнульфъ еще не участвовалъ, и примиренія между нимъ и Святополкомъ еще не состоялось. Миръ между ними состоялся только въ 885 г., о чемъ упомянемъ нѣсколько ниже, а здѣсь выскажемъ пока только то, кажущееся намъ весьма вѣроятнымъ, предположеніе, что миръ этотъ подготовленъ былъ именно стараніями и усиліями Вихинга, какъ участника и посредника прежнихъ дружественныхъ отношеній между Арнульфомъ и Святополкомъ. Совершенно въ интересахъ Вихинга было возстановить эти дружественныя отношенія, отъ разстройства которыхъ онъ—одинъ изъ первыхъ—долженъ былъ много терять. А извѣстная дипломатическая дѣловитость и льстивость Вихинга дѣлала его способнымъ для роли примирителя, расчитанной прежде всего въ своихъ собственныхъ интересахъ. Не иначе, какъ подготовивши примиреніе Святополка съ Арнульфомъ и чрезъ это возвративъ расположеніе Святополка, Вихингъ могъ отправиться въ Римъ для хлопотъ по своему дѣлу. Но именно этою ловко принятою, льстиво и искусно выполненною ролью посредника въ подготовительныхъ къ примиренію сношеніяхъ Арнульфа съ Святополкомъ, Вихингъ и воспользовался, чтобы разжаловаться предъ Святополкомъ на Меѳодія, на его анаѳему,

---

[1]) Annal. Fuld. an. 884. Pertz. 1, 401.

выставить свое правовѣріе, основанное на согласіи съ ученіемъ римской церкви, но отрицаемое Меѳодіемъ, и затѣмъ заявить о своемъ намѣреніи отправиться въ Римъ искать суда и оправданія по своему дѣлу съ Меѳодіемъ, возстановленія своихъ епископскихъ правъ, какихъ лишилъ его Меѳодій и т. д. Святополкъ, давно непостоянный въ своихъ отношеніяхъ къ послѣднему, колебавшійся между славянскими и латино-нѣмецкими симпатіями, опять поддался на льстивыя рѣчи Вихинга. Если прежде онъ нарочито посылалъ въ Римъ пресвитера Іоанна и боярина Семизисна съ вопросами о вѣрѣ Меѳодія и богослуженіи латинскомъ и славянскомъ, то теперь предоставилъ ѣдущему въ Римъ Вихингу передать отъ него увѣренія въ преданности римской церкви и вопросы о вѣрѣ, о постахъ, о богослуженіи, и представить на судъ папы и собственное дѣло съ Меѳодіемъ. Этимъ обстоятельствомъ можетъ объясниться для насъ и то, что когда вскорѣ по отъѣздѣ Вихинга въ Римъ послѣдовала кончина Меѳодія и ученики его съ Горазломъ во главѣ сообщили Святополку о волѣ почившаго относительно преемника его, Святополкъ, предоставивъ Горазду завѣдывать дѣлами архіепископіи, затѣмъ, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, ничего однакоже не сдѣлалъ для того, чтобы привесть въ исполненіе волю Меѳодія и доставить посвященіе Горазду. Святополкъ отложилъ вопросъ о преемникѣ Меѳодія и вообще объ устройствѣ послѣ него церкви—до возвращенія Вихинга, до полученія изъ Рима рѣшеній по дѣлу его съ Меѳодіемъ и соприкосновеннымъ съ этимъ дѣломъ предметамъ. Когда долго ожидаемый Вихингъ наконецъ возвратился и представилъ Святополку письмо папы, которое льстило Святополку, восхваляло Вихинга, осуждало Меѳодія и уже не могло быть опротестовано послѣднимъ, какъ давно умершимъ; то, какъ само собою понятно, онъ встрѣтилъ благосклонный пріемъ у Святополка. Къ этому торжеству Вихинга присоединялось новое, какимъ былъ подготовленный имъ и теперь окончательно состоявшійся миръ Свято-

полка съ Арнульфомъ, утвержденный клятвою въ присутствіи баварскихъ князей. По всей вѣроятности былъ при этомъ Вихингъ и притомъ въ качествѣ одного изъ главныхъ посредниковъ между помирившимися Арнульфомъ и Святополкомъ [1]). Торжество Вихинга было почти полное. Святополкъ былъ уже почти совсѣмъ на его сторонѣ. Однако же сейчасъ же сразу передать въ руки Вихингу все управленіе моравскою церковію, всѣ дѣла архіепископіи, находившіяся въ завѣдываніи Горазда, передать въ руки Вихинга самаго Горазда и остальныхъ учениковъ Меѳодія, или удалить ихъ, Святополкъ не рѣшался. Безъ сомнѣнія, онъ зналъ, какъ велики были въ народѣ моравскомъ любовь къ Меѳодію при жизни его и благоговѣніе къ памяти его по его кончинѣ; зналъ, что любовь къ учителю перешла и на его учениковъ, что избранникъ Меѳодія Горазда, природный моравлянинъ, есть для всего моравскаго духовенства и народа наиболѣе желанный преемникъ Меѳодія, что напротивъ нѣмецъ Вихингъ, давній врагъ Меѳодія, его учениковъ и славянскаго богослуженія, встрѣченъ будетъ непріязнію и ропотомъ въ народѣ. Притомъ письмо папы, писанное въ предположеніи о Меѳодіи какъ о живомъ, не совсѣмъ примѣнимо было къ положенію моравской цер-

[1]) О мирѣ между Арнульфомъ и Святополкомъ говоритъ фульденская лѣтопись подъ 885 годомъ: pax in Oriente inter Arnulfa et Zuentibaldo, praesentibus scilicet Boioariorum principibus, jusjurando constare firmatur. Pertz, 1, p. 402. Къ сожалѣнію, лѣтопись не говоритъ *въ какомъ мѣсяцѣ* 885 года состоялся этотъ миръ. Но она даетъ приблизительно опредѣлить этотъ мѣсяцъ тѣмъ, что извѣстіе о мирѣ помѣщаетъ *сейчасъ послѣ извѣстія о вступленіи папы Стефана на престолъ*, которое послѣдовало не ранѣе августа. Слѣд. миръ состоялся послѣ августа—въ одномъ изъ послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ 885 г., т. е. тогда, когда Вихингъ только что возвратился изъ Рима въ Моравію. При тогдашнемъ обычаѣ участія епископовъ, какъ высшихъ представительныхъ лицъ, въ переговорахъ между государями, при извѣстныхъ отношеніяхъ Вихинга къ Арнульфу и Святополку, представляется совершенно естественнымъ присутствіе и участіе Вихинга въ заключеніи мира между ними. Не напрасно Арнульфъ сдѣлалъ потомъ Вихинга своимъ канцлеромъ (какъ скажемъ о томъ ниже): онъ сдѣлалъ это по памяти о дипломатическихъ услугахъ ему Вихинга, по увѣренности въ немъ, какъ испытанномъ дипломатѣ.

кви по смерти Меѳодія. Осужденіе, произнесенное папою на Меѳодія, могло не падать на его преемника Горазда, такъ что онъ могъ бы быть, въ удовлетвореніе народу, поставленъ во епископа, хотя бы въ качествѣ суффрагана при Вихингѣ, какъ былъ поставленъ этотъ послѣдній при Меѳодіи. Эти и подобныя соображенія заставляли Святополка воздержаться отъ *немедленной* передачи Вихингу всего управленія моравскою церковію и до нѣкотораго времени оставить часть его въ рукахъ Горазда, имѣя въ виду такъ или иначе подготовить окончательное рѣшеніе вопроса объ устроеніи моравской церкви. Возможно, что по этому поводу Святополкъ счелъ не лишнимъ еще разъ снестись съ папою. Еще вѣроятнѣе, что не умедлилъ и Вихингъ послать въ Римъ новыя сообщенія о положеніи моравской архіепископіи и просилъ папу довершить то, что преднамѣтилъ онъ въ своемъ письмѣ къ Святополку. Не иначе, какъ *послѣ этихъ сообщеній* изъ Моравіи въ Римъ, послѣдовало оттуда назначеніе папою нарочитаго посольства въ Моравію въ лицѣ епископа Доминика, пресвитеровъ Іоанна и Стефана, получившихъ при этомъ вышеупомянутый Коммовиторіумъ или инструкцію. Остановимся на этой замѣчательной инструкціи, и представимъ въ переводѣ тѣ отрывки ея, въ которыхъ она пока только и извѣстна по изданію у Эвальда и др.

Въ инструкціи говорится прежде всего о томъ, какъ легаты должны держать себя по прибытіи къ славянамъ: „Когда съ Божіею помощію прибудете въ землю славянъ, держите себя такъ благонравно, чтобы ваши и вашихъ людей дѣйствія давали собою примѣръ благочестія грубому народу, имѣя предъ очами Господа, заповѣдующаго: да видятъ ваши добрыя дѣла и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ. Когда придете къ князю (ducem) страны, скажите ему: привѣтствуютъ васъ верховные апостолы, блаженный Петръ, ключедержецъ небеснаго царствія, и Павелъ, учитель народовъ. А господинъ Стефанъ, святѣйшій первосвященникъ святой католической и апостольской римской церкви

и вселенскій папа, вашъ духовный отецъ, привѣтствуетъ васъ и изъявляетъ вамъ отеческую любовь. Ибо духовно объемлетъ васъ и любитъ, какъ единственнаго и дражайшаго сына. Всѣ святѣйшіе епископы, пресвитеры и діаконы съ остальнымъ клиромъ святой римской церкви, желаютъ вамъ здравія и спасенія: ибо постоянно поминаютъ васъ въ своихъ достойныхъ молитвахъ Богу у порога блаженнѣйшихъ верховныхъ апостоловъ. Весь пречестной сенатъ богохранимаго города Рима съ остальнымъ сонмомъ римскаго народа изъявляютъ вамъ пожеланія благополучія: они желаютъ вамъ преуспѣвать въ вѣрѣ Христа Бога нашего и наслаждаться и земною славою. На первый день довольно будетъ сказать все это. Если же васъ спросятъ о благополучіи страны (т. е. Рима, римской страны), то отвѣчайте благоразумно, говоря то, что можетъ служить къ прославленію христіанской религіи, къ чести церкви, къ достоинству государства". Затѣмъ въ инструкціи дается наставленіе, какъ объяснять и защищать предъ славянами ученіе объ исхожденіи Св. Духа. „Духъ Святой отъ Отца и Сына сказуется не врожденнымъ—какъ бы два были Отца, ни рожденнымъ—какъ бы два были Сына, но—исходящимъ. Если же (вамъ) скажутъ, что святыми отцами запрещено что либо прибавлять или убавлять въ символѣ, отвѣчайте: римская церковь есть хранительница и утвердительница святыхъ догматовъ, ибо, какъ намѣстница князя апостоловъ, она въ католической вѣрѣ ни въ чемъ непоколебима, по слову самаго Господа: Симонъ, се сатана проситъ васъ, дабы сѣялъ, яко пшеницу. Азъ же молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя, и ты нѣкогда обращся утверди братію твою (Лук. 22, 31—32). Эта церковь всѣхъ заблуждающихъ привела къ вѣрѣ, колеблющихся укрѣпила, не измѣняя святыхъ догматовъ, но (яснѣе) излагая ихъ для тѣхъ, которые или не разумѣютъ или худо понимаютъ ихъ". О богослуженіи на славянскомъ языкѣ говорится такъ: „литургію (missas) и священнодѣйствія, которыя тотъ же Меѳодій дерзнулъ со-

вершать на славянскомъ языкѣ, хотя во время его (т. е. Стефана) предшественника, т. е., святѣйшаго папы Іоанна, клялся впредь не дерзать на это, (нынѣшній папа) апостольскою властію совершенно запрещаетъ, такъ чтобы никто ни коимъ образомъ не дерзалъ на это. Впрочемъ, если найдется кто либо настолько свѣдущій въ языкѣ славянъ, чтобы послѣ чтенія евангелія и апостола способенъ былъ объяснять это чтеніе для назиданія неразумѣющихъ, то папа это похваляетъ, дозволяетъ и одобряетъ". О постахъ: „о почитаніи постовъ твердо держите такъ, *какъ онъ* (папа Стефанъ) *опредѣлилъ въ своемъ письмѣ* [1]). Ибо всегда похвально поститься по силамъ; естественно заботиться о тѣлѣ, и не вмѣняется въ грѣхъ въ дни праздничные щедрѣе, но трезво, подкрѣплять свое тѣло пищею, если это подкрѣпленіе совершается съ дѣйствіемъ благодаренія (Богу) и заздравная чаша пріемлется съ пользою для души"... О преемникѣ Меѳодія: „преемника, котораго Меѳодій вопреки постановленіямъ всѣхъ святыхъ отцевъ, дерзнулъ себѣ поставить (constituere), — подвергните запрещенію, пока онъ лично не представится намъ и устно не изложитъ предъ нами своего дѣла".

Итакъ инструкція говоритъ совершенно о тѣхъ же предметахъ, о какихъ была рѣчь и въ письмѣ папы Стефана къ Святополку, а въ рѣчи о постахъ прямо ссылается на это письмо, выражаясь: de veneratione jejuniorum firmiter tenete, *sicut in sua decrevit epistola* [2]). Этимъ ясно доказываются не только подлинность письма, но и связь между

[1]) Здѣсь, какъ и въ тѣхъ другихъ мѣстахъ, гдѣ излагаются въ инструкціи порученія и наставленія папы, какія имѣли передавать легаты Святополку и славянамъ, говорится о папѣ въ третьемъ лицѣ, какъ это и слѣдовало.

[2]) Почтенный д—ръ Рачкій, издавшій отрывки письма въ „Starine", комментируетъ это мѣсто примѣчаніемъ: *ad Sventopolcum Johannes VIII.* Это до такой степени неосновательно, что представляется намъ просто опискою. Въ извѣстныхъ двухъ письмахъ Іоанна VIII къ Святополку нигдѣ нѣтъ никакихъ опредѣленій, никакой рѣчи о постахъ. Совершенно ясно, что въ инструкціи указывается на разсмотрѣнное нами письмо Стефана къ Святополку, гдѣ нарочито и пространно излагаются постановленія о постахъ.

письмомъ и инструкціею по времени и по обстоятельствамъ, при которыхъ онѣ писаны. Отмѣтимъ особенности инструкціи.

1. Если тотъ заискивающій и льстивый тонъ, въ какомъ рекомендуется легатамъ говорить по приходѣ къ Моравію къ Святополку и славянамъ, вполнѣ гармонируетъ съ тономъ письма и указываетъ, какъ и это послѣднее, что папа весьма озабоченъ былъ мыслію удержать моравскую церковь въ подчиненіи Риму, въ римской вѣрѣ, съ которою въ извѣстныхъ предметахъ не согласовалось ученіе Меѳодія, хранимое и его учениками; то есть здѣсь и нѣчто особенное. Легатамъ поручается передать привѣтствія Святополку и славянамъ не только лично отъ папы, даже не только отъ всѣхъ епископовъ, отъ всей куріи римской, но и отъ *всего римскаго клира*, *сената и народа*. Это довольно необычный пріемъ въ подобныхъ случаяхъ. Если въ немъ сказывается желаніе усилить привѣтствія и задабриванія съ цѣлію сильнѣе воздѣйствовать на Святополка и славянъ; то есть возможность выяснить и обстоятельства, наведшія папу на мысль присоединить къ своимъ привѣтствіямъ еще привѣтствія отъ всѣхъ указанныхъ представительствъ. Новый папа Стефанъ былъ, болѣе всѣхъ ближайшихъ предмѣстниковъ своихъ, избранникомъ *всѣхъ* представительствъ римскаго населенія, и это имѣло важное значеніе въ его положеніи. Извѣстно, что когда императоръ Карлъ Толстый, на свиданіе съ которымъ ѣхалъ предмѣстникъ Стефана Адріанъ III, скончавшійся на пути, узналъ, что въ Римѣ совершилось избраніе новаго папы безъ вѣдома и согласія его — императора; то сильно разгнѣвался и послалъ требовать низложенія Стефана. Папа собралъ болѣе 30 подписей епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ-кардиналовъ, также подписи многихъ лицъ низшаго клира и знатныхъ мірянъ во свидѣтельство, что всѣ они единодушно избрали его и подписали это избраніе. Такимъ обра-

зомъ папа и отстоялъ себя [1]). Необходимо думать, что эти именно обстоятельства, т. е. участіе всѣхъ представительствъ Рима въ избраніи и потомъ въ защитѣ папы, и подали поводъ, внушили мысль привлечь и ихъ къ дѣлу папы съ Моравіею, присоединить и отъ нихъ привѣтствія къ привѣтствіямъ папы, посылаемымъ Святополку и моравскимъ славянамъ. Обстоятельство это не лишено значенія для опредѣленія времени, когда было отправлено римское посольство въ Моравію съ данною ему инструкціею.

2. Въ наставленіи о томъ, какъ римскіе легаты должны будутъ объяснять и защищать римское Filioque, замѣчательна особенная оговорка касательно предполагаемаго со стороны славянскихъ учителей возраженія,—что св. отцами запрещено что-либо прибавлять или убавлять въ символѣ. Въ письмѣ къ Святополку папа благоразумно промолчалъ объ этомъ запрещеніи, предпочитая расширить свои собственные доводы въ пользу Filioque и совѣтуя Святополку вообще не вдаваться въ изслѣдованіе догматовъ. Но теперь естественно было предполагать, что папскимъ легатамъ придется стать лицемъ къ лицу съ славянскими учениками Меѳодія, которые съ его словъ, да и сами могутъ указать на это запрещеніе св. отцевъ относительно символа, на которое въ свое время ссылался и папа Іоаннъ VIII, единомысленный съ Меѳодіемъ о Filioque. И вотъ легатамъ дается наставленіе на случай подобнаго возраженія со стороны Меѳодіевыхъ учениковъ. Такое наставленіе, также какъ и длинная тирада по вопросу о Filioque въ письмѣ папы къ Святополку, осязательно указываютъ на то, что этотъ вопросъ во всемъ значеніи своемъ выступалъ въ отношеніяхъ Меѳодія съ Вихингу, имѣлъ выступить въ отношеніяхъ послѣдняго къ ученикамъ Меѳодія, и вообще въ отношеніяхъ моравской церкви къ церкви римской, которая теперь при

[1]) Annal. Fuld. sub anno 885. Pertz, 1, 402.

папѣ Стефанѣ, послѣдователѣ Николая I и Марина, опять и рѣшительно стала за Filioque[1]).

3. Къ повторяемой въ инструкціи лжи Стефанова письма, будто Меѳодій давалъ въ Римѣ клятву не совершать богослуженія на славянскомъ языкѣ, присоединяется оговорка, что онъ давалъ эту клятву именно при папѣ Іоаннѣ VIII. Здѣсь видятся и желаніе подкрѣпить разъ сказанную ложь и большая смѣлость въ пріемахъ защиты этой лжи, поощренная уже полученнымъ извѣстіемъ о смерти Меѳодія, слѣд. надеждою, что не кому будетъ въ Моравіи изобличить эту ложь.

4. Совершенную новость въ инструкціи противъ письма составляетъ рѣчь о назначенномъ Меѳодіемъ преемникѣ. Молчаніе о немъ въ письмѣ и упоминаніе въ инструкціи указываютъ прежде всего на то, что первое писано, когда въ Римѣ еще не знали о смерти Меѳодія, а послѣдняя — когда уже узнали о ней. Выраженія—successorem, quem Methodius sibimet *contra omnium sanctorum patrium constituere presumpsit, ne ministret* nostra apostolica auctoritate interdicite, — могли бы быть истолкованы такъ, что Меѳодій не только назначилъ, но и поставилъ, т. е. самъ посвятилъ Горазда въ епископы въ преемство себѣ, и что это-то единоличное посвященіе и называетъ папа дѣйствіемъ *contra omnium sanctorum patrum*, что наконецъ запрещеніе *ne ministret* означаетъ именно запрещеніе епископскаго служенія. Хотя подобное толкованіе не невозможно; но мы все-таки не рѣшаемся допустить его, продолжая держаться того, что̀ уже имѣли случай сказать по вопросу о епископствѣ

---

[1]) Въ Британскомъ Сборникѣ, гдѣ помѣщена инструкція, по описанію его у Эвальда, непосредственно за нею слѣдуетъ, какъ бы въ поясненіе къ ней, „Ratio de symbolo fidei“ inter papam Leonem III et missos Caroli M. a. 809. Быть можетъ легатамъ Стефана дана была въ пособіе для предстоявшихъ преній о filioque историческая справка подъ означеннымъ названіемъ. Если это такъ, то опять показываетъ, что въ Римѣ усиленно принялись теперь за защиту Filioque, въ виду важнаго значенія этого вопроса въ отношеніяхъ моравской церкви къ римской.

Горазда. Меѳодій едва ли могъ рѣшиться *самъ одинъ* совершить хиротонію Горазда. Если бы такъ было, то едва ли бы папа не воспользовался случаемъ или поводомъ *точнѣе* указать на каноническую необычность и незаконность поступка Меѳодія, чтобъ тѣмъ сильнѣе завинить его, подорвать авторитетъ его [1]). Притомъ же папа говоритъ constituit, а не consecravit. Фраза contra omnium Sanctorum patrium constituit прямѣе можетъ быть понимаема такъ, что Меѳодій самъ поставилъ, т. е. назначилъ преемника *себѣ безъ сношенія съ римскою церковію*, и не только назначилъ, но и *поставилъ его во главѣ управленія моравской церкви, передалъ въ вѣденіе ему свои власть и дѣла моравской архіепископіи.* Согласно съ этимъ запрещеніе *ne ministret* можетъ означать запрещеніе *священническаго* служенія Горазда и его власти, какъ намѣстника почившаго архіепископа, какъ управителя архіепископіи.

4. Когда отправлено изъ Рима посольство въ лицѣ епископа Доминика и пресвитеровъ Іоанна и Стефана съ данною имъ инструкціею, и когда слѣдовательно писана послѣдняя? Сейчасъ было сказано, что это имѣло мѣсто, когда въ Римѣ уже знали о смерти Меѳодія; а выше сдѣлано предположеніе, что это должно было имѣть мѣсто уже послѣ возвращенія Вихинга изъ Рима въ Моравію, сношеній его здѣсь съ Святополкомъ, отправки изъ Моравіи въ Римъ и полученіи въ Римѣ сообщеній и запросовъ по дѣламъ моравской церкви,—въ виду наличности двухъ преемниковъ Меѳодія т. е. Вихинга, представителя латино-нѣмецкой стороны, зарекомендовавшаго папою, и Горазда, настольника Меѳодіева, желаннаго для народной моравско-славянской церкви, затѣмъ — въ виду рѣзкаго разногласія

[1]) Именно папа не опустилъ бы указать на каноническія поставленія, что епископъ долженъ быть поставляемъ *двумя или тремя* епископами, какъ то разумѣлъ и папа Іоаннъ VIII, требуя, чтобы послѣ Вихинга прислалъ былъ въ Римъ для поставленія еще одинъ кандидатъ,—и уже тогда Меѳодій съ двумя епископами можетъ поставлять и другихъ епископовъ.

между этими кандидатами и ихъ сторонами въ вопросахъ церковнаго ученія. На этотъ разъ необходимо предположить, что обстоятельства, предшествовавшія отправкѣ изъ Рима посольства въ Моравію и вызвавшія ее, слѣдовали довольно быстро одно за другимъ; ибо дѣла, которыхъ они касались, приняли, такъ сказать, острое направленіе и не терпѣли отлагательства. Не могъ надолго отлагать ихъ Вихингъ, извѣстный быстротою и энергіею своихъ затѣй въ борьбѣ съ Меѳодіемъ, и не могшій долго сносить того все еще неопредѣленнаго и какъ бы двусмысленнаго положенія, въ какомъ находился онъ въ виду существованія назначеннаго Меѳодіемъ преемника, за котораго стояло все моравско-славянское духовенство съ народомъ. Святополкъ, въ данное время весьма могущественный и находившійся въ мирѣ, имѣлъ довольно свободы и средствъ, чтобы войти въ сношенія съ Римомъ, для безотлагательнаго рѣшенія вопросовъ о моравской церкви, выступившихъ со всею настоятельностію. И какъ эти вопросы выступили тотчасъ по возвращеніи Вихинга изъ Рима, которое послѣдовало не позже сентября 885 г., то слѣдовавшія за тѣмъ обстоятельства, вызвавшія снаряженіе посольства изъ Рима въ Моравію, совершились еще къ концу этого же года, или къ началу слѣдующаго, такъ что посольство снаряжено и инструкція дана ему, если не въ концѣ 885 же г., то въ первыхъ мѣсяцахъ 886 г. Это было слѣд. одновременно или въ слѣдъ за тѣмъ, какъ папа Стефанъ собиралъ извѣстные намъ подписи представителей изъ высшаго и низшаго духовенства и римскаго общества для защиты своего избранія предъ императоромъ Карломъ Толстымъ, какое обстоятельство происходило въ концѣ 885 г. и, какъ мы замѣтили, дало поводъ занесть въ инструкцію отправляемымъ въ Моравію легатамъ привѣтствія не отъ папы только, но и отъ всѣхъ представительныхъ классовъ Рима.

5. Въ инструкціи не упоминается о Вихингѣ и не поручается легатамъ ходатайствовать или требовать неме-

дленнаго введенія его въ управленіе моравскою церковію въ качествѣ архіепископа и въ замѣнъ назначеннаго Меѳодіемъ, но не признаваемаго папою преемника его. Это, кажущееся неожиданнымъ, обстоятельство достаточно однакоже объясняется фактомъ вызова въ Римъ послѣдняго для личныхъ объясненій предъ папою. Естественно, что въ Римѣ нашли нужнымъ сперва повидѣть Меѳодіева избранника, имѣвшаго на своей сторонѣ сочувствіе всего славяно-моравскаго духовенства и народа, попытаться склонить его къ отступленію отъ ученія Меѳодія, принятію Filioque и вообще сдѣлать его преданнымъ сыномъ и союзникомъ римской церкви, а чрезъ это прочно прикрѣпить *непосредственно* къ Риму всю мораво-паннонскую церковь. Въ случаѣ успѣха въ этомъ, такой преемникъ Меѳодія былъ бы для Рима даже выгоднѣе Вихинга, епископа изъ нѣмцевъ, неугоднаго мѣстному духовенству и народу мораво-паннонской церкви. Значеніе народныхъ сочувствій долженъ былъ хорошо понимать и цѣнить папа Стефанъ, самъ обязанный имъ и своимъ избраніемъ на престолъ и сохраненіемъ этого престола.

Но папскимъ легатамъ, а затѣмъ и папѣ пришлось разочароваться въ своей надеждѣ сдѣлать избранника Меѳодія отступникомъ его ученія, склонить къ такому отступничеству и другихъ учениковъ св. Меѳодія. По учителѣ судя объ ученикахъ, можемъ напередъ предполагать, что легаты, прибывъ въ Моравію въ 886 г., встрѣтятъ въ средѣ учениковъ Меѳодія рѣшительный отпоръ своимъ требованіямъ относительно Filioque, прекращенія славянскаго богослуженія, отреченія отъ своего учителя и проч. А отсюда необходимо предполагать и о той тяжкой участи, какая ждала ихъ въ Моравіи. Эти необходимыя предположенія оправдываются и положительными извѣстіями источниковъ.

Другимъ источникомъ свѣдѣній о судьбѣ славянской церкви въ Моравіи и Панноніи въ первые годы по кончинѣ св. Меѳодія есть греческое „Житіе св. Климента“, одного изъ учениковъ его, впослѣдствіи бѣлицкаго епископа въ Болгаріи, озаглавленное въ изданіяхъ такъ: Βίος καὶ πολιτεία, ὁμολογία τε καί μερικὴ θαυμάτων διήγησις τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Κλήμεντος, ἀρχιεπισκόπου Βουλγάρων, συγγραφεὶς παρὰ τοῦ ἁγιωτάτου καὶ ἀοιδίμου ἀρχιεπισκόπου τῆς πρώτης Ἰουστινιανῆς καὶ πάσης Βουλγαρίας κυρίου Θεοφυλάκτου καὶ μαΐστορος τῶν ῥητόρων χρηματίσαντος ἐν Κωνσταντίνου πόλει [1]).

По вопросу объ авторѣ Житія и времени составленія его, важному для опредѣленія степени достовѣрности сообщаемыхъ имъ извѣстій, высказаны изслѣдователями различныя мнѣнія. Не входя въ разборъ этихъ мнѣній, ограничимся изложеніемъ тѣхъ чужихъ и своихъ выводовъ по

---

[1]) Житіе стало извѣстно только со второй половины XVII в. и притомъ сперва только въ отрывкѣ, который найденъ былъ въ Ватиканской библіотекѣ въ кодексѣ 1409 г. и изданъ Аллаціемъ въ Римѣ въ 1665 году. Въ полномъ видѣ оно издано было въ первый разъ въ 1741 г. въ Москополѣ въ южной Албаніи, въ Сборникѣ *Послѣдованій* (Ἀκολουθίαι), составленномъ греческими монахами Михаиломъ и Григоріемъ Константинодосомъ; потомъ вновь переиздано іеромонахомъ Амвросіемъ Памперемъ въ Вѣнѣ въ 1802 г., по списку, принадлежащему монастырю св. Наума близъ Охриды. Вновь и лучше издалъ Житіе Миклошичъ въ 1847 году (Vita S. Clementis episcopi Bulgarorum. Vindobonae. 1847) также по списку монастыря св. Наума, который найденъ В. И. Григоровичемъ въ Охридѣ и доставленъ Миклошичу, и, по мнѣнію перваго, относится къ началу XV в. Издавая житіе, Миклошичъ свѣрилъ этотъ списокъ съ ватиканскими отрывками и присоединилъ въ латинскомъ переводѣ извлеченія изъ Житія. По изданію Миклошича сдѣланы и другія, какъ въ Patr. Graec. edit. Migne, T. 126. p. 1192—1240 съ присоединеніемъ дословнаго латинскаго перевода и частію въ Fontes rerum Bohemicarum 1, p. 76–92 съ чешскимъ переводомъ. Въ Россіи Житіе издано сперва въ русскомъ переводѣ (А. И. Меньщикова) въ юбилейномъ изданіи Московскаго университета „Матеріалы для исторіи письменъ“ (Москва. 1855 г.), потомъ въ греческомъ текстѣ и новомъ переводѣ г. Бильбасова (Кириллъ и Меѳодій. Ч. II. С.-Петерб. 1871 г.).

данному предмету, которые представляются намъ наиболѣе вѣроятными.

1. Существующее греческое Житіе составлено, безъ сомнѣнія, не ранѣе 1014—1015 г., ибо въ немъ въ гл. 23 упоминается объ архіепископіи въ Охридѣ, куда она перенесена не ранѣе этихъ годовъ, при архіепископѣ Филиппѣ. Оно писано не позже 30—50 годовъ XII в., ибо имъ пользовался составитель одного древняго списка болгарскихъ архіепископовъ, составленнаго не позже этихъ годовъ [1]). Затѣмъ несомнѣннымъ можно признать, что Житіе составлено около времени болгарскаго архіепископа Ѳеофилакта (1085—1107 гг.), имя котораго стоитъ въ надписаніи Житія; но—весьма вѣроятнымъ и то, что оно составлено не самимъ Ѳеофилактомъ, а другимъ современнымъ ему, но пережившимъ его грекомъ [2]).

2. Но авторъ существующаго греческаго Житія, по всей вѣроятности, пользовался болѣе древнимъ Житіемъ, или сказаніемъ о св. Климентѣ, принадлежавшимъ ученику послѣдняго, занося слова его мѣстами даже буквально. Таково въ особенности слѣдующее мѣсто: „насъ же смиренныхъ и недостойныхъ, по добротѣ сердца своего, сдѣлалъ

---

[1]) Соображенія объ этомъ у г. Голубинскаго (Исторія Правосл. Церквей, стр. 38 и 258; св. Константинъ и Меѳодій, стр. 54—57). Списокъ болгарскихъ архіепископовъ у Дю-Канжа (Familiae Byzant. cap. 28, стр. 174) въ извлеченіи у Розенкамфа (Обозр. Кормч., стр. 64—66).

[2]) Шафарикъ признавалъ авторомъ Житія Ѳеофилакта въ томъ только смыслѣ, что Ѳеофилактъ лишь заново передѣлалъ Житіе, составленное прежде ученикомъ св. Климента. Настойчивѣе всѣхъ мнѣніе о Ѳеофилактѣ, какъ непосредственномъ авторѣ Житія, защищаемо было Вороновымъ. (Источники для исторіи св. Кирилла и Меѳодія, стр. 109—139, гдѣ и обзоръ мнѣній по данному вопросу). Мнѣніе, что авторомъ Житія былъ не Ѳеофилактъ, а другой грекъ, жившій немного позже его, заявлено было впервые Добровскимъ (Кириллъ и Меѳодій, въ русск. переводѣ. Москва. 1825 г., стр. 6—7), принято и переводчикомъ его Погодинымъ. Рѣшительнѣе оно высказано г. Голубинскимъ (Ист. пр. церк., стр. 258. Св. Константинъ и Меѳодій, стр. 54—57).

онъ *приближенныйшими изъ всѣхъ, а потому мы во всякое время находились при немъ*, слѣдя за всѣмъ, что онъ дѣлалъ, что говорилъ и чему посредствомъ того или другаго научалъ; *и такъ мы никогда не видѣли его празднымъ;* напротивъ, онъ или училъ дѣтей и притомъ различно: однимъ показывалъ начертаніе письменъ, другимъ объяснялъ смыслъ написаннаго, иныхъ руководилъ и упражнялъ въ письмѣ; или же онъ предавался молитвѣ, и не только днемъ, но и ночью, или занимался чтеніемъ, или писалъ книги, а иногда въ одно время дѣлалъ два дѣла, занимаясь письмомъ и уча какой-либо наукѣ дѣтей. Поэтому ученики его были превосходнѣйшими изъ всѣхъ, какъ по жизни, такъ и по ученію. Изъ нихъ поставлялъ онъ чтецовъ, иподьяконовъ, діаконовъ и пресвитеровъ" (гл. 18). Такъ могъ говорить только современникъ и ученикъ св. Климента. Объяснять эти выраженія въ какомъ-то отвлеченномъ или переносномъ смыслѣ, какъ это дѣлаютъ изслѣдователи, признающіе непосредственнымъ авторомъ Житія Ѳеофилакта (1085—1107 г.), не позволяетъ слишкомъ ясный и прямой смыслъ выраженій [1]). Въ виду такого прямаго смысла ихъ, нѣкоторые наклонны думать, что позднѣйшій грекъ конца XI или начала XII в. сознательно-обманно выдаетъ себя здѣсь за ученика св. Климента. Хотя подобные обманы небезъизвѣстны въ исторіи житій, но въ данномъ случаѣ обманъ невѣроятенъ, ибо авторъ самъ себя изобличилъ бы, говоря объ охридской архіепископіи, учрежденной чрезъ сто лѣтъ по смерти Климента, о которой поэтому онъ предпочелъ бы умолчать. Затѣмъ, не иначе, какъ *изъ древней записи* онъ могъ взять точное

---

[1]) Болѣе всего на основаніи этого именно мѣста Житія многіе изслѣдователи (Маклошичъ, Дюмлеръ, Ламанскій, Лавровскій и др.) приписывали его прямо, какъ оно есть, ученику св. Климента. Но это не допустимо по указаннымъ выше и другимъ основаніямъ. Въ смыслѣ отвлеченномъ или переносномъ объяснять это мѣсто старался особенно проф. Вороновъ, утверждавшій, что авторъ говоритъ здѣсь вообще объ отношеніяхъ Климента къ лицамъ духовнымъ. Но подобное толкованіе натянуто и произвольно.

обозначеніе обстоятельствъ кончины или точнѣе погребенія св. Климента: „святое тѣло его положено въ этой обители въ гробѣ, устроенномъ собственными руками его, по правую сторону трапезы, 27 іюля въ лѣто отъ сотворенія міра 6424 (916 г.)“. А эта запись и должна была представлять не что иное какъ *часть сказанія* о св. Климентѣ, составленнаго современникомъ и ученикомъ его. Отсюда же, конечно, взято довольно подробное обозначеніе славянскихъ переводовъ и твореній св. Климента, сопровождаемое замѣчаніемъ: „говорятъ (φέρονται), что всѣ они сохраняются людьми трудолюбивыми“ (гл. 22). Это *говорятъ* — не есть ли ссылка на слова начальнаго сказанія? Едва ли не автору послѣдняго принадлежатъ и тѣ выраженія заключительной молитвы св. Клименту, гдѣ онъ молитъ святого „прогнать злую ересь, которая, какъ язва зловредная, *вкралась въ стадо твое по твоемъ во Христѣ успеніи*“ (гл. 29). Это (какъ вообще полагаютъ) ересь богомильская. А она *вкралась* (παρεισεφθάρη), т. е. *началась* въ X вѣкѣ при царѣ Петрѣ (927—969 г. 30 янв.) по свидѣтельству пресвитера болгарскаго Козьмы, который говоритъ: „первые нача учити ереси въ землѣ Болгарстѣй попъ Богомилъ, живый въ лѣта православнаго царя Петра“[1]). Еще: въ той же молитвѣ авторъ молитъ св. Климента оградить *питомцевъ своихъ*, *новыхъ чадъ своихъ* отъ варварскихъ нашествій и скиѳскаго меча, упившагося въ болгарской крови. Надежнѣе и эти слова приписать ученику св. Климента, жившему при царѣ Петрѣ, когда Болгарія терпѣла отъ вторженій венгровъ (называемыхъ у византійцевъ и скиѳами)

---

[1]) Слово или препреніе на еретики Козьмы, (писавшаго въ концѣ X в.)— въ изд. Прав. Собесѣдника 1864 г. Авторъ конца XI или начала XII в., когда ересь богомильская широко уже распространилась и дѣйствовала нерѣдко съ открытою силою, едва ли бы ограничился (если бы хотѣлъ самостоятельно и отъ себя говорить о ней) упоминаніемъ только о томъ начальномъ возникновеніи ея, которое имѣло мѣсто по кончинѣ св. Климента. Но это естественно въ рѣчи такого сказателя, который самъ жилъ во время, недалекое отъ кончины святого.

въ 934, 943, 959 и 962 гг., а въ 967 г. и отъ вторженія нашихъ руссовъ съ Святославомъ [1]).

3. Авторъ начальнаго сказанія былъ *болгаринъ*, дающій знать о себѣ въ слѣдующихъ словахъ: „вообще все, что относится къ церкви, чѣмъ украшаются памяти Господа Бога и святыхъ Его и души возбуждаются, все это Климентъ передалъ намъ болгарамъ". Онъ и писалъ, какъ болгаринъ, какъ ученикъ св. Климента изъ болгаръ. Сказаніе его было простымъ, историко-поучительнымъ сказаніемъ, имѣвшимъ цѣлію почтить память славянскихъ первоучителей и ихъ учениковъ, особенно св. Климента, его учителя, прославить къ назиданію другихъ и все дѣло ихъ—дѣло устроенія славянскихъ книгъ и богослуженія. По всей вѣроятности, онъ хотѣлъ и защитить это дѣло отъ „гаждателей" его, чувствуя надобность въ этомъ, какъ ранѣе его чувствовалъ ее черноризецъ Храбръ. При царѣ Петрѣ болгарскомъ эта потребность могла чувствоваться не менѣе, чѣмъ прежде: этотъ царь, женатый на гречанкѣ, почти всегда дружившій съ византійскимъ дворомъ, допустилъ усилиться греческому вліянію при своемъ дворѣ. Не похожій на отца своего Симеона, грекофила лишь въ смыслѣ знатока греческаго языка и книгъ, но ревнителя самобытнаго народнаго развитія и славянской книжности, не похожій во многомъ и на Святополка моравскаго, онъ походилъ однако же на этого послѣдняго поблажкою чужому вліянію при своемъ дворѣ, какимъ было здѣсь греческое,

---

[1]) Говоримъ только—*надежнѣе*: ибо изслѣдователи, признающіе только позднѣйшаго автора Житія (Ѳеофилакта или др.), имѣютъ основаніе понимать эти выраженія о печенѣгахъ, которые къ концу XI в. еще жесточе венгровъ опустошали Болгарію и еще обыкновеннѣе называются у византійцевъ скиѳами. Впрочемъ, выраженія *питомцевъ, новыхъ чадъ* ближе идутъ ко времени Петра, недалекаго отъ кончины св. Климента, чѣмъ по времени конца XI или нач. XII в. Преосвящ. Филаретъ черниг. слова Житія о вторженіяхъ скиѳскихъ понималъ именно какъ намекъ на вторженіе руссовъ Святослава.

какъ при дворѣ Святополка—латино-нѣмецкое. Замѣчаютъ, что при Петрѣ и славянская литература пришла въ упадокъ [1]). Возможно, что между греками, находившимися въ Болгаріи при царѣ Петрѣ (вѣроятно и на епископскихъ каѳедрахъ, какъ то было и у насъ даже при большей дальности Руси отъ Греціи и меньшемъ числѣ каѳедръ), слышались неуважительные голоса о славянской книжности и славянскомъ богослуженіи, вызвавшіе автора на защиту ихъ. Намъ кажется, что именно въ интересахъ этой защиты начальный авторъ сказанія о св. Климентѣ позволилъ себѣ усилить значеніе св. Меѳодія, какъ учителя князя Бориса, воспользовавшись весьма вѣроятнымъ фактомъ свиданія ихъ во время путешествія Меѳодія изъ Моравіи въ Царьградъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ напоминаніемъ о чрезвычайно почтительныхъ отношеніяхъ Бориса и Симеона къ св. Клименту, укорами Святополку моравскому за его невниманіе къ Меѳодію и его ученикамъ онъ желалъ подвинуть дворъ царя Петра къ большему вниманію къ представителямъ славянской книжности и славянской церкви въ Болгаріи [2]).

---

[1]) Такъ приблизительно характеризуютъ царя Петра и его время спеціалисты-изслѣдователи болгарской исторіи, какъ напр. Иречекъ. Между прочимъ онъ замѣчаетъ: „При Симеонѣ болгаре едва не завоевали Константинополя; при Петрѣ началось подчиненіе Болгаріи Византіи. Петръ не стоялъ во главѣ народа, но былъ орудіемъ одной партіи. Обиженные его братья возстали противъ него во главѣ воиновъ изъ школы великаго Симеона. *Литература пришла въ упадокъ*“ и проч. Исторія болгаръ, стр. 220.

[2]) Нѣкоторые изъ тѣхъ изслѣдователей, которые существующее Житіе какъ оно есть, приписываютъ ученику св. Климента, полагаютъ, что оно сперва писано было на славяно-болгарскомъ языкѣ и уже потомъ переведено на греческій. Однакоже славянскій подлинникъ Житія никогда не былъ извѣстенъ и, вопреки ожиданіямъ (Бодянскаго), доселѣ нигдѣ не найденъ ни въ цѣломъ видѣ, ни даже въ отрывкахъ, какъ найденъ былъ сперва въ отрывкахъ греческій текстъ Житія. Противъ мысли о славянскомъ подлинникѣ Житія г. Голубинскій дѣлаетъ то вѣское возраженіе, что если бы существовало славянское Житіе, то имя св. Климента внесено было бы въ славянскіе святцы, чего однакоже не видно, за единственнымъ исключеніемъ святцевъ Ассеманіева глаголитскаго Евангелія, въ которые имя св. Климента внесено изъ существующаго греческаго Житія. Послѣднее предположеніе не легко совмѣщается съ тѣмъ предположеніемъ

4. Греческій авторъ существующаго Житія, заново переработывая начальное сказаніе, далъ ему другой характеръ, преслѣдуя и другія цѣли въ своемъ трудѣ. Пиша въ то время, когда Болгарія находилась уже подъ властію грековъ, стремившихся подавить славянское богослуженіе и славянскую церковь, авторъ-грекъ, содѣйствуя этому стремленію, игнорируетъ фактъ введенія *славянскаго богослуженія* св. первоучителями, перехода его въ Болгарію при Меѳодіи и его ученикахъ, выставляетъ послѣдняго переводчикомъ только книгъ свящ. Писанія, объясняя такой подвигъ его только снисхожденіемъ къ грубости и тупости болгарскаго народа, неразумѣвшаго по-гречески, объясняя такимъ же образомъ и книжные труды св. Климента. Другой интересъ, наиболѣе сосредоточившій вниманіе позднѣйшаго греческаго автора—это полемика по вопросу объ исхожденіи св. Духа. Найдя въ начальномъ сказаніи рѣчь о борьбѣ учениковъ св. Меѳодія съ Вихингомъ и нѣмцами (у автора-франками) изъ-за этого вопроса, авторъ, какъ видно,

---

нѣкоторыхъ изслѣдователей, что само Ассеманіево Евангеліе относится къ XI вѣку, тогда какъ существующее греческое Житіе можетъ быть писано даже въ началѣ XII в. Поэтому не занесено ли въ святцы этого Евангелія имя св. Климента изъ начальнаго Житія X в.? Это Житіе, думаемъ, писано также не на славянскомъ языкѣ, а на греческомъ. Болгаринъ въ вѣкъ царя Петра могъ писать по-гречески и могъ это дѣлать именно для того, чтобы прославить память славянскихъ учителей и защитить славянскую книжность предъ греками, а можетъ быть и болгарами-грекофилами. Въ исторіи критики по нашему предмету остается совсѣмъ невыясненнымъ еще одинъ вопросъ: существовалъ ли архіепископъ Ѳеофилактъ, современникъ царя Петра, писавшій для него „разговоръ о природѣ“ и потомъ Житіе его. Ссылаясь на Bibl. Graeca Fabricii, ed. Harles (VII, 596), гдѣ дѣйствительно упоминаются эти сочиненія (какъ сомнительныя) въ перечнѣ сочиненій Ѳеофилакта болгарскаго, преосвящ. Филаретъ признавалъ существованіе Ѳеофилакта X в., считая его авторомъ и Житія св. Климента и исторіи Тиверіоп. мучениковъ (Св. южныхъ славянъ, 30 янв.). Архимандритъ Леонидъ пошелъ еще далѣе въ разсужденіяхъ объ этомъ новомъ Ѳеофилактѣ (Чт. въ И. М. Общ. Истор., 1870, IV, стр. 8—19). Критика не особенно внимательно отнеслась къ мысли о новомъ Ѳеофилактѣ. Хотя нѣкоторыя сужденія послѣдняго изъ двухъ авторовъ (архим. Леонида) представляются болѣе недосмотрами (наприм. ссылка на московское изданіе толкованій Евангелія Ѳеофилакта 1649 г.), но въ общемъ мысль заслуживаетъ разбора.

страстный противникъ новаго франкскаго догмата, горячо, такъ сказать, ухватился за этотъ матеріалъ и широко обработалъ его. Тенденціозность обработки сказалась особенно на пріемахъ разсказа автора о знаменіяхъ и чудесахъ, явленныхъ надъ учениками Меѳодія именно во свидѣтельство истинности ученія ихъ противъ Filioque. Затѣмъ къ особенностямъ авторства грека, при переработкѣ имъ начальнаго болгарскаго сказанія, слѣдуетъ отнести широкую витіеватость изложенія, которою, по всей вѣроятности, не отличалось начальное сказаніе. Такой предполагаемый характеръ переработки начальнаго болгарскаго сказанія о св. Климентѣ авторомъ существующаго греческаго Житія, не рекомендуя послѣдняго, какъ друга болгаръ, не особенно рекомендуетъ его и какъ писателя. Но онъ заслуживаетъ благодарность за то, что, по своему переработывая начальное сказаніе о св. Климентѣ, онъ все таки сохранилъ многое изъ него, сохранилъ, слѣдовательно, одинъ изъ важныхъ источниковъ для свѣдѣній о судьбѣ славянской церкви въ Моравіи при ученикахъ Меѳодія [1]).

---

[1]) Въ общемъ изложенное здѣсь мнѣніе наше о Житіи примыкаетъ съ одной стороны къ мнѣнію Шафарика, съ другой, къ мнѣніямъ Добровскаго и г. Голубинскаго; но въ извѣстныхъ чертахъ расходится съ ними, какъ могутъ видѣть знакомые съ мнѣніями названныхъ изслѣдователей. Въ пополненіе къ сказанному, укажемъ на тѣ соображенія, по которымъ мы авторомъ существующаго греческаго Житія, передѣланнаго изъ начальнаго болгарскаго сказанія, считаемъ не Ѳеофилакта, а другаго грека, писавшаго нѣсколько позже его. Самый характеръ авторства въ Житіи сильно тенденціозный и граничащій съ фальсификаціею кажется намъ не идущимъ къ лицу такого почтеннаго церковнаго писателя, какъ Ѳеофилактъ. Въ частности Ѳеофилактъ, любившій свою паству, не говорилъ о болгарахъ такъ рѣзко и уничижительно, какъ говоритъ авторъ Житія, называющій ихъ не только грубыми, тупыми, но и скотоподобными. Будучи ревнителемъ православія и защитникомъ православнаго ученія объ исхожденіи св. Духа, Ѳеофилактъ не выражается такъ рѣзко и раздраженно о франкахъ, какъ авторъ Житія. Говоря въ своей Исторіи тиверіопольскихъ мучениковъ о просвѣщеніи Бориса христіанствомъ, Ѳеофилактъ не приписываетъ его Меѳодію, даже не упоминаетъ о немъ. Между сочиненіями Ѳеофилакта, писателя весьма извѣстнаго и уважаемаго, до послѣднихъ временъ не значилось и не упоминалось Житія Климента; неизвѣстно, откуда взято имя Ѳеофилакта въ надписаніи полнаго списка Житія, не встрѣчающееся въ вати-

5. Въ связи съ пространнымъ Житіемъ находится „Краткое (также греческое) Житіе св. Климента", называемое Ахридскою легендою [1]). Житіе писано послѣ пространнаго и подъ его вліяніемъ, ибо оно ссылается на него и повторяетъ нѣкоторыя извѣстія его, хотя сокращенно, иногда и въ переиначенномъ видѣ. Это, конечно, умаляетъ значеніе краткаго Житія, какъ источника, но не совсѣмъ уничтожаетъ, ибо есть признаки, что авторъ говоритъ нѣчто и самостоятельно, слѣдовательно, имѣлъ свои источники на это въ какихъ-либо запискахъ или преданіяхъ [2]). Еще менѣе значенія имѣетъ Житіе св. Наума, извѣстное только на полуновогреческомъ языкѣ по тому же изданію Москопольскому, гдѣ впервые издано было и пространное Житіе Климента. Послѣднее, очевидно, служило источникомъ для грека составителя Житія св. Наума, а время составленія его, по всей вѣроятности, недалеко отстоитъ отъ времени изданія [3]). Такимъ образомъ пространное Житіе св. Климента остается почти единственнымъ житійнымъ источни-

---

канскихъ отрывкахъ его (на что указалъ еще Добровскій). Впрочемъ, это надписаніе, а также признаки, что авторъ Житія въ своей защитѣ православнаго ученія объ исхожденіи Св. Духа пользовался сочиненіемъ Ѳеофилакта о томъ же (примѣры сличенія такихъ мѣстъ изъ обоихъ сочиненій—у Воронова, тамъ же, стр. 131—132) приводятъ къ заключенію, что авторъ Житія писалъ позже Ѳеофилакта. Если имя Ѳеофилакта съ самаго начала находилось въ надписаніи Житія, то оно было поставлено или для приданія сочиненію большей важности, или можетъ указывать на имя автора, соименнаго знаменитому болгарскому архіепископу и отождествленному съ нимъ по догадкѣ. Примѣры на то и другое извѣстны.

[1]) Такъ же, какъ и первое, оно открыто В. И. Григоровичемъ въ Ахридѣ,—открыто въ греческой пергаменной рукописи, заключающей въ себѣ житія святыхъ за іюнь, іюль и августъ, и относимой имъ къ XIII в. (Изысканія о славянскихъ апостолахъ, произведенныхъ въ странахъ Европ. Турціи. Ж. М. Н. Пр., Ч. LIII стр. 1—24). Послѣ Григоровича переиздано г. Бильбасовымъ (Кириллъ и Меѳодій, ч. II, стр. 301—306).

[2]) Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что это Житіе существовало сперва въ славянскомъ подлинникѣ; но нѣтъ основаній для такого предположенія.

[3]) Предположеніе о славянскомъ подлинникѣ Житія св. Наума имѣетъ нѣкоторыя основанія, но не довольно убѣдительныя.

комъ свѣдѣній о славянской церкви въ Моравіи и Панноніи при ученикахъ св. Кирилла и Меѳодія, которымъ мы и воспользуемся въ той мѣрѣ, въ какой свѣдѣнія эти могутъ быть признаваемы за идущія изъ начальнаго Житія, служившаго источникомъ позднѣйшему автору его.

Въ рѣчи о славянской церкви въ Моравіи и Панноніи мы остановились на томъ времени, когда прибыли сюда папскіе легаты епископъ Доминикъ, пресвитеры Іоаннъ и Стефанъ съ извѣстною намъ инструкціею папы Стефана V. Это могло быть не ранѣе и не позже 886 года. Дѣйствуя согласно съ инструкціей и въ духѣ папскаго письма къ Святополку, которое ей предшествовало, но оставлялось ею въ силѣ, легаты, какъ само собою понятно, представились Святополку въ Велеградѣ, преподали ему благословеніе и льстивыя привѣтствія отъ папы, и предъявили тѣ требованія или просьбы, какія поручались имъ въ инструкціи. Они потребовали, чтобы въ моравской церкви отмѣнено было „лжеученіе Меѳодія“, т. е., чтобы отмѣнено было введенное св. Меѳодіемъ пѣніе или чтеніе православнаго символа въ моравскихъ храмахъ и чтобы въ замѣнъ его принятъ былъ символъ съ франко-латинскимъ Filioque и такимъ образомъ возстановилось согласіе моравской церкви съ римскою церковью въ вѣроученіи; чтобы устроено было славянское богослуженіе и замѣнено латинскимъ, съ чѣмъ вмѣстѣ предполагалась отмѣна всего греко-славянскаго обряда и замѣна его латинскимъ, съ оставленіемъ только обычая объяснять по-славянски литургійныя чтенія изъ евангелія и апостола. Опорочивая память св. Меѳодія, какъ лжеучителя и подпавшаго анаѳемѣ, легаты требовали, чтобы ученики его отреклись отъ духовнаго союза съ нимъ, чтобы главный изъ нихъ Гораздъ, какъ незаконно (съ папской точки зрѣнія) назначенный Меѳодіемъ въ преемники его служенія, устраненъ былъ отъ участія въ церковныхъ дѣлахъ архіепископіи, пока не побываетъ въ Римѣ для объясненія по своему дѣлу, и чтобы права архіепископской вла-

сти переданы были Вихингу съ подчиненіемъ ему учениковъ Меѳодія и всего моравскаго духовенства. Всѣ эти требованія легаты необходимо должны были предъявить Святополку, если они поступали согласно съ инструкціей и письмомъ папы Стефана, что само собою должно предполагаться о нихъ, какъ о легатахъ. Столько же необходимо думать, что энергическій Вихингъ послѣ всего, что онъ недавно предпринималъ и чего достигъ въ интересахъ своего дѣла, не опустилъ свидѣться съ легатами по прибытіи ихъ въ Моравію, вліять на нихъ въ пользу своего дѣла, пособлять ихъ миссіи и у Святополка. Если въ инструкцію папы Стефана не внесено требованіе о немедленной передачѣ Вихингу моравско-паннонской архіепископіи, то опору для такого требованія Вихингъ находилъ въ письмѣ папы къ Святополку и, безъ сомнѣнія, не опустилъ и не затруднился склонить и легатовъ къ истолкованію въ этомъ смыслѣ выраженій папскаго письма предъ Святополкомъ. Какъ отнесся Святополкъ къ изложеннымъ требованіямъ или просьбамъ легатовъ отъ имени папы? Едва ли онъ согласился устранить въ моравской церкви славянское богослуженіе и замѣнить его латинскимъ [1]). Но необходимо думать, что подкупаемый льстивыми словами папы и его легатовъ, настроиваемый и Вихингомъ, Святополкъ вполнѣ соглашался, чтобы моравская церковь согласовалась въ ученіи вѣры, въ частности въ символѣ, съ римскою и латино-нѣмецкою церковію: онъ не желалъ, чтобы на моравской церкви тяготѣлъ укоръ въ ереси, высказанный папою, не желалъ и самъ слыть еретикомъ среди западныхъ государей, будучи однимъ изъ среды ихъ [2]). Весьма вѣроятно и

---

[1]) Объ этомъ будетъ рѣчь ниже.

[2]) Если прежде при жизни Меѳодія Святополкъ поддался наговорамъ о несогласіи ученія Меѳодія съ ученіемъ римской церкви и нарочно обращался съ вопросомъ объ этомъ къ папѣ Іоанну VIII; то могъ ли онъ не поддаться и теперь и притомъ столь рѣшительному увѣренію папы Стефана и его легатовъ о еретичествѣ Меѳодія? Въ разборъ противорѣчія между довольно общимъ от-

то, что Святополкъ согласился теперь передать Вихингу управленіе моравскою архіепископіею и отстранить отъ участія въ немъ Горазда, пока онъ не побудетъ въ Римѣ для объясненій по своему дѣлу или не объяснится по нему предъ папскими легатами. Наконецъ необходимо предполагать, что Святополкъ предоставилъ легатамъ и лично переговорить по всему этому съ Гораздомъ и другими учениками Меѳодія, наставить ихъ, и что легаты не только согласились на это, но и сочли это своею обязанностію. То, что послѣдовало далѣе затѣмъ, открываетъ намъ именно Житіе св. Климента. Въ Житіи говорится, что по кончинѣ Меѳодія, дерзкая толпа еретиковъ не вынесла, чтобъ видѣть Меѳодія и послѣ смерти живымъ противникомъ ихъ въ лицѣ Горазда. „Пріидите, говорили они, насилуемъ Горазда и уловимъ его лестію... Если оставимъ его жить, то въ немъ оживетъ для насъ Меѳодій. Такимъ образомъ лишаютъ его епископства, а нѣкоего Вихинга, упоеннаго неистовою ересью и способнаго опоить другихъ (почему онъ и былъ преданъ Меѳодіемъ сатанѣ съ проклятіемъ вмѣстѣ съ толпою бѣсновавшихся съ нимъ людей), —этого-то Вихинга... возводятъ на епископскій престолъ, который, какъ при Меѳодіи прославился и возвысился надъ многими другими, такъ при Вихингѣ унизился, ниспавъ въ бездну безславія. Такимъ образомъ онъ захватилъ въ свои руки епископство беззаконно..., а званнаго отъ Бога (т. е. Горазда) оттолкнулъ силою мышцы грѣшника“ [1]). Житіе вѣрно представляетъ

вѣтомъ папы Іоанна, признавшаго Меѳодія православнымъ и рѣшительнымъ увѣреніемъ папы Стефана и легатовъ его Святополкъ, конечно, не могъ входить, а если и обратилъ на него вниманіе, то легаты съ Вихингомъ съумѣли, конечно, по своему истолковать предъ нимъ и прикрыть это противорѣчіе.

[1]) Эти и подобныя выраженія Житія о Гораздѣ понимаются нѣкоторыми изслѣдователями въ томъ смыслѣ, что онъ былъ посвященъ во епископа самимъ Меѳодіемъ. Но мы уже выяснили несостоятельность этого мнѣнія. По этому всѣ указанныя выраженія Житія должны быть понимаемы такъ, что Гораздъ былъ *назначенъ*, нареченъ Меѳодіемъ на епископство послѣ него, и въ этомъ качествѣ завѣдывалъ дѣлами архіепископіи, какъ то бывало въ подобныхъ случаяхъ въ

ходъ событій, когда начальными дѣйствіями толпы еретиковъ ставитъ возведеніе Вихинга на моравскую архіепископію съ устраненіемъ отъ нея Горазда. Оно не говоритъ только о томъ, что предшествовало этимъ дѣйствіямъ, какъ подготовленіе къ нимъ, но совершилось вдали отъ глазъ учениковъ Меѳодія—въ Римѣ и при дворѣ Святополка. Оно начинаетъ съ того акта печальной драмы, который совершился на глазахъ ихъ, непосредственно касался ихъ, былъ первымъ и рѣшительнымъ актомъ въ начинавшемся гоненіи на учениковъ Меѳодія. Но, думаемъ, этотъ актъ наступилъ не ранѣе, какъ послѣ того, когда легаты, побывавъ у Святополка, получили согласіе его на передачу моравской архіепископіи Вихингу и устраненіе отъ нея Горазда. Въ составѣ „дерзкой толпы еретиковъ“ должны разумѣться не только Вихингъ съ его сообщниками изъ нѣмецкаго духовенства, но и самые папскіе легаты, ибо они-то могли имѣть власть возвесть Вихинга на архіепископскій престолъ, объявить его архіепископомъ, а Горазда устраненнымъ отъ преемства Меѳодію и отъ церковнаго управленія, согласно своей инструкціи о послѣднемъ. Объявленіе о томъ и другомъ со стороны легатовъ и лицъ изъ нѣмецкаго духовенства было, какъ слѣдовало ожидать, первымъ мѣропріятіемъ ихъ по отношенію къ ученикамъ Меѳодія и другимъ представителямъ изъ моравскаго духовенства и народа. Конечно, оно сопровождалось, быть можетъ, сдержанными, но тѣмъ не менѣе хульными отзывами и о самомъ Меѳодіи, какъ осужденномъ папою за лжеученіе и анаѳему на Вихинга, и незаконно назначившемъ себѣ преемника и т. п. Возможно, что все это объявлялось въ нарочитомъ для сего собраніи, даже въ каѳедральной церкви Велеграда. Понятно, съ какимъ глубокимъ прискорбіемъ и негодованіемъ встрѣтили такое объ-

---

Греція и у насъ въ древней Руси, когда избранные на епископство вступали въ управленіе и до посвященія, только не служили по-епископски и не совершали хиротоній.

явленіе ученики Меѳодія. Несомнѣнно и то, что они не убоялись заявить съ своей стороны, что не могутъ отречься отъ Меѳодія, его ученія и отступиться отъ Горазда.

Возникшія при этомъ или за этимъ пренія учениковъ св. Меѳодія съ „толпою еретиковъ“ Житіе изображаетъ такъ: „ересь поднимаетъ главу свою и превозносится надъ православнымъ сонмомъ учениковъ меѳодіевыхъ; еретики, поднявши крикъ и возставши противъ вѣрныхъ, говорятъ: для чего вы доселѣ прилѣпляетесь къ словамъ меѳодіевымъ, уже согнившимъ и мертвымъ, а не присоединяетесь къ живому архіепископу и не исповѣдуете Сына, рожденнаго отъ Отца и Духа, отъ Сына исходящаго? Они же чрезъ Горазда и Климента отвѣчали, что Меѳодій еще живъ и мы объ этомъ знаемъ совершенно отъ Господа, Который то говоритъ, что вѣруяй въ Него, аще и умретъ, оживетъ, то учитъ, что Богъ Авраама, Исаака и Іакова, называется Богомъ живыхъ, а не мертвыхъ. Итакъ, что же за грѣхъ съ нашей стороны, что мы имѣемъ учителя, живущаго въ Богѣ, духовно съ нами присутствующаго и собесѣдующаго и противъ васъ укрѣпляющаго? Что же касается до этой новой вѣры вашей, то мы, не находя, чтобы она подтверждалась свидѣтельствомъ какого-нибудь писанія, или принята была св. отцами, боимся подвергнуть себя проклятію, такъ какъ апостолъ Павелъ ясно говоритъ: аще кто вамъ благовѣститъ паче, еже пріясте, анаѳема да будетъ“. Въ Житіи довольно широко излагается начавшаяся такимъ образомъ рѣчь Горазда и Климента, защитительная по отношенію къ православному ученію объ исхожденіи Св. Духа отъ единаго Отца и обличительная по отношенію къ римско-франкскому ученію о Filioque. Сопоставляя эту рѣчь съ извѣстнымъ намъ письмомъ и инструкціею папы Стефана, нельзя не примѣтить, что Гораздъ и Климентъ направляютъ свои объясненія и обличенія преимущественно противъ тѣхъ доводовъ, какіе именно выставлены были папою, рекомендовались и легатамъ въ защиту Filioque и которые

слѣдовательно и были пущены въ дѣло легатами, Вихингомъ и его сообщниками во время собесѣдованія или преній съ учениками Меѳодія. Такъ, напр., въ объясненіе тѣхъ мѣстъ св. писанія, въ которыхъ говорится о дарованіи, о ниспосланіи вѣрующимъ благодати Св. Духа Сыномъ Божіимъ Іисусомъ Христомъ, и которыя приводились папою въ доказательство мысли объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, ученики Меѳодія говорили, что иное дѣло—вѣчное личное исхожденіе Св. Духа, усвояемое писаніемъ Единому Отцу, иное—явленіе или посланіе Св. Духа во времени, т. е. поданіе его вѣрующимъ, совершившееся чрезъ Сына Божія по единству Божества, по спасительной благодати Его. Когда Гораздъ и Климентъ окончили свою рѣчь, сообщники Вихинга (продолжаетъ Житіе) не могли удержать себя, и зажавши уши, какъ нѣкогда побившіе камнями Стефана, мужественнаго свидѣтеля Слова, начали кричать и приводить все въ безпорядокъ, и чуть *не подняли рукъ* на православныхъ, утрудненному языку придавая въ пособіе руки [1]). Но наконецъ отступивши, обратились къ послѣднему своему убѣжищу, къ скверному (κοπρῶν) Святополку и клевещутъ на православныхъ, будто бы они замышляютъ произвесть возмущеніе и могутъ возстать противъ его власти, если не будутъ согласоваться въ ученіи съ властителемъ, ибо держаться противнаго ученія есть вмѣстѣ и противоборствовать. Князь, призвавши послѣдователей Меѳодія, говорилъ имъ: „что это расколъ дѣлается между вами, и каждый день схватываетесь вы между собою какъ

[1]) Извѣстіе Житія, что сообщники Вихинга изъ нѣмецкаго духовенства, при спорѣ съ учениками Меѳодія, *чуть не поднимали рукъ на нихъ*,—весьма характерно. Вспомнимъ слова папы Іоанна VIII въ письмѣ къ пассавскому епископу Германриху, одному изъ тѣхъ нѣмецкихъ епископовъ, которые на соборѣ спорили съ Меѳодіемъ и судили его: „до того обезумѣлъ ты, что когда Меѳодій былъ приведенъ на соборъ, ты бросился на него съ плетью, но былъ остановленъ другими“. Вихингъ и его сообщники были не лучше Германриха. Извѣстіе о такой подробности, какъ готовность ихъ поднимать руки на учениковъ Меѳодія въ спорѣ съ ними, даетъ основаніе предполагать, что оно записано со словъ свидѣтеля спора, т. е. самаго Климента.

враги (καὶ καθ' ἑκάστην ἀλλήλοις πολεμίως συμπλέκεσθε)? Не братья ли вы всѣ, не христіане ли? Для чего же вы не соглашаетесь между собою и не стараетесь о единеніи"? Они же устами Горазда и Климента (эти два мужа вели разговоръ съ княземъ), отвѣчали: „князь, много надобно бы намъ говорить объ этомъ: ибо не о маловажномъ предметѣ и не въ маловажномъ дѣлѣ предстоитъ намъ опасность, но о догматѣ церкви, касающемся Св. Троицы, и въ дѣлѣ спасенія нашей души, что для насъ всего существеннѣе; но какъ незнакомство твое съ св. писаніемъ не позволяетъ тебѣ выслушивать болѣе продолжительныя и глубокія разсужденія, то мы на твой вопросъ отвѣтимъ просто: разъединяемся (мы съ ними) потому, что и Господь пришелъ возврещи мечъ и раздѣлить лучшее отъ худшаго; и о Давидѣ знаемъ, что онъ исповѣдалъ исповѣдящихъ Господа и особенно чтилъ друзей Христовыхъ; а христіанами никогда не признаемъ мы людей, не принимающихъ Евангелія. Ибо тогда какъ въ немъ единъ отъ Св. Троицы, Сынъ Божій сказалъ: *Духъ истины, Иже отъ Отца исходитъ*, — эти люди утверждаютъ, что Духъ святый исходитъ и отъ Сына. Но если бы это было дѣйствительно такъ, то почему бы Господь не сказалъ: Духъ Святый, Который отъ Меня исходитъ? Вотъ первое доказательство. Другое то, что второй константинопольскій соборъ архіереевъ, собравшихся со всей вселенной, изъяснилъ догматъ о Св. Духѣ,—такъ какъ для того и собирался, чтобы опровергнуть духоборца Македонія,—изложивши символъ вѣры не въ опроверженіе поставленнаго на соборѣ никейскомъ, но,—такъ какъ тогда не возникали споры о Св. Духѣ,—въ дополненіе онаго, какъ Сынъ, сохраняя наслѣдіе Отца. Что же видимъ мы въ этомъ символѣ, взятомъ изъ греческихъ книгъ, который *каждодневно произносишь ты*, князь? Исповѣдуется ли здѣсь вѣра въ Духа Святаго, исходящаго отъ Сына, или же исходящаго отъ Отца? Какъ же намъ согласиться съ людьми, которые мудрствуютъ вопреки Евангелію и изложенію отцевъ по внушенію Св.

Духа?... Итакъ, если они перемѣнятъ свои мнѣнія и станутъ согласны съ Евангеліемъ и св. отцами, то мы поспѣшимъ къ нимъ, какъ братьямъ, бросимся въ объятія и обнимемся. Если же они, покинувъ единаго наставника нашего Христа, пойдутъ по руководству своего ума и осуетятся помышленіями своими, то мы никакъ не рѣшимся по ихъ толкованію изучать догматъ Св. Троицы". Думаемъ, что разсказъ этотъ въ главныхъ чертахъ вѣрно воспроизводитъ то, что было въ дѣйствительности. Пренія учениковъ Меѳодія съ ихъ противниками, начавшіяся въ присутствіи легатовъ, возобновлялись и потомъ изо-дня въ день, какъ намекаютъ слова Святополка: что это—каждый день вы схватываетесь между собою, какъ враги? Естественно и то, что Вихингъ и его сообщники, истощивъ собственныя усилія въ спорахъ съ ученикамй Меѳодія, нашли нужнымъ осилить ихъ властію князя и представить ихъ послѣднему, какъ людей мятежныхъ, противниковъ его самаго. Естественно далѣе, что Святополкъ желалъ прекратить борьбу и вражду сторонъ, склонитъ ихъ къ единенію въ вѣрѣ, но понимая это единеніе не иначе, какъ въ согласіи съ ученіемъ римской церкви. Естественно наконецъ и то, что Гораздъ и Климентъ не находили возможнымъ и умѣстнымъ входить въ длинныя богословскія разсужденія съ Святополкомъ, а ограничились тѣмъ, что передаетъ Житіе, то есть: сослались на ясныя слова Спасителя объ исхожденіи Св. Духа и на Символъ никеоцареградскій, напомнивъ Святополку, что этотъ Символъ и самъ онъ доселѣ произносилъ въ церкви, что наконецъ сохраненіе этого Символа ставили они первымъ условіемъ своего вѣроисповѣднаго единенія съ противною стороною. „Князь, продолжаетъ Житіе, едва ли понялъ что-либо немногое изъ того, что было сказано Гораздомъ и Климентомъ: ибо онъ въ познаніи истинъ божественныхъ былъ совершенно невѣжда, какъ потому, что и воспитался болѣе какъ варваръ, или просто сказать, какъ безсловесное животное, такъ и потому, что умъ его помраченъ былъ

нечистотою плотоугодія, какъ объ этомъ сказано выше. А какъ же можно постигнуть ученіе о Троицѣ человѣку, чуждому святости цѣломудрія, ея же кромѣ ничтоже узритъ Господа. И вотъ онъ, наученный еретиками, которымъ былъ вполнѣ преданъ, далъ такой отвѣтъ православнымъ: я признаю себя человѣкомъ совершенно неученымъ и въ догматахъ несвѣдущимъ. Я человѣкъ неграмотный, но христіанства держусь и буду держаться. А этихъ недоумѣній и споровъ, которые вы подымаете, не могу рѣшить на основаніи доказательствъ и различить лжеучителя отъ православнаго. И такъ я, какъ христіанинъ разсужу васъ. Конечно, я и объ этомъ догматѣ даю такой приговоръ, какой привыкъ давать и о прочихъ дѣлахъ: кто первый придетъ и поклянется, что онъ вѣруетъ истинно и православно, о томъ я и буду судить, что онъ нисколько не претыкается и не уклоняется отъ точнаго смысла вѣры,—тому я и церковь вручу и предоставляю завѣдываніе церковными дѣлами по чину пресвитерскому. „Франки, съ величайшею готовностію желая принять клятву, не дождавшись еще до конца княжескаго рѣшенія, поклялись, и тѣмъ утвердили свое злочестивое ученіе, положивши конецъ, безумному суду сообразный. При такихъ судьяхъ ересь увѣнчалась побѣдою надъ православіемъ и получила полную власть притѣснять и влачить истинныхъ рабовъ Христовыхъ и блюстителей вѣры. Ибо, сказалъ князь, если кто уличенъ будетъ невѣрующимъ по ученію франковъ, тотъ будетъ преданъ имъ въ руки, и они могутъ дѣлать съ нимъ, что хотятъ". По нашему мнѣнію, и этотъ разсказъ вѣрно изображаетъ дѣйствительность, вѣрно изображаетъ характеръ Святополка, его отношеній къ спору между учениками Меѳодія и ихъ противниками съ Вихингомъ во главѣ, вѣрно передаетъ и сущность того, что говорилъ князь о своемъ невѣдѣніи въ догматахъ вѣры и своей неграмотности или некнижности. Черта живой дѣйствительности видится намъ особенно въ конечномъ способѣ рѣшенія религіознаго спора, предложенномъ Святопол-

комъ: это присяга, оказывающаяся однимъ изъ видовъ того *суда Божія*, которымъ въ средніе вѣка у новыхъ христіанскихъ, но еще не такъ давно вышедшихъ изъ язычества, народовъ рѣшались споры по дѣламъ уголовнымъ, гражданскимъ, иногда даже религіознымъ. Къ видамъ этого суда, кромѣ клятвы, принадлежали поединокъ или поле, жребій, чудо. Извѣстно напр. толедское преданіе въ Испаніи о рѣшеніи поединкомъ вопроса о литургіи музарабской и римской. Это было вскорѣ послѣ 1085 г., когда городъ Толедо отнятъ былъ у испанскихъ арабовъ кастильскимъ королемъ Алонсомъ VI. По требованію папскаго легата, Алонсо желалъ на мѣсто музарабской литургіи, державшейся у толедскихъ христіанъ прежде—подъ владычествомъ арабовъ, ввести римскую. Но когда этому воспротивились толедскіе христіане, то положено было рѣшить споръ поединкомъ между двумя ратоборцами, избранными изъ сторонниковъ музарабскаго и римскаго обряда. Когда за тѣмъ, не смотря на побѣду музарабскаго ратоборца, папскій легатъ съ соборомъ епископовъ все-таки потребовалъ замѣны музарабскаго обряда римскимъ, то король и народъ предложили рѣшить споръ еще другимъ способомъ суда Божія, а именно чрезъ огонь или чрезъ чудо: положено было, послѣ нѣсколькихъ дней поста и общественныхъ молитвъ, бросить въ разожженный на площади костеръ служебники музарабскій и римскій съ тѣмъ, что принятъ будетъ тотъ изъ нихъ, который выйдетъ цѣлымъ изъ огня [1]). Если Святополкъ предложилъ

[1]) По одному преданію, римскій служебникъ выбросило изъ огня неповрежденнымъ, а музарабскій остался въ пламени неповрежденнымъ до тѣхъ поръ, пока не потухъ огонь; по другому преданію, римскій сгорѣлъ до тла, а музарабскій остался цѣлымъ. Тѣмъ не менѣе вопросъ въ концѣ рѣшенъ такъ, что принятъ римскій служебникъ, какъ общій для всѣхъ церквей, а музарабскій оставленъ только для шести приходскихъ церквей въ Толедо. Легендарный характеръ этихъ преданій отнюдь не препятствуетъ признать дѣйствительность того, что лежитъ въ основѣ ихъ, т. е. мысли о рѣшеніи религіознаго спора судомъ Божіимъ. „Музарабское богослуженіе“, ст. прот. К. Кустодіева въ „Прав. Обозрѣніи“ 1870 г. Ч. II, стр. 215—216. Въ древней Руси извѣстны попытки рѣшенія религіозныхъ споровъ тѣмъ или другимъ видомъ суда Божія, между прочимъ, и жребіемъ.

рѣшить религіозный споръ клятвою или присягою то, конечно, потому, что этотъ видъ суда Божія былъ обычнѣе въ его практикѣ, какъ то онъ прямо говоритъ. Совершенно естественно, что франки т. е. Вихингъ или его сторонники, можетъ быть, въ слѣдствіе большей близости къ князю, предупрежденные о способѣ рѣшенія спора, поспѣшили принять его и произнесть клятву, предупредивъ Горазда и Климента и др. учениковъ Меѳодія, для которыхъ подобный способъ суда являлся неожиданностію, даже несообразностію, безразсудствомъ, какъ и выражается о немъ авторъ Житія. Но понятно, что для Святополка быстрая готовность на присягу и поспѣшное произнесеніе ея сторонниками римскаго ученія оказались достаточно успокоительнымъ рѣшеніемъ спора. Послѣ этого ему, на его взглядъ, и оставалось сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ. Онъ объявилъ обязательнымъ для учениковъ Меѳодія принятіе ученія римской церкви, повелѣлъ повиноваться Вихингу и его сторонникамъ, предоставивъ послѣднимъ и право карать ослушниковъ, дѣйствуя въ послѣднемъ случаѣ согласно съ папскимъ письмомъ. Можно полагать, что все это совершилось еще во время нахожденія въ Велеградѣ папскихъ легатовъ, которые теперь признали свою миссію въ Моравіи оконченною и, въ главномъ, достигшею цѣли, и потому отправились обратно въ Римъ.

Теперь-то настало самое тяжкое время для учениковъ Меѳодія. „Какое слово, продолжаетъ Житіе, можетъ изобразить, что послѣ этого сдѣлала злоба, получивши власть въ свои руки? Это поистинѣ огонь въ лѣсу, раздуваемый вѣтромъ: одни принуждали приложиться къ лукавому ученію, другіе защищали вѣру отцовъ; одни готовы были все сдѣлать, другіе—все потерпѣть; иныхъ мучили безчеловѣчно, у другихъ расхищали домы, съ нечестіемъ соединяя любостяжаніе, иныхъ нагими тащили по терновнику, и притомъ людей престарѣлыхъ... А изъ пресвитеровъ и дьяконовъ, тѣхъ которые были моложе, еретики продавали

іудеямъ, сами іудиной части и удавленія будучи достойны. Какъ онъ продалъ Христа, такъ эти еретики рабовъ Іисуса Христа, или лучше, друзей Его, какъ самъ Іисусъ Христосъ называлъ ихъ, смѣю даже назвать, помазанниковъ или христовъ, продавали всегда преогорчевающимъ Его врагамъ. Всѣхъ же ихъ было не мало, *но до двухъ сотъ считалось однихъ служителей алтаря.* А которые стояли на степени учителей, какъ тотъ самый Гораздъ, часто нами упоминаемый, родившійся въ Моравіи и владѣвшій совершенно обоими языками, славянскимъ и греческимъ, котораго добродѣтель Меѳодія даровала каѳедрѣ, а злоба еретиковъ, низведши сего мужа съ каѳедры, лишила ея украшенія,—также Климентъ пресвитеръ мужъ ученѣйшій, и Лаврентій, и Наумъ и Ангеляръ,—этихъ и многихъ другихъ мужей знаменитыхъ, заковавши въ желѣза, держали въ темницѣ въ заключеніи, гдѣ всякое утѣшеніе было возбранено, такъ какъ ни родственники, ни знакомые, ни подъ какимъ видомъ не смѣли имѣть къ нимъ доступа. Но Господь, утѣшающій смиренныхъ, врачующій сокрушенныхъ сердцемъ и соразмѣрно съ множествомъ болѣзней, утѣшеніями веселящій душу, утѣшилъ святыхъ, пославши имъ помощь отъ Святого. Они, будучи обременены узами желѣзными, и въ этомъ состояніи не забывали о молитвѣ; напротивъ, воспѣвши пѣсни третьяго часа, пропѣли потомъ поемый за псалмами припѣвъ, въ которомъ мы молимся, чтобы пресвятой Духъ, ниспосланный въ третій часъ апостоламъ, обновился и въ насъ. Богъ же, призрѣвши на землю, сотвори ю тристися, и вотъ сотворился трусъ великій, подобный тому, который былъ въ то время, какъ Павелъ молился въ оковахъ, и какъ бы шумъ съ небеси,—и оковы спали; и бывшіе дотолѣ узниками сдѣлались свободными, будучи связуемы одною неразрывною любовію ко Христу. Такимъ образомъ Богъ стрясъ землю и смутилъ ее. Потрясены были и жители того города и приведены въ смятеніе этимъ событіемъ, удивляясь и недоумѣвая, что бы значило такое явленіе, посланное отъ

Бога. Когда же приблизились къ темницѣ и увидѣли, что случилось со святыми, и какъ они, по спаденіи съ нихъ оковъ, оставались совершенно свободными, пріявши слухомъ, какъ говоритъ Давидъ, божественную радость, съ поспѣшностію пришедши къ князю, говорятъ: что это такое? доколѣ мы будемъ противуборствовать силѣ Божіей? Доколѣ не увидимъ свѣта истины? или мы имѣемъ очи и не видимъ, имѣемъ уши и не слышимъ, какъ истуканы, о которыхъ говоритъ Давидъ, или какъ тѣ люди, которые, по изображенію Исаіи, приняли духъ усыпленія? Ужели не познаемъ совершившагося чуда? Ужели не убоимся божественнаго знаменія? Не лучше ли намъ сдѣлаться узниками, связанными почитаніемъ къ этимъ разрѣшеннымъ отъ узъ? Но языкъ еретиковъ опять покушается оклеветать чудо, какъ фарисейскій старался оклеветать то, что тогда совершаемо было Господомъ: они называютъ это явнымъ чародѣйствомъ и хитростію волшебства, другими словами, они приписывали это необыкновенное дѣйствіе веельзевулу, сами будучи исполнены силы его. Послѣ сего,—нужно же было, что бы не позналъ сего неразумный князь,—святыхъ опять обременили оковами, тягчайшими прежнихъ, и изнуреніемъ въ темницѣ еще болѣе безотраднымъ, нежели прежде. Прошло три дня, и вотъ опять, когда они совершали молитву третьяго часа, случилось то же самое, что прежде: трусъ, соединенный съ шумомъ съ небеси и спаденіе оковъ,— и опять богоборцы, не объявивши ничего князю объ этомъ происшествіи, подвергли святыхъ тѣмъ же самымъ оскорбленіямъ, которыхъ, по суду истины, сами были вполнѣ достойны. Но Богъ открываетъ съ обѣихъ сторонъ взаимное соревнованіе въ дѣйствіи злобы съ одной стороны, и въ ученіи, вселяющемъ радость, съ другой. По прошествіи десяти дней опять въ третій разъ востокъ свыше посѣтилъ подвижниковъ. Но безчувственные еретики остались опять въ томъ же самомъ ожесточеніи; строптное не дѣлалось правымъ и недостатокъ разумѣнія въ познаніи добра не

восполнился. И такъ къ боли ранъ, которую чувствовали святые, еретики прибавили еще болѣе. Получивши отъ князя позволеніе поступать какъ имъ заблагоразсудится, они выводятъ ихъ изъ темницы, истязуютъ ударами, какъ говорится, нечеловѣческими, не давая никакой пощады ни сѣдинамъ, ни слабости, которой отъ многихъ изнуреній подвергались тѣла святыхъ. Но ничего этого не зналъ князь, раболѣпствовавшій еретикамъ, ибо онъ, по обстоятельствамъ, находился въ отлучкѣ; а если бы былъ дома, то еретики не показали бы такихъ жестокостей надъ исповѣдниками истины; потому что онъ, хотя въ тысячу разъ болѣе былъ расположенъ къ франкамъ, но, не смотря на свою полузвѣрскую и жестокую природу, уважалъ добродѣтель святыхъ мужей, въ особенности, когда Богъ сотворилъ трижды повторившееся чудо. Послѣ такихъ безчеловѣчныхъ ударовъ, еретики, не давши святымъ подкрѣпить себя сколько-либо пищею—ибо они никому не позволяли бросить ни одного куска хлѣба рабамъ Іисуса Христа и, можно сказать, помазанникамъ или христамъ—отдали ихъ воинамъ отвести въ разныя мѣста, прилежащія къ Истру, обрекши гражданъ небесныхъ на всегдашнее изгнаніе изъ города. Воины, люди грубые—ибо это были нѣмцы—и въ природѣ своей имѣя что-то звѣрское, а потомъ увеличивши это звѣрство вслѣдствіе приказанія, взявши святыхъ, выводятъ изъ города, и потомъ, снявши съ нихъ одежды, повлекли ихъ нагими. Такимъ образомъ, въ одно и то же время подвергали ихъ двоякой скорби: позору и непривѣтенному дѣйствію холоднаго воздуха, облегающаго всегда страны, при Истрѣ находящіяся. Они даже прикладывали мечи къ ихъ выямъ, какъ бы намѣреваясь поразить, и подставляли къ бокамъ копья, какъ бы готовясь вонзить оныя, чтобы они не однажды только умирали, но столько разъ, сколько того ожидали; и все это наказано было воинамъ отъ враговъ. Но когда они уже находились на далекомъ разстояніи отъ города, то воины, которые вели, покинувши ихъ, направились опять въ городъ.

Приведенный длинный разсказъ есть, полагаемъ, одинъ изъ тѣхъ, на которыхъ болѣе всего сказались характеристическія черты переработки Житія позднѣйшимъ авторомъ грекомъ, совершонной съ особенною цѣлію. У начальнаго автора Житія разсказъ этотъ былъ, по всей вѣроятности, короче и проще. Но *фактическое* содержаніе разсказа, въ его сущности, было взято все-таки изъ начальнаго Житія или сказанія. Явленія, здѣсь описываемыя, вполнѣ сообразны съ временемъ и обстоятельствами. Таковы, прежде всего, описываемыя въ Житіи жестокія насилія надъ учениками Меѳодія со стороны враговъ ихъ. Припомнимъ, какъ жестоко поступали съ Меѳодіемъ, какъ тяжко истязали его три нѣмецкіе прелата: Адальвинъ зальцбургскій, Германрихъ пассавскій и Аннонъ фрейзингенскій. Вихингъ былъ, конечно, не лучше, а скорѣе хуже ихъ, и притомъ еще озлобленнѣе противъ Меѳодія, слѣдовательно и его учениковъ и послѣдователей. Получивъ теперь въ полную свою власть послѣднихъ, не желавшихъ однакоже признать этой власти, Вихингъ не зналъ удержу своей злобѣ и раздраженію и, конечно, не затруднялся найти пособниковъ къ исполненію жестокихъ распоряженій его относительно меѳодіевыхъ учениковъ и вообще лицъ славянскаго духовенства, не хотѣвшихъ отречься отъ Меѳодія и Горазда и покориться Вихингу[1]). Полную историческую вѣроятность имѣетъ и то,

[1]) Примѣровъ необузданнаго самоуправства и жестокаго насилія со стороны не мірскихъ только, но и духовныхъ лицъ надъ людьми противной стороны или просто надъ слабѣйшими, подпавшими ихъ власти, можно бы набрать весьма и весьма много изъ средневѣковой исторіи и въ частности изъ IX и X в. Но довольно вспомнить слишкомъ извѣстные факты этого рода, имѣвшіе мѣсто въ данную эпоху въ самомъ Римѣ во время борьбы партій и лицъ изъ-за папскаго престола и вообще за преобладаніе въ Римѣ. Самые пріемы жестокихъ мученій, описываемые въ Житіи, аналогичны съ тѣми, какіе встрѣчаемъ въ это время и въ Римѣ. Такъ напр. Житіе говоритъ, что „иныхъ (изъ послѣдователей Меѳодія) нагими волочили по терновнику". Отъ того же времени въ хроникѣ монастыря св. Венедикта сохранилась замѣтка: iste Adrianus cecavit Gregorium de Abentinum et Mariam superistanam *nudam per totam Romam fusticavit.* Фульденская лѣтопись относитъ убіеніе этого Григорія ко времени папы Марина, предмѣстника папы Адріана III. Dümler, Geschichte des Ostfränk. Reichs. Band II, p. 251.

что говоритъ Житіе, при описаніи разныхъ видовъ насилія надъ лицами моравскаго духовенства, о продажѣ ихъ іудеямъ. Въ моменты, подобные настоящему, евреи тогда, какъ и прежде и потомъ, являются услужниками сильнѣйшей стороны, эксплуатирующими борьбу между христіанами въ интересахъ корысти. А ихъ роль, какъ покупщиковъ, перекупщиковъ и продавцевъ плѣнныхъ, рабовъ и т. п., слишкомъ извѣстна едва не съ первыхъ вѣковъ христіанства и долго потомъ во все теченіе среднихъ вѣковъ[1]). И вотъ Вихингъ и его нѣмецкіе пособники пользуются услугами евреевъ, продаютъ имъ захваченныхъ, въ качествѣ мятежниковъ и плѣнниковъ, молодыхъ священниковъ и діаконовъ изъ мораво-паннонскихъ славянъ, чтобы этимъ унизить и выжить ненавистное духовенство, не пренебрегая случаемъ и къ наживѣ отъ такой продажи, рядомъ съ наживою отъ расхищенія домовъ и имущества гонимаго духовенства. Безъ сомнѣнія, вѣрно въ основѣ и то, что говоритъ Житіе о терпѣніи и мужествѣ учениковъ Меѳодія. Какъ воспитанники св. первоучителей славянскихъ, воскресившихъ въ себѣ истинный духъ апостольства, они проявили въ себѣ духъ древне-христіанскаго исповѣдничества, были первыми послѣ своихъ учителей исповѣдниками восточнаго православія на латино-нѣмецкомъ заладѣ. Подобно христіанамъ первыхъ вѣковъ, они въ узахъ и тюремномъ заключеніи утѣшаютъ

---

[2]) Со времени Карла В. іудеи уже довольно извѣстны во франко-нѣмецкой имперіи, нерѣдко занимали и важное положеніе при дворѣ. Іудей Исаакъ былъ посломъ Карла В. къ царю персидскому (Pertz, I, 190. 353). Іудей Седекія былъ придворнымъ врачемъ императора Карла Лысаго († 877 г.). Ibid. p. 504. 589. Въ половинѣ IX в. извѣстенъ и примѣръ совращенія іудеями въ свою вѣру нѣмецкаго діакона Бозона, который отличился потомъ своими жестокостями противъ христіанъ въ Испаніи. Изъ нѣмецкой имперіи іудеи проникали и въ сосѣднія славянскія земли, гдѣ однимъ изъ привычныхъ промысловъ ихъ была торговля рабами и плѣнными, между которыми попадались и духовныя лица. Право такой торговли было отнято у нихъ уже въ 1124 г. княземъ Владиславомъ. Извѣстно свидѣтельство объ этой торговлѣ въ Житіи св. Войтѣха еп. пражскаго. Fontes R. B. T. I, p. 245. Сн. А. Будиловича: Очерки изъ церковной исторіи западныхъ славянъ, стр. 45—47. Варшава. 1880 г.

себя пѣніемъ свящ. псалмовъ и молитвъ, пѣніемъ, конечно, на родномъ славянскомъ языкѣ. Они сподобляются знаменій утѣшающей и укрѣпляющей благодати, даруемой Господомъ своимъ вѣрнымъ рабамъ, согласно Его обѣтованіямъ. Эти знаменія были ощутимы и зримы имъ, но едва ли другимъ, ибо трудно допустить, чтобы видя ихъ не вразумились ими гонители—не язычники или іудеи, а христіане, чтобы не вразумился и князь, если бы свѣдалъ о такихъ знаменіяхъ. Временное освобожденіе учениковъ Меѳодія изъ оковъ и тюрьмы было, думается намъ, послѣдствіемъ заступничества за нихъ со стороны моравянъ, требовавшихъ или просившихъ освободить невинныхъ страдальцевъ. Но за освобожденіемъ слѣдовали со стороны гонителей новыя нападенія на нихъ, новыя истязанія, особенно тогда, когда князь, могшій сдерживать гонителей, „находился, по обстоятельствамъ, въ отлучкѣ“, какъ замѣчаетъ Житіе, прибавляя, что „если бы онъ былъ дома, то еретики не показали бы такихъ жестокостей надъ исповѣдниками истины“. Но какъ Святополкъ могъ допустить тѣ прежнія насилія и жестокости надъ учениками Меѳодія, какія совершались Вихингомъ и его сообщниками еще до отлучки Святополка и слѣдовательно могли быть ему болѣе или менѣе извѣстны? Святополкъ и самъ въ борьбѣ съ своими противниками способенъ былъ на страшныя жестокости и уже поэтому могъ мириться и съ жестокостями другихъ надъ ихъ противниками [1]). Притомъ,

[1]) См. напр. описаніе жестокостей Святополка во время войны его съ нѣмецкими графами въ 883—884 гг. Pertz, I, 400. А образъ дѣйствій Вихинга, который пользуясь своею силою у Святополка, позволялъ себѣ необузданное и жестокое самоуправство, имѣетъ нѣкоторую аналогію съ образомъ дѣйствій его современника, Ліутварда, епископа верцелленскаго, который былъ такой же выскочка, какъ и Вихингъ, достигъ большой силы и званія канцлера при императорѣ Карлѣ Толстомъ. За свое жестокое самоуправство временщикъ этотъ сосланъ у нѣмцевъ Аманомъ и былъ свергнутъ только благодаря соединеннымъ усиліямъ нѣмецкихъ епископовъ и вельможъ (Pertz, I, 402—404 и др.). Свергнуть Вихинга въ Моравіи было некому, такъ что здѣсь онъ могъ долго неистовствовать.

какъ было уже замѣчено со словъ „Житія“, Вихингъ и его сообщники представляли князю учениковъ меѳодіевыхъ противниками его власти, не желающими принять то римское ученіе, какое призналъ князь, производящими раздоръ и смуту. Предоставивъ Вихингу полную власть надъ ними, а слѣд. и право карать ихъ, какъ ослушниковъ, Святополкъ могъ расчитывать этимъ именно способомъ смирить ихъ, привесть въ покорность и въ единство вѣры съ римскою церковію. Когда послѣ ряда насилій надъ ними, обнаружились ихъ непоколебимое терпѣніе и мужество, то Святополкъ, не совсѣмъ глухой и къ ропоту народа на такія насилія, находитъ нужнымъ сдерживать неистовства гонителей, не позаботившись однако предупредить возобновленіе ихъ на время предстоявшей отлучки своей изъ Велеграда, которою по этому воспользовались гонители, чтобы принять-ся за прежнее дѣло. Надо полагать, что это была отлучка довольно долгая и далекая, такъ что не легко могли дойти къ Святополку жалобы на возобновленіе жестокостей.

За этими жестокостями послѣдовало не менѣе жестокое изгнаніе исповѣдниковъ вѣры. Оно было прямымъ исполненіемъ папскаго наставленія, даннаго еще въ письмѣ къ Святополку: „а упорныхъ и непослушныхъ, производящихъ вражду и соблазнъ, если не исправятся послѣ перваго и второго увѣщанія, предписываемъ извергать изъ нѣдръ церкви, чтобы одна больная овца не заразила всего стада, предписываемъ обуздывать нашею властію и далеко изгонять изъ вашихъ предѣловъ“. Изгнаніе это состоялось приблизительно въ 886 — 887 г., во время отлучки Святополка изъ Велеграда, но, конечно, съ его вѣдома и согласія [1]).

---

[1]) Упоминаемая въ Житіи отлучка Святополка могла быть отлучкою для свиданія, для какихъ-либо переговоровъ и соглашеній съ Арнульфомъ, съ которымъ Святополкъ находился теперь опять въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Это могла быть отлучка именно для переговоровъ по поводу задуманнаго Арнульфомъ отнятія престола у императора Карла Толстаго, причемъ надобилось Арнульфу содѣйствіе или согласіе сильнаго Святополка. Событіе это относится

Въ замѣнъ жестокихъ гоненій, которыми не удалось побѣдить твердость исповѣдниковъ и которыя въ то же время возбуждали ропотъ и волненіе въ народѣ, Святополкъ предпочелъ ограничиться прямымъ исполненіемъ начальнаго папскаго наставленія объ изгнаніи непокорныхъ изъ предѣловъ мораво-паннонскаго государства. Изгнанію подверглись тѣ главнѣйшіе изъ учениковъ Меѳодія, тѣ „начальники хора“ въ духовной паствѣ Меѳодія, которыхъ Вихингъ и его сообщники считали, съ своей точки зрѣнія, вождями сопротивленія, зачинщиками мятежа. Кромѣ названныхъ въ Житіи Горазда, Климента, Наума, Ангеляра, Лаврентія, Саввы, были въ томъ числѣ еще и другіе [1]). Понятно и то, что для изгнанія такихъ лицъ, хотя и безоружныхъ, требовалась военная сила, требовался военный конвой, въ виду возможности заступничества за нихъ со стороны народа. Вполнѣ вѣроятно свидѣтельство Житія, что конвой этотъ состоялъ изъ *нѣмцевъ*, ибо они, а не славянскіе воины могли быть надежными и усердными исполнителями подобнаго жестокаго распоряженія о славянскомъ духовенствѣ. Нѣмцевъ этихъ могъ, съ вѣдома Святополка, собрать и Вихингъ изъ своей прежней нитранской епархіи, и вообще изъ своей нѣмецкой паствы въ предѣлахъ Моравіи и Панноніи. Онъ же, стоя во главѣ гонителей, былъ главнымъ виновникомъ того приказа, по которому, какъ замѣчаетъ Житіе, воины, конвоируя изгнанниковъ, обращались съ ними нагло и жестоко, къ чему впрочемъ они и сами способны были какъ солдаты своего времени, привычные къ всякаго рода насиліямъ надъ мирными и беззащитными жителями, какъ нѣмцы, недолюбливавшіе и презиравшіе славянъ, а на изгнанниковъ

къ 887 г. (о немъ еще упомянемъ ниже). Извѣстіе Житія о томъ особенномъ обстоятельствѣ, что послѣднія истязанія учениковъ Меѳодія и затѣмъ изгнаніе ихъ происходили во время отлучки Святополка, можетъ, по нашему мнѣнію, быть принимаемо, какъ извѣстіе, идущее отъ *начальнаго* автора Житія.

[1]) Таковъ былъ извѣстный Константинъ, потомъ пресвитеръ болгарскій при царѣ Соломонѣ, называющій себя *ученикомъ* св. Кирилла и собратомъ Наума.

смотрѣвшіе какъ на еретиковъ и мятежниковъ. Согласно прямому наставленію папскаго письма, въ которомъ повелѣвалось изгонять ослушниковъ *далеко* отъ предѣловъ Моравіи, воинамъ дано приказаніе отвесть изгнанниковъ *въ разныя мѣста, прилежащія къ Истру—Дунаю*. И дѣйствительно, воины загнали ихъ въ какую-то далекую отъ моравской столицы мѣстность, всего вѣроятнѣе—въ ту степную, тогда малонаселенную равнину между Дунаемъ и Тиссой, которая отдѣляла предѣлы мораво-паннонскаго государства отъ болгарскаго, въ которой бродили остатки аваръ, а потомъ осѣлись венгры. Здѣсь-то изгнанники оставлены на произволъ судьбы, ограбленные, истощенные, измученные. Но не оставлены они Богомъ. Одни, между небомъ и землею, они вознесли молитвы къ Богу, укрѣпляемые Его благодатію и теперь, какъ прежде въ тюремномъ заключеніи, находя утѣшеніе въ чувствѣ вѣры и правды, за которую были изгнаны.

Раздумье изгнанниковъ о томъ, куда теперь направить свой путь, было непродолжительно. Оно разрѣшалось для нихъ живучею мыслію о своемъ призваніи, въ качествѣ учениковъ святыхъ и равноапостольныхъ просвѣтителей славянскихъ. „Исповѣдники Христовы, продолжаетъ Житіе, помня слова Господа, заповѣдавшаго гонимымъ изъ одного города бѣжать въ другой, влеклись желаніемъ въ Болгарію; въ Болгарію стремился духъ ихъ, въ Болгаріи надѣялись они найти успокоеніе. Но и ее не могли бы они достигнуть, если бы не скрывали своего пути; потому они и старались укрываться отъ взоровъ всѣхъ, претерпѣвая нужду въ пищѣ и одеждѣ. И такъ они принуждены были отъ страха разлучиться другъ отъ друга и разошлись въ разныя стороны, по Божьему изволенію, чтобы также и большее число странъ озарить свѣтомъ Евангелія“. Что мысли изгнанниковъ стремились къ Болгаріи, какъ наиболѣе желанному и надежному убѣжищу,—это понятно. О Болгаріи они наперёдъ слышали, какъ странѣ христіанской, единовѣрной, странѣ

родственнаго славянскаго народа, слышали, конечно, еще отъ самого Меѳодія, прошедшаго ее на своемъ пути изъ Моравіи въ Царьградъ и обратно въ 881—882 г. Но что заставляло ихъ скрывать свой путь и для этого идти не вмѣстѣ, а разлучиться и пойти въ разныхъ направленіяхъ, чтобы менѣе обращать на себя вниманіе и удобнѣе скрыть, такъ сказать, слѣды своего пути? Быть можетъ, они опасались преслѣдованія ихъ со стороны гонителей, если послѣдніе грозили имъ этимъ въ предупрежденіе возврата ихъ. Возможно и то, что путники опасались попасться на глаза какимъ-либо бродячимъ хищникамъ въ степи, при довольно обычныхъ тогда грабежахъ и разбояхъ по дорогамъ, или опасались возбуждать подозрительность къ себѣ самимъ, если бы шли цѣлою дружиною или группою, такъ что вслѣдствіе подобныхъ опасеній, предпочли идти по двоетрое, въ видѣ нищихъ странниковъ, которымъ въ одномъ случаѣ легче дадутъ вольную дорогу, въ другомъ дадутъ пріютъ и кусокъ хлѣба. Какъ бы то ни было, но необходимость разлуки была для собратій изгнанниковъ новою горестію, которая умѣрялась однакоже тою вѣрою въ Промыслъ и свѣтлою мыслію о призваніи исповѣдниковъ на служеніе разнымъ странамъ, которую высказываетъ при этомъ и авторъ Житія. Далѣе онъ говоритъ только о томъ, что Климентъ съ Наумомъ и Ангеляромъ пошли по направленію къ Истру, достигли пограничнаго болгарскаго селенія и затѣмъ водворились въ Болгаріи, и сосредоточивается на дальнѣйшей ихъ жизни и дѣятельности въ Болгаріи. Но къ сожалѣнію, онъ не сказалъ, куда пошли и гдѣ водворились Гораздъ и другіе спутники, такъ что дальнѣйшая жизнь и участь ихъ остались намъ неизвѣстными.

Оставимъ путниковъ итти туда, куда направляла ихъ рука Провидѣнія и куда влекли ихъ желанія и надежды ихъ. Возвратимся въ Моравію, чтобы всмотрѣться въ то положеніе здѣшней славянской церкви, въ какомъ она нашлась по изгнаніи изъ ея предѣловъ учениковъ св. Меѳодія. Поло-

женіе это было печальное. Римъ, не только допустившій, но и поощрившій совершить такое беззаконіе надъ избранными представителями этой церкви, преемниками ученія и духа великихъ учителей, надолго остается безучастнымъ къ ней, предоставивъ властвовать надъ нею Вихингу, имѣвшему искоренять въ ней ученіе Меѳодія, закрѣплять и власть Рима надъ нею [1]). Святополкъ въ моментъ изгнанія учениковъ Меѳодія или вскорѣ послѣ этого входитъ въ новыя политическія сдѣлки съ Арнульфомъ, не остававшіяся безъ вліянія и на характеръ отношеній его къ славянской церкви въ своемъ государствѣ. Въ 887 г. этотъ Арнульфъ задумалъ отнять императорскій престолъ у Карла Толстаго, чего и достигъ, бывъ провозглашенъ императоромъ въ ноябрѣ 887 г. Есть основаніе полагать, что Арнульфъ достигъ своей цѣли, между прочимъ, съ помощію Святополка, своего кума, теперь и пріятеля, уступивъ ему въ замѣнъ сего права на Чехію, какія продолжала усвоять себѣ имперія [2]). Само собою должно предполагаться, что Вихингъ и теперь, какъ прежде, игралъ роль посредника между Святополкомъ и Арнульфомъ, и что подобною ролію онъ упрочивалъ свое положеніе при Святополкѣ, а слѣдовательно, и свою власть надъ всею мораво-паннонскою церковію и ея славянскимъ духовенствомъ. Въ качествѣ союзника имперіи и императора, виднаго члена въ ряду западно-европейскихъ госуда-

[1]) О. Мартыновъ въ своемъ, извѣстномъ уже намъ, изслѣдованіи—S. Méthode, apôtre des Slaves, разобравъ письмо папы Стефана и его инструкцію легатамъ, т. е.—тѣ два документа, которыми нанесенъ тяжкій ударъ славянской церкви въ Моравіи и которые послужили для Вихинга опорою для жестокихъ гоненій на учениковъ Меѳодія,—находитъ возможнымъ заключить свое изслѣдованіе умилительнымъ отзывомъ о папахъ, ихъ мудрости, возвышенности видовъ и неизмѣнной любви, какими руководились они въ своей божественной миссіи. Удивительная логика! Что было бы съ правдою при такой логикѣ?

[2]) Фульденская лѣтопись подъ этимъ годомъ говоритъ (Pertz, I, p. 405), что Арнульфъ шелъ противъ Карла съ сильнымъ войскомъ изъ нориковъ (т. е. нѣмцевъ Восточной Марки) и *славянъ*. Слѣдуетъ думать, что это славянское войско дано было Святополкомъ. Замѣчанія объ уступкѣ правъ на Чехію у Грота, принимающаго здѣсь мнѣніе Дудика (1. c. p. 136). Впрочемъ, права эти могли быть только притязаніями (Шафарика, Слав. Др. пер. Бодянскаго, т. II, кн. 2, стр. 235).

рей, Святополкъ теперь еще болѣе, чѣмъ прежде, стоялъ при своемъ желаніи видѣть мораво-паннонскую церковь единою по вѣрѣ съ церковію латино-нѣмецкою и главенствующею римскою, и съ своей стороны также предоставлялъ Вихингу властвовать въ качествѣ единственнаго моравско-паннонскаго архіепископа. Затѣмъ на характеръ политическихъ и церковныхъ отношеній Святополка указываетъ извѣстіе Фульденской лѣтописи о происходившемъ въ мартѣ 890 г. съѣздѣ его съ Арнульфомъ въ Омунтесбергѣ, въ Паннониі, причемъ первый, по просьбѣ папы, настойчиво уговаривалъ Арнульфа предпринять походъ въ Италію и оказать помощь папѣ и Риму противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ [1]). Это извѣстіе даетъ понять, что предъ тѣмъ были какія-то сношенія у самаго Святополка съ папою, въ интересахъ ли то перваго или послѣдняго, или же ихъ обоихъ, что вообще въ Римѣ считали Святополка преданнымъ римской церкви. Въ виду такихъ продолжавшихся сношеній Святополка съ Римомъ, страннымъ представляется то обстоятельство, что моравско-паннонской церкви не дано было, кромѣ Вихинга—архіепископа, еще двухъ-трехъ епископовъ, какъ то предполагалось при папѣ Іоаннѣ VIII и Меѳодіи, и какъ сдѣлано было потомъ при Моймирѣ. Обстоятельство это можетъ указывать на нѣкоторое равнодушіе Святополка въ церкви своего государства, на его нежеланіе затруднять себя обезпеченіемъ содержанія новыхъ епископскихъ каѳедръ, а вѣроятно и на его поблажку Вихингу, которому, конечно, болѣе нравилось одному вла-

[1]) Mediante vero quadragesima rex (Arnulphus) Pannoniam proficiscens, generalem conventum cum Zuentibaldo duce, loco qui vulgo apellatur Omuntersberg, habuit. Ibi inter alia praefatus dux ab apostolico rogatus, regem obnixe interpellabat ut urbe Roma domum sancti Petri visitaret, et Italicum regnum, a malis christianis et imminentibus paganis ereptum, ad suum opus restringendo dignaretur tenere. Арнульфъ не нашелъ возможнымъ исполнить эту просьбу. Pertz I, 407. Обстоятельныя указанія и сужденія о переговорахъ въ Омунтесбергѣ см. въ соч. проф. Успенскаго „Первыя славянскія монархіи на сѣверо-западѣ“, стр. 84. Спб. 1872 г.

ствовать надъ всею церковью въ предѣлахъ обширной моравской державы, одному пользоваться епископскими сборами и доходами, тогда обычными. Но дѣло Меѳодія и его учениковъ не было въ конецъ подавлено и въ это тяжелое время господства Вихинга. Если главные ученики Меѳодія были изгнаны, если кромѣ ихъ и нѣкоторые другіе священники и діаконы изъ моравянъ были удалены, загнаны, проданы жидамъ, то все-таки ихъ осталось еще довольно по крайней мѣрѣ изъ числа тѣхъ 200, о которыхъ говоритъ Житіе. Оно и не говоритъ, чтобы изгнаны были всѣ они [1]). Да и трудно допустить поголовное изгнаніе всего моравскаго духовенства. Естественно, напротивъ, думать, что многіе священники, діаконы и клирики мораво-паннонскіе, удерживаемые на родинѣ семейными и другими житейскими связями, предпочли, скрѣпя сердце, покориться Вихингу, признать его власть, не спорить и противъ его римскаго символа или ученія, и потому остались на своихъ мѣстахъ. Но покорившись Вихингу и ученію римскому, они сохранили то, что особенно дорого было имъ и народу—это славянское богослуженіе. Скажемъ болѣе: самъ Святополкъ, согласившись на все, чего требовали папа и его легаты въ пользу римской церкви и Вихинга, не могъ и не желалъ согласиться на упраздненіе славянскаго богослуженія, зная что народъ, не понимающій, какъ и онъ самъ, тонкостей вѣроисповѣдныхъ различій и потому способный мириться съ тѣмъ ученіемъ, какое выдавалось за ученіе римской церкви, далеко не такъ легко снесетъ изгнаніе славянскаго богослуженія, къ которому онъ уже довольно привыкъ и привязался. Вотъ почему Святополкъ, по всей вѣроятности, не допустилъ и легатовъ объявить упраздненіе славянскаго богослуженія, входилъ по этому поводу въ новыя объясне-

[1]) Неосновательно нѣкоторые изслѣдователи извѣстіе Житія о 200 священникахъ и діаконахъ, поставленныхъ св. Меѳодіемъ, сливаютъ съ извѣстіемъ объ изгнаніи главныхъ учениковъ Меѳодія, въ числѣ нѣсколькихъ. Извѣстія эти стоятъ отдѣльно.

нія съ Римомъ[1]), обязалъ и Вихинга терпѣть славянское богослуженіе, предоставлять моравскому духовенству полную свободу совершать его въ своихъ приходскихъ храмахъ. Папа тогда былъ далеко не такъ силенъ, чтобы грозить за это Святополку, волею или неволею допустилъ держаться въ Моравіи славянскому богослуженію, волею или неволею терпѣлъ его и Вихингъ. Довольствуясь пока тѣмъ, чего достигъ, властолюбивый и корыстолюбивый прелатъ вынужденъ былъ отлагать остальное надалѣе, надѣясь на время. Но время подорвало и положеніе Вихинга въ Моравіи.

Святополкъ, то мирившійся, то ссорившійся, съ Арнульфомъ, недолго оставался въ мирѣ съ нимъ и теперь. Въ 891 г. Арнульфъ присылалъ въ Моравію пословъ для переговоровъ съ Святополкомъ о возобновленіи мира (pro renovanda pace). Видно, уже опять заходило недовѣріе между ними вслѣдствіе новыхъ притязаній Арнульфа, какъ императора, на верховенство надъ моравскимъ государемъ. Въ томъ же 891 г. Арнульфъ, побывавъ во Франціи, одержалъ здѣсь въ мѣсяцѣ ноябрѣ блистательную побѣду надъ норманнами, которая сдѣлала его самоувѣреннѣе и притязательнѣе. Въ февралѣ 892 г. онъ былъ уже опять въ Баваріи, откуда поспѣшилъ въ Восточную Марку въ надеждѣ, что сюда явится на встрѣчу ему Святополкъ, обѣщавшій ему это, вѣроятно, во время переговоровъ 891 года. Но Святополкъ, какъ выражается непріязненный ему латинонѣмецкій анналистъ, по своему обычаю отказался прійти къ королю, обманувъ его относительно своей вѣрности и всего, что обѣщалъ. Вѣрнѣе то, что Святополкъ окончательно разубѣждался въ искренности пріязни Арнульфа и нѣмцевъ, примѣчалъ возрастающія притязанія ихъ привесть

---

[1]) Возможно, что вопросъ этотъ былъ предметомъ тѣхъ сношеній Святополка съ Римомъ, какія происходили не задолго до переговоровъ перваго съ Арнульфомъ въ Омунтесбергѣ въ мартѣ 890 г.

Моравію въ вассальныл отношенія къ имперіи и, сознавай собственную силу, рѣшился держать себи съ полною независимостью. Теперь возгорѣлась уже послѣдняя война между Арнульфомъ и Святополкомъ, въ которой первый окончательно выдаетъ себя какъ непримиримый врагъ самобытности моравскаго государства. Сперва онъ заключаетъ союзъ и устраиваетъ совѣщаніе съ Брацлавомъ (Брячиславомъ), княземъ по-Савской Хорватіи, о томъ, когда и какимъ путемъ вторгнуться въ Моравію [1]). Затѣмъ, собравъ большое войско изъ франковъ, баварцевъ и швабовъ, въ мѣсяцѣ іюнѣ вторгается въ Моравію, куда съ другой стороны вторгаются угры, возбужденные къ этому тѣмъ же Арнульфомъ [2]). Четыре недѣли громадное войско Арнульфа и толпы угровъ опустошали Моравію, истребляя хлѣба на поляхъ, срубая фруктовыя деревья, сожигая до тла селенія и т. д. Святополкъ съ своими моравами заперся въ укрѣпленіяхъ. Онъ не защитилъ своей несчастной страны, хотя самъ лично не былъ побѣжденъ. Арнульфъ искалъ новыхъ союзниковъ противъ Святополка въ болгарахъ и въ сентябрѣ отправилъ пословъ къ болгарскому князю съ большими дарами и съ предложеніемъ возобновить старую дружбу [3]). На этотъ разъ онъ домогался, чтобы прекращенъ былъ вывозъ соли изъ Болгаріи въ Моравію [4]). Послы Арнульфа,

[1]) Этотъ Брацлавъ, владѣвшій землями между р.р. Савою и Дравою, упоминается въ Фульденской лѣтописи подъ 884 г. какъ уже зависимый отъ нѣмецкой имперіи при Карлѣ Толстомъ. Pertz, I, 401.

[2]) Что угры въ это время вторгались въ Моравію и именно въ качествѣ союзниковъ Арнульфа,—объ этомъ ясно говоритъ Фульденская лѣтопись, когда описывая движеніе Арнульфа въ Моравіи съ нѣмецкимъ войскомъ, прибавляетъ: Ungaris etiam ibidem ad se cum expeditione venientibus. Pertz, 1, p. 408.

[3]) Подъ этою старою дружбою разумѣлись тѣ сношенія и союзы нѣмецкой имперіи съ Болгаріей, которые начались при Борисѣ и Лудовикѣ, какъ разъ предъ моравскою миссіей св. Константина и Меѳодія.

[4]) Моравія получала соль преимущественно изъ баварскихъ соляныхъ копей подъ Зальцбургомъ. Теперь, по случаю войны съ Арнульфомъ и баварцами, этотъ источникъ снабженія солью закрылся для Моравіи. Арнульфъ хотѣлъ закрыть ей и другой морской источникъ, доступъ къ которому былъ чрезъ Болгарію. Этимъ онъ надѣялся поставить Святополка въ большое затрудненіе.

опасаясь умысловъ Святополка, не рѣшались отправиться сухимъ путемъ чрезъ Паннонію и отравились воднымъ путемъ изъ владѣній Брацлава и достигли Болгаріи [1]). Здѣсь они будто бы приняты были почетно и тѣмъ же путемъ съ полученными дарами возвратились въ м. маѣ 893 года [2]). То было печальнымъ явленіемъ, что два славянскіе государи Брацлавъ и болгарскій князь являются союзниками нѣмецкаго государя, стремившагося подавить третьяго сосѣдняго имъ славянскаго государя, хотя впрочемъ неизвѣстно, исполнилъ ли болгарскій князь просьбу Арнульфа о недопущеніи соли изъ Болгаріи въ Моравію. Между тѣмъ война Святополка съ Арнульфомъ продолжалась и въ слѣдующемъ 893 г. Святополкъ казался такъ еще сильнымъ, что у него искали убѣжища или союза недовольные Арнульфомъ нѣмецкіе вельможи (потомки тѣхъ, изъ-за коихъ были и прежде ссоры и войны у Святополка съ Арнульфомъ), впрочемъ безуспѣшно. Затѣмъ Арнульфъ опять вторгся въ Моравію, но весь успѣхъ его здѣсь состоялъ въ опустошеніяхъ страны, изъ которой въ свою очередь съ большимъ трудомъ онъ могъ выбраться обратно, угрожаемый съ разныхъ сторонъ засадами Святополка. Замѣчательно, что въ ту пору, когда Арнульфъ такъ ожесточенно воевалъ съ Святополкомъ въ Моравіи, Арнонъ, вюрцбургскій епископъ, по совѣту тюрингскаго маркграфа Поппо, вторгся съ франк-

[1]) Въ томъ обстоятельствѣ, что Арнульфъ не могъ отправить своихъ пословъ чрезъ Паннонію, боясь засады отъ Святополка, Шафарикъ (Славян. древности, пер. Бодянскаго, т. II, кн. 11, стр. 305, М. 1847 г.), за нимъ и другіе изслѣдователи основательно видятъ доводъ на то, что Панноніа или ея часть еще находилась во власти Святополка.

[2]) Фульденская лѣтопись говоритъ, что посольство отъ Арнульфа отправлено было къ Владимиру (Laodomur). Но извѣстно, что Борисъ, сдавшій правленіе Владимиру въ 888 г., когда самъ постригся въ монахи, потомъ за недостойное поведеніе послѣдняго устранилъ его и передалъ правленіе Симеону непозже 892 г. Такимъ образомъ посольство, отправленное въ сентябрѣ 892 г. и возвратившееся въ маѣ 893 г., по всей вѣроятности, имѣло дѣло уже съ Симеономъ. Впрочемъ нѣкоторые изслѣдователи иначе разставляютъ годы княженія Владимира и Симеона.

скимъ войскомъ въ Чехію въ той, вѣроятно, надеждѣ, что теперь она не можетъ получить защиты изъ Моравіи отъ Святополка, занятаго войною съ Арнульфомъ. Воинственный епископъ искалъ бранной славы и добычи, и успѣлъ надѣлать вреда Чехіи, но и самъ не избѣгъ кары: на обратномъ пути отрядъ его внезапно настигнутъ былъ отрядомъ славянъ въ землѣ сорабовъ или сербовъ (живших по Лабѣ, Солявѣ и Мльдавѣ и одноплеменныхъ съ лужицкими сербами), пограничной съ Тюрингіею и восточною Франконіею [1]), произошла жестокая схватка, въ которой однимъ изъ первыхъ былъ убитъ предводитель-епископъ 13 іюля 893 г. Отрядъ его бросился въ бѣгство, но задержанный проливнымъ дождемъ близъ рѣчки и болота Хемницъ, потерпѣлъ полное пораженіе [2]). Если взять во вниманіе, что этотъ епископъ былъ въ большемъ почетѣ и милостяхъ у Арнульфа, надѣлявшаго его разными правами и привилегіями относительно десятинъ, доходовъ и проч., что въ пору послѣдней борьбы Арнульфа съ Моравіею ближайшимъ совѣтникомъ

---

[1]) Тюрингія въ нынѣшней верхней Саксоніи; восточная Франконія—нынѣ верхнефранконскій округъ въ Баваріи. Вирцбургъ главный городъ восточной Франконіи съ епископствомъ, основаніе котораго относятъ къ первой половинѣ VIII в. Карта и описаніе поселеній, упоминаемыхъ здѣсь сорабовъ или сербовъ у Аф. Ритгиха: „Славянскій міръ", стр. 50—51. Варшава 1885 г. Мѣстность, гдѣ послѣдовало нападеніе на епископскій отрядъ, называется въ памятникахъ pagus Chutizi при рѣчкѣ или болотѣ Chemita или Caminisi. См. у Дюмлера (Geschichte des Ostfränkischen Reichs, Band I, p. 354—355), гдѣ собраны выписки изъ источниковъ объ этомъ событіи.

[2]) Событіе это передается въ латино-нѣмецкихъ сказаніяхъ съ разными баснословными прикрасами. Съ явною цѣлію прикрыть позорную участь епископа, наказаннаго за свой безпричинный, грабительскій набѣгъ на Чехію, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ сказаній прибавляется, будто епископъ убитъ въ тотъ моментъ, когда совершалъ миссу въ своей походной палаткѣ. Если бы было и такъ, то обстоятельство это напоминало бы одну изъ извѣстныхъ характеристическихъ чертъ въ жизни западныхъ средневѣковыхъ іерарховъ, спокойно служившихъ миссы послѣ совершонныхъ грабежей и кровопролитій. Тѣ же сказанія пытаются возвесть Арнона въ мученики и святые, сообщая о знаменіяхъ въ видѣ свѣтовыхъ явленій или огней надъ мѣстомъ убіенія Арнона. У Дюмлера, ibid. О Гаттонѣ, Майнцскомъ архіепископѣ, о которомъ далѣе затѣмъ говорится у насъ въ текстѣ, См. ibid., стр. 352—353.

и другомъ его былъ майнцскій архіепископъ Гаттонъ, прозванный у современниковъ „сердце короля", то нельзя не прійти къ грустному выводу о духѣ тогдашней нѣмецкой іерархіи, непріязненной славянамъ, простиравшей свою непріязнь и на славянскую церковь. Это былъ тотъ же духъ, который жилъ въ извѣстныхъ намъ епископахъ-гонителяхъ и мучителяхъ св. Меѳодія, а теперь имѣлъ своего представителя въ самой Моравіи въ лицѣ Вихинга. Только цѣною бѣдствій, испытанныхъ въ войну 892—893 г., Моравія избавилась отъ Вихинга. Этотъ злой геній Святополка, льстиво выдавшій себя доброжелателемъ его, какимъ лживо выставлялъ его и папа Стефанъ V, теперь, во время войны 892—893 г., уже, какъ видно, не смогъ скрыть своей роли, въ качествѣ сообщника Арнульфа, ревнителя нѣмецкаго преобладанія въ Моравіи и Панноніи и врага славянской народности и церкви. Святополкъ, окончательно убѣжденный въ предательскомъ характерѣ Вихинга, прогналъ негодяя, котораго за то принялъ Арнульфъ, сдѣлалъ его своимъ канцлеромъ [1]).

По изгнаніи Вихинга, славянское духовенство въ Моравіи и Панноніи могло вдохнуть свободнѣе. Оно еще хранило преданія св. Меѳодія и его ближайшихъ учениковъ, имѣло учениковъ его и въ собственной средѣ и, безъ сомнѣнія, могло выставить лицъ, достойныхъ въ епископскомъ санѣ, принять въ руки управленіе церковью, поднять благоустройство ея, удерживая славянское богослуженіе, ученіе и уставы православія, завѣщанные ей св. первоучителями. Необходимо думать, что и Святополкъ, послѣ столькихъ разочарованій на счетъ своихъ союзовъ и сдѣлокъ съ нѣмецкою имперіею и уступокъ латино-нѣмецкому вліянію, допускаемыхъ въ ущербъ національному началу и націо-

[1]) Въ качествѣ канцлера Арнульфа Вихингъ извѣстенъ съ 2 сент. 893 г. (ibid., стр. 362).

нальной церкви, — что послѣ этого онъ наклоненъ былъ стать рѣшительно на сторону послѣднихъ. Война 891—893 г., хотя и оставила по себѣ много разореній и несчастій въ Моравіи и Панноніи, но не поколебала независимости и могущества моравскаго государства Святополка [1]). Онъ не былъ побѣжденъ и могъ бы еще поднять его силы въ союзѣ съ народною славянскою церковью, рѣшительнѣе становясь теперь на ея сторону по изгнаніи Вихинга. Но поздо наступилъ этотъ поворотъ въ политикѣ Святополка. Ничего особеннаго не успѣлъ онъ уже сдѣлать для славянской церкви въ духѣ овладѣвшаго имъ новаго настроенія по отношенію къ ней. Въ 894 г., послѣ 24 лѣтняго правленія, онъ скончался, и съ нимъ окончилось время могущества моравской державы.

По примѣру болѣе осторожныхъ изслѣдователей, воздержимся и мы отъ рѣшительнаго сужденія о немъ, ограничась немногими замѣчаніями [2]). При несомнѣнныхъ талантахъ воина и политика, при сильной энергіи и предпріимчивости, Святополку не доставало чистоты и величія нравственнаго характера, подорваннаго въ самомъ началѣ предательскимъ поступкомъ съ дядей Ростиславомъ, котораго онъ погубилъ въ союзѣ съ нѣмцами. Здѣсь начало и послѣдующихъ политическихъ сдѣлокъ его съ нѣмцами и пристрастій къ латино-нѣмецкому вліянію. (До извѣстной степени они могутъ быть оправдываемы предпологаемымъ у Святополка представленіемъ о превосходствѣ латино-нѣмец-

---

[1]) Въ извѣстіяхъ Регано и Ліутпранда исходъ послѣдней войны Святополка съ Арнульфомъ представляется такъ, будто Святополкъ, обезсиленный страшными опустошеніями Моравіи отъ этой войны и даже побѣжденный, просилъ мира у Арнульфа и призналъ себя данникомъ имперіи. Но эти извѣстія невѣрны, какъ невѣрны указанія ихъ и на годъ войны—890-й Dümmler, ib. p. 390. Миръ между Моравіею и Арнульфомъ состоялся уже по смерти Святополка, при его сыновьяхъ, о чемъ—ниже.

[2]) Отзывы современниковъ и сужденія изслѣдователей о Святополкѣ можно видѣть у Дюмлера (ib. p. 389—390), у г. Успенскаго (Первыя славянскія монархіи на сѣверо-западѣ, стр. 86—88) и др.

кой государственной культуры и потребности усвоенія ея своему государству. Вѣроятно и то, что эти союзы и пристрастія Святополка поощрялись честолюбивыми видами его на блестящую роль въ средѣ западныхъ государей: тѣмъ не менѣе эти пристрастія невыгодно отзывались на отношеніяхъ Святополка къ народной, славянской церкви. Въ нравственной сторонѣ характера Святополка, нечуждаго и грубой распущенности, лежала причина и того, что онъ не сблизился всѣмъ сердцемъ съ строго нравственнымъ Меѳодіемъ, не могъ поэтому вдуматься въ великое достоинство и значеніе его дѣла, допустивъ подорвать это дѣло при ученикахъ св. учителя. Великія ошибки не легко поправляются. Не успѣлъ поправить ихъ и Святополкъ. Въ Римѣ хвалили Святополка, но хвалили особенно тамъ, гдѣ глумились надъ Меѳодіемъ, какъ это дѣлалъ папа Стефанъ въ своемъ письмѣ къ Святополку. Западные латино-нѣмецкіе анналисты, говоря о немъ при разныхъ случаяхъ, особенно по поводу его смерти, не отказываютъ ему въ политическомъ умѣ и под. качествахъ, но въ то же время изображаютъ его грубымъ, жестокимъ и коварнымъ: это, конечно, отзывъ враговъ. Отголоскомъ мнѣнія о немъ въ средѣ учениковъ Меѳодія есть отзывъ автора Житія св. Климента, выраженный впрочемъ рѣзко, съ горечью, добрую долю которой прибавилъ, вѣроятно, уже позднѣйшій грекъ, негодующій за потворство Святополка догматическому ученію франковъ. Въ самой Моравіи въ народѣ, какъ то почти всегда бываетъ, образъ Святополка представлялся народному преданію только съ лучшей стороны. Народъ помнилъ о немъ, какъ о государѣ, не только блестящемъ, могучемъ, но и справедливомъ и близкомъ къ народу, какимъ, слѣдовательно, и бывалъ онъ въ лучшіе дни и часы своей жизни. Образъ Святополка перешелъ и въ область легендъ. Косма пражскій говоритъ о немъ: „въ томъ же году, когда крещенъ былъ Боривой (по Космѣ—въ 894 г.), пропалъ, какъ передаетъ молва, Святополкъ, король моравскій и болѣе не

показывался". Далѣе Косма уже самъ объясняетъ, что Святополкъ мучился сознаніемъ своей несправедливости къ Арнульфу, на котораго онъ поднялъ вооруженную руку, забывъ его благодѣянія, и разсказываетъ слѣдующее: „въ глухую, темную полночь, тайкомъ сѣлъ онъ на коня и, выбравшись изъ лагеря, направился къ одному мѣстечку на горѣ Цоберѣ, гдѣ нѣсколько времени тому назадъ три пустынника построили на его иждивеніе церковь, въ непроходимомъ лѣсу. Доѣхавъ до этого мѣста, закололъ коня, воткнулъ мечъ въ землю и, при наступленіи дня, явился къ пустынникамъ; они не узнали его, постригли, одѣли въ монашеское платье и онъ жилъ съ ними, не открывая своего сана; только когда почувствовалъ приближеніе смерти, объявилъ, кто онъ" [1]). Если было подобное преданіе о Святополкѣ, то объясненіе Космы на счетъ раскаянія Святополка никакъ не могло быть взято изъ народнаго преданія: не переиначено ли это объясненіе съ преданія о другомъ характерѣ раскаянія Святополка—раскаянія о несправедливости его не къ Арнульфу, а къ Меѳодію и его ученикамъ? Другого рода преданіе о Святополкѣ сообщаетъ Константинъ Порфирогенетъ: „князь моравскій Святополкъ былъ храбръ и страшенъ для сосѣднихъ народовъ. Онъ имѣлъ трехъ сыновей и, готовясь къ смерти, раздѣлилъ страну на три части и каждому сыну далъ отдѣльную часть. Старшаго по возрасту назначилъ великимъ княземъ, подчинивъ его власти двухъ остальныхъ. Онъ убѣждалъ ихъ хранить миръ и согласіе на этомъ примѣрѣ: связавъ три прута, далъ ихъ переломить старшему сыну; когда этотъ не могъ сломать связки, предложилъ второму и третьему. Потомъ далъ каждому сыну по одному пруту изъ этой связки и они легко переломили каждый прутъ. Указывая на этотъ примѣръ, онъ говорилъ дѣтямъ: если вы останетесь въ любви и согласіи между собою, никогда враги ваши не одолѣютъ и

[1]) Cosmae, Chronica Bohemorum. Lib. 1. c. 14. ap. Pertz. T. IX, 44.

не плѣнятъ васъ; если же изъ честолюбія и несогласія захотите каждый высшей власти, отказывая въ повиновеніи старшему брату, будете сами ослаблять другъ друга, и сосѣди враги совершенно уничтожатъ васъ“ [1]). Разсказъ Константина, писавшаго спустя болѣе 50 лѣтъ по смерти Святополка, есть быть-можетъ пріуроченное къ случаю повтореніе извѣстнаго древняго сказанія. Но возможно, что это сказаніе слышимо было отъ кого-либо и Святополкомъ, нашедшимъ въ пору повторить его и своимъ сыновьямъ предъ смертію. И дѣйствительно, это было весьма въ пору: ибо съ кончиною Святополка для Моравіи наступило грозное время, полное зловѣщихъ предзнаменованій [2]).

Константинъ Порфирогенетъ говоритъ о трехъ сыновьяхъ у Святополка, не называя ихъ по имени. Западные анналисты называютъ двухъ сыновей его Моймира и Святополка [3]). Позднѣйшіе изслѣдователи находятъ и третьяго—Святобоя, иные—Предеслава [4]). Далѣе Порфирогенетъ замѣ-

[1]) De administrando Imperio, c. XLI въ Patr. Graec. edit. Migne, T. 113. p. 326.

[2]) Фульденская лѣтопись, болѣе другихъ непріязненная Святополку, характеризуя его по поводу его кончины и замѣчая, что онъ своимъ коварствомъ и хитростію возмущалъ всѣ сосѣднія страны, прибавляетъ, что предъ смертію онъ увѣщевалъ *своихъ*, (т. е. сыновей или вообще приближенныхъ моравянъ): ne pacis amatores sed potius inimici *domesticis* persisterent (ap. Pertz, I. p. 410). Это почти современное свидѣтельство имѣетъ право на нѣкоторое довѣріе и въ такомъ случаѣ онъ подтверждаетъ прежде всего общій характеръ преданія, что Святополкъ дѣлалъ предъ смертію какое-то наставленіе или завѣщаніе сыновьямъ. Наставленіе, упоминаемое лѣтописью, разнится отъ того, о какомъ передаетъ Константинъ, но не противорѣчитъ ему. Совѣтуя у Константина дѣтямъ жить въ мирѣ между собою, онъ въ лѣтописи внушаетъ не держать мира съ другими. Подъ этими другими, названными въ лѣтописи domestici, могутъ разумѣться домашніе недруги Моравіи, т. е. или нѣмцы жившіе въ Моравіи и Паннониі, или сосѣднія племена славянскія, покоренныя Святополкомъ, но наклонныя отпасть отъ Моравіи. Будучи, по выраженію Константина, страшнымъ для сосѣднихъ народовъ, Святополкъ могъ желать, чтобы страшна была Моравія и при его дѣтяхъ и этимъ страхомъ удерживала свою власть надъ жившими въ ней и покоренными ею инородцами и родственными племенами. Не сбылись эти желанія его!

[3]) Фульд. лѣт. подъ 898 г. ap. Pertz. I. p. 413.

[4]) Шафарикъ (Слав. др. ib. стр. 306); Дудикъ (Marens Geschichte, c. V, 5. 320) и др. Я. К. Гротъ: Моравія и Мадьяры, стр. 333—334.

чаетъ, что сыновья Святополка только одинъ годъ прожили въ мирѣ и затѣмъ возникли между ними ссоры и усобицы, во время которыхъ и послѣдовало нашествіе на ихъ страну турокъ т. е. угровъ. Первое не совсѣмъ вѣрно. Миръ между сыновьями Святополка держался не одинъ годъ, а болѣе. Видно, они помнили завѣщаніе отца, да и сами сознавали, что теперь миръ имъ особенно нуженъ. Старшій сынъ, Моймиръ II, которому передана отцомъ главная власть, какъ о томъ говоритъ Константинъ и какъ то было въ обычаѣ повсюду у славянскихъ князей, если и не имѣлъ дарованій отца, то имѣлъ способность удерживать старшинство безъ обиды братьямъ и безъ ссоры съ ними; вообще не лишенъ былъ качествъ добраго князя-правителя. Дѣла Моравіи могли при немъ идти еще хорошо, ко благу и славянской церкви. Но мирное развитіе той и другой прервано было новыми замѣшательствами, привнесенными отвнѣ.

Первымъ изъ нихъ было новое вторженіе угровъ въ принадлежавшую къ Моравіи Паннонію, послѣдовавшее вскорѣ по смерти Святополка въ 894 г. Въ своемъ мѣстѣ было, на основаніи Житія св. Меѳодія, говорено о свиданіи его съ угорскимъ вождемъ въ при-дунайской странѣ у предѣловъ Паннонія, которое съ наибольшею вѣроятностію должно быть относимо къ послѣднимъ мѣсяцамъ 884 года или первымъ 885 г. Изъ разсказа Житія объ этомъ свиданіи мы нашли возможнымъ заключитъ, что оно произвело доброе впечатлѣніе на угорскаго вождя, можетъ-быть, предрасположило его къ христіанству. Съ той поры прошло десять лѣтъ до времени, въ какомъ мы находимся теперь, т. е. до 894 г. Что сталось съ тѣмъ угорскимъ вождемъ,— неизвѣстно. Былъ ли то извѣстный намъ разумный Лебедіасъ или Лебедь, о которомъ разсказываетъ Константинъ Порфирогенетъ, какъ о другѣ хазаръ, могшемъ отъ нихъ вынести наклонность къ бесѣдѣ съ христіанскимъ учителемъ, или другой, походившій на него въ этомъ же отношеніи; но въ разсказѣ Константина дается основаніе

для предположенія объ участи такого вождя. Въ замѣнъ Лебедіаса, слѣдов. и другихъ подобныхъ вождей надъ уграми сталъ съ 888—889 г. властвовать сынъ Альмы Арпадъ, первый дѣйствительно общій вождь угровъ, основатель политическаго могущества ихъ. Язычникъ, ставшій во главѣ дикаго народа языческаго, онъ могъ думать не о вѣрѣ, не о бесѣдахъ съ христіанскими учителями, а о хищническихъ набѣгахъ и завоеваніяхъ. Арнульфъ, вызвавшій угровъ въ походъ во время своей войны съ Святополкомъ, тѣмъ самымъ указалъ уграмъ дорогу для этого новаго движенія. И вотъ въ Фульденской лѣтописи вслѣдъ за извѣстіемъ о смерти Святополка говорится: Авары, называемые иначе уграми, бродившіе въ эти времена за Дунаемъ, надѣлали много бѣдствій. Мущинъ и старыхъ женщинъ совершенно убивали, увлекая съ собою молодыхъ женщинъ (ut jumenta) для удовлетворенія своей похоти: всю Паннонію они опустошили своими убійствами. Съ этихъ поръ христіанская Паннонія утрачена для Моравіи, ставъ спустя нѣкоторое время мѣстомъ осѣдлости новаго языческаго народа угровъ. То былъ тяжкій ударъ Моймиру съ братьями и моравамъ. Не удивительно, что имъ пришлось отбросить всякую мысль о продолженіи борьбы съ нѣмцами, наслѣдованной отъ отца, и поспѣшить заключить миръ съ ними, чтобы въ союзѣ съ ними пріостановить дальнѣйшее движеніе дикой, завоевательной орды, или по крайней мѣрѣ обезопасить себя со стороны нѣмцевъ на случай войны съ уграми. И дѣйствительно: осенью того же года, по свидѣтельству той же лѣтописи, заключенъ былъ миръ между баварцами и моравами, т. е. Арнульфомъ и Моймиромъ. Хитрый Арнульфъ, безъ сомнѣнія, не преминулъ воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ, вообще ослабленіемъ силъ Моравіи, утратившей цѣлую область, и вынудилъ Моймира принять какія-либо невыгодныя условія, даже признать верховенство имперіи надъ Моравіею. Послѣдствія этого мира, послѣдствія ослабленія Моравіи не замедлили разро-

статься къ вящшей невыгодѣ ея. Уже въ слѣдующемъ 895 г. въ м. іюнѣ во время имперскаго съѣзда въ Регенсбургѣ явились къ Арнульфу чешскія князья Спитигневъ и Вратиславъ, которыхъ державъ подъ своею сильною рукою Святополкъ, признали себя вассалами Арнульфа и такимъ образомъ чехи отложились отъ Моравіи, а скоро затѣмъ стали и врагами ея. Нѣсколько прежде, но въ томъ же году приходили съ изъявленіемъ покорности или дружбы къ Арнульфу и послы отъ Оботридовъ. Припомнивъ союзъ съ Арнульфомъ Болгаръ и Брячислава, князя по-Савской Хорватіи, получимъ въ общемъ грустный выводъ, что Славяне сами отдавали себя или другъ друга во власть нѣмцевъ, помогали имъ расширять и укрѣплять эту власть, сами умѣя болѣе ссориться, чѣмъ скрѣплять свои союзы. Пыталась и Византія привлечь нѣмецкую имперію къ союзу противъ славянъ, на этотъ разъ болгаръ, но кажется безуспѣшно [1]). Въ слѣдующемъ 896 году, когда греки, продолжая войну или ссору съ болгарами, увлекали къ союзу противъ нихъ угровъ, и тѣмъ пріостанавливали уже начавшееся движеніе ихъ въ Панноніо, Арнульфъ прибираетъ къ рукамъ часть Нижней Панноніи, такъ называемую Блатенскую Панноніо, и тѣмъ опятъ отдѣляетъ ее отъ Моравскаго государства, поручая защиту ея отъ угровъ вѣрному союзнику своему князю по-Савской Хорватіи Брячиславу [2]). Въ 897 г. признаютъ власть Арнульфа или союзъ съ нимъ Лужицкіе сербы, нѣкогда также зависимые отъ Мора-

[1]) Такъ понимаютъ извѣстіе Фульденской лѣтописи о томъ, что въ 894 г. приходилъ въ Регенсбургъ къ Арнульфу посолъ отъ греческаго императора Анастасій съ дарами. Но Арнульфъ принялъ его сухо и отпустилъ въ тотъ же день. Интересуясь союзомъ съ Болгарами въ видахъ своей политики противъ Моравіи, Арнульфъ уже поэтому не могъ благосклонно отнѣстись къ предложеніямъ о союзѣ со стороны Грековъ, воевавшихъ съ Болгарами.

[2]) Эта часть Панноніи была сильнѣе другихъ мѣстностей Панноніи и Моравіи колонизована нѣмцами. Здѣсь въ это время насчитываютъ 21 нѣмецкихъ мѣстныхъ названій и 8 славянскихъ (Я. К. Грота, Моравія и Мадьяры, стр. 145—146). На этихъ-то нѣмцевъ и могъ опереться Арнульфъ при захватѣ Блатенской Панноніи подъ свою власть, о которомъ упоминаетъ Фульд. лѣт. подъ 896 г.

віи. Такимъ образомъ еще недавно обширное и сильное Моравское государство сводится къ тѣснымъ предѣламъ Моравіи. Часъ паденія его близится. Къ довершенію несчастія начались внутреніи ссоры въ самой Моравіи. Не безъ основанія предполагаютъ, что поджигателемъ этихъ ссоръ былъ тотъ же Вихингъ, жившій при Арнульфѣ. Хорошо зная моравскія дѣла, имѣя здѣсь связи или агентовъ, онъ сѣяніемъ смутъ помогалъ Арнульфу въ его планахъ на счетъ дальнѣйшаго ослабленія Моравіи и открытія Арнульфу поводовъ къ вмѣшательству въ ея дѣла. Въ томъ же 897 г. приходили отъ Моймира послы къ Арнульфу съ просьбой, во имя мира, не принимать изъ Моравіи убѣгающихъ къ нему вчинателей смутъ въ послѣдней. Но вскорѣ затѣмъ въ м. маѣ пришли къ Арнульфу въ Регенсбургъ князья чешскіе съ дарами съ жалобою отъ себя и своихъ соотчичей на своихъ враговъ—моравлянъ, будто бы жестоко обижающихъ ихъ, и съ просьбой защиты. Жалобы чеховъ вызваны были, по всей вѣроятности, попытками Моймира привесть чеховъ въ прежнюю покорность или наказать за отпаденіе отъ Моравіи. Но то были напрасныя попытки въ виду такого настроенія чеховъ, по которому они предпочитали нѣмца Арнульфа одноплеменнику Моймиру. Арнульфъ принялъ жалобы чеховъ весьма благосклонно, обѣщалъ защиту и всю осень этого года простоялъ съ войскомъ на сѣверъ отъ Дуная близъ р. Регена, по сосѣдству съ Чехіей, чтобы помочь ей на случай нападенія моравлянъ, чѣмъ и удержалъ послѣднихъ отъ нападенія. Въ слѣдующемъ 898 г. открылось нѣчто еще худшее: ссора между самими братьями Моймиромъ и Святополкомъ. Не вполнѣ ясно, изъ-за чего возникла ссора; но довольно ясно, что она возникла подъ вліяніемъ интригъ нѣмецкой партіи въ Моравіи, привлекшей на свою сторону младшаго брата Святополка. Открылось наконецъ мѣсто вмѣшательству Арнульфа. Укрощеніе ссоры или точнѣе защиту нѣмецкой партіи въ Моравіи онъ поручилъ маркграфу Ліутпольду,

который отъ имени Арнульфа управлялъ Восточною Маркою, наблюдая также за Каринтіею, Чехіею и самою Моравіею, и брату его графу Арибо. Послѣдній выставляется даже однимъ изъ главныхъ поджигателей ссоры. Ліутпольдъ и Арибо съ баварскимъ войскомъ прошли въ Моравію съ огнемъ и мечемъ, преслѣдуя и побивая людей противной партіи. Въ слѣдующемъ 899 г. послѣдовало вторичное вторженіе баварскаго войска въ Моравію, гдѣ между тѣмъ Моймиръ успѣлъ запереть брата Святополка въ какомъ-то укрѣпленномъ городѣ и принуждалъ къ сдачѣ. Баварцы освободили Святополка и увели съ собой, а городъ сожгли. Какъ много ни пострадала Моравія отъ всѣхъ этихъ войнъ и смутъ, но независимость ея не была еще окончательно подорвана. По выходѣ изъ нея баварцевъ съ Святополкомъ, Моймиръ остался единовластнымъ государемъ въ ней и могъ бы, казалось, укрѣпить свое государство. Онъ чувствовалъ себя не окончательно еще обезсиленнымъ, ибо не боялся оказать содѣйствіе сыну графа Арибо Исанарху, который возсталъ противъ Арнульфа, успѣлъ съ помощію Моймира добыть себѣ владѣніе въ Восточной Маркѣ, а когда былъ взятъ въ плѣнъ Арнульфомъ и успѣлъ бѣжать изъ него, то нашелъ убѣжище у Моймира [1]). Въ помыслахъ о новой войнѣ съ Моравіею, давно уже больной Арнульфъ скончался 8 декабря 899 года. Избавилась наконецъ Моравія отъ этого стараго и закоренѣлаго врага своего. Нѣсколько прежде исчезъ со сцены и Вихингъ. Въ 899 году онъ получилъ отъ Арнульфа ставшее вакантнымъ пассавское епископство. Но тутъ открылось, какую дурную репутацію нажилъ себѣ старый интриганъ даже въ средѣ баварской іерархіи. Зальцбургскій архіепископъ Дитмаръ, въ митрополитанскомъ вѣдѣніи котораго находилось епископство, съ соборомъ своихъ епископовъ суффрагановъ, вопреки волѣ

[1]) О дѣлѣ Исанарха и отношеніи къ нему Моймира обстоятельнѣе у Я. К. Грота (ib. 347—350).

императора, немедленно низложилъ Вихинга и поставилъ на пассавскую каѳедру Рихарда[1]).

Не смотря на смерть Арнульфа и исчезновеніе Вихинга, духъ политики ихъ, враждебный Моравіи и ея славянской церкви, не исчезъ въ представителяхъ нѣмецкой имперіи и латино-нѣмецкой іерархіи. Онъ сейчасъ заявляетъ себя и при новомъ баварско-нѣмецкомъ королѣ, сынѣ Арнульфа, Людовикѣ Дитяти, возведенномъ на престолъ въ возрастѣ 7 л., на съѣздѣ духовныхъ и свѣтскихъ представителей королевства въ Форхгеймѣ, въ началѣ февраля 900 г.[2]). По всей вѣроятности на этомъ же съѣздѣ рѣшенъ былъ предпринятый вскорѣ затѣмъ походъ баварцевъ въ Моравію[3]). Отправились баварцы чрезъ Чехію и подкрѣпленные отрядомъ изъ чеховъ, вторглись въ Моравію и въ теченіи трехъ недѣль грабили, жгли ее безпощадно. Между тѣмъ въ виду воюющихъ сторонъ подвигалась страшная гроза въ образѣ тѣхъ же дикихъ угровъ, которые, совершивъ въ 900 г.

[1]) Нѣкоторые изслѣдователи (напр. г. Вильбасовъ въ своемъ трудѣ „Кириллъ и Меѳодій“ ч. I, стр. 100. С.Пб. 1868 г.) утверждаютъ, что Вихингъ низложенъ уже *по смерти* Арнульфа, хотя и тотчасъ послѣ нея. Но по ясному смыслу единственнаго извѣстія о томъ Фульденской лѣтописи (Pertz, I. p. 414) онъ низложенъ именно еще при жизни Арнульфа. Лѣтопись поясняетъ даже, что архіепископъ и епископы низложили Вихинга именно *вопреки волѣ* императора, но на основаніи своего каноническаго суда. Видно, что репутація Вихинга была слишкомъ уже дурна, что они рѣшились идти противъ воли императора, не пощадили его любимца, прибѣгнувъ къ каноническому суду по его дѣлу. Смѣлый поступокъ архіепископа и епископовъ не есть что-либо несообразное: на западѣ высшая іерархія умѣла постоять за свои права; притомъ Арнульфъ былъ вообще почтителенъ къ высшимъ іерархамъ, къ тому же въ послѣднее время и больной. Поэтому онъ не хотѣлъ или не могъ отстаивать своего бывшаго любимца противъ общаго суда мѣстной іерархіи. По низложеніи съ каѳедры Вихингъ совсѣмъ пропадаетъ изъ исторіи.

[2]) Свидѣтельства источниковъ о возведеніи Людовика на престолъ—у Дюммлера, ib. p. 493—4.

[3]) Такъ какъ однимъ изъ мотивовъ къ походу было усмиреніе графа Исанарха, который, возставъ противъ Арнульфа, потомъ, взятый имъ въ плѣнъ, бѣжалъ изъ плѣна подъ защиту къ Моймиру, продолжалъ не покориться и правительству новаго короля; то естественно, что усмиреніе мятежнаго графа и его защитника являлось ближайшимъ дѣломъ для новаго правительства, рѣшеннымъ тотъ часъ по возведеніи на престолъ Людовика.

опустошительный походъ въ Италію, наведя тамъ страхъ на самый Римъ и папу, возвратились въ Панноніо, окончательно осѣлись въ ней, угрожая отсюда самой Баваріи и Моравіи. И дѣйствительно, еще въ томъ же 900 г. угры вторглись въ Баварію, страшно опустошили ее на пространствѣ 50 римскихъ квадратныхъ миль и успѣли съ плѣнными и добычею уйти въ Панноніо прежде, чѣмъ поспѣли настичь ихъ баварцы. Правда послѣднимъ удалось имѣть небольшой успѣхъ въ схваткѣ съ уграми близь Дуная. Но этимъ не предотвращалась опасность новаго подъема и нашествія громадной и воинственной орды. Время было христіанскимъ враждующимъ сторонамъ подумать о мирѣ. Повидимому, онъ Баваріи былъ даже нужнѣе, чѣмъ Моравіи. Хотя Моравія утратила Панноніо, окончательно доставшуюся уграмъ, но сама она съ 894 г. не подпадала угорскимъ вторженіямъ, и какъ будто жила въ мирѣ съ новыми сосѣдами, а баварцами была заподозрѣваема даже въ союзѣ съ ними[1]). Тѣмъ не менѣе моравляне предложили миръ баварцамъ и даже просили о немъ, прославъ для чего своихъ пословъ въ Регенсбургъ. Здѣсь въ началѣ 901 г. и заключенъ миръ, потомъ подтвержденъ въ Моравіи и скрѣпленъ клятвою Моймира и моравскихъ бояръ въ присутствіи прибывшихъ для сего баварскихъ пословъ, въ томъ числѣ новаго пассавскаго епископа Рихарда[2]).

Обозрѣнныя нами политическія отношенія Моравіи къ Баваріи при Моймирѣ, въ связи съ отношеніями ихъ обѣихъ къ уграмъ, имѣютъ важное значеніе въ исторіи церковныхъ отношеній Моравіи за данное время. Стараясь уберечь политическую независимость страны, Моймиръ старался оградить и ея церковную независимость, независимость ея славянской церкви съ собственною народною іерархіею, духо-

[1]) Обстоятельство это, не лишенное значенія въ исторіи церковныхъ отношеній Моравіи, будетъ пояснено ниже при рѣчи о послѣднихъ.

[2]) Главнымъ источникомъ излагаемыхъ свѣдѣній о судьбѣ Моравіи со времени кончины Святополка до 901 г. служила для насъ, какъ и для другихъ изслѣдователей, Фульденская лѣтопись (ap. Pertz I, стр. 894—901), которая писана современникомъ и оканчивается именно этимъ годомъ.

венствомъ и славянскимъ богослуженіемъ. Было сказано, что выгнавъ изъ Моравіи Вихинга, Святополкъ не успѣлъ пріобрѣсть для нея своего архіепископа и епископовъ, какъ то требовалось и канонами и порядкомъ и вообще состояніемъ церкви. Долго не могъ сдѣлать этого и Моймиръ, затрудняемый войнами и смутами. Надлежало бы ожидать, что о іерархическомъ устройствѣ моравско-паннонской церкви позаботятся въ Римѣ,—и уже потому, что она считалась состоящею въ непосредственной зависимости отъ римской каѳедры, бывъ давно изъята изъ вѣденія зальцбургскихъ архіепископовъ и пассавскихъ епископовъ. Но и въ Римѣ не скоро позаботились о моравско-паннонской церкви. Папа Стефанъ V, нанесшій тяжкій ударъ ей своими, извѣстными намъ, мѣрами по отношенію къ ней, повидимому отложилъ свои заботы о ней послѣ того, когда отдалъ ее подъ власть Вихинга. Преемникъ его Формозъ, бывшій епископъ портуенскій, тотъ самый, который успѣлъ нѣкогда понравиться Борису болгарскому и расчитывалъ быть болгарскимъ архіепископомъ, занявъ папскій престолъ въ 891 году, не зналъ покоя во все шестилѣтнее правленіе свое (891—896), борясь то съ претендентами на политическую власть надъ Римомъ и Италіею, каковы особенно герцоги сплѣтскіе, восхищавшіе себѣ императорскій титулъ, то съ искателями папскаго престола. Формозъ вопилъ о помощи къ королю Арнульфу, который дѣйствительно два раза ходилъ въ Италію съ войскомъ и въ послѣдній разъ въ 896 году, взявъ Римъ, смирилъ претендентовъ, защитилъ папу, который за это возложилъ на него императорскую корону. Понятно, что Формозъ не могъ заботиться о Моравіи, не могъ быть вообще благожелателемъ ея, какъ страны, бывшей не въ мирѣ съ покровителемъ его Арнульфомъ. Преемникъ Формоза Бонифацій VI царствовалъ менѣе мѣсяца, скончавшись отъ застарѣлой подагры. За нимъ слѣдовалъ Стефанъ VI (оффиціально VII), сторонникъ сплѣтской партіи, врагъ Формоза, „vir fama infandus“, ославившійся своимъ чудовищнымъ поступкомъ

надъ трупомъ ненавистнаго ему папы Формоза и другими безумствами, за что и самъ въ 897-мъ году удавленъ былъ партіею пресвитера Романа [1]). Захвативъ самъ престолъ, Романъ папствовалъ всего около 4-хъ мѣсяцевъ. Преемникъ его Ѳеодоръ II прожилъ на папствѣ всего 20 дней, успѣвъ впрочемъ нѣсколько исправить безумства Стефана, отыскать даже трупъ Формоза, брошенный въ Тибръ, и погребсти торжественно. Въ началѣ 898 года сталъ папою Іоаннъ IX и папствовалъ уже болѣе 2-хъ лѣтъ до половины іюля 900 г. Отъ сейчасъ названныхъ 4-хъ предмѣстниковъ его нельзя, конечно, ожидать какой бы то ни было мысли о Моравской церкви. Но объ ней подумалъ Іоаннъ IX. Это былъ папа сравнительно лучшій и благоразумный; притомъ онъ былъ сторонникомъ не императора Арнульфа, какимъ былъ Формозъ, а болѣе сильныхъ изъ итальянскихъ графовъ, какъ Ламбертъ Сплѣтскій, враждебный Арнульфу, Лудовикъ, сынъ Бозона прованско-бургундскаго графа, сильный теперь въ Италіи. Несмотря на то, что римскимъ императоромъ считался Арнульфъ, коронованный въ 896 г. Формозомъ, папа Іоаннъ IX въ 898 г. короновалъ на императорскій престолъ въ Римѣ графа Лудовика, послѣ того какъ послѣдній овладѣлъ Римомъ, одолѣвъ своего совмѣст-

[1]) Стефанъ велѣлъ вырыть Формоза и въ папскомъ облаченіи посадить на папскомъ престолѣ въ базиликѣ св. Петра, при большомъ собраніи. Затѣмъ обратился къ покойному съ словами: „Зачѣмъ ты, португенскій епископъ, простеръ дерзость до того, что восхитилъ папскій престолъ?“. За покойника долженъ былъ отвѣчать назначенный Стефаномъ адвокатъ—діаконъ. Подсудимый оказался виновнымъ. Тогда сорвали съ него облаченіе; трупъ повергнутъ и тащенъ по полу базилики, и по отсѣченіи двухъ пальцевъ и головы, брошенъ въ Тибръ. Въ анналахъ ар. Pertz. I. 53, 412 и др. Baronius ad an. 896—897, гдѣ по поводу цѣлаго ряда безчиній и злодѣйствъ на папскомъ престолѣ выражается: „En illa infelicissima Rom. Ecclesiae tempora... quando intrusi in cathedram Petri... homines monstrosi, vita turpissimi, moribus perditissimi, usque quaque foedissimi. Удивительно, что новѣйшіе латинскіе писатели, имѣя подобные примѣры въ исторіи папства IX в., истощаются въ усиліяхъ омрачить нравственную честь византійской іерархіи того вѣка, перебирая, такъ сказать, по ниточкѣ дѣло Фотія съ Игнатіемъ, чтобы всячески опорочить перваго, хотя онъ не былъ повиненъ въ несчастіяхъ Игнатія и помирился съ нимъ по-христіански.

ника Беренгарія, графа Фріульскаго, искавшаго потомъ защиты въ Баваріи у сына Арнульфа Лудовика [1]). Впрочемъ Іоаннъ IX не самъ подумалъ о Моравской церкви, а бывъ вызванъ къ тому просьбою изъ Моравіи отъ Моймира, пожелавшаго наконецъ пріобрѣсть іерархію для моравской церкви. На основаніи документовъ, которые сейчасъ будутъ приведены, а также извѣстныхъ намъ обстоятельствъ въ исторіи Моравіи, баварскаго королевства и Рима, дѣло это представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ. Моймиръ, потерявъ въ теченіи четырехъ лѣтъ Панноніо, Чехію и Лужицкую Сербію и оставшись при одной Моравіи, угрожаемый баварскими нѣмцами и за нее, искалъ лучшаго способа спасти хотя этотъ коренной остатокъ своего, недавно обширнаго, государства. Онъ возвратился къ тому, что такъ разумно предпринялъ Ростиславъ, поддержалъ и Коцелъ, поддерживалъ, но не постоянно и потому испортилъ, Святополкъ: возвратился къ мысли о самостоятельной и народной іерархіи для славянской церкви въ своемъ государствѣ, въ надеждѣ найти въ ней могучаго союзника политической самостоятельности его. Въ 899 г., пользуясь затрудненіями баварцевъ при уже больномъ Арнульфѣ, свѣдавъ, можетъ быть, и о характерѣ папы Іоанна IX, не бывшаго сторонникомъ Арнульфа и баварцевъ, Моймиръ отправилъ посольство въ Римъ, съ просьбою дать Моравіи архіепископа и епископовъ [2]). Просьба подкрѣплена была дарами или день-

[1]) Pertz, I. p. 54, 608, 610.

[2]) Время отправленія моравскаго посольства въ Римъ опредѣляется приблизительно тѣмъ, что оно говорило въ Римѣ о набѣгахъ угровъ на Италію, обвиняя баварскихъ нѣмцевъ въ подстрекательствѣ къ тому угровъ. А главные набѣги угровъ, послѣ перваго только развѣдочнаго, бывшаго осенью 898 г., относятся ко второй половинѣ 899 г. и первой 890 г. Подробныя указанія и соображенія у Я. К. Грота, стр. 352—355. Необходимо относить отправленіе посольства въ началу этого періода, т. е. еще къ 899 г., а не къ 890, ибо въ первыхъ мѣсяцахъ этого года уже были въ Моравіи папскіе легаты, присланные изъ Рима, вслѣдствіе моравскаго посольства. Взявъ во вниманіе то, что въ 899 г. и именно приблизительно къ осени этого года Вихингъ назначенъ былъ Арнульфомъ на каѳедру пассавскаго епископа, въ какомъ санѣ онъ, по мысли Арнульфа и собственной, могъ продолжать свои притязанія на іерархическую власть надъ Моравіею, можно предполагать, что обстоятельство это повліяло на ускореніе отправки моравскаго посольства именно къ осени 899 г.

гами, въ которыхъ крайне нуждался и Іоаннъ IX, какъ и его предмѣстники, а также жалобами на баварцевъ по поводу нашествія угровъ, которыхъ впервые призвалъ противъ Моравіи Арнульфъ и которые вскорѣ затѣмъ бросились и на Италію, произведя въ ней страшныя опустошенія и убійства въ 899—900 гг. Это нападеніе угровъ на Италію также объяснялось моравлянами, какъ совершившееся по наущенію баварцевъ, что и представляется весьма вѣроятнымъ, и могло быть сдѣлано съ цѣлію отвлечь угровъ подалѣе отъ Восточной Марки и Баваріи. Папа внялъ просьбѣ и жалобамъ моравлянъ. Въ 899 г., вѣроятно по осени, онъ отправилъ въ Моравію трехъ легатовъ: архіепископа Іоанна, епископовъ Бенедикта и Даніила съ порученіемъ устроить моравскую церковь, поставить для нея архіепископа и трехъ епископовъ. Легаты шли чрезъ Паннонію, видѣли запустѣніе ея отъ бывшихъ свирѣпствъ въ ней угровъ, разрушившихъ и церкви въ ней. Съ трудомъ много дней пробирались они чрезъ опустѣлую страну, пользуясь можетъ быть тѣмъ, что хищные угры въ данную пору отхлынули въ Италію. Прибывъ въ Моравію, они исполнили свое порученіе, посвятили для нея архіепископа и трехъ епископовъ, учредивъ, какъ надо полагать, и епархіальные округи въ ней, по совѣщаніи о томъ съ Моймиромъ и моравскимъ духовенствомъ. Надо полагать, что въ этихъ округахъ сочтена была и Паннонія, что требовалось опредѣленіями еще папъ Адріана и Іоанна о предѣлахъ моравско-паннонской архіепископіи, а Моймиру могло давать надежду на возвратъ утраченной Панноніи. Безъ сомнѣнія, посвященные легатами архіепископъ и епископы избраны изъ славянскаго духовенства Моравіи, изъ природныхъ моравлянъ и въ числѣ ихъ были еще лица, вышедшія изъ школы Меѳодія. Весьма вѣроятно и то, что имъ предоставлено было совершать и богослуженіе по-славянски, отмѣна котораго не была, какъ мы замѣтили, допущена и Святополкомъ при легатахъ папы Стефана, не могла быть допущена и Моймиромъ. Итакъ все это дѣло было не малымъ торжествомъ для славянской церкви въ Моравіи, но увы!

уже запоздалымъ. Затѣмъ слѣдуетъ предполагать, что легаты при посвященіи обязали моравскихъ іерарховъ держаться въ дѣлѣ относительно вѣроученія и въ символѣ—римской церкви, что потребовали даже принятія обрядовъ ея, для чего новые іерархи должны были позаботиться о переводахъ латинскихъ службъ на славянскій языкъ. Исполнивъ свое дѣло въ Моравіи, легаты написали извѣстительное письмо о томъ и къ баварскимъ епископамъ, коснувшись въ немъ и тѣхъ жалобъ на нихъ со стороны моравянъ, которые, занеся ихъ прежде самому папѣ чрезъ посольство, теперь, какъ то само собою понятно, изложили ихъ шире и обстоятельнѣе. Въ письмѣ этомъ легаты рѣзко порицали образъ дѣйствій баварскихъ епископовъ, высказавъ даже, что они достойны быть пораженными Божескимъ мечемъ, т. е. проклятіемъ. Такой тонъ рѣчи походилъ на тотъ, въ какомъ нѣкогда папа Іоаннъ VIII и его легатъ Павелъ, епископъ анконскій обращался къ предшественникамъ этихъ епископовъ, гонителямъ Меѳодія. Возстановленіе славянской іерархіи въ Моравіи, сопровождавшееся такимъ строгимъ выговоромъ баварскимъ епископамъ, подняло цѣлую бурю среди нихъ. Дѣло о славянской іерархіи въ Моравіи ставилось ими, какъ дѣло касающееся не одной баварской, но и всей германской іерархіи. Они сообщили объ этомъ дѣлѣ извѣстному намъ майнцкому архіепископу Гаттону. Прослывъ „сердцемъ короля“ еще при Арнульфѣ, бывъ первымъ изъ духовныхъ лицъ государственнымъ совѣтникомъ его, Гаттонъ тѣмъ болѣе сохранялъ первенствующее значеніе свое и въ правительствѣ новаго короля, считаясь его духовнымъ отцемъ, занималъ первенствующее положеніе и въ нѣмецкой іерархіи въ качествѣ преемника престола св. Бонифація. Естественно поэтому, что баварскіе епископы прибѣгли къ заступничеству Гаттона. Гаттонъ, посовѣщавшись съ другими епископами-суффраганами своего округа, написалъ весною 990 г. письмо къ папѣ Іоанну. Въ письмѣ, писанномъ впрочемъ въ довольно спокойномъ тонѣ, онъ сѣтуетъ на папское распоряженіе,

защищаетъ права баварцевъ и баварскихъ епископовъ на Моравію, обвиняетъ моравскихъ славянъ, высказывая надежду, что сдѣланное папою будетъ отмѣнено, что во всякомъ случаѣ славяне—*хотятъ ли они того или не хотятъ—будутъ подчинены баварскому королевству* [1]). Страстнѣе были настроены сами баварскіе епископы. Извѣстный намъ жестокоопустошительный походъ баварцевъ и чеховъ въ Моравію, безъ сомнѣнія, былъ по сердцу этимъ епископамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ принесть новое раздраженіе имъ, ибо побывавшіе въ Моравіи баварцы могли самолично слышать о существованіи тамъ славянскихъ епископовъ. Вскорѣ по возвращеніи баварцевъ изъ этого похода, составился въ половинѣ іюля 990 г. въ г. Рисбахѣ съѣздъ духовныхъ и свѣтскихъ представителей королевства. Здѣсь были зальцбургскій архіепископъ Теотмаръ или Дитмаръ, епископы Вальдонъ фрейзингенскій, Эрхенбальдъ эйхстедскій, Захарій себонскій, Тутонъ регенсбургскій и Рихардъ пассавскій со множествомъ клира. Изъ нихъ образовался церковный соборъ, на которомъ составленъ энергическій протестъ противъ учрежденія славянской іерархіи въ Моравіи, въ формѣ письма названныхъ архіепископа и пяти

[1]) Письмо это съ прежнихъ изданій переиздано въ подлинникѣ г. Бильбасовымъ (Кириллъ и Меѳодій, I, 149—151). Подозрѣніе въ подлинности его, высказанное одними изслѣдователями, какъ Дюмлеромъ, устранено другими, какъ г. Дудикомъ. По нашему мнѣнію, оно достаточно устраняется уже тѣмъ, что говоритъ самъ же Дюммлеръ о выдающемся въ данное время значеніи Гаттона въ правительствѣ и нѣмецкой іерархіи (ib. p. 494—495), которое естественно вызывало его на роль защитника интересовъ баварской іерархіи, какъ интересовъ не только ея одной, но и всей нѣмецкой іерархіи, какъ интересовъ не только церковныхъ, но и политическихъ. Время написанія письма опредѣляется тѣмъ, что оно писано довольно скоро по избраніи на престолъ сына Арнульфа Людовика, которое происходило въ началѣ февраля 990 г., слѣдов. въ одномъ изъ весеннихъ мѣсяцевъ этого года, но во всякомъ случаѣ ранѣе письма баварскихъ епископовъ, о которомъ ниже. Замѣчаніе г. Бильбасова (ib. стр. 37) о болѣе раннемъ составленіи письма Гаттона въ сравненіи съ письмомъ баварскихъ епископовъ можетъ быть восполнено тѣмъ что въ письмѣ Гаттона Италія представляется еще воюемою уграми, тогда какъ въ письмѣ епископовъ уже освободившеюся отъ нихъ.

епископовъ къ папѣ Іоанну IX [1]). Начиная смиреннымъ обращеніемъ къ папѣ какъ summo pontifici et universali papae, non unius urbis, sed totius orbis domino, почтительно выразившись о римскомъ престолѣ, къ которому они научены обращаться въ важныхъ и затруднительныхъ случаяхъ, епископы говорятъ далѣе тономъ упрека: „мы никакъ не можемъ думать, о чемъ *ежедневно принуждены слышать*, чтобы что-нибудь превратное (quidpiam perversitatis) могло исходить отъ св. ап. престола и проч... И тѣмъ не менѣе пришли отъ Васъ, какъ они сами объявили, *de latere vestro*, три епископа, именно архіепископъ Іоаннъ и епископы Венедиктъ и Даніилъ, въ землю славянъ, такъ называемую Моравію, подвластную нашимъ королямъ, нашему народу и намъ, со всѣми своими жителями, не только въ церковномъ отношеніи, но и податью изъ мірскаго имущества, ибо отъ насъ исходило ихъ обращеніе и чрезъ насъ стали они изъ язычниковъ христіанами". Сославшись далѣе на то, что епископъ пассавскій въ былое время завѣдывалъ Моравіею въ церковныхъ дѣлахъ, а пограничные съ нею баварскіе маркграфы чинили въ ней судъ и управу, собирали подати и т. под., епископы продолжаютъ, что все это было

---

[1]) О разныхъ изданіяхъ письма у Дюммлера (ib. p. 508–510, 513). Русское изданіе его у г. Бильбасова (ib. I, 143—149). Здѣсь же и у П. Успенскаго и Грота (l. c.) отрывки перевода на русскій языкъ. Мнѣніе о составленіи письма въ половинѣ іюля 990 г. на съѣздѣ въ г. Рисбахѣ твердо установлено Дюммлеромъ (ib.). Мнѣніе тѣхъ, которые относятъ составленіе письма къ *осени* 990 г., опирается единственно на выраженіи письма: quia, Dei gratia, liberata est Italia — отъ угровъ. Но Италія очистилась отъ угровъ *ранѣе осени* и къ іюлю они уже возвратились въ Паннонію. А что частное очищеніе Италіи уграми и возвращеніе отдѣльныхъ отрядовъ ихъ въ Паннонію начались еще ранѣе этого времени, слѣдуетъ заключать изъ сношеній и столкновеній угровъ съ баварцами, которыя происходили еще въ томъ же 990 г. по извѣстіямъ о томъ Фульденской лѣтописи (подъ этимъ годомъ). Съ другой стороны отдалять составленіе письма къ осени 990 г. трудно и потому, что епископы еще не знали о смерти папы Іоанна IX, послѣдовавшей въ пол. іюля 900 г. О такихъ событіяхъ, какъ смерть *папы* и слѣд. *избраніе новаго папы* епископы едва ли могли не слышать и не знать до *осени*.

„до тѣхъ поръ, пока они (моравяне) *не стали ненавидѣть христіанство*, отвращаться отъ правды, вчинать войну, упорно защищаться, такъ что епископу и проповѣдникамъ былъ закрытъ туда путь, и водворился тамъ полнѣйшій произволъ". Главный мотивъ, на которомъ епископы основываютъ свои притязанія, въ частности притязанія пассавскаго епископа на власть надъ Моравіею, согласенъ съ тѣмъ взглядомъ, который возобладалъ на западѣ со времени Карла В., рядомъ съ обычаемъ обращать въ христіанство силою оружія, и по которому государь или народъ, обратившій другой въ христіанство, тѣмъ самымъ получалъ право на власть надъ нимъ. Была слѣдовательно доля искренности въ притязаніяхъ баварскихъ епископовъ на Моравію, въ которой христіанство зачалось, между прочимъ, подъ вліяніемъ баварскаго духовенства. Но фальшъ и недобросовѣстность рѣчи епископовъ сказывается въ томъ, что они закрыли глаза на несравненно болѣе благотворное, просвѣтительное служеніе въ Моравіи и Панноніи св. Кирилла и Меѳодія, на долгое епископство въ ней Меѳодія, утвержденное Римомъ. О Меѳодіи, о его епископствѣ они даже не говорятъ ни здѣсь, ни потомъ, какъ будто его и не было. Мало того: время существованія славянской церкви въ Моравіи они представляютъ временемъ какой-то ненависти моравлянъ къ христіанству, отпаденія ея отъ христіанства: такъ велики были ихъ ослѣпленіе и непріязнь къ этой церкви. Славянская церковь въ Моравіи и Панноніи при св. Меѳодіи была для баварскихъ епископовъ беззаконіемъ, не имѣвшимъ права на существованіе, и они своимъ молчаніемъ о ней вычеркиваютъ ее изъ исторіи. Актомъ беззаконія считаютъ они и новое учрежденіе славянской іерархіи въ Моравіи. Доводы свои на это начинаютъ тѣмъ, что представляютъ это дѣло плодомъ подкупа. Не бросая этого упрека въ лице папѣ, епископы винятъ въ немъ моравлянъ, но такъ, чтобы пристыдить и папу. „Теперь они, въ увеличеніе своего беззаконія, говорятъ епископы о моравскихъ христіанахъ,

еще хвастаютъ тѣмъ, что они большою суммою достигли того, что Вы послали имъ тѣхъ епископовъ (т. е. легатовъ для поставленія епископовъ въ Моравіи)". Хвастовство здѣсь, конечно, присочинено съ сейчасъ указанною цѣлію. Но то, что учрежденіе іерархіи въ Моравіи, при всей законности его, достигнуто было Моймиромъ и моравлянами цѣною большихъ платежей въ Римѣ, большихъ издержекъ на легатовъ, слѣдуетъ признать фактомъ, засвидѣтельствованнымъ нѣмецкими епископами со словъ моравлянъ, которымъ если не для чего было хвастаться этимъ обстоятельствомъ, то не для чего было и скрывать его. Тяжесть вины за него, на безпристрастный судъ, должна падать на римскій дворъ, а не на моравлянъ: что имъ оставалось дѣлать, если при тогдашнемъ римскомъ дворѣ приходилось платить въ самомъ законномъ и благомъ дѣлѣ? [1]). Далѣе епископы берутся канонически изобличать папу въ незаконности совершившагося съ его согласія учрежденія 4-хъ епископовъ въ Моравіи, утверждаютъ, что чрезъ это одно пассавское епископство раздѣлено на пять, въ противность канонамъ [2]). Не говоря и здѣсь о

---

[1]) Съ цѣлію оградить Римъ отъ упрека въ подкупѣ, римско-католическіе писатели то отрицаютъ вѣрность свидѣтельства о немъ баварскихъ епископовъ, то объясняютъ его въ смыслѣ издержекъ на снаряженіе и путешествіе легатовъ въ Моравію для поставленія сй епископовъ. Нѣкоторые же изъ нашихъ изслѣдователей тоже отрицаютъ фактъ подкупа, но уже съ цѣлію оградить отъ упрека моравлянъ. То и другое напрасно. Взиманіе платежей за поставленія епископовъ, за палліумы для архіепископовъ хр. странъ и т. под. было въ обычаѣ въ тогдашнемъ Римѣ, впослѣдствіи достигло громадныхъ размѣровъ. Къ тому же, въ данное время папы постоянно и крайне нуждались въ деньгахъ. Любили деньги и способны были соблазняться на подкупъ и папскіе легаты, на что примѣры довольно извѣстны. Затѣмъ само собою понятно, что путешествіе легатовъ въ Моравію совершилось не иначе, какъ на счетъ просителей—моравянъ, и что сумма издержекъ на нихъ вмѣстѣ съ обычными дарами была не мала. Моравяне виновны только въ томъ, что должны были волею или неволею покориться необходимости платежей и издержекъ.

[2]) Пять епископовъ насчитывается здѣсь включительно съ пассавскимъ, въ діоцезу котораго баварцы причисляютъ и всю Моравію. Канонической доводъ баварскихъ епископовъ въ пользу своей мысли состоитъ въ подборѣ правилъ африканскаго собора, папъ Льва I и Целестина о томъ, что народъ, принадле-

Меѳодіи, столько лѣтъ бывшемъ архіепископомъ Моравіи съ правомъ имѣть и епископовъ, баварцы упоминаютъ только о Вихингѣ. Но и его епископство считаютъ не замѣнившимъ пассавское, а учрежденнымъ для какого-то новообращеннаго народа, который былъ покоренъ Святополкомъ и обращенъ имъ изъ язычества въ христіанство [1]). Еще далѣе баварскіе епископы защищаютъ себя отъ обвиненій, взведенныхъ на нихъ моравскими славянами предъ легатами. Для насъ интереснѣе слѣд. обвиненія: „и еще они говорятъ, что мы въ отношеніи къ нимъ непримиримы, чего нельзя дѣйствительно не признать, но не мы въ этомъ виноваты, а ихъ собственная строптивость. Ибо когда они начали чуждаться христіанства и въ добавокъ отказались платить должную дань властителямъ королямъ нашимъ и ихъ управителямъ, стали сопротивляться съ оружіемъ въ рукахъ и безпокоить нашъ народъ, то у нихъ вспыхнулъ мятежъ. И такъ какъ тѣ отстояли ихъ для себя съ оружіемъ въ рукахъ и снова обратили въ рабство, то слѣдовательно, по закону, должны были и должны имѣть ихъ своими подданными, и они во всякомъ случаѣ будутъ подвластны нашему королевству, хотятъ ли того или не хотятъ. Поэтому Вамъ слѣдуетъ быть осмотрительными и дѣйствовать въ духѣ умѣренности (т. е. справедливо), чтобы худшая сторона не усиливалась, а лучшая не ослабѣвала. Предки нашего свѣтлѣйшаго господина Лудовика—императора, короли, произошли отъ христіанскаго народа франковъ, а славяне Моймировы—отъ поганыхъ язычниковъ“. Въ этихъ характерныхъ

жавшій въ діоцезу извѣстнаго епископа или митрополита и неимѣвшій доголѣ своего отдѣльнаго епископа или своихъ епископовъ, не можетъ имѣть ихъ безъ согласія первыхъ, и что вообще не допускается передача мѣстъ кому-либо чужому въ обиду другого.

[1]) Въ своемъ мѣстѣ мы упоминали, что здѣсь могутъ разумѣться новообращенные изъ славянъ, живщихъ въ Каринтіи (Хоругавіи) у предѣдовъ Паннонін. Тогда же было замѣчено, что обращеніе ихъ, по всей вѣроятности, принадлежало именно Меѳодію, а Вихингъ, въ качествѣ епископа нитранскаго, завѣдывавшаго этою мѣстностію, вошелъ въ чужой трудъ.

разсужденіяхъ сказался весь зловѣщій духъ политическихъ и церковныхъ притязаній нѣмецкой имперіи и іерархіи относительно славянской Моравіи, по которымъ послѣдняя обрекалась на неизбѣжную утрату своей политической независимости, а ея народная церковь—на упраздненіе. Послѣ этого неудивительно и то, что́ далѣе затѣмъ говорятъ епископы по поводу еще одного обвиненія баварцевъ славянами предъ легатами—обвиненія въ томъ, что первые заключили миръ съ уграми и подущали ихъ итти на Италію. Худо оправдываясь въ этомъ обвиненіи [1]), епископы переносятъ его на самихъ моравлянъ, которые-де подружили съ уграми, приняли къ себѣ огромное множество ихъ и будто бы даже, по обычаю угровъ, обрили головы своимъ лжехристіанамъ, и не только натравили угровъ на насъ христіанъ, но и сами присоединились къ нимъ, и однихъ увели въ плѣнъ, другихъ убили, третьихъ уморили голодомъ и жаждою въ темницахъ, безчисленное множество вогнали въ нищету, благородныхъ мужей и честныхъ женъ увели въ неволю, сожгли храмы Божіи, разрушили всѣ зданія, такъ что во всей Паннониі, нашей обширнѣйшей провинціи, не увидѣть ни одной церкви"... Изъ нѣмецкихъ же лѣтописей (Фульденскихъ) знаемъ, что Баварцы первые въ лицѣ Арнульфа заключили въ 892 г. союзъ съ уграми противъ Моравіи, жгли, грабили и опустошали ее вмѣстѣ съ уграми, что затѣмъ въ самый годъ смерти Святополка угры уже сами опустошаютъ Паннонію, куда и проложили себѣ путь именно во время недавняго похода съ баварцами на Моравію. Знали это, конечно, и епископы, но умалчиваютъ объ этомъ. Но должно быть они не совсѣмъ лгутъ, когда говорятъ и о союзѣ славянъ мораво-паннонскихъ съ уграми. Въ виду союза баварцевъ съ уграми, что́ оставалось дѣлать и

---

[1]) Епископы принуждены были сознаться, что баварцы и сами баварскіе епископы имѣли сдѣлки съ уграми, одаривали ихъ одеждами и под. Только объясняютъ такой образъ дѣйствій по-своему.

славянамъ, какъ не искать такого же союза? Постоянная и жестокая вражда христіанскаго народа—нѣмцевъ противъ славянъ развѣ не способна была даже деморализировать послѣднихъ, просто вынуждать ихъ къ союзу съ язычниками, въ надеждѣ защитить себя отъ недруговъ христіанъ? Вспомнимъ союзы нашихъ южно-руссовъ козаковъ съ татарами въ періодъ борьбы ихъ съ жестокимъ фанатизмомъ и папскими притязаніями католической Польши? Возможно между тѣмъ, что на сближеніе паннонско-моравскихъ славянъ съ уграми повліяло присутствіе въ рядѣ послѣднихъ и славянъ, пришедшихъ съ ними изъ прежняго мѣстожительства ихъ въ южной Россіи, а можетъ быть и присутствіе среди угровъ того вождя, который нѣкогда познакомился съ учителемъ славянъ Меѳодіемъ. Союзъ моравянъ съ уграми, о которомъ говорятъ епископы, зачался, надо полагать, послѣ того, какъ Арнульфъ, пользуясь ослабленіемъ Моравіи, прибралъ къ своимъ рукамъ часть Панноніи, поручивъ защиту ея отъ угровъ князю Брячиславу, что́ было въ 896 г. Къ этому-то времени необходимо относить тѣ жестокости и опустошенія угровъ въ Панноніи, о которыхъ говорятъ баварскіе епископы, завиняя въ нихъ славянъ и умалчивая о прежнемъ опустошеніи Панноніи уграми, во время союза ихъ съ баварцами. Въ томъ, что́ говорятъ епископы объ этомъ второмъ опустошеніи Панноніи уграми въ союзѣ съ славянами, есть, вѣроятно, и преувеличенія: во всякомъ случаѣ бѣдствія, описываемыя епископами, были уже обычнымъ послѣдствіемъ войны, какъ она тогда велась, велась не уграми только, но и баварцами. Къ такимъ бѣдствіямъ относится и сожженіе храмовъ: ихъ грабили и жгли угры — язычники, а не славяне — христіане. Послѣдніе принуждены были только терпѣть это печальное и для нихъ самихъ явленіе, по невозможности воспротивиться ему. Если же они и сами участвовали въ сожженіи храмовъ, какъ то хотятъ сказать епископы, обзывая при этомъ славянъ лжеименными христіанами, вра-

гами христіанства: то не означаетъ ли это, что славяне участвовали въ сожженіи нѣмецкихъ храмовъ, бывшихъ во враждебныхъ имъ нѣмецкихъ поселеніяхъ Панноніи? Не было ли это печальной вспышкой религіозной непріязни, посѣянной между славянами во время Вихинга, во время господства нѣмцевъ въ Панноніи и гоненія ихъ на славянское христіанство, жестоко почувствованнаго и въ самой Моравіи при ученикахъ Меѳодія? Кто же виноватъ въ этомъ? Кто, еще разъ скажемъ, виноватъ въ томъ, что моравскіе или же оставшіеся въ Панноніи славяне, пошли на союзъ, на сближеніе съ новыми завоевателями ея уграми, чтобы предупредить то порабощеніе, какимъ грозили имъ нѣмцы, осуждавшіе на погибель и народное христіанство и народную церковь славянъ? Въ заключеніе своего письма къ папѣ Іоанну IX, баварскіе епископы усиленно повторяютъ выраженія скорби всей Германіи и Норики (Австріи и Баваріи) объ учрежденіи славянскихъ епископовъ въ Моравіи и заявляютъ надежду, что сдѣланное папою подъ вліяніемъ обмана и лукавства славянъ будетъ исправлено, т. е. что епископства будутъ упразднены. Интересна прибавка въ подписи первенствующаго изъ баварцевъ епископовъ зальцбургскаго архіепископа: онъ льститъ папу обѣщаніемъ прислать доселѣ неуплаченныя деньги, слѣдуемыя папѣ изъ Баваріи [1]).

Ни денегъ, ни даже письма баварскихъ епископовъ папа Іоаннъ не получилъ, скончавшись въ половинѣ іюля 900 г. Письмо это представлено было конечно уже преемнику его Венедикту IV. Сдѣлалъ ли по нему что-нибудь этотъ папа въ свое кратковременное правленіе (ум. въ началѣ 903 г.), источники не даютъ знать. Но невозможно думать, чтобы онъ оставилъ это дѣло такъ. Папа не могъ

[1]) Мы не касались нѣкоторыхъ болѣе частныхъ сообщеній и данныхъ, представляемыхъ письмомъ епископовъ, какъ потому что они не особенно важны для насъ, такъ и потому что они довольно разобраны другими изслѣдователями.

оставить безъ вниманія протеста, заявленнаго отъ цѣлаго собора баварской іерархіи, подкрѣпленнаго и протестомъ первенствующаго представителя всей нѣмецкой іерархіи, майнцкаго архіепископа Гаттона. Ни какъ не могъ папа остаться равнодушнымъ и къ обѣщанію присылки денегъ изъ Баваріи, на исполненіе котораго могъ расчитывать, безъ сомнѣнія, не иначе, какъ сдѣлавъ что-нибудь въ угоду обѣщавшимъ. Слѣдуетъ прибавить, что Венедиктъ былъ союзникомъ партіи Формоза, сторонника нѣмцевъ, коронованнаго Арнульфа, отца нынѣшняго нѣмецкаго короля Лудовика[1]). При Венедиктѣ взялъ силу въ Италіи Беренгарій, соперникъ коронованнаго предмѣстникомъ Венедикта Іоанномъ IX графа Лудовика, котораго Беренгарій взялъ въ плѣнъ и ослѣпилъ, а этотъ Беренгарій имѣлъ союзниковъ въ Баваріи [2]). Все это, взятое вмѣстѣ, даетъ основаніе полагать, что Венедиктъ IV наклоненъ былъ въ извѣстной мѣрѣ исполнить то, о чемъ такъ настоятельно просили баварскіе епископы. Но съ другой стороны и мораване имѣли защитниковъ своего дѣла въ упомянутыхъ папскихъ легатахъ, которые, совершивъ поставленіе епископовъ для Моравіи, естественно должны были отстаивать свое дѣло и по возвращеніи въ Римъ предъ римскою куріею. Притомъ крайне неблаговидно было для Рима упразднять свое дѣло такъ скоро по совершеніи его. Затѣмъ выгодно было Риму удерживать Моравію въ своемъ непосредственномъ вѣденіи, чрезъ данную ей іерархію, вмѣсто того, чтобы возвратить ее подъ власть пассавскаго епископа. Наконецъ тѣ же легаты, познакомившіеся съ отношеніями баварцевъ къ моравянамъ на мѣстѣ, могли изобличить предъ папою и его куріею ту фальшь, какою переполнено письмо баварскихъ епископовъ какъ въ обвиненіяхъ на моравянъ,

---

[1]) Этотъ же папа, какъ извѣстно, окончательно призналъ посвященіе всѣхъ рукоположенныхъ Формозомъ, которыхъ отлучилъ—было Стефанъ VI (VII), врагъ Формоза и его нѣмецкой партіи.

[2]) Dümmler, ib. p. 534.

такъ и въ оправданіяхъ себя самихъ. Итакъ папѣ оставалось найти средній путь, средній способъ рѣшенія дѣла между баварцами и моравянами. Этотъ способъ могъ состоять не въ иномъ чемъ-либо, а именно въ совѣтѣ или наставленіи обѣимъ сторонамъ о примиреніи, о мирѣ, хотя бы и временномъ. Къ такому рѣшенію должна была располагать папу особенно одна, въ данное время наиболѣе важная для Италіи и Рима сторона дѣла: это бѣдствія угорскихъ набѣговъ на Италію, устрашившія всю Италію и самый Римъ. Изъ того, что моравяне, выгораживая себя, завиняли въ томъ баварцевъ, подустившихъ угровъ къ набѣгу на Италію, а тѣ пытались выставить славянъ союзниками угровъ, для папы возникалъ одинъ выводъ: посовѣтовать обѣимъ христіанскимъ сторонамъ помириться между собою, чтобы сообща защищать и себя отъ угровъ-язычниковъ, или по крайней мѣрѣ свободнѣе каждой сторонѣ отдѣльно отстаивать себя отъ угровъ и своими несогласіями не поощрять угровъ въ ихъ смѣлыхъ набѣгахъ какъ на Италію, такъ и другія страны. И мы видѣли, что въ началѣ 901 г., слѣдовательно спустя около полугода послѣ отсылки въ Римъ письма баварскихъ епископовъ, заключенъ былъ въ Регенсбургѣ миръ между баварцами и моравянами. Думаемъ, что, кромѣ собственныхъ съ обѣихъ сторонъ побужденій къ миру, тутъ имѣли дѣйствіе и совѣты или наставленія, полученныя изъ Рима отъ папы. Моравяне, какъ знаемъ, первые предложили миръ: полагаемъ, что и это было дѣломъ внушеній, сообщенныхъ имъ изъ Рима чрезъ возвратившееся посольство баварское, что именно этими внушеніями папа хотѣлъ дать видъ предъ баварцами, что склоняется на ихъ сторону болѣе, чѣмъ на сторону моравянъ, что онъ требуетъ отъ послѣднихъ смириться предъ первыми и просить мира. Баварцы сочли себя *пока* удовлетворенными, и съ своей стороны также согласились на миръ. Наконецъ мы видѣли, что по заключеніи мира въ Регенсбургѣ, отправлялся въ Моравію, въ числѣ представителей

отъ Баваріи, *Рихардъ епископъ пассавскій* для приведенія къ присягѣ на миръ Моймира и моравскихъ бояръ,—тотъ именно епископъ, права котораго на Моравію въ частности и защищали баварскіе епископы, считая ее принадлежащею къ пассавскому діоцезу. Ссылаясь на это обстоятельство, моравскій р.-католическій историкъ о. Дудикъ, наклонный поскорѣе видѣть паденіе славянской церкви въ Моравіи, утверждаетъ, что именно регенсбурскимъ миромъ были парализованы недавнія распоряженія папы Іоанна IX объ учрежденіи самостоятельной славяно-моравской іерархіи [1]). Предположеніе поспѣшное и произвольное, не имѣющее основанія въ источникахъ. Ничто не даетъ намъ повода утверждать, что преемникъ Іоанна IX Венедиктъ IV объявилъ новоучрежденную моравскую іерархію упраздненною, а сами мораване не были въ такомъ положеніи, чтобы сейчасъ въ угоду баварцамъ или изъ страха предъ ними упразднить то, что стоило имъ большихъ усилій и жертвъ. Такимъ образомъ въ началѣ 901 г. ни въ Регенсбургѣ, ни въ Моравіи не могло быть и рѣчи объ упраздненіи только что учрежденной моравской іерархіи и переходѣ Моравіи подъ власть пассавскаго епископа. Послѣдній отправлялся въ Моравію для принятія присяги на миръ просто, какъ одинъ изъ представителей Баваріи, какъ ближайшій къ Моравіи изъ баварскихъ епископовъ. Возможно, что онъ, не покидая въ душѣ своихъ притязаній на Моравію, какъ не покидали ихъ и вообще баварскіе нѣмцы, думалъ въ свою поѣздку въ Моравію ближе ознакомиться съ политическимъ и церковнымъ состояніемъ ея, чтобы возобновить свои притязанія на нее въ будущемъ при болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Но будущее готовило нѣчто другое какъ Моравіи, такъ и самой Баваріи.

Миръ между баварскими нѣмцами и моравскими славянами, заключенный въ январѣ 901 г. подъ вліяніемъ страха

---

[1]) Mährens allgem. Geschichte, I, p. 346.

отъ угровъ и внушеній изъ Рима, продолжался какъ въ этотъ, такъ и въ слѣдующіе годы. Примирившіеся христіанскіе народы являются даже какъ бы союзниками въ виду необходимой обѣимъ сторонамъ взаимной помощи противъ язычниковъ угровъ. Къ сожалѣнію, этотъ союзъ былъ запоздалымъ, а главное—не былъ искреннимъ, при усвоенномъ и не покинутомъ нѣмцами девизѣ: „Моравскіе славяне,—хотятъ ли они того или не хотятъ,—а должны современемъ покориться нѣмецкому государству". Дорого сталъ Моравіи этотъ союзъ съ Баваріею, накликавшій на нее месть угровъ, съ которыми она прервала союзъ для союза съ нѣмцами. Въ первое время союзъ двухъ христіанскихъ странъ дѣйствительно послужилъ къ сдержкѣ угровъ. Отъ 901 г. извѣстенъ только частный набѣгъ небольшой шайки угровъ на окраину баварскихъ владѣній въ Каринтію; угры были разбиты и прогнаны [1]). Въ 902 г. угры дѣлаютъ легкій набѣгъ уже на Моравію, но и здѣсь терпятъ пораженіе и обращены въ бѣгство, успѣвъ однако нанесть гдѣ-то небольшое пораженіе находившимся въ Моравіи нѣмцамъ [2]). Въ 903 г. происходила новая война или вѣрнѣе небольшая схватка между баварцами и уграми, неизвѣстно чѣмъ окончившаяся [3]). Но баварцы пріобрѣли большую увѣренность въ своей силѣ и въ слѣд. 904 г. отважились на поступокъ, крайне рискованный. Они пригласили какую-то группу угровъ съ вождемъ ея Хуссаломъ на пиръ и коварнымъ образомъ поубивали всѣхъ. По понятіямъ вѣка, такой поступокъ считался позволительнымъ въ отношеніи къ язычникамъ и въ данномъ случаѣ былъ расчитанъ на то, чтобы запугать угровъ [4]). Нѣмцы полагали даже, что теперь нечего имъ бояться угровъ, бояться за прочность свохъ владѣній, прилежавшихъ къ Дунаю, въ сосѣдствѣ съ уграми.

[1]) Ann. Fuld., 901 г. (Pertz, I, 415); Dümmler ib. p. 515.
[2]) Pertz, I, p. 54; Dümmler, ib. p. 527.
[3]) Pertz, I, p. 54 sub an. 904.
[4]) Ib. p. 54; Dümmler, 528; Гротъ, тамъ же стр. 385—386.

Признаки такого настроенія нѣмцевъ справедливо усматриваютъ въ постановленіяхъ, состоявшихся въ собраніи баварскихъ представителей въ Раффельштеттенѣ, бывшемъ, какъ полагаютъ, не ранѣе и не позже 904 г. Это постановленія о торговыхъ пошлинахъ по Дунаю, касавшіяся и славянъ, какъ моравскихъ и чешскихъ, такъ и другихъ, жившихъ въ Восточной Маркѣ и Каринтіи. Постановленія эти дѣлаются въ представленіи, что существующія политическія и бытовыя отношенія не измѣнятся, что ничто не грозитъ имъ совнѣ. Они же даютъ видѣть, что союзъ моравскихъ славянъ съ нѣмцами продолжался, считаясь, надо полагать, опорою и безопасности отъ угровъ [1]). Но угры думали иначе. Съ жаждою мести за избіеніе родичей ихъ въ нихъ разгорается жажда новыхъ хищничествъ и завоеваній. Новые большіе походы свои они начинаютъ съ Моравіи, чтобы наказать и завоевать ее, какъ союзницу Баваріи, и этимъ завоеваніемъ обезпечить себѣ путь въ Баварію. О завоеваніи Моравіи есть прямое свидѣтельство Константина Порфирогенета. „По смерти Святополка, говоритъ онъ, послѣ того, какъ одинъ годъ проведенъ былъ въ мирѣ, и когда затѣмъ начался раздоръ и междоусобная война, явились угры, совершенно истребили ихъ (сыновей Святополка) и покорили ихъ страну, въ которой и нынѣ живутъ. Оставшіеся изъ народа разсѣялись и убѣжали къ сосѣднимъ народамъ, къ болгарамъ, туркамъ (уграмъ), хорватамъ и другимъ [2]). Константинъ, писавшій долго послѣ событія, не ясно и не точно представляетъ его время и ближайшія предшествовавшія ему событія. Признается вообще, что завоеваніе уграми Моравіи послѣдовало въ 905 или 906 г., находясь въ связи съ изложенными выше обстоятельствами въ отношеніяхъ Моравіи и Баваріи и ихъ обѣихъ къ уграмъ [3]). Ни одна одна-

[1]) О съѣздѣ въ Раффельштеттенѣ у Дюмлера, ib. 529—531, Грота, тамъ же стр. 387—394.

[2]) De administrando Imperio, въ Patr. Graec. edit. Migne, T. 113, p. 326.

[3]) Это время завоеванія Моравіи уграми опредѣляютъ главнымъ образомъ по слѣд. извѣстіямъ. Въ лѣтописи Регино при рѣчи о смерти Святополка

коже изъ западныхъ лѣтописей ясно не отмѣтила, роковаго событія въ судьбѣ Моравіи. Эта безучастность латино-нѣмецкихъ анналистовъ къ факту политической смерти Моравіи, не была ли отраженіемъ безучастности нѣмцевъ къ судьбѣ Моравіи въ роковую пору борьбы ея съ уграми? Не оставили ли они моравскихъ славянъ безпомощными въ эту роковую пору, когда на нихъ нагрянула большая орда угровъ, оставили не столько изъ страха предъ уграми, сколько въ надеждѣ разбитую уграми Моравію прибрать потомъ къ своимъ рукамъ, какъ прибрали было на время Паннонію? Намъ кажется это весьма вѣроятнымъ. И если такъ, то Баварскіе нѣмцы достойно завершили свою коварную политику по отношенію къ Моравіи, поддерживаемую отъ времени до времени и Римомъ. По внушенію папы Венедикта Моравія прервала союзъ съ уграми и перешла къ союзу съ нѣмцами. Но, видно, совѣты папы о мирѣ были настойчивѣе даны Моравіи, чѣмъ Баваріи, или не такъ искренно приняты послѣднею, какъ первою, и баварцы сочли возможнымъ забыть о союзѣ въ наставшій для Моравіи роковой моментъ, когда за свой союзъ съ ними она накликала послѣдній страшный ударъ со стороны угровъ. Такимъ образомъ не безвиновенъ и папа въ послѣдней несчастной судьбѣ Моравіи. Само собою понятно, что нападеніе раздраженной угорской орды на Моравію было безпощадно. Истреблено множество населенія; поизбиты его вожди. Тогда же по всей вѣроятности погибъ и Моймиръ съ братьями [1]), по-

---

подъ 894 г. говорится, что послѣ него сыновья его *держали его царство не домо и несчастно*, ибо угры все до нея истребляли въ немъ. Какъ эта лѣтопись дописывалась въ 906 или 907 г., то, значитъ, въ это время сыновей Святополка уже не было въ живыхъ. Потомъ: извѣстенъ походъ угровъ въ 906 г. въ Саксонію, куда призвало ихъ одно изъ сосѣднихъ славянскихъ племенъ, обижаемое нѣмцами. Основательно полагаютъ, что угры не могли бы въ 906 г. пройти въ землю этихъ славянъ и Саксонію, если бы предъ тѣмъ не господствовали уже въ Моравіи. Dümmler. ib., p. 531.

[1]) Есть предположеніе, что Моймиръ палъ уже въ 907 г. въ битвѣ нѣмцевъ съ уграми, но основаній для такого предположенія не найдено.

гибли если не всѣ, то нѣкоторые изъ новыхъ епископовъ моравскихъ, также лица изъ славянскаго духовенства Моравіи. Оставшееся въ живыхъ населеніе или бѣжало въ другія страны или подпало господству и рабству завоевателей. Но и нѣмцы поплатились немалымъ за свое коварство. Въ 906 г. угры, призванные однимъ изъ родовъ славянскаго племени полабскихъ сербовъ, обижаемыхъ саксонскими нѣмцами, вторглись въ Саксонію и жестоко опустошили ее. Въ 907 г. дошла очередь и до Баваріи. Угры вторглись въ нее большою ордою. Произошла битва несчастная для баварцевъ. Въ этой битвѣ погибли и нѣкоторые епископы баварскіе и въ числѣ ихъ самъ Теотмаръ, архіепископъ зальцбургскій, тотъ самый который предсѣдалъ на соборѣ въ Рисбахѣ и первый подписалъ письмо къ папѣ, протестовавшее противъ учрежденія славянскихъ епископовъ въ Моравіи, противъ независимости и самобытности славянской церкви въ ней. Съ паденіемъ моравской державы пала и эта церковь: хотя ближайшимъ и случайнымъ образомъ пала она отъ угорскаго погрома, но кореннымъ и существеннымъ—отъ давней и незамиравшей непріязни къ ней латино-нѣмецкой іерархіи, подкрѣпляемой Римомъ. Не безъ основанія утверждаютъ, что Моравія и моравская церковь пали бы и безъ угорскаго погрома, пали бы отъ преобладательной политики нѣмецкихъ государей, графовъ и прелатовъ, основанной на извѣстномъ намъ девизѣ ихъ по отношенію къ славянамъ Моравіи и Панноніи, на постепенномъ вторженіи нѣмецкой колонизаціи въ ихъ предѣлы и на превосходствѣ ихъ воинской силы и культуры, при слабой государственной организаціи славянъ, при наклонности ихъ къ спорамъ и междуусобіямъ и податливости иноземному вліянію, отъ какой не свободенъ былъ и такой счастливый и могучій государь, какимъ былъ Святополкъ. Съ этой точки зрѣнія угорское вторженіе и завоеваніе Паннніи и Моравіи представляется даже явленіемъ, не совсѣмъ злосчастнымъ, имѣвшимъ то не безвыгодное для славянъ

послѣдствіе, что задержало дальнѣйшее занятіе славянскихъ земель и покореніе славянъ нѣмцами. Отпоръ назадъ, данный уграми нѣмцамъ, оставилъ славянамъ возможность сохранить черты народной самобытности тамъ, гдѣ имъ грозило неизбѣжное подавленіе нѣмцами.

Для насъ утѣшительнѣе слѣдующее болѣе общее явленіе въ заключительной судьбѣ Славянской церкви въ Моравіи и Панноніи. Разрушенное въ нихъ апостольское дѣло св. первоучителей славянскихъ не загибло навсегда. Не совсѣмъ загибло оно и въ самой Моравіи и Панноніи, гдѣ слѣды его, преданія о немъ сохранялись долго при уграхъ и потомъ. Но глубоко пораженное въ Моравіи и Панноніи, оно дало ростки въ другихъ славянскихъ земляхъ, гдѣ оно насаждено отчасти и св. Меѳодіемъ, и куда перенесено учениками св. первоучителей: перенесено какъ во время *перваго разсѣянія* ихъ по смерти Меѳодія, во время гоненій на нихъ отъ Вихинга и его нѣмецкихъ клевретовъ, такъ и во время *втораго разсѣянія*, вызваннаго угорскимъ погромомъ. Были эти священные ростки и въ земляхъ западныхъ славянъ, каковы чехи, поляки и др., у юго-западныхъ, каковы хорваты, словинцы и др., у юго-восточныхъ какъ болгаре и сербы, наконецъ у сѣверо-восточныхъ или русскихъ славянъ. Свободно и съ силою разцвѣли эти ростки прежде всего въ православной Болгаріи, отчасти и Сербіи. Наиболѣе широкое, могучее и прочное развитіе ожидало ихъ въ многоплодномъ союзѣ славяно-русскихъ племенъ и въ православной славянской Россіи; ей суждено было Провидѣніемъ стать истинной наслѣдницей, хранительницей и продолжательницей великаго христіанскаго, народо-просвѣтительнаго дѣла свв. первоучителей славянскихъ.

Приложеніе.

Олимпъ, на которомъ жили свв. Константинъ и Меѳодій.

Объ Олимпѣ, какъ бывшемъ нѣкоторое время мѣстомъ подвижнической жизни св. братьевъ, говорятъ оба древнѣйшія „Житія“ ихъ. По „Житіямъ“, первымъ изъ братьевъ пришелъ на Олимпъ Меѳодій, къ которому затѣмъ пришелъ сюда и Константинъ. Есть возможность *приблизительно* опредѣлить и время, проведенное ими на Олимпѣ. Константинъ пошелъ на Олимпъ послѣ того, какъ возвратился изъ сарацинской миссіи въ Царьградъ, прожилъ *немногое время* въ Царьградѣ при дворѣ, затѣмъ еще нѣкоторое время въ какомъ-то уединенномъ мѣстѣ въ отшельнической кельѣ. Въ сарацинскую миссію онъ отправился, какъ извѣстно, въ 851 г. На эту миссію съ путями изъ Царьграда въ столицу сарацинскаго амермумны и обратно должно было уйти нѣсколько мѣсяцевъ. *Немногое* время, проведенное въ Царьградѣ по возвращеніи изъ миссіи, можно считать за время въ нѣсколько недѣль. Затѣмъ время, проведенное гдѣ-то въ уединеніи, было, надо полагать, продолжительнѣе перваго (ибо не отмѣчено, какъ немногое), обнимало мѣсяцы, но едва ли годы [1]). Считая эти промежутки времени, можемъ полагать, что Константинъ пришелъ на Олимпъ въ 852 или не позже 853 г. На Олимпѣ св. братья жили до самаго вызова ихъ въ хазарскую миссію ок. 858—860 года, слѣдовательно

[1]) Нѣкоторымъ основаніемъ для этого служитъ упоминаніе о какомъ-то большомъ праздникѣ, случившемся *одинъ разъ* за время жизни св. Константина въ этомъ уединеніи.

прожили около 6—7 лѣтъ. Такой періодъ жизни, посвященной духовнымъ подвигамъ, не могъ остаться безъ значенія въ цѣломъ теченіи ихъ жизни, ихъ жизненнаго подвига. Это придаетъ интересъ вопросу: на какомъ изъ Олимповъ жили св. братья, и чѣмъ былъ этотъ Олимпъ предъ прибытіемъ ихъ сюда?

Вопросъ объ Олимпѣ имѣетъ свою исторію, впрочемъ несложную. Было пущено въ ходъ мнѣніе, будто подъ Олимпомъ (или Алимбомъ) „Житій“ слѣдуетъ разумѣть не Олимпъ, а Аѳонъ. Впервые оно высказано г. Пигулевскимъ, въ небольшомъ сочиненіи его: „Дѣятельность свв. Константина (Кирилла) и Меѳодія среди ѳракійскихъ, македонскихъ и булгарскихъ славянъ. Кіевъ. 1862 г.“ Авторъ смотритъ на „Житія“, какъ на позднюю легенду и смѣло перетолковываетъ извѣстія ихъ въ угоду самодѣльной теоріи о начальной дѣятельности св. братьевъ. Онъ отвергаетъ миссію сарацинскую (въ смыслѣ миссіи къ сарацинамъ багдадскаго калифата), хазарскую, на мѣсто Херсона таврическаго ставитъ ѳракійскій и всѣ вообще извѣстія объ этихъ миссіяхъ перетолковываетъ въ смыслѣ дѣятельности св. братьевъ среди славянъ ѳракійскихъ, македонскихъ и булгарскихъ, до начала моравской миссіи. Въ связи съ этимъ стоитъ у него мнѣніе объ Олимпѣ. Это не Олимпъ ѳессалійскій, а Аѳонъ, куда въ 851 г. и пришелъ Константинъ изъ Византіи послѣ того, какъ прошелъ Ѳракію и Македонію. Единственнымъ основаніемъ для такой замѣны ставится то, что, какъ говоритъ авторъ, объ отшельникахъ на Олимпѣ ѳессалійскомъ исторія не знаетъ, а на Аѳонѣ отшельничество восходитъ къ первымъ вѣкамъ пустынножительства. О другомъ Олимпѣ не ѳессалійскомъ, а малоазійскомъ, авторъ совсѣмъ не зналъ. Мнѣніе г. Пигулевскаго повторено въ статьѣ о Кириллѣ и Меѳодіи г. Лебединцева, напечатанной въ томъ же году въ „Кіевскихъ Еп. Вѣдомостяхъ“. Отсюда оно усвоено г. Бильбасовымъ и высказано какъ въ первомъ его трудѣ по исторіи св. Кирилла и Меѳодія, изд. въ 1867 г., такъ и въ по-

слѣднемъ, помѣщенномъ въ „Нови“ за апрѣль 1885 г. Новыхъ доказательствъ или соображеній въ пользу замѣны Олимпа Аѳономъ ни тамъ, ни здѣсь не представлено. Свобода же такой замѣны объясняется частію взглядомъ почтеннаго изслѣдователя на Житія, какъ на легенду, съ которой можно распоряжаться свободно, частію опять невѣдѣніемъ объ Олимпѣ другомъ, не ѳессалійскомъ.

Полагаемъ, нѣтъ надобности разбирать мнѣніе объ Аѳонѣ, въ виду положительнаго свидѣтельства обоихъ Житій, что св. братья жили именно на Олимпѣ. Но какой это Олимпъ? Есть мнѣніе, что это Олимпъ не малоазійскій, а ѳессалійскій. Утверждая это, ссылаются на бо̀льшую близость послѣдняго къ Солуни, въ сравненіи съ первымъ, также на то, что св. братья, дружные съ Фотіемъ, не могли жить на малоазійскомъ Олимпѣ, монахи котораго, какъ есть извѣстіе, были непріязненны Фотію. Но подобныя соображенія не оказываются убѣдительными при большемъ знакомствѣ съ предметомъ. Подъ Олимпомъ Житій необходимо разумѣть Олимпъ малоазійскій, точнѣе—виѳинскій или виѳинско-мизійскій. Такъ и разумѣютъ тѣ изслѣдователи исторіи св. братьевъ, которые высказались съ своимъ мнѣніемъ по этому предмету, хотя большинство другихъ обходило вопросъ молчаніемъ, а высказавшіеся съ своимъ мнѣніемъ по нему ограничивались почти только простымъ заявленіемъ его. Есть поэтому надобность сказать обстоятельнѣе объ Олимпѣ, на которомъ жили св. братья.

Гора Олимпъ, (ὄρος τοῦ Ὀλύμπου, Ὀλύμπος), нынѣ у турокъ—Кешигъ-дагъ, находится въ Малой Азіи, на сѣверо-западной окраинѣ ея, прилегающей къ Мраморному морю, древней Пропонтидѣ. Составляя самый крайній отрогъ обширнаго горнаго хребта сѣверовосточной части Малой Азіи, олимпійская возвышенность имѣетъ видъ продолговатый въ направленіи сѣверо-западномъ и, пересѣкаемая ущельями, образуетъ какъ бы группу возвышенностей, съ поверхностію вообще ровною. По Олимпу и вся окрестность называ-

вались страною Олимпа (μέρος τοῦ Ὀλύμπου, regio Olympena). Отъ моря ее отдѣляетъ широкая низменная полоса, живописная и богатая растительностію. На сѣверозападной сторонѣ Олимпа у его подножія находится городъ Брусса, древняя Прусса, Пруссіада или Плусіада. На юго-западѣ не вдали отъ подножія Олимпа—озеро Улубадъ, въ древности Аполлонія или Аполлоніево озеро, подлѣ котораго извѣстенъ былъ и городокъ Аполлонія или Аполлоніада, Аполлоніатида. На югъ отъ Олимпа, почти на всемъ протяженіи его подножія, протекаетъ рѣка, носящая нынѣ названія въ верхнемъ теченіи Лупадъ, въ нижнемъ—Могалиденъ или Микалица, а въ древности извѣстная подъ названіемъ Рындака (Ῥυνδακός). Вытекая изъ восточнаго предгорія Олимпа, Рындакъ впадаетъ въ озеро Аполлоніаду, затѣмъ въ Пропонтиду. Олимпъ въ древности, какъ и теперь, покрытъ былъ лѣсными зарослями, а съ разныхъ боковъ его струятся ключи водъ, славившихся и цѣлебными свойствами, каковы особенно теплыя воды или *термы* (θερμὰ ὕδατα), извѣстныя и нынѣ [1]).

Олимпъ малоазійскій, не такъ знаменитый у древнихъ, какъ Олимпъ ѳессалійскій, довольно однакоже извѣстенъ у языческихъ греческихъ и римскихъ писателей—поэтовъ, географовъ, историковъ [2]). Но болѣе извѣстенъ онъ у христіанскихъ писателей, особенно византійскаго періода. Обыкновенно онъ причисляется у тѣхъ и у другихъ къ древнимъ областямъ Виѳиніи и Мизіи, иногда къ Фригіи, изъ коихъ первая обнимала сѣверо-западную часть малоазійскаго прибрежья Пропонтиды, а вторая—южную и далѣе вдоль Геллеспонта или Дарданеллъ, а обѣ граничили на востокъ и

---

[1]) Объ Олимпѣ и его географическихъ очертаніяхъ—у Любкера: Реальный Словарь классическихъ древностей, въ русскомъ переводѣ, изд. Общ. Классической Филологіи, Спб. 1884—1885 г., подъ словами: Олимпъ, Виѳинія, Мизія, Рындакъ; у Шпрунера: Hand-Atlas für die Geschichte des Mittelalters und neueren Zeit. Dritte Auflage. 1880 г. №№ 77, 79 и др.

[2]) У Любкера—тамъ же; также въ статьѣ Гебарта: L'Olympe et la Styx, въ Revue des deux Mondes 1867 г. кн. 6.

юго-востокъ съ Фригіею, частію съ Ликіею. Это-то положеніе Олимпа на пограничьи названныхъ областей и есть причиною, что онъ назывался то виѳинскимъ, то мизійскимъ, а у новѣйшихъ писателей—называется виѳинско-мизійскимъ, мизійско-фригійскимъ, хотя вмѣсто этихъ частныхъ названій употребляется и общее—малоазійскій Олимпъ. Ликія же имѣла свой Олимпъ, отличный отъ перваго, но малоизвѣстный. Рѣка Рындакъ съ южными предгоріями Олимпа обыкновенно обозначается, какъ граница между Виѳиніею и Мизіею.

Въ вѣкъ св. братьевъ большая часть Виѳиніи (начиная отъ Астакитскаго или Никомидійскаго залива), вся Мизія и нѣкоторая часть Фригіи входили въ составъ такъ называемой *Опсикійской темы*, подробное описаніе которой находится у Константина Порфирогенета [1]). Описывая границы и населенія темы, Порфирогенетъ обозначаетъ ея горы, рѣки, заливы, перечисляетъ десять городовъ ея, начиная съ Никеи, какъ митрополіи, въ Виѳиніи, и кончая Абидосомъ въ Мизіи и Кизикомъ въ Фригіи, на границѣ съ Мизіею. По этому описанію, Олимпъ съ теченіемъ Рындака занимаетъ почти срединную часть темы, на границѣ Виѳиніи и Мизіи и называется впрочемъ мизійскимъ Олимпомъ. Описаніе Константина, хотя и не совсѣмъ точное, даетъ тѣмъ не менѣе представленіе о мѣстностяхъ, окружавшихъ Олимпъ. Замѣчанія Константина въ объясненіе названія Опсикійской темы даютъ намъ поводъ указать на одну особенность въ исторіи этой страны, нелишенную для насъ значенія. Ὀφίκιον, съ латинскаго obsequium, означало родъ войска изъ императорской гвардіи, составлявшаго свиту и охранную и почетную стражу императоровъ во время ихъ выходовъ, путешествій и походовъ [2]). Ὀφίκιοι, obsequioni участвовали и

[1]) Въ его соч. Περὶ τῶν θεμάτων, кн. 1. гл. 4. Patr. Graec. edit. Migne. T. 113, p. 83—86.

[2]) Константинъ выражается: Ὀφίκιον Ῥωμαϊστὶ λέγεται, ὅπερ σημαίνει τῇ ἑλλήνων φωνῇ, τοὺς προπορευομένους ἔμπροσθεν τοῦ βασιλέως ἐπὶ εὐταξίᾳ καὶ τιμῇ. Начало учрежденія обсекніанъ нѣкоторые относятъ даже ко времени Марка Авреліа, который образовалъ этотъ родъ войска изъ гладіаторовъ.

въ войнахъ, и еще чаще въ борьбахъ соперниковъ изъ-за византійскаго престола[1]). Для квартиръ и лагеровъ этого войска назначены были, какъ близкія къ столицѣ и богатыя, мѣстности, вошедшія въ составъ Опсикійской темы, получившей отъ того и свое названіе и состоявшей подъ начальствомъ не стратега, какъ вообще назывались военные начальники областей, а комита (начальника царской свиты). Императоры любили ѣздить въ предѣлы Опсикійской темы, между прочимъ и для пользованія цѣлебными водами изъ горныхъ при-олимпійскихъ ключей. Въ особенности славились изъ древнихъ временъ *термы* или теплыя воды въ такъ называемыхъ *Пиѳіяхъ*, на сѣверо-западномъ склонѣ Олимпа, не вдалекѣ отъ г. Пруссы (нынѣ Бруссы). Императоръ Іустиніанъ (527—565 гг.) построилъ здѣсь дворецъ, больницу и храмъ арх. Михаила[2]). Но особенно прославился Олимпъ своими *св. отцами*—подвижниками и отшельниками. Теперешнее турецкое названіе его—Кешигъ-даѓъ, т. е. „Гора монаховъ", указываетъ не на нынѣшнее только значеніе его, какъ обиталища исламскихъ монаховъ - дервишей, но и на прошлое; напоминаетъ былую судьбу, былую славу Олимпа, какъ обиталища христіанскихъ монаховъ и отшельниковъ.

Олимпъ, какъ убѣжище любителей отшельнической жизни, упоминается еще въ сказаніяхъ о мученикахъ изъ времени послѣднихъ гоненій на христіанство. Таково въ особенности сказаніе о мученикѣ Неофитѣ, пострадавшемъ въ гоненіе Діоклитіана. Въ ранней молодости, простясь

---

[1]) Патр. Никифора Ἱστορία σύντομος въ Patr. Graec. edit. Migne, T. 100, p. 935, 947, 951, 954, 966 и др. Еще чаще объ Опсикійской темѣ и опсикіянахъ упоминается у продолжателя хрон. Ѳеофана (ibid. T. 108, index подъ словомъ Opsicium).

[2]) Du-Cangii, T. IV, p. 178. О поѣздкахъ императоровъ на Пиѳійскія термы въ Виѳиніи въ окрестностяхъ Пруссы и Олимпа—у хрониста Ѳеофана Patr. Graec. T. 108, p. 947,—у продолжателя его ib. T. 109, p. 482—483 г. Пиѳійскія термы упоминаются и въ сказаніяхъ о мученикахъ до временъ Константина в., какъ укажемъ далѣе.

съ родителями въ Никеѣ, Неофитъ удалился на гору Олимпъ и здѣсь поселился въ пещерѣ, которую предъ тѣмъ занималъ, а теперь уступилъ ему левъ. При вѣсти о тяжкой болѣзни родителей, Неофитъ приходитъ къ нимъ въ Никею, остается при нихъ до кончины ихъ, по кончинѣ совершаетъ похороны ихъ, затѣмъ раздаетъ нищимъ все оставшееся послѣ нихъ имущество и вторично уходитъ на Олимпъ въ свою пещеру. Когда правитель Виѳиніи Декій, въ силу указа Діоклитіана, оповѣстилъ въ Никеѣ, чтобы сюда собирались какъ горожане, такъ и окрестные жители на языческій праздникъ для жертвоприношеній, требуя этого именно и отъ христіанъ; тогда Неофитъ явился изъ Олимпа въ Никею и сталъ громко обличать суевѣріе Декія. Послѣ жестокихъ истязаній христіанинъ-отшельникъ осужденъ на съѣденіе льву, который и приведенъ былъ для сего изъ Олимпа горными пастухами. Это, оказалось, былъ тотъ же левъ, который прежде уступилъ Неофиту свою пещеру. Онъ и теперь не тронулъ Неофита; наконецъ страдалецъ, послѣ новыхъ истязаній, пронзенъ копьемъ. Надо полагать, что во время Діоклитіанова гоненія, которое особенно чувствовалось въ Виѳиніи, какъ странѣ, гдѣ въ тогдашней столицѣ ея Никомидіи жилъ самъ гонитель Діоклитіанъ, было не мало христіанъ, уходившихъ спасаться въ горы и пустыни виѳинскаго Олимпа, чѣмъ и полагалось здѣсь начало христіанскаго отшельничества, и притомъ не только мущинъ, но и женщинъ[1]).

---

[1]) О Неофитѣ въ Четіи-Минеѣ подъ 21 января. Укажемъ еще на сказаніе о трехъ дѣвственницахъ Минодорѣ, Митродорѣ и Нимфодорѣ, пострадавшихъ при Максимиліанѣ Галеріи (305—311); по сказанію, онѣ были уроженки Виѳиніи и, посвятивъ себя дѣвству, жили отшельницами въ Виѳиніи же, на *холмѣ не вдалекѣ отъ Пиѳійскихъ термъ* (γεώλοφόν τι τῶν Πυθίων θερμῶν οὐ πόρρω), а это не что иное, какъ одинъ изъ холмовъ Олимпа (у Метафраста подъ 9 сент. Patr. Graec. edit. Migne. T. 115, p. 653 и д. Четіи-Минея подъ 10 янв. Окружавшія Олимпъ мѣстности, какъ Прусса, Рындакъ, также упоминаются въ сказаніяхъ о мученикахъ. Особенно замѣчательно сказаніе о священномученикѣ Патрикіи, еп. прусскомъ, и трехъ пресвитерахъ, и его преніи съ виѳинскимъ

Болѣе опредѣлительное свидѣтельство объ отшельничествѣ на Олимпѣ относится ко времени императора Константина в. Церковный историкъ Сократъ, разсказывая о знаменитыхъ подвижникахъ и чудотворцахъ вѣка Константина, сообщаетъ и о при-олимпійскомъ отшельникѣ, боголюбезномъ Евтихіанѣ со словъ его ученика Авксанона, который въ молодости, когда былъ ученикомъ Евтихіана, присутствовалъ на I вселенскомъ соборѣ въ Никеѣ, а въ глубокой старости разсказывалъ Сократу о своемъ учителѣ. Евтихіанъ, живя около горы Олимпа, совершалъ подвигъ уединенной жизни и врачевалъ тѣла и души многихъ приходившихъ къ нему. Онъ имѣлъ и учениковъ, которые приходили къ нему учиться монашеской жизни и къ числу которыхъ принадлежалъ Авксанонъ. Евтихіанъ былъ извѣстенъ и императору Константину. Нѣкто изъ царскихъ тѣлохранителей, заподозрѣнный въ тиранствѣ, навлекъ гнѣвъ Константина и бѣжалъ. Бывъ найденъ близь Олимпа, бѣглецъ закованъ въ тяжкія желѣза, заключенъ въ тюрьму и присужденъ къ смертной казни. Многіе стали просить Евтихіана ходатайствовать предъ царемъ за осужденнаго. Евтихіанъ обѣщалъ итти къ царю. Но просители говорили, что пока состоится ходатайство, опальный можетъ умереть отъ тяжести узъ и тюремнаго заключенія, и умоляли—напередъ освободить его изъ тюрьмы. Евтихіанъ согласился на это, и не смотря на сопротивленіе тюремныхъ стражей, силою духа и молитвы освободилъ заключеннаго, потомъ отправился съ Авксано-

---

правителемъ язычникемъ Іуліемъ. Іулій, требуя отъ епископа поклоненія идоламъ языческихъ боговъ, ссылался на боговъ Эскулапа и Сотерію, которымъ приписывалъ цѣлительность вытекающихъ изъ Олимпа теплыхъ водъ близь Пруссы, и которымъ здѣсь приносились за это жертвы. Епископъ говорилъ о Богѣ, творцѣ неба, земли, морей и водъ, благодѣющемъ людямъ чрезъ силы природы, и, между прочимъ, объяснялъ естественное происхожденіе теплыхъ водъ, берущихъ начало въ согрѣтыхъ подземнымъ огнемъ нѣдрахъ земли. О Патрикіи прусскомъ въ житіяхъ подъ 19 мая. Рындакъ упоминается въ сказаніи о муч. Кодратѣ (подъ 7 іюля).

номъ къ царю Константину просить избавить отъ смерти бывшаго тѣлохранителя. Царь охотно согласился на это изъ уваженія къ отшельнику-ходатаю [1]).

Указавъ на начало Олимпійскаго отшельничества, перейдемъ въ исторіи его ко времени съ половины VIII и до половины IX в., какъ такому, которое сближается съ временемъ жизни на Олимпѣ свв. Константина и Меѳодія. Въ это время Олимпъ съ сосѣдними мѣстностями уже, такъ сказать, сіялъ славою своихъ св. отцовъ, подвижниковъ и отшельниковъ. Приливу ихъ въ эти мѣстности, умноженію здѣсь монастырей и скитовъ способствовала, безъ сомнѣнія, давняя извѣстность его, какъ убѣжища отшельниковъ, какъ страны монастырей, ибо нѣкоторые изъ упоминаемыхъ въ это время при-олимпійскихъ монастырей существовали и прежде. Но этому способствовало еще и то, что восточныя области Малой Азіи съ VIII в. стали чаще подпадать набѣгамъ и жестокимъ опустошеніямъ отъ сарацинъ-мусульманъ, частію были и завоеваны ими, вслѣдствіе чего, какъ вообще христіане, такъ въ частности и иноки переходили въ западныя, особенно въ сѣверо-западныя области Малой Азіи, болѣе безопасныя по близости къ столицѣ и охраняемыя военнымъ поселеніемъ Опсикійской темы. Наконецъ, гоненія иконоборческія, продолжавшіяся съ небольшими перерывами цѣлый вѣкъ съ 726 по 842 г., и почти всегда сопровождавшіяся гоненіями и на монашество, служили съ одной стороны побужденіемъ удаляться на отшельничество въ горы и лѣса Олимпа и его окрестностей, съ другой, выдвигали на защиту иконопочитанія и монашества многихъ исповѣдниковъ изъ предѣловъ Олимпа, которые за это прославлены въ житіяхъ и сказаніяхъ, чрезъ что̀ остался намъ обильный источникъ для свѣдѣній о современномъ олимпійскомъ и при-олимпійскомъ отшельничествѣ и монашествѣ. Ограничимся извлеченіемъ такихъ свѣдѣній изъ житій болѣе знаменитыхъ подвижниковъ. Таковы:

[1]) Церк. Исторія Сократа кн. 1. гл. 13.

1. *Платонъ Исповѣдникъ*, игуменъ монастыря *Символовъ*[1]). Уроженецъ Царьграда, по смерти отца малолѣтній сирота, воспитанный родственникомъ, казначеемъ царскихъ сборовъ, Платонъ служилъ при немъ нотаріемъ, и своимъ трудомъ, умѣньемъ, бережливостію нажилъ состояніе. Но онъ любилъ просвѣщеніе и благочестіе и не могъ помириться съ гоненіями и смутами, угнѣтавшими православныхъ при Константинѣ Копронимѣ, особенно послѣ него и иконоборческаго собора 754 г. Раздавъ все имущество бѣднымъ и бывшимъ своимъ рабамъ, теперь отпущеннымъ на волю, онъ съ однимъ вѣрнымъ слугой удаляется въ пустыню Олимпа въ скитъ Символовъ. Благочестивый и просвѣщенный игуменъ скита Ѳеоктистъ принимаетъ его съ радостію, постригаетъ и помѣщаетъ въ своей кельѣ. Строгою жизнію и просвѣщеніемъ Платонъ пріобрѣтаетъ и любовь братіи и по смерти Ѳеоктиста въ 770 г. избирается игуменомъ на 35 г. жизни, не имѣя однакоже священнаго сана. Теперь Платонъ еще болѣе ревнуетъ о просвѣщеніи, трудится самъ, поощряетъ и другихъ трудиться въ собраніи и переписываніи священныхъ книгъ и отеческихъ твореній. Говоря объ этомъ, преподобный Ѳеодоръ Студитъ замѣчаетъ: „кто можетъ исчислить тѣхъ, въ рукахъ которыхъ находятся и теперь его труды, его книжки, собранныя изъ разныхъ отцовъ на общую пользу? Откуда это обиліе книгъ въ нашихъ монастыряхъ? Не отъ его ли трудовъ, не изъ его ли рукъ достались онѣ намъ?“ При преемникѣ Копронима Львѣ Хазаринѣ (775—780 г.) настало болѣе льготное время для иконопочитателей и монаховъ, а при Иринѣ (786—796 г.), правившей именемъ сына Константина VI, настала и

---

[1]) Житіе Платона изложено въ видѣ похвальнаго слова Ѳеодоромъ Студитомъ (Patr. Graec. edit. Migne, T. 99, p. 803—849). Дополненіемъ къ нему служатъ извѣстія въ самомъ Житіи Ѳеодора. Житіе Ѳеодора, описанное ученикомъ его Михаиломъ, помѣщено предъ собраніемъ сочиненій Ѳеодора—тамъ же. Оно же въ нашей Четіи-Минеѣ. Извѣстія Житія пополняются письмами Ѳеодора (ib. и въ Хр. Чт. 1867—1868 гг.) и Житіями другихъ святыхъ, о коихъ—ниже.

полная свобода имъ. Платонъ сперва при Львѣ Хазаринѣ, потомъ при Иринѣ приходитъ въ Царьградъ и своимъ ученіемъ и примѣромъ жизни оказываетъ многимъ пользу, укрѣпляя православныхъ противъ иконоборцевъ, все еще сильныхъ, особенно въ войскѣ. Изъ Царьграда Платонъ не возвратился въ Символы, призванный на другое поприще. Но скитъ этотъ продолжалъ существовать. Изъ подвижниковъ его извѣстенъ преподобный *Тимовей, иже въ Символѣхъ*, значащійся въ Прологѣ, Четіи-Минеи и святцахъ подъ 21 февраля. Изъ Италіи пришелъ онъ въ Византію, потомъ въ Символы, гдѣ провелъ всю жизнь въ строгихъ подвигахъ, сконч. 795 г. Извѣстенъ еще Антоній, другъ Ѳеодора Студита, которому разсказалъ о жизни Платона въ Символахъ. Самое названіе Символы, по всей вѣроятности, произошло отъ того обычая олимпійскихъ пустынниковъ, по которому они жили по пещерамъ и особымъ молельнямъ, но подъ послушаніемъ игумену скита, къ которому собирались на праздничныя моленія и такъ называемыя утѣшенія братіи т. е. праздничныя обѣды, принося и свои скудные запасы на общій обѣдъ [1]).

2. *Платонъ Исповѣдникъ и Ѳеодоръ Студитъ* какъ игумены монастыря *Саккудіонъ* [2]). Бывши въ Царьградѣ, Платонъ сблизился съ Ѳеодоромъ, племянникомъ его по матери,

---

[1]) Изъ разныхъ значеній словъ Σύμβολα и Συμβολαί (у Любкера подъ этими словами) къ объясненію названія олимпійскихъ Символовъ, наиболѣе идетъ слѣдующее: συμβολαί означали взносы деньгами или натурою на общее угощеніе, общій обѣдъ (δεῖπνον ἀπὸ Συμβολῶν у Гомера) въ домѣ одного изъ участниковъ обѣда, а συμβολὰ—извѣстные знаки гостепріимства, которое могло устраиваться и на средства одного лица. Наслѣдованный отъ древнихъ грековъ обычай символовъ оказывался весьма пригоднымъ для олимпійскихъ скитниковъ и пещерниковъ—именно въ видѣ братскихъ собраній и утѣшеній въ дни праздничные. Мѣсто такихъ собраній въ главномъ пунктѣ скита могло получить названіе символы, перешедшее и на весь скитъ.

[2]) Житіе Ѳеодора Студита, написанное ученикомъ его Михаиломъ, въ Patr. Graec. edit. Migne. T. 99. Оно же и въ нашей Четіи-Минеѣ. Пополненія къ нему означены у Филарета. Историч. ученіе объ отцахъ церкви § 268—269), у Сергія (Православный Востокъ, Замѣч. подъ 11 ноября).

сестрѣ Платона. Ѳеодоръ происходилъ изъ знатной и богатой семьи въ Царьградѣ, гдѣ отецъ его Фотинъ, былъ придворнымъ казначеемъ. Пройдя полный курсъ образованія, Ѳеодоръ рано женился, но на 22 году жизни, по согласію съ женой, рѣшился оставить мірскую жизнь для монашеской. Въ эту пору онъ сблизился съ Платономъ. Въ союзѣ съ нимъ и матерію, сестрою Платона, онъ склонилъ къ монашеству двухъ братьевъ *Іосифа* и *Евѳимія*, а Платонъ—своихъ трехъ братьевъ, другую сестру; приняли монашество и родители Ѳеодора. Рѣшено устроить фамильный монастырь въ Саккудіонѣ подъ игуменствомъ Платона. Это была прекрасная, богатая растительностію и водами, мѣстность на морскомъ прибрежьи Виѳиніи, но не далеко отъ г. Пруссы, слѣдовательно и Олимпа [1]). Она была собственностію семьи Ѳеодора. Платонъ и Ѳеодоръ начали устраивать монастырь съ церковію Іоанна Богослова. Оба они были извѣстны при дворѣ и у патріарха Тарасія (784—806 г.). Онъ предлагалъ Платону сперва архимандритство въ столицѣ, потомъ никомидійскую митрополію, но Платонъ отказался, вообще не желая *итти въ клиръ*. За то Ѳеодоръ въ 784 г. посвященъ былъ Тарасіемъ въ священники. Платонъ оказалъ услугу церкви и Тарасію на VII вселенскомъ соборѣ 787 г. въ Никеѣ, утвердившемъ иконопочитаніе. Послѣ собора всѣ члены перешедшей въ монашество семьи перебрались въ Саккудіонъ. Устраивая обитель вмѣстѣ съ Платономъ, Ѳеодоръ, подобно ему, трудился въ собраніи, изученіи и перепискѣ священныхъ и отеческихъ книгъ, въ томъ числѣ аскетическихъ твореній Василія в., по правиламъ коего устраивалъ свой монастырь. Болѣе 10 лѣтъ мирно жили и трудились Платонъ и Ѳеодоръ съ братьями. Но въ 796 г.

---

[1]) Нѣкоторые полагаютъ Саккудіонъ *недалеко* отъ Византіи. Но это неточно. Изъ Житія видно, что онъ находился хотя и не далеко отъ Византіи, но именно на прибрежьи Виѳиніи, на пути въ г. Пруссу и ближе къ ней, чѣмъ къ Византіи.

настала для нихъ тяжкая пора. Константинъ VI, устранивъ отъ власти мать, удалилъ и жену, чтобы жениться на прежней фавориткѣ Ѳеодотѣ, фрейлинѣ Ирины, двоюродной сестрѣ Ѳеодора. Патріархъ Тарасій не одобрялъ этого. Но, по волѣ царя, свѣнчалъ его съ Ѳеодотою экономъ великой церкви Іосифъ. Тарасій смолчалъ, не подвергъ запрещенію царя и Іосифа, опасаясь, чтобы царь не перешелъ на сторону иконоборцевъ. Но Платонъ и Ѳеодоръ объявили царя прелюбодѣемъ, бракъ незаконнымъ, прервали общеніе и съ патріархомъ, не покаравшимъ Іосифа. Царь съ Ѳеодотою пытались подкупить ихъ, пославъ золота въ Саккудіонъ; но оно не принято. Потомъ они поѣхали на теплыя воды къ Прусѣ и Олимпу, въ надеждѣ, что Платонъ и Ѳеодоръ выйдутъ изъ сосѣдняго Саккудіона встрѣтить ихъ. Но тѣ не встрѣтили. Константинъ страшно разгнѣвался. По его указу, Платонъ и Ѳеодоръ схвачены, биты ремнями, потомъ первый заточенъ въ столичномъ монастырѣ, а послѣдній съ братомъ Іосифомъ и 10 монахами изъ Саккудіона сосланы въ Солунь. Начальникъ города обошелся съ ними благосклонно, хотя и сдержанно; а солунскій архіепископъ оказалъ прямое и заботливое участіе. Да и во многихъ другихъ мѣстахъ, даже въ Тавридѣ, Готѳіи и Азовскомъ Босфорѣ, епископы и монахи прославляли мужество и страданія ихъ. Въ 797 г. Константинъ низложенъ и ослѣпленъ, и власть опять перешла къ Иринѣ. Платонъ и Ѳеодоръ и др. освобождены и стали въ большомъ почетѣ. Примирились они съ патріархомъ Тарасіемъ, который теперь лишилъ эконома Іосифа и сана и общенія. Возвратясь въ Саккудіонъ, Ѳеодоръ скоро долженъ былъ оставить его, вслѣдствіе угрожавшихъ отъ сарацинъ набѣговъ. Ему дано игуменство въ столицѣ, въ монастырѣ Студія, который сталъ знаменитымъ подъ его управленіемъ и по которому самъ онъ перешелъ въ исторію подъ именемъ Студита. Платонъ остался жить келейнымъ отшельникомъ; а Іосифъ возведенъ въ санъ солунскаго архіепископа.

Въ разсказѣ о дальнѣйшей жизни бывшихъ подвижниковъ Саккудіона остановимся только на томъ, что имѣетъ отношеніе къ Олимпу. По низложеніи Ирины воцарился Никифоръ Геникъ (802—811 г.), а по кончинѣ Тарасія поставленъ на патріаршество изъ мірянъ Никифоръ бывшій предъ нимъ, какъ прежде Тарасій, государственнымъ секретаремъ. Платонъ и Ѳеодоръ открыто порицали избраніе на патріаршество мірянина, неподготовленнаго иноческимъ искусомъ и способнаго на уступки свѣтской власти. Новымъ, еще большимъ поводомъ къ столкновенію послужило въ 809 г. дѣло экономa Іосифа. Благодарный ему за одну политическую услугу, царь упросилъ патріарха снять съ Іосифа запрещеніе, наложенное Тарасіемъ. Патріархъ согласился, опасаясь, чтобы царь не перешелъ на сторону иконоборцевъ. Но Платонъ и Ѳеодоръ протестовали, прервали общеніе съ патріархомъ, увлекши за собой и многихъ другихъ, въ числѣ ихъ и брата Ѳеодора, Іосифа, архіепископа солунскаго. Патріархъ огорчился, называя ихъ отщепенцами, а императоръ однихъ заточилъ, другихъ отправилъ въ ссылку. Противъ этого поднялись жалобы и на Олимпѣ, и тамъ пророчили близкую смерть императору. Смерть постигла его въ войнѣ съ болгарскимъ княземъ Крумомъ въ 811 г. Сынъ Геника Ставракій процарствовалъ всего 68 дней, а затѣмъ воцарился Михаилъ Рангаве. Ѳеодоръ и другіе возвращены изъ ссылки, но не надолго. Набожный, но слабый Михаилъ не умѣлъ остановить успѣховъ Болгаръ, и раздраженное и притомъ враждебное иконопочитателямъ и монахамъ войско низвергло его, и провозгласило царемъ полководца Льва Армянина (813—820). Новый царь хотя и не съ разу, но успѣлъ отразить болгаръ, затѣмъ подъ давленіемъ ободреннаго этимъ успѣхомъ иконоборческаго войска и самъ склонился на сторону иконоборцевъ. Устроенный имъ диспутъ между православными и иконоборцами не привелъ къ миру. Теперь не соглашался съ царемъ и патріархъ, вѣрный православію, примирившійся и съ Ѳеодоромъ. Тогда царь, въ союзѣ съ

военными чинами и нѣкоторыми иконоборными епископами, низложилъ патріарха, замѣстилъ его иконоборцемъ Ѳеодотомъ, и тотъ устроилъ соборъ въ 815 г., на которомъ отвергнутъ православный соборъ 787 г. и признанъ иконоборческій соборъ Копронима 754 г. На диспутѣ и соборѣ 815 г. былъ и Ѳеодоръ Студитъ, были и нѣкоторые игумены изъ Олимпа, и вмѣстѣ съ епископами сильно и смѣло защищали православіе. За то послѣ собора они подвергнуты жестокимъ истязаніямъ и поразосланы въ заточеніе въ болѣе или менѣе дальнія мѣста, между прочимъ въ Херсонъ и Смирну (сюда—Ѳеодоръ Студитъ). Монастырь Саккудіонъ вмѣстѣ съ Студійскимъ отданъ Леонтію—иконоборцу. Иконоборцы водворены и въ нѣкоторыхъ другихъ обителяхъ Олимпа. Въ эту-то пору Ѳеодоръ Студитъ изъ своего заточенія повсюду разсылалъ утѣшающія и ободряющія письма, писалъ и на Олимпъ, получалъ и самъ письма оттуда, ибо Олимпъ съ своими пустынями и скалами сталъ убѣжищемъ для изгоняемыхъ изъ столицъ и городовъ, вѣрныхъ иконопочитанію, иноковъ. Тамъ опять пророчили смерть Льву Армянину. Послѣ насильственной смерти его въ 820 г., воцарился аморецъ Михаилъ Травлъ (820—829). Довольно индифферентный въ религіи, онъ далъ однакоже свободу православнымъ, и они возвратились изъ ссылки. Когда на обратномъ пути Ѳеодоръ приблизился къ г. Пруссѣ при Олимпѣ, то олимпійскіе иноки въ великомъ множествѣ вышли на встрѣчу ему, славя его подвиги и страданія. Въ числѣ ихъ Житіе отличаетъ особенно „Петра, великаго въ подвижничествѣ, сіявшаго свѣтомъ чудотвореній“. Вскорѣ затѣмъ Ѳеодоръ Студитъ и самъ посѣтилъ Олимпъ съ братомъ и нѣкоторыми епископами, какъ увидимъ далѣе. Словомъ Ѳеодоръ и его братъ Іосифъ, бывшій архіепископъ солунскій, продолжали свои связи съ Олимпомъ до самой кончины (Ѳеодора въ 826 г., Іосифа въ 830 г.).

3. Преп. *Никита Исповѣдникъ*, игуменъ *Мидикійскаго* (μονὴ τοῦ Μιδικίου) монастыря близъ Пруссы и Олимпа [1]). Основателемъ и первымъ игуменомъ этого монастыря былъ Никифоръ, присутствовавшій на Никейскомъ соборѣ 787 г., подъ актами коего есть и его подпись. Это былъ знаменитый игуменъ, причтенный къ лику святыхъ (въ Менологіѣ Василія подъ 4 мая). Обитель его славилась своимъ чиномъ *акимистовъ* или *неусыпающихъ*, наслѣдованнымъ въ предѣлахъ Олимпа отъ глубокой древности, а именно отъ подвижника Александра, жившаго въ V вѣкѣ († 431 г.; память его 23 февраля и 3 іюля). Никита, виѳинскій уроженецъ, имѣвшій и образованіе, пришелъ еще въ молодости учиться подвижничеству у отшельника олимпійской пустыни Стефана, откуда отправленъ имъ въ ближайшую обитель Мидикійскую подъ руководство Никифора. Вскорѣ затѣмъ пришелъ сюда изъ скита Символовъ и другой молодой любитель отшельничества Аѳанасій, служившій предъ тѣмъ въ Царьградѣ, въ логоѳетіонѣ (учрежденіи финансоваго вѣдомства). Новые молодые иноки утѣшали игумена своими подвигами, стяжали любовь братіи, такъ что, по смерти Никифора, Никита въ 810 г. сталъ игуменомъ обители. При Никитѣ и Аѳанасіи число братій монастыря возросло до 100, привлекаемыхъ строгимъ чиномъ обители, просвѣщеніемъ и святостію вождей ея. Послѣ иконоборческаго собора 815 года Левъ Армянинъ старался склонить Никиту и его обитель къ признанію иконоборческаго патріарха Ѳеодота и его собора. Никита отказался и былъ изгнанъ изъ обители, изъ которой принуждены были уходить и братія. То заточаемый, то освобождаемый, онъ велъ скитальническую

---

[1]) Житіе Никиты, написанное ученикомъ его Ѳеостириктомъ, помѣщено въ Acta Sanctorum подъ 2 апр. въ 1 томѣ за апрѣль. Оно же и въ нашей Четіи-Минеѣ. Въ примѣчаніяхъ къ Житію въ Acta Sanctorum объяснена и мѣстность монастыря.

жизнь, много терпѣлъ и болѣлъ и былъ утѣшаемъ письмами Ѳеодора Студита, которому писывалъ и самъ. По смерти Льва, при Михаилѣ Травлѣ, Никита, хотя и свободный, не могъ возвратиться въ свою обитель, нуждаясь въ леченіи. Но обитель возстановилась; Никита въ 824 г. и скончался внѣ своей обители на какомъ-то островѣ къ сѣверу отъ Византіи. На отпѣваніе его явились епископы никейскій и Іосифъ, бывшій солунскій архіепископъ. Но братія Мидикійской обители пожелали, чтобы бывшій игуменъ былъ въ ней похороненъ. Вмѣстѣ съ прусскимъ епископомъ Павломъ они вышли на встрѣчу его гроба, взяли его на руки и торжественно принесли и похоронили въ обители. Игуменомъ обители въ половинѣ IX в. былъ прежній послушникъ Никиты Ѳеоктистъ, страдавшій вмѣстѣ съ нимъ за иконопочитаніе, а извѣстный олимпійскій жизнеописатель Ѳеостириктъ составилъ длинное житіе Никиты, въ которое внесъ и всю исторію иконоборчества со времени Льва Исавра до Льва Армянина.

4. Преп. *Ѳеофанъ Исповѣдникъ*, игуменъ сигріанскій [1]). Это подвижникъ не изъ олимпійцевъ, но изъ близкой къ Олимпу Сигріаны, интересный для насъ въ особенности потому, что въ Житіи его встрѣчаемся съ монастыремъ, упоминаемымъ въ Житіи св. Меѳодія. Сигріана была гористая область, на югъ Олимпа, отъ котораго она отдѣлялась рѣкою Рындакомъ; она получила названіе отъ сигріанскихъ горъ, которыя простирались по входившимъ въ составъ Опсикійской темы областямъ Мизіи и Фригіи и доходили до приморскаго г. Кизика. Сигріана упоминается у древнихъ греческихъ и латинскихъ писателей, обозначается и у Кон-

[1]) Существуютъ три Житія Ѳеофана сигріанскаго: одно современника, и какъ полагаютъ, Ѳедора Студита, другое у Метафраста, третье въ Менологіѣ Василія Македонина. Acta Sanctorum, Mart. Кн. 11, p. 213 и слѣд.; Patr. Graec. edit. Migne. T. 108, гдѣ и хроника Ѳеофана и 115, гдѣ Метафрастово Житіе его.

стантина Багрянороднаго при описаніи Опсикійской темы [1]). Въ христіанскихъ сказаніяхъ Сигріана, подобно Олимпу, извѣстна еще во время Діоклитіанова гоненія, когда и она была убѣжищемъ для гонимыхъ христіанъ, становившихся здѣсь временными отшельниками, чѣмъ полагалось начало и постоянному отшельничеству въ горахъ Сигріаны [2]). Но какъ на Олимпѣ, такъ и здѣсь, отшельничество усилилось особенно со времени иконоборчества, когда инокамъ надо было удаляться изъ болѣе людныхъ мѣстъ въ пустыни и горы. Ѳеофанъ, въ мірѣ Исаакъ, родился въ 758 г. въ Царьградѣ и былъ единственнымъ сыномъ у своихъ родителей Исаакія, префекта Эгейскихъ острововъ, и Ѳеодоты. Родители, люди знатные и очень богатые, заботились о воспитаніи сына, еще въ отрочествѣ полюбившаго чтеніе священныхъ книгъ. По смерти отца, оставшись еще отрокомъ, Исаакъ, принятъ былъ подъ опеку Константиномъ Копронимомъ и жилъ при дворѣ. Левъ Хазаринъ задумалъ устроить судьбу его и противъ воли его женилъ его на дочери патриція Льва, своего любимца, постоянно бывавшаго на обѣдахъ у царя. Патрицій Левъ былъ очень богатъ, и жена приносила молодому Исааку громадное приданое. Но этотъ патрицій былъ упорный и ярый иконоборецъ. По всей вѣроятности это обстоятельство еще болѣе оттолкнуло набожнаго Исаака отъ семейной связи съ патриціемъ. Онъ упросилъ жену жить съ нимъ въ бракѣ, какъ не въ бракѣ, желая остаться дѣвственникомъ. Чтобъ отвлечь Исаака отъ этихъ мыслей, императоръ отправилъ его на службу въ Кизикъ въ предѣлы Сигріаны. Но здѣсь Исаакъ посѣтилъ горную пустыню Сигріаны и встрѣтилъ отшельника Григорія (по другому

---

[1]) Свидѣтельства древнихъ цитованы въ примѣчаніяхъ къ названнымъ изданіямъ Житія Ѳеофана. Константиново описаніе темы цитовано выше.

[2]) О мученикахъ въ Сигріанѣ во время Діоклитіана—въ сказаніи о мученикѣ Филетерѣ и съ нимъ другихъ. (Acta Sanctor. за май, кн. V. стр. 310) въ Слав. Прологѣ подъ 20 мая и 20 дек..

Житію Христофора), которому открылъ намѣреніе бѣжать со службы и вступить на путь отшельническаго подвига. Старецъ одобрилъ мысль объ отшельничествѣ, но совѣтовалъ теперь не бѣжать, а ждать болѣе удобнаго времени для исполненія мысли. Старецъ говорилъ это въ присутствіи и супруги Исаака, уже соглашавшейся съ мыслію мужа. Это было въ 777 г., когда Исааку было 19 л. Императоръ между тѣмъ зачислилъ Исаака въ гвардію, проникнутую иконоборческимъ духомъ, который сильнѣе сталъ высказываться и въ самомъ императорѣ къ концу его правленія, подъ вліяніемъ Льва патриція. Но чрезъ три года Левъ Хазаринъ и Левъ патрицій скончались, и воцарилась Ирина, покровительница иконопочитателей и монаховъ. Тогда Исаакъ, отпустивъ жену въ монастырь, вторично удаляется въ пустыню Сигріаны и приходитъ въ *Полихроніевъ монастырь*, издавна такъ названный ради мирнаго и спокойнаго житія въ немъ. Здѣсь онъ постригается и проводитъ дни въ подвигахъ молитвы, въ чтеніи и списываніи книгъ, пріобрѣтаетъ большую начитанность. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ богато обезпечиваетъ монастырь, передавъ ему значительнѣйшую часть доставшагося ему въ наслѣдство очень большого имущества. Отсюда переходитъ потомъ на островъ Калонимъ у устья Рындака, гдѣ было доставшееся ему въ наслѣдство помѣстье отца. Онъ подарилъ его на устройство монастыря, въ которомъ и самъ нѣкоторое время подвизался. Отсюда онъ возвратился въ горы Сигріаны и здѣсь въ мѣстности, называемой μεγάλος или μέγας Ἀγρός (большое поле), основалъ новый монастырь, въ которомъ и остался игуменомъ, такъ что ему и усвоилось потомъ названіе Θеофана Исповѣдника, игумена сигріанскаго ἐν τῷ μεγάλῳ ἀγρῷ. Здѣсь онъ продолжалъ съ подвигами иночества соединять и книжныя занятія. По временамъ предпринималъ странствія для обозрѣнія монастырей и скитовъ въ окрестныхъ пустыняхъ и для бесѣдъ съ жившими въ нихъ отшельниками. Подобно Платону, онъ былъ друженъ съ патріархомъ Тарасіемъ. Вмѣстѣ

съ Платономъ и Никитою мидикійскомъ присутствовалъ на вселенскомъ соборѣ въ Никеѣ 787 г. Во время Льва Армянина послѣ иконоборческаго собора 815 г. былъ принуждаемъ, какъ Ѳеодоръ Студитъ, Никита и др., признать соборъ и патріарха иконоборца Ѳеодота; за несогласіе, выраженное въ смѣломъ письмѣ къ императору, подвергнутъ истязаніямъ, изгнанъ изъ обители, заточенъ на островъ Самоѳракію, гдѣ скончался въ 818 г., а потомъ гробъ его перенесенъ въ Сигріанскую обитель братіею ея. Ѳеофанъ былъ весьма чтимъ на Олимпѣ, откуда ходилъ въ его обитель самъ Іоанникій великій, чтобы поклониться ея святынямъ и почтить память св. игумена ея. Память св. исповѣдника чтится 12 мая, подъ какимъ числомъ извѣстны и службы въ честь его (помѣщены и въ Patr. Graec. edit. Migne, T. 108, стр. 45 и д.). Въ наукѣ драгоцѣннымъ памятникомъ Ѳеофана осталась его хронографія. Она составляла продолженіе хроники друга его, ученѣйшаго мужа, синкелла патріарха Тарасія, монаха Георгія, который, собравъ множество матеріаловъ, задумалъ писать хронику отъ начала міра, но довелъ ее до времени Діоклитіана и скончался. Предъ смертію онъ передалъ свой неоконченный трудъ на руки Ѳеофану и усердно просилъ его продолжать хронику. Ѳеофанъ взялся за это съ боязнію, но приложилъ всѣ усилія къ изученію памятниковъ и источниковъ и составилъ хронику обнимающую время съ 285 до 813 г. Ею пользовался и большую часть ея внесъ въ свою исторію Анастасій, римскій библіотекарь; пользовались Константинъ Порфирогенетъ, Кедринъ и другіе продолжатели хроникъ, византійскіе хронисты, называемые scriptores post Theophanem.

5. *Іоанникій великій*, въ Житіи котораго упоминается о нѣсколькихъ монастыряхъ на Олимпѣ и его окрестностяхъ[1]).

---

[1]) Житіе Іоанникія, написанное Метафрастомъ, помѣщено въ Acta Sanct. подъ 4 ноября и въ Patrol. Graec. edit. Migne. T. 116. Были и болѣе ранніе Житія, писанныя иноками Петромъ и Саввою. Объ нихъ въ Acta Sanct. (ibid.) и въ книгѣ Св. Димитрія Ростовскаго, стр. 142.

Сынъ поселянъ (род. 742 г.) изъ села къ сѣверу отъ Аполлоніады, въ отрочествѣ горный пастухъ, неграмотный, но наклонный къ молитвенному созерцанію, въ зрѣлой юности, благодаря величественному росту и силѣ, взятый въ гвардію императора Льва Хазарина, отличившійся богатырскими подвигами въ войнѣ съ болгарами,—Іоанникій на военной службѣ заразился иконоборствомъ, господствовавшимъ въ войскѣ, такъ что не хотѣлъ и слышать объ иконахъ, не чтилъ даже иконы Христа Спасителя. Но Богъ, зная его прошлое и будущее, готовилъ ему просвѣтленіе. Когда, послѣ военныхъ походовъ, Іоанникій шелъ на лагерную стоянку въ Виѳинію и проходилъ мимо Олимпа, то здѣсь встрѣтилъ его олимпійскій отшельникъ и сказалъ: „Іоанникій! если ты христіанинъ, то почему не чтишь Христовой иконы?“ Іоанникій поклонился старцу, просилъ прощенія и сталъ ревностнымъ чтителемъ иконъ. Теперь же со всею силою ожило въ немъ отличавшее его въ отрочествѣ благочестивое настроеніе. Не долго остался онъ на военной службѣ, хотя взысканъ былъ наградами и отличіями за свои подвиги. Оставивъ все, онъ удаляется въ предѣлы Олимпа, живетъ строгимъ отшельникомъ то въ пещерахъ и уединенныхъ молельняхъ, то въ разныхъ монастыряхъ и скитахъ, по которымъ странствовалъ, ища то большаго уединенія, то большаго назиданія. Въ Житіи обозначаются слѣдующіе монастыри и скиты въ горныхъ пустыняхъ Олимпа, въ которыхъ разновременно проживалъ *Іоанникій: Авгаровъ*, *Антидіевъ*, *Утотелаосъ*, *Трихаликсъ* и *Враново* (τοῦ χόρακος), такъ названные большею частію отъ горныхъ мѣстностей Олимпа, посившихъ эти названія. Чаще и долѣе живалъ онъ на горѣ Трихаликсъ и на Антидіѣ, гдѣ основалъ и свой скитъ съ церковью св. Евстафія. Будучи аввою въ своемъ скитѣ, Іоанникій не имѣлъ однакоже священнаго сана, оставаясь простымъ инокомъ. Придя на Олимпъ некнижнымъ, какъ бывшій пастухъ и солдатъ, Іоанникій при помощи игумена Авгарова монастыря Григорія, а потомъ и самъ изучилъ Псалтырь,

церковныя службы, слагалъ и самъ краткія молитвы, вошедшія потомъ въ общее употребленіе. 50 лѣтъ прожилъ онъ въ пустыняхъ Олимпа и былъ знаменитостію его. Житіе повѣствуетъ о его необычайныхъ подвигахъ самоотреченія, молитвы, знаменіяхъ и чудесахъ, явленныхъ въ борьбѣ съ страстьми, съ нечистыми силами, съ кознями недобрыхъ людей, о проявленіяхъ дивной власти надъ дикими звѣрями, зміями и стихіями природы, о его благодатныхъ исцѣленіяхъ, духовныхъ врачеваніяхъ, благотвореніяхъ къ бѣднымъ, наконецъ о знаменіяхъ его благодатной прозорливости. Вѣрный иконопочитанію, онъ не опускалъ, гдѣ только встрѣчалъ, вразумлять иконоборцевъ, какіе попадались и между игуменами Олимпа, въ годы иконоборческихъ правительствъ, предсказывалъ кары иконоборцамъ, въ томъ числѣ самимъ императорамъ. Но вѣрный духу отшельничества, не выступалъ изъ пустынь Олимпа для открытыхъ и всенародныхъ обличеній въ городахъ. Вообще поучалъ олимпійцевъ какъ можно старательнѣе держать себя вдали отъ городовъ и людныхъ мѣстъ, во избѣжаніе соблазновъ и лишнихъ тревогъ и волненій. Впрочемъ, блюдя строгое отшельничество, бывшій воинъ, отличившійся на службѣ отечеству, Іоанникій не отказывался отъ подвиговъ гражданской услуги соотчичамъ и приснымъ, когда настояла надобность. Онъ ходилъ въ Болгарію и къ сарацинамъ для освобожденія изъ плѣна, въ которомъ томились взятые на войнѣ греки. Слава о Іоанникіи, наполнявшая Олимпъ, прошла далеко и за его предѣлы. Издали приходили видѣть его, слышать его мудрое слово, хотя смиренный старецъ всячески старался и большею частію успѣвалъ скрывать себя отъ взоровъ такихъ посѣтителей. Приходили на Олимпъ посѣтить его и нѣкоторые архіереи виѳинскихъ епархій, съ ними и Ѳеодоръ Студитъ съ братомъ Іосифомъ. Старецъ освободилъ ихъ отъ труднаго подъема на крутую гору Трихаликсъ, гдѣ тогда жилъ, а самъ спустился къ нимъ и смиренно бесѣдовалъ съ ними. Замѣчательно, что ни одинъ изъ импе-

раторовъ - иконоборцевъ или исполнителей ихъ указовъ, направленныхъ противъ иконопочитанія и монашества, не отважился безпокоить пустыннаго старца, хотя онъ, при случайной встрѣчѣ съ такими исполнителями, бывавшими и на Олимпѣ, не опускалъ обличать ихъ, впрочемъ въ сдержанныхъ и прикровенныхъ выраженіяхъ. Только императоръ Ѳеофилъ, въ союзѣ съ иконоборнымъ патріархомъ Іоанномъ или Іанніемъ Левкомантомъ, попытался привлечь на свою сторону Іоанникія, прославъ для бесѣды съ нимъ двоихъ мужей, слывшихъ учеными и краснорѣчивыми. Но бесѣда кончилась тѣмъ, что сами они вняли простымъ, но мудрымъ словамъ старца и обратились къ православію. Замѣчательно, что императоръ не покаралъ за это ни его, ни ихъ. Послѣднюю услугу церкви оказалъ Іоанникій при патріархѣ Меѳодіѣ во время собора 842 г., на которомъ окончательно возстановлено иконопочитаніе и состоялось *торжество православія*. Послѣ того патріархъ Меѳодій и самъ посѣтилъ Іоанникія на Олимпѣ. При этомъ старецъ предсказалъ близкую кончину патріарху, а затѣмъ и себѣ. Скончался онъ въ 846 г., проживъ всего 95 л. Въ часъ кончины его, разсказываетъ Житіе, весь иноческій міръ Олимпа узналъ о ней по свѣтлому столбу, возвышавшемуся къ небу отъ мѣста кончины праведника. Онъ причтенъ къ лику святыхъ подъ именемъ Іоанникія великаго.

6. Съ именемъ Іоанникія неразлучно имя авгаровскаго игумена преп. *Евстратія*. На 20 году жизни онъ пришелъ на Олимпъ въ Авгарову обитель, гдѣ были тогда два дяди матери его, Григорій, игуменъ обители, и братъ его Василій. Григорій—это тотъ самый игуменъ, къ которому впервые пришелъ учиться монашеству и Іоанникій, научившійся у него и Псалтыри. Григорій поддерживалъ связи съ Іоанникіемъ и потомъ, когда онъ живалъ въ разныхъ пещерахъ и скитахъ, а на горѣ Трихаликсѣ устроилъ для него и келью, чтобы жившій дотолѣ подъ открытымъ небомъ подвижникъ имѣлъ въ ней защиту отъ дождя и снѣга. Евстратій тоже

скоро сблизился съ Іоанникіемъ, подобно ему ходилъ въ власяницѣ и милоти, долго не хотѣлъ имѣть ни кельи, ни вообще особаго укрытаго мѣста, почивая и ночью тамъ, гдѣ пришлось. Непрестанная молитва была главнымъ подвигомъ его. Послѣ Григорія, онъ сталъ и игуменомъ Авгаровой обители. При императорѣ Львѣ Армянинѣ Евстратій вынужденъ былъ удалиться изъ монастыря, гдѣ сдѣлался игуменомъ иконоборецъ Антоній. Въ эту-то печальную пору Евстратій часто хаживалъ къ Іоанникію на бесѣду и для утѣшенія. Іоанникій увѣщевалъ и вразумлялъ Антонія, а Евстратію совѣтовалъ жить пока скитальцемъ по дебрямъ и горамъ Олимпа, въ чаяніи лучшаго времени. Онъ даже предрекъ ему близкую смерть Льва Армянина. По его смерти, Антоній подъ вліяніемъ совѣтовъ Іоанникія образумился и скоро тоже скончался, а игуменство въ Авгаровомъ монастырѣ опять занялъ Евстратій. Всего около 75 лѣтъ прожилъ онъ на Олимпѣ, выдаваясь съ Іоанникіемъ, котораго почиталъ какъ старшаго друга и учителя. Скончался въ глубокой старости, по Четіи-Минеѣ, на 95 году жизни. Такъ какъ онъ былъ моложе Іоанникія, то жилъ на Олимпѣ еще и тогда, когда пришли сюда Константинъ и Меѳодій.

6. Изъ современниковъ ихъ по жизни на Олимпѣ извѣстны *Николай*, игуменъ *Писсадинонской* обители, старецъ *Ѳеодоръ* и ученикъ ихъ *Евѳимій* солунскій, извѣстные по Житію послѣдняго [1]). Евѳимій, уроженецъ Галатійской области, въ дѣтствѣ, по смерти отца, остался на попеченіи матери, которая его воспитала и образовала и на 17 году женила. Но черезъ годъ Евѳимій (въ мірѣ Никита) оставляетъ брачную жизнь и тайно уходитъ на виѳинскій Олимпъ и принимаетъ малый постригъ отъ старца *Іоанна* въ 842 году. Пятнадцать лѣтъ провелъ онъ въ разныхъ послушаніяхъ въ *Писсадинонской* обители на Олимпѣ подъ руководствомъ игумена ея Николая. Игуменъ этотъ похожъ былъ на Ѳео-

[1]) Житіе Евѳимія съ выписками изъ греческаго подлинника передано въ соч. преосв. Порфирія *Исторія Аѳона*, ч. III, стр. 24 и д. Кіевъ. 1876 г.

дора Студита по готовности открыто порицать то, что признавалъ въ дѣлахъ церковныхъ противнымъ канонамъ. Такимъ призналъ онъ низложеніе патріарха Игнатія, котораго знали и любили монахи по памяти объ отцѣ его, благосклонномъ къ монахамъ императорѣ Михаилѣ Рангаве, и по извѣстному его благочестію въ иночествѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ Николай призналъ незаконнымъ возведеніе патріарха Фотія на патріаршество изъ мірянъ (какъ прежде Ѳеодоръ призналъ таковымъ же патріаршество Никифора), и притомъ при живомъ патріархѣ. За то самъ игуменъ долженъ былъ оставить свою обитель. Евѳимій также рѣшился перейти съ Олимпа на Аѳонъ, тогда еще не имѣвшій монастырей. Но съ Аѳона онъ вторично ходилъ на Олимпъ, чтобы принять полное постриженіе отъ славившагося тогда на Олимпѣ старца *Ѳеодора*. Съ Олимпа на Аѳонъ онъ возвратился съ инокомъ *Ѳеостириктомъ*, ученикомъ и авторомъ Житія преп. Никиты мидикійскаго. Ѳеостириктъ возвратился на Олимпъ въ свою Мидикійскую обитель, а Евѳимій еще разъ ходилъ на Олимпъ, чтобы взять оттуда старца Ѳеодора. Съ этой поры Евѳимій уже всегда проживалъ то на Аѳонѣ, то въ Солуни, то опять на Аѳонѣ, гдѣ и скончался въ 889 году.

Съ именами Николая, Ѳеодора и Евѳимія мы переходимъ въ то время, когда на Олимпѣ жили св. братья Константинъ и Ме҃ѳодій, и къ концу котораго возникла на Олимпѣ смута изъ-за борьбы по дѣлу патр. Игнатія и Фотія. Мы видѣли, что игуменъ Николай не призналъ Фотія и долженъ былъ оставить Олимпъ, что его примѣру послѣдовалъ и Евѳимій, взявшій оттуда и славнаго старца Ѳеодора. Есть основаніе полагать, что они не одни объявили себя на Олимпѣ за Игнатія и противъ Фотія, что были олимпійцы, пошедшіе далѣе ихъ въ своей непріязни къ Фотію и агитаціи противъ него. О ней даютъ представленіе разсказы Симеона Магистра, извѣстнаго врага Фотія, собранные преимущественно на Олимпѣ, или по крайней мѣрѣ со словъ олимпійскихъ монаховъ. Такъ, по разсказу Симеона, преп. Иларіонъ дал-

матскій, бывшій инокомъ обители *καθαρων* (чистыхъ) въ Виѳиніи, слѣд. недалеко отъ Олимпа, пророчественно сказалъ матери Фотія, не задолго до рожденія его, что она носитъ въ себѣ сатану, облеченнаго въ тѣло [1]). Когда отецъ Фотія Сергій пришелъ съ сыномъ, тогда еще мальчикомъ, на Олимпъ къ Іоанникію великому, чтобы испросить его благословеніе себѣ и сыну, старецъ, въ духѣ прозрѣнія, назвавъ неизвѣстнаго ему дотолѣ мальчика по имени, сказалъ: „Фотій не восхочетъ въ сердцѣ своемъ знать путей Твоихъ, Господи!“—„Что сказалъ ты, святой старецъ?“ спросилъ удивленный отецъ. Святой отвѣчалъ: „предвозвѣщаю тебѣ о томъ, что́ онъ (Фотій) совершитъ“. Тогда Сергій, посыпавъ пепломъ главу, ушелъ съ горы [2]). Эти и тому подобные нелѣпые разсказы показываютъ, что на Олимпѣ, славившемся своими св. отцами, были и дурные монахи, способные на грубые вымыслы и клеветы въ видахъ агитаціи противъ Фотія. Впрочемъ о подобныхъ монахахъ упоминается и въ Житіяхъ св. олимпійцевъ. Напр. въ Житіи Іоанникія упоминается одинъ монахъ, изъ зависти къ Іоанникію, хотѣвшій отравить его, и другой, по той же причинѣ, поджегшій келью Іоанникія, чтобы сжечь и его. Понятно, что

---

[1]) Иларіонъ далматскій извѣстенъ и какъ исповѣдникъ и страдалецъ за св. иконы. Житіе его въ Acta Sanct. Junii T. 1, подъ 6 іюня; подъ этимъ же числомъ о немъ въ Четіи-Минеяхъ и Прологѣ. Предъ разсказомъ о пророчествѣ Иларіона помѣщенъ у Симеона еще разсказъ о зловѣщемъ пророчествѣ св. Михаила, епископа синнадскаго, высказанномъ родителямъ Фотія, когда мать его была еще беременной имъ. Михаилъ былъ епископомъ г. Синнады въ Ликіи, сосѣдней съ Виѳиніею, имѣвшей и свой Олимпъ, былъ извѣстенъ и на Олимпѣ виѳинскомъ. Это былъ просвѣщенный пастырь, исповѣдникъ за св. иконы († 818 г.). Память его 23 мая.

[2]) Послѣ разсказа о пророчествѣ Іоанникія Симеонъ передаетъ еще разсказъ о видѣніи преп. Іоанна Исихаста, инока обители Исихастовъ или Исихіатовъ въ Царьградѣ, записанный, вѣроятно, со словъ тѣхъ игуменовъ Евфимія и Евсифа, утратившихъ при Фотіи игуменство, послѣ бесѣды которыхъ съ Іоанномъ о Фотіи случилось будто бы это видѣніе. Всѣ разсказы Симеона въ Patr. Graec. ed. Migne. T. 109, p. 730—735. Разсказъ этотъ уже приведенъ нами въ настоящемъ сочиненіи на стр. 80—81 въ примѣчаніи.

Фотій долженъ былъ защищать себя отъ подобныхъ монаховъ, какъ защищалъ онъ себя вообще отъ игнатіанъ, которые, тотчасъ по поставленіи Фотія на патріаршество, поспѣшили составить самочинный соборъ въ Царьградѣ въ церкви Ирины и предали его анаѳемѣ. Поэтому надо признать долю правды въ сообщеніи римскаго библіотекаря Анастасія, сдѣланномъ со словъ олимпійцевъ, встрѣчавшихся ему въ Царьградѣ въ бытность его здѣсь на соборѣ 869—870 г. Разсказывая о преслѣдованіи игнатіанъ со стороны Фотія, Анастасій прибавляетъ: alios vero in monte Olympo eremiticam vitam ducentes fugavit (Фотій), eorumque tuguria seu speluncas igni perdiderit [1]). Конечно, Фотій имѣлъ право удалять съ Олимпа, особенно съ олимпійскихъ игуменствъ тѣхъ иноковъ, которые не признавали его, разрывали общеніе съ нимъ, т. е. позволяли себѣ такое дѣло, за которое въ свое время патріархъ св. Никифоръ называлъ отщепенцами даже такихъ лицъ, какъ Ѳеодоръ Студитъ и др. Что касается до сожиганія келій олимпійскихъ отшельниковъ, то это могло быть дѣломъ не столько Фотія, сколько Варды, который, какъ извѣстно, жестоко преслѣдовалъ игнатіанъ, къ великому огорченію о томъ самого Фотія. Затѣмъ, необходимо признать, что далеко не всѣ олимпійцы были противниками Фотія, не всѣ чуждались общенія съ нимъ, подобно тому, какъ и во время патріарховъ Тарасія и Никифора не всѣ игумены и монахи послѣдовали за Платономъ и Ѳеодоромъ, прерывавшими общеніе съ названными патріархами. Были и оставались на Олимпѣ и союзники и почитатели Фотія, какъ были они и въ другихъ мѣстахъ,—и притомъ въ большомъ числѣ, превосходившемъ число игнатіанъ. А на мѣсто противившихся Фотію олимпійцевъ, безъ сомнѣнія, поступили на тамошнія игуменства, въ тамошнія обители другіе. Словомъ Олимпъ не опустѣлъ ни при Фотіи, ни послѣ него, продолжалъ славиться своими монастырями

[1]) Patrol. Lat. edit. Migne. T. 129, p. 13.

и отшельниками и въ ближайшее послѣ Фотія время, хотя съ X в. громкою становится въ этомъ отношеніи и слава Аѳона.

Представленныя здѣсь свѣдѣнія объ Олимпѣ и его св. отцахъ-отшельникахъ за время, граничащее съ временемъ свв. Константина и Меѳодія, даютъ, какъ полагаемъ, достаточныя основанія для слѣдующихъ выводовъ и поясненій въ интересующемъ насъ вопросѣ.

1. Тотъ Олимпъ, на которомъ жили св. братья, былъ именно нашъ малоазійскій или виѳинскій, виѳинско-мизійскій Олимпъ. Только къ нему идетъ выраженіе Житія Меѳодія — *идьже живутъ св. отцы*, — указывающее на тогдашнюю всеобщую извѣстность его, какъ жилища св. отцовъ подвижниковъ. Только онъ славился тогда обиліемъ монастырей, скитовъ, пустынь и пещеръ, обиліемъ именъ св. подвижниковъ, прославленныхъ за свои иноческіе и исповѣдническіе подвиги въ устныхъ и письменныхъ сказаніяхъ и цѣлыхъ Житіяхъ, написанныхъ именно въ вѣкъ Константина и Меѳодія. Ничего подобнаго неизвѣстно объ Олимпѣ ѳессалійскомъ[1]). Слава олимпійскихъ подвижниковъ извѣстна была и въ Солуни, гдѣ начальникъ города и архіепископъ почтительно и участливо приняли прибывшихъ изъ при-олимпійскаго Саккудіона изгнанниковъ и исповѣдниковъ Ѳеодора, Іосифа и др., гдѣ потомъ былъ (до 809 г.) архіепископомъ этотъ Іосифъ, почитатель Олимпа, ходившій туда съ Ѳеодоромъ Студитомъ для духовной бесѣды съ Іоанникіемъ. Слава Олимпа, какъ жилища св. отцовъ, какъ луч-

[1]) Объ Аѳонѣ, слава котораго относится впрочемъ къ позднѣйшему времени, не говоримъ потому, что Житія называютъ мѣстомъ жительства св. братьевъ не Аѳонъ, а Олимпъ. Мы уже замѣтили, что только невѣдѣніе о виѳинскомъ Олимпѣ могло дать мѣсто совершенно произвольной замѣнѣ его Аѳономъ. Прибавимъ кстати, что наши старинные книжники знали о первомъ и умѣли отличать его отъ послѣдняго. Въ Азбуковникѣ XVII в. читаемъ: „Афонская гора: святая гора по-еллински нарекстся аѳонская, а по-русски безсмертная... А стоитъ св. гора въ морѣ къ полудню, отъ Царьграда стоитъ по суху на 12 дней... Алимбовы горы: Олимпъ гора отстоитъ отъ св. горы верстъ 350, въ странѣ Ефесской, а отъ Ефесса отстоитъ 50 верстъ“. Чтенія въ И. Общ. Ист. и Др. росс. 1885 г. Кн. 1, отд. 2. стр. 358.

шаго поприща отшельнической жизни, безъ сомнѣнія, и привлекла сюда Меѳодія, къ которому затѣмъ пришелъ и братъ. По всей вѣроятности, Меѳодій, особенно „полюбившій св. гору", рано возымѣлъ мысль основать здѣсь *свой братній монастырь*, о которомъ говорилъ и въ Римѣ по смерти брата, прося отдать ему почившаго, чтобы потомъ похоронить его въ братнемъ монастырѣ, согласно завѣщанію матери. На Олимпѣ были такіе братніе или фамильные монастыри, каковы напр. Саккудіонъ и Авгаровъ. Но основать такой монастырь можно было не сразу, и св. братья жили въ какомъ-либо изъ готовыхъ монастырей или скитовъ.

2. Оба Житія ихъ говорятъ, что живя на Олимпѣ, они, подвизаясь въ молитвѣ, богомысліи, еще и *книгамъ прилежали, книгами бесѣдовали съ Богомъ*. Это и возможно было именно на Олимпѣ виѳинскомъ. Здѣсь были такіе богатые книгами монастыри, какъ монастырь Символовъ, прославившійся этимъ на весь иноческій міръ Византіи, по замѣчанію Ѳеодора Студита. Не въ этомъ ли монастырѣ или скитѣ одной изъ прекрасныхъ пустынныхъ мѣстностей Олимпа жили св. братья? Во всякомъ случаѣ о монастыряхъ съ книжными собраніями, съ иноками любителями книгъ, на Олимпѣ ѳессалійскомъ, ни даже на Аѳонѣ—ничего неизвѣстно за данное время.

3. Упоминаемый въ житіи Меѳодія *Полихроніевъ* монастырь, единственный этого имени монастырь, извѣстный въ исторіи, есть одинъ изъ трехъ монастырей сосѣдней съ Олимпомъ Сигріаны, прославленныхъ жизнію въ нихъ Ѳеофана сигріанскаго. Естественно, что этотъ монастырь сталъ извѣстенъ и привлекателенъ для Меѳодія, какъ жившаго на Олимпѣ, откуда онъ могъ и ходить съ братомъ въ этотъ монастырь, какъ ходилъ туда Іоанникій великій, почитатель памяти Ѳеофана. Книжныя богатства этого монастыря, собранныя Ѳеофаномъ, могли служить другимъ побужденіемъ для св. братьевъ посѣщать его монастырь. Въ Житіи Меѳодія не безъ значенія сдѣлана оговорка о Поли-

хроніевомъ монастырѣ, что онъ получаетъ доходу 24 спудъ золота и въ немъ болѣе 70 иноковъ. Изъ Житія Ѳеофана знаемъ, что онъ богато обезпечилъ этотъ монастырь, пожертвовавъ ему значительную часть имущества, доставшагося отъ отца, стратега Эгейскихъ острововъ. Здѣсь объясненіе богатыхъ доходовъ монастыря. Здѣсь же одно изъ цѣлаго ряда доказательствъ достовѣрности „Житій“ св. братьевъ даже въ такихъ подробностяхъ второстепеннаго свойства, какъ обозначеніе доходовъ монастыря. Объ игуменствѣ Меѳодія въ Полихроніевомъ монастырѣ присовокупимъ замѣтку нѣсколько ниже, а теперь возвратимся еще ко времени совмѣстной жизни св. братьевъ на Олимпѣ.

4. Эта жизнь падаетъ на послѣдніе годы патріаршества Игнатія и первые—Фотія. Св. братьямъ пришлось быть свидѣтелями борьбы, которая началась между сторонами Игнатія и Фотія и отозвалась смутами и на Олимпѣ. Какой стороны они держались, какъ вообще относились къ этой смутѣ? Намъ извѣстно свидѣтельство Анастасія библіотекаря о томъ, что Константинъ обличалъ Фотія за ученіе о душѣ и непріязнь къ Игнатію. Было также замѣчено, что нѣтъ повода отрицать долю правды въ этомъ свидѣтельствѣ, что Константинъ, по праву друга, могъ обличать Фотія, за неосторожность въ какихъ-либо словахъ или дѣйствіяхъ. Теперь присовокупимъ, что онъ могъ это дѣлать и по примѣру бывшихъ до него славныхъ олимпійцевъ Платона, Ѳеодора, Іосифа солунскаго, которые обличали такихъ патріарховъ, какъ свв. Тарасій и Никифоръ и даже прерывали общеніе съ ними, причемъ Ѳеодоръ ссылался на ученіе св. отцовъ, что и простой священникъ, инокъ можетъ обличать архіерея, игумена, когда усматриваетъ въ его дѣйствіяхъ что-нибудь несообразное съ правилами вѣры и церкви. Не могли св. братья быть безучастны и къ такому явленію, что изъ-за Фотія оставляютъ Олимпъ почтенные иноки, какъ игуменъ писсадинонскій Николай и Евѳимій, его ученикъ. Но мы знаемъ также, что Платонъ и Ѳеодоръ потомъ

помирились съ Тарасіемъ и Никифоромъ, что въ то же время были на Олимпѣ и подлѣ него отшельники Іоанникій, Никита, Ѳеофанъ и др., которые совсѣмъ не порывали общенія съ патріархами, знали свой духовный подвигъ и держали себя выше смутъ времени. То или другое, то и другое вмѣстѣ совершенно необходимо признать и относительно св. братьевъ въ дѣлѣ Фотія и Игнатія. А если вспомнимъ, что въ этомъ дѣлѣ на сторонѣ перваго были вообще болѣе просвѣщенные епископы и иноки, что игнатіане своею слишкомъ поспѣшною и самочинною анаѳемою на Фотія, своими грубыми вымыслами о Фотіи, образцы которыхъ мы видѣли у Симеона, должны были ронять свое дѣло въ глазахъ такихъ свѣтлыхъ личностей, какъ св. братья, что наконецъ Фотій торжественно на соборѣ оправдывался въ своей невинности относительно Игнатія, объяснился и предъ Константиномъ; то еще настоятельнѣе станетъ для насъ выводъ, что Константинъ дружески обличивъ и предостерегши Фотія, остался въ мирѣ съ нимъ, а съ Константиномъ—и Меѳодій, что оба они съумѣли удержать себя на высотѣ отъ смутъ времени. Этотъ выводъ, даваемый рядомъ соображеній, имѣетъ положительную основу: такъ какъ въ свое время Платонъ, Ѳеодоръ и др., порицавшіе царей времени Тарасія и Никифора и ихъ самихъ, остались не у дѣлъ, были даже сосланы и заточены, Константинъ и Меѳодій призваны были изъ Олимпа на дѣло хазарской миссіи и приняли это дѣло, безъ сомнѣнія, изъ рукъ не гражданскаго только правительства, но и патріарха Фотія. А по возвращеніи изъ миссіи Константинъ остается жить при патріаршей церкви св. Апостоловъ, Меѳодій принимаетъ отъ Фотія игуменство въ Полихроніевомъ монастырѣ. Можно полагать, что игуменство въ этомъ монастырѣ хорошо устроенномъ и богато обезпеченномъ Ѳеофаномъ, бывшимъ сыномъ стратега Эгейскихъ острововъ, дано Меѳодію въ воздаяніе за миссіонерскій подвигъ, совершонный съ братомъ, и во вниманіе къ бывшему положенію его, какъ сына

друнгарія подъ солунскимъ стратегомъ, управлявшаго и славянскимъ княженіемъ, и еще болѣе потому, что Полихроніевъ монастырь былъ непричастенъ олимпійскимъ смутамъ изъ-за дѣла Фотія, по памяти о Ѳеофанѣ, который былъ другомъ патріарха Тарасія, дяди Фотія, и оставался имъ тогда, когда Платонъ и Ѳеодоръ разошлись съ нимъ. Назначеніемъ Меѳодія въ Полихроніевъ монастырь Фотій могъ желать усилить рядъ своихъ союзниковъ въ предѣлахъ Олимпа, очищаемаго отъ его недруговъ. Ставъ игуменомъ, Меѳодій не былъ однакоже облеченъ священнымъ саномъ, оставаясь простымъ инокомъ. Это обстоятельство имѣетъ аналогическіе прецеденты на Олимпѣ, гдѣ Платонъ былъ игуменомъ въ Символахъ и въ Саккудіонѣ безъ священнаго сана, а Іоанникій великій оставался простымъ инокомъ и тогда, когда былъ аввою своего монастыря на олимпійскомъ Антидіѣ.

5. На Олимпѣ оба св. братья прожили совмѣстно нѣсколько лѣтъ. Имѣла ли эта жизнь значеніе въ подготовленіи ихъ къ тому подвигу, который сталъ ихъ жизненнымъ призваніемъ, — къ подвигу учительскому, миссіонерскому? Необходимо признать это. Жизнь на Олимпѣ, славномъ своими преданіями, восходившими къ временамъ мученичества и первобытнаго отшельничества, съ цѣлымъ сонмомъ св. отцовъ подвижниковъ, съ ихъ подвигами молитвы, самоотреченія, исповѣдничества, способна была возвышать и укрѣплять воспріимчивый духъ и для подвиговъ служенія церкви. Великіе учители и святители Василій в. и Григорій Богословъ подвигами пустынножительства воспитывали себя для подвиговъ служенія церкви. Но кромѣ такого общаго значенія олимпійской жизни св. братьевъ въ цѣломъ теченіи ихъ жизненнаго подвига, необходимо предположить болѣе особенное значеніе ея, въ смыслѣ подготовленія св. братьевъ къ этому подвигу, какъ онъ сказался въ послѣдующей жизни ихъ, въ ихъ народоучительной дѣятельности. Такое значеніе олимпійскаго пе-

ріода жизни св. братьевъ слагалось подъ преобладающимъ вліяніемъ Константина. Меѳодій, оставивъ славянское княженіе для Олимпа, по всей вѣроятности, думалъ и остаться здѣсь отшельникомъ, чтобы устроить съ братомъ свой монастырь на св. горѣ, о которой думалъ и потомъ, но отложилъ думу о ней подъ вліяніемъ брата, напомнившаго ему о главномъ дѣлѣ ихъ. И въ хазарскую миссію онъ отправился собственно, какъ спутникъ и помощникъ брата, которому „служилъ, яко рабъ, повинуяся ему“. Константинъ пришелъ на Олимпъ, какъ христіанинъ философъ, пришелъ послѣ того, какъ былъ профессоромъ, библіотекаремъ, миссіонеромъ къ сарацинамъ. Братъ его принялъ иноческій постригъ тотчасъ по прибытіи на Олимпъ, а Константинъ совсѣмъ не принималъ его, остался просто священникомъ, т. е. съ званіемъ, довлѣвшимъ для учительскаго, миссіонерскаго служенія. Словомъ онъ пришелъ на Олимпъ съ ясно опредѣлившимся чувствомъ призванія къ этому служенію. Безъ сомнѣнія, оно не угасало въ немъ, оно жило въ немъ и на Олимпѣ. А живя въ немъ, оно требовало пищи, удовлетворенія и необходимо опредѣляло преобладающія духовныя упражненія Константина. Мы придаемъ весьма важное значеніе сообщеніямъ обоихъ Житій св. братьевъ, что однимъ изъ главныхъ духовныхъ упражненій ихъ на Олимпѣ было *чтеніе книгъ*. О Константинѣ это говорится, такъ сказать, съ удареніемъ: „*токмо* книгами бесѣдуя“. Меѳодій, какъ инокъ, исполнялъ свой иноческій чинъ, иноческія послушанія, но прилежалъ и книгамъ, безъ сомнѣнія увлекаемый къ сему братомъ, какъ преимущественно философомъ, ученымъ, книголюбцемъ. Это чтеніе книгъ, богатыя собранія которыхъ имѣлись въ нѣкоторыхъ монастыряхъ Олимпа, и продолжало уяснять и опредѣлять въ Константинѣ принесенное имъ на Олимпъ чувство сво го призванія, какъ призванія учительскаго, просвѣтительнаго, миссіонерскаго. Книги священныя давали ему образъ учительства

въ апостолахъ, учителяхъ народовъ, книги отеческія, житійныя, бытописательныя—въ отцахъ древней церкви. Здѣсь можно было встрѣтиться и съ такими примѣрами, какъ учительство съ помощію проповѣди и богослуженія на народномъ языкѣ. Знаменитѣйшій учитель церкви Златоустъ посылалъ миссіонеровъ къ готамъ и скиѳамъ, далъ готамъ въ самомъ Царьградѣ церковь, гдѣ говорилась проповѣдь и совершалось богослуженіе на готскомъ языкѣ. Св. Никита ремессіанскій проповѣдывалъ и совершалъ молитвы для ѳракійскаго племени бессовъ на ихъ языкѣ. Св. Савва освященный въ своемъ монастырѣ открылъ богослуженіе для грековъ, армянъ, грузинъ, по другимъ припискамъ въ Житіи его, еще и для бессовъ и будто бы даже для готовъ и славянъ на ихъ языкѣ[1]). Невозможно представить, чтобы подобные выдающіеся факты изъ прошлой жизни церкви остались неизвѣстными Константину, начитанному въ книгахъ. Знакомство съ такими явленіями изъ прошлой жизни церкви, не чуждое быть можетъ и другимъ книжнымъ людямъ, но безплодное въ нихъ,

---

[1]) Фактъ и пріемы просвѣтительной дѣятельности св. Златоуста были очень извѣстны по его Житію, проповѣдямъ, письмамъ и Церк. Исторіи Сократа. Кстати замѣтить, что по свидѣтельству Сократа (Церк. исторіи его, кн. VI, гл. 5 и 6) готы жили и во Фригіи, сосѣдней съ Олимпомъ, въ видѣ военныхъ дружинъ съ своими начальниками, людьми очень вліятельными. Они имѣли здѣсь и епископовъ, изъ которыхъ Сократъ называетъ Селина, который, происходя отъ отца гота и матери фригіанки, *училъ* въ своей церкви съ равною легкостію на обоихъ языкахъ готскомъ и фригійскомъ, будучи впрочемъ аріанином. Остатки церковнаго употребленія готскаго языка не сохранялись ли среди готовъ, т. е. потомковъ древнихъ готовъ, и теперь въ предѣлахъ Опсикійской темы, гдѣ, по Константину Порфирогенету, жили **какіе**-то дако-готы или готоинны? Бессы, какъ народъ ѳракійско-мизійскаго племени, были сродни и малоазійскимъ мизамъ Опсикійской темы, пришедшимъ сюда, по Константину Порфирогенету, изъ Мизіи европейской. Позже ихъ отождествляли съ готами. О Саввѣ освященномъ въ греческомъ Житіи говорится только, что онъ устроилъ богослуженіе на народныхъ языкахъ для грековъ, армянъ и грузинъ; но въ нашей Четіи-Минеѣ прибавляются сюда и бессы, а въ Прологѣ—еще готы и славяне, слушавшіе богослуженіе на одномъ, понятномъ тѣмъ и другимъ, языкѣ. Любопытно бы знать, откуда такая прибавка? Не есть ли она плодъ убѣжденія или какого-либо позднѣйшаго преданія, что было время и мѣсто, гдѣ готы и славяне имѣли одно богослуженіе?

не осталось такимъ въ Константинѣ, человѣкѣ исключительныхъ дарованій, наклонномъ къ языковѣдѣнію и проникнутомъ чувствомъ миссіонерскаго призванія. Въ чувствѣ этого призванія онъ возвысился теперь до мысли объ учительствѣ по образу св. апостоловъ и отцовъ, въ частности— объ учительствѣ съ помощію проповѣди и богослуженія на народномъ языкѣ. Къ тому, что сказали мы по этому предмету въ самомъ сочиненіи, здѣсь присовокупимъ слѣдующее: мысль о христіанскомъ народоучительствѣ могла опредѣлиться въ Константинѣ, уже совершившемъ сарацинскую миссію, еще и подъ вліяніемъ мысли о необходимости защищать христіанство отъ политической и религіозной пропаганды агарянскаго ислама. Этотъ врагъ греко-христіанскаго царства хорошо знакомъ былъ въ предѣлахъ Олимпа, гдѣ Платонъ и Ѳеодоръ должны были бѣжать изъ Саккудіона, угрожаемаго набѣгами арабовъ, откуда Іоанникій великій ходилъ къ сарацинамъ избавлять плѣнныхъ, тогда какъ Михаилъ епископъ сосѣдней Синнады съ однимъ инокомъ ходилъ туда же для переговоровъ о мирѣ. Константинъ, совершившій особенную миссію къ сарацинамъ, лучше всѣхъ зналъ опасность этого врага имперіи и христіанства. Этотъ врагъ опасенъ былъ тѣмъ еще, что сманивалъ къ себѣ и въ свою вѣру инородческія населенія имперіи; разительные примѣры этого были и въ предѣлахъ Опсикійской темы въ сосѣдствѣ съ Олимпомъ, а именно надъ поселенными здѣсь славянами. По разсказу Ѳеофана сигріанскаго, въ 664 году 5000 славянъ, поселенныхъ въ Опсикійской темѣ, предались на сторону арабовъ. Послѣ новаго поселенія здѣсь славянъ въ 687 г. въ числѣ 30.000, вновь въ 691 г. перешло на сторону арабовъ до 20.000. Славянскія поселенія являлись и потомъ въ Опсикійской темѣ въ Виѳиніи и продолжалась опасность перехода ихъ на сторону арабовъ[1]). Исламъ грозилъ такою опас-

[1]) О славянахъ въ Малой Азіи—подробнѣе у г. Ламанскаго въ изслѣдованіи подъ этимъ заглавіемъ.

ностію славянскимъ населеніямъ имперіи и на югѣ Ѳессаліи. И ревность христіанскаго учителя и интересъ христіанскаго царства способенъ былъ настраивать Константина къ мысли спасти для христіанства и христіанскаго царства обильное въ немъ славянское населеніе. Независимо отъ сего эта мысль возбуждалась наблюденіями надъ начатками христіанства у славянъ, принесенными Меѳодіемъ на Олимпъ изъ его славянскаго княженія, а Константину памятными по юнымъ годамъ и по жизни въ Византіи, гдѣ также живали славяне. Знаніе славянскаго языка, какъ почти роднаго, наводило св. братьевъ на мысль сдѣлать для славянъ то, что въ древнія времена дѣлалось для армянъ, грузинъ, готовъ, бессовъ, т. е. просвѣщать славянъ съ помощію проповѣди и богослуженія на ихъ языкѣ. Хазарская миссія, совершонная св. братьями послѣ нѣсколько-лѣтней жизни на Олимпѣ, еще болѣе опредѣлила для Константина его призваніе къ подвигу просвѣщенія славянъ,—именно этимъ способомъ. Въ мысли объ этомъ подвигѣ, Константинъ, кромѣ брата, главнаго своего споспѣшника, имѣлъ, какъ извѣстно, и другихъ „споспѣшниковъ“. Едва ли эти споспѣшники не были изъ прежнихъ сожителей, сомолитвенниковъ и книжныхъ собесѣдниковъ его на Олимпѣ, избраннѣйшіе изъ которыхъ могли и сопутствовать св. братьямъ въ Моравію. То по крайней мѣрѣ извѣстно, что духъ миссіонерскаго учительства, невидный до Константина и Меѳодія на Олимпѣ, гдѣ св. отцы упражнялись по преимуществу въ подвигахъ иночества и исповѣдничества въ тяжкій вѣкъ иконоборчества, теперь, вновѣ насажденный св. братьями, продолжалъ заявлять себя и послѣ нихъ. Миссіонеры съ Олимпа направлялись въ тѣ окраины, куда ходили и св. братья. Патріархъ Николай Мистикъ (895—930) писалъ болгарскому князю Симеону: начальникъ подвизающихся на Олимпѣ силою св. Духа посѣялъ слово вѣры между аланами и удостоился отъ Бога совершить дѣла, достойныя апостоловъ[1]). Въ Болгаріи видимъ епископовъ изъ

[1]) Patr. Graec. edit. Migne. T. 130 p. 78.

бывшихъ подвижниковъ Олимпа, каковъ напримѣръ Іоаннъ Лампенъ (1060—1078), сподвижникъ бывшаго олимпійца Іоанна Ксифилина, константинопольскаго патріарха (1064—1075 г.).

6. Наконецъ знакомство съ Житіями олимпійскихъ подвижниковъ даетъ намъ поводъ подкрѣпить нашъ взглядъ на „Житія“ св. братьевъ, проводимый въ цѣломъ нашемъ сочиненіи. Съ глубокимъ убѣжденіемъ въ *полной исторической достовѣрности Житій во всемъ фактическомъ содержаніи ихъ*, мы соединяемъ убѣжденіе, что Житія писаны каждое *скоро послѣ кончины* одного и другого изъ св. братьевъ. Въ числѣ доказательствъ болѣе поздняго происхожденія, вообще слабыхъ и неопредѣленныхъ, ставится и то, что Житія эти писаны уже тогда, когда память св. братьевъ чтилась, какъ святыхъ, когда образъ ихъ созерцался на довольно значительномъ отдаленіи, съ чертами легендарнаго свойства и т. под. Но о всѣхъ знаменитѣйшихъ подвижникахъ Олимпа, каковы Платонъ, Ѳеодоръ Студитъ, Іоанникій, Никита, Ѳеофанъ, Евфимій, знаемъ, что Житія ихъ писаны скоро послѣ ихъ кончины ихъ учениками, сподвижниками, друзьями. То же знаемъ и о многихъ другихъ подвижникахъ. Почему бы явилось исключеніе только для свв. Константина и Меѳодія? Въ ихъ дружинѣ и были именно такіе книжные люди, которые способны были сейчасъ же сложить ихъ Житія. А необычайность ихъ подвига и служенія развѣ не вызывала на такой трудъ ихъ почитателей, и тѣмъ болѣе, что этимъ трудомъ, т. е. описаніемъ жизни и служенія св. братьевъ, требовалось дать назиданіе и утѣшеніе ученикамъ св. братьевъ, оправдать и защитить ихъ дѣло, подвергавшееся нападкамъ при ихъ жизни и послѣ кончины? Вмѣстѣ съ г. Голубинскимъ полагаемъ, что Житіе Константина написано еще *при жизни Меѳодія* и подъ его руководствомъ. Только съ живого разсказа Меѳодія о своемъ братѣ и съ памяти писавшаго при немъ „споспѣшника“ св. братьевъ могли быть записаны такія подробности, какъ черты изъ отрочества Константина, какъ

завѣщаніе матери, какъ подробности разнообразныхъ преній Константина, его кончины и похоронъ въ Римѣ. Меѳодіево Житіе написано тоже вскорѣ послѣ кончины его однимъ изъ учениковъ его, видѣвшимъ труды, страданія, кончину и похороны учители. Не иначе, какъ со словъ Меѳодія, этотъ ученикъ его говоритъ въ Житіи о послушныхъ отношеніяхъ старшаго Меѳодія къ меньшему брату. Житіе писано по смерти Святополка, но смерти еще недавней, потому авторъ говоритъ о немъ не такъ, какъ авторъ Житія Климента, а сдержанно, съ умолчаніями, находя нужнымъ и приличнымъ щадить память князя. Оно писано при сынѣ его Моймирѣ, до разрушенія моравской державы уграми, о которомъ не упоминаетъ, и обличаетъ въ авторѣ надежду на продолженіе этой державы, если моравляне останутся вѣрными завѣту Меѳодія, при которомъ моравская держава процвѣтала. Оно писано въ тотъ моментъ, когда Моймиръ былъ въ союзѣ съ уграми противъ нѣмцевъ и задумывалъ, при помощи Рима, возстановить славянскую іерархію въ Моравіи, писано, въ частности, съ мыслію оправдать этотъ союзъ и защитить мысль о моравской іерархіи. Писатель его былъ не изъ моравлянъ, о которыхъ говоритъ: „сами повѣдаютъ присно“. Но онъ былъ изъ славянъ, вообще изъ славянскаго племени, къ которому не разъ причисляетъ себя, къ которому вообще высказываетъ нѣжное чувство любящаго соплеменника, собрата. Намъ представляется, что онъ былъ изъ *солунскихъ или византійскихъ славянъ*, что онъ былъ сожителемъ св. братьевъ на Олимпѣ, былъ въ той „дружинѣ“ спутниковъ ихъ, какую видимъ на пути ихъ въ хазарскую миссію, что затѣмъ онъ жилъ съ Меѳодіемъ въ Полихроніевомъ монастырѣ, о которомъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности, что далѣе затѣмъ онъ былъ въ числѣ тѣхъ „споспѣшниковъ“ св. братьевъ въ Византіи въ подвигѣ перевода св. книгъ предъ отправленіемъ въ моравскую миссію, о которыхъ говорится въ обоихъ Житіяхъ ихъ, и особенно знаменательно въ житіи Меѳодія, что наконецъ онъ съ нѣкоторыми изъ

другихъ сподспѣшниковъ отправился съ св. братьями въ Моравію и здѣсь оставался сподспѣшникомъ ихъ до кончины ихъ обоихъ и послѣ до послѣдняго разсѣянія учениковъ Меѳодія. Съ вѣроятностію можно полагать, что авторъ Житія Меѳодія былъ прежде и авторомъ Житія Константина. Съ большею увѣренностію можно утверждать, что Житія писаны не на греческомъ, а на славянскомъ языкѣ. Этотъ языкъ, тождественный во всѣхъ давнѣйшихъ спискахъ Житій, есть языкъ не западныхъ славянъ, а южныхъ, византійскихъ, солунскихъ, установившійся потомъ въ языкѣ славянъ болгарскихъ. Онъ обличаетъ въ авторѣ знакомство и съ греческимъ языкомъ, привычку къ греческой фразеологіи. Такой языкъ и былъ свойственъ славянину „сподспѣшнику“ св. братьевъ, прибывшему съ ними въ Моравію, ознакомившемуся съ греческимъ языкомъ еще на родинѣ, и, всего вѣроятнѣе, на солунской родинѣ, ибо и Меѳодія онъ зналъ, надо полагать, еще по Солуни, такъ что зналъ, что Меѳодія въ свое время любили солунскіе греки [1]). Думаемъ, что предположеніе объ авторѣ Житій, какъ южномъ, и всего вѣроятнѣе, солунскомъ славянинѣ, знавшемъ св. братьевъ издавна, бывшемъ ихъ сподвижникомъ и сподспѣшникомъ задолго до моравской миссіи, можетъ быть подкрѣплено еще нѣкоторыми соображеніями. Тѣмъ не менѣе мы ставимъ его только какъ предположеніе. Важнѣе то, что есть уже не предположеніе, а въ нашемъ убѣжденіи несомнѣнная истина:—это то, что каждое изъ Житій писано тѣмъ, кто былъ современникомъ, ученикомъ и сподвижникомъ св. братьевъ.

---

[1]) Въ извѣстномъ выраженіи Житія Меѳодія и *грьци любяще* и (его—Меѳодія), нѣкоторые хотятъ держаться варіанта и *пърци*. Но въ большинствѣ списковъ стоитъ не *пръци*, а *грьци*. Замѣтимъ кстати, что выраженіе „греки любили Меѳодія“ не значитъ, что авторъ считаетъ Меѳодія не грекомъ (что онъ считаетъ его грекомъ—это видно изъ слѣдующихъ затѣмъ словъ его), а означаетъ то, что самъ авторъ сознаетъ себя не грекомъ, а славяниномъ. Еще: что Меѳодія любили греки въ Солуни,—это безъ сомнѣнія зналъ *самъ* авторъ и говоритъ *со своей памяти*, а не со словъ Меѳодія, въ которомъ нельзя предполагать подобнаго самовосхваленія.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

Къ стр. 52, примѣч. 2. *О времени хазарской миссіи.* Точнымъ указаніемъ на это время можетъ считаться только то, которое стоитъ въ надписаніи „Слова о перенесеніи мощей св. Климента“ и по которому это событіе происходило 30 января 861 г. Основанія, по которымъ большинство изслѣдователей, со времени Шафарика, относитъ эту миссію къ 858 г., не довольно ясны. Въ виду перваго точнаго указанія, мнѣніе о 858 годѣ можетъ быть понимаемо не иначе, какъ въ томъ смыслѣ, что въ 858 году имѣли мѣсто *только прибытіе хазарскаго посольства въ Царьградъ* и затѣмъ *вызовъ Константина съ Олимпа* для назначенія въ миссію, къ которому тогда же или спустя недолго прибылъ съ Олимпа и Меѳодій, чтобы итти съ братомъ въ миссію. Затѣмъ самое снаряженіе въ миссію, требовавшее нѣкоторыхъ приготовленій, сборовъ, могло состояться даже въ 859 г., если предшествующія событія происходили къ концу 858 г. Понимаемое въ такомъ смыслѣ, мнѣніе о 858 г. находитъ подкрѣпленіе въ фактѣ присутствія Константина въ Царьградѣ въ *началѣ* патріаршества Фотія (началось оно въ самомъ концѣ 857 года—25 дек.), т. е. въ первомъ или второмъ году его, въ тотъ разгаръ борьбы съ нимъ игнатіянъ и его съ ними, когда и могли имѣть мѣсто извѣстныя намъ дружеско-обличительныя замѣчанія Константина Фотію, между прочимъ, за его непріязнь къ Игнатію, въ какой преувеличенно завиняли игнатіане Фотія предъ Константиномъ. (Обстоятельство это изъяснено нами въ своемъ мѣстѣ). Итакъ, если Константинъ, послѣ должныхъ приготовленій, *отправился* изъ Царьграда въ хазарскую миссію въ 858 или 859 г., то въ Корсуни, гдѣ онъ остановился на пути въ эту миссію,

пробылъ онъ не менѣе 2-хъ или даже болѣе 2-хъ лѣтъ, откуда пошелъ далѣе только послѣ 30 января 861 г., когда совершилъ открытіе и перенесеніе мощей св. Климента. Предположеніемъ о такомъ продолжительномъ пребываніи Константина въ Корсуни объяснилось бы то, что говоритъ Житіе о его занятіяхъ въ Корсуни до перенесенія мощей св. Климента, которое было *послѣднимъ* дѣйствіемъ его здѣсь предъ отбытіемъ далѣе по пути къ хазарамъ. Въ это время онъ изучилъ еврейскій языкъ и еврейскія книги, самарянское нарѣчіе и самарянскія книги, изучилъ русскій языкъ, какъ языкъ русскаго евангелія, найденнаго у русскаго человѣка, т. е. евангелія готскаго. Въ это же время онъ развѣдывалъ о мощахъ св. Климента, какое развѣдываніе продолжалось немалое время, какъ даетъ понять „слово о перенесеніи“, и затѣмъ нѣкоторое время ушло на приготовленія къ торжеству открытія и перенесенія мощей. Затѣмъ еще къ объясненію продолжительной остановки Константина въ Корсуни можетъ служить извѣстіе Житія о томъ, что онъ ходилъ къ хазарскому воеводѣ, пришедшему съ войскомъ и хотѣвшему осадить хр. городъ (т. е. Херсонъ или другой близкій къ нему), и отговорилъ его отъ этого намѣренія; этимъ воеводой былъ, конечно, хазарскій воевода или владѣтель азовскаго Босфора. Загадочное обстоятельство это все же даетъ представленіе, что въ періодъ времени между хазарскимъ посольствомъ въ Царьградъ и появленіемъ не вдали отъ Корсуни хазаро-босфорскаго воеводы, произошло какое-то нарушеніе дружественныхъ отношеній босфорскихъ хазаръ къ греческимъ городамъ Тавриды, которое также могло вызывать остановку Константина въ Корсуни, задерживать выполненіе дѣла миссіи до возстановленія этихъ отношеній, достигнутаго личнымъ вліяніемъ Константина.

Къ стр. 105. *Годъ изобрѣтенія славянскихъ письменъ и перевода священныхъ книгъ Константиномъ по свидѣтельству Храбра.* По Храбру это былъ 6363 годъ отъ С. М. Необходимо оставить всякія попытки опредѣлять этотъ годъ чрезъ вычетъ годовъ отъ сотворенія міра до Р. Хр. по византійскому счету—5508, а опредѣлять его по александрійскому счету этихъ годовъ—5500, т. е. понимать, что Храбръ показываетъ не

855, а 863 годъ. Какъ извѣстно, Храбръ самъ даетъ прямое основаніе такъ именно понимать его 6363 годъ, когда прибавляетъ, что изобрѣтеніе письменъ совершилось при такихъ-то государяхъ, и въ томъ числѣ „при Коцелѣ, князѣ блатенскомъ“ въ Панноніи, какимъ могъ стать Коцелъ только по смерти своего отца Привины († 861 г.). А то, что Храбръ держался александрійскаго счета, объясняется тѣмъ, что этого же счета держались въ своихъ хроникахъ Ѳеофанъ сигріанскій († 818) и Никифоръ патр. константинопольскій († 818 г.). Какъ это были лица очень извѣстныя, авторитетныя и святыя, то и хронографическіе труды ихъ были также очень извѣстны и уважаемы, не только на Востокѣ, но и Западѣ, которому они усвоены еще въ вѣкъ св. братьевъ Анастасіемъ, римскимъ библіотекаремъ. Византійскій счетъ удерживался и сталъ преобладать, но во время Храбра, жившаго тогда, когда еще живы были видѣвшіе св. братьевъ, еще были послѣдователи александрійскаго счета, къ которымъ, необходимо думать, принадлежалъ и Храбръ.

Къ стр. 163. Азбучная молитва или стихотвореніе съ акростихомъ въ порядкѣ азбуки—въ лучше возстановленномъ и исправленномъ текстѣ помѣщено въ замѣткѣ г. Соболевскаго въ „Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ“. (Варшава. 1884 г. № 4, стр. 313—315) подъ заглавіемъ: *стихотвореніе Константина Болгарскаго.* Этотъ Константинъ, пресвитеръ болгарскій, ученикъ св. Константина первоучителя, подражавшій, какъ самъ говоритъ, своему учителю въ просвѣтительной и книжной дѣятельности, могъ, предположили мы, подражать ему и въ этомъ стихотворномъ трудѣ. Замѣтимъ, что и среди воспитавшихся на Олимпѣ подвижниковъ процвѣтало духовное стихотворство, такъ видимъ на примѣрахъ Ѳеодора Студита и его брата Іосифа солунскаго. Въ рѣчи о предполагаемыхъ твореніяхъ св. Константина первоучителя, мы опустили упомянуть о томъ сказаніи его объ обрѣтеніи мощей св. Климента въ Корсуни, о которомъ упоминается въ Житіи Константина въ словахъ: яко же *пишетъ* въ обрѣтеніи его (Климента). Выраженіе *пишетъ* (а не пишется) слѣдуетъ разумѣть такъ, что здѣсь говорится не о чужомъ описаніи, какимъ было напр. слово позднѣйшаго

корсунянина объ этомъ предметѣ, а о собственномъ писаніи Константина. Онъ записалъ обстоятельства открытія и перенесенія мощей св. Климента, также какъ потомъ записалъ пренія съ хазарами. По важности такого событія, какъ открытіе мощей, запись о немъ требовалась для представленія въ Царьградѣ гражданской и церковной власти. Возможно, что нѣкоторыя черты изъ этой записи внесены въ извѣстную итальянскую легенду.

Къ стр. 394. Къ свидѣтельствамъ о еврейской торговлѣ рабами и плѣнными присоединяется еще слѣдующее, выражаемое однимъ изъ постановленій съѣзда баварскихъ представителей въ Раффельштетенѣ 904 года: Mercatores, id est *Judaei* et ceteri mercatores, undecunque venerint de ista patria vel de aliis patriis (выше говорилось и о Моравіи), justum theloneum solvant tam *de manicipiis*, quam de aliis rebus sicut semper in prioribus regum fuit. Pertz, Leges, T. III. p. 484.

Къ стр. 5. Іосифъ, солунскій архіепископъ, братъ Ѳеодора Студита низложенъ съ каѳедры въ 809 г. не иконоборцами, а по волѣ императора Никифора Геника—за то, что вмѣстѣ съ Ѳеодоромъ, Платономъ и многими другими выступилъ съ протестомъ по извѣстному дѣлу эконома великой церкви Іосифа, о чемъ подробнѣе въ приложеніи о Платонѣ и Ѳеодорѣ Студитѣ. Не извѣстный по имени преемникъ Іосифа на Солунской архіепископіи отличался большими жестокостями противъ сторонниковъ Іосифа и Ѳеодора въ Солуни, о чемъ не разъ упоминается въ письмахъ Ѳеодора Студита. Былъ ли этотъ жестокій архіепископъ въ свою очередь низложенъ, когда, по смерти Геника, въ 811 г. воцарился благочестивый Михаилъ Рангаве, и былъ ли возвращенъ Іосифъ на Солунскую каѳедру?—остается неизвѣстнымъ. Лекень въ своемъ „Oriens Christianum“ принимаетъ вторичное архіепископство Іосифа въ Солуни. Если оно и было, то должно было прекратиться съ 815 г., когда возобновились иконоборческія гоненія при Львѣ Арманинѣ.

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:					Должно читать:
Страница 2	строка	10	снизу:	Кирилла	Меѳодія
— 54	—	3	сверху	укрѣпилъ	успѣлъ
— 55	—	1	—	какого	нагого
— 79	—	14	—	проповѣдяхъ	проповѣдямъ
— 283	—	8	снизу	Изъ Царьграда въ Римъ	Изъ Царьграда въ Моравію
— 397	—	1	—	при царѣ Соломонѣ	царѣ Симеонѣ.
— 411	—	16	—	онъ подпверждаетъ	оно подтверждаетъ.

Цѣна 2 рубля.